

# Древний город Дагестана

М. С. ГАДЖИЕВ



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

М.С.ГАДЖИЕВ

# Древний город Дагестана

Опыт историко-топографического  
и социально-экономического анализа



МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА

«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

2002

Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН



[instituteofhistory.ru](http://instituteofhistory.ru)

УДК 94(47)  
ББК 63.3(2)2+63.3(2)4  
Г13

Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)  
согласно проекту № 00-01-16018

Редактор издательства  
*Г.О.Ковтунович*

**Гаджиев М.С.**

Г13 Древний город Дагестана : Опыт историко-топографического и соци-  
ально-экономического анализа / М.С. Гаджиев. — М. : Вост. лит., 2002. —  
320 с. · ил. — ISBN 5-02-018204-4 (в пер.), 500 экз.

Публикуемая монография — первое комплексное, обобщающее исследование, посвященное весьма актуальной теме в истории и археологии Дагестана и Кавказа в целом — проблеме древнего города Дагестана. Большое внимание уделено исследованию исторической топографии городищ, их структуре, планировке и застройке, хронологии и стратиграфии, фортификации и архитектуре. Работа охватывает албано-сарматский период истории Дагестана — время, в которое происходил процесс формирования древнего города, становления и развития раннеклассового общества.

ББК 63.3(2)2 + 63.3(2)4

Научное издание

**Гаджиев Муртазали Серажутдинович**  
**Древний город Дагестана**

*Опыт историко-топографического  
и социально-экономического анализа*

Утверждено к печати Институтом истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Художник *Э.Л.Эрман*. Технический редактор *О.В.Волкова*

Корректор *Е.И.Крошкина*. Компьютерная верстка *Н.А.Важенкова*

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 05.04.02. Формат 70×100<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печать офсетная

Усл. п. л. 26,0. Усл. кр.-отт. 26,0. Уч.-изд. л. 27,1 Тираж 500 экз. Изд. № 7962. Зак. № 6037

Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21  
ППП "Типография "Наука" 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ТП-2001-1-138  
ISBN 5-02-018204-4

© М.С. Гаджиев, 2002

© Российская академия наук

Издательская фирма «Восточная литература», 2002



Сколько же городов за это время от Птолемея [Филометра] до наших дней построено и добавлено у всех народов во вселенной, особенно после рождения нашего Спасителя.

Захарий Ритор. Хроника, XII, 7

## Введение

---

История древнего города, его становления и развития является одной из актуальных проблем мировой и отечественной исторической науки. Пристальное внимание специалистов к проблеме древнего (раннего) города, к широкому кругу вопросов, связанных с этой темой, определено той большой ролью, которую играл в истории человечества этот особый общественный организм. Появление города ознаменовало и обусловило важнейшие экономические, социальные, культурные преобразования в жизни общества. Город явился одним из значимых результатов поступательного социально-экономического развития общества на поворотном этапе его истории и одновременно активным источником и фактором дальнейшего общественного прогресса.

Проблема древнего города занимает одно из центральных мест в историко-археологических исследованиях Кавказа — уникального географического и историко-культурного региона. Этой успешно разрабатываемой теме посвящено немало работ ученых Закавказья (А.М.Апакидзе, Б.Н.Аракелян, Г.М.Асланов, Г.М.Ахмедов, И.А.Бабаев, М.П.Инадзе, К.К.Кафадарян, А.Ю.Кахидзе, С.М.Кряшарян, В.А.Левкинадзе, О.Д.Лордкипанидзе, Я.А.Манандян, Г.А.Тирацян, Д.А.Халилов и др.), в которых получили отражение многие вопросы истории городов древних Албании, Армении, Иберии, Колхиды. Особо следует отметить наличие сводных исследований по истории города этих стран античного периода. Много сделано в изучении городских центров Северо-Западного Кавказа. Здесь активно исследуются античные города азиатской части Боспора (Е.М.Алексеева, В.Д.Блаватский, В.Ф.Гайдукевич, В.С.Долгоруков, И.Б.Зеест, М.М.Кобылина, А.К.Коровина, И.Т.Кругликова, Н.А.Онайко, Н.И.Сокольский и др.). Большое количество городищ, некоторые из которых рассматриваются как раннегородские центры, выявлено (но изучено еще недостаточно) в меотском Прикубанье (В.П.Шилов, Н.В.Анфимов, И.С.Каменешкий и др.).

Тема древнего города, его возникновения и развития, урбанизации общества, роли этого процесса в социально-экономическом переустройстве общества весьма актуальна для истории и археологии Дагестана. Важность и значимость разработки этой проблемы определяется и ее слабой изученностью, дискуссионностью многих вопросов, отсутствием обобщающих исследований. Актуальность этой темы, тесно связанной с изучением развития общества, обусловлена также огромным общественным интересом к историческому прошлому региона

(в особенности к вопросам социального и культурного развития, этнической истории).

Древнедагестанский город выступал составной частью раннегородской культуры Кавказской Албании, на территории которой античные писатели помещают ряд городов (*Ptol. Geogr. V, 11, 2–6; Plin. Nat. hist. VI, 10, 29; Strabo. Geogr. XI, 7, 1*). При этом автор настоящей работы рассматривает Кавказскую Албанию античного периода не только как собственно государственное образование на территории Азербайджана, Южного и отчасти Приморского Дагестана с автономными этнополитическими структурами. Кавказская Албания уже в трудах античных авторов, а затем еще явственнее в древнеармянских письменных источниках представляется как обозначение обширного этнокультурного и географического региона, обнимавшего значительную территорию Восточного Кавказа и объединявшего многочисленные родственные племена, связанные не только общностью происхождения и исторических судеб, но и экономическими узами, военно-политической жизнью, близкими материальной и духовной культурами.

Проблематика городской культуры античной Кавказской Албании плодотворно разрабатывается азербайджанскими археологами. Однако в их сводных исследованиях дагестанские материалы представлены недостаточно, что объясняется как территориальной ограниченностью их работ, базировавшихся главным образом на данных, полученных при раскопках только памятников Азербайджана, так и относительно слабой степенью изученности и введения в научный оборот материалов раскопок дагестанских памятников. Без привлечения и обобщения же историко-археологических материалов Дагестана картина древнего города Кавказской Албании не будет достаточно полной.

Заполнить в определенной степени эту лагуну и ставит целью предлагаемая работа, являющаяся первым подобным комплексным, обобщающим исследованием по проблеме древнего города Дагестана. Важное место в ней отводится исследованию вопросов исторической топографии городищ, определявшейся общими закономерностями исторического процесса и особенностями социально-экономического, культурного развития местного общества, спецификой природной среды. Историко-топографическое изучение является одной из первостепенных задач при археологическом исследовании города (и поселений вообще), чем и обусловлено внимание, уделяемое природно-географической ситуации и структуре городищ, их планировке и застройке, хронологии и стратиграфии, фортификации и архитектуре и направленное на возможность интерпретации ряда крупных укрепленных поселений, в которых отразились морфологические признаки города, как раннегородских центров.

Изучение древнего города неразрывно связано с исследованием урбанизационной среды, экономического и социального облика общества, условий, в которых шло формирование города. При рассмотрении города, во-первых, как объективного и закономерного продукта и генератора процесса перехода общества «от варварства к цивилизации», от первобытности к классовому обществу и государственным формам социальной организации, во-вторых, как организма, в котором наиболее ярко отражаются процессы экономического, социального, культурного развития общества, и, в-третьих, как своеобразного индикатора определенного общественного состояния перед исследователем встает еще одна важная задача — изучение и определение уровня социально-экономического

развития региона. Возможность историко-социологической интерпретации археологического памятника как древнего города, таким образом, тесно связана с установлением отмеченной формационной принадлежности общества. Эти обозначенные взаимосвязанные проблемы — возникновение города и становления раннеклассового общества, в которых отражена взаимообусловленность урбанизационного и цивилизационного процессов, выступающие по сути двумя аспектами одной проблемы, и являются основным предметом исследования настоящей работы, которая основывается на единстве эмпирического и общетеоретического подходов. Этим обусловлено то, что в работе автор не ограничивает себя изучением и анализом материалов городищ и некрополей, но привлекает и археологические данные об иных памятниках Дагестана исследуемой эпохи. Последние существенно дополняют данные, полученные в ходе раскопок городищ. Необходимость исследования вопросов экономического и социального развития региона, особенно в аспекте выявления стадийности этого развития, определяет не только их связь с проблемой древнего города Дагестана, но и их недостаточной изученностью. Изыскания в этом направлении позволяют и полнее представить городища (и местное общество в целом) как новый социально-экономический организм, располагающий уже иным экономическим потенциалом, социальным обликом и архитектурно-пространственной организацией, рассматривать некоторые из них, обладающие, по мнению исследователей, определенными внешними и внутренними признаками, как древние (ранние) города.

Хронологически работа охватывает албано-сарматский период истории Дагестана и самое начало раннего средневековья, III в. до н.э. — V в. н.э. — время, когда, по мнению автора, происходил процесс непосредственного формирования древнего города Дагестана, характеризующееся как начальный этап развития городской культуры. Это время, предшествующее тому периоду, когда нарративными источниками фиксируются на территории Дагестана более десятка раннесредневековых городов (Дербент, Шахристан-и Йездигерд, Цри, Варачан, Семендер, Таргу, Беленджер, Вабандар, Олубендер, Балх, Хамлидж, Чунгарс) и уже весьма развитая городская культура, что подтверждается и археологическими данными. Таким образом, в работе выявляются истоки городской культуры Дагестана и намечается решение проблемы связи и преемственности ранне-средневековых городов и более ранних городских центров.

Методологической базой данного исследования являются принципы материалистического понимания истории, и в частности принцип историзма, рассматривающий исторические явления в их становлении, развитии и взаимообусловленности, который в археологии «определяется не только прагматическим изучением древностей разных эпох, но и решением важнейших исторических проблем» (Рыбаков Б.А. 1978. С. 5), в том числе и проблемы становления и развития города. В теоретико-методологической основе работы лежит фундаментальная концепция возникновения цивилизации, государства и города, созданная К.Марксом и Ф.Энгельсом и получившая дальнейшую разработку в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей.

Автор осознает, что на современном уровне археологической изученности региона и нашего исторического знания о раннегородской культуре Дагестана и в целом Кавказской Албании далеко не все аспекты поставленной проблемы могут быть решены или освещены с необходимой полнотой. В дальнейшем, с накоплением новых материалов, некоторые из предложенных выводов, заключе-

ний и положений, вероятно, могут быть не только дополнены, скорректированы или более веско аргументированы, но и существенно пересмотрены. Этим обусловлен и подзаголовок работы — «опыт историко-топографического и социально-экономического анализа».

Считаю приятным долгом выразить искреннюю признательность всем своим коллегам из Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, в особенности доктору исторических наук, проф. М.Г.Гаджиеву, доктору искусствоведения М.М.Маммаеву, кандидату исторических наук Р.Г.Магомедову за высказанные ценные замечания и пожелания на всех этапах подготовки работы. Моя глубокая благодарность доктору исторических наук, проф. А.А.Кудрявцеву (Ставропольский государственный университет), доктору исторических наук М.П.Абрамовой (Институт археологии РАН), а также докторам исторических наук, профессорам М.Р.Гасанову (Дагестанский государственный педагогический университет), М.Г.Магомедову, А.Р.Магомедову (Дагестанский государственный университет), ознакомившимся с рукописью и принявшим деятельное участие в ее обсуждении.

## Глава I

---

### ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ГОРОДА ДАГЕСТАНА

До недавнего времени проблемы возникновения и развития городской жизни оставались «белым пятном» в истории Дагестана. Это было результатом слабой археологической изученности региона, односторонности проводимых археологических изысканий, объектом которых в основном являлись погребальные памятники, и недостаточности исследования бытовых памятников, в частности городищ, требовавших больших материальных затрат для вскрытия значительных площадей, и т.д. Вплоть до 1950-х годов на археологической карте Дагестана практически не было известно ни одного городища, относящегося к досредневековой эпохе. Исследования, посвященные тем или иным проблемам древней истории, социально-экономического и культурно-исторического развития Дагестана, базировались главным образом на анализе материалов, выявленных при раскопках погребальных памятников, что негативно сказывалось на полноте и правильности освещения и решения поставленных научных задач.

Тем не менее исследователи резонно предполагали существование древних (досредневековых) городов на территории Дагестана. Основывались они на списке населенных пунктов Кавказской Албании, приведенном Клавдием Птолемеем (II в. н.э.) в главе 11 книги V его «Географии». Среди названных 29 населенных пунктов (городов и селений) Птолемей выделяет четыре городских центра, к которым применяет термин *πολις* — Телайба (*Τελαιβα*), Гелда (*Γελδα*), Албана (*Αλβανα*), Гайтара (*Γαιταρα*). Каждый из них находился в ограниченной реками географической (а возможно, и этнической) зоне Кавказской Албании. На этих выделенных Птолемеем геоморфологически замкнутых территориях, границами между которыми выступают названные им поименно реки, находился еще ряд городов (*πολεεις*) и сел (*κωμαι*) Албании.

Относительно локализации гидронимов Кавказской Албании, приведенных Птолемеем, — рек Соана (*Σοανα*), Герр (*Γερρος*), Кайсий (*Καισιος*), Албан (*Αλβανος*), Кур (*Κυρος*) и безымянной, в исторической литературе высказано большое количество мнений, порой взаимоисключающих и противоречивых, остроумных и голословных. Единая точка зрения среди исследователей о местоположении Птолемеевых рек и населенных пунктов Албании (за исключением реки Кур и города Хабала, соответствующих Куре и городищу Чухур-Кабала),

начиная с труда А.-К. А.Бакиханова «Гюлистан-и Ирам» (Бакиханов А.-К. А. 1991) и статьи А.Яновского «О древней Кавказской Албании» (Яновский А. 1846), более 150 лет назад положивших начало албановедению, не выработана и по сей день. Достаточно привести несколько примеров. Так, реку Соану принимали за Терек (Юшков С.В. 1937. С. 135), Сулак (Ковалевский С.А. 1933. С. 104), Самур (Алиев К. 1974. С. 99), Сумгаит (Яновский А. 1846. С. 97); реку Герр — за Терек (Яновский А. 1846. С. 99), Аксай (Юшков С.В. 1937. С. 135; Магомедов Р.М. 1961. С. 25), Улучай (Алиев К. 1974. С. 104), Гюльгерычай (Пикуль М.И. 1961б. С. 90; Давудов О.М. 1996. С. 209), Геокчай (Яновский А. 1846. С. 99; Броневский С. 1823. С. 338), Пирсагат (Муравьев С.В. 1983. С. 131); реку Кайсий отождествляли с Койсу (Сулак) (Юшков С.В. 1937. С. 135), Манасом (Яновский А. 1846. С. 99; Бакиханов А.-К.А. 1991. С. 18), Самуром (Ковалевский С.А. 1933. С. 104; Давудов О.М. 1996. С. 209), Турианчаем (Яновский А. 1846. С. 97), Геокчаем или Гирдыманчаем (Муравьев С.В. 1983. С. 131); реку Албан — с Самуром (Бакиханов А.-К.А. 1991. С. 18; Юшков С.В. 1937. С. 136; Исаков М.И. 1941. С. 156), Сумгаитом (Ковалевский С.А. 1933. С. 104), Алджиганчаем (Яновский А. 1846. С. 97).

В зависимости от той или иной локализации рек часть населенных пунктов Кавказской Албании помещалась на территории Дагестана. Высказывались мнения и о тождестве некоторых городов Албании, упомянутых Птолемеем, с конкретными памятниками Дагестана. Так, В.Н.Татишев, за ним С.М.Броневский, а позже и А.-К.Бакиханов предположительно связывали с Дербентом Птолемееву Албану (Татишев В.Н. 1979. С. 159; Броневский С. 1823. С. 338; Бакиханов А.-К.А. 1991. С. 18), отождествляя реки Албан и Кайсий, в междуречье которых она находилась, соответственно с Самуром и Манасом. С.М.Броневский также расположил населенный пункт Хадаха (Кадака) в Кайтаге (Броневский С. 1823. С. 310). Различные мнения, существовавшие в зарубежной и российской литературе к концу XIX в. по вопросу локализации гидронимов и ойконимов Кавказской Албании, приводит в своем труде Б.А.Дорн (Дорн Б.А. 1875. С. 333–351). С.А.Ковалевский идентифицировал Птолемееву Гелду с Дербентом на основании сообщения Страбона (Geogr., XI, 5, 1) о расселении к северу от албанов племени гелов, по названию которых и был наречен их главный город. Он же предложил считать реку Герр — Улучем, реку Кайсий — Самуром (Ковалевский С.А. 1933. С. 104; 1953. С. 33–34). Эту точку зрения поддерживает А.А.Кудрявцев (Кудрявцев А.А. 1982. С. 61–62). Склонны локализовать Гелду в районе Дербента Д.А.Халилов, И.А.Бабаев, О.М.Давудов (Халилов Дж.А. 1985. С. 169, 232, сн. 27; Бабаев И.А. 1985. С. 6; Давудов О.М. 1996. С. 228). Близкой версии придерживался М.Кисслинг — автор ряда статей об Албании, помешавший Гелду в 300 стадиях к северу от Самура и севернее Дербента (KieSSLing, 1894, S. 987, 1273).

Иную точку зрения о местоположении Гелды (как и большинства ойконимов и гидронимов Албании) высказывает С.В.Муравьев, исходя из своей гипотезы о высокой трансгрессии Каспия в эллинистический период и помешающий этот город недалеко от населенных пунктов Гягяли или Гейляр Даг, в междуречье Пирсагата и Ахсу, южнее Шемахи (Муравьев С.В. 1983. С. 140).

Более осторожен в отождествлении Дербента с одним из албанских городов Э.Кеттенхофен, отмечающий, что Дербент «должен быть одним из четырех приморских городов Кавказской Албании, упомянутых Птолемеем... однако кон-

кретная идентификация с руинами Гайтары, Албаны, Гелды или Телайбы гипотетична» (Kettenhofen E. 1996. P. 13).

С одним из крупнейших памятников городской культуры на территории Дагестана — Белиджинским городищем Торпах-кала предположительно отождествляя Птолемею Албану М.И.Исаков, сначала отнесший это городище ориентировочно к первым векам н.э., а позднее — ко второй половине I тыс. н.э. (Исаков М.И. 1941. С. 156–157; 1959. С. 204; 1966. С. 15)<sup>1</sup>. С.В.Юшков же локализовал город Албану в районе устья Самура (Юшков С.В. 1937. С. 135, 139). Он же, отождествляя реки Албан и Кайсий соответственно с Самуром и Сулаком, между которыми, по Птолемею, находился город Хабала (по Плинию, «главный город Албании — Кабалака»: *Nat. Hist.*, VI, 29), неверно помешал на дагестанском побережье раннюю столицу Кавказской Албании (Юшков С.В. 1937. С. 136), городище которой близ сел. Чухур-Кабала (Куткашенский район Азербайджана) в течение многих лет подвергалось стационарным раскопкам (Бабаев И.А., Ахмедов Г.М. 1981; Алиев И.Г., Гадиров В.Ф. 1985).

Р.М.Магомедов, придерживаясь точки зрения С.В.Юшкова относительно границ Кавказской Албании и идентификации ее гидронимов, предполагает, что на территории Дагестана находились города Телеба (за устьем Терека), Гелда (возможно, за устьем Аксая) и Албана (вероятно, за устьем Самура) (Магомедов Р.М. 1961. С. 25). Подобного же мнения придерживался Д.М.Атаев, который размещал упомянутые албанские города в приморской части Дагестана, между реками Сулак и Самур (*История Дагестана*. 1967. Т. I. С. 111). Эту точку зрения поддерживал В.Г.Котович (Котович В.Г. 1980. С. 92), ее принимает и М.Р.Гасанов (Гасанов М.Р. 1995. С. 13; *История Дагестана*, 1997. С. 46).

В.В.Бартольд на основе совпадения данных о ширине Каспийского моря у Геродота (*Hist.*, I, 202: «в самом широком месте — восемь дней [плавания на гребном судне]») и Истахри (Каспий при благоприятном ветре «пересекают по ширине от Табаристана до Баб ал-абваба за неделю») полагал, что уже в эллинистическое время «важнейшее поселение на западном побережье Каспия находилось поблизости от нынешнего Дербента» (Бартольд В.В. 1965. Т. III. С. 419).

Дербентский проход был известен античным авторам под названием Каспийских ворот (*porta Caspiaca*; *Caspiae portae*; *Caspiae pylae*; *Κασπίαί πύλαι*; *Κασπίαί θύραι*), хотя это название часто применялось и к «воротам» в Южном Прикаспии и редко — к Дарьяльскому ущелью. В I в. н.э. они начинают именоваться Дербент по-новому — *Caspia claustra* (*claustra Caspiarum*), подчеркивая наличие в проходе оборонительных сооружений (*Tac. Hist.*, I, 6; *Lucan. Fars.*, VII, 22; *Val. Flac. Arg.*, V, 124; *Claud. In Ruf.*, II, 28). К.В.Тревер, анализируя сообщения Тацита, обратила внимание на переименование Дербентского прохода, отметив, что *claustra* в военном отношении означает «пограничная крепость», «вал», «стена» и т.д., и предположила, что уже ко времени организации Каспийского похода императора Нерона (68 г. н.э.) здесь существовали фортификационные сооружения (Тревер К.В. 1959. С. 122–123).

Очевидно, с Дербентом следует связывать топоним 'I'n'n BB' среднеперсидской версии и 'I'nn TR'' парфянского текста надписей шаханшаха Шапура I (составлены в начале 260-х годов н.э.) и верховного жреца Картира (составлены

<sup>1</sup> Я отнес городище Торпах-кала к V–VI вв. и идентифицировал его с сасанидским городом Шахристан-и Йездигерд (Гаджиев М.С. 1980. С. 144–152).

в 280-х годах н.э.) на Кааба-и Зардушт, в Сар-и Мешхеде, Накш-и Рустаме (мнения по идентификации этих «ворот» приведены ниже).

В раннесредневековых письменных источниках (Егише, Хоренаци, Агатангелос, Каланкатвази, Цуртавели, Прокопий из Кесарии, Михаил Сириец, Табари и др.) Дербент (точнее, городище и укрепления Дербента, предшествовавшие возведенным в VI в. знаменитым фортификационным сооружениям, которые ознаменовали новый этап градостроительства и формирования исторической топографии города) известен под следующими названиями: *Чор* (*Чол*) (арм.); *Чора* (груз.); *Торайе* (сир.); *Тзур*, *Зуар* (греч.); *Сул* (араб.). Все они обозначали одноименные область, проход, крепость и город, выступавший важным военно-политическим, религиозно-идеологическим центром Восточного Кавказа. Одними из первых на связь топонима Чор (Чол) с Дербентом обратили внимание Н.Кузнецов (Кузнецов Н. 1893. С. 423) и Й.Маркварт (Marquart J. 1901. S. 96–100; 1903. S. 489). Этой же точки зрения придерживался В.В.Бартольд. Другие же исследователи помещали Чор (Чол) в Дарьяльском ущелье (Еремян С.Т. 1951. С. 55; История армянского народа. 1951. Ч. I. С. 86), в устье Самура (Тревер К.В. 1959. С. 276), связывали с Бармакскими укреплениями (Тревер К.В. 1959. С. 209), с Белиджинским городищем Торпах-кала (Пахомов Е.А. 1933. С. 43; Очерки истории СССР. 1958. С. 304, 316; Котович В.Г. 1974. С. 199) и даже отождествляли с Беленджером (Котович В.Г. 1974. С. 199). Г.С.Нюберг считал, что Чор был городом недалеко от Дербента (Nyberg H.S. 1974. II. P. 56). Но М.И.Артамонов, основываясь на анализе сведений письменных источников (Артамонов М.И. 1962. С. 120–121), а затем А.А.Кудрявцев, опираясь и на археологические материалы (Кудрявцев А.А. 1978. С. 243–257; 1979. С. 31–43), привели веские доводы в пользу того, что Чор (Чол) следует отождествлять с Дербентом и Дербентским проходом.

Однако сколько бы ни были правдоподобны предположения о локализации древних ойконимов, о существовании на территории Дагестана древних (досредневековых) городов, вплоть до начала 1960-х годов отсутствовали главные доводы, подтверждающие эти смелые заключения, каковыми являлись сами археологические объекты — городища, свидетельствующие о некогда существовавших на их месте древних городах, укрепленных поселениях, крепостях.

Разведочными работами в конце 1940–1950-х годов было выявлено несколько городищ и в их числе Таргу, Эскиюрт, Чакавуркент, Урцеки, Шамшахар и др., которые были отнесены к средневековому периоду. Однако какие-либо археологические работы, за исключением визуального осмотра и сбора подъемного материала, на них не производились. В 1950-х годах были проведены первые раскопки на крупных раннесредневековых Верхнечирюртовском и Бавтугайском городищах. К досредневековой эпохе же было отнесено лишь многослойное Аркаское городище (площадью около 3 га) в урочище Накха-меэр, на котором в 1957 г. М.И.Пикуль провела небольшие раскопки, в том числе сильно разрушенного вала ( $h = 0,7–1$  м), зашивавшего городище с открытой, юго-западной стороны (Пикуль М.И. 1957. С. 134–174). Этот вал на основе находок в его разрезе фрагментов керамики, имевшей сходство с керамикой Каменского городища на Днепре, предположительно был датирован V–IV вв. до н.э. (Пикуль М.И. 1967. С. 49), что, однако, представляется весьма спорным, как и сама приведенная аналогия. Вызывает большие сомнения и интерпретация памятника как протогорода (Котович В.Г. 1980. С. 84–85), основанная на неподтвержден-

ном наличии на нем довольно развитой оборонительной архитектуры скифского времени (насыпной вал с отдельными башнями).

Археологическая неисследованность древних городов Восточного Кавказа дала повод К.В.Тревер в труде по истории Кавказской Албании специально отметить, что «отсутствие соответствующих данных в письменных источниках и неизученность в археологическом отношении городов древней Албании не позволяют охарактеризовать в настоящей работе албанский город и его жизнь» (Тревер К.В. 1959. С. 142, сн. 6). Тогда же на необходимости исследования древних поселений и городищ было акцентировано внимание резолюции научной сессии, посвященной археологии Дагестана (Махачкала, май 1959 г.), в которой приняли участие видные археологи-кавказеды страны (Резолюция... 1961. С. 300).

Восполнить это пробел, положить начало активному изучению древних и средневековых городищ Дагестана была призвана организация в 1960 г. Приморской археологической экспедиции Дагестанского филиала АН СССР, которая под руководством В.Г.Котовича приступила к исследованию городища Урцеки, обнаруженного в 1959 г. (Магомедов Р.М. 1959) и ставшего базовым объектом. В работе экспедиции приняли участие почти все дагестанские археологи: М.И.Пикуль, Н.Б.Шейхов, К.А.Бредэ, Н.Д.Путинцева, Д.М.Атаев, А.И.Абакаров, В.М.Котович, М.Г.Магомедов, М.М.Маммаев. В течение 1960–1964 гг. производились широкомасштабные раскопки городища (было заложено 16 раскопов и 18 разрезов), а также его некрополя (Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д. 1960; 1961; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1962; 1963; 1964). Уже в самом начале раскопок (в 1960 г.) городище Урцеки было отождествлено с раннесредневековым городом Варачан — ставкой князя гуннов Алп-Илитвера, — погибшим в начале VIII в. (Котович В.Г. 1965. С. 155; 1974. С. 182–190). Данная идентификация существенно повлияла на определение хронологии этого и других памятников Дагестана, имеющих близкую к городищу Урцеки материальную культуру (прежде всего керамические комплексы).

При проведении исследований на городище Урцеки, датированном VII в. до н.э. — первой половиной VIII в. н.э., была вскрыта значительная часть цитадели, где были выявлены остатки оборонительных сооружений, ворот, различных архитектурных комплексов. На территории собственно городища были открыты и исследованы оборонительная стена и двое ворот, несколько домостроений, крупный зольник. На некрополе было раскопано 15 погребальных сооружений, содержащих несколько десятков разновременных захоронений (Атаев Д.М. 1963б).

В результате работы экспедиции были получены материалы, позволяющие осветить различные вопросы исторической топографии памятника, дать его культурно-историческую и социально-экономическую характеристику, показать быт, хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру его обитателей и т.д. Эти материалы впервые позволили поставить проблему древнего города Дагестана с позиции абстракции на почву фактов, дали возможность приступить как к изучению процесса становления и развития городской жизни в регионе, так и к решению сложных проблем классообразования, политогенеза и широкого круга связанных с ними вопросов.

Важным направлением деятельности Приморской экспедиции явились разведочные работы в равнинном и предгорном Дагестане, в результате которых

были осмотрены ранее известные и выявлены новые бытовые памятники албаносарматского и раннесредневекового периодов. Среди них городища Генторун, Какамахинское, Карамехинское, Губденское, Урминские 1 и 2, Чакавуркент, Эскиюрт, Таргу и др., датированные по подъемному материалу (главным образом характерной красноангобирванной керамике) и с привязкой к существовавшей хронологии городища Урбеки от рубежа н.э. до VIII–IX вв. н.э. (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1964. С. 68–89).

Исследование древних и средневековых городищ Дагестана было продолжено в последующие годы. В 1963–1966 гг. Горной экспедицией, возглавляемой Д.М.Атаевым, было подвергнуто масштабным раскопкам средневековое городище Аркас, а в 1967 г. им были начаты исследования Андреяульского городища (Атаев Д.М. и др. 1968. С. 33; Атаев Д.М., Магомедов М.Г. 1974. С. 121–139), на которое в свое время обратили внимание Н.А.Нарышкин (Нарышкин Н.А. 1875. С. 185), А.Н.Грен (Грен А.Н. 1907. С. 134), а позднее А.А.Иессен (Иессен А.А. 1935. С. 33). Однако уже в следующем году раскопки этого неординарного памятника, датированного II — началом IX в., были прерваны из-за скоропостижной кончины одного из первых дагестанских археологов — Д.М.Атаева.

В 1965 г. значительные разведочные работы провел В.Г.Котович, выявивший, преимущественно в Южном Дагестане, более 20 поселений и городищ, главным образом средневекового времени, среди них городища Шах-Сенгер, Гугнеше, Чираг и др. (Котович В.Г. 1965б). В 1966 г. на городище Шах-Сенгер, расположенном на границе приморской низменности и предгорий, у выхода р. Башлы-чай на равнину, было заложено несколько раскопов, которыми, в частности, исследовались участки оборонительных сооружений цитадели и городища. Материалы раскопок позволили отнести городище к первой трети I тыс. до н.э. (Котович В.Г., Давудов О.М. 1966) и в дальнейшем характеризовать его как памятник, которому «присуща большая часть признаков древнего города», и населенный пункт с обособленной цитаделью, регулярной фортификацией, сельскохозяйственной округой (Котович В.Г. 1980. С. 83). Впрочем, одновременно В.Г.Котович отмечал, что отсутствие монументальных общественных зданий, ремесленного производства не позволяет признать городище остатками города (Котович В.Г. 1980. С. 83).

В 1967 г. в долине р. Хунних было открыто Шыйшинское городище (Котович В.Г. 1967. С. 7–22), на котором Горной экспедицией были произведены небольшие раскопки. В результате их были выявлены остатки мощной стены, интерпретированной В.Г.Котовичем как оборонительная, и жилищно-хозяйственных сооружений, датированные второй половиной I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э. (Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 4–23). Тогда же М.М.Маммаевым было исследовано несколько погребений могильника, расположенного рядом с городищем и предварительно отнесенного к I — началу V в. н.э. (Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 24–41). По мнению В.Г.Котовича, памятник представляет собой остатки древнего города, существовавшего, вероятно, в позднеантичный период (Котович В.Г. 1967. С. 21). Однако такую интерпретацию памятника отрицают М.М.Маммаев и М.Г.Магомедов, считающие (устные сообщения), что здесь представлены не фортификационные сооружения, а стены земледельческих террас.

В 1966 г. было издано исследование «Археологические памятники Дагестана. Материалы к археологической карте» краеведа и музейоведа М.И.Исакова

(Исаков М.И. 1966), проведенного в 1940–1960-х годах большую работу по выявлению и каталогизации археологических объектов республики. Им были открыты и осмотрены многие археологические памятники, в том числе и городища, собраны архивные данные, сведения информаторов о различных объектах, указано их местоположение, даны предварительные, хотя порой и неверные, датировки и характеристики.

Продолжением этой работы явилась монография А.И.Абакарова и О.М.Давудова «Археологическая карта Дагестана», в которой был дан краткий очерк археологии Дагестана и приведен список известных археологических памятников, в том числе городищ албано-сарматского и раннесредневекового времени (Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993).

Новый этап в изучении древних городищ Дагестана наметился с начала 70-х годов, когда их исследованием занялись несколько экспедиций Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

С 1971 по 1992 г. велись стационарные исследования Дербентской археологической экспедиции под руководством А.А.Кудрявцева. В 1996 г. экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН были возобновлены археологические раскопки в Дербенте (Гаджиев М.С. 1997. С. 66–67; 1997а. С. 200–201). Уже работы первых лет позволили значительно «удревнить» историю города вопреки общепринятому в научных кругах мнению о его возникновении в V–VI вв. Был установлен факт обживания зоны раннесредневековой цитадели города и прилегающей к ней территории уже в эпоху раннего железа и в албано-сарматский период. В дальнейшем были выявлены остатки оборонительных сооружений, крупного поселения скифского и албано-сарматского времени, определено древнее ядро формирования раннесредневекового города (Кудрявцев А.А. 1974. С. 154–168; 1976; 1982). В результате раскопок 70–80-х годов были получены многочисленные материалы, освещающие древнейший период истории Дербента и свидетельствующие о существовании на дербентском холме поселения эпохи ранней бронзы (Кудрявцев А.А. 1972. С. 4; 1976. С. 83–85; 1987в. С. 136–137; 1988а. С. 131–132; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1988а. С. 8–9). Работами экспедиции были выявлены жилищно-хозяйственные комплексы и некрополь албано-сарматского времени, давшие ценные материалы по социально-экономической, культурной и духовной жизни населения Дербента досасанидского периода (Кудрявцев А.А. 1983. С. 83–107; 1985. С. 125–146; 1987а. С. 140–141; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 87–115; Гаджиев М.С., Мокроусов С.В. 1986. С. 7; Гаджиев М.С. 1988а. С. 7; Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. С. 7).

В 1996 г. были начаты раскопки ближайшего к цитадели Дербента форта<sup>2</sup>, входившего в структуру раннесредневекового города и являвшегося первым в оборонительной системе горной стены «Даг-бары». Важным результатом их было выявление на этой территории слоев и архитектурных остатков албано-сарматского времени, предшествовавших возведению здесь в VI в. сасанидского форта, и получение веских данных для идентификации древнего Чора и Дербента (Гаджиев М.С. 1997. С. 66–67; 1997а. С. 200–201).

Широкие многолетние археологические исследования в Дербенте позволили дать ответы на сложные вопросы древней истории города, его хронологии

---

<sup>2</sup> Исследования форта проводились при поддержке ФЦП «Интеграция» (проект № К0856) и РГНФ (проекты № 98-01-18015, 99-01-18080 и 00-01-18084е).

и стратиграфии, выявили время его возникновения, динамику развития и формирования городской структуры, этапы сложения его исторической топографии, наметили пути решения проблемы возникновения и развития ранних городов Дагестана (Кудрявцев А.А. 1983. С. 83–107; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1985. С. 195–196).

В 1971 г. Гамринской археологической экспедицией под руководством В.Г.Котовича было начато изучение крупного городища Таргу, расположенного в глубине предгорий в бассейне р. Гамри-озень. Этот памятник был выявлен М.И.Исаковым еще в 1948 г. (Исаков М.И. 1966. С. 218). В 1953 г он был осмотрен М.И.Пикуль, датировавшей его V–X вв. н.э. (Пикуль М.И. 1953. С. 60–66), а в 1964 г. обследован Приморской экспедицией и интерпретирован как остатки крупного раннесредневекового города (Котович В.Г. и др. 1964. С. 84–85). Это городище было отождествлено с «гуннским городом Таргу», упомянутым вардапетом Гевондом (начало VIII в.), и со столицей раннесредневекового княжества Хамрин (Котович В.Г. 1965. С. 155; Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1973. С. 3–5).

Раскопки городища проводились в течение шести полевых сезонов с 1971 по 1978 г., но отчеты представлены только о работах 1971 и 1974 гг. (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1974; Котович В.Г., Котович В.М. 1978). К сожалению, безвременная кончина руководителя работ не позволила ему в полной мере обработать и исследовать полученный материал и ввести его в научный оборот. Отсутствие отчетных данных в некоторой степени компенсируется тезисными заметками (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1973. С. 3–5; Котович В.Г. 1976. С. 9–10; Котович В.Г., Абдуллаев М.М. и др. 1978. С. 9–11; Котович В.Г., Котович В.М. 1980. С. 5–7) и обобщающей статьей (Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 57–82). Экспедиция исследовала топографию и структуру городища Таргу, его стратиграфию и хронологию. Были определены периоды бытования и территория обживания памятника, открыты остатки фортификационных сооружений, монументальной и жилищно-бытовой архитектуры албано-сарматского и раннесредневекового времени, раннесредневековый катакомбный и грунтовой могильники, прослежены значительные отрезки древних дорог, соединявшие городище Таргу с близлежащими поселениями. В результате проведенных на городище работ были получены важные материалы по истории одного из ранних городских центров Дагестана, по социально-экономическому развитию местного общества в албано-сарматский и раннесредневековый периоды.

В 1990 г. на городище Таргу провел исследования отряд Дербентской экспедиции. Было доисследовано монументальное здание на территории цитадели, выявлен жилищно-хозяйственный комплекс, а несколько разведочных шурфов, заложенных в различных частях городища, позволили изучить его стратиграфию и хронологию (Кудрявцев А.А. 1990; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. С. 9).

С начала 70-х годов было начато изучение бытовых памятников в горных районах Дагестана. С этой целью была организована Горная археологическая экспедиция, которая под руководством М.Г.Гаджиева в 1971–1975 гг. проводила раскопки и разведки городищ и поселений на территории Левашинского плато, на границе предгорного и горного Дагестана. Экспедицией было открыто и обследовано более 15 городищ и поселений албано-сарматского и раннесредневекового времени, два из которых (Охлинское и Нижнечуглинское) подвергнуты

раскопкам (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971; 1972; 1975). В частности, на Охлинском городище были исследованы оборонительные сооружения, открыты жилищно-бытовые комплексы. Исследования экспедиции дали возможность получить первые представления о характере поселений Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени, расположенных в горной зоне, об их топографии, планировке, структуре, характере фортификации, поставить вопрос об их месте и роли в социально-политической организации общества (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1973. С. 6–8; 1976. С. 7–9; 1980. С. 94–114; 1983. С. 108–132; Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1973. С. 116–117; Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов Д.К. 1973. С. 448–449; Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Маммаев М.М. 1976. С. 117–118).

В 1972 г. отряд О.М.Давудова провел обследования и раскопки на Верхне-лабкомахинском городище, где в 1970 г. была случайно найдена каменная плитка с процарапанными на ней литерами албанского алфавита (Арсланбеков Х. 1976. С. 70–72). Этот памятник, расположенный в центральной части Дагестана и известный под названиями Сангарла-муза и Сангар-кала, был осмотрен еще в 1959 г. В.Г.Котовичем, который интерпретировал его как поселение и датировал III–V вв. (Котович В.Г. 1959а), а в 1971 г. обследован М.Г.Магомедовым (Магомедов М.Г. 1972. С. 159–161). Исследования 1972 г. выявили здесь крупное многослойное городище (около 30 га) трехчастной структуры с оборонительными сооружениями, остатки жилищно-бытовых комплексов, определили стратиграфию культурных слоев цитадели, периоды бытования памятника. Городище было предположительно интерпретировано как столица раннесредневекового государственного образования Шандан (Давудов О.М. 1973. С. 8–10; 1973а. С. 122–123).

В 1975 г. экспедиция Дагестанского госуниверситета (под руководством А.Р.Магомедова) проводила разведочные работы на территории приморского и предгорного Дагестана, в результате которых было выявлено, в частности, городище (500×100 м) на склонах горы Уллу-яр в междуречье Ачи-су и Параул-озень. Здесь были обнаружены остатки оборонительных сооружений в виде валов, прямоугольных построек, собран подъемный материал (бело- и красноангобированная керамика). На памятнике был заложен стратиграфический шурф; городище было датировано первой половиной I тыс. н.э. (Магомедов А.Р., Криштопа А.Е., Федоров Г.С. 1976. С. 135–136; Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. С. 154). Экспедицией было осмотрено также крупное городище Шамшахар (1400×450 м) с центральным холмом, носящим название *Киласила* как (дарг.) «Холм церкви (храма)» (Магомедов А.Р., Криштопа А.Е., Федоров Г.С. 1976. С. 136). Этот памятник, на котором были зафиксированы следы жилищно-хозяйственных построек, оборонительных стен, защищавших городище с трех сторон, был выявлен еще в 1948 г. М.И.Исаковым, а позднее на него специально обратил внимание проф. Р.М.Магомедов, оценивший его как остатки крупного древнего города (Магомедов Р.М. 1963. С. 55–59). Городище было предположительно датировано ранним средневековьем (Магомедов А.Р., Криштопа А.Е., Федоров Г.С. 1976. С. 136), но с его территории происходят и яркие образцы чернолощенной керамики албано-сарматского времени, хранящиеся в Историко-этнографическом музее ДГУ.

В 1977, 1979 гг. экспедиция под руководством О.М.Давудова провела исследования на бытовом памятнике у бывшего сел. Ганзир (Табасаранский рай-

он), открытом в 1973 г. А.А.Кудрявцевым. Проведенными работами на памятнике, который сначала был интерпретирован как городище, а позднее как поселение, был выявлен жилищно-хозяйственный комплекс, принадлежащий, по мнению руководителя раскопок, гончару и его семье и датированный первоначально IV–I вв. до н.э., а затем I–II вв. н.э. (Давудов О.М. 1978. С. 4–7; 1978а. С. 115; 1980. С. 104–105; 1989. С. 47–60; 1996. С. 72–73, 283; Давудов О.М., Салихов Б.М. 1980. С. 12–13). Сам памятник сначала был отнесен к III в. до н.э. — III в. н.э., а позже к I–V вв. н.э. (Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. С. 233; Давудов О.М. 1996. С. 204. Табл. I).

В 1986 г. на поселении Ганзир обследования и предварительные раскопки провел отряд Дербентской экспедиции. В результате памятник был датирован II в. до н.э. — II в. н.э., были получены материалы о хозяйственной деятельности обитателей поселения, выявлены отвалы керамического производства, местоположение гончарных печей, расчищен склеп II–III вв. н.э. (Гаджиев М.С. 1991. С. 116–127). Полученные данные позволили говорить о существовании на поселении локального центра гончарного производства (Кудрявцев А.А. 1986. С. 56–83; Гаджиев М.С. 1988а. С. 7–8).

В 1979 г. Р.Г.Магомедовым было открыто небольшое городище рубежа албано-сарматского и раннесредневекового времени, расположенное на высокой первой морской террасе, южнее железнодорожной станции Ачису, близ зоны отдыха «Маяк». Был определен двухслойный характер памятника, выявлены слои раннебронзовой эпохи (Магомедов Р.Г. 1983. С. 47–49). В 1987 г. городище Маяк осматривалось отрядом Дербентской экспедиции, были выявлены остатки оборонительной стены и башенного выступа у северо-восточного края городища.

В 1983–1984 гг. на городище Шах-Сенгер были проведены новые исследования Центральнодагестанской экспедицией (под руководством О.М.Давудова): были раскопаны участок оборонительных сооружений (остатки башни, часть куртины и рва), остатки жилищно-бытовых комплексов, открыты погребения предскифского времени. В итоге была пересмотрена датировка городища, предложенная В.Г.Котовичем (IX–VII вв. до н.э.), и сделан вывод о двухслойном характере памятника: на месте поселения и могильника предскифского времени в раннем средневековье здесь возникло крупное городище со сложной фортификацией, обособленной цитаделью, характеризующее, по мнению авторов, дагестанский город того времени (Давудов О.М. 1985. С. 116–117; Давудов О.М., Хангишиев Г.Дж. 1986. С. 5–6; Давудов О.М., Абакаров А.И. 1985. С. 128–130; 1986. С. 94–95; Абакаров А.И. 1986а. С. 6–7)<sup>3</sup>.

В результате проведенных археологических исследований к настоящему времени накоплен значительный материал, который дает возможность приступить к комплексному изучению древних городищ Дагестана, социально-экономической интерпретации отдельных из них как раннегородских центров, к разработке в целом проблемы возникновения и развития городов на Северо-Восточном Кавказе.

Раскопки городища Урцеки позволили перейти от простой констатации факта существования в Дагестане древних городов, основанной на сообщении Птолемея о городах Кавказской Албании, к археологически обоснованной уверенности в том, что древний дагестанский город реально существовал как осо-

<sup>3</sup> Мной была предложена идентификация этого городища с раннесредневековым городом Варачан (Гаджиев М.С. 1990. С. 77–78; 1995. С. 29–35).

бый социально-экономический организм, сложившийся в ходе исторического развития местного общества.

Отдельные материалы раскопок Урцекского городища были привлечены для краткой характеристики социально-экономического устройства, городской культуры Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового периодов в «Истории Дагестана» (История Дагестана. 1967. Т. I. С. 109–112, 136–137). Авторы этих обзоров, Д.М.Атаев и А.Р.Шихсаидов, сделали заключение, что город (городище Урцеки) выступал не только важным административным, но и крупным торгово-ремесленным центром с преимущественным развитием керамического производства. Вместе с тем несколько недооцененными выглядят связь населения города с сельским хозяйством, роль и значение аграрного сектора в экономике городища (История Дагестана. 1967. Т. I. С. 111).

Материалы археологических исследований этого городища легли в основу диссертационных работ М.М.Маммаева (Маммаев М.М. 1969; 1970) и М.Г.Магомедова (Магомедов М.Г. 1970; 1970а), явившихся весомым вкладом в изучение проблемы древнего и раннесредневекового городов Дагестана.

В работе и ряде статей М.М.Маммаева получили разработку вопросы ремесленного производства на городище Урцеки в албано-сарматский и раннесредневековый периоды, были определены его ведущие отрасли и уровень развития. Автором дана типология и хронология керамической посуды и изделий из металла, классификация предметов из камня, изучена техника и технология гончарства, кузнечества, обработки цветных металлов и камня, ювелирного дела, освещены такие отрасли ремесла и домашнего производства, как прядение и ткачество, обработка дерева, кости, кожи (Маммаев М.М. 1969; 1969а; 1970; 1970а; 1970б; 1972; 1974). С привлечением материалов археологических изысканий на других памятниках автором в обобщенной форме охарактеризованы строительное дело и архитектура. Проведенные исследования позволили сделать выводы об относительно высоком уровне развития ремесленного производства, профессионализме и специализации в таких видах ремесла, как гончарство, металлургия, металлообработка и др. Весьма важен вывод автора, сделанный с привлечением письменных свидетельств XI–XII вв., о возникновении в Дагестане в раннем средневековье профессиональных объединений ремесленников, сложении института мастеров, подмастерьев и учеников (Маммаев М.М. 1970. С. 17, 19). В развернутом виде эти положения получили затем освещение в специальной статье (Маммаев М.М. 1974. С. 169–180). Вместе с тем отметим, что, как сейчас представляется, материалы исследований Урцекского городища сами по себе не дают оснований для такого вывода и привлечение их в качестве базовых данных с ретроспективным использованием информации письменных источников выглядит недостаточно обоснованным в свете предлагаемой новой хронологии городища (Гаджиев М.С. 1994. С. 38–39). Среди работ М.М.Маммаева, в которых изучаются раннегородские ремесла, отметим и статью, посвященную исследованию выявленного в 1967 г. на Андрейаульском городище производственного комплекса из десяти гончарных печей (Маммаев М.М. 1970б).

В диссертации М.Г.Магомедова «Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана» в соответствующих главах получили освещение вопросы фортификационного искусства, техники строительства укреплений Урцекского городища, на материалах изучения которого базируется авторское исследование оборонительного зодчества Дагестана албано-сарматского и раннесредне-

векового времени (Магомедов М.Г. 1970; 1970а). Изучение оборонительных сооружений городища позволило выделить два хронологически одновременных строительных периода (албано-сарматский и раннесредневековый), различающихся между собой главным образом конструктивными особенностями, строительными приемами и отчасти подтвержденных стратиграфическими наблюдениями и комплексом археологических материалов (Магомедов М.Г. 1970; 1970а. С. 7–11). Исследования оборонительной архитектуры, исторической топографии, ремесел городища Урбеки с привлечением материалов, полученных на других памятниках, позволили названным авторам говорить о высоком уровне социально-экономического развития дагестанского общества в указанные периоды.

Наряду с этим следует отметить, что фактически до сих пор специально не исследовались вопросы хронологии и стратиграфии этого масштабно раскопанного памятника, непроанализированными остались данные по гражданской и бытовой архитектуре городища. Не изучался специально и вопрос о связи обитателей города с сельским хозяйством, о роли и месте земледелия и животноводства в его экономике. Хотя отметим, что весьма ценная сводка по остеологическим материалам городища приводится в небольших статьях К.Н.Золотова, проводшего определение костных остатков из раскопок этого и других памятников Дагестана (Золотов К.Н. 1966; 1966а; 1968; 1968а).

В публикациях В.Г.Котовича городище Урбеки вошло в научный оборот как «один из крупных политических, торговых и ремесленных центров на Прикаспийском пути» рубежа нашей эры, как крупный раннесредневековый город и центр одного из раннефеодальных образований Дагестана, отождествленный им с «великолепным городом Варачаном» — столицей царства гуннов (Котович В.Г. 1965. С. 155; 1974. С. 182–196). Им было выделено «на основе стратиграфии культурных напластований и строительных остатков» три этапа существования и развития памятника: VII–IV вв. до н.э. — крупное земледельческое поселение; III–II вв. до н.э. — III в. н.э. — город с двухчастной структурой (укрепленные цитадель и собственно город); V — первая половина VIII в. — появление посада и сооружение «длинных стен» на подступах к городу, гибель города в период арабо-хазарских войн (Котович В.Г. 1965. С. 155).

Однако позже В.Г.Котович пересмотрел свою точку зрения и датировал возникновение фортификационных сооружений городища и выделение самостоятельной цитадели скифским периодом, т.е. VII–IV вв. до н.э. (Котович В.Г. 1980. С. 84), не приведя при этом аргументированных доводов. Такая передатировка оборонительных сооружений повлекла за собой иную социально-экономическую интерпретацию городища Урбеки, которая стала одной из опорных в предложенной им в статье «О процессе урбанизации в древнем Дагестане» схеме возникновения и развития городской жизни в регионе (Котович В.Г. 1980. С. 78–93). Близкую хронологию, стратиграфию и внутреннюю структуру имели, по мнению В.Г.Котовича, городища Таргу, Дербент, Верхнелабкомашинское, Бавтугайское и др. Так, например, для Таргу была предложена следующая периодизация: IV–III тыс. до н.э. — крупное поселение эпохи энеолита и ранней бронзы; VII–IV вв. до н.э. — укрепленное поселение эпохи раннего железа; III в. до н.э. — IV в. н.э. — город албанского времени; V — первая половина VIII в. н.э. — раннесредневековый город. Причем уже в скифское время, по мнению автора, это городище имело два пояса оборонительных сооружений, отличающихся развитым характером и монументальностью, которые опоясыва-

ли цитадель и прилегающую к ней часть городища, а «на самой цитадели обнаружены остатки монументальных каменных построек, относящихся к V–IV вв. до н.э.» (Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 66–67, 81). Однако и в этом случае не были представлены веские доводы, обосновывающие предложенные даты и выводы.

Выше обращалось внимание на интерпретацию В.Г.Котовичем Аркасского городища как памятника протогородского типа, «защищенного насыпным валом с отдельными башнями». Следует заметить, что, очевидно, за башни были приняты и датированы раннежелезным веком три неисследованные курганообразные насыпи на территории этого многослойного (с рубежа II — I тыс. до н.э. до конца албано-сарматского времени, судя по подъемному материалу) памятника (Пикуль М.И. 1967. С. 47, 53–78). А сам вал ( $h = 0,7-1$  м), сооруженный, как отмечает М.И.Пикуль, позже основания поселения, был предположительно датирован ею V–IV вв. до н.э. по находкам в нем фрагментов керамики с глиняной обмазкой внешней поверхности (Пикуль М.И. 1967. С. 49). Однако такая керамика существовала и в албано-сарматский период (Давудов О.М. 1996. С. 95–96. Рис. 33). Как видно, датировка и интерпретация оборонительных сооружений и самого городища весьма шатки.

К «древнейшим из известных ныне в Дагестане памятников, которым уже присуща большая часть признаков древнего города», В.Г.Котович относил и датированное началом I тыс. до н.э. городище Шах-Сенгер с его развитой оборонительной архитектурой и трехбашенной цитаделью. В ней исследователь видел «резиденцию местных правителей — носителей уже наследственной, а не выборной власти и тем самым свидетельство далеко зашедшей социальной дифференциации местного общества» (Котович В.Г. 1980. С. 83). Однако четко обозначенная двухчастная структура городища, характер фортификации, наличие полукруглых башенных выступов вызвали сомнения в правомочности такой датировки и интерпретации памятника. Позже, как указывалось выше, городище было передатировано более чем на тысячу лет (Давудов О.М., Абакаров А.И. 1985. С. 128–130; 1986. С. 94–95; Абакаров А.И. 1986а. С. 6–7).

Предложенные В.Г.Котовичем датировки памятников и в особенности их оборонительных сооружений как наиболее яркой морфологической черты городищ, с последующими выводами и интерпретациями социально-экономического и культурно-исторического порядка, сделанными без тщательного анализа конкретного археологического материала, дали ему возможность прийти к заключению, «что в раннежелезном и скифском периоде был сделан новый шаг в развитии укрепленных бытовых памятников протогородского типа». Исследователь считал возможным рассматривать некоторые городища Дагестана, отнесенные им к эпохе раннего железа, как «формирующиеся городские центры» и говорить о «коренных изменениях, огромном скачке» в урбанизации Дагестана в албано-сарматский период (Котович В.Г. 1980. С. 85). Вместе с тем В.Г.Котович, скорее всего, сомневался в своей концепции процесса урбанизации и в той же статье отмечал, что «образование крупных и малых городов и укрепленных поселений протекало в Дагестане практически в те же исторические сроки, что и в Восточном Закавказье, а именно — в период существования Кавказской Албании» (Котович В.Г. 1980. С. 93), т.е. в последних веках до н.э. — первых веках н.э.

Эта неуверенность исследователя в своих научных построениях получила отражение и в соответствующих, написанных им параграфах «Истории народов

Северного Кавказа». В этом обобщающем труде, с одной стороны, отмечается существование городищ Шах-Сенгер, Урбеки и других «с самого начала ранне-железного века», появление в начале I тыс. до н.э. «на укрепленных городищах цитаделей, служивших постоянными резиденциями выделившейся знати», «резкое возрастание числа больших и малых городов в Прикаспии» в албано-сарматское время, а с другой — указывается, что в последние века I тыс. до н.э. «по мере развития торговли и торговых связей некоторые поселения Прикаспийского Дагестана начинают разрастаться в города» (История народов... 1988. С. 63, 66, 83, 90). К числу таких городов автор отнес городища Дербент, Таргу, Махачкалинское.

Кроме того, В.Г.Котович дал характеристику древних городищ и уровня социально-экономического развития Дагестана в албано-сарматский период. Прежде всего этот период был оценен им как важный этап урбанизации региона, протекавшей в условиях развития экономики, международных торговых связей, изменения социального облика местного общества. Исследователь справедливо считал, что «древние города Дагестана возникли в первую очередь как города, основанные на земледелии» (Котович В.Г. 1980. С. 93). Он отметил складывание в это время новой формы расселения, характеризуемой группированием серии малых городов (по терминологии В.Г.Котовича) и поселений вокруг крупного города и отраженной в сведениях Клавдия Птолемея о взаиморасположении крупных городов и других населенных пунктов Кавказской Албании (там же, с. 91–92). В группе таких компактно расположенных, геоморфологически обособленных памятников автор видел соответствие «конкретным исторически сложившимся территориально-политическим образованиям», типологически более или менее адекватным грузинскому *хеви*, армянскому *гавар*, иранскому *шахр* (там же). Крупные же городища Приморского Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени В.Г.Котович интерпретировал как «столичные центры формировавшихся раннеклассовых политических образований» и одновременно отмечал, что интерпретация малых городищ встречает серьезные трудности (там же, с. 89).

Последние, как считают А.И.Абакаров и М.Г.Гаджиев, исследовавшие памятники Левашинского плато, могли принадлежать «достаточно независимым социально-политическим организациям», на что указывают их оборонительные укрепления, свидетельствующие об их значительной политической самостоятельности. Они склонны видеть в них укрепленные поселения и независимую общину, проводя параллель с подобной социально-политической организацией общества Малой Азии позднеантичного времени (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 129–130). В целом взаимосвязанная группа городищ Левашинского плато представляется им как свидетельство существования «социально-политического объединения, через которое отчасти могла реализовываться независимость отдельно взятой общины» (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 129–130). Хотя первоначально они рассматривали их как остатки одного из раннесредневековых политических образований — княжества Филан (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1973. С. 8).

Вместе с тем М.Г.Гаджиев и А.И.Абакаров пришли к выводу, что исследованные ими поселения горного Дагестана свидетельствуют о существовании раннеклассовой структуры общества, и, в отличие от В.Г.Котовича, сделали заключение о том, что процесс урбанизации в Дагестане протекал «в албанское

время в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э.» одновременно со сложением раннеклассового общества (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 131–132).

Взгляд В.Г.Котовича на время становления и развития городов в Дагестане был поддержан О.М.Давудовым в тезисах доклада, посвященного типологии и генезису древних городов Дагестана. Им было отмечено, что «бытовые памятники Дагестана эпохи бронзы и раннего железа отчетливо иллюстрируют переход от оседлых земледельческих поселений к поселениям качественно нового типа, именуемым древними городами». По его мнению, «если городища Дагестана предскифского и скифского времени характеризуются как памятники протогородского типа, то в албано-сарматское время для них характерны признаки, свойственные городам...» (Давудов О.М. 1984. С. 43–44).

Хотя следует заметить, что О.М.Давудов, так же как и В.Г.Котович, сомневается в своей концепции. В вышеназванной «Археологической карте Дагестана» он в параграфе по археологии раннежелезного века ничего не говорит о формировании древнего города, а в разделе, посвященном следующему историческому периоду, пишет: «Города или городские поселения албанского времени в ряде случаев возникли на месте укреплений скифского времени, на пересечении международных и местных коммуникаций, связывавших горный Дагестан с Прикаспием, в результате развития ремесла и торговли. Процесс становления городов или поселений городского типа наиболее интенсивно протекал в последние века I тысячелетия до н.э.» (Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. С. 70). К остаткам городов или городских поселений этого времени им отнесены городища Дербент, Урзеки, Таргу, Чичикар, Верхнелабкомахинское и др., «являвшиеся торгово-ремесленными, административными и культурными центрами».

В дальнейшем, в диссертационном исследовании и монографии, посвященной материальной культуре Дагестана албано-сарматского времени, О.М.Давудов в связи с передатировкой городища Шах-Сенгер начало процесса урбанизации отнес к скифской эпохе, когда уже имелись, по мнению автора, предпосылки для возникновения протогорода: «существовала оседло-земледельческая экономика... были развиты ремесла, основные отрасли которых уже специализировались, имелась торговля и достаточно сложный социальный организм общества в виде военной демократии» (Давудов О.М. 1990. С. 8; 1996. С. 307–308, 347). Важным фактором процесса урбанизации, как считает О.М.Давудов, явились «длительные войны со скифскими кочевниками», опасность, возникавшая от непосредственных соседей, что «ставило дагестанцев перед необходимостью защиты своих поселений путем возведения вокруг них искусственных укреплений». При этом исследователь опирается на легендарные известия Леонти Мровели (XI в.) о войне скифов с леками и кавкасами, о постройке Хозонихом, отступившим в горы под натиском скифов, города Хозонихети, а также на факт возведения первых укреплений в Дербенте (Давудов О.М. 1996. С. 308–309), которые А.А.Кудрявцев предположительно оценил как ответную меру местного населения на поход или походы кочевников через Дербентский проход в конце VIII — начале VII в. до н.э. (Кудрявцев А.А. 1982. С. 40–42).

В крупных городищах скифского времени, по мнению О.М.Давудова, формировалась гетерогенная соседская община, из которой и возникла городская община, а «градоопределяющим элементом здесь стало выступать крестьянство, организованное в общины». Вместе с тем, противоречия своей же точке зрения

о том, что население этих протогородов «в основной своей массе оставалось членами поземельных общин и продолжало заниматься земледелием и скотоводством», исследователь отмечает, что археологические материалы «указывают на разнообразие функций населения крупных городищ, особенно на преобладание в них ремесел и торговли с попутным занятием земледелием» (Давудов О.М. 1996. С. 309). «Такие протогорода, — заключает автор, — к началу I тыс. до н.э. трансформировались в города» (Давудов О.М. 1996. С. 309).

В работе О.М.Давудова была дана характеристика материальной культуры Дагестана албано-сарматского времени, приведен общий обзор архитектуры городищ и поселений, рассмотрены вопросы хронологии и историко-культурной интерпретации памятников региона, хозяйства и социальной структуры местного общества (Давудов О.М. 1990; 1996), которые имеют непосредственное отношение к изучению проблемы становления древнедагестанского города, к социально-экономической характеристике условий, в которых протекал процесс урбанизации. Вместе с тем заключения автора о возникновении в рассматриваемое время «института мастеров, подмастерьев, учеников и подсобных рабочих» в гончарном ремесле, металлургии и металлообработке, в строительном деле, о возможном существовании торгово-ремесленной знати (Давудов О.М. 1990. С. 29–30, 32), как и ряд других выводов и наблюдений, рисующих довольно высокий уровень социально-экономического развития дагестанского общества, предстают малоубедительными, и с ними трудно согласиться.

Суждения исследователя по проблеме и времени возникновения города, степени развития социально-экономических отношений в регионе были подтверждены и в написанных им разделах «Истории Дагестана с древнейших времен до конца XV в.» (Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. 1996. С. 111–113, 135–138). В этой работе он также относит начало урбанизации к скифскому времени и отмечает, в частности, что в раннежелезном веке был сделан «резкий скачок в развитии строительного дела», в это время «появляются крупные, высокоразвитые архитектурные, в том числе фортификационные комплексы, для возведения которых требовались большие навыки и знания строительного и военно-инженерного дела», а «большая трудоемкая работа по строительству, добыче, обработке и подвозу стройматериала определяла участие большого количества оторванной от сельского хозяйства рабочей силы в строительстве» (там же, с. 112, 113).

Совершенно иной точки зрения о времени возникновения древнего города Дагестана придерживается А.А.Кудрявцев. Следует заметить, что он рассматривает Дербент скифской эпохи не как протогород, а как укрепленное поселение, отмечая при этом небрежный характер кладки оборонительных сооружений, «скорее напоминающей навал камней» (Кудрявцев А.А. 1977. С. 134). Анализ сведений письменных источников и археологических материалов позволил ему прийти к выводу, что в албано-сарматский период Дербент превращается из военно-стратегического пункта, контролировавшего Дербентский проход, в значительный город Кавказской Албании. Причем город, сохранив свою военную функцию, приобрел в это время и торгово-экономическое значение (Кудрявцев А.А. 1982. С. 56–61; 1982б. С. 165–185; 1983. С. 106–107).

Свой взгляд на проблему раннего города А.А.Кудрявцев изложил в тезисах доклада, посвященного возникновению и развитию городов древнего и средневекового Дагестана (Кудрявцев А.А. 1988б. С. 50–54). Он рассматривает ранние

города Дагестана как продукт сложного процесса развития местного оседло-земледельческого общества и относит их появление к последним векам до н.э. — началу н.э., к периоду, характеризующемуся «крупными сдвигами в социально-экономическом и политическом развитии народов Закавказья, Восточного и Северо-Восточного Кавказа, активной консолидацией военно-племенных союзов, сложением обширных государственных образований, формированием классов-сословий», вхождением значительной части Дагестана в состав Кавказской Албании (там же, с. 50–51). Автор отмечает особую роль в процессе становления города международной торговли по Прикаспийскому пути, «в наиболее важных местах которого стали складываться крупные торгово-ремесленные центры». По мнению исследователя, «древние города Дагестана возникли, как правило, на месте более ранних поселений эпох поздней бронзы и раннего железа», которые «к рубежу нашей эры превратились в значительные раннедагестанские города»; остатками таких городов являются Торпахкалинское, Дербентское, Урцекское городища, характерной чертой которых выступает их двухчастная структура — цитадель-крепость и собственно город (там же, с. 51). Здесь А.А.Кудрявцев, очевидно, опирается на первоначальную датировку городища Торпах-кала первыми веками н.э. (Исаков М.И. 1941. С. 156–157; 1959. С. 204). Но остается неясным, какие памятники эпохи поздней бронзы автор имел в виду, так как на городище Урцеки слои этого времени отсутствуют, не выявлены они и в Дербенте, хотя здесь имеются отдельные находки поздне-бронзовой эпохи (фрагменты керамики, бронзовые секира и кинжал закавказско-переднеазиатского типа).

В работах А.А.Кудрявцева, наряду с решением широкого круга вопросов истории и археологии Дербента раннесредневекового (сасанидского, арабского) и средневекового (сельджукского, монгольского) периодов, нашел отражение ряд важных вопросов, связанных с изучением города албано-сарматской (досасанидской) эпохи. В публикациях исследователя получили освещение стратиграфия и периодизация древнего Дербента, историческая топография и динамика развития города, фортификация и архитектура, типология и хронология керамики, погребальные памятники и социальная структура, роль Прикаспийского пути и Дербентского прохода как важнейших «ворот» этой международной трассы в торгово-экономических и культурных контактах, в процессе становления города (Кудрявцев А.А. 1974. С. 154–168; 1974а; 1976; 1977. С. 130–157; 1978. С. 243–257; 1979. С. 31–43; 1982. С. 13–65; 1982б. С. 165–185; 1983. С. 83–107; 1985. С. 125–146; 1987. С. 52–71; 1988. С. 4–5; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1988а. С. 8–9; 1991. С. 87–115). Многолетние археологические исследования Дербента явились весомым вкладом в решение многих актуальных проблем древней и средневековой истории и археологии Дагестана и Восточного Кавказа.

Изучению ряда вопросов проблемы древнего города Дагестана была посвящена диссертация С.В.Мокроусова «Материальная культура городов Дагестана албанского времени» (Мокроусов С.В. 1988). В этой работе, а также в серии публикаций автора (Мокроусов С.В. 1988а. С. 53; 1989. С. 80–81; 1994. С. 31–39; 1995. С. 168–173; 1995а. С. 61–70), основанных на анализе археологических материалов Дербента, Урцеки, Таргу, получили освещение вопросы фортификационного строительства, архитектуры и гончарного производства. Важны выводы автора по хронологии городищ, датировке их оборонительных сооружений.

Им предпринята безуспешная попытка установления общих черт и особенностей, местных традиций и внешних влияний в материальной культуре раннегородских центров Дагестана. Исследователь в определенной мере показал своеобразие оборонительной и жилой архитектуры, гончарного ремесла ранних городов Дагестана в сравнении с городскими центрами Кавказской Албании, расположенными на территории Азербайджана, а также некоторыми античными городами Армении и Иберии. Проведенное С.В.Мокроусовым исследование позволило ему прийти к выводу о том, что «албанский период в истории Дагестана является временем оформления на его территории городов и развития городской жизни» (Мокроусов С.В. 1988. С. 17).

Типология поселений рубежа албано-сарматского и раннесредневекового периодов, и в том числе интересующих нас городищ, представлена в работах Л.Б.Гмыри (Гмыря Л.Б. 1980а; 1980б. С. 159–165). Общая характеристика укрепленных поселений албано-сарматского времени приводится в статье М.П.Абрамовой, посвященной особенностям культуры населения Дагестана этого периода (Абрамова М.П. 1987. С. 59–73). Сжатый обзор некоторых городищ этого времени дан В.И.Марковиным в соответствующей главе тома «Археологии СССР» (Марковин В.И. 1989. С. 285, 290). Вопрос о древних городах Дагестана затрагивался и М.Р.Гасановым (Гасанов М.Р. 1995. С. 11–13; История Дагестана... 1997. С. 45–46). Отчасти дагестанские материалы использовались азербайджанскими исследователями в работах, посвященных материальной культуре, городам, экономике Кавказской Албании (Халилов Дж.А. 1985; 1985а; Бабаев И.А. 1990; Нуриев А.Б. 1990; Мехтиев Т.С. 1990). Вопросы истории и археологии Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени, в том числе проблемы древнего города и становления раннеклассового общества, социального и экономического развития региона, хронологии и идентификации памятников, материальной и духовной культуры Дагестана, получили отражение и в публикациях автора настоящего исследования 1978–1999 гг.

Как показывает приведенный обзор, сорокалетнее археологическое изучение бытовых памятников Дагестана дало возможность не только создать значительную исследовательскую базу, но и приступить к решению сложной и актуальной проблемы становления и развития городов на Северо-Восточном Кавказе. В работах исследователей получил освещение определенный круг вопросов, связанных с этой темой. Наряду с публикацией и анализом археологических материалов отдельных городищ, интерпретацией тех или иных из них как памятников раннегородской культуры учеными предприняты попытки обобщающего взгляда на проблему возникновения дагестанского города. Они в целом единодушны в том, что становление городов и последующее развитие городской жизни на Северо-Восточном Кавказе явилось результатом объективного процесса социально-экономического и культурно-исторического развития местного общества. При этом в их работах акцентируется внимание на стадийном характере урбанизации, протекавшей параллельно с процессом перехода от доклассового общества к классовому. Хотя отметим, что эти и иные суждения по проблеме древнего города Дагестана часто носят тезисный характер, а порой не основаны на прочной базе исторических фактов, не подкреплены тщательным исследованием и анализом конкретного археологического материала, стратиграфии и хронологии памятников, что приводит к неадекватной трактовке данных археологии. Многие тезисы в этих работах лишь излагаются, но не доказываются.

Таким образом, в настоящее время в исторической науке сложились две точки зрения на время начала процесса урбанизации местного общества, возникновения древнего (раннего) города на территории Дагестана. Согласно одной из них, древний город (или протогород, по терминологии авторов) формируется уже в скифское время (VII–IV вв. до н.э.), а в последующий период, к концу I тыс. до н.э., он превращается в город как таковой с «выразительными городоопределяющими признаками». Согласно другой — время становления и развития первых городов приходится на албано-сарматский период (III в. до н.э. — III в. н.э.), на время вхождения значительной части Дагестана в состав первого государственного образования на территории Восточного Кавказа — Кавказской Албании. За этими мнениями ученых кроются и их различные оценки формационной принадлежности и уровня социально-экономического развития, достигнутого дагестанским обществом в тот или иной период его истории и обусловившего переход от первобытности к цивилизации, от родовых поселков к ранним городам.

## Глава II

---

# ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩ ДАГЕСТАНА ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ до н.э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н.э.

### 1. ПЛАНИРОВКА И ФОРТИФИКАЦИЯ

К началу 1960-х годов исследователи еще не имели возможности привлечь для характеристики оборонительной архитектуры Дагестана албано-сарматского времени ни одного памятника. В настоящее время количество археологически обследованных (правда, в разной степени) объектов уже позволяет подойти к определению ведущих черт этой архитектуры. В результате проведенных исследований на территории Дагестана выявлено несколько десятков бытовых памятников, имеющих слои этого времени (Давудов О.М. 1996. С. 62. Рис. 1), и среди них такие городища, как Дербент, Чичикар, Чакавуркент, Эскиюрт, Таргу, Алхаджикентское Гяур-кала, Урзеки, Губденское, Шамшахар, Маяк, Генторун, Инглис-тюбе, Махачкалинское (Таркинское), Андрейаульское, Карамахинское Аяппясла кьякь, Хивли-барг, Ахкентское, Сукара, Кулешминское, Охлинские Меседил мицир и Иваниласул мицир, Урминские 1–3, Нижнечуглинское, Левашинские 1 и 2, Какамахинское, Гуржиюрт, Верхнелабкомахинское, Цыйшинское (рис. 1). На большинстве из этих памятников, как уже отмечалось, проводились визуальные исследования, и их датировка в рамках I–III — VIII–IX вв. (с более широким хронологическим диапазоном на многослойных объектах) определялась по подъемному материалу, керамике из обнажений, представленной фрагментами характерной для Дагестана красноангобированной, красноглиняной, сероглиняной, серолошенной и иной посуды. Такая датировка основывалась в большой мере на существовавшей хронологии городища Урзеки — первого масштабного исследованного и ставшего опорным памятником. На ряде городищ, где производились археологические раскопки, были получены важные данные, характеризующие их архитектурный облик, принципы, приемы и конструктивные элементы фортификационного строительства, планировку оборонительных сооружений, соотношение их с конкретной природно-географической ситуацией памятника. Накопленные материалы позволяют подойти к освещению

проблемы взаимосвязи процесса развития и совершенствования фортификации и архитектуры в целом с социально-экономическим развитием дагестанского общества албано-сарматской эпохи, с возникновением городов, влияния на этот процесс участвовавших войн и военных столкновений, развития всего военного искусства эпохи.

Поскольку в литературе отсутствует сводка памятников оборонительного зодчества и сведения о них в большинстве разбросаны по отдельным статьям, а иные вообще не опубликованы, представляется уместным дать описание ряда наиболее изученных городищ. Это позволит яснее представить то общее и особенное, что было свойственно оборонительной архитектуре Дагестана на важнейшем этапе его истории. С вопросами фортификационного строительства и в целом обороны тесно связаны топографические данные, как микрорельеф памятника, так и его общегеографическая ситуация, которые обуславливали выбор места и для самого городища, и для создания его оборонительных сооружений. Поэтому будет целесообразно остановиться и на характеристике местоположения наиболее исследованных древних городищ, расположенных в различных природно-географических зонах Дагестана, а именно — Урзеки, Дербент, Таргу, Охлинского, Цыйшинского.

**Городище Урзеки** находится в одноименном урочище, в 4–4,5 км к юго-западу от сел. Уллубий-аул (рис. 2). Здесь, на границе предгорной и равнинной зон в средней части Дагестана, горные хребты близко подходят к каспийскому побережью, оставляя, подобно Дербентскому проходу, узкий коридор шириной 4–5 км, а у мыса Бойнак фактически перегораживающие его. Урочище находится за передовым хребтом, в 7 км от прикаспийской равнины и представляет собой замкнутую с трех сторон узкую и длинную, подтреугольной формы долину. Она ограждена двумя, местами обрывистыми, грядами, смыкающимися в северной части и представляющими собой естественные преграды, и открыта с восточной и юго-восточной сторон, где протекает р. Количи (Джанга-Кулачай). Склоны хребтов, ограждающих долину, террасированы для занятий земледелием, а в ряде мест исследователи обнаружили «крупные загоны для скота, представляющие собой ограды, примыкающие, как правило, к невысоким обнаженным скалам», «остатки одиночных каменных строений, нередко крупных». Найденные в пределах долины фрагменты керамики и шлаков свидетельствуют об интенсивном использовании человеком территории Урзекской долины (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 9), которая занимает площадь более 2000 га.

Собственно городище расположено на небольшой овальной в плане возвышенности (450 × 250 м) и прилегающей к ней территории в юго-восточной части долины (рис. 3). Оборонительные стены городища протяженностью свыше одного километра (Магомедов М.Г. 1970а. С. 8–9), повторяя очертания основания возвышенности, ограждают территорию площадью около 8 га. Вершину возвышенности занимает укрепленная цитадель подпрямоугольной формы (110 × 60 м) площадью около 0,7 га, повторяющая в плане контуры вершины и защищенная оборонительными стенами протяженностью около 350 м (рис. 4).

Примерно половина площади городища, огражденной крепостными стенами, террасирована (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 8; Магомедов М.Г. 1970а. С. 8) с западной и южной сторон. Четыре-пять террас шириной 20–70 м укреплены подпорными стенами, сложенными из крупных камней без

скрепляющего раствора и обеспечивавшими сохранность почвы и жилищно-хозяйственных сооружений от размыва дождевыми потоками.

К городищу вело несколько древних дорог, следы которых сохранились в виде колеи глубиной 0,3–0,5 м и шириной 1,2–1,5 м. На отдельных участках дорог колеи были обложены на 15–20 м с обеих сторон вертикально поставленными известняковыми плитами или ограждены небольшими каменными стенками, сложенными насухо. Древние дороги, функционирующие и в настоящее время, связывали городище с соседними территориями: одна шла в северо-восточном направлении через горную грядку, закрывающую долину, в сторону сел. Улубий-аул, а оттуда к Прикаспийскому пути, другая — в западном направлении, в сторону Горного Дагестана, к городищам Шамшахар и Губденскому (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 10). Третья дорога, прослеженная на расстоянии около 2 км, вела от главных ворот (въезд № 2) вдоль южных оборонительных стен городища, затем в южном направлении через въезды-проемы «длинных» стен, защищавших вход в долину с открытой стороны, и далее по гребню и склонам отрога горы Шеря-баш в сторону Прикаспийской низменности (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 10; 1964. С. 30–34, 38, 45–46). Еще одна обложенная камнями дорога вела от центральных ворот на некрополь, расположенный в 200 м к югу от него (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 10; 1964. С. 30; Атаев Д.М. 1963. С. 1). Помимо этого остатки древних дорог-улиц были выявлены и в пределах огражденной крепостными сооружениями территории городища.

Фортификационный комплекс городища Урцеки представлен оборонительными стенами цитадели, собственно городища и четырьмя линиями «длинных» стен, возведенных на ближних и дальних подступах к городищу. Исследование оборонительных сооружений городища, проведенное М.Г.Магомедовым, позволило выделить два разновременных строительных периода, относящихся к албано-сарматскому (III в. до н.э. — IV в. н.э.) и раннесредневековому (V–VI вв.) времени и различающихся между собой главным образом конструктивными особенностями, строительными приемами, что отчасти было обосновано стратиграфическими наблюдениями и комплексом археологических материалов (Магомедов М.Г. 1970. С. 49–67; 1970а. С. 7–9, 11). Как считает исследователь, в первый период были укреплены цитадель, городище и, вероятно, сооружена ближайшая к городищу линия «длинных» стен, закрывавшая доступ в долину и к городищу с открытой, юго-восточной стороны (Магомедов М.Г. 1970. С. 49–64, 67; 1970а. С. 7–9). Во второй строительный период были дополнительно укреплены оборонительные стены цитадели и городища, главным образом за счет увеличения их толщины, появились новые башни в системе обороны, а также сооружены новые линии обороны — «длинные» стены на пути к городищу (Магомедов М.Г. 1970а. С. 9; см. также: Котович В.Г. 1965. С. 155).

С.В.Мокроусов, изучавший оборонительную архитектуру городища Урцеки, также выделяет два периода в развитии фортификации памятника: албанский (I–III вв. н.э.) и раннесредневековый (рубеж IV–V вв.), но по-иному интерпретирует некоторые архитектурные остатки (Мокроусов С.В. 1994. С. 31–38).

Техника возведения оборонительных сооружений городища албано-сарматского времени характеризуется монолитной кладкой, главным образом из крупных рваных блоков без применения скрепляющего раствора. Толщина стен варьировала в пределах 1,0–1,5 м, а прочность и надежность их достигалась как

тщательностью кладки, так и самой массивностью каменных блоков, придававших устойчивость всей конструкции (Магомедов М.Г. 1970а. С. 7). Этому же способствовала укладка под крупные камни и между ними мелкого бута. М.Г.Магомедов отмечает на отдельных участках оборонительных стен наличие «древней, так называемой „циклопической“ кладки, возведенной из особо крупных блоков», а также признаки появления техники панцирной кладки (там же, с. 8). Он полагает, что уже в первом строительном периоде были возведены оборонительные башни или башенные выступы на наиболее уязвимых участках обороны цитадели, для оформления и укрепления крепостных ворот, а также вдоль западной и южной стен цитадели была построена передовая оборонительная стена — протейхизма. Основным же оборонительным рубежом в албано-сарматское время являлись крепостные стены (там же, с. 8).

Более поздние оборонительные сооружения Урцекского городища, возникновение которых М.Г.Магомедов относит к V–VI вв., а С.В.Мокроусов — к рубежу IV–V вв. (Мокроусов С.В. 1994. С. 38), характеризуются применением панцирной техники кладки, значительно увеличившей толщину и мощность крепостных стен, возрастанием роли башен, выступавших важными узлами в системе обороны (Магомедов М.Г. 1970. С. 179; 1970а. С. 10–11).

*Оборонительные сооружения цитадели* (рис. 4) были обследованы по всему периметру и вскрыты на протяжении свыше 200 м в северо-западной (раск. 1), западной (раск. 13, 14), юго-западной и южной (раск. 2, 6) частях цитадели. В систему оборонительных сооружений цитадели входили крепостные стены, опоясывающие ее, барьерная передовая стена, или протейхизма (по мнению В.Г.Котовича и М.Г.Магомедова), и шесть башен и башенных выступов, два из которых фланкировали въезд в цитадель.

Остатки ранней оборонительной стены сохранились участками по всему периметру цитадели. Наиболее хорошо они прослежены на северо-западном и юго-западном направлениях (Котович В.Г. и др. 1963. С. 73–74; Магомедов М.Г. 1970. С. 49–64). На время ее возникновения (помимо стратиграфических данных и керамических комплексов, которые рассмотрены ниже) могут указать находки с уровня пола помещения 10 (раск. 2), примыкавшего к юго-западной оборонительной стене между башней цитадели и левой привратной башней (рис. 5) и возведенного не ранее ее, костяного четырехгранного втульчатого наконечника стрелы (Котович В.Г. и др. 1963. С. 7–8) и фрагмента серолошенной чашечки (рис. 44, 17) с резным декором (Мокроусов С.В. 1994. С. 38).

В зависимости от микрорельефа местности древняя оборонительная стена цитадели возводилась или непосредственно на выровненной площадке нижележащего культурного слоя древнего поселения (Котович В.Г. и др. 1962. С. 63), или, чаще, вплотную к вертикальному срезу эскарпированного склона возвышенности, на материковой почве, как это наблюдается на западном (раск. 1, 13) и южном (раск. 2, 6) направлениях оборонительных стен (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 68; 1963. С. 14)<sup>4</sup>. Склон эскарпировался на высоту от 1,0 до 1,5 м, вероятно в соответствии с его крутизной, для придания необходимой устойчивости стене. С внутренней стороны склон нивелировался под возводимые домостроения цитадели, которые примыкали к оборонительным стенам.

<sup>4</sup> См. также: Альбом к Отчету за 1961 г., разрезы А–Б, Д–Е раскопа 6.

Нередко оборонительные стены усиливались прилегающими к ним стенами помещений, толщина которых достигала 1,1–1,2 м (в отличие от других стен помещений, имевших толщину 0,6–0,8 м). Таким образом, общая толщина оборонительной стены доходила до 2,1–2,7 м. Этот прием зафиксирован на северо-западном (раск. 1) и южном (раск. 2, 6) участках цитадели (рис. 6).

Позднее, очевидно на рубеже албано-сарматского и раннесредневекового времени, фортификационные сооружения цитадели на стратегически важных западном и южном направлениях были дополнительно укреплены с использованием предшествующих оборонительных стен, которые явились на ряде участков внутренним панцирем для новых стен. На указанных направлениях толщина стен была доведена в основном до 2,0–2,6 м, при сохранности в высоту до 2,5 м (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 27, 67; 1962. С. 46, 49, 63; 1963. С. 73–74). У северо-западного и юго-западного углов цитадели, где состыковывались (без перевязки) встречные оборонительные стены (рис. 6, 7), толщина их увеличилась до 3,5–4,0 м (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 19; 1963. С. 73–74), что объяснялось как стратегическими особенностями этих участков (увеличение обзора, возможность вести фланговый огонь), так и техническими (изменение основного направления стен почти на 90°, отсутствие перевязки) возможностями и причинами. Стены возводились отдельными участками, на что указывает наличие вертикальных швов по всей сохранившейся их высоте (Котович В.Г. и др. 1962. С. 19, 21).

Возводились стены, как и в предшествующий период, без связующего раствора, техникой панцирной кладки (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 27; 1962. С. 19, 63; 1963. С. 14, 74). При сооружении внутреннего (на тех участках, где ранняя оборонительная стена не послужила панцирем для новой) и внешнего панцирей стены использовался крупный бутовый камень, часто с подборкой камней правильных форм и редко с частичной их обработкой (рис. 8, 9). Толщина панциря колебалась от 0,5 до 0,7 м (1–3 ряда в зависимости от размера камня). Как правило, в основание стен укладывались более крупные камни, а на отдельных участках панцири возводились регулярными горизонтальными рядами. Как и на предыдущем этапе, использовался важный технический прием — сооружение эскарпа, обеспечивавший большую фасадную высоту и прочность оборонительной стены, опиравшейся у основания своим телом на вертикальный срез склона. Разница отметок подошв внешнего панциря (и тела стены) и внутреннего панциря, т.е. высота эскарпа, составляла в основном около 1,5 м, хотя на некоторых участках она уменьшалась до 1,0 м или увеличивалась до 1,7 м.

Пространство между панцирями забутовывалось рваным камнем, щебнем и землей, а в некоторых случаях — на стратегически опасных участках, требующих повышенной прочности кладки (юго-западное направление, раскоп 2), — кладкой из массивных камней правильной формы, близкой по характеру к кладке панцирей (Котович В.Г. и др. 1962. С. 19).

Оборонительные стены цитадели Урцекского городища возводились вертикально, т.е. не имели некоторого наклона фасадной их стороны, который бы обеспечил большее «мертвое» пространство. Единичными случаями представлены такие конструктивные детали, как ступени в основании оборонительных стен и контрфорсы, способствовавшие большей устойчивости сооружения. Они зафиксированы на западном участке фортификации цитадели (раск. 13). В од-

ном случае нижние ряды внешнего панциря выступают на 0,2 м, образуя ступень длиной около 3 м, в другом (в месте некоторого изменения конфигурации стены при сохранении основного ее направления) — на 0,3–0,6 м и на протяжении около 6 м (рис. 10).

Контрфорсы представляют собой три узких и высоких выступа-пилястра (длиной 1,4–1,6 м, шириной около 0,5 м, при сохранившейся высоте 1,5–2 м), сложенных насухо из бутового камня правильной формы и пристроенных к оборонительной стене на участке напротив помещения 1 на расстоянии 1,9–2,2 м друг от друга (рис. 10). По всей видимости, они появились в период, когда оборонительная стена на этом отрезке подверглась перестройке, возможно в результате разрушения, и явилась частично основанием для возведенных на ней стен помещения 1. В итоге перестройки толщина оборонительной стены сократилась фактически до толщины внешнего панциря, ставшего одновременно и одной из стен помещения.

Важным элементом в системе фортификации цитадели являлись оборонительные башни, которые, однако, не играли ведущей роли в обороне. Они не имели регулярного расположения и находились, вероятно, только на стратегически важных направлениях (рис. 4). Две башни (одна из которых, северо-восточная, скорее являлась башенным выступом) фланкировали ворота цитадели, одна — являлась угловой и три — располагались на длинных фасадах южной и западной крепостных стен. Все башни имеют прямоугольную форму и являются глухими, без внутренних камер. Боевые площадки для защитников крепости, очевидно, располагались наверху за парапетами. Судя по размерам, технике кладки, башни не возвышались над крепостными стенами, были с ними одной высоты и имели прямое сообщение. На это также могут указывать остатки лестницы, сохранившейся с левой внутренней стороны у ворот цитадели и которая вела на оборонительную стену и привратную башню (см. ниже). Башни примерно одинаковы по размерам (за исключением одной крупной), идентичны по технике кладки (в целом аналогичной панцирной кладке оборонительных стен), и все они пристроены к крепостным стенам, не имея с ними перевязки, что указывает на их более позднее строительство. Башни возводились на выровненной горизонтальной площадке на одном уровне с прилегающими отрезками крепостных стен.

Одна из башен была возведена в юго-западном углу цитадели с западной фасадной стороны (рис. 7), причем так, что одна из ее боковых сторон продолжала фас крепостных стен (раск. 2). Вынос башни — 2 м, длина — 4,25 м (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 27). В высоту сохранились 12–13 рядов кладки. Наружные грани образуют панцирь толщиной 0,6–0,7 м, который сложен из крупного и среднего бутового камня, иногда с легкой подтеской, часто плитчатого, правильной формы, с укладкой более крупных блоков у основания башни. Шели заложены мелкими камнями, а тело представляет сплошной массив бута, щебня и земли. Следует отметить, что все три грани башни в местах стыковки имели между собой перевязку — конструктивный элемент, который не использовался при возведении крепостных стен, крайне редко встречается в жилой архитектуре городища, но представлен на всех башнях цитадели. Этим приемом обеспечивалась большая устойчивость и надежность всей конструкции, имевшей относительно большую высоту и малую площадь опоры. Эту же цель преследовали строители, увеличивая толщину панцирем (по сравнению с панци-

рями крепостных стен), что особенно заметно на других башнях, и укладывая в основание более крупные камни, иногда большие квадраты (рис. 11), которые должны были частично компенсировать отсутствие наклона граней башен.

Другая подобная башня была расположена на линии южной оборонительной стены в 13,8 м к востоку от вышеописанной (рис. 7, 11). Она контролировала западный участок южной линии обороны цитадели на пространстве от угла цитадели до левой привратной башни, находившейся на расстоянии около 11,3 м от нее (рис. 4, 5). Башня имела вынос 2,25 м (по чертежам отчета — 2,4 м) и длину 4,8 м, при сохранившейся высоте в 7 рядов кладки. Она построена на скальных выходах в той же технике, с использованием тех же строительных приемов, что и описанная выше. Толщина панцирей этой башни доведена до 1,1–1,25 м, а в углах и у основания использованы крупные камни подпрямоугольной формы (размерами 0,25–0,4 × 0,2–0,3 × 0,6–0,8 м; 0,3 × 0,5 × 1,4 м) и квадраты (0,8–0,9 × 0,7–0,8 × 1,1–1,8 м).

Следующая башня была сооружена также на южной линии оборонительных стен цитадели (рис. 4) и контролировала восточный отрезок от ворот цитадели до юго-восточного угла крепости (раск. 6)<sup>5</sup>. Она находилась на расстоянии около 6,6 м (по чертежу; по тексту отчета — 6,1 м) от ворот цитадели, рядом с правой привратной башней-выступом, и около 14 м от юго-восточного угла цитадели (на том же расстоянии, что и предыдущая башня от юго-западного угла цитадели). Устройство этой башни аналогично вышеописанным. Длина ее 4,95 м, вынос — около 2,5 м.

Наиболее крупная башня располагалась на западной линии оборонительных стен цитадели (раск. 14) (Котович В.Г. и др. 1962. С. 66) на расстоянии свыше 30 м от угловой башни цитадели (рис. 4). Следует заметить, что с одной башни нельзя было увидеть другую, так как куртина между ними, примерно на равном от них расстоянии (около 15 м), несколько изменяла направление (около 14°) к востоку. Таким образом, с башен можно было контролировать только прилегающие к ним пролеты куртины. Этим, по всей видимости, было обусловлено местонахождение башни именно на западном фасае угла цитадели с целью фланкирования южного участка западной линии обороны, невидимого с крупной башни. Примыкающий же к юго-западному углу цитадели участок линии оборонительных стен, как ранее указывалось, контролировался с другой башни.

Эта крупная башня, как и отрезок крепостной стены, к которой она была пристроена, возводилась на культурном слое древнего поселения (Котович В.Г. и др. 1962. С. 66). Конструкция ее идентична другим башням. Задуманные крупные размеры башни побудили строителей и лучше укрепить ее основание: северный и южный углы башни были оформлены крупными подпрямоугольными блоками (соответственно 2,5 × 1,0 × 0,2 м и 2,2 × 0,5 × 0,3 м). Башня имела длину около 11 м (по чертежу; по тексту отчета — 11,3 м); вынос за линию крепостной стены у северного ее торца составил 3 м, у южного — 2,7 м, при сохранности в высоту до 1,5 м.

Остатки, вероятно, еще одной небольшой, сильно разрушенной башни были вскрыты в южной части раскопа 13, рядом с помещением 7 (рис. 4, 10). Какие-

---

<sup>5</sup> Описание ее в отчетах отсутствует, указана только ее длина. На плане раскопа 6 приведен лишь ее незначительный участок, что дает возможность определить величину выноса, характер устройства. Обозначена она и на планах цитадели, что позволяет уточнить ее местонахождение. См. (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961).

либо сведения о ней в тексте отчета отсутствуют, но она указана на плане раскопа и видна на фотографиях, позволяющих получить о ней некоторое представление. Находилась она на расстоянии около 10 м к северу от описанной выше крупной башни и была пристроена к оборонительной стене. По-видимому, она не только предназначалась для ведения флангового огня, но и значительно сокращала расстояние между оборонительной стеной и барьерной (подпорной) стеной (о ней ниже), оставляя узкий (около 0,9 м) проход. Проход этот был оформлен короткой стенкой (длиной 1,4 м, шириной 0,6 м), пристроенной к северному углу башни параллельно оборонительной стене цитадели и барьерной (подпорной) стене. От башни сохранились лишь нижние ряды кладки на высоту 0,5–0,85 м. Размеры башни — 2,4 × 2,4 м, возводилась она в той же строительной технике, что и остальные.

Наконец, отметим, что на планах цитадели и городища Урцеки (рис. 4) авторы раскопок помещают еще одну башню на северной линии оборонительных стен (раск. 1), но в полевой документации никаких иных данных о ней (как и об оборонительных стенах данного участка цитадели) не имеется. Поэтому мы ограничимся лишь констатацией данного факта.

Важное место в системе обороны цитадели городища Урцеки занимали привратные укрепления (раск. 6) (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 57–68), призванные обеспечить защиту въезда в крепость (рис. 12). Ворота и въезд располагались почти в середине южной оборонительной стены цитадели (рис. 4) и представляли собой проем в фортификационной линии, фланкированный с обеих сторон башнями. Пролет ворот — 3 м, длина наклонного коридора (с подъемом почти на 1,6 м) — около 3 м. На этом участке оборонительные стены сужаются до ширины панциря и имеют монолитную кладку толщиной свыше 1 м. Но они усиливались пристроенными к ним с внутренней стороны стенами прилегающих зданий, доводивших их толщину до 2 м, и с внешней — упомянутыми башнями.

Обе фланкирующие башни не примыкали вплотную к проему ворот, а были пристроены к оборонительной стене на одинаковом удалении от проема, равном 1,2 м. Конструкция их аналогична вышеописанным. Левая привратная башня имела вынос 2,75 м и длину 4,4 м, т.е. размеры, близкие к размерам угловой башни цитадели и двух других на южной линии оборонительных стен. Сохранившаяся высота ее наружного панциря — до 1,3 м, а забутовки — до 2,4 м. Отметим, что на углах и в основании уложены крупные подпрямоугольные блоки размерами 0,88 × 0,7 × 0,65 м, 0,92 × 0,7 × 0,57 м, 1,2 × 0,97 × 0,23 м. Правая привратная башня по существу является башенным выступом, так как имеет вынос всего на 1,4 м при длине 4,75 м. Наружный панцирь ее сохранился на высоту 1,6 м, а забутовка — до 2,4 м.

С внутренней стороны въезда, у помещения 11, были вскрыты остатки лестницы, ведущей на крепостную стену и левую привратную башню (рис. 12). От нее сохранилось четыре нижние ступени, сложенные из подпрямоугольных плит (10–20 × 18–25 × 20–45 см, 15–35 × 35–45 × 60–85 см), и забутовка, аналогичная заполнению стен и башен. Лестница имела ширину у основания около 0,8 м и, видимо, немного расширялась кверху. Высота каждой из ступеней (за исключением первой, высотой около 0,5 м) составляла 20–25 см, при ширине 35–40 см, т.е. вела вверх с углом подъема марша 26°. Она примыкала своей правой боковой стороной к прилегающему зданию и торцевой стороной опира-

лась на оборонительную стену. Начинаясь лестница на расстоянии около 5,5 м от внутренней грани крепостной стены. Зная величину угла подъема марша, а также длину лестницы по ее основанию, можно определить примерную высоту оборонительных сооружений цитадели, в частности привратных укреплений. С внутренней стороны высота их достигала примерно 3,3 м, а с наружной — учитывая высоту эскарпа у левой привратной башни (около 1,5 м) — до 4,8 м (рис. 13).

Как уже указывалось, толщина оборонительной стены на участке, прилегающем к воротам цитадели, составляла около 1 м, и, естественно, на таком узком участке не было возможности оборудовать парапет с бойницами и площадку для передвижения воинов. Представляется вероятным, что толщина стены определяла и ширину парапета (около 1 м), а площадкой для передвижения вдоль парапета служили участки крыш прилегающих зданий цитадели, соответствующие стены которых (толщиной 0,8–1,0 м) вплотную примыкали к оборонительной стене.

Можно предполагать, что на широких участках оборонительных стен (где была применена двухпанцирная кладка) роль парапета выполнял внешний панцирь, возможно возвышавшийся на необходимую для защиты воинов высоту над забутовкой (телом стены), выровненная поверхность которой являлась боевой площадкой.

Следующим поясом обороны цитадели городища Урзеки была стена (ширина 1,1–1,2 м, высота до 1,6–1,7 м), шедшая вдоль западной и южной стен цитадели и служившая боковой оградой проходившей у цитадели центральной дороги-улицы (рис. 4). М.Г.Магомедов и В.Г.Котович интерпретировали ее как протейхизму, или передовую оборонительную стену (Котович В.Г. и др. 1962. С. 64–67; Магомедов М.Г. 1970. С. 51–52), а С.В.Мокроусов — как оборонительную стену цитадели албанского времени (Мокроусов С.В. 1994. С. 34–36, 38). Видимо, эта стена, как ясно показало ее исследование на южном участке, представляла собой боковое ограждение центральной дороги-улицы. Иными словами, данная стена являлась «одевающей» стеной для дороги, защищая ее от осыпания грунта сверху, и вместе с тем предохраняла стены цитадели, расположенные на склоне, от разрушения в результате размыва грунта и оползня. Подобные стены — распространенное явление в условиях горного рельефа и характерны для традиционной архитектуры Горного Дагестана. В силу своих параметров и местоположения в пределах населенного пункта эта стена, конечно же, несла и оборонительную функцию, играла роль дополнительного рубежа обороны. Подобное явление наблюдается и на городище Таргу, вокруг цитадели которого была сооружена стена, исполнявшая роль подпорной и «одевающей» стены террасы-дороги, но вместе с тем и имевшая оборонительное значение (см. ниже).

М.Г.Магомедов и С.В.Мокроусов возникновение этой стены относят к албаносарматскому времени (Магомедов М.Г. 1970. С. 51–52; 1970а. С. 8; Мокроусов С.В. 1994. С. 34–36, 38). Она опоясывала цитадель с западной и южной сторон — стратегически наиболее опасных направлений, — повторяя в целом направление оборонительных стен.

На западной линии обороны рассматриваемая стена располагалась в 3–4 м от крепостных стен и ниже по склону холма (Котович В.Г. и др. 1962. С. 64). После возведения на этом участке крупной башни стена была перестроена и изменила направление, как в целом и дорога, близко повторив контуры башни

(рис. 4). На это указывает изменение направления этого участка стены, ее стратиграфическое положение (она залегает несколько выше ранее функционировавшей стены и пристроена к ней, не имея перевязки) и выявленные между башней и поздней ограждающей стеной остатки ранней. Последняя имеет то же стратиграфическое положение и направление, что и не подвергшийся изменению участок стены, и частично уходит под более позднюю. Этим, на наш взгляд, подтверждается факт существования этой стены на западном участке до возведения оборонительных башен, т.е. в албано-сарматский период.

У юго-западного угла цитадели ограждающая стена почти вплотную подходит к оборонительной башне, плавно огибая ее, и далее следует вдоль южной линии обороны (рис. 4). Здесь расстояние между крепостной стеной и ограждающей дорожкой стеной увеличивается до 6,5 м (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 67). Судя по планам цитадели, последняя прерывается перед въездом (на этот факт указаний в тексте отчетов нет), а в юго-восточной части, изменяя направление почти на  $90^{\circ}$ , вплотную подходит к углу цитадели.

Ограждающая центральную дорожку стена строилась в той же технике, что и ранние оборонительные стены цитадели — монолитной кладкой без связующего раствора. Ширина ее — 1,1–1,2 м (Котович В.Г. и др. 1962. С. 64). Она сложена из крупного и среднего бутового камня с использованием отдельных циклопических блоков (1,2–1,5 × 0,8–1,2 × 0,6–0,8 м). На некоторых отрезках эти блоки были выбраны, часть из них пошла на оформление углов и оснований оборонительных башен, что также свидетельствует, по мнению археологов, о ее существовании до начала возведения башен цитадели. На южной линии обороны на исследованном участке эта стена возводилась вплотную к эскарпированному на высоту около 1 м склону, а выше эскарпа — и с опорой на склон возвышенности, который в нужных местах подсыпался (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 67–68). Этим обеспечивалась нивелировка древней дневной поверхности, создание горизонтальной площадки-террасы (удобной для коммуникационных и оборонительных целей) между стеной цитадели и расположенной перед ней стеной, ограждающей центральную дорожку городища, которая вела в цитадель.

Как видно, планировка и направление крепостных сооружений цитадели городища Урпеки определялись как микрорельефом вершины возвышенности, так и потребностями обороны. Интересы защиты диктовали необходимость дополнительного укрепления крепости, в чем отразились новые явления в фортификации. Таковыми явились сначала возведение боковой стены вдоль центральной дороги, ведущей на цитадель, утолщение ранней стены цитадели и строительство новой с применением двухпанцирной кладки, а затем укрепление оборонительной стены башнями. Все эти нововведения в оборонительной архитектуре городища Урпеки были сосредоточены на западной и южной оборонительных линиях цитадели — на наиболее уязвимых участках обороны.

*Оборонительные сооружения городища.* Как отмечалось выше, прилегающая к цитадели часть городища Урпеки по склону возвышенности также была обнесена оборонительной стеной, достигающей по периметру протяжности более 1 км (рис. 3). Ее остатки впервые были обнаружены в 1961 г. К.А.Бредэ при раскопках зольного холма (раск. 7), примыкающего и частично настилающего стену, но были неверно интерпретированы (там же, с. 70–72). В 1964 г. М.Г.Магомедов исследовал эту оборонительную стену и устроенные в ней въезды на протяжении около 550 м (разрезы № 1–18), выявил ее направление, пара-

метры, строительную технику (Котович В.Г. и др. 1964. С. 18–32) и отнес ее возникновение к албано-сарматскому времени (Магомедов М.Г. 1970а. С. 7). Эта датировка подтверждается и находкой в нижних рядах оборонительной стены, выявленной под зольным холмом, костяного втульчатого, круглого в сечении наконечника стрелы (рис. 44, 12) (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 72) — тип, встречаемый (наряду с подобными, но трех- и четырехгранными) среди предметов вооружения Дагестана албано-сарматского времени и неизвестный в более позднее время.

При строительстве оборонительной стены городища использовались те же типы кладок и строительные приемы, что и зафиксированные на укреплениях цитадели, — монолитная и двухпанцирная кладки. Следует отметить, что в отличие от двухпанцирной кладки, примененной при сооружении цитадели, на оборонительных стенах городища панцири часто не имели четко выраженных внутренних граней, сливаясь с забутовкой (Котович В.Г. и др. 1964. С. 22, 30). На отдельных участках в основание стены укладывались массивные блоки подпрямоугольной формы (0,7–0,8 × 0,4–0,5 × 0,3–0,4 м; 1,0–1,1 × 0,25–0,7 × 0,2–0,3 м). Причем иногда блоки внешнего панциря укладывались длинной стороной перпендикулярно линии стены (разрез № 3) (там же, с. 23), укрепляя связь панциря с забутовкой и напоминая систему кладки тычком и логом. Отдельные блоки имеют следы легкой подтески. На некоторых участках ранняя стена уширялась за счет пристройки вплотную к ней новой. Подобный прием наблюдался на разрезах № 3 и 11, где к более ранней стене толщиной 1,3–1,7 м пристроена дополнительная (толщиной 0,6–0,7 м), отличающаяся регулярностью и тщательностью кладки (там же, с. 23–30). Узкие пространства, иногда образовывавшиеся между двумя стенами, заполнялись мелким рваным камнем и глиной (разрез № 8). На отдельных участках стены сохранились на высоту свыше 1 м. Толщина стен варьировала от 1,3 до 3,5 м, при средней величине в 2,0–2,7 м. Мощность (толщина) и конструкция стены диктовались рельефом местности, стратегической значимостью местонахождения и выполняемыми ею дополнительными (помимо оборонительных) функциями. Так, на западной, открытой, напольной стороне (разрезы № 4–6) толщина стен достигала 3,0–3,5 м (там же, с. 23–25). На южном и юго-восточном направлениях, где оборонительная стена являлась одновременно и подпорной стеной террас, она возводилась с опорой на эскарпированный склон и состояла из наружного панциря и забутовки (разрезы № 13, 14) или без последней (разрезы № 15–18). В первом случае стена имела толщину 1,75–2,3 м, во втором — 1,2–1,5 м (там же, с. 31–32). Выше эскарпа, возможно, применялась и двухпанцирная кладка, как это наблюдалось на укреплениях цитадели.

На оборонительной линии городища было устроено не менее двух ворот, располагавшихся в северо-западной и юго-западной частях (рис. 3) и датированных М.Г.Магомедовым албано-сарматским временем (там же, с. 18; Магомедов М.Г. 1970. С. 61–63). Третьи ворота, возможно, находились на южной окраине, рядом с разрезом № 14. Здесь через оборонительную линию проходит небольшая ложбина, образующая разрыв в стене, торцевая сторона которой также оформлена панцирной кладкой (Котович В.Г. и др. 1964. С. 31).

Северо-западные ворота (разрез № 1) не были специально укреплены и, по всей видимости, имели второстепенное значение (рис. 14). Правда, оборонительная стена здесь доведена до трехметровой толщины (по чертежу; по тексту

отчета — 2,7 м) и, выступая за линию ворот более чем на 2 м, фланкировала их (там же, с. 19).

Главными, очевидно, являлись юго-западные ворота (рис. 15). Об этом могут свидетельствовать их особая защищенность, нахождение в 200 м к югу от них некрополя, остатки рядом колеи древней дороги и, наконец, находки в завале въезда каменных ядер, указывающих на важность этого узла обороны городища. Ворота были устроены на участке, где оборонительная стена изменяла направление почти на  $50^{\circ}$  к востоку. Левая привратная башня не фланкировала въезд, наружный фас ее находился на одной линии со створом ворот и противоположным участком оборонительной стены. Стена подходила не к грани башни, а к ее северному углу. Таким образом, за линию стены выступал лишь западный угол башни. Следует отметить, что когда стена возводилась на выровненной древней поверхности, то основание башни было заглублено в грунт до 0,5 м (там же, с. 27). В отличие от описанных башен левая привратная башня въезда на городище являлась полой. Этим, возможно, объясняется и ее более глубокая постройка.

Башня имела правильную четырехугольную форму. Ее внешние размеры — 4,8 × 3,7 м (по чертежу — 4,5 × 3,8 м). Стены ее были сложены монолитной кладкой, внутренние и внешние грани ровные. Северная и восточная стены башни, являющиеся тыльными, имели толщину 0,85 м, а южная (фасадная со стороны ворот) и западная (частично фланкирующая отрезок стены), на которые ложилась основная тяжесть обороны, достигали толщины 1,1–1,2 м. Стены башни сохранились на высоту двух-трех рядов. Сложены они традиционно, без связующего раствора, из массивных плоских, частично обработанных блоков (1,05–1,1 × 0,25–0,6 × 0,17–0,3 м) и чередующихся с ними менее крупных камней. Интересно, что крупные блоки попеременно укладывались плашмя вдоль и поперек линии стены, имея близкое сходство с кладкой тычком и логом (там же, с. 27), но уложены не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости. Такая кладка — наиболее передовая среди различных типов кладок городища Урцеки — наряду с заглублением фундамента обеспечивала большую прочность и устойчивость всей конструкции башни, имевшей и внутреннее помещение. Камера имела правильную четырехугольную форму и размеры 2,3 × 1,6 м, пол ее представлял собой плотно утрамбованный слой глины и мелких камешков, а вход в нее, видимо, находился у восточной стены, со стороны въездного коридора (там же, с. 27).

Первоначально с правой стороны ворота защищались, видимо, только двухметровой толщины оборонительной стеной, внешняя грань которой не выходила за линию ворот. Позднее, как полагает М.Г.Магомедов, в раннем средневековье, к оборонительной стене вплотную к воротам была пристроена правая привратная башня (там же, с. 35). Она фланкировала въезд и находилась своей боковой привратной стороной на одной линии с торцевой частью оборонительной стены. Такое положение башни позволяло надежно оборонять ворота, атакуя осаждавших с незащищенной стороны. Башня имела прямоугольную форму и крупные размеры — 10,7 × 3,3 м (по тексту отчета — 10,3 × 3,2 м), при выносе за линию ворот на свою ширину (3,3 м). Она имела ту же конструкцию, что и башни цитадели, а по своим размерам почти идентична крупной башне на западной линии обороны цитадели, что, вероятно, может указывать на их относительно одновременное строительство.



Ворота имели пролет около 3 м и длину коридора до 4 м. Подпятияники, обнаруженные *in situ*, сужали собственно въезд до 2,2 м. На равном расстоянии от них, по центру линии ворот, в полотно дороги был вкопан вертикально стоящий камень, служивший, очевидно, упором для полотен ворот (там же, с. 28–29). Эти находки позволяют считать, что, как и сама ширина въезда, ворота были двустворчатые с шириной полотен 1,1–1,2 м.

«Длинные» стены. Наконец, третьим и самостоятельным поясом обороны городища Урцеки и всей долины выступали «длинные» стены, возведенные на ближних и дальних подступах к городищу и перегораживавшие открытый и доступный со стороны р. Количи и Приморской низменности путь (рис. 2). Из выявленных не менее четырех линий «длинных» стен, представляющих ныне валообразные насыпи, ближняя к городищу стена, как полагает М.Г.Магомедов на основе изучения ее конструкции и находок вблизи ее фрагментов белоангобирванной керамики, возникла в албано-сарматское время (там же, с. 33–35; Магомедов М.Г. 1970а. С. 62–63). Остатки ее в виде небольшого вала прослеживаются на протяжении около 4 км отдельными отрезками в 300 м к юго-востоку от городища. На исследованном участке оборонительная стена имела монолитную кладку из крупного и среднего рваного камня, толщиной 1,5 м. Стена, видимо, начиналась у обрывистых склонов хребта, ограждавшего долину с юго-запада, пересекала ее с юго-запада на северо-восток и подходила к отвесным склонам широкого (до 300 м) ущелья у подножия г. Шеря-баш. Участок фортификационной линии по дну ущелья, где, видимо, проходила древняя дорога и находился важный участок обороны, был укреплен дополнительно выдвинутой вперед стеной, закрывающей ущелье (Котович В.Г. и др. 1964. С. 34–35).

С.В.Мокроусов справедливо указал на слабую аргументацию датировки этой стены албано-сарматским периодом (Мокроусов С.В. 1994. С. 37). Вопрос о времени возникновения «длинных» стен, закрывавших вход в долину с напольной стороны, остается открытым в силу их малой изученности. Но связь их с городищем Урцеки несомненна, что пока позволяет лишь в целом синхронизировать их, без уточнения конкретной датировки «длинных» стен. Хотя чисто умозрительно можно предполагать, что возведение этой линии укреплений, характеризующейся значительными по масштабам фортификационными работами, происходило приблизительно одновременно с организацией таких же крупных по объему строительных работ на территории городища во второй строительный период и было обусловлено изменением военно-политической ситуации в конце IV — начале V в. н.э.

В системе крепостной архитектуры городища Урцеки воплотились выработанные приемы местной фортификации, уровень ее развития. Вместе с тем на примере оборонительных сооружений городища виден сам процесс заметного развития крепостного зодчества Дагестана, выработки определенной системы фортификационной архитектуры. Создание более совершенной фортификации основывалось как на традициях местной оборонительной (и гражданской) архитектуры, развития ее приемов, так и на новых, передовых принципах оборонительного зодчества.

**Городище древнего Дербента** расположено на восточной оконечности одного из отрогов Джалганского хребта, который наиболее близко подходит к побережью моря, высоко господствуя над Прикаспийской равниной и сужая ее до узкого (3,5 км) дефиле (рис. 16). Городище, возникшее в наиболее стратегически

важном и географически удобном месте Прикаспийского пути, известного уже античным авторам под наименованием *Caspia via* (Тас. Апп., VI, 33), благодаря своему выгодному положению играло важную роль в контроле Дербентского прохода. Оно занимает труднодоступную вершину дербентского холма, который с севера и юга естественно защищен глубокими ущельями, почти отвесными кручами, а с восточной, приморской стороны — крутыми (до 60°) склонами. Вершина холма имеет относительно ровную поверхность с небольшим уклоном с запада на восток, в сторону прохода (рис. 17). Географическая ситуация создала здесь самые благоприятные условия для возникновения поселений с глубокой древности. Открытие и исследование памятников древнего Дербента, и в частности оборонительной архитектуры, сопряжено с большими трудностями и его историко-археологической спецификой. Культурные напластования цитадели достигают мощности 10–11 м, скрывая под многометровыми средневековыми толщами архитектурные остатки и культурные слои предшествующих эпох. На настоящем этапе исследования еще нет возможности получить полное представление о фортификации Дербента досасанидского времени. Но в результате многолетних раскопок получен материал, позволяющий осветить некоторые вопросы оборонительной архитектуры древнего городища Дербента, ее строительную технику, уровень, особенности.

Остатки древних фортификационных сооружений были выявлены под стенами раннесредневековой (сасанидской) цитадели и рядом с ними (раск. 13, 16, 19, 24, II, XI). Они ограждали северо-восточную территорию городища, выступавшую высоким мысом в сторону прохода (рис. 16).

Их расположение почти совпадало с северо-западным, северным и восточным участками раннесредневековой цитадели. На южной и юго-западной линиях стен цитадели, где также были заложены раскопы и стратиграфические шурфы, древние оборонительные сооружения обнаружены не были. Совпадение направлений стен укреплений древнего городища и оборонительных стен V–VI вв. на выявленных участках может свидетельствовать об определенной преемственности в планировке и роли древнего Дербента в формировании исторической топографии раннесредневекового города в процессе его сложения и динамики развития (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. и др. 1978. С. 12).

Остатки оборонительных сооружений скифского времени были выявлены по краю северо-западного (раск. 16, 19), северного (раск. 20, 24) и восточного (раск. II) склонов северо-восточной, несколько обособленной рельефом части городища. На северо-западном (раск. 16) и северном направлениях основания этих остатков лежали на материке, а от вышележащей оборонительной стены цитадели VI в. были отделены культурным слоем или же щебеночной либо известковой прослойками (толщиной 8–12 см), появившимися в период возведения раннесредневековой цитадели после нивелировки древней дневной поверхности (Кудрявцев А.А. 1977. С. 134; 1979. С. 32, 35, 42, 58). Кладка стены сохранилась на максимальную высоту до 1,6 м, а в ширину у основания она достигала, по всей видимости, не менее 7–8 м. На это указывают те факты, что в раскопе II она прослежена на всю его ширину, а в раскопе 20 — на 4 м вне грани стены раннесредневековой цитадели и далее уходит под фундамент стены цитадели не менее чем на толщину оборонительной стены VI в. (Кудрявцев А.А. 1977. С. 134; 1979. С. 39). Следует отметить, что на раскопе 19, заложенном у внешней грани северо-западной стены раннесредневековой цитадели, остатки

древней фортификации, сохранившиеся на высоту 0,6–1,6 м, покоились на культурном слое (толщиной около 40 см) раннебронзовой эпохи.

Кладка имеет довольно небрежный характер, представляя собой навал камней, сложенных без раствора, но с земляной присыпкой. Однако ее отличает высокая плотность укладки камней, отсутствие относительно больших пустот, обычно наблюдаемых на развалах оборонительных сооружений. Расположение этих остатков по краю вершины холма, значительная сохранность в высоту, ширина и плотность кладки позволяют видеть в них остатки фортификационных сооружений, представляющих собой своего рода вал, сложенный из бутового камня крупных и средних размеров. По всей видимости, эти древнейшие укрепления продолжали функционировать на отдельных участках и в албано-сарматское время, на что указывают находки фрагментов черно- и сероошешеной керамики.

Албано-сарматский период ознаменовался развитием фортификационного строительства Дербента. Остатки оборонительных линий этого времени выявлены на восточном (раск. XI) и юго-восточном (раск. 13) направлениях. Новые сооружения укрепляли стратегически важные участки обороны с приморской стороны. Оборонительные стены были возведены из бутового камня средних и крупных размеров, иногда с частичной их обработкой, на глиняном растворе. Кладка, сохранившаяся на высоту 0,6–0,7 м, отличается аккуратностью и тщательностью, хорошо прослеживаются отдельные ее ряды, указывающие на регулярный характер. Для устойчивого положения крупных камней под них и в щели между ними забивался мелкий бут.

На юго-восточном участке (раск. 13) были выявлены отрезки двух стыкующихся под тупым углом (около  $110^{\circ}$ ) стен, имеющих перевязку и, очевидно, указывающих на нахождение в этом месте башни (рис. 18). Появление башен в оборонительной архитектуре Дербента первых веков н.э. выступает важным показателем развития фортификации наряду с новыми строительными приемами и конструктивными решениями (регулярная и панцирная кладка, глиняный раствор, перевязка стыков, эскарпация склонов). Оси древних и раннесредневековых стен на этом участке не совпадают (в отличие от северного, северо-западного и восточного направлений), и юго-восточная часть древней стены имеет большее отклонение к югу, что позволяет полагать, что граница южной стены крепости албано-сарматского времени проходила южнее стен цитадели сасанидского времени (Кудрявцев А.А. 1983. С. 91–93) или же тянулась по верхней кромке восточного склона городища, ограждая его с приморской стороны. На это указывает и отсутствие каких-либо остатков укреплений албано-сарматского времени под южной оборонительной стеной раннесредневековой цитадели, хотя культурный слой этого времени на данных участках достигает 2 м (раск. 22, 23).

На всю ширину остатки оборонительной стены, датируемой по стратиграфическому залеганию и сопутствующему материалу I в. до н.э. — II в. н.э., были обнаружены в северо-восточной части (раск. XI) городища древнего Дербента под слоем рубежа албано-сарматского и раннесредневекового времени (III — начало V в.), перекрытым остатками (толщиной до 1,4 м) сырцово-глинобитной оборонительной стены цитадели V в. Остатки стены и связанный со временем ее функционирования культурный слой были отделены от вышележащего культурного слоя III — начала V в. соответственно зольно-угольной прослойкой, свиде-

тельствующей о пожаре, и глинобитным полом, примыкавшим к стене с западной стороны и возникшим на заключительном этапе ее существования.

Стена была возведена на выровненном материковом основании вдоль верхней кромки холма и сложена монолитной кладкой из крупного и среднего бутового камня на глиняном растворе. В основание уложены более крупные камни, а наружные грани образуют камни правильных очертаний, уложенные регулярными рядами и немного подтесанные с лицевой стороны. В тело стены положен менее крупный и мелкий бут. Подобная техника образует кладку, близкую к панцирной. Стена прослежена в длину на 2,7 м, были выявлены ее внутренний, внешний фасы и северная торцевая сторона. Ширина стены 1,5–1,55 м при сохранности в высоту на 0,6–0,7 м (3–5 рядов кладки). Большая толщина стены, несопоставимая с толщиной (0,5–0,6 м) стен жилищно-бытовых сооружений, тщательность кладки, использование крупного, правильных форм камня, ее местонахождение и направление (такое же, как и вышележащих оборонительных стен V–VI вв.) позволяют с уверенностью говорить о ее оборонительном назначении. В результате ее разрушения, вероятно в середине III в. н.э., образовался крупный завал строительного камня, наблюдавшийся на всей площади раскопа.

Обращает на себя внимание наличие тщательно выложенной торцевой грани стены, указывающей на ее прерывание в этом месте, где, вероятно, находился въезд на городище с восточной, приморской стороны. На эту мысль, с учетом преэмпственности планировки, наводит и расположение южнее, на расстоянии около 25 м, раннесредневековых ворот цитадели.

Появление на рубеже н.э. в Дербентском проходе новых оборонительных сооружений нашло отражение в сведениях античных авторов. В I в. н.э. применительно к проходу начинает употребляться, наряду с обычным *portae, πύλαι, θύραι* («ворота», «проход», «двери», «вход»), название *claustra*, обозначавшее «пограничная крепость», «вал», «стена», «преграда» (*Tac. Hist.*, I, 6; *Lucan. Fars.*, VIII, 22; *Val. Flac. Arg.*, V, 124; *Claud. In Ruf.*, II, 28), на что обратила внимание К.В.Тревер (Тревер К.В. 1959. С. 122–123, 274). Замечу, что у авторов середины — второй половины I в. н.э. Корнелия Тацита, Марка Аннея Лукана и Гая Валерия Флакка термин *Caspia claustra (claustra Caspiarum)*<sup>6</sup> использован в военнополитическом контексте, при описании военных акций. Это оправдывает понимание данного топонима как военно-стратегического объекта, наряду с его географическим значением. На основе анализа сообщений античных авторов К.В.Тревер пришла к выводу, что ко времени организации Каспийского похода императора Нерона (68 г. н.э.) в Дербентском проходе уже существовали оборонительные сооружения, контролировавшие проход (Тревер К.В. 1959. С. 123, 274).

Открытие в ходе археологических исследований Дербента слоев албаносарматского времени и остатков фортификации этого периода позволило А.А.Кудрявцеву поддержать это мнение и более веско поставить вопрос о высказывавшемся тождестве древнего Дербента с Птолемеевой Гелдой (Кудрявцев А.А. 1977. С. 147–148; 1983. С. 90–94, 107; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. и др. 1978. С. 11–12). С.В.Мокроусов, опираясь на археологические материалы

<sup>6</sup> Античные авторы под «Каспийскими воротами» понимали перевал в горах Эльбурса (очевидно, Гедук) и Дербентский проход. Использование этого названия для обозначения Дарьяла (*Tac. Hist.*, I, 6; *Ann.*, VI, 33) — явное недоразумение, на необходимость исправления которого указал еще Плиний (*Nat. Hist.*, VI, 15).

и, очевидно, учитывая общеполитическую ситуацию в регионе, конкретизировал дату возникновения оборонительных сооружений Дербента и склонен относить их строительство к 30–60-м годам н.э. (Мокроусов С.В. 1989. С. 81; 1995. С. 170).

Действительно, с середины 30-х годов I в. н.э. наблюдается военно-политическая активизация (не без инициативы царей Иберии) кочевников Северного Кавказа и Предкавказья, обусловленная, с одной стороны, сменой политического господства аорсов в Азиатской Сарматии и выходом на историческую арену алан и, с другой — обострившейся политической ситуацией в Закавказье. Одним из политических центров алан в это время становится, очевидно, Северный Дагестан, куда с территории калмыцких степей и правобережья Нижнего Поволжья продвигается крупная группировка кочевников, по всей видимости алан (Абрамова М.П. 1988. С. 12). В этих условиях возникновение в Дербентском проходе в период между 30–60-ми годами н.э. оборонительных сооружений, призванных противостоять начавшемуся натиску алан, выглядит вполне вероятным, оправданным. Возведение укреплений Дербента, по всей видимости, явилось целенаправленным актом со стороны центральной власти Кавказской Албании (Тревер К.В. 1959. С. 123; Гаджиев М.С. 1988. С. 30; Мокроусов С.В. 1989. С. 81). Но, как представляется, ко времени похода кочевников в Закавказье в 35 г. н.э. (*Ios. Fl. Ant. Iud.*, XVII, 4, 97; *Tac. Ann.*, VI, 33) здесь уже должны были существовать укрепления, контролировавшие важнейший участок международного Прикаспийского пути, по которому осуществлялась аорсо-армяно-мидийская торговля, приносящая огромные доходы (*Strabo. Geogr.*, XI, 5, 8). На это есть прямое указание Иосифа Флавия, если только в его сообщении речь идет о Дербентском проходе, как считают многие исследователи (см., например: Кудрявцев А.А. 1982. С. 54), а не о Дарьяльском перевале, как думают другие (см., например: Тревер К.В. 1959. С. 117): в 35 г. император Тиберий склоняет царя Иберии и царя Албании начать войну с парфянским царем Артабаном, но они воздерживаются и «направляют против Артабана скифов, разрешив им пройти через их страны и открыв Каспийские ворота» (*Ios. Fl. Ant. Iud.*, XVII, 4, 97). «Открытие» Каспийских ворот подразумевает, конечно, наличие здесь не только каких-то военных контингентов, контролировавших их, но и укреплений.

Разрушение оборонительных сооружений Дербента приходится на середину III в. н.э., точнее, на 252–253 гг., когда шаханшах Шапур I организует военную кампанию в Закавказье (Луконин В.Г. 1969а. С. 28) и, как сообщают надписи верховного жреца Картира, «кони и люди Шапура, царя царей, дошли до... Армении, и Иберии, и Албании, и Баласакана, и дальше до Албанских ворот (Дербентский проход. — М.Г.), [там, где] Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожарища учинил».

В культурных напластованиях Дербента, относящихся к середине — второй половине III в. н.э., раскопками (раск. 6, 9, II, XI) были выявлены следы сильного пожара и разрушений, перекрытые на отдельных участках стерильной прослойкой, свидетельствующей о кратковременном запустении здесь (Кудрявцев А.А. 1976. С. 34, 38, 43–44). Сопоставление этих археологических данных, отмеченных на значительной территории древнего городища Дербента, с надписями Картира позволило А.А.Кудрявцеву связать их именно с походом Шапура (Кудрявцев А.А. 1978. С. 244). В дальнейшем археологические исследования дали дополнительные данные на этот счет. В южной части раннесредневековой

цитадели Дербента (раск. XIII), под остатками сырцово-глиняной фортификации V в., в мощных (до 2,0 м) культурных напластованиях албано-сарматского времени была выявлена внушительная (толщиной до 10 см) зольная прослойка, свидетельствующая о сильном пожаре, охватившем городище, и также сопоставленная с надписями Картира (Гаджиев М.С. 1988а. С. 7). А на восточной окраине дербентского холма в процессе работ на раскопе XIV были выявлены разрушенные жилищно-хозяйственные комплексы, на территории которых в конце III — начале IV в. располагался некрополь (Кудрявцев А.А. 1987. С. 2–51; Гаджиев М.С. 1988а. С. 7; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 87–115; Мокроусов С.В. 1995. С. 66). Гибель этих комплексов и возникновение на их месте могильника, по всей видимости, также были связаны с военными действиями Шапура I (Мокроусов С.В. 1995. С. 66). Следует особо отметить отсутствие стерильного слоя, перекрывающего архитектурные остатки, что свидетельствует о разрушении этих комплексов незадолго до того, как эта территория была превращена в могильник, датировка которого хорошо обосновывается погребальным инвентарем (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 87–115).

Здесь важно затронуть вопрос об идентификации топонима 'l'n'n BB' среднеперсидской версии и 'l'nn TR'' парфянского текста надписей шаханшаха Шапура I и верховного жреца Картира на Кааба-и Зардушт (ŠKZ, KKZ), в Сар-и Мешхеде (KSM), Накш-и Рустаме (KNRu). Одни исследователи придерживаются мнения, что в надписях упомянуты «Аланские ворота», т.е. Дарьяльское ущелье (Sprengling M. 1953. P. 14, 52; Chaumont M.-L. 1960. P. 344, 361–362; Церетели Г. 1969. С. 327–337; Hinz W. 1970. S. 261; Back M. 1978. S. 187–188, 286–287, 426), другие считают, что речь идет об «Албанских воротах», под которыми подразумевается Дербентский проход (Henning W.B. 1952. P. 512. № 4; Hönigmann E., Maricq A. 1953. P. 88–90; Maricq A. 1958. P. 307, 336; Тревер К.В. 1959. С. 135; Фрай Р. 1972. С. 295; Кудрявцев А.А. 1978. С. 244; Касумова С.Ю. 1979. С. 113–114; Гаджиев М.С. 1982. С. 14). Особенности среднеперсидской орфографии, в которой графемы *l* и *r* обозначаются одним знаком, дают основания для двоякого чтения, чего придерживался В.Г.Луконин (Луконин В.Г. 1969. С. 87–88, 126; 1969а. С. 30–32; 1979. С. 19; 1987. С. 138, 219, 220) и к чему склоняется Ф.Жинью (Gignoux Ph. 1971. P. 83–84; 1972. P. 190. 1972а. P. 15). В греческой же версии надписи Шапура (ŠKZ), которая могла бы дать однозначный ответ, текст в этом месте плохо сохранился — ΠΥ[Λ]Ω[N] [...]ΩΝ<sup>7</sup>.

Обе стороны предложили ряд доводов в защиту своих точек зрения. Так, Г.В.Церетели указал на то, что в парфянской версии надписи Шапура для обозначения Албании употреблено написание 'rd'n (что не вызывает разногласий среди исследователей), а для обозначения «ворот» — 'l'nn. Тем самым, по мнению Г.В.Церетели, авторы надписи хотели подчеркнуть, что имеют в виду различные географические пункты, и на основе этого он сделал вывод о том, что в ŠKZ речь идет об «Албанских воротах». Но следует обратить внимание и на то, что в среднеперсидских текстах это различие не подчеркнуто. В надписях Картира в Сар-и Мешхеде (KSM) и Накш-и Рустаме (KNRu) для обозначения Албании употреблено написание 'ld'n «Ārdān», а на Кааба-и Зардушт (KKZ) — 'l'ny «Ārān». Последнее начертание как обозначение Албании (ср. груз. *Rani*, араб. *Arrān*) ни у кого из специалистов не вызывает сомнений. И именно упоминание в ŠKZ

<sup>7</sup> См. фотографии и прорисовки надписи, изданные М.Шпренглингом (Sprengling M. 1953).

греч. ALBANIAN и парф. 'rd'n исключает возможность чтения ср.-перс. 'l'ny как «Алания» и производных от него ср.-перс. 'l'n'n BB' и парф. 'l'nn TR'' как «Аланские ворота».

Р.Фрай заметил, что названия ср.-перс. 'l'n'n BB' и парф. 'l'nn TR'' упоминаются вслед за наименованием Баласакан, которое «прилагалось к побережью Каспийского моря к югу от Дербента, включая Муганскую степь», и сделал вывод, что в текстах речь должна идти об «Албанских воротах». Еще ранее А.Марик обратил внимание на то обстоятельство, что древнеармянский автор Себеос (История Себеоса, XLVII) применяет тот же формуляр «Армения, Иберия, Албания и Сюник до гор Кап и стражи Чора (րահակ Շօրայ — синоним „ворот Чора“. — М.Г.)», что и авторы надписей Шапура («Армения, Иберия, Сикан, Албания, Баласакан и дальше до гор Кап и Албанских ворот»). Важно, что в другом случае Себеос (там же, IX) употребляет оборот «до гор Кап и Албанских ворот». Подобную формулу, подчеркивающую позицию Дербентского прохода (Албанских ворот) как крайнего географического пункта, использует и Мовсес Каланкатуаци (Каланкатуаци. 1984. I, 27) — «в стране удин, в Албании, и в Лпинии, и в Каспии, до ворот Чора (durn Շօրայ)».

Эти наблюдения, вкупе с археологическими материалами, в которых, как представляется, сведения надписей Картира обрели реальную почву, позволяют считать, что в надписях Шапура и Картира фигурируют именно «Албанские ворота», т.е. Дербентский проход.

События середины III в. н.э. нашли отражение и в древнеармянских источниках. Но в них нет однозначных данных для идентификации рассматриваемого топонима. Так, Агафангел сообщает, что армянскому царю Хосрову оказали помощь албаны, лпины, чилбы, каспы, он «собрал албанское и иберийское войска и открыл ворота алан (Alanac' durn) и стражу Чора (րահակ Շօրայ), вывел все войско хонов» (Агатангелос. 1977. С. 32; в издании Ланглуа: «вывел гуннов из прохода Албании» — Āgathange. 1870. P. 115). В греческой версии Агафангела сообщается, что Хосров приказал «открыть проходы алан и называемый укрепление Зуар (Ζουάρου πύργου), чтобы вывести войско хонов» (Āgathange. 1870. P. 116; ср.: Lafontaine G. 1973. P. 178–179).

А.В.Гадло считает, что упоминание «твердыни (укрепления) Зуар» (греческая передача арм. им. пад. Շօր, род. пад. Շօրայ) выдает хронологию источника, и относит это событие к середине или второй половине V в. (Гадло А.В. 1979. С. 32). Однако это явно ошибочное мнение, основанное на том, что укрепления Чора возникли лишь к середине V в. Описанные Агафангелом, а позднее повторенные Хоренаци (Хоренаци. 1990. II, 71–73), эти события имели место именно в середине III в. Это следует и из общей хронологической канвы Агафангела, и из самого факта существования в Дербентском проходе укрепленного поселения задолго до V в.

К середине V в., в правление шаханшаха Йездигерда II (439–457), с укреплением позиций сасанидского Ирана на Восточном Кавказе и в связи с участвовавшими вторжениями появившихся на исторической арене Европы гуннов в Дербентском проходе возникает мощная сырцовая фортификация. Эти укрепления включали внушительную стену, перекрывшую весь проход от дербентского холма до моря, и цитадель, возведенную на вершине холма (Кудрявцев А.А. 1978. С. 243–257; 1979. С. 31–43; Гаджиев М.С. 1989. С. 61–76). В 20 км южнее прохода в это же время возводится крупное (около 100 га), подквадратное

в плане городище Торпах-кала, отождествляемое с городом Шахристан-и Йездигерд (Гаджиев М.С. 1980. С. 144–152)<sup>8</sup>.

Укрепления Дербента и Торпах-калы представляли собой единый эшелонированный оборонительный комплекс на северной границе Сасанидского Ирана. На их связь указывает не только относительно близкое взаиморасположение, но и то, что городище Торпах-кала могло играть роль в обороне границы только вместе с дербентскими укреплениями. Без последних мощные оборонительные сооружения городища можно было легко обойти — они не перегораживали приморскую равнину (ширина которой в районе Торпах-калы достигает 20 км) так, как закрывала Дербентская стена узкий (3,5 км) проход между морем и горами. Особо следует отметить, что подобная эшелонированная оборона существовала и на северо-восточной границе Ираншахра, где вдоль р. Гурган, от побережья Каспия и до склонов Эльбурса и Араб-дага, протянулась грандиозная сырцовая стена, известная под названиями: *перс.* Саад-и Искандар («Стена Александра»), Саад-и Пируз, Саад-и Анушираван, *тюрк.* Кызыл-Алан (Kiani M.Y. 1982; 1982a; Charlesworth M. 1987). Вдоль нее помимо фортов были построены и опорные укрепленные города, многие из которых — Кале-Даланд (ок. 33 га), Кале-Харабе (св. 56 га), Кале-Гуг (ок. 25 га), Кале-Габри (св. 43 га) — весьма близки по планировке, структуре, характеру фортификации Белиджинскому городищу Торпах-кала, но уступают по размерам. Не вдаваясь сейчас в достаточно сложный вопрос датировки «Стены Александра»<sup>9</sup>, заметим, что на вскрытых участках она сложена из кирпичей (39–40 × 39–40 × 9–11 см), близких по формату (Kiani M.Y. 1982. P. 17–21) к кирпичам оборонительных стен Дербента V в. (39–42 × 39–42 × 9–12 см) (Кудрявцев А.А. 1978. С. 247–249; Гаджиев М.С. 1989. С. 65–66), а также укажем на близость керамики сасанидского времени из раскопок «Стены Александра» (Kiani M.Y. 1982. P. 63–76) к керамике Дербента V–VI вв. и подъемной керамике из Торпах-калы (Гаджиев М.С. 1980. С. 150–152. Рис. 1; 1989. С. 68, 70. Рис. 4, 5).

Сырцовые укрепления Дербента положили начало новому этапу в развитии фортификации города и его исторической топографии, став предшественниками и определив направление грандиозных каменных оборонительных сооружений Дербента, построенных в VI в. Эти сырцовые укрепления и фигурируют в древнеармянских источниках (Агафангел, Хоренаци, Егишэ, Каланкатуаци, Себеос) как «город стражи Чора» (*khalakh pahakin Ćoray*), «стража Чора» (*pahak Ćoray*), «проход Чора» (*kapank' Ćoray*), «ворота Чора» (*durn Ćoray*), «крепость Чора» (*drunk' Ćoray*). Названию Чор соответствует наименование Τζούρ Прокопия Кесарийского (*De Bel. Goth.*, IV, 3), а «ворота Торайе (Tūgāyē)», упомянутые в «Хронике» Михаила Сирийца (*Chron.*, d. 1199), являются прямым переводом *арм.* *durn Ćoray* (Altheim F., Stiehl R. 1958. S. 110).

В известии Михаила Сирийца (XII в.), восходящем к Иоанну Эфесскому (VI в.), сообщается, что «ворота Торайе» — город, построенный ромеями (византийцами). Это сообщение небезынтересно сравнить как с информацией Фавста Бузанда (Бузанд. 1953. V, 4), вложенной в уста албанского царя Урнаира (начало

<sup>8</sup> Вероятно, с территории этого городища происходит клад серебряных драхм шаханшахов Кавада I (488–531) и Хосрова I (531–579); последняя монета относится к 15-му году правления Хосрова, т.е. к 546 г., когда, видимо, и был зарыт клад (Гусев С.В. 1995. С. 14–15, 18).

<sup>9</sup> О времени возведения «Стены Александра» см., напр.: Huff D. 1981. P. 125–139; Kiani M.Y. 1982. P. 36–38; Charlesworth M. 1987. P. 164–165; Harmatta J. 1996. P. 80–82.

IV в. — 370-е годы), о возможном привлечении пленных армян и ромеев для сооружения городов в Албании, так и с известием Гевонда (История халифов, 1862. С. 7) о находке в Дербенте плиты с надписью о строительстве города императором Маркианом (450–457). К.В.Тревер, сопоставив информацию Гевонда со сведениями Егишэ о заключении Маркианом с Йездигердом II договора о союзе, сделала предположение о возможном участии или финансовой помощи византийцев в сооружении оборонительных сооружений на Восточном Кавказе (Тревер К.В. 1959. С. 273–274). И в последующем (при шаханшахах Перозе, Каваде I, Хосрове I), как сообщают письменные источники (Иешу Стилит, Прокопий), Византия по договорам оказывала Ирану финансовую поддержку в борьбе с кочевниками, в том числе направленную на строительство и обслуживание оборонительных сооружений. В свете этих данных предположение К.В.Тревер выглядит довольно реальным.

Выше (гл. I) говорилось о существующих различных мнениях о локализации Чора, который, согласно данным письменных источников, являлся важным военно-стратегическим, административно-политическим и религиозным центром Кавказа. Отмечалось также, что М.И.Артамонов и А.А.Кудрявцев привели ряд серьезных аргументов в пользу идентификации Чора с Дербентом. Важные доводы были недавно получены и в результате новых археологических раскопок (Гаджиев М.С. 1997. С. 66–67).

Основным аргументом оппонентов этой точки зрения было упоминание Мовсесом Каланкатуаци в пассаже о маршруте миссии епископа Исраела к гуннам (Каланкатуаци. 1984. II, 39) «ворот Чора близ Дарбанда». Данное замечание албанского историка и послужило поводом видеть в «воротах Чора» самостоятельный населенный пункт, искать их в районе Дербента, и в частности отождествить с городищем Торпах-кала, несмотря на многочисленные противоречивые доводы. Например, тот же Каланкатуаци (и на этот факт неоднократно указывали исследователи) сообщает, с одной стороны, о переносе в 552 г. престола католикоса из Чора в Партав, а с другой — о существовании дворца католикоса в Дербенте (там же, II, 4, III, 16). Позднее Мхитар Айриванеци, повторяя информацию Каланкатуаци о переносе престола, уже вместо древнего названия Чор употребляет утвердившееся — Дарбанд (История Армении. 1860. С. 48–49).

Чем же было вызвано такое замечание албанского хрониста, вызвавшее среди историков различные мнения о местоположении Чора? Как представляется, загадка этой фразы Каланкатуаци кроется в особенностях сложения исторической топографии раннесредневекового Дербента.

Сасанидский период в истории Дербента ознаменовался новым этапом территориального развития, когда в основных чертах сложились фортификация, планировка и структура средневекового города (Кудрявцев А.А. 1982. С. 76–105). С возведением сначала сырцовых укреплений во второй четверти V в., а затем ставших всемирно известными каменных оборонительных сооружений в VI в., перекрывших Дербентский проход, городская жизнь постепенно переместилась с территории на вершине отрога на равнину, под защиту оборонительных стен (Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. С. 7). С архитектурным оформлением нового средневекового шахристана и началом его обживания город получил и новое иранское имя *Дарбанд*, впервые упомянутое Ширакаци (VII в.) в «Ашхарацуйце» (Géographie... 1881. P. 27). Оно не вытеснило старого названия города, которое применялось для обозначения как его в целом, так и его древ-

ней исторической части. Эта традиция отражена и у Каланкатуаши, и у Ширакаши. Особенно ярко это подчеркнуто в «Ашхарацуйце», в котором впервые вводится в географическую номенклатуру понятие *Дарбанд* и дается его достаточно точное пояснение: «...до него (Каспийского моря. — М.Г.) доходит хребет Кавказа, на котором построена стена Дарбанда, что значит „связка“ и „ворота“, город стражи Чора (*khalakh rahakin Çoray*), огромная башня, сооруженная в море» (Géographie, 1881. P. 27).

Сохранилась эта традиция и в арабоязычной литературе, в которой топонимы с именем Сул — *ворота Сул* (Хордадбех, ат-Табари), *область Сул*, *страна Сул* (ат-Табари), *крепость Сул* («Тарих ал-Баб»), *город Сул* («Дербенд-наме») — представляют собой кальки с соответствующих наименований с компонентом *Чор* армянских источников и, очевидно, недошедших среднеперсидских.

Так, например, историческая хроника «Дербенд-наме», рассказывая о градостроительной деятельности Хосрова Ануширвана (531–579), сообщает: «Затем он построил город Сул и воздвиг над ним длинную стену, длина которой 92 расстояния (*масафа*)» (Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. 1980. С. 27). В некоторых рукописях хроники дается пояснение «близ Дербенда», а в одном из списков опущена информация о Суле (там же). Сообщение же «Дербенд-наме» о *длинной стене*, под которой имеется в виду Даг-бары (Горная стена) и которая брала начало от цитадели города, однозначно указывает, что речь идет о Дербенте. Эта же традиция употребления обоих названий отложилась и в ряде дагестанских языков, в которых Дербент известен и под древним именем, что неоднократно отмечалось исследователями (начиная с П.К.Услара): дарг. Чулли, лак. Чурул, авар. Чор.

Судя по приведенному выше высказыванию Каланкатуаши, а также замечанию автора дербентской хроники начала XII в. «Тарих ал-Баб» (см. ниже), древнее название *Чор* (араб. Сул) прилагалось с VI в. и к определенной части Дербента. Первоначально оно, по всей видимости, традиционно сохранялось за старым шахристаном города, расположенным на вершине отрога и просуществовавшим, судя по археологическим данным, до VII в. В это же время оно закрепляется и за возникшим рядом, в VI в., фортом, ставшим своего рода цитаделью старого шахристана. Этот форт, археологические исследования которого были начаты в 1996 г. (Гаджиев М.С. 1997. С. 66–67; 1997а. С. 200–201), является первым в системе Горной стены и ближайшим к цитадели Дербента, располагаясь в 145 м к юго-юго-западу от нее. Будучи тесно связанным с городом единой оборонительной системой, общей хозяйственно-экономической, военно-политической жизнью, он фактически являлся частью единого городского организма, частью Дербента.

Имеются веские основания считать, что именно этот форт скрывается под названием *крепость Сул* исторической хроники «Тарих ал-Баб». Дербентский хронист, проявляющий отличное знание топографии города, сообщает, что в 1001 г. ширваншах Йазид б. Ахмад предложил жителям ал-Баба (Дербента) дать согласие на восстановление «крепости ал-Баб с крепостью Сул» (*кал 'а ал-Баб ма 'а кал 'а Сул*) (Минорский В.Ф. 1963. С. 52. Араб. текст, с. 10). Под *кал 'а ал-Баб* в тексте хроники во всех случаях (там же, с. 61, 67, 68, 72, 78) понимается именно цитадель, а не укрепление города в целом. По мнению первого исследователя хроники В.Ф.Минорского, *кал 'а Сул* — это Баб ал-абваб (Дербент) или часть его (там же, с. 52. Примеч. 19). Позднее А.Р.Шихсаидов, изучавший

«Тарих ал-Баб», пришел к заключению, «что здесь речь идет о едином целом, но с сохранением старой традиции, когда район Дербента назывался Сул, а не о двух отдельных крепостях, расположенных в различных населенных пунктах», что и было подчеркнуто автором хроники, использовавшим в данном контексте предлог «с» (ма 'а), а не обычный «и» (ва) (Шихсаидов А.Р. 1970. С. 251).

Раскопки форта подтвердили известия хроники «Тарих ал-Баб» о ремонтных работах на оборонительных сооружениях Дербента в 1030–1060-х годах, как и вышеприведенное сообщение о намерении ширваншаха Йазида отремонтировать крепость Сул (кал 'а Сул), на которое, судя по археологическим данным, было получено согласие «народа ал-Баба» и которое было осуществлено. Вплотную к восточной, южной и западной башням и связывающим их куртинам была построена внешняя обводная стена (толщиной около 2 м), укрепившая эти участки форта (Гаджиев М.С. 1997. С. 67; 1997а. С. 200; Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. 1999. С. 47–49), очевидно поврежденные во время военных действий между ал-Бабом и Ширваном в конце X в. Весьма важным итогом раскопок явилось выявление здесь культурных напластований и строительных остатков II–V вв., предшествовавших возникновению на этом месте в VI в. сасанидского форта и продемонстрировавших преемственность в обживании этой территории (Гаджиев М.С. 1997. С. 67).

Таким образом, эти взаимодополняющие и взаимокоррелирующие данные археологии и письменных источников позволяют идентифицировать, во-первых, *Чор* и *Дербент* и, во-вторых, *крепость Сул* хроники «Тарих ал-Баб» и исследуемый форт, располагавшийся на территории древнего поселения Дербента и носивший древнее название *Чор* (араб. *Сул*). Вместе с тем под *воротами Чора*, *вблизи Дарбанда*, упомянутыми Каланкатуаи, следует понимать определенную, обособленную часть этого города.

Естественно, в письменных источниках употреблялись как взаимозаменяемые, равноценные оба названия города — старое *Чор* и новое *Дарбанд*, но иногда (при детальном, пространном, «топографическом» повествовании) имя *Чор* использовалось для обозначения старого шахристана, располагавшегося на горном отроге, в отличие от нового, расположенного на равнине, в межстенном пространстве и названного по ср.-перс. *Дарбанд* (араб. *Баб ал-абваб*), что и наблюдаем у Каланкатуаи, а позднее у автора «Тарих ал-Баб». В дальнейшем персидское наименование города вытеснило и арабское название, и древнее восточноиранское *Чор* (ср.: ягноб. *џог* — «узкое ущелье», см.: Хромов А. 1966. Р. 134), отложившееся только в ряде дагестанских языков и, очевидно, имеющее сармато-аланское происхождение (Алиев И.Г., Асланов Г.М. 1976. С. 227).

**Городище Таргу** (рис. 19, 20) расположено в местности *Таргъу ичи* (кум.) «ущелье Таргу»<sup>10</sup>, в предгорной зоне, на левом берегу р. Гамри-озень, вдоль русла которой проходила важная внутриагестанская дорога, выводившая на Прикаспийский путь и связывавшая равнинную и горные зоны. Эта древняя дорога, проходящая через городище, носит производное от наименования памятника название *Таргъу ел* (кум.) — «Таргунская дорога», чем подчеркивается значимость этого городища. Вход в долину реки на границе равнины и предгорий контролировался укрепленными поселениями Эскиюрт (рис. 21) и Чакавуркент (рис. 22), расположенными по обе стороны реки.

<sup>10</sup> О топонимике и преданиях этой местности см.: Алиев Б.Г., Умаханов М.-С., Шихсаидов А.Р. 1989. С. 104–105.

Городище занимает южный возвышенный отрог одного из предгорных хребтов. С запада склоны отрога круто спускаются в небольшую ложину. С северной и восточной стороны городище имеет пологие склоны и на севере ограничено глубоким ущельем. Крутые, почти обрывистые склоны окаймляют городище с юга, со стороны речной долины. Таким образом, с трех сторон городище было защищено естественными преградами (Котович В.Г. и др. 1983. С. 57–58).

Микрорельеф городища определил и территорию его обживания, которая в различные исторические периоды занимала вершину отрога, пологие северные и восточные склоны на площади около 25 га<sup>11</sup>, а также полосу искусственной террасы, прилегающую к южному склону цитадели, где встречаются строительные остатки, а в обнажениях культурного слоя — керамика албано-сарматского и раннесредневекового времени. Восточные склоны городища пересечены двумя почти параллельными известняковыми выходами высотой до 2–3 м на расстоянии около 200 м друг от друга. Эти скальные карнизы делят территорию городища на три последовательно понижающиеся естественные террасы (рис. 20): верхнюю (11–12 га) (рис. 23), среднюю (6–7 га) (рис. 24) и нижнюю (7–8 га), каждая из которых выделялась архитектурно (там же, с. 58–63). Через все три террасы проходила древняя дорога, соединяющая их и прослеженная в виде заглубленной колеи. Она начиналась у северо-восточного угла нижней террасы, вела через высеченные в скальных карнизах везды (шириной до 2,5 м) на среднюю, а затем верхнюю террасы и уходила далее за пределы городища в западном направлении (рис. 19). Следы древних дорог в виде отрезков колеи шириной 1,5–2,5 м и глубиной 0,5–1,0 м, огражденной местами каменной стенкой, наблюдаются на ближних и дальних подступах к городищу и связывают его с Прикаспийским путем на востоке и городищем Гяур-кала на северо-западе (там же, с. 70–72).

Каждая из террас имела свою оборонительную линию, которая располагалась вдоль естественных границ. В настоящее время мы еще не в состоянии дать полную и всеобъемлющую характеристику фортификационных сооружений городища Таргу, однако проведенные В.Г.Котовичем наблюдения, расчистки и раскопки некоторых участков оборонительных стен дают представление о характере крепостной архитектуры городища, о методах ее строительства. К большому сожалению, не все проведенные на Таргу работы получили освещение в полевых отчетах, а единственная опубликованная статья о раскопках городища (Котович В.Г. и др. 1983) носит общий характер и к тому же грешит неточностями.

Верхняя терраса городища, как отмечают авторы статьи, имела три линии оборонительных стен. Однако, по нашему убеждению, две верхних из них являлись прежде всего подпорными и «одевающими» стенами эскарпированных и нивелированных под коммуникационные и строительные нужды склонов возвышенности, обеспечивая защиту расположенных на склонах сооружений от разрушения размывами грунта. Естественно, эти стены имели и немаловажную оборонительную функцию в условиях плотной ступенчатой застройки.

Первая из них, видимо, ограждала по основанию вершину возвышенности, представляющую собой продолговатый с уплощенным верхом холм (около 50 × 20 м), доминирующий над всей территорией городища и прилегающей окру-

<sup>11</sup> В статьях В.Г.Котовича приводятся иные размеры — не менее 30 га (Котович В.Г. 1974. С. 223), примерно 30 га (Котович В.Г. и др. 1983. С. 64). Однако эта цифра завышена. Территория памятника занимает около 25 га, а обживалась (исключая крутые склоны и т.п.) площадь около 17–18 га.

гой (рис. 23). Здесь, на северной и восточной сторонах, был вскрыт участок оборонительной (подпорной) стены общей протяженностью 120 м<sup>12</sup>. Разрушенные остатки ее сохранились в 1990 г. на северном склоне холма. Судя по имеющейся публикации, выявленная стена, сохранившаяся на высоту до 0,75 м, при ширине ее на различных участках от 1,85 до 2,3 м, возводилась на высеченных в материковых породах ложах. В основании ее были уложены необработанные или малообработанные массивные и широкие плиты. «Кладка стен панцирная, регулярная с использованием крупных плит и блоков, пространство между которыми заполнено обломками камня и глиняным раствором» (там же, с. 66). Авторы статьи отмечают, что на западном участке стены нижние ряды внешнего панциря были перекрыты напластованиями раннеалбанского времени (III–I вв. до н.э.) с фрагментами керамики того же периода. Это позволило отнести время сооружения стены «к раннему железному веку, т.е. к VII–IV вв. до н.э.» (там же). Однако уже указанное в сноске 12 сомнение относительно наличия оборонительной стены на западном и южном участках, а также описанный в публикации развитый характер фортификации (ложи-траншеи под основание стены, регулярность кладки, панцирная техника, связующий глиняный раствор) позволяют не согласиться с такой датировкой. Это подтверждается и проведенными в 1990 г. раскопками на цитадели и в других частях городища, показавшими отсутствие слоев раннежелезного века на памятнике (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. С. 9). К подобному выводу пришел и С.В.Мокроусов, исследовавший ранние оборонительные сооружения Таргу и керамический комплекс памятника (Мокроусов С.В. 1995. С. 168–173. Примеч. 31). Тот факт, что нижние ряды кладки наружного фаса стены были перекрыты культурным слоем с керамикой III–I вв. до н.э., не позволяет отнести ее возникновение к предшествующему этой дате времени по той причине, что стена эта возводилась в ложах, прорезавших до материка существовавший культурный слой. Скорее она должна быть датирована первыми веками н.э. Возможно также, что отмеченный слой представляет собой уплотняющую подсыпку из существовавшего ко времени строительства стены культурного слоя III–I вв. до н.э., перемещенного в ложе после возведения стены и накрывшего нижние ряды ее кладки.

Вторая линия оборонительных стен верхней террасы городища проходила в средней части склонов возвышенности, защищая с западной, северной и, очевидно, северо-западной стороны территорию площадью около 2 га. Авторы отмечают остатки этой линии также на восточном и южном направлениях, в виде располагавшихся на том же уровне крупных скоплений камней или выходов краев сохранившейся кладки (Котович В.Г. и др. 1983. С. 66). Однако на южном участке, на уровне, соответствующем этой линии обороны, как показали рас-

---

<sup>12</sup> В публикациях участников раскопок, очевидно, ошибочно указываются западная и южная стороны. Какие-либо указания на раскопки этой фортификационной линии в отчетах отсутствуют. Но на планах городища указана линия, защищающая вершину с севера, востока и юга, но не с запада. К тому же заложеной на западной стороне вершины траншеей (31 × 1 м) от раскопа 1 (Котович В.Г. и др. 1974. С. 48–49) остатки этой стены не выявлены, а обнаружены остатки стены второй фортификационной линии верхней террасы. По всей видимости, авторы публикации ошиблись, назвав восточную сторону западной. Речь должна идти, очевидно, о северной и северо-восточной сторонах. Наши исследования на городище показали отсутствие на южном участке как первой, так и второй линий обороны, что ставит под сомнение информацию исследователей. Этот факт нашел отражение и в упомянутой статье, где на разных страницах (Котович В.Г. и др. 1983. С. 60, 66) указаны различные стороны (в первом случае — «северный и северо-восточный склоны», во втором — «южная и западная сторона»), где исследовался этот 120-метровый участок стены.

копки 1990 г., располагалась не оборонительная линия, а искусственная терраса с расположенными на ней в ряд смежными жилищно-хозяйственными помещениями, остатки стен и кладок которых действительно в ряде мест обнажены. В настоящее время эта терраса, сооруженная на довольно крутом склоне на 7–8 м ниже вершины возвышенности, сильно оплыла и продолжает разрушаться под воздействием постоянного смыва. Ныне ширина ее составляет 1,0–1,2 м, высота — до 1 м, прослеженная длина — около 40 м. Раскопками здесь было вскрыто одно небольшое прямоугольное в плане помещение с очагом, имевшее в интерьере ширину 2,25 м и длину не менее 2,2 м (рис. 25). По находкам керамики (тарная штрихованная, столовая коричневоолошенная, кухонная с примесью кварца) оно было датировано рубежом албано-сарматского и раннесредневекового времени (Кудрявцев А.А. 1990. С. 42–46).

Рассматриваемая вторая фортификационная линия была исследована на западном (траншея раскопа 1) и северо-западном участках (раскопы 3, 3а). Авторы статьи (Котович В.Г. и др. 1983. С. 66) отмечают, что она была раскопана на участке протяженностью около 40 м, и приводят ее параметры, описывают строительную технику<sup>13</sup>. Однако данные, приведенные в статье, несколько отличаются от данных отчетов об исследованиях одного из участков этой стены. Поэтому при характеристике этой линии обороны мы будем опираться не на сведения, приводимые в статье, а на материалы отчетов, в которых имеются соответствующие описания, фото- и чертежно-графическая (хотя и не полная) документация.

Оборонительная стена на исследованном 15-метровом участке (раскопы 3, 3а) сложена монолитной кладкой регулярными, но перебивающимися рядами из среднего и реже крупного (0,4–0,6 × 0,3–0,4 × 0,3–0,4 м), преимущественно плитчатого, камня (известняк) на глиняном растворе (рис. 26, 27), хотя встречаются отрезки, возведенные насухо (Котович В.Г. и др. 1974. С. 55). Для выкладки наружных граней стен подбирался камень правильных геометрических очертаний, который дополнительно подтесывался с лицевой стороны. Это сближало данную кладку с панцирной техникой. Отмечается также укладка удлиненных плит попеременно тычком и логом, но не ребром, а плашмя. Этот прием, вместе с подкладкой под отдельные камни и в щели между ними мелких плиток, придавал большую прочность сооружению, обеспечивал связь наружных рядов с телом стены, которое заполнялось рваным камнем, щебнем и заливалось глиняным раствором (Котович В.Г., Котович В.М. 1978. С. 6). Стена имела толщину 2,0–2,4 м, при сохранности в высоту до 2,2–2,45 м (15–17 рядов кладки). На небольшом зачищенном участке западной стороны нижняя часть стены достигала толщины 3,6 м (Котович В.Г. и др. 1974. С. 48). Возводилась стена вертикально, но на третьем раскопе отмечено сужение ее кверху (там же, с. 55), с уклоном внешней грани в 6°, обеспечивавшее большую площадь опоры и устойчивость.

На северо-западном участке, где стена шла под углом к склону, с целью обеспечения большей надежности сооружения были сделаны горизонтальные ступени-ложа под основание стены (Котович В.Г., Котович В.М. 1978. С. 6–8). Они создавались путем эскарпации и перемещения верхнего (культурного и материкового) грунта склона. На исследованном отрезке было выявлено четыре

<sup>13</sup> Вероятно, этот и другие раскопы, упоминаемые в статье, были заложены и исследованы еще в 1976 и 1978 гг., полевые отчеты за эти годы не представлены.

такие ступени длиной 3,6–4,5 м и высотой от 0,4 до 1,3 м. По всей видимости, длина и высота каждой из ступеней определялась рельефом конкретного строительного участка. В тех местах, где нивелировка площади шла за счет насыпного (перемещенного) грунта, в него добавляли много мелкого рваного камня, щебня, а выровненная поверхность иногда покрывалась довольно толстым (12–18 см) слоем плотной светло-желтой глины (там же, с. 7), являвшейся своего рода субструкцией под оборонительную стену. Подобные приемы, обеспечивавшие большую плотность перемещенного грунта и предохранявшие в некоторой мере основание стены от размыва и деформации, применялись и на верхней из выявленных ступеней-лож.

На подготовленных таким образом горизонтальных площадках отдельными пролетами, в зависимости от длины ступени, возводилась оборонительная стена, на что указывают вертикальные швы по всей ее высоте в месте границ ступеней. В некоторых случаях вплотную к эскарпированному склону в теле стены устанавливались более массивные каменные блоки правильных форм и, как правило, небольшие подпорные стенки (шириной до 0,9–0,95 м), которые выходили за фасадную плоскость стены перпендикулярно к ней. Последние не только подпирали эскарпированный склон, но и одновременно играли роль контрфорсов.

Возникновение второй фортификационной линии авторы раскопок склонны относить к раннескифскому (VII–VI вв. до н.э.) времени (Котович В.Г. и др. 1974. С. 56–57; Котович В.Г., Котович В.М. 1978. С. 9–10; Котович В.Г. и др. 1983. С. 67). Основанием для этого послужила находка под кладкой внешнего фаса нижней части крупного тарного сосуда (Котович В.Г. и др. 1983. С. 68. Рис. 7, 5), интерпретированного как строительная жертва и датированного VII–VI вв. до н.э. (рис. 27). Однако С.В.Мокроусов считает, что этот сосуд не только не связан с данной стеной, будучи перекрытым нивелировочной подсыпкой, но относится к раннебронзовой эпохе: значительное количество фрагментов этого сосуда, почти полностью восстанавливающих его, обнаружено здесь же, в слое эпохи ранней бронзы, подстилающей основание стены (Мокроусов С.В. 1995. С. 169–170; см. также: Котович В.Г. и др. 1983. Рис. 7, 5, 11).

Вероятно, в позднеалбанское время (I–IV вв. н.э.), по мнению исследователей, перед этой стеной была сооружена протейхизма (Котович В.Г. и др. 1983. С. 67). Остатки этой небольшой барьерной стенки были выявлены в 1,0–1,3 м от оборонительной стены. Она имела ширину 0,6–0,8 м и высоту до 0,6–0,7 м (Котович В.Г. и др. 1974. С. 48, 57). Однако, судя по ее параметрам и местонахождению, речь должна идти, на наш взгляд, не о протейхизме как специальном оборонительном рубеже, а о стенке, ограждавшей дорогу, которая обводила цитадель вдоль подпорной стены террасы, игравшей роль второй фортификационной линии.

В отличие от авторов раскопок, С.В.Мокроусов отнес строительство этой оборонительной линии ко второй трети I — середине III в. н.э. (Мокроусов С.В. 1995. С. 170–171). Такая дата возникновения оборонительной стены Таргу была предложена им на основании связи ее с культурным слоем албано-сарматского времени и близкого сходства техники строительства ее и ранних оборонительных сооружений Дербента, функционировавших в период между серединой I — серединой III в. н.э. (Мокроусов С.В. 1988а. С. 53; 1989. С. 81). Вместе с тем эта дата согласуется и с предложенной выше датировкой первой (верхней) «фортификационной» линии первыми веками н.э. и указывает на широкомасштабные,

очевидно относительно одновременные, строительные работы, проводившиеся в этот период на поселении и определившие его архитектурный облик, становление крупного укрепленного поселения.

Последняя, третья, линия оборонительных стен верхней террасы городища проходила у восточной ее границы, по краю скального карниза. Камень для ее сооружения добывался тут же из скальных выходов, благодаря чему и образовался отвесный карниз. На раскопанном 27-метровом участке (полевая документация этих раскопок отсутствует) сохранился лишь нижний ряд ( $h = 0,4\text{--}0,6$  м) стены. Ширина ее составляла 1,6 м, сложена двухпанцирной кладкой с забутовкой рваным камнем и землей. Причем на сооружение внешнего панциря шли более крупные известняковые блоки. В трех местах к стене фасада перпендикулярно примыкали короткие стенки, представлявшие собой, вероятно, остатки контрфорсов. С правой стороны въезда, соединявшего верхнюю и среднюю террасы городища, находится огромная насыпь ( $d$  — около 15 м) с выступающими в отдельных местах кладками из крупных блоков, под которыми, вероятно, скрываются остатки привратной башни (Котович В.Г. и др. 1983. С. 62). Исследователи считают, что вскрытый ими «участок стены возводился или фундаментально перестраивался в раннесредневековое время» (там же, с. 70).

Средняя терраса городища (рис. 24) была ограждена с востока описанной выше стеной и скальным карнизом. Западная и частично южная стороны ее также были защищены скальным карнизом, по кромке которого проходила оборонительная стена. Остатки ее, очень плохой сохранности, были раскопаны и исследованы в юго-западной части на протяжении 28 м (раск. 7) (Котович В.Г., Котович В.М. 1978. С. 22–24). От нее сохранились главным образом лишь нижние ряды ( $h = 0,3\text{--}0,7$  м) внешнего панциря, частично забутовка и только на одном отрезке (длиной около 4,4 м) остатки внутреннего панциря. На указанном отрезке ширина стены достигает 2,0 м (в статье указана толщина до 3–3,5 м). Возводилась она без скрепляющего раствора на скальном основании, местами выровненном. Наружный панцирь выложен из крупных и средних бутовых камней с выровненной лицевой гранью. Повторяя в плане направление скального карниза, стена на выявленном участке шла ломаной прямоугольной линией, уступами, с выносом соответствующих пролетов стен на расстояние от 1,2–1,3 до 2 м. Такой фортификационный прием давал возможность вести фланговую стрельбу (Котович В.Г. и др. 1983. С. 70). Судя по чертежной документации, каждый из таких пролетов возводился самостоятельно, не имея перевязки с боковыми маршами, на что указывает наличие строительных швов, а в одном случае и продолжение стены в забутовке следующего пролета. Вместе с тем чертежно-графическая документация показывает, что оборонительную роль выполняли и фасадные стены расположенных здесь домостроений.

Как и у въезда на верхнюю террасу, справа от въезда, соединяющего среднюю и нижнюю террасы, находилась привратная башня, от которой остались руины (там же, с. 62) в виде округлого холмика с видимыми выходами строительного камня. Как указывают исследователи городища, оборонительная стена средней террасы, судя по многочисленным находкам, «была воздвигнута и функционировала на протяжении предарабского периода раннесредневековой эпохи, т.е. в VI — первой половине VIII в.» (там же, с. 70).

Однако, как показали раскопки В.Г.Котовича и исследования 1990 г., средняя терраса обживалась в албано-сарматский период, очевидно до V в. включи-

тельно, а с V–VI вв. эта территория была занята катакомбным могильником (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1973. С. 4–5; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. С. 9).

Позволим себе остановиться подробнее на стратиграфии культурных напластований средней террасы городища. Здесь, в центральной части террасы, в 1990 г. был заложен стратиграфический раскоп 2 (Кудрявцев А.А. 1990. С. 48–54). Ниже слоя гумуса шел культурный слой 1, мощностью 62–108 см, представлявший собой плотный светло-коричневый грунт с незначительным включением древесных угольков, крупного и среднего бутового камня. Из этого слоя происходят 64 фрагмента керамики, представленной столовой, кухонной и тарной посудой. Показательные формообразующие обломки столовой керамики представлены: круглой в сечении ручкой лошеного кувшина из коричневого теста (рис. 28, 5), стенкой с елочным орнаментом аналогичного кувшина (рис. 28, 6), фрагментами круглых в сечении коричневоглиняных ручек (рис. 28, 17), венчиками сосудов из красно-коричневого теста с серой прослойкой в изломе (рис. 28, 3, 8), фрагментом ленточной ручки и стенки красноангобированного кувшина из бежевого теста (рис. 28, 9), фрагментом круглой в сечении ручки серолошеного кувшина (рис. 28, 18), фрагментами венчиков серолошенных мисок (рис. 28, 15, 16) и мисочки из теста бурого цвета с примесью песка (рис. 28, 7).

Среди кухонной посуды выделим венчики горшков из теста серо-черного цвета с примесью кварца, шамота (рис. 28, 1, 10), венчики сосудов, возможно типа гусятниц, из теста серо-коричневого цвета с добавками кварца и песка (рис. 28, 2, 14). Особо отметим обломок донца сосуда из серого теста, с наружной обмазкой тулова жидкой глиной (рис. 35, 13).

Тарная керамика представлена фрагментами крупных толстостенных сосудов со сплошной наружной штриховкой тулова (рис. 28, 4), с белоангобированным покрытием, гладкостенных коричневоглиняных, с наружной обмазкой тулова, из теста коричневого цвета с обильной примесью шамота.

Представленные в первом слое фрагменты керамических изделий как по своим формам, так и по технологическим особенностям характерны для керамики рубежа албано-сарматского и раннесредневекового времени (III–V вв.), именно этим временем следует датировать этот слой. С началом отложения первого слоя связано возникновение хозяйственной ямы, частично вошедшей в площадь шурфа и прорезавшей нижележащий второй культурный слой.

Заполнение ямы представляло собой темно-серый грунт, насыщенный древесными угольками. В яме были найдены 5 кусков хорошо промешанной и прокаленной печины и 13 фрагментов керамики, в том числе красноангобированной, гладкостенной из красно-коричневого теста, красноглиняной белоангобированной, тарной штрихованной и др. Особо выделим находки черепков горловины с ленточной ручкой красноангобированного кувшина из теста бежевого цвета и донца, очевидно, этого же сосуда (рис. 28, 21, 22). Эта весьма показательная керамика находит широкие аналогии на памятниках Дагестана III–V вв.

Нижележащий второй культурный слой, представляющий плотный коричневый суглинок с незначительным включением угольков и мелкого бута, имел толщину 52–92 см. В слое обнаружено 29 фрагментов керамики, причем в нижней части слоя (8-ой штык) — только 8 обломков. Весь керамический материал относится к двум хронологическим группам, что подтверждается и стратиграфически — указанные 8 фрагментов керамики относятся к эпохе ранней бронзы, ос-

тальные (21 фрагм.), из вышележащей части слоя, — к албано-сарматскому времени. При этом отметим, что структурно верхняя и нижняя части слоя не выделяются.

По своим технологическим характеристикам керамика верхней части слоя представлена красноангобириванной, гладкостенной бежевоглиняной, светло-коричневой, коричневоолошенной, чернолошенной, кухонной сероглиняной с примесью шамота и кварца и с обмазкой. Выделим венчик красноангобириванной округлобокой миски из бежевого теста (рис. 28, 11) и горловину горшка из теста темного цвета с примесью кварца и наружной обмазкой тулова жидкой глиной (рис. 28, 19). Керамический материал и его стратиграфическое положение позволяют датировать слой рубежом — первыми веками н.э.

Керамика эпохи ранней бронзы представлена пятью фрагментами венчика и стенок лошеного сосуда с серо-коричневой наружной поверхностью (рис. 28, 24) и двумя фрагментами венчика и стенки широкоустной миски ( $d = 22$  см) с хорошо заглаженной поверхностью из теста бежевого цвета с примесью шамота (рис. 28, 25). Из этой, предматериковой, части слоя происходят также кремневый отщеп, фрагмент стенки высококачественного красноглиняного сосуда и крупный обломок керамической очажной подставки (рис. 28, 26).

Таким образом, материалы стратиграфического раскопа показывают, что обживание данной части памятника происходило на протяжении двух исторических периодов — в раннебронзовую эпоху (конец IV — III тыс. до н.э.) и в албано-сарматское время до V в. н.э., когда территория этой части городища была превращена, как показали раскопки В.Г.Котовича, в катакомбный могильник. И возникновение оборонительной стены на средней террасе следует связывать с обживанием данной территории в албано-сарматский период, а не со временем размещения здесь могильника. Очевидно, к этому же времени следует отнести и описанную выше оборонительную линию верхней террасы.

Наконец, остатки укреплений нижней террасы городища, по наблюдениям В.Г.Котовича, визуально прослеживаются по ее восточной и южной границе, возвышающейся уступом над речной долиной. По краю уступа видны местами выходы фундаментов стен, повторяющих его очертания, а у основания террасы остатки оборонительных сооружений имеют вид оплывшего вала шириной 2,5–3 м и высотой до 1–1,5 м (Котович В.Г. и др. 1983. С. 63). Однако мне представляется, что интерпретировать эти остатки как фортификационные преждевременно. Стратиграфический раскоп № 3, заложенный на этой территории в 55 м к юго-востоку от въезда на среднюю террасу (Кудрявцев А.А. 1990. С. 55–56), показал наличие перемешанного культурного слоя толщиной 75–80 см, в котором представлена как керамика рубежа албано-сарматского и раннесредневекового времени (в частности, красноангобириванная), так и средневековая (фрагмент красноглиняной чаши с темно-фиолетовой росписью под прозрачной бирюзовой поливой). Вместе с тем материал шурфа позволяет говорить, что нижняя терраса обживалась в III–VI вв., тогда как верхняя и средняя — на протяжении всего албано-сарматского периода или по крайней мере с рубежа н.э. Этот факт указывает на территориальный рост городища.

Фортификационная система городища Таргу включала в себя несколько поясов обороны, каждый из которых защищал определенную его часть и представлял собой важный оборонительный рубеж. Топография и планировка укреплений городища была обусловлена рельефом местности, во многом определившим расположение и направление оборонительных сооружений, число поясов

обороны. Древние строители не только максимально использовали естественно защищенные рубежи для возведения фортификации, но и активно изменяли рельеф с целью повышения его оборонительных качеств. В оборонительной архитектуре городища применялись методы и принципы местного фортификационного строительства, ставшие впоследствии традиционными.

Выше указывалось, что В.Г.Котович идентифицировал городище Таргу с одноименным «гуннским городом Таргу», упомянутым вардапетом Гевондом (начало VIII в.), который осаждали арабские полководцы Маслама (в 713/4 г.) и Джаррах (в 721/2 г.). Основными доводами исследователя явились идентичность топонимов и крупные размеры городища. Однако, как показали археологические исследования памятника, его территория к началу VIII в. была уже не столь значительна и занимала, судя по имеющимся данным, только естественную верхнюю террасу городища, тогда как нижняя и средняя террасы обживались до V–VI вв. Эти данные, как представляется, позволяют поддержать традиционную локализацию «гуннского города Таргу» в районе Махачкалинского дефила, на месте нынешнего селения Тарки (кум. Таргъу), где находится Таркинское городище (Еремян С.Т. 1939. С. 142–143; Лавров Л.И. 1958. С. 13–15; Новосельцев А.П. 1990. С. 133). В связи со сказанным важно обстоятельство, подмеченное Л.Б.Гмырей: Гевонд в своем повествовании сначала называет «гуннский город Таргу», который осадил Маслама (История халифов, 1862. С. 28), а затем упоминает город без названия в «земле гуннов» у берега Каспия, взятый войсками Мервана в 737 г. (там же, с. 80). Л.Б.Гмыря вполне резонно предполагает, что хронист, возможно, не счел необходимым вновь называть город и подразумевал здесь «город Таргу» (Гмыря Л.Б. 1995. С. 136–137). Идентификация же безымянного города, отмеченного Гевондом, с Семендером (Гаджиев М.С. 1995. С. 30. Примеч. 2), который в 120 г.х./737–8 г. захватили войска Мервана, как об этом сообщают арабо-персидские авторы (Шихсаидов А.Р. 1986. С. 13, 16–17), не противоречит отождествлению его и с Таргу. Согласно местной исторической традиции, отраженной в «Дербенд-наме», Семендер — это Таргу (Derbend-Nâneh... 1851. Р. 461; Акташи Мухаммед Аваби. 1992. С. 41, 141, 148). Наличие же двух названий, видимо, было обусловлено особенностями сложившейся в раннем средневековье исторической топографии города: вероятно, в VI в. (судя по исторической ситуации и сообщению хроники «Дербенд-наме», приписывающей строительную деятельность Хосрову Ануширвану) два городища, расположенные в Махачкалинском дефиле на расстоянии около 4 км друг от друга, одно (Таркинское или Таргу) — у склона г. Тарки-тау, а другое (Анджи-кала или Анджи-арка<sup>14</sup>) — на возвышенности у моря, фактически архитектурно соединялись двумя «длинными» стенами, перегораживавшими проход между морем и горами (Котович В.Г. 1974а. С. 237–241). Подобный принцип градостроительства, как отмечалось, использовался и в Дербентском проходе, где оборонительные стены также перекрывали приморскую равнину, положив начало новому этапу в развитии города, а за самим городом закрепляется и новое название.

**Цыйшинское городище** (рис. 29) расположено в 1,1 км к западу от селения Цыйша Кулинского района в горной зоне долины р. Хунних — важной водной

<sup>14</sup> Этот топоним, как обратил внимание Р.М.Магомедов, имеет даргинское происхождение и означает «Глиняная крепость» (Магомедов Р.М. 1971. С. 179), что является синонимом распространенного тюркского названия Топрах-кала. Хроника «Дербенд-наме» идентифицирует Анджи с Семендером (Derbend-Nâneh... 1851 Р. 461, 496).

артерии внутреннего Дагестана. Городище занимает участок труднодоступного мыса Шибатлул Баклу, образованного глубокими каньонами небольших горных речек Шуйшиял-нех и Хьартта-ратI в месте их слияния и впадения в р. Хунних к юго-западу от городища, и, таким образом, с трех сторон (с запада, востока и юга) защищено естественными преградами. С открытой северной стороны оно плавно сливается с древними речными террасами, откуда к нему имеется свободный доступ и где видны остатки оборонительных сооружений в виде валов высотой 3–4 м (Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 4). Северо-западную, западную и юго-западную части занимают три узкие и длинные возвышенности, окаймляющие территорию городища. Две более крупные и пологие возвышенности, занимающие большую часть площади городища, составляют северо-восточную и юго-восточную части городища. Центральную часть занимает неглубокая пологая ложбина, протянувшаяся вдоль всего городища с северо-востока на юго-запад. По ее дну проходит древняя дорога, называемая местным населением *Авра ххулу* (лак.) — «Военная дорога». Другая дорога, сохранившаяся на отдельных участках в виде колеи (глубиной 0,2–0,5 м, шириной 1,4–1,6 м) и ограждений из низких каменных стенок из небольших плит, уложенных насухо горизонтально или вертикально, идет вдоль основания юго-западной возвышенности городища на север за пределы памятника (в сторону Вихлинского поселения) и на юг, сливаясь с вышеназванной дорогой (там же, с. 7), ведущей в Южный Дагестан. Следует отметить, что городище находилось на важной внутренней коммуникации, связывавшей Южный и Северо-Западный Дагестан, а также исторические центры Кумух и Кубачи.

На всей территории городища, в особенности у оснований и на склонах возвышенностей, в большом количестве встречаются собранные местными жителями на поверхности городища груды камней от разрушенных сооружений памятника (там же, с. 5).

В.Г.Котович, исследовавший Шуйшинское городище, определил площадь памятника в 35–40 га, в которую включил и прилегающую к нему территорию (сельскохозяйственную округу) с многочисленными земельными террасами, имеющими подпорные стенки, сложенные из крупного бутового или частично обработанного камня (там же, с. 6). Территория же собственно городища, опоясанная указанными возвышенностями, видимо, не превышала 12–13 га. В 50–150 м к северу и северо-западу от городища на большом ровном поле находится синхронный городищу некрополь, носящий название *Чапур хатталу* (лак.) — «Кладбище неверных». Он был частично исследован М.М.Маммаевым и предварительно датирован им I — началом V в. н.э. (там же, с. 24–41).

Северную оконечность возвышенности, ограждающей городище с северо-западной стороны, занимает холм с плоской вершиной размерами 30 × 55 м. Он господствует в микрорельефе городища, возвышаясь над прилегающей территорией. Значительная часть его, и в особенности южная, также покрыта горами строительного камня. Доминирующее положение холма и выявленные здесь остатки оборонительных сооружений позволили В.Г.Котовичу считать этот участок цитаделью городища (там же, с. 6, 8, 12), которая занимала не более 0,15 га. Однако не исключено, что роль таковой выполняло укрепление, расположенное в 150–200 м к востоку выше городища, на склоне священной горы Шунудаг. Его остатки в виде большого скопления строительного камня, выходов в отдельных местах кладок стен, возводившихся насухо из бутового и частично обработан-

ного камня, зафиксированы нами при осмотре в 1996 г., здесь же были собраны образцы красноангобириванной керамики.

Раскопки на одном из участков оборонительной стены на предполагаемой цитадели у ее северо-западного края (Котович В.Г. 1967. С. 17–20; Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 8–16) дают некоторое представление о строительных методах и характере оборонительных сооружений Цыйшинского городища, предварительно датированных второй половиной I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э. Такая датировка представляется несколько растянутой, неоправданной, и городище вернее синхронизировать с его могильником.

Выявленные здесь строительные остатки, их местоположение и направление, а также размеры и характер кладки позволяют интерпретировать их как остатки фортификационных сооружений. Оборонительная стена была прослежена на протяжении 10 м вдоль кромки верхнего края холма и, видимо, обводила полностью его территорию. Предположение М.М.Маммаева и М.Г.Магомедова о том, что эта стена могла быть скорее подпорной стеной террасы, не может быть принято по той причине, что террасные стены устраивались путем выреза грунта на склоне, тогда как данная стена расположена на крае вершины холма и возведена на нивелированной, но не эскарпированной поверхности. Сохранность стены на исследованном отрезке не везде одинаковая в результате длительной выборки строительного камня. Толщина ее на различных участках варьирует от 1,5 до 2,3 м при сохранившейся высоте до 1 м. Основание стены покоится на материковых скальных выходах. Строительным материалом для укреплений городища послужил местный камень, видимо добываемый из скальных обнажений, которые и сейчас имеются на территории городища. Стена была сложена из бутового камня сплошной монолитной кладкой с заполнением свободного пространства между камнями плотным желтовато-серым суглинком, мелкими камнями и щебнем. Наружные края стены тщательно возводились регулярной кладкой из крупного бута (0,3–0,4 × 0,3 × 0,2–0,25 м, 0,7 × 0,6 × 0,35 м, 1,0 × 0,55 × 0,45 м), причем более крупные камни шли на сооружение ее фасадной (наружной) грани. Под отдельные камни или в щели между ними укладывались мелкие камни для придания им устойчивости. Вместе с тем наиболее крупные и длинные блоки (длиной 0,8–1,1 м) фасадной стороны помещались перпендикулярно основному направлению, глубоко врезаясь в толщу стены. Причем отмечена регулярность укладки таких блоков через каждые 2,5–2,6 м, что обеспечивало перевязку внешней, наиболее уязвимой грани оборонительной стены с ее телом, равномерное давление на нижележащие ряды, повышая прочность и надежность всего сооружения.

Описанные строительные приемы возведения оборонительных стен Цыйшинского городища — регулярная кладка из крупных камней, образующая наружные грани стены; перпендикулярная к направлению стены и периодическая укладка длинных блоков для более прочного соединения наружных камней с телом стены — имеют определенное сходство с классической панцирной кладкой ложком и тычком, известной в памятниках античной и раннесредневековой фортификации и являвшейся одним из передовых конструктивных приемов оборонительного зодчества. Использование этих методов кладки местными мастерами увеличивало мощь фортификационных сооружений и до некоторой степени компенсировало отсутствие связующего раствора, обработанных каменных блоков, относительно малую толщину стен, снижавших их оборонительные каче-

ства. Вместе с тем они указывают на относительно развитый характер приемов местной фортификации.

**Охлинское городище** (рис. 30) находится в глубине предгорной зоны, на западной оконечности Левашинского плато, окруженной с северной и западной стороны горными хребтами. Оно расположено в двух километрах к западу от сел. Охли в местности Барцани на левом берегу р. Барцани-тлар (притока р. Герга). Городище занимает восточную окраину возвышенности *Иваниласул мишир* (авар.) («Гора Иванилава»), а также неукрепленные ее восточные и южные склоны общей площадью около 6 га. Южные склоны отделены от укрепленной части городища высоким скальным карнизом. На всей его территории видны завалы строительного камня и местами прослежены остатки стен сооружений (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971; 1972; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 109).

Рядом с городищем, к северо-востоку от него, в широкой ложбине, отделяющей его от соседнего городища *Меседил мишир* (авар.) («Гора золота»), а также в южной части городища, вдоль русла реки прослеживаются остатки древней дороги в виде колеи, огражденной вертикально поставленными плитами или каменными стенками. Дорога эта, известная среди местного населения под названием *Бол нух* (авар.) — «Дорога войск», связывала предгорные и горные районы внутреннего Дагестана с приморской равниной (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 109).

Оборонительными сооружениями была защищена верхняя площадка холма, площадью около 0,15 га, занимающая доминирующее положение в микрорельефе городища (рис. 30). Остатки этих сооружений длиной 15–40 м можно обнаружить с западной открытой и ровной стороны в виде трех дугообразных валов и трех рвов (при высоте от основания рва до вершины вала 2,35–2,4 м), расположенных на расстоянии в среднем 10 м друг от друга (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 2, 34). В южной части они обрываются, немного не доходя до скального карниза, а в северной части, поворачивая на восток, теряются на склоне (около 30°) возвышенности.

Траншеями были исследованы остатки этих сооружений на западном и северном участках, и получены данные, позволяющие составить представление о системе обороны Охлинского городища. Наиболее ясно она прослежена с западной напольной стороны (траншея 2), где эти остатки имеют лучшую сохранность в виде валов и рвов. Здесь оборонительная система городища имела три пояса укреплений: два рва и внутренний вал, на котором была возведена оборонительная стена (рис. 31).

Рвы были прорыты на краю естественной возвышенности на вершине холма в скальной известковой породе, которая близко подходит к поверхности, подстилая песчано-глинистый материковый грунт. В результате сооружения рвов, имевших крутые скаты, и образовались скальные (не насыпные) валы перед наружным рвом и между рвами. Наружный вал, граничащий своим гребнем со рвом, полого спускался в поле и играл роль гласиса. Заполнение обоих рвов идентично: под тонким гумусным слоем шел завал бутового (строительного) камня на всю глубину рва. Толщина завала первого (наружного) рва достигала 1,25 м, второго (внутреннего) — 2,4 м. Таким образом, первоначальная глубина наружного рва составляла 3,65 м (от вершины вала между рвами), а внутреннего — 4,75 м; ширина соответственно около 10,5 и свыше 7 м (считая от гребня среднего вала до основания наружной грани оборонительной стены).

В заполнении внутреннего рва помимо нескольких фрагментов красноангобированной керамики был найден костяной трехгранный наконечник стрелы с плоским черешком (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 35; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. Рис. 5, 1), аналогичный обнаруженному на городище Урбеки рядом с угловой башней цитадели (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 28). При исследовании внутреннего вала выяснилось, что на нем была возведена мощная оборонительная стена, непосредственно перед которой находился ров. С внутренней части скальный вал был наклонно эскарпирован, а в нижней части нивелирован для устойчивого положения внутреннего панциря оборонительной стены. С наружной стороны нижние ряды стены сохранились у вершины скального вала на высоте более 0,6 м (3–5 рядов кладки). С внутренней — панцирь и забутовка имеют сохранность от нижней горизонтальной площадки до вершины скального вала на высоту до 3,95 м (до 29 рядов кладки). Стена двухпанцирная. Разница отметок оснований наружного и внутреннего панцирей составляет около 2,7 м. Сложены они насухо из подобранных плоских камней крупного и среднего размера, шели заложены мелкими плитками. Пространство между панцирями и склонами скального вала забутовано рваным камнем. Камень на строительство стены, очевидно, добывался тут же при сооружении рвов в скальной породе. Ширина стены у вершины скального вала достигает 4,5 м (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1972. С. 16; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 110). Забутовка стены выше скального вала представляла собой щебень с бутовым камнем, засыпанные землей. Судя по оставшимся завалам во рвах и с внутренней стороны стены, она достигала значительной высоты (не менее 4 м) и вместе со рвами представляла серьезную преграду, обеспечивая глубоко эшелонированную защиту.

На основании того, что заполнение обоих рвов состояло из строительного камня, исследователи предположили наличие подобных стен на всех трех валах (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 110–111). Однако на западном участке оборонительной линии остатки стены были прослежены только на внутреннем вале, а завал строительного камня в наружном рву по объему значительно уступает (в два раза) завалу в прилегающем к стене рву. Представляется, что возведение трех линий оборонительных стен на расстоянии до 10 м друг от друга при наличии между ними глубоких рвов было нецелесообразным.

Расчищенный 15-метровый отрезок внутреннего панциря оборонительной стены защищал укрепленную часть городища с западной и северной сторон. Несколько позднее в северо-западной и западной части к ней была пристроена дополнительная стена высотой до 2,3 м и шириной до 1 м (в месте изменения направления стены с севера на восток толщина ее увеличилась до 1,5 м). Сложена она была на всю толщу из необработанного камня без раствора. Стена эта, видимо, не только подпирала и укрепляла основание более ранней оборонительной стены, выполняя функцию контрфорса, но, судя по достаточной ширине и меньшей высоте, могла служить площадкой для передвижения вдоль укреплений (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1972. С. 21–22).

Отметим, что при расчистке завала на оборонительной стене был обнаружен железный трехлопастный (без шипов) черешковый наконечник стрелы с упором для древка (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1972. С. 22; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. Рис. 5, 2), по которому можно определить верхнюю дату сооружения стены, а в нижнем культурном слое, подстилающем завал, примыкаю-

шем с внутренней стороны к оборонительной стене и связанном со временем возникновения и существования крепостных сооружений, были найдены три костяных наконечника стрел (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 32; 1972. С. 24; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. Рис. 5, 3–5), идентичных обнаруженному во рву.

Как уже отмечалось, внешние признаки оборонительных сооружений на северной стороне укрепленной части городища отсутствовали. Проведенными исследованиями здесь же был вскрыт (траншея 1) скальный вал с остатками оборонительной стены и перед ним неглубокий ров, вырытый в скальной породе (рис. 32). От оборонительной стены сохранился только внутренний панцирь, облицовывавший скальный выход. Для сооружения стены верхняя часть склона была частично эскарпирована, а у подошвы внутренней грани стены — нивелирована.

Таким образом, основание внутреннего панциря стены покоилось на горизонтальной площадке, вырытой в песчано-глинистой материковой почве, и прилегало к пологому ровному скальному выходу, на котором, очевидно, и возводилась сама стена. Толщина оборонительной стены была не больше ширины скального выхода, составлявшей от края рва до внутренней грани стены 5,5 м. Панцирь стены сохранился на высоту 2,4 м (до 12 рядов кладки) и был сложен в той же строительной технике, что и стена на западной линии укреплений. Особенностью конструкции стены на данном участке явился карниз, образованный выступающими нижними рядами кладки и обеспечивавший большую устойчивость сооружения. Он выступал на 20 см от плоскости стены и имел высоту около 0,8 м (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 24).

Вырытый в скальной породе перед стеной ров имел ширину в верхней части около 4,5 м и в основании около 3 м, при глубине по центру до 1,4 м (рис. 32). Внутренний скат рва представлял собой крутой с уступами склон (высотой до 1,1 м). Перед рвом — ровный скальный выход шириной около 6 м, являвшийся своеобразным гласисом, полого спускался по склону и заканчивался невысоким карнизом.

В 5,0–5,2 м от скального вала, на краю верхней площадки холма были расчищены остатки помещения (рис. 32), северная стена которого, очевидно, имела и оборонительное назначение (раск. 2). Она шла параллельно валу по кромке вершины холма и в отличие от остальных стен помещения имела большую ширину (0,8 м против 0,6–0,65 м) (там же, с. 16–17). Эта стена имела обычную для Охлинского городища кладку из плоских плитчатых камней со слабой обработкой, уложенных без связующего раствора, но с закладкой шелей мелким камнем и с земляной присыпкой.

Наконец, остатки еще одной стены, по всей видимости тоже оборонительной, были частично вскрыты у северо-восточного края вершины холма (раск. 1). Она имела аналогичную конструкцию, ширину около 1,6 м, сохранившуюся высоту 0,7–1,15 м, прослежена на длину 2,8 м (там же, с. 5, 6). На ее оборонительный характер указывает не только такой важный параметр, как ширина, но и местоположение и направление по кромке вершины холма, а также найденные рядом с ней каменные ядра (23 экз.) (там же, с. 6, 14).

Интересно, что направление всех описанных стен, выявленных на трех северных участках городища, совпадает, составляя единый абрис. Это дополнительно подчеркивает, наряду с их параметрами, что на отдельных участках роль

оборонительной стены играли стены соответствующих домостроений, расположенных на краю вершины холма.

Городище на различных направлениях обороны имело разную степень защиты, обусловленную рельефом местности и уязвимостью того или иного участка (рис. 30). С напольной западной, наиболее опасной стороны помимо оборонительной стены городище было защищено широкими и глубокими рвами, представляющими серьезную преграду. На то, что западное направление обороны являлось главным, помимо трех поясов оборонительной линии указывает и найденное здесь относительно большое количество предметов вооружения (наконечники стрел, каменные ядра). Выявленный перед северной стеной ров, хотя и замедлял действия атакующих, не представлял собой, судя по размерам, труднопреодолимое препятствие. Отсутствие дополнительных оборонительных рубежей на северном участке обороны в некоторой степени возмещалось крутизной склона (от 23 до 30°). Этим обстоятельством, очевидно, было обусловлено возведение стены на скальном валу и увеличение толщины внешних, обращенных к валу, стен помещений, которые играли и роль оборонительного рубежа — прием, известный и на городищах Урцеки и Таргу. Следует отметить, что эта черта архитектуры городищ Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени является характерным признаком архитектурно-композиционного оформления старинных дагестанских аулов.

Обзор географической ситуации древних городищ Дагестана показывает, что все они располагались на важных военно-стратегических и торговых дорогах как местного, так и международного значения и благодаря своему выгодному географическому положению, естественной и искусственной защищенности являлись важными опорными пунктами, контролировавшими определенные участки этих дорог. Важнейшей такой дорогой на территории Дагестана выступала международная трасса вдоль западного побережья Каспия, с древнейших времен связывавшая Восточную Европу с Закавказьем и Передней Азией, — Прикаспийский путь, начавший активно функционировать уже в раннеэллинистический период. На оживленном участке этого пути находилось городище древнего Дербента; на северном его участке, там, где горы, как и в районе Дербентского прохода, близко подходят к побережью, образуя узкое дефиле, важным пунктом являлось Махачкалинское (Таркинское) городище, на котором имеются слои албано-сарматского и раннесредневекового времени и выявлены остатки оборонительных стен (Магомедов М.Г. 1983. С. 202–203). На прилегающих к этой трассе ответвлениях, на границе равнин и предгорий у речных долин располагались городища Таргу, Урцеки, Чакавуркент, Эскиюрт и др., при необходимости защищавшие пути в горы и связывавшие Внутренний Дагестан с Прикаспийским. Городище Урцеки, расположенное примерно на равном расстоянии между Дербентом и Махачкалой, находилось поблизости от еще одного дефиле между морем и горами — Избербашского и контролировало путь в горные районы вдоль р. Количи. Немалое значение отводилось Охлинскому, Цыйшинскому и другим городищам, которые возникли на важных внутриагестанских коммуникациях. На это указывают и названия древних дорог, на которых они расположены, и их оборонительные сооружения. Названия «Дорога войск», «Военная дорога» подчеркивают их военно-стратегическое значение, но можно не сомневаться в том, что они выполняли и столь же нужную торгово-экономическую функцию, как и расположенные на них городища и поселения. Другие древние

городища Дагестана — Маяк, Уллуярское, Генторун, Какамахинское, Губденское, Алхаджикентское Гяур-кала, городища Левашинского плато и другие, еще ждущие своего стационарного исследования, также находились на важных коммуникационных линиях.

Городища занимали стратегически наиболее выгодные места: возвышенности и отроги, защищенные крутыми склонами, глубокими ущельями или высокими каньонами, иногда в замкнутых горных долинах и, как правило, вблизи водных артерий. Выбранные для поселения места были не только труднодоступны, малоуязвимы, но и занимали положение, позволявшее контролировать максимально большой участок проходящей трассы, видеть самые дальние подступы к нему. Такое местоположение характерно для всех рассмотренных памятников.

Исследование оборонительной архитектуры показывает, что фортификация городищ являлась яркой и показательной их морфологической чертой. Своими порой внушительными размерами, мощью оборонительные сооружения не только служили прямому назначению, но и архитектурно выделяли городища в качестве населенных пунктов с особыми функциями социально-экономического организма.

Возведенные укрепления органически вписывались в рельеф местности и дополняли естественную защищенность городищ. Изучение планировки оборонительных сооружений свидетельствует о максимальном использовании древними строителями геоморфологических особенностей территории городища. Наиболее укреплялись (более мощными стенами, дополнительными оборонительными линиями) стратегически важные и уязвимые направления обороны. Обращает на себя внимание тот факт, что на городищах, включавших и неукрепленную территорию поселения, фортификационными сооружениями ограждалась и защищалась часть памятника, имевшая доминирующее положение в его топографии и незначительные размеры по сравнению с общей площадью городища. При наличии оборонительных стен, окружающих все городище или его большую часть (Урцеки, Таргу), господствующая в рельефе памятника часть была более укреплена, нежели остальная его территория. Доминирующее положение этих частей в рельефе и структуре городищ, их значительно меньшая площадь по сравнению с остальной территорией, укрепление только этих участков городища оборонительными сооружениями или более хорошая их защищенность при наличии нескольких линий обороны позволяют видеть в них важнейший элемент древних городищ — цитадель. Появление в структуре древних поселений Дагестана албано-сарматского времени обособленных, укрепленных цитаделей явилось показателем глубоких социально-экономических сдвигов в местном обществе.

Исследование оборонительной архитектуры показывает относительно разный характер приемов и принципов местной фортификации. О выборе естественно укрепленных мест, максимальном использовании рельефа местности, целесообразной планировке и характере оборонительных сооружений речь уже шла. Оборонительные стены являлись основными узлами обороны (Магомедов М.Г. 1970. С. 8), порой единственными, не считая естественно укрепленных мест. Появившиеся, очевидно, в позднеалбанское время, оборонительные башни, о чем можно судить по их наличию на городище Урцеки, стали важным показателем в развитии местной фортификации. Однако они не получили повсеместного распространения и встречаются эпизодически, хотя на городище Урцеки расположение башен на линии обороны приобретает некоторый регулярный

характер. Новым явлением явилось применение глиняного раствора в качестве связующего материала; но он также не получил повсеместного распространения, что было обусловлено, видимо, как строительной традицией, так и спецификой строительного материала.

Общность приемов оборонительного зодчества городищ Дагестана заключается в выборе строительного материала; технике монолитной кладки из бутового камня; близких параметрах стен, укладке в основании более крупных блоков, а у наружных граней крупных камней, нередко правильных форм с частичной их обработкой. Последний прием, очевидно, привел к появлению панцирной кладки, хотя, вероятно, и не без внешнего влияния.

Указанные строительные методы, примененные при возведении оборонительных сооружений, использовались в Дагестане с глубокой древности. Это позволяет считать, что местное оборонительное зодчество албано-сарматского времени возникло и развивалось первоначально на основе локальных строительных традиций, приемов и методов гражданской, бытовой архитектуры. В частности, об этом свидетельствует такой характерный прием фортификационного строительства, как сооружение эскарпа с целью использования его в качестве опоры оборонительной стены и обеспечения достаточной ее высоты. Этот метод с глубокой древности применялся населением Дагестана при строительстве бытовых сооружений, сельскохозяйственных террас с подпорными стенками (Агларов М.А. 1979. С. 15, 16; 1986. С. 51–53). Очевидно, что расположенные на территории некоторых городищ (Урцеки, Таргу, Шейшинское городище), укрепленные стенами, террасы служили не только для сооружения на них бытовых сооружений, устройства обрабатываемых земельных участков, формируя обычный в условиях Дагестана пространственный ступенчатый облик поселения, подчиненный рельефу, но и имели коммуникационное и оборонительное назначение. Наиболее ярко это видно на примере стен, обводящих цитадель Таргу, игравших роль подпорных стен террасированных под строительство склонов возвышенности и несших значительную оборонительную нагрузку. В подтверждение этого предположения можно привести встречающиеся в Дагестане террасные поля, укрепленные мощными стенами (шириной 1,5–3 м, высотой 3–5 м), которые местное население называло *буцрал* — «крепостные стены», что указывает на двойственный характер их назначения (Агларов М.А. 1979. С. 16).

Развитие крепостной архитектуры Дагестана как показательной черты градостроительной культуры албано-сарматского времени проходило не изолированно и было связано с общим развитием военного искусства той эпохи. Контакты в области фортификации, очевидно, нашли отражение в появлении прямоугольных башен на фортификационных линиях, панцирной кладки, фланкировании ворот и въездов, сооружении траншей и лож под оборонительными стенами. На один из возможных путей этих связей может указывать сообщение Бузанда (V в.) об использовании пленных римлян и армян при строительстве городов Албании в IV в. в качестве каменотесов и кладчиков стен (Бузанд. 1953. V, 4), а также непосредственное участие дагестанских (албанских) отрядов в военных кампаниях в Закавказье и на Переднем Востоке (например, в осаде г. Амида в 359 г.), где могло происходить их непосредственное знакомство с передовой оборонительной архитектурой.

Следует отметить, что к настоящему времени на территории Дагестана не известен сколько-нибудь надежно датированный памятник скифского времени,

который имел бы выработанную, сформировавшуюся оборонительную архитектуру. Представляется очевидным, что становление и развитие оборонительного зодчества Дагестана как явления широкого порядка было связано с албано-сарматской эпохой — эпохой, побудившей к созданию более совершенной фортификации. Не случайно уже Егишэ (V в.) называл территорию Северо-Восточного Кавказа «крепостной стороной гор», а Каланкатуаци при описании событий начала IV в. именует город Цри в «Стране чилбов», отождествляемый с Шахуром (Гаджиев М.С. 1992. С. 126–127), «городом-крепостью», «большим городом Албании». Появление городищ с довольно развитой оборонительной архитектурой было вызвано как внутренними, так и внешними факторами, приведшими к глубоким изменениям в социально-экономическом развитии дагестанского сообщества албано-сарматского времени, и находилось в неразрывной связи с появлением городов, становлением и развитием градостроительной культуры.

Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН



## 2. СТРУКТУРА И ЗАСТРОЙКА

[instituteofhistory.ru](http://instituteofhistory.ru)

Накопленный за последние четыре десятилетия в результате археологических изысканий материал позволяет в настоящее время в определенной степени осветить проблему раннего города Дагестана и вопросы, связанные с этой темой. Раскопки, проведенные на городищах Урзеки, Дербент, Таргу, Охли, обследования других укрепленных поселений Дагестана дают возможность обрисовать их облик, определить внутреннюю структуру, охарактеризовать застройку и планировку городищ, их архитектуру и строительную технику, раскрыть закономерности и приемы их архитектурно-композиционного формообразования.

**Структура городищ.** Имеющиеся археологические данные позволяют в настоящее время говорить о трех типах городищ Дагестана албано-сарматского и, очевидно, раннесредневекового времени: 1) городища с двухчастной внутренней структурой, в которой выделяются четко обозначенная цитадель и собственно городище, 2) городища без цитаделей, включающие укрепленную часть и прилегающую к ней неукрепленную, и 3) городища с одночастной структурой.

В структуре городищ первого типа цитадели занимали доминирующее положение в ландшафте поселения, имели значительно меньшую площадь по сравнению с остальной обжитой территорией и при наличии у городища дополнительных оборонительных линий имели лучшую защищенность. Ряд городищ, во внутренней структуре которых выделяется цитадель, имели оборонительные стены, защищавшие и территорию собственно городища. Например, уже в позднеалбанский период городище Урзеки (помимо цитадели) было обнесено оборонительной стеной с устроенными в ней воротами-въездами (Магомедов М.Г. 1970. С. 7). В этот же период двумя линиями оборонительных стен было защищено городище Таргу: остатки оборонительных стен выявлены на границе естественных террас — верхней и средней, средней и нижней. Верхняя и средняя

террасы, как показали исследования В.Г.Котовича в 70-х годах, активно обжились в албано-сарматский период. Это было подтверждено и нашими работами на городище в 1990 г. (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. С. 9). Так, на средней террасе мощность культурного слоя албано-сарматского времени достигает примерно 2 м, а с V–VI вв. ее территория стала использоваться как катакомбный могильник (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1973. С. 5; Котович В.Г., Котович В.М. 1980. С. 6). Как уже отмечалось, возникновение оборонительной стены на средней террасе следует связывать с обживанием данной территории в албано-сарматский период, а не со временем превращения ее в могильник. Очевидно, что оборонительная стена верхней террасы возводилась несколько раньше, чем оборонительная стена средней террасы. Возникновение последней, возможно, явилось результатом, с одной стороны, роста городища и необходимости его дополнительного укрепления, с другой — было обусловлено рельефом памятника, имеющего естественные террасы. На территориальный рост городища сверху вниз, к подножию возвышенности, указывают и материалы стратиграфического раскопа на нижней террасе памятника, на что обращалось внимание выше. Здесь также обнаружен культурный слой, но значительно меньшей мощности (0,75–0,8 м) и датируемый III–VI вв.

Остатки фортификационной линии в виде двух валов и двух рвов зафиксированы вокруг Кулешминского городища (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 123, 129. Рис. 13). Возможно, оборонительными стенами было защищено и Верхнелабкомахинское городище (Давудов О.М. 1973. С. 122; 1973а. С. 8). Оборонительные сооружения, выявленные в Дербенте и расположенные по северной и восточной кромке отрога, очевидно, защищали не только цитадель, но и городище с приморской стороны. Отсутствуют укрепления вокруг городищ Чакавуркент, Какамахинское (Котович В.Г. и др. 1964. С. 70–71), Охлинское (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 120–129) и др. Хотя следует отметить, что на городище Чакавуркент помимо цитадели была обнесена крепостной стеной и верхняя его часть, а нижняя оставалась неукрепленной (Котович В.Г. 1980. С. 89). Возможно, это отражало постепенный рост поселения — по мере увеличения его территории оборонительными стенами защищалась и новая застроенная часть.

Размеры городищ с цитаделями довольно значительны: Дербент — 14–15 га, Урзеки — около 8 га, Таргу — 17–18 га, Чакавуркент — 15–16 га, Охлинское — около 8 га, Верхнелабкомахинское — 30 га (?)<sup>15</sup>. Размеры и конфигурация цитаделей, расположенных в наиболее возвышенных и естественно защищенных частях городища, зависели от рельефа местности и занимали небольшие площади по отношению ко всему городищу: Урзеки — около 0,7 га, Таргу — 0,1 га, Охли — 0,15 га, Какамахинское — около 0,6 га, Кулешминское — 0,06 га.

Столь незначительные площади, занимаемые цитаделями, возможно, указывают на их иную роль в общественной системе, нежели крепости-убежища для обитателей городища. Хотя в определенной мере при необходимости они выполняли и эту функцию. Можно предполагать, что цитадели являлись историческим ядром городища, местом обитания социально привилегированной части населения, а также местом сосредоточения общественных зданий. Об этом мо-

---

<sup>15</sup> О.М.Давудов в одной из последних работ приводит иные размеры памятника — 15–20 га (Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. 1996. С. 138).

гут свидетельствовать не только их весьма малые размеры, лучшая фортификационная защищенность, геоморфологическая доминанта, но и характер их архитектуры и застройки.

Наряду с описанным типом городищ, для организации внутреннего пространства которых характерна двухчастная структура (цитадель и собственно городище), что, возможно, являлось следствием социальной стратификации общества и территориального роста поселения, для рассматриваемого периода характерен и иной тип городища, в котором также выделяются две части — укрепленная и неукрепленная. Но по своим размерам они весьма уступают городищам первого типа, и соотношение площадей укрепленной и неукрепленной частей городища весьма невелико. В этом их главное отличие от городищ первого типа. Так, например, городище Сукара имеет площадь 1,5 га, Меседил Мицир — около 2 га, Левашинское № 2 — около 1 га. Наиболее крупное из них, Нижнечуглинское (рис. 33), имеет площадь около 6 га (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 94; 1983. С. 126). Интерпретировать укрепленную часть городищ этого типа как цитадели в силу слабой их изученности представляется преждевременным. Поэтому и возможно выделение их в самостоятельный второй тип, хотя еще раз отметим их структурную близость к городищам первого типа. Оборонительные сооружения в виде валов и рвов также защищают возвышенную часть городища, как правило, с наиболее открытой, доступной стороны. Очевидно, с разрастанием поселения начинала обживаться и территория за пределами укрепленной части, как, например, на городище Сукара (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 120). По определенным причинам, вероятно социально-экономического характера, по своему, как можно полагать, иерархическому положению в общественной системе, нашедшему отражение в размере поселения, городища этого типа не выросли в крупные населенные пункты.

Городища третьего типа, характеризующиеся одночастной структурой, возможно, близки в социально-экономическом аспекте к городищам второго типа, но отражают определенный этап их территориального развития, когда обживаемая площадь поселения не вышла за пределы архитектурно выделенной территории. Хотя не исключено, что некоторые из городищ этого типа несли скорее функции крепости, нежели укрепленного поселения. Например, городище Маяк (рис. 34) площадью около 1,5 га, расположенное на холме у края каспийской террасы и полностью обнесенное оборонительными стенами, скорее походит своим внешним обликом, топографией и фортификацией на остатки внушительной крепости. Вместе с тем среди памятников встречаются городища, занимающие довольно большую площадь. В качестве примера можно привести городище Эскиюрт (рис. 21), территория которого составляла около 10 га (Котович В.Г. 1980. С. 89)<sup>16</sup> и была защищена оборонительными стенами с открытых северной, западной и южной сторон.

Следует отметить, что если городище Маяк, расположенное на равнине у морского побережья, было полностью обнесено оборонительными стенами, то для городищ этого типа, находящихся в предгорной или горной зонах с сильно пересеченным рельефом местности, характерным признаком, очевидно, можно

---

<sup>16</sup> По данным М.И.Исакова, территория памятника — 300 × 800 м (Исаков М.И. 1959. С. 215), а В.Г.Котовича — около 350–400 × 250 м (Котович В.Г. и др. 1964. С. 88). В настоящее время городище интенсивно разрушается, на нем устроен карьер по добыче камня, и, судя по обнажениям культурного слоя, памятник занимал территорию около 10 га.

считать наличие искусственного оборонительного рубежа только с наиболее уязвимой открытой стороны, где отсутствуют естественные преграды. Таково, например, уже названное городище Эскиюрт, находящееся на западном относительно пологом склоне передового хребта на границе с приморской равниной и защищенное с восточной стороны высокими обрывами этой гряды. В качестве другого примера можно привести Урминское № 1 городище на Левашинском плато, также защищенное с напольных северной и северо-западной сторон (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 123. Рис. 14).

Некоторые исследователи, опираясь на наличие нескольких линий обороны, ограждавших и архитектурно выделявших определенные части памятника (как, например, на городищах Урцеки, Таргу, Кулешминском, Верхнелабкомахинском), считают возможным говорить о трехчастной внутренней структуре поселения, которая включала цитадель, собственно город (или шахристан) и посад (или рабад) (Котович В.Г. 1965. С. 154–156; Магомедов М.Г. 1970. С. 8–9; 1970а. С. 61–62; Давудов О.М. 1973. С. 8; 1996. С. 65–66<sup>17</sup>). Однако представляется неверным говорить о появлении в албано-сарматский или же в раннесредневековый (доарабский) периоды в топографии городов Дагестана самостоятельных посадов (рабадов), имевших особую социально-экономическую нагрузку. Это структурное специфическое звено города, представлявшее торгово-ремесленную его часть (пригород, предместье), возникает в процессе дальнейшего развития общественного разделения труда, на достаточно высоком его уровне. Говорить о появлении посада в рассматриваемое время, на мой взгляд, не приходится. Например, даже в Дербенте — крупнейшем городе средневекового Кавказа — рабад начал формироваться лишь в арабский период (Кудрявцев А.А. 1994. С. 131–155).

Появление новых оборонительных линий, защищавших определенную часть городища, как и наличие неукрепленной части поселения за пределами крепостных стен, отразило, по всей видимости, территориальный рост поселения. Хотя археологически этот процесс не всегда улавливается, речь должна идти именно о росте городища, выходе его за пределы обособленной оборонительными сооружениями территории, но не о появлении в его структуре и топографии третьего элемента — рабада. Очевидно, здесь мы имеем дело с аналогичным процессом архитектурно-композиционного формообразования, характерным для средневековых исторических поселений Дагестана (Керимов К.Д. 1988. С. 146–153). В существовании двух категорий укрепленных поселений — с одной и двухчастной внутренней структурой, как представляется, нашли отражение особенности сложившегося в албано-сарматский период социально-политического устройства Дагестана.

**Застройка городищ.** В цитаделях городищ размещались дворцовые и культовые здания, жилищно-хозяйственные сооружения. Дворцовый комплекс и многочисленные хозяйственно-бытовые и жилые сооружения, входившие в него, открыты на цитадели Урцеки (рис. 4). Остатки некоего монументального сооружения выявлены в восточной части цитадели Дербента албано-сарматского

---

<sup>17</sup> В другой работе О.М.Давудов, со ссылкой на работы А.А.Кудрявцева, М.Г.Гаджиева и А.И.Абакарова, отмечает, что города Дагестана «албанского и раннесредневекового времени или поселения городского типа имели двухчастную структуру и состояли из укрепленной и неукрепленной частей (горный Дагестан) или цитадели и укрепленного шахристана (Дербент)» (Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. С. 70).

времени (Кудрявцев А.А. 1977. С. 136; 1983. С. 90–91, 94). Важно отметить, что в надписи (около 293 г.) шаханшаха Нарсе в Пайкули имеется упоминание правителя Дербента-Чора (Humbach H., Skjærvø P.O. 1980. P. 72–73; Касумова С.Ю. 1983. С. 53, 54)<sup>18</sup>, а в позднесасанидское время в этой зоне цитадели находились дворцовые постройки наместников и правителей Дербента (Кудрявцев А.А. 1983. С. 91; Кудрявцев А.А. и др. 1984. С. 5), что подчеркивает традиционную преемственность в исторической топографии города. Монументальное здание дворцово-храмового типа (Котович В.Г., Абдуллаев М.М. и др. 1978. С. 10; Котович В.Г. и др. 1983. С. 77–79; Котович В.Г., Котович В.М. 1980. С. 5), представляющее собой прямоугольный шестиколонный зал (с внутренними размерами 9 × 11,5 м), располагалось на цитадели Таргу (рис. 35, 71–75). Интересно отметить, что именно среди архитектурных сооружений цитаделей представлены самые ранние известные на территории Дагестана бани весьма примитивного устройства. Одна из них состояла из двух помещений (комната с ванной-бассейном и комната, где подогревалась вода) и располагалась на нижнем этаже дворцового комплекса Урцеки (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 50–54) (рис. 36), другая, представляющая собой крупное помещение (36 кв. м) с тремя небольшими ваннами и печью (рис. 32), которое относится ко второму периоду бытования памятника (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 112–113), была выявлена на Охлинском городище.

Наиболее яркое представление о характере застройки дает хорошо исследованная цитадель городища Урцеки (рис. 4). Она имела подпрямоугольную форму (110 × 60 м), обусловленную конфигурацией вершины возвышенности, на которой была возведена. Особенности микрорельефа определили характер планировки и застройки цитадели как в целом, так и ее различных участков. А.И.Абакаров связывал расположение и планировку сооружений цитадели Урцеки с двумя факторами — с линией оборонительных стен, к которым примыкают параллельные ряды помещений, и дворцом, составляющим центральное и основное здание всего комплекса, от которого также находится в зависимости планировка окружающих его помещений (см.: Абакаров А.И. 1963. С. 26). Однако совершенно очевидно, что названные «факторы» — направление крепостных стен, местоположение и планировка архитектурных комплексов — были подчинены микрорельефу и зависели от его особенностей. Оборонительные стены цитадели обводили контур вершины холма, причем у северо-восточного края они шли по дуге (а не по прямой линии, как на остальных участках), повторяя очертания обрывистого участка вершины, а дворцовый комплекс (раск. 5), несомненно представляющий архитектурное ядро цитадели, занимал центральное, наиболее возвышенное место (рис. 4). К этому следует добавить, что в начальный период сложения исторической топографии городища Урцеки (первый строительный период) роль оборонительных стен цитадели выполняли глухие наружные фасады расположенных по периметру зданий. Позднее (второй строительный период) на стратегически важных западном и южном направлениях они были значительно укреплены за счет увеличения толщины стен и сооружения глухих башен.

<sup>18</sup> В тексте — *bgdt ZY zwl'dcyn* (нарф. *zwrđtšn*) *MR'HY*, что Х.Хумбах и П.О.Шэрве читали как «*Bād Lord of Zorad* (?)». В.Г.Луконин придерживался этого же чтения — «Бат, владетель Зурада (?)» (Луконин В.Г. 1987. С. 169). С.Ю.Касумова читает «Багат, государь Дзора», отмечая, что «Дзор можно достаточно надежно идентифицировать с Чора».

Раскопки цитадели Урсеки показали, что, хотя застройка ее не носила регулярный характер, не имела единого плана, она осуществлялась не стихийно и подчинялась определенной регламентации.

От ворот цитадели, точнее от небольшой привратной площадки, строго по прямой шла главная улица шириной 2,8–3,0 м<sup>19</sup> и длиной около 32 м (рис. 4). Она вела в центральную часть цитадели к сложноплановому многокомнатному архитектурному комплексу, интерпретируемому археологами как дворцовый. Улица проходила между двумя параллельными глухими фасадами прилегающих зданий. Причем на всем ее протяжении не зафиксировано дверных проемов, за исключением двух проходов в конце, один вел в помещения дворцового комплекса, другой — в нижний, полуподвальный этаж прилегающего здания. Такой характер главной улицы цитадели и прилегающих к ней архитектурных комплексов ясно указывает на значение фактора обороны. Полотно улицы почти целиком было вымощено булыжником, камнями, плоскими плитами (Котович В.Г. и др. 1964. С. 6).

Занимавшие большую часть цитадели хозяйственно-жилые постройки, входившие в состав дворцового комплекса, представляли собой одно- и двухэтажные дома с нижними полуподвальными этажами, служившими, как правило, кладовыми. На территории цитадели располагались и наблюдательные башни, которые входили в соответствующие архитектурные комплексы, а их нижние этажи также служили кладовыми, в которых находились крупные хозяйственные сосуды типа хумов. Как остатки наблюдательных башен могут интерпретироваться помещение 3 раскопа 1 (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 9–10) (рис. 37), помещение 6 раскопа 2 (там же, с. 24) (рис. 7) и сооружение в западной части помещения 6 раскопа 13 (Котович В.Г. и др. 1962. С. 54–55) (рис. 10). Об этом свидетельствуют прежде всего их архитектурные особенности, выделяющие эти сооружения среди других зданий цитадели: они имеют подквадратный план (соответственно размерами 2,6 × 2,3 м, 2,4 × 2,5 м, 2,6 × 2,75 м), более мощные стены (толщиной 0,8–1,1 м), у них отсутствуют на уровне нижнего этажа дверные проемы, связывающие их со смежными помещениями (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 9–10, 24). Башни располагались так, что позволяли контролировать и наблюдать подступы к городищу со всех сторон: одна находилась в северо-восточной части цитадели (пом. 3, раск. 1), непосредственно у площади, другая — в противоположной юго-западной части, недалеко от угла цитадели (пом. 6, раск. 2) и третья — в западной части, на линии оборонительной стены, но не выступая за нее (пом. 6, раск. 13). Последняя располагалась на стыке двух участков оборонительной стены цитадели, где линия стены несколько изменяла направление, и должна была играть важную роль в защите цитадели при ее осаде. Судя по топографической ситуации, еще одна наблюдательная башня могла располагаться в юго-восточной части цитадели.

Сообщение между различными частями и комплексами цитадели осуществлялось по небольшим улочкам шириной 1,0–1,8 м. Две такие улочки-тупики под прямым углом отходили от центральной улицы (рис. 4). Одна из них в самом начале улицы вела от привратной площадки в юго-восточную часть цитадели вдоль расположенных у оборонительной стены зданий (там же, с. 69). Другая (длиной 12 м и шириной 1,5–1,8 м) располагалась ближе к концу улицы в центральной

---

<sup>19</sup> В отчете о раскопках 1961 г. неверно указана ширина улицы — 3,7 м.

части цитадели (рис. 38), имела ступенчатый спуск в начале, вела через расположенные по обе ее стороны дома и упиралась в стену здания (там же, с. 49). Подобная улочка (длиной 12–15 м) была выявлена и в юго-западной части цитадели (рис. 7), где она также шла вдоль строений, примыкавших к внутренней грани стены цитадели. Такие улочки-тупики зафиксированы и в северной части цитадели (рис. 4, 37), где они разделяли комплексы помещений с радиальной застройкой и расходились от центра-площади (там же, с. 11). Из этих улочек редкие дверные проемы вели в прилегающие помещения.

Раскопками была установлена прямоугольная застройка большей части цитадели — такова она во вскрытых центральной, южной, западной и северо-западной частях (рис. 4). В северо-восточном же секторе, где край холма имел крутые, местами обрывистые склоны и округлые очертания, микрорельеф обусловил иной характер застройки и планировки. Здания располагались здесь не вдоль линии оборонительной стены (которая на этом участке шла не по прямой, а по дуге, повторяя контур края вершины, и роль которой выполняли фасадные стены прилегающих зданий), а длинными радиальными рядами, перпендикулярно к ней (рис. 4, 37). Руководители раскопок подчеркивали этот своеобразный характер застройки данной части цитадели (там же, с. 5, 11, 13–15). Раскопками выявлено пять таких линий, каждая из которых включала три-четыре расположенных в ряд помещения.

Лишь одна такая линия представляет собой единое помещение трапециевидной формы (пом. 3, раск. 1). Оно имеет длину около 15 м, начинаясь от глухой стены у площади и упираясь в крепостную стену (рис. 37). Внутренняя ширина помещения, примыкающего к площади, достигает 2 м, у крепостной стены увеличивается до 5 м. В длинных боковых стенах расположены два дверных проема, один из которых (восточный) ведет в смежные комнаты (пом. 10), другой (западный) — в прилегающий переулок. О назначении этого весьма крупного (около 50 кв. м) помещения сказать что-то определенное трудно. По характеру его культурного слоя, насыщенного фрагментами тарной керамики, можно полагать, что оно выполняло функцию кладовой-хранилища, хотя здесь, в отличие от других помещений, не зафиксированы целые крупные тарные сосуды, установленные в грунт.

Две-три такие линии радиально расположенных и сообщающихся между собой помещений образовывали единый комплекс, который от другого подобного был отделен узкой улочкой-тупиком. Помещения в этих комплексах имели в отличие от остальных, как правило, не прямоугольный план, а трапециевидный, расширяясь по мере удаления от своеобразного центра радиальной застройки. Таким центром выступала расположенная в северной части цитадели и севернее дворцового комплекса небольшая (около 450–500 кв. м) площадь овальной формы (примерно 20 × 30 м).

Комплекс сооружений с радиальным расположением помещений был отделен от северо-западного комплекса с прямоугольной застройкой и планировкой зданий широким переулком длиной около 15 м (пом. 14, раск. 1). Он начинался у площади, где ширина его составляла 2,6–2,65 м, постепенно увеличиваясь до 5,5 м у крепостной стены (Котович В.Г. и др. 1962. С. 8–9). Из этого переулка два дверных проема вели в расположенные по обе его стороны комплексы помещений (рис. 4). Следует отметить, что дневной уровень этого переулка и площади одинаков и на 1,2–1,5 м выше уровня пола нижних этажей прилегающих

зданий. Значительные размеры этого переулка (около 60 кв. м) позволяют считать, что он не только отделял один комплекс от другого, служил коммуникационным целям, но и, возможно, выполнял задачи хозяйственного и оборонительного характера.

Выше уже отмечалось, что в застройке цитадели Урбеки наблюдается некоторая регламентация и спланированность архитектурных комплексов. Это нашло отражение не только в их размещении и планировке, но и, как представляется, в том, что многие жилищно-хозяйственные помещения, образовывавшие один комплекс, имели две общие сплошные, одновременно возведенные и параллельные стены. Сооружение, образованное двумя линиями таких основных несущих стен, разделялось на отдельные помещения поперечными стенами. Такой принцип наблюдался и при прямоугольной, и при радиальной застройке. Применялся он и при возведении дворцового комплекса: сначала сооружались сплошные фасадные стены комплекса, и затем он планировался на отдельные помещения системой внутренних поперечных стен. Отметим также, что фасадная часть зданий, выходивших на главную улицу, также представляла собой одну общую стену. Так правило при застройке цитадели было доминирующим, но были и исключения: многие помещения пристраивались к существующему зданию с использованием одной из его фасадных стен как смежной или, реже, с возведением вплотную новой стены.

Археологические исследования, проведенные на цитадели Урбеки, показали высокую плотность ее застройки. Подобный принцип плотной компактной застройки в условиях высокой зависимости градостроительной композиции от горного рельефа, с максимальным использованием пространства, с системой узких улочек, тупиков, был характерен, судя по многочисленным строительным остаткам, интенсивности обживания, мощности культурного слоя, вскрытым участкам, и для цитаделей Дербента, Таргу, Охлинского, Верхнелабкомахинского и других городищ (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 111–113; Давудов О.М. 1973. С. 9; Котович В.Г. и др. 1983. С. 58–59, 74–80; Гаджиев М.С. 1988. С. 7; Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. С. 7).

Прилегающие к цитадели части городищ изучены пока недостаточно, но имеющиеся материалы позволяют сделать предварительные выводы о характере их застройки, планировки, системы внутренних коммуникаций. Прежде всего отметим как характерную черту террасирование и эскарпацию склонов под строительство. Такие террасы, на которых сохранились многочисленные строительные остатки, завалы, подпорные стены, свидетельствующие о высокой плотности их функционального использования, зафиксированы на многих городищах Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Они рельефно обводили вершину холма или склон и уступами спускались к подножию. Например, на южном и западном склонах холма городища Урбеки располагалось четыре-пять таких довольно широких террас с остатками подпорных стен, завалов строений. Четыре террасы высотой 2–3 м и шириной 3,5–4,0 м, сплошь покрытые развалами зданий, окаймляют цитадель Таргу с северной и восточной стороны. Еще одна такая «жилая» терраса, прилегающая к цитадели, была сооружена даже на весьма крутом (около 50°) южном склоне Таргу. К ней вела узкая тропа, выводящая к улочке у западного подножия цитадели. Терраса представляла собой узкую (шириной около 3 м) и длинную (не менее 40 м) горизонтальную площадку, к эскарпу которой были пристроены вплотную друг к другу

и в один ряд небольшие по площади (около 6 кв. м) помещения жилищно-хозяйственного назначения (рис. 25). Под строительство были террасированы и северные склоны городища на верхней и средней ступенях. Судя по строительным остаткам, каждая такая терраса плотно застраивалась. Такие же ступенчато расположенные друг над другом, на жилых террасах ряды домостроений отмечены исследователями в Эскиюрте (Котович В.Г. и др. 1964. С. 88), на Ахкентском (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 121–122), Верхнелабкомахинском (Давудов О.М. 1973. С. 9) и других городищах. Подобное расположение жилищ уступами, путем эскарпации склона зафиксировано и в Дербенте (Гаджиев М.С. 1988. С. 7), правда, высота эскарпа на вскрытом участке (раск. XIV) не столь значительна (около 1 м), что объясняется относительно спокойным рельефом (рис. 39). В зависимости от крутизны склона разнились высота эскарпа и ширина горизонтальной площадки, размеры которых обеспечивали возведение домостроения. В этих случаях роль подпорных стен таких террасированных площадок играли соответствующие прилегающие стены домостроений.

Однако нередко террасы сооружались и для иных целей: они должны были обеспечить удобную связь внутри поселения и призваны были играть оборонительную роль. В таких случаях возводились специальные подпорные стены, которые, несомненно, несли функцию и оборонительных, а площадки вдоль них выступали линиями коммуникации. Такие специальные (двухфункциональные) стены обводили цитадель Таргу. Подобные подпорные стены, сохранившиеся на высоту до 1,5 м, вдоль которых идет дорога к верхней площадке холма, зафиксированы на восточном склоне Охлинского городища (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 3). Оборонительная стена вокруг городища Урзеки на южном направлении выполняла и функцию подпорной стены террасы, вдоль которой шла дорога к воротам городища. Возможно, такую же роль играла и оборонительная стена Таркинского (Махачкалинского) городища, прослеженная в длину на 40 м (при сохранившейся высоте до 1 м) и располагавшаяся на восточной окраине городища вдоль склона горы Тарки-тау (Магомедов М.Г. 1983. С. 203).

Исследователи как характерную черту отмечают концентрацию строительных остатков, завалов, отдельных выходов кладок именно на вершинах и склонах городищ Охли, Меседил мицир, Сукара, Кулещминское, Ахкентское, Верхнелабкомахинское, Чакавуркент и др. (Котович В.Г. и др. 1964. С. 83–88; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 109, 120–126). Такое явление наблюдается и на городище Таргу: если верхняя и средняя естественные террасы памятника насыщены строительными остатками и характеризуются довольно мощным культурным слоем (до 2 м), то на нижней террасе городища они визуальнo почти не прослеживаются, а толщина культурного слоя незначительна. Эти факты могут указывать на весьма плотную и компактную застройку террасированных и эскарпированных под строительство склонов, входивших в черту городища и территориально тяготевших к цитадели. Характерно это явление и для городищ, у которых цитадели как таковые отсутствуют: Урминское 1, Нижнечуглинское, Левашинское 1 и 2, Эскиюрт (Котович В.Г. и др. 1964. С. 88; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 123–126). На Таркинском городище мощность культурного слоя к западу от оборонительной стены и выше по склону достигает 4 м, тогда как к востоку от стены городища, за его пределами, культурные отложения отсутствуют (Магомедов М.Г. 1983. С. 203).

Участки же с относительно ровным, горизонтальным рельефом, в частности у оснований холмов, очевидно, не имели столь высокую плотность застройки. Исследователи отмечают отсутствие на них густых строительных остатков, которые встречаются здесь лишь местами, в отдалении друг от друга. Такие факты зафиксированы почти на всех городищах рассматриваемого времени. Это явление, для которого характерна разреженная застройка, было вызвано, очевидно, с одной стороны, постепенным территориальным ростом поселения сверху вниз и удобством таких участков со спокойным рельефом для возделывания земли и использования в иных хозяйственных целях. С другой стороны, значительно меньшая естественная защищенность таких участков обусловила и их значительно меньшее обживание.

Например, к выявленному в Дербенте жилищно-хозяйственному комплексу рубежа н.э. (раск. XIV) (рис. 40, 60), расположенному на участке с относительно спокойным рельефом, примыкала свободная от строений территория, где на небольшой площади (около 60 кв. м) было сконцентрировано 33 хозяйственные ямы (Гаджиев М.С. 1988. С. 7), часто довольно крупных размеров (диаметром до 2,2 м). Однако две такие же хозяйственные ямы, а также крупные хозяйственные сосуды, заглубленные в полу, были обнаружены внутри жилищ. На другом участке в Дербенте (раск. XV), с ровным, горизонтальным рельефом, где был вскрыт жилищно-бытовой комплекс (рис. 41, 78), функционировавший в первых веках н.э., хозяйственные ямы располагались вне помещений и не со столь высокой концентрацией: на площади около 250 кв. м их было найдено 22, причем не все они были сооружены одновременно (Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. С. 7).

Микрорельеф городища, его ландшафтные зоны обусловили, очевидно, и выбор типов жилищ, функционально удобного плана дома. На этот счет имеются пока весьма малочисленные материалы, но можно предположить, что они отражают реальную ситуацию. Этнографический материал, характеризующий старое, традиционное дагестанское жилище, также подтверждает эти выводы (Панек Л.Б. 1948. С. 30–33; Хан-Магомедов С.О. 1951. С. 166–176; 1951а. С. 202–210; 1956. С. 7–8, 10, 14; 1961. С. 35, 43; 1974. С. 36–37; Калоев Б.А. 1955; Исламмагомедов А.И. 1965; Агларов М.А. 1966; Гольдштейн А.Ф. 1969. С. 5; 1974а. С. 130–152; Мовчан Г.Я. 1972. С. 133; 1974. С. 3).

Так, упомянутые выше хозяйственно-бытовые комплексы Дербента представляли собой одноэтажные строения с горизонтальным расположением жилого и хозяйственного помещений. Многие хозяйственные сооружения (зерновые и мусорные ямы, хумы-хранилища, хлебные печи-тендиры) вынесены за пределы помещений, хотя некоторые из них обнаружены и внутри камер (печь-кор, очаг, хум, яма-кладовая). Такие одноэтажные, двухкамерные жилища выявлены и в Урзеки на раскопе 3 (Котович В.Г. и др. 1962. С. 30–40). Здесь (рис. 42) хумы-хранилища были вынесены за пределы помещений, а к строению примыкал небольшой дворик (около 7,0 × 7,0 м). Комплекс построек жилого и хозяйственного назначения с прилегающим огражденным двориком, типологически близкий дербентским и урзецкому, исследован также на городище Таргу (Котович В.Г., Котович В.М. 1980. С. 6; Котович В.Г. и др. 1983. С. 80).

В местах плотной застройки и сложного рельефа, как, например, на цитадели Урзеки, характерным предстает иной тип жилища. Это двухэтажный дом с вертикальным расположением камер. В них для хозяйственных нужд использовались нижние, как правило полуподвальные этажи — здесь помещались хумы-

хранилища, ямы-кладовые и стационарные печи (рис. 7, 38). Этот тип домостроения, впрочем как и другие, хорошо известен для большинства традиционных дагестанских горских жилищ с вертикальным расположением помещений, где первый этаж предназначался для хозяйственных целей, а второй являлся жилым.

Следует указать, однако, что абсолютного правила при выборе типа жилища с функционально удобным планом для определенной территории не было. На цитадели Урцеки наряду с двухэтажными возводились и одноэтажные дома, а за ее пределами одноэтажные двухкамерные жилища с двориком соседствовали с двухэтажными многокамерными (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 30–41; 1962. С. 30–38; 1963. С. 18–28).

Вместе с тем характерным типом домостроения предстает и однокамерное жилище, известное по раскопкам Урцеки (раск. 8 и 14: Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 73–74; Котович В.Г. и др. 1963. С. 29–33), Таргу (раск. 8 1974 г.: Котович В.Г., Котович В.М. и др. 1978. С. 27; раск. II 1990 г.).

Археологические материалы с ретроспективным сопоставлением их с данными по градостроительной культуре исторических поселений Дагестана дают возможность говорить об иррегулярной планировке городищ албано-сарматского времени и максимальном приспособлении их к сложному рельефу местности, что обеспечивало гармонию и равновесие градостроительной композиции с окружающим ландшафтом (Керимов К.Д. 1988. С. 146). Структуре ландшафта, рациональному и удобному преодолению крутых склонов была подчинена и организация внутренних коммуникаций, включавшая главные улицы или дороги городища и систему узких улочек-ответвлений и тупиков, столь характерная и для старого дагестанского аула.

На городище Урцеки вели несколько ворот. Двое из них (рис. 14, 15) были устроены соответственно на северо-западном и юго-западном участках оборонительной стены городища (Котович В.Г. и др. 1964. С. 19, 27). Причем главные юго-западные ворота выделяются особой защищенностью, а также расположением недалеко от них, за пределами городища, некрополя. Судя по ширине ворот и прилегающим к ним остаткам полотна дороги, улицы, ведущие от ворот и являвшиеся, очевидно, центральными во внутриворотах коммуникации, имели ширину 2,3–3,0 м, т.е. близкую таковой главной улицы цитадели.

Участок центральной улицы городища Урцеки (рис. 4), ведущей к цитадели, прослежен на значительном расстоянии (более 31 м): она вела от южного угла цитадели, вдоль наружного фасада южной оборонительной стены к воротам цитадели (Котович В.Г. и др. 1962. С. 39–40). Ширина ее — 2,8–3,0 м. Полотно дороги местами было слегка заглублено в скальный материковый грунт и по бокам ограждено невысокими подпорными и «одевающими» стенами. В кладке этих стен, сложенных насухо из колотого бутового камня, использовались и довольно крупные, местами подтесанные блоки (размерами 1,0–1,3 × 0,5–0,8 × 1,3–1,6 м), некоторые из которых во второй строительный период пошли на сооружение башен цитадели. Эти блоки, окаймляющие дорогу, помещались на некотором расстоянии друг от друга (от 0,3 до 1,0 м), а пространство между ними заполнялось кладкой из более мелкого бута. Отдельные блоки покоились непосредственно на скальном материке, другие опирались на небольшие кладки, используя устойчивую форму камня и скальных выходов. Само полотно дороги выравнивалось путем засыпки глубоких скальных выбоин перемешанным материковым суглинком и щебнем (там же, с. 40). Подобные строительные приемы (подпор-

ные и «одевающие» стены, нивелирующая подсыпка и т.д.) являлись характерными в традиционной горской транспортной (коммуникационной) архитектуре Дагестана при устройстве дорог и улиц путем выреза грунта на склоне или в скале (Гольдштейн А.Ф. 1974в. С. 173).

Хотя собственно полотно дороги-улицы было исследовано лишь на южном участке, отметим, что ограждающая стена ее (ближняя к цитадели) прослежена и раскопана и вдоль западной стены цитадели (рис. 4). На этом участке, как указывалось выше, она проходит несколько ближе к цитадели, располагаясь в 3–4 м от ее стен (на южном участке — в 6,5 м). Как показали исследования 1962 г. на раскопе 3, непосредственным продолжением этой стены и была стена-ограждение дороги на южном участке (Котович В.Г. и др. 1962. С. 39–40). Дополнительно отметим, что на западном участке рядом с цитаделью было раскопано жилище (раск. 14), продольная стена которого расположена параллельно указанной стене и в 3,2 м от нее (Котович В.Г. и др. 1963. С. 29–30), т.е. на расстоянии, близком ширине дороги-улицы (рис. 4). Очевидно, что между ними и проходила рассматриваемая центральная коммуникация городища.

В заключение заметим, что данная центральная дорога-улица, ведшая к воротам цитадели вдоль западной и южной крепостных стен, не только служила своей основной цели, но и, учитывая ее ситуацию, конструкцию и параметры, являлась, как и ограждавшая ее стена, оборонительным рубежом. Она представляла собой своеобразный, хорошо просматриваемый и простреливаемый сверху «ров» перед оборонительной стеной цитадели.

Представление о характере застройки и планировки прилегающей к цитадели части городища дает вскрытый участок архитектурных комплексов у юго-западного угла цитадели Урцеки (раск. 3; рис. 43). В.М.Котович и В.Г.Котович считали возможным интерпретировать раскопанные остатки сооружений как культовый комплекс (Котович В.Г. и др. 1960. С. 15, 28; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 43; Котович В.Г. 1980. С. 84), но, на мой взгляд, без достаточных на то оснований. Поводом для такой интерпретации послужило обнаружение в одном из помещений (пом. 2) «алтаря» и толкование этой камеры как «святилища культа неугасимого огня» (Котович В.Г. и др. 1960. С. 25–28). Однако ни планировка и размеры помещения и комплекса в целом, ни местоположение «алтаря» (в полуподвальном нижнем этаже, в углу помещения), ни сама его конструкция (представляющего собой стационарную печь, аналогичную обнаруженным в помещениях цитадели), ни сопутствующие археологические находки не позволяют согласиться с подобной интерпретацией объекта.

Выявленные на раскопе 3 архитектурные остатки представляют три самостоятельных жилищно-бытовых двух- и трехкамерных комплекса, отделенных друг от друга узкими улочками-тупиками (рис. 43). Прослеженная длина улочек 12,0–13,5 м. По ширине они идентичны таковым в цитадели — 1,2–1,7 м. Местами улочки выстлались плитчатым камнем, а на подъеме устраивались невысокие и неширокие трех-, пятиступенчатые лесенки из длинных и узких подпрямоугольных плит. Прилегающие дома выходили на улочки сплошными глухими фасадами с устроенными в них редкими дверными проемами.

Судя по имеющимся материалам, описанная выше организация внутригородских коммуникаций с системой главной и второстепенных улиц, улочек, тупиков, характерная для городища Урцеки, была свойственна и другим памятни-

кам Дагестана рассматриваемого времени. Например, через все городище Таргу проходила древняя дорога (рис. 19), соединявшая через высеченные в скальных карнизах естественных террас въезды (шириной до 2,5 м) различные части городища (Котович В.Г. и др. 1983. С. 71–72). От этой дороги отходили по меньшей мере четыре ответвления-улицы. Две из них обеспечивали взаимосвязь жилых искусственных террас вокруг цитадели, одна вела непосредственно на цитадель и еще одна — на северную окраину городища. Для внутренних коммуникаций Таргу характерно практичное расположение улиц, ведущих по естественной ложине или с постепенным диагональным преодолением склонов, часто с резким изменением направления. Остатки подобной дороги или улицы, зигзагообразно ведущей вдоль террасированного склона к цитадели, зафиксированы и на Охлинском городище (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 3). Начиналась она у дороги, проходившей по ложине и отделяющей городище Иваниласул мишир от городища Меседил мишир<sup>20</sup>. Зигзагообразная дорога вела от подножия холма со стороны приморской равнины на древнее городище Дербента. Подобно городищам Таргу и Охлинскому, дороги, выступающие центральной артерией внутренней коммуникации поселения, проходили и через территорию Верхнелабомахинского (Давудов О.М. 1973. С. 8) и Цыйшинского (Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 7) городищ. Причем на последнем памятнике она шла по ложине меж террасированных склонов холмов.

Изучение планировки, застройки, системы внутренней коммуникации древних городищ Дагестана показывает их иррегулярный, асимметричный характер. Такая на первый взгляд хаотичная пространственная организация поселения была обусловлена ландшафтом, выбором функционально удобного плана конкретного домостроения или их группы, приспособленных к геоморфологическим особенностям среды и формирующих архитектурно-композиционный облик городищ. В значительной степени такая организация пространства поселения, кардинально не нарушающая структуру рельефа, складывалась постепенно, в процессе роста и застройки территории городища, но, как представляется, не стихийно (ср.: Кудрявцев А.А. 1988. С. 51). Ей была, очевидно, присуща определенная регламентация, подчиненная принципам структурно-композиционного формирования поселения (Керимов К.Д. 1988. С. 152–153). Строители при возведении каждого нового сооружения в условиях сложного рельефа и высокой плотности застройки должны были учитывать и микрорельеф, и планировку, расположение уже существующих зданий. В связи с этим интересно отметить и этнографически зафиксированную, узаконенную обычным правом (адатом) регламентацию джамаатом (общиной) выбора места, планировки домостроений (вплоть до указания направления главного фасада и размеров, этажности здания) в старом дагестанском ауле, который имеет близкое сходство в градостроительной композиции, архитектурно-планировочных решениях, строительной технике с древними и средневековыми городищами. Подобная регламентация была обусловлена потребностями как каждой семьи в отдельности, так и общества в целом в функционально удобном жилье, максимальной рациональности внутренних связей в условиях пересеченного рельефа и, конечно, интересами обороны, «где отдельные сооружения не играли решающей роли в обороне, но все селение являлось единой крепостью» (Панек Л.Б. 1948. С. 23).

---

<sup>20</sup> Очевидно, эти два городища составляют единое целое, расположенное на двух холмах и разделенное дорогой-ложбиной (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 1–2; 1973. С. 6).

Вместе с тем в этом нашло яркое отражение подчинение интересов отдельной семьи, домовладения интересам общества в целом.

Сложившаяся система рациональной планировки и застройки на основе выработанных градостроительных принципов, нашедшая яркое воплощение в старом дагестанском ауле, оставалась традиционной и не изменялась долгие столетия. Начало ее формирования и выработки ее основных черт и принципов, как представляется, следует относить к албано-сарматскому периоду в истории Дагестана — времени, когда возникают социально-экономические условия для дальнейшего развития строительного дела, архитектуры, складываются крупные населенные пункты, появляются первые города. Конечно, при этом нельзя отбрасывать и опыт предшествующих веков, способствовавший сложению приемов и закономерностей архитектурно-композиционного формирования поселений, развитию градостроительной культуры.

### **3. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И СТРАТИГРАФИИ**

Вынесенная в заглавие проблема весьма важна и актуальна в современной археологии Дагестана и в целом Северо-Восточного Кавказа. На нынешней стадии археологического изучения древних городищ Дагестана одной из первоочередных задач является их стратиграфическое изучение с целью выявления последовательности культурных напластований, связанных с ними архитектурных остатков, их датировка, установление периодизации развития памятников. Учитывая обширность этой темы, целесообразно ограничиться в данном разделе изучением стратиграфии и хронологии городища Урцеки — первого масштабного исследованного бытового памятника на территории Дагестана. На мой взгляд, это особенно важно в связи с тем, что в отличие от изучения оборонительной архитектуры, ремесленного производства городища, указанные вопросы не были предметом специального исследования и нашли в литературе лишь самое общее отражение. Между тем выяснение стратиграфии и хронологии памятника (не умаляя роли иных проблем, связанных с изучением археологического памятника) является первостепенной археологической задачей, предшествующей решению последующих. Наше внимание к этому памятнику обусловлено не только масштабностью проведенных здесь работ и исторической ценностью полученного материала. Важнейшим фактором является то, что этот памятник является одним из базовых и существующая его хронология оказала огромное влияние на определение хронологии и периодизации многих памятников (городищ и поселений) Дагестана, став своего рода для последних эталонной. Теснейшим образом с проблемой стратиграфии и хронологии городища Урцеки связана его историко-культурная интерпретация и идентификация с раннесредневековым городом Варачаном.

Сложение существующей ныне хронологии и периодизации городища Урцеки было обусловлено, на мой взгляд, двумя основными причинами. Первая, объективная, причина — недостаточная разработка хронологии древностей Даге-

стана албано-сарматского и раннесредневекового периодов ко времени раскопок городища. Хотя внимательный и детальный анализ археологических материалов, определение их датировки уже тогда позволили бы предложить более точную хронологию городища и его некрополя. Вторая причина, субъективная, — это ставшая уже в самом начале раскопок (в 1960 г. высказанная в научном отчете и в январе 1961 г. — в газетной публикации) *idée fixe* об идентификации городища с раннесредневековым городом Варачаном — ставкой князя гуннов Алп-Илитвера (Котович В.Г. 1965. С. 155; 1974. С. 182–190), которая довольно прочно утвердилась в кавказоведческой литературе и воспринимается порой как аксиома. Она и обусловила принятие верхнего хронологического рубежа памятника и игнорирование ряда важных, по моему мнению, документальных археологических фактов.

В соответствии с этой идентификацией и сообщением Вардана (XIII в.) о победоносном походе арабского полководца, правителя Арминии и Азербайджана Мервана на Варачан, верхняя хронологическая граница бытования городища *a priori* была определена 30-ми годами VIII в. Недавно мною было пересмотрено это мнение, как не учитывающее прежде всего этнокультурную характеристику городища Урцеки, и предложена иная версия, которая, в отличие от ранее высказанных, принимает во внимание такой объективный важнейший критерий, как соотношение археологического объекта с ойконимом, упоминаемым и характеризующимся в исторических хрониках. Согласно ей, город Варачан идентифицируется с городищем Шах-Сенгер, расположенным в 36 км к северу от Дербента (Гаджиев М.С. 1990. С. 77–78; 1995. С. 29–35). Это и предоставляет теперь возможность иначе взглянуть на проблему хронологии городища Урцеки (Гаджиев М.С. 1994. С. 38–39), выступающего своего рода эталонным памятником.

В.Г.Котовичем была тезисно предложена «на основе стратиграфии культурных напластований и строительных остатков» следующая периодизация памятника, включившая три этапа бытования:

*I этап.* VII–IV вв. до н.э. — возникновение и функционирование крупного земледельческого поселения;

*II этап.* III–II вв. до н.э. — III в. н.э. — «поселение вырастает в город, планировка которого отражает уже классовую структуру». Архитектурно выделяются укрепленные оборонительными стенами цитадель и собственно город, к которому примыкают искусственные земледельческие террасы, также огражденные стенами;

*III этап.* V — первая половина VIII в. — дальнейший рост города, появление посада, сооружение «длинных» стен на подступах к городу, гибель города в период арабо-хазарских войн (Котович В.Г. 1965. С. 155)<sup>21</sup>.

В дальнейшем В.Г.Котович изменил дату возникновения фортификационных сооружений городища и свой взгляд на внутреннее развитие и социально-экономическую интерпретацию памятника на первом этапе его существования: «О дальнейшем развитии подобного рода памятников (протогородского типа. — М.Г.) свидетельствуют данные, относящиеся уже к последующему скифскому периоду VII–IV вв. до н.э. На Урцекском городище к этому времени относится древнейшая — циклопическая — стена вокруг цитадели. Остатки крепостной стены были обнаружены и на прилегающей к ней части городища, где они оказа-

<sup>21</sup> Почему-то выпал из хронологической шкалы IV в. н.э.

лись частично перекрытыми напластованиями зольника, в котором наряду с древней керамикой встречены наконечники стрел VI–V вв. до н.э. Вблизи цитадели обнаружены остатки монументальной каменной постройки типа святилища, где встречена керамика позднескифского периода» (Котович В.Г. 1980. С. 84). Таким образом, по мнению В.Г.Котовича, городище Урцеки уже на раннем этапе своего существования имело четко обозначенную двухчастную структуру.

К сожалению, в подтверждение и обоснование своих взглядов на хронологию и периодизацию памятника исследователем не были приведены веские аргументы. Апелляция же к «стратиграфии культурных напластований и строительных остатков» без их детального анализа, а также к отдельным находкам, которые приводятся автором вне комплекса и вырваны из археологического контекста, весьма поверхностна. Не ясно, на основе каких материалов В.Г.Котович отнес «древнейшую стену» вокруг цитадели к скифскому времени, хотя материалы раскопок не дают повода для такой датировки.

Исследователь считает возможным датировать так называемое святилище (раск. 3) у цитадели тем же временем на основании найденной там керамики позднескифского периода. Между тем В.М.Котович, исследовавшая этот объект, ничего не пишет об этой керамике и, наоборот, приводит обзор многочисленных керамических материалов соответствующих двум верхним периодам бытования памятника.

При датировке оборонительной стены, обводящей городище, исследователь целиком опирается на исследования наконечников стрел, датируемых им VI–V вв. до н.э. (там же, с. 84). При этом В.Г.Котович не обосновал такую датировку наконечников — в действительности лишь одного костяного пулевидного с внутренней втулкой наконечника стрелы (рис. 44, 12) — и не учел материалы 18 разрезов этой стены, заложенных М.Г.Магомедовым (Котович В.Г. и др. 1964. С. 21–33).

М.Г.Магомедов отнес ее возникновение к албано-сарматскому времени (Магомедов М.Г. 1970. С. 61; 1970а. С. 7–8). Характеризуя, в частности, керамику из разреза 1, заложенного рядом с въездом-воротами № 1 на городище, автор отмечал преобладание белоангобированной керамики и проводил параллель с керамическим комплексом нижних строительных остатков цитадели (Котович В.Г. и др. 1964. С. 22). Доисследования же М.Г.Магомедовым зольника (разрезы 7, 8), раскапывавшегося в 1961 г. К.А.Бредэ, показали, что он примыкал к оборонительной стене с внутренней стороны и возник уже после появления укреплений (там же, с. 25–26). Вместе с тем К.А.Бредэ отмечал, что керамика верхних и средних слоев зольника обычна для городищенского комплекса, керамика же нижнего слоя «особая, более раннего облика» (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 70). К сожалению, автор не привел описания анализа керамических находок. Принимая во внимание эту информацию, важно, однако, учитывать относительную непрерывность функционирования зольника, его возникновение после сооружения оборонительной стены и характер керамического комплекса верхних и нижних его слоев. В нижнем слое зольника были найдены упомянутый пулевидный наконечник стрелы (длиной около 3 см) и костяная полая, подквадратная в сечении трубочка (длиной около 10 см) с отверстием посередине (там же, с. 70. Рис. 126) (рис. 44, 12, 13). Подобные наконечники стрел были найдены в разрушенных погребениях албано-сарматского вре-

мени (раск. 10 и 19) Урцекского некрополя<sup>22</sup> (Котович В.Г. и др. 1963. Рис. 16б, 1; 1964. Рис. 5, 1). Идентичные наконечники, причем вместе с костяными втульчатыми трех- и четырехгранными, были обнаружены в погребении 6 Цыйшинского могильника, датированного М.М.Маммаевым I — началом V в. н.э. (Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 30,41. Рис. 10д, 1–8). Среди инвентаря погребения 6 были обнаружены также два меча без перекрестия со штырем для рукояти и бронзовая круглорамчатая пряжка (там же, с. 30. Рис. 14г, 9, 16, 4, 5), которые укладываются в предложенные хронологические рамки.

Такие же костяные трубочки (назначение которых не ясно) были найдены в албано-сарматских слоях (рубеж — первые века н.э.) Дербента (Кудрявцев А.А. 1987. С. 24. Рис. 66, 24), в погребениях того же времени Карабудахкентского № 3 могильника (Смирнов К.Ф. 1961. С. 212. Рис. 37, № 7) и на Зеленоморском кургане-кладбище. Нередко подобные трубочки встречались в сарматских памятниках (Мошкова М.Г. 1963. С. 39. Табл. 23, 40, 41).

Приведенные данные подтверждают датировку оборонительной стены городища в целом албано-сарматским временем. В этот же диапазон укладывается и нижний, примыкающий к стене слой зольника, судя по вышеописанным находкам и их аналогиям. Стратиграфические наблюдения на этих объектах фиксируют следующую относительную хронологическую последовательность бытования их: а) возникновение оборонительной стены; б) возникновение зольника; в) разрушение стены; г) продолжение функционирования зольника на остатках стены; д) завершение бытования зольника. Здесь отметим до некоторой степени сходное явление в развитии и бытовании оборонительных сооружений цитадели: на одном из участков западной стены цитадели жилищно-хозяйственные комплексы возводятся на разрушенной оборонительной стене (см. ниже). При этом повторим, что керамический комплекс верхних и средних слоев зольника, перекрывших остатки стены, идентичен таковому заключительного этапа существования цитадели. Отметим также, что в коллекции керамики этого раскопа, хранящейся в Археологических фондах ИИАЭ, отсутствуют фрагменты, которые можно отнести к скифскому времени. Данные факты позволяют говорить о возможном одновременном разрушении стены городища и стены цитадели (или ее части) и о продолжении в течение какого-то времени жизни на городище после разрушения его оборонительных сооружений.

Для решения проблемы относительной и абсолютной хронологии городища Урцеки, его периодизации важное значение имеют: 1) выяснение стратиграфии культурных слоев и архитектурных остатков на городище, в особенности на его цитадели; 2) анализ и датировка индивидуальных находок с различных уровней, связанных с определенными строительными периодами; 3) определение характера керамических комплексов различных периодов городища и установление времени бытования красноангобированной керамики, как наиболее характерной для данного и других памятников Дагестана; 4) выяснение и уточнение хронологии некрополя городища Урцеки и корреляция материалов городища и его некрополя.

К сожалению, полевая документация не отражает тех значительных по масштабам развернутых работ, что затрудняет сейчас решение поставленных во-

<sup>22</sup> Здесь и далее под Урцекским некрополем понимается могильник одноименного городища, а под Урцекским могильником — памятник, синхронный городищу, но не связанный с ним территориально и находящийся в 3 км от него.

просов. Тем не менее и имеющиеся материалы позволяют иначе взглянуть на традиционную хронологию и периодизацию городища Урбеки. Большое значение в решении этого вопроса имеют данные, полученные при исследовании одиннадцати помещений, расположенных в различных частях цитадели и на которых полностью вскрыты культурные напластования. Ниже мы остановимся на стратиграфии культурных слоев и строительных остатков этих помещений.

На основе исследований на *раскопе 13*, заложенном в западной части цитадели (рис. 4), и проведенных здесь стратиграфических наблюдений М.Г.Магомедов пришел к выводу, что «Урбекская возвышенность (цитадель. — М.Г.) пережила не менее трех строительных периодов» (Котович В.Г. и др. 1962. С. 64). Однако осталось неясным, как выделенные им три строительных периода соотносятся с предложенной В.Г.Котовичем периодизацией (три этапа). Соотносятся ли каждый строительный период с каждым из этапов или же выделенные три строительных периода соответствуют второму (албано-сарматскому) и третьему (раннесредневековому) этапам? К сожалению, М.Г.Магомедов не конкретизировал каждый из строительных периодов, и, судя по отчетным данным, можно лишь догадываться, с каким из периодов он связывает определенные архитектурные остатки. Исходя из проведенного М.Г.Магомедовым анализа оборонительных сооружений городища и его приверженности традиционной хронологии памятника, очевидно, что первый строительный период исследователь связывал со вторым (албано-сарматским) этапом периодизации памятника (см.: Магомедов М.Г. 1970. С. 71), а второй и третий периоды — с третьим (раннесредневековым) этапом. Основой же для выделения В.Г.Котовичем первого (скифского) этапа, по всей видимости, послужили, помимо вышеприведенных данных (находки из нижнего слоя зольника, так называемая циклопическая стена цитадели, керамика из «святылища»), наличие более древнего культурного слоя под подошвой одного из участков западной оборонительной стены и прилегающих стен помещений, а также, очевидно, датировка ряда погребений некрополя скифским периодом.

Наиболее четко стратиграфия архитектурных остатков, по которым и были выделены М.Г.Магомедовым строительные периоды, была прослежена при исследовании на цитадели *помещения 4 раскопа 13* (рис. 45).

*Первый строительный период.* Остатки нижнего (предматерикового) культурного слоя были зафиксированы в западной части цитадели в 1962 г. Проведенные здесь работы показали, что «подошва оборонительной стены лежит на культурном слое, видимо, более древнего поселения» (Котович В.Г. и др. 1962. С. 63). Позже, в 1963 г., было установлено, что стены помещений 2, 3 и частично 4 раскопа 13, прилегающих к западной оборонительной стене, также покоятся на «древних культурных остатках» (Котович В.Г. и др. 1963. С. 11–14). Причем с отложением этих остатков была связана южная стена помещения 4, которая была возведена на скальных выходах. Уровень ее подошвы был на 0,4 м ниже такового восточной стены помещения (которая покоилась на культурном слое толщиной 0,4 м), хотя выше данной отметки южная стена упиралась (без перевязки) в восточную. В западном направлении южная стена помещения уходила под толщу внутреннего панциря и забутовки оборонительной стены (там же, с. 12, 13).

Эта южная стена стратиграфически и конструктивно была связана с нижними рядами кладки внешнего панциря оборонительной стены, который и являл-

ся западной стеной помещения 4 (там же, с. 14, 15)<sup>23</sup> на первом этапе бытования данного помещения. Здесь после разреза (шириной 2 м) оборонительной стены (ее внутреннего панциря и забутовки) был расчищен юго-западный угол этого помещения, функционировавшего в первый строительный период (там же, с. 15). В углу помещения, под толщей оборонительной стены, были выявлены три крупных тарных сосуда, которые по форме были аналогичны хумам городища верхних культурных слоев, но имели более приземистую форму. Еще один тарный сосуд меньших размеров был прикрыт каменной крышкой. В нижних слоях помещения, как отмечал М.Г.Магомедов, преобладала белоангобированная керамика, наряду с которой встречались серолошенная и фрагменты керамических крышек (там же, с. 16).

Северная стена помещения 4, как и восточная, «оказалась общей для нижнего и верхнего строительного периода» (там же, с. 14). Она, так же как и южная стена помещения 4, «покоилась на материковом слое, т.е. на 1,5 м ниже фундамента внутреннего панциря главной оборонительной стены, уходя в толщу завала», и находилась под последней (там же, с. 14), т.е. под забутовкой более поздней оборонительной стены. Восточная же стена, как указывалось выше, покоилась «на плотном суглинке с мелкими угольками, обгорелой землей и золой, толщиной 0,4 м» (там же, с. 13).

На основе этих фактов М.Г.Магомедов пришел к выводу, что, «по-видимому, южная стена помещения 4 является первым строительным периодом на Урпекской возвышенности. А восточная стена, вероятно, относится ко второму строительному периоду, так как небольшой (0,4 м) культурный слой под ней, безусловно, синхронен и относится к периоду бытования южной стены» (там же, с. 13).

Наблюдения, сделанные исследователем, весьма важны, однако нуждаются в определенной коррекции. Безусловно, что южная и западная стены помещения 4 относятся к первому строительному периоду. К этому же периоду следует относить и северную стену помещения 4, которая стратиграфически соответствует южной и западной стенам. Она также возводилась на скальном материке, ее подошва на 1,5 м ниже подошвы внутреннего панциря и забутовки поздней оборонительной стены, что соответствует уровню подошвы внешнего панциря (западной стены), и она, так же как и южная стена, уходила под толщу оборонительной стены. К сожалению, исследователь не отметил особенности и характер стыковки северной стены с западной.

Вместе с тем он отмечал, как указывалось выше, что северная и восточная стены являются общими для верхнего и нижнего строительных периодов (там же, с. 14), что позволяет относительно синхронизировать восточную и южную стену, несмотря на разницу (в 0,4 м) в уровне их подошв и наличие культурного слоя (толщиной 0,4 м) под восточной стеной. На их одновременное бытование в течение первого строительного периода указывает и то, что южная стена, как и северная (Котович В.Г. и др. 1962. С. 51), выше уровня этого культурного слоя упирается в восточную стену (Котович В.Г. и др. 1963. С. 13), а на его уровне не заходит под нее, как это наблюдалось в западной части помещения — северная и южная стены помещения 4 уходили под толщу позже возведенной оборонительной стены.

---

<sup>23</sup> Как ранее отмечалось (см. гл. 2.1), подошва внешнего панциря располагалась на 1,0–1,5 м ниже уровня подошвы внутреннего панциря и забутовки.

Затрагивая природу образования культурного слоя (плотный суглинок с угольками) под восточной стеной помещения 4, да и на всей площади помещения 4, можно обоснованно предположить, что он представлял собой своеобразную подушку, сооруженную, возможно, с целью нивелировки скальной поверхности, на которой (в отличие от других стен) была возведена южная стена. Интересно, что при описании характера этого слоя исследователь ничего не говорит о наличии в нем керамических находок. К сожалению, автор не указывает и отметку пола нижнего строительного периода, впрочем, не обозначены и многие другие уровни и их взаимосоотношения. Но, судя по фотографиям, залегающим выявленным тарным сосудам, вскрытым каменной конструкции и баз опорных столбов ( $h$  — ок. 1 м), которые были впущены в плотный суглинок, не доходя до материка (там же, с. 16), пол нижнего (первого) строительного периода соответствовал верхней отметке указанного слоя и уровню основания южной стены. Наконец, отметим, что в продолжении разреза до «передовой стены», за пределами помещения 4 рассматриваемый культурный слой не прослежен (там же, с. 17). А керамический материал из разреза представлен двумя группами, соответствующими таковым как из раскопа 13 (рис. 54), так и в целом цитадели и городища.

По наблюдениям М.Г.Магомедова, для верхнего слоя разреза (1–2-й штыки) характерны тарная штрихованная и столовая красноангобированная и красноглиняная заглаженная керамика. В этом слое особо отмечен фрагмент сосуда с пояском, орнаментированным врезными пересекающимися линиями (там же, с. 17). (Тарная керамика, орнаментированная подобными поясками шириной 3,5–4 см, с врезной сеткой, представлена в керамическом комплексе Дербента рубежа албано-сарматского и раннесредневекового времени.) В нижнем слое (3–4-й штыки) чаще встречалась белоангобированная керамика и реже красноангобированная. Ручки найденных сосудов были главным образом круглыми в сечении, нередко с тамгами-знаками, орнамент — врезной линейно-волнистый (там же, с. 17). Из этого слоя происходит красноглиняный кувшин со сферическим туловом, плавно переходящим в узкое горло с носиком-сливом и расположенной на противоположной стороне ручкой (рис. 46, 10), характерный для рубежа албано-сарматского и раннесредневекового времени. По бокам носика он украшен двумя розетками-налепами, по плечикам — елочным орнаментом, а на ручку нанесен врезной знак-стрелка.

В дополнение к сказанному добавлю, что из культурного слоя раскопа 14, примыкающего с юга к раскопу 13 и заложенного с внешней стороны оборонительной стены цитадели между крупной башней с куртиной и «передовой» стеной, происходит типичная для городища и цитадели керамика. Это тарная штрихованная, столовая красноангобированная, серолошенная и кухонная черного цвета с примесью дресвы (Котович В.Г. и др. 1962. С. 67–68). Здесь же были найдены медная (бронзовая?) литая пряжка «хорошей сохранности»<sup>24</sup> и обломок глиняной одностворчатой формы (там же, с. 67–69; Маммаев М.М. 1969. С. 219–220. Рис. 10, 3), очевидно для отливки гвоздевидных булавок (Маммаев М.М. 1963. С. 49). Такого типа булавки обнаружены в памятниках албано-сарматского времени: в грунтовых могилах 1 и 2 Урцекского некрополя (Котович В.Г. и др. 1963. С. 35, 39, 48. Рис. 7, 18, 17, 176, 6), в Новолакском склепе

<sup>24</sup> К сожалению, в отчете не приведен рисунок пряжки; соотнести же эту находку с опубликованными пряжками (Маммаев М.М. 1969. С. 206–210) не удалось.

(Пикуль М.И. 1967. С. 139. Рис. 26, 23) и в Карабудахкентском № 1 могильнике (Смирнов К.Ф. 1961. С. 171, 187, 206. Рис. 4, № 278, 31, № 430)<sup>25</sup>.

Указанные факты позволяют усомниться в природе «древнего культурного слоя» и наличии культурных слоев скифского времени (первый этап по периодизации В.Г.Котовича) на городище Урбеки. Как будет показано ниже, культурных напластований, предшествовавших выявленным строительным остаткам, не было зафиксировано и на других объектах цитадели и городища, где работы были доведены до материка.

Завершая обзор архитектурных остатков и связанных с ними культурных напластований помещения 4 первого строительного периода, укажу, что вышеприведенные факты позволяют утверждать, что помещение 4 как цельное архитектурное сооружение оформилось полностью уже в рассматриваемый период. При этом его западная фасадная стена, исполняя роль наружной, несла и оборонительную функцию.

*Второй строительный период* (рис. 45) отмечен существенной перестройкой помещения 4, связанной со строительством оборонительной стены цитадели. Как ни парадоксально, но возведение западной стены цитадели на данном участке (пом. 1–5 раск. 13) производилось не путем пристройки ее к существующей наружной (западной) стене помещения 4 (как следовало бы ожидать и что нередко наблюдается в фортификации), а за счет внутреннего пространства помещения. По всей видимости, это было сделано с целью выравнивания фасада стены цитадели, так как на соседних участках (западные части раскопов 1 и 2) оборонительная стена сооружалась именно путем пристройки ее с внешней стороны.

При возведении оборонительной стены западная стена помещения 4 была разобрана до высоты 0,5 м и наращена новой стеной (Котович В.Г. и др. 1963. С. 15), которая стала играть роль внешнего панциря. Были частично разобраны также южная и северная стены, сохранившиеся на высоту до 1,5 м от основания (разница уровней подошв этих стен и внутреннего панциря оборонительной стены). После возведения внутреннего панциря и заполнения тела стены (пространства между панцирями) забутовкой была наращена северная стена, которая теперь упиралась во внутренний панцирь оборонительной стены (Котович В.Г. и др. 1962. С. 51). На месте южной стены была возведена новая, которая сохранила направление и несколько увеличила площадь помещения в южную сторону, будучи построенной рядом с нижележавшей (Котович В.Г. и др. 1962. С. 51; 1963. С. 12, 13). Следует отметить одинаковые уровни залегания подошв внутреннего панциря и южной стены, построенных во время второго периода, и верха сохранившейся части ранней южной стены, прекратившей свое существование. Эти факты ясно свидетельствуют о том, что помещение 4 при строительстве оборонительной стены было засыпано (на высоту до 1 м) до уровня верхней отметки ранней южной стены и подошвы внутреннего панциря и забутовки оборонительной стены. На это указывает и характер слоя под толщей оборонительной стены, представляющий собой завал камней, обожженной зем-

---

<sup>25</sup> Очевидно, идентичная булавка, не приведенная в иллюстрациях к Отчету, была найдена в помещении 9 раскопа 13 (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1962. С. 63–64). На это косвенно указывает опубликованная булавка (Маммаев М.М. 1969. С. 197, 198. Рис. 3, 1), которая аналогична происходящим из некрополя, но отличается от последних размером (15 см против 10–12 см) и деформацией — согнут стержень. Других булавок, судя по отчетам и описям, при раскопках найдено не было.

ли, керамики, костей (Котович В.Г. и др. 1963. С. 13). Перестройке подверглась и восточная стена помещения: она была частично разобрана до того же верхнего уровня, что и южная стена. Одновременно она послужила фундаментом для новой, меньшей по ширине, восточной стены, возведенной на ней с отступлением от внутреннего фасада ранней на 0,45 м (Котович В.Г. и др. 1962. С. 51). Эти перестройки восточной и южной стен позволили несколько компенсировать площадь помещения, сократившуюся за счет возведения оборонительной стены. Вместе с тем следует отметить, что при перестройках, осуществленных во время второго строительного периода, помещение 4 сохранило в целом планировку помещения первого периода.

Подобные изменения, очевидно, произошли и в прилегающих помещениях 1, 2, 3 и 5 (рис. 45). К сожалению, стратиграфические наблюдения здесь были поверхностны, особенно в отношении нижнего строительного периода. Однако конструктивная взаимосвязь помещений 1–5 раскопа 13 и позволяет говорить о том, что они претерпели сходные изменения на протяжении трех строительных периодов, что и помещение 4.

Конструктивная связь указанного комплекса помещений (1–5) выражается в следующем: 1) они имеют общую западную наружную стену, которая во втором строительном периоде стала выступать внешним панцирем оборонительной стены; 2) они имеют общую оборонительную стену, точнее, внутренний панцирь и забутовку, возведенные во время второго строительного периода; 3) помещения 2–5 имеют общую восточную стену (Котович В.Г. и др. 1962. С. 52–53); 4) указанные помещения имеют между собой смежные поперечные стены (северные–южные), функционировавшие по меньшей мере во втором и третьем строительных периодах. Как будет показано ниже, данный комплекс помещений претерпел единые, обусловленные их конструктивной взаимосвязью, архитектурные изменения на протяжении второго и третьего периодов.

Прежде всего отметим, что в помещении 5, прилегающем к помещению 4 с юга, внутренний панцирь и тело оборонительной стены упираются в южную стену помещения, завершая в данном месте один из участков ее строительства. Внешний же панцирь (западная стена помещения 5 первого строительного периода) продолжается далее на небольшом расстоянии в южном направлении. Причем северная стена помещения 6 (она же южная стена помещения 5) сливается с внешним панцирем оборонительной стены (там же, с. 53–54).

О том, что помещения 1–3 функционировали во втором строительном периоде, свидетельствуют те факты, что их поперечные (северные и южные) стены, как и продольная восточная, прослежены ниже уровня пола этих помещений верхнего (3-го) строительного периода (Котович В.Г. и др. 1962. С. 42–53; 1963. С. 9–17). При этом поперечные стены, как это наблюдалось и в помещении 4, упирались в восточную стену и во внутренний панцирь оборонительной стены (Котович В.Г. и др. 1962. С. 44–45, 47–51; 1963. С. 12–14). В отчетных данных не отражено соотношение поперечных стен помещений 1–3 со стеной цитадели на уровне первого (нижнего) строительного периода. Но отмечено, что в помещении 2 под полом третьего (верхнего) строительного периода выявлен двухметровый культурный слой и стены помещения уходят на ту же глубину, при этом стены помещения 3 покоятся не на материке, а на культурном слое (Котович В.Г. и др. 1963. С. 10–12), так же как и восточная стена помещения 4. Однако и сделанные стратиграфические наблюдения вместе с отмеченными выше признака-

ми конструктивной взаимосвязи комплекса помещений 1–5 позволяют считать, что поперечные стены помещений 1–3 также заходили под толщу оборонительной стены (ее внутреннего панциря и забутовки тела), и роль западной стены этих помещений в первый строительный период выполняла стена, послужившая на следующем строительном этапе внешним панцирем оборонительной стены цитадели.

Таким образом, приведенные факты и их анализ позволяют говорить, что прилегающие к помещению 4 помещения 1–3, 5, представляющие собой единый конструктивно связанный комплекс, претерпели одинаковые архитектурные реконструкции, обусловленные возведением оборонительной стены цитадели. Площадь этих помещений значительно сократилась по сравнению с первым строительным периодом за счет сооруженного массива оборонительной стены. В особенности это заметно в помещении 1, в котором ширина у северной стены составила всего лишь 0,55–0,6 м, а у южной — 1,0–1,1 м<sup>26</sup>, при сохранившейся длине в 4,6 м (Котович В.Г. и др. 1962. С. 42).

Конструктивная взаимосвязь помещений 1–5, очевидно, определила и единые архитектурные изменения на заключительном этапе существования городища. Следует отметить, что эти изменения, представляющие третий строительный период, о которых речь пойдет ниже, зафиксированы лишь на рассматриваемом участке, прилегающем к оборонительной стене цитадели. Подобные изменения не зафиксированы в остальных вскрытых частях цитадели, архитектурные комплексы которых, как тоже будет показано ниже, отражают два (первый и второй) строительных периода и связанные с ними два культурных слоя.

В отличие от изученного выше комплекса помещений 1–5, где второй строительный период отмечен возведением оборонительной стены в площади помещений, для этого периода цитадели Урзеки был характерен и иной принцип сооружения оборонительной стены, рассмотренный выше. Этот принцип заключался в строительстве новой мощной стены впритык к внешним фасадам стен зданий, расположенных по периметру цитадели. Отмечен он на стратегически важных направлениях — западном (раск. 1, 2, 13) и южном (раск. 2). Восточная и северная же стены цитадели не подверглись изменениям, и их роль продолжали выполнять внешние фасадные стены помещений. Очевидно, во время второго строительного периода, отмеченного активным фортификационным строительством, были возведены башни цитадели и укреплен въезд на цитадель. Следует отметить, что башни не связаны конструктивной перемычкой с оборонительной стеной и возведены впритык к ней. Исключение составляет башня (пом. 12, раск. 1) на северо-восточном участке (рис. 37), существовавшая, по всей видимости, еще во время первого строительного периода и позднее облицованная с внешней стороны дополнительной стеной толщиной 0,9 м (общая толщина стены составила 1,5 м). Во втором периоде, очевидно, были дополнительно укреплены стены городища и въезд № 2, на что указывают облицовка ранее существовавших стен и пристроенная башня у въезда, возведенная в той же технике, что и башни и стены цитадели (Котович В.Г. и др. 1964. С. 53).

*Третий строительный период* на рассматриваемом участке помещений 1–5 раскопа 13 отмечен значительными архитектурными изменениями, происшедшими на заключительном этапе существования городища (рис. 45). Западная

<sup>26</sup> По тексту отчета ширина помещения соответственно 0,75 и 1,5 м (Котович В.Г. и др. 1962. С. 44).

оборонительная стена на этом отрезке была основательно разобрана. В отличие от восточных продольных стен помещений, не претерпевших изменений, поперечные стены (северные и южные) уже наращиваются на нивелированную поверхность сохранившегося массива оборонительной стены. Тело стены используется для возведения жилищно-хозяйственных помещений, печей; выровненная ее поверхность перекрывается полом новых помещений (Котович В.Г. и др. 1962. С. 42–53), которые при этом сохраняют в целом планировку ранее существовавших. Поперечные стены здесь сохранились на высоту до 0,9–1,0 м и в длину до 1,0–1,2 м (там же, с. 43–53) над телом оборонительной стены, не доходя до ее наружного края фактически лишь на ширину внешнего панциря. Западные стены этих помещений не сохранились, но можно с полным основанием полагать, что их роль выполнял панцирь оборонительной стены или вновь возведенная на нем стена. М.Г.Магомедов отмечал, что «строительство жилых и подсобных помещений на оборонительной стене свидетельствовало о потере ею прямого назначения в системе фортификационных сооружений городища» (там же, с. 43). Подобный факт не отмечен на остальных участках цитадели, но здесь позволим вновь обратить внимание на относительную синхронность, с одной стороны, разрушения стены городища или ее участка (?), который впоследствии был перекрыт функционировавшим рядом зольником, и, с другой — разрушения части (?) западной оборонительной стены цитадели, на которой затем были возведены жилищно-хозяйственные сооружения.

Происходившие на исследуемом участке цитадели (пом. 1–5, раск. 13) архитектурные перемены на протяжении трех строительных периодов не повлияли кардинально на изменение топографии расположенных здесь жилых и хозяйственных сооружений, которые сохраняют в целом традиционную преемственность в архитектуре и планировке.

Для выяснения стратиграфии, хронологии и периодизации городища Урбеки следует особо остановиться на рассмотрении тех объектов, культурные слои которых были вскрыты в результате раскопок полностью, до материкового слоя.

*Раскоп 1, помещение 2* (1961 г.), с внутренними размерами 4,5 × 2,5 м (северо-западная сторона — 3,1 м), расположено в северо-западной части цитадели (рис. 37). Пол помещения верхнего строительного периода, представляющий хорошо утрамбованный темный суглинок, выявлен на отметке — 2,05–2,08 м. Выше него наблюдался культурный слой (толщиной 0,2–0,3 м) и каменный завал (толщиной 1,7–2,0 м) от рухнувших стен. В пол помещения было вкопано восемь хумов (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 7–8). К сожалению, в отчете не описана отдельно керамика верхнего слоя помещения, но приведена ее общая характеристика для других помещений и раскопа 1 в целом. Это тарная штрихованная керамика, столовая красноглиняная, красноангобированная, редкая сероглиняная посуда, кухонная темно-серая, черная с дресвой (там же, с. 3–4; Котович В.Г. и др. 1962. С. 4). Ниже уровня пола разведочным разрезом в северном углу установлено наличие культурного слоя мощностью до 1,5 м. Характерной особенностью керамического комплекса этого слоя явилось преобладание фрагментов белоангобированной посуды (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 7–8). В этом слое был найден фрагмент сосуда, «темно-серая поверхность которого покрыта глубокой параллельной штриховкой и украшена валиком с зашипами, имитирующими веревку». По мнению В.Г.Котовича, который нашел сходство сосуда с сосудом из Макинского могильника,

«подобная керамика встречается в Дагестане в памятниках скифского времени (VII–IV вв. до н.э.)» (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 8).

Как явствует из материалов раскопок помещения 2, оно не претерпело в течение двух строительных периодов существенных архитектурных изменений, сохранив планировку и единые стены (там же, с. 8–9). Только ранее существовавший в помещении дверной проем позднее был заложен (там же, с. 9). Вместе с тем помещение 2 имело смежные стены с помещениями 4, 6 и с помещением 3 (башня), представляя с ними конструктивно связанный комплекс, который, в свою очередь, был взаимосвязан с другими помещениями раскопа (пом. 1, 5, 6а, 7). Сказанное дает веские основания полагать преемственность планировки второго (верхнего) строительного периода данного комплекса помещений.

*Раскоп 4, помещение 2* (1960 г.), с внутренними размерами 6,6 × 3,5 м, расположено, как и помещения раскопов 4 и 5, о которых речь пойдет ниже, в центральной части цитадели и входит в так называемый дворцовый комплекс (рис. 38). Помещение сохранило планировку несущих стен на протяжении двух отмеченных периодов функционирования. К верхнему (второму) периоду относятся лестница, ведущая через дверной проем в помещение со стороны главной улицы, хозяйственная яма 1 и прямоугольная каменная конструкция в северном углу (там же, с. 33–34, 37). На характеристике индивидуальных находок из верхнего слоя помещения 2 остановимся ниже, здесь же отметим, что керамика этого периода характеризуется тарной штрихованной, столовой красноглиняной лошенной, красноангобириванной посудой (там же, с. 35).

С функционированием помещения на раннем этапе связаны отдельные вымостки пола, хозяйственная яма 2 и подвал (яма 3) (там же, с. 36, 37). Исследователь отмечает особенность керамики из ям 2 и 3: в них присутствует белоангобириванная посуда, не представленная в заполнении помещения (там же, с. 37). Из ямы 2 происходит также сероглиняный кувшин, орнаментированный в нижней части тулова волнистой врезной линией между двумя желобками (рис. 47, 16), и округлобкая сероглиняная миска с широким плоским дном, наклоненным внутрь бортиком, ленточной ручкой и шестью сосцевидными налестками на тулове (там же, рис. 121д, 122б, 123б). В яме 3 были найдены «гусятница» с ручкой-выступом (рис. 48, 3) и верхняя часть кувшина с высокой горловиной (рис. 47, 15), украшенного по плечикам елочным пояском, а ниже на тулове — «древом жизни» (там же, рис. 114в, 115а).

Помещение 2 конструктивно связано со смежными помещениями 1, 3, 6, 7. С двумя из них (пом. 1, 3) оно сообщалось дверными проемами (Котович В.Г. и др. 1960. С. 37, 38). Помещение 2 первоначально сообщалось и с помещением 6, но позднее проем, связывающий их, судя по фотодокументации, был заложен.

*Раскоп 4, помещение 5* (1960 г.) с внутренними размерами 5,8(6,4) × 3,0(3,8) м (рис. 38) (–1,1–1,28 м). Пол верхнего уровня выслан в южной части помещения плитами, на нем установлены цилиндрические базы опорных столбов (там же, с. 42–43). Керамический материал из слоя, связанного с верхним периодом бытования помещения, характеризуется наличием тарной штрихованной и столовой красноангобириванной керамики (там же, с. 42–43). На уровне пола был найден красноглиняный плоскодонный кувшин со сферическим туловом и высокой широкой горловиной со сливом, напротив которого расположена ручка (рис. 49, 8). Сосуд по плечикам орнаментирован елочным пояском, а на ручку нанесен врезной знак (там же, с. 43. Рис. 121а). Этот кувшин почти аналогичен

вышеописанному кувшину из траншеи раскопа 13. На уровне верхнего строительного периода помещение 5 конструктивно связано со смежными помещениями 4, 8, 10, составляя с помещениями 4 и 10 один комплекс и имея с ними дверные проемы (там же, с. 41, 42).

Шурф, заложенный у восточной стены, показал, что ниже уровня пола идет культурный слой мощностью 1 м, насыщенный преимущественно белоангобированной керамикой (там же, с. 44). Ниже основания восточной стены на 0,45 м под слоем суглинка желтого цвета с зольной прослойкой выявлены остатки стены ( $h = 0,95$  м), имеющей то же направление и сложенной в той же технике (там же, с. 44).

*Раскоп 5, помещение 17* (1961 г.) с внутренними размерами  $4,5 \times 2,5(2,8)$  м (рис. 36). Пол верхнего периода бытования помещения 17, зафиксированный на отметке  $-1,83$  м, представляет собой утрамбованный суглинок (толщиной 8–10 см), частично вымошенный крупными прямоугольными плитами (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 54–55). С ним связана и выявленная в центре помещения каменная четырехугольная база опорного столба. Помещение 17 конструктивно связано со смежными помещениями 15 и 18, а общими стенами с помещениями 14 и 16, с помещением 15 оно соединено дверным проемом (там же, с. 54).

В западном углу помещения 17 был заложен шурф ( $1,5 \times 1,5$  м), который затем был расширен вдоль всей юго-западной стены помещения ( $2,8 \times 1,5$  м). На отметке  $-1,9$ – $2,0$  м прослежена вымостка нижележащего пола (пол 2). Ниже его отмечен культурный слой толщиной более 70 см и далее желто-серый суглинок до скальной материковой породы ( $-2,95$  м). Стены помещения, не прерываясь, следуют до отметки  $-2,36$  м, фиксируя, таким образом, их бытование по крайней мере на протяжении двух периодов (там же, с. 55). В отчетных данных не отражен характер керамического комплекса верхнего периода бытования помещения 17. Керамика же из слоя, связанного с функционированием пола 2, и из нижележащего культурного слоя представлена обломками тарных сосудов, столовой белоангобированной и чернолощенной сероглиняной посуды (там же, с. 55).

*Раскоп 2, помещение 8* (1961–1962 гг.), с внутренними размерами  $8,6 \times 2,4$  м, расположено в юго-западной части цитадели, вблизи ее южного угла и вплотную к южной оборонительной стене (рис. 7). Помещение 8 конструктивно связано общими стенами со смежными помещениями 4 и 9. Из помещения 8 дверной проем, позднее заложенный, вел в помещение 5 и в узкий коридор-переулок (там же, с. 26; Котович В.Г. и др. 1962. С. 22). Стратиграфическая траншея (шириной 1 м) вдоль юго-восточной продольной стены показала, что ниже каменного завала (толщиной  $0,4$ – $0,5$  м, иногда до 1 м) следуют золистый слой с угольками (толщиной до  $0,2$  м), тонкая прослойка обожженной земли и затем мощный слой комковатого суглинка, плотный суглинок и, наконец, материковая глина (Котович В.Г. и др. 1962. С. 22). Пол фиксируется по верху комковатого суглинка ( $-0,8$ – $0,95$  м), который, как и слой плотного суглинка, образован преднамеренно с целью поднять уровень пола (там же, с. 22). Пола более раннего периода обживания не зафиксировано, но можно полагать, что он соответствовал верхнему уровню плотного суглинка, как это наблюдалось в помещении 4 раскопа 2, которое на втором этапе бытования также было засыпано. На это указывает, в частности, то, что стены помещения прослежены ниже уровня пола на глубину не менее  $0,55$ – $0,7$  м; в южном углу, под юго-восточной стеной на

отметке –1,56 м были обнаружены два крупных сосуда: желтоглиняный белоангобированный, двуручный, со сферическим туловом и толстостенный красноглиняный красноангобированный (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 26. Рис. 37). В отчете не приведен обзор керамики по слоям, отмечена лишь ее многочисленность и как ее показательная черта — наличие красноангобированной и чернолощенной (Котович В.Г. и др. 1962. С. 23). Добавлю, что у восточного угла помещения 8 был найден красноглиняный белоангобированный хум (там же, с. 23. Рис. 23в).

*Раскоп 2, помещение 10* (1962–1963 гг.), с внутренними размерами 2,8 × 4,4 м (по чертежу 2,7–3,2 × 4,4 м), расположено в южной части цитадели, вплотную к южной оборонительной стене, недалеко от ворот цитадели (рис. 5). Как показали раскопки в помещении 10, здесь также можно выделить два строительных периода, но в отличие от других вскрытых помещений его планировка была существенно изменена по сравнению с первым (нижним) строительным периодом. При этом, однако, наблюдается и определенная преемственность, выразившаяся в бытовании двух стен помещения — северо-восточной и юго-восточной — на протяжении обоих строительных периодов. Северо-западная стена помещения 10, несмотря на то, что она, как и остальные стены, относящиеся к первому строительному периоду, возведена непосредственно на материке и имеет с ними одинаковый уровень залегания подошвы (Котович В.Г. и др. 1963. С. 7–8), возникла, по всей видимости, в период перестройки помещения 10. Об этом свидетельствуют те факты, что на нижнем уровне, относящемся к первому строительному периоду, она пристроена к поперечной ранней стене, а на верхнем уровне переходит на нее. Таким образом, ранняя поперечная стена оказалась врезанной в северо-западную стену помещения 10 на уровне первого строительного периода (там же, с. 8).

Вместе с тем, судя по фотодокументации, эта поперечная стена идентична по направлению со смежной стеной помещений 12 и 13, прилегающих к помещению 10 с северо-западной стороны<sup>27</sup>. Это дает основание полагать, что помещения 12 и 13 во время первого строительного периода близко подходили к оборонительной стене, оставляя между ними узкий коридор (вдоль стены цитадели). Во второй период площадь этих помещений значительно сократилась за счет перепланировки данного участка и возведения между ними и оборонительной стеной помещений 9 и 10. Юго-восточной стеной помещений 12 и 13 первого строительного периода, смежной с коридором, являлась вскрытая в площади помещения 10 ранняя продольная стена, которая, как и другие стены первого строительного периода, возведена на материке и пристроена к ним без перевязки. При этом дверные проемы, соединяющие помещение 10 с помещением 11 на уровне, соответствующем второму строительному периоду, и коридор с помещением 11 на уровне первого строительного периода были заложены в течение второго периода (Котович В.Г. и др. 1962. С. 25; 1963. С. 8). Об этом свидетельствует тот факт, что ниже уровня пола второго (верхнего) периода закладка проема отсутствует (Котович В.Г. и др. 1963. С. 8), в то время как образующие его юго-восточная (прилегающая к крепостной стене) и северо-восточная стены помещения 10 (как и ранняя продольная стена коридора, упирающаяся у прохо-

<sup>27</sup> В помещениях 12 и 13 вскрыт только верхний культурный слой (второй строительный период).

да в северо-восточную стену того же помещения)<sup>28</sup> функционировали в течение обоих строительных периодов. Юго-западная же стена помещения 10 была возведена в начале второго строительного периода, разделив помещения 9 и 10 и оставив между ними узкий проход.

Небольшой объем вскрытых архитектурных остатков нижнего (первого) строительного периода не дает возможности достаточно полно представить планировку и взаиморасположение помещений. Однако анализ этих остатков, их стратиграфии, взаимосвязи, конструктивных особенностей позволяет прийти к определенным выводам. На раннем этапе (первый строительный период) на данном участке существовал узкий проход-коридор (шириной 0,9 м) вдоль южной стены цитадели, ведущий в помещение 11. К проходу с северо-западной стороны примыкали два помещения (12 и 13), разделенные смежной (перпендикулярной к проходу) стеной. На втором этапе (второй строительный период) к существовавшей стене цитадели была пристроена новая, мощная оборонительная стена и, очевидно, две башни (в том числе привратная), а прилегающий к стене участок построек цитадели подвергся перестройке и перепланировке (по всей видимости, за исключением помещения 11). Часть стен — продольная прохода-коридора и южная часть смежной стены помещений 12 и 13 (поперечная стена в помещении 10) — была частично разобрана; была возведена северо-западная стена будущих помещений 9 и 10, а сама площадь строительного участка засыпана и нивелирована. На выровненной поверхности была возведена юго-западная стена помещения 10 (своим основанием она перекрыла остатки продольной стены), которая и оформила архитектурно помещения 9 и 10 как замкнутые пространства. В этот же период был заложен проход из помещения 10 в помещение 11. Пол помещения 10, который перекрыл остатки ранних стен, фиксируется по верху зольно-угольной прослойки (толщиной 10–15 см) и по остаткам обгоревших и рухнувших балок перекрытия и прямоугольной каменной базе опорного столба в центре помещения (Котович В.Г. и др. 1962. С. 25–26).

В отчете не охарактеризована керамика из слоя верхнего строительного периода, но, судя по таковой из соседних помещений, она представлена тарной заглаженной, столовой красноангобирванной, серолошенной и сероглиняной, отчасти белоангобирванной (Котович В.Г. и др. 1962. С. 20, 21, 26, 28, 29; 1963. С. 3, 5). Нижний же слой, связанный с рассмотренными выше архитектурными остатками первого строительного периода, представлен белоангобирванной и красноангобирванной, серолошенной и толстостенной красноглиняной заглаженной керамикой (Котович В.Г. и др. 1963. С. 7). В этом слое на уровне пола были найдены костяной втульчатый четырехгранный наконечник стрелы (там же, с. 8) и фрагмент серолошенной ритуальной чаши (рис. 44, 17) с врезным орнаментом (Мокроусов С.В. 1994. С. 38)<sup>29</sup> (об этих и других находках см. ниже).

Стратиграфические наблюдения и анализ строительных остатков, выявленных в помещении 10, свидетельствует о тесной архитектурной связи двух строительных периодов. Несмотря на происшедшие перестройки и перепланировку,

<sup>28</sup> Этот факт ясно зафиксирован на фотографии в отчете, хотя автор в тексте пишет, что она уходит в сторону помещения 11 (Котович В.Г. и др. 1963. С. 8).

<sup>29</sup> В отчете об этой находке не сообщается, но она хранится вместе с другим керамическим материалом из этого слоя в Археологических фондах ИИАЭ ДНЦ РАН. На эту находку любезно указал канд. истор. наук С.В. Мокроусов (Институт археологии РАН).

постройки, относящиеся ко второму периоду, в немалой степени сохранили на этом участке планировку предшествующего периода.

Завершая обзор архитектурных остатков цитадели и их стратиграфической ситуации, отметим, что четко выделяются два строительных периода. Начало второго периода было ознаменовано крупными строительными работами на цитадели и городище. Прежде всего, это строительная деятельность по возведению оборонительной стены и башен, которая, очевидно, повлекла за собой и работы по некоторой перестройке, перепланировке существовавших жилищно-бытовых сооружений, постройке новых зданий. Несмотря на происшедшие изменения, судя по вышерассмотренным объектам, топография цитадели вместе с тем не претерпела кардинальных изменений, сохранив ставшую традиционной планировку предшествовавшего периода. Об этом свидетельствует отмечаемая конструктивная взаимосвязь архитектурных комплексов обоих периодов. И эти данные показывают вместе с тем действенность закона «устойчивости планировки», сформулированного П.Лаведаном (Lavedan P. 1926. P. 211).

Подобная преемственность отмечается и за пределами цитадели: на протяжении двух периодов без существенных архитектурных изменений функционировал жилищно-бытовой комплекс у южного угла цитадели (раск. 3) (Котович В.Г. и др. 1963. С. 32–36), осталась прежней и планировка укреплений городища. Вместе с тем на центральном участке западной оборонительной стены цитадели отмечен и третий строительный период, характеризующийся возведением существовавших жилищно-хозяйственных построек на разобранной (или разрушенной) крепостной стене на заключительном этапе существования городища. Очевидно, этот период бытования городища нашел отражение и в стратиграфии зольника (раск. 7 1961 г., разрезы 7 и 8 1964 г.), расположенного на западной окраине городища у оборонительной стены, недалеко от ворот.

Тесная конструктивная связь и преемственность архитектурных комплексов выделенных строительных периодов позволяют ставить вопрос об их датировке в рамках более узкого хронологического отрезка, нежели предложенный В.Г.Котовичем — второй и третий этапы, заключающие более чем тысячелетний период (III в. до н.э. — 30-е годы VIII в. н.э.). На это указывает и культурная традиция, и преемственность (типологическая, технологическая, декоративная), четко прослеживаемая в керамических комплексах строительных периодов.

*Керамический комплекс* городища Урцеки и его некрополя получил освещение в диссертации М.М.Маммаева (Маммаев М.М. 1969. С. 34–74; 1969а. С. 6–10). Исследователем была охарактеризована и типологизирована керамика албано-сарматского и раннесредневекового периодов (соответствующих второму и третьему этапам периодизации В.Г.Котовича), были освещены вопросы техники и технологии гончарного производства, орнаментики изделий. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этих вопросах, но важно дать общую характеристику и показать особенности керамических комплексов двух периодов, в частности его технологических групп (бело- и красноангобириванной, красно- и розоволошенной и заглаженной, серо- и чернолошенной, тарной гладкостенной и штрихованной керамики)<sup>30</sup>, и тесную связь этих комплексов.

Как явствует из материалов отчетов, исследования М.М.Маммаева и непосредственного изучения коллекции урцекской керамики, показательной чертой

<sup>30</sup> Отметим, что каждой технологической группе свойственны не только общие, но и свои, присущие только им типы изделий.

керамического комплекса верхнего (второго) строительного периода является существенное преобладание столовой красноангобированной посуды, а также присутствие значительного количества столовой розово- и красноглиняной заглаженной и лошенной, тарной штрихованной керамики (Котович В.Г. и др. 1960. С. 34–37, 41–42; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 2–4, 10, 18–22, 24, 37, 41, 42, 47–49, 52; 1962. С. 4, 20–21, 29, 46, 50–53, 56, 58–59, 63, 67–68; 1963. С. 3, 11–12, 16–17, 22–23, 27, 34–36; Маммаев М.М. 1969. С. 61–64; 1969а. С. 7–8)<sup>31</sup>. Реже встречалась сероглиняная серо- и чернолошенная, красно- и желтоглиняная белоангобированная посуда, тарная красноглиняная гладкостенная керамика (Котович В.Г. и др. 1960. С. 35–37; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 4, 18, 24, 47–49, 52–53; 1962. С. 4, 20, 29, 46, 50, 56; 1963. С. 3, 5, 9–11, 27, 34; Маммаев М.М. 1969. С. 61).

Авторы исследований отмечают, что чаще всего встречалась в нижнем слое первого строительного периода столовая белоангобированная посуда; реже — красно- и розовоглиняная лошенная, серо- и чернолошенная, красноангобированная керамика; тарная керамика представлена гладкостенной белоангобированной и штрихованной (Котович В.Г. и др. 1960. С. 35–37, 44; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 8, 9, 26, 55; 1962. С. 22, 23; 1963. С. 7, 9–12, 17, 34–36; Маммаев М.М. 1969. С. 34–46; 1969а. С. 6). Вместе с отмеченными особенностями керамических комплексов двух периодов исследователи отмечали сохранение традиций, преемственности, выразившихся прежде всего в сосуществовании различных технологических и типологических групп, видов и типов керамики (Маммаев М.М. 1969. С. 34–74; 1969а. С. 6–9). Наряду с этим присутствуют и отдельные типы керамики, характерные для одного из периодов. В частности, это касается глиняных котлов, представленных только в верхнем слое городища (Маммаев М.М. 1969а. С. 8). Важно отметить, что аналогичные котлы были найдены в Дербенте, появление которых связывается с новым притоком кочевого населения в приморскую зону Дагестана в IV–V вв. (Гаджиев М.С. 1981. С. 276–281). Различие керамических комплексов городища двух периодов заключается и в технике изготовления посуды: если большинство сосудов албано-сарматского периода изготовлялось вручную, то в раннесредневековое время в производство прочно входит гончарный круг (Маммаев М.М. 1969а. С. 7).

Исследуя хронологию различных групп керамики городища Урцеки, М.М.Маммаев пришел к весьма важным и интересным наблюдениям. Опираясь на материалы, полученные в ходе раскопок на городище Урцеки, его некрополе, Урцекском могильнике и других памятниках, исследователь сделал вывод, что столь характерная для Дагестана албано-сарматского времени серолошенная посуда выходит из употребления (исключая Терско-Сулакский район) в IV — начале V в. (Маммаев М.М. 1969. С. 39). Подобный процесс им отмечен и для белоангобированной керамики, которая «ложивает в Дагестане до IV — начала V в. н.э., вернее, белый ангоб для покрытия сосудов применялся до начала V в., а с этого времени он выходит из употребления, а формы сосудов, покрытых белым ангобом, продолжают существовать и в последующее время» (там же, с. 45).

М.М.Маммаев весьма близко подошел к определению верхнего хронологического рубежа городища Урцеки на основе изучения хронологии керамических

---

<sup>31</sup> Количественный анализ керамики городища Урцеки не проводился, поэтому трудно представить соотношение различных групп, видов и типов изделий в керамических комплексах памятника. Проведение же такого анализа ныне невозможно из-за утраты части коллекции керамики.

комплексов. Однако, не ставя себе целью определение хронологии памятника и следуя за принятой периодизацией городища, он считал очевидным относить верхний период бытования памятника вплоть до начала VIII в. Определяя появление красноангобирванной керамики I в. до н.э. — I в. н.э. (там же, с. 42), М.М.Маммаев ее существование также доводил до верхней хронологической границы городища Урцеки. Между тем именно керамический комплекс заключительного этапа функционирования городища дает весьма показательную картину сосуществования доминирующей красноангобирванной керамики с исчезающей белоангобирванной и серолошеной (Маммаев М.М. 1969. С. 61; 1969а. С. 7).

На памятниках Центрального Дагестана керамика с красноангобирванным покрытием датируется исследователями в весьма широком хронологическом диапазоне от рубежа эры до VIII–IX вв. н.э. (Маммаев М.М. 1969. С. 42 и сл.; 1969а. С. 6–9; Абакаров А.И. 1979. С. 41–42; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 97–101; 1983. С. 109–118). Заметим, что верхний рубеж бытования красноангобирванной керамики определялся со ссылкой на хронологию городища Урцеки, точнее, на его верхнюю дату. Такая датировка определяла главным образом и хронологию городищ и поселений, где она представлена.

Однако стратиграфическое и статистическое изучение керамических комплексов Дербента I–VII вв. показало, что красноангобирванная керамика характерна для слоев позднего этапа албано-сарматского времени (I–III вв.) и в особенности для переходного от албано-сарматского к раннесредневековому времени (III–V вв.) и в небольшом количестве присутствует в слое позднеасанидского времени (VI–VII вв.) (Гаджиев М.С. 1982. С. 12; 1984. С. 64–66). Это явление я прежде склонен был объяснять особенностью развития керамического производства Южного Дагестана, где красноангобирванная керамика в отличие от памятников Центрального Дагестана бытовала менее длительное время вследствие появления, а затем и широкого распространения в IV–VI вв. гончарного круга, лепной, а потом гончарной красноглиняной керамики, в итоге вытеснившей красноангобирванную (Гаджиев М.С. 1984. С. 68). Но при всех особенностях керамических комплексов Дербента и Урцеки, очевидно, мы имеем дело с общим и относительно синхронным процессом развития керамического производства Южного и Центрального Дагестана, выразившимся прежде всего в появлении и распространении гончарного круга, новой технологии производства.

Для выяснения относительной хронологии красноангобирванной керамики особый интерес вызывает рассмотрение ее представительства в керамических комплексах бытовых памятников Терско-Сулакского бассейна, для которых характерна на протяжении всего I тыс. н.э. сероглиняная посуда и где красноангобирванные изделия представляют несомненный керамический импорт из более южных производственных центров Дагестана (Маммаев М.М. 1969. С. 46). По наблюдениям М.М.Маммаева, эта керамика по своим формам, составу теста, цвету ангоба тождественна керамике городищ Урцеки, Эскиюрт, Чакавуркент, Таргу.

Красноангобирванная керамика представлена на многих памятниках указанного района, но в весьма небольшом количестве. Например, при разведочных работах на городище Новая Надежда в нижнем слое, который Г.С.Федоров датировал I в. до н.э. — II в. н.э. (Федоров Г.С. 1966. С. 11, 15), а М.И.Пикуль — II–IV вв. (Пикуль М.И. 1958а. С. 14–15), было найдено 152 фрагмента сероглиняной посуды, 8 фрагментов красноглиняной и лишь 3 — красноангобирван-

ной (Федоров Г.С. 1966. С. 11). Подобное ее представительство характерно для городищ Сигитминского, Верхнечирюртовского, Герменчик, Бавтугайского поселений. Несколько больше ее было найдено на городищах Тенг-кала, Некрасовском и Акташском (Магомедов М.Г. 1967. С. 13). Но особенно важно то, что красноангобированная керамика представлена на названных памятниках лишь в слоях (как правило, в нижних и средних), датируемых исследователями (учитывая их разные взгляды на хронологию этих памятников) в рамках I в. до н.э. — V–VI вв. н.э. В основном в нижних, «сарматских» слоях, датируемых I–III вв. н.э. (Гмыря Л.Б. 1980. С. 128–131), встречались фрагменты красноангобированной керамики на Андрейаульском городище (Атаев Д., Абакаров А. и др. 1968. С. 93). Н.Д.Путинцева еще в 1961 г. отмечала, касаясь данного вопроса, что «в многослойном Бавтугайском поселении и на Сигитминском городище красная ангобированная керамика встречается вплоть до начала V в. н.э.» (Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. 1961. С. 282). К подобному выводу на более широком материале пришла и Л.Б.Гмыря, специально исследовавшая керамику Северного Дагестана I тыс. н.э. (Гмыря Л.Б. 1983. С. 54–55, 60).

Помимо указанных наблюдений на бытовых памятниках, большое значение имеет выяснение датировки и присутствия красноангобированной керамики в погребальных памятниках, как объектах с более узкой хронологической шкалой. С этим вопросом связана и проблема хронологии погребальных памятников Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового периодов, которая на сегодняшний день с накоплением нового материала нуждается в определенной корректировке и специальном исследовании. Следует отметить также, что я не касаюсь здесь вопроса классификации красноангобированной посуды и времени бытования тех или иных типов изделий, что должно быть, как представляется, следующим этапом в исследовании этой керамики. Хотя решение этого вопроса намечается и в данном обзоре.

Проведенный анализ показал, что погребальные памятники, в которых встречается красноангобированная посуда, представлены тремя хронологическими группами: 1) I в. до н.э. (I в. н.э.) — II в. (III в.) н.э.; 2) III–V вв. н.э.; 3) V–VI вв. н.э.

К первой группе относятся погребения Таркинского, Карабудахкентского № 1, Гоцатлинского, Ленинкентского, Дербентского, Сумбатлинского, Дюбекского могильников, Андрейаульского кургана, Зеленоморского кургана-кладбища.

В Таркинском и Карабудахкентском № 1 могильниках красноангобированная керамика представлена небольшой серией (Смирнов К.Ф. 1961. С. 207–208). В первом были обнаружены две миски с прямыми стенками и загнутым внутрь бортиком из погребений 28 и 30, миска с прямыми стенками и отогнутым бортиком из погребения 19, сосуд со сферическим туловом и с массивной горизонтальной ручкой из погребения 34 (Смирнов К.Ф. 1951. С. 268. Рис. 20, 3, 6, 10). Погребения 19, 28, 34 К.Ф.Смирнов относил к I–II вв. н.э. или I в. до н.э. — I в. н.э. (там же, с. 271). К этому же времени следует отнести и погребение 30. Вместе с красноангобированными сосудами в погребениях 30 и 34 были найдены серолошенные двуручные канфаровидные кувшинчики с шаровидным туловом на коническом поддоне и с широким отогнутым венчиком, покрытые резным геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников (там же, с. 268. Рис. 20, 9, 22, 4). Там же были найдены серолошенные ритуальные фиалы с умбоном на дне и резным геометрическим орнаментом (там же, с. 268).

Рис. 20, 8, 22, 7, 23, 3). Такой же фиал был найден в погребении 19 (там же, с. 236. Рис. 22, 5, 23, 1). Миске же из погребения 28 сопутствовали два сероло-шенных кувшина, аналогичных северодагестанским рубежа — первых веков н.э.: один с шаровидным туловом, украшенным спускающимися тонкими валиками, и со стилизованной зооморфной ручкой (там же, с. 263. Рис. 22, 2), другой с грушевидным туловом, орнаментированным тремя резными поясками (там же, с. 264. Рис. 22, 1).

По одному красноангобириванному сосуду обнаружили в погребениях 5, 29, 69 и два сосуда — в погребении 38 Карабудахкентского № 1 могильника, датируемые I–II вв. н.э. (Смирнов К.Ф. 1961. С. 207–208): маленький сферический сосудик с отогнутым венчиком (погребение 5), широкая невысокая раструбовидная горловина (погребение 29), сосуд с биконическим туловом и отбитой горловиной (погребение 38), горшочек с высоким широким горлом (погребение 38) и кувшинчик с биконическим туловом, высокой раструбовидной горловиной и вертикальной круглой в сечении ручкой (погребение 69) (там же, с. 170, 175, 178–179. Рис. 5, № 98, 10, № 217, 21, № 235, 22, № 279). Следует отметить, что сосуд из погребения 5 найден вместе с зеркалом с боковой петлей, широким бортиком и коническим выступом в центре, столь характерным для I–II вв. н.э. (Там же, с. 170, 207. Рис. 5, № 95; Абрамова М.П. 1971. С. 128–129). Сосуды из коллективного погребения 38 происходят из верхнего яруса погребений (Смирнов К.Ф. 1961. С. 178–179).

Рубежом н.э. датируется красноангобириванная кружка с зооморфной ручкой из погребения 10 Зеленоморского кургана-кладбища, найденная вместе с бронзовым зеркалом с небольшой ручкой-штырем (Салихов Б.М. 1986. С. 14–15. Рис. 2). Из погребения 9 Дербентского могильника, датируемого по зеркальцу-подвеске с коническим выступом в центре I–II вв. н.э., происходит красноангобириванный двуручный сосуд с биконическим туловом и низкой широкой горловиной (Кудрявцев А.А. 1985. С. 132. Рис. 4, 52).

Еще один красноангобириванный кувшин с приземистым сферическим туловом, конусовидным горлом и зооморфной ручкой был обнаружен в погребении 9 Сумбатлинского могильника, которое О.М.Давудов отнес ко II в. н.э. на основании находок в нем бронзовой фибулы с пластинчатой полусферической дужкой, железного меча с кольцевым навершием и прямым перекрестием и других предметов (Давудов О.М. 1985. С. 114–115, 119–120. Табл. III, 7). Незначительное количество красноангобириванной керамики представлено также в Гоцатлинском и Ленинкентском могильниках рубежа — первых веков н.э. (Пикль М.И. 1967. С. 132, 146–147).

Как видно из приведенного обзора, изделия, представляющие красноангобириванную керамику ранней хронологической группы, немногочисленны, весьма разнообразны, индивидуальны и нестандартны, что характерно для первого периода типобразования, когда еще отсутствовало четкое представление о форме, декоративных деталях, изделия получались нетипичными, отсюда и большое количество разновидностей (Федоров-Давыдов Г.А. 1981. С. 286–296). То же наблюдается и в красноангобириванной керамике промежуточной группы, датируемой II–III вв., но здесь появляются уже формы и признаки, ставшие характерными позднее, в IV–V вв. (кувшины с цилиндрической горловиной, ленточные ручки и др.).

Одной из отличительных черт керамики Карабудахкентского № 3 могильника, обоснованно датированного К.Ф.Смирновым по фибулам боспорского типа

и другим предметам II–III вв., являлось (по сравнению с одноименным № 1 и Таркинским могильниками) преобладание, хотя и несущественное, красноангобириванной керамики (Смирнов К.Ф. 1961. С. 218). Судя по публикации, в могильнике найдено пять таких изделий: сосуд с маленькой ручкой (погребение 5), миска с округлыми стенками и сферический сосуд с низкой широкой горловиной, двумя ленточными ручками и змеевидными налечами на тулове (погребение 6), кувшин с высокой узкой горловиной, подчеркнутой у основания валиком, и с ленточной ручкой (погребение 7), кувшин со сферическим туловом, плавно переходящим в невысокую широкую конусовидную горловину, и двухпетельчатой ручкой на тулове (каменный ящик 4) (там же, с. 213, 218. Рис. 38, № 114, 39, № 116, 118, 40, 124).

Фрагменты и один целый красноангобириванный кувшин со сферическим туловом, высокой цилиндрической горловиной и круглой в сечении, вертикальной ручкой происходят из разрушенного погребения II–III вв. Дюбекского могильника (Гаджиев М.С. 1986. С. 78. Рис. 3, 13), в инвентарь которого входили также сероглиняные и розовоглиняные сосуды, бронзовые подвески в 1,5–2 оборота, пряжка-сьюльгама и другие предметы. Подобной формы кувшин, но с ленточной ручкой найден в погребении 10 Хабадинского могильника, которое М.И.Пикуль датировала III в. (Пикуль М.И. 1967. С. 126, 128. Рис. 11, 18). Обломок ойнохоевидной горловины красноангобириванного кувшина был обнаружен и в разграбленном подкурганном ямном захоронении II–III вв. близ Андрейаульского городища (Абрамова М.П., Магомедов М.Г. 1980. С. 130–133. Рис. 6).

Своеобразный красноангобириванный кувшин, представляющий образец художественной керамики, с каннелюрованным сферическим туловом на невысоком кольцевом поддоне и с узкой раструбовидной горловиной, по бокам которой расположены две зооморфные ручки, происходит из погребения 3 Дербентского могильника, которое по сопутствующему инвентарю датируется четко III–IV вв. (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 95–97. Рис. 8). К этому же времени можно отнести красноангобириванные сосуды (в том числе зооморфный в виде птицы) из погребений Карабудахкентского могильника № 4, датирующиеся по фигурной шестиллопастной и зооморфной пряжкам (Федоров Г.С. 1973. С. 100–103. Табл. 1, 2, 4, 2, 1–3).

Фрагменты красноангобириванной керамики вместе с серолошеной посудой были найдены также в погребении 3 Сумбатлинского могильника, отнесенном к IV–VII вв. (Давудов О.М., 1985, С. 123–125). Основанием для такой датировки послужила находка в погребении бронзовой треугольнорамчатой пряжки с железным язычком, которая, по мнению О.М.Давудова, аналогична пряжкам V–VII вв. из Горного Дагестана (Атаев Д.М. 1963. С. 28, 70. Рис. 3, 8). Однако такая параллель не корректна: эти пряжки, как и подобные им из Верхнечирюртовского могильника (Путинцева Н.Д. 1961. С. 257–258. Рис. 10, 2), действительно имеют треугольную рамку, но принципиально отличаются от сумбатлинской не только размерами, но и навершиями в виде треугольных или ромбовидных выступов, заключенных в полумесяце. Более правильно проводить параллель с треугольнорамчатой пряжкой с железным язычком из погребения 25 (конец II — III в.) Буйнакского кургана (Абрамова М.П. 1980. С. 116–117. Рис. 1, 15) и подобной из Хивского могильника IV–V вв. (Салихов Б.М. 1988. С. 57), что и позволяет датировать погребение 3 Сумбатлинского могильника III–V вв.

Кроме отмеченных погребений во вторую хронологическую группу (III–V вв.), в которой представлена красноангобированная керамика, входят погребения Буйнакского кургана, Паласа-сыртского и Львовских курганных, Урцекских, Гапшиминского и других могильников. Весьма интересные наблюдения были получены М.П.Абрамовой при обработке керамики Буйнакского кургана. Среди посуды пяти погребений ранней группы (конец II — III в.) этого могильника представлен только один экземпляр красноангобированной керамики — своеобразный кувшин со сферическим туловом, плавно переходящим в цилиндрическую горловину с зооморфным сливом, из погребения 17 (Абрамова М.П. 1980. С. 115. Рис. 1, 2). Отметим, что этот сосуд, как и красноангобированная миска из погребения 28 Таркинского могильника, найден вместе с серолошеным кувшином с так называемым пышным орнаментом, характерным для первых веков н.э.

Для керамики поздней группы (IV–V — начало VI в.), найденной в погребениях Буйнакского кургана, характерно господство красноглиняных сосудов (из более чем 30 экз. только два сероглиняных), в подавляющем большинстве своем покрытых красным ангобом (17 из 19). Причем большую часть из них (14 из 17) составляют однотипные кувшины со сферическим туловом, резко отходящей высокой и широкой цилиндрической горловиной и ленточной ручкой (Абрамова М.П. 1980. С. 120–123. Рис. IV, 6–8, 10, 14, V, 44, VI, 16–18, VII, 2). М.П.Абрамова пришла к правомерному выводу, что эта форма кувшинов характерна для Дагестана IV–V вв. Отметим также, что данный тип кувшинов является характерным для верхнего (заключительного) слоя городища Урцеки (Маммаев М.М. 1969. С. 35, 63–64. Рис. 1, 6, 8, 4) и для слоя, относящегося к переходному периоду от албано-сарматского времени к раннесредневековому (Гаджиев М.С. 1984. С. 48–50. Табл. 1, 5–7) в Дербенте. Эта форма кувшинов, иногда с небольшими вариациями, типична для находок в погребальных памятниках второй (III–V вв.) и третьей (V–VI вв.) хронологических групп, в которых представлена красноангобированная керамика.

Большая группа подобных красноангобированных кувшинов происходит из курганов Паласа-сыртского могильника IV–V вв., где они представлены наряду с серо- и розовоглиняными лошеными кувшинами (Гмыря Л.Б. 1993. С. 231. Рис. 33, 1–14). Несколько таких сосудов с красным ангобным покрытием, представляющих импорт из более южных районов Дагестана, обнаружено в погребениях III–V вв. Львовских курганных могильников в низовьях р. Сулак (Пятых Г.Г. 1986. С. 5, 35. Рис. 33, 299; Пятых Г.Г., Красильников К.И. 1988. С. 133–134. Рис. 429, 430). Аналогичный по форме красноангобированный кувшин, но с носиком-сливом на цилиндрической горловине был найден во второй гробнице Калкнинского могильника III–V вв. (Салихов Б.М. 1985. С. 168, 170. Рис. III, 6). Подобные кувшины с носиком и без него представлены также в Урцекских могильниках в комплексах III–V вв. (Котович В.Г. и др. 1960. С. 62–63. Рис. 108а; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 80–81; 1962. С. 89. Рис. 98, 1, 2, 4).

Наконец, в большом количестве красноангобированная керамика представлена, как отмечали исследователи, в Гапшиминском могильнике (Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. 1961. С. 280–281). Указывая на схожесть этого памятника как в погребальном обряде, так и в инвентаре с Буйнакским курганом, авторы синхронизировали их и по старой хронологии этого кургана, предложенной А.А.Захаровым, датировали Гапшиминский могильник III–VI вв. При этом, затрагивая вопрос о распространении и хронологии красноангобирован-

ной керамики в Дагестане, они замечали, «что при настоящем (начало 1960-х годов. — М.Г.) уровне знаний не представляется возможным... передвинуть верхнюю дату Гапшминского могильника до V в. н.э.» (там же, с. 282). Сейчас же, в соответствии с новой, веско обоснованной, датировкой Буйнакского кургана (Абрамова М.П. 1980. С. 115–143), дату Гапшминского могильника следует сузить до III–V вв.

Поздняя группа погребальных памятников, где встречается красноангобированная керамика, представлена катакомбами V–VI вв. могильника Таргу. Здесь, в катакомбах 8 (раск. 4), 3, 4 (раск. 13), 6, 8а (раск. 14) и в погребении в грунтовой яме (раск. 12), были обнаружены кувшины с цилиндрическим горлом и ленточной ручкой, сосуд с двумя зооморфными ручками, а также пряжки-сюльгамы, небольшие височные подвески с 14-гранником и другой инвентарь. Все эти предметы аналогичны находкам на дагестанских памятниках IV–VI вв. (Буйнакский курган, Паласа-сыртский могильник и др.).

Наиболее же поздним памятником, где имеется красноангобированная керамика, является катакомба близ сел. Ашага-Стал-казмаляр. Из нее происходят красноангобированный кувшин со сферическим туловом, плавно переходящим в конусовидную горловину, и ленточной ручкой, пять красноглиняных кувшинов, орнаментированных каннелюрами, и две бронзовые пряжки геральдического стиля с двумя головками на конце и треугольная с двойными кружками на вершинах и железным язычком (Гаджиев М.С. 1986. С. 76, 77. Рис. 2). Первая пряжка весьма близка пряжкам из конской могилы 5, погребения 259 могильника Дюрсо (третий этап, вторая треть VI в., по А.В.Дмитриеву) и из могильника «Сахарная Головка» в Крыму, отнесенным А.К.Амброзом к VI–VII вв. (Амброз А.К. 1989. С. 52 и сл. Рис. 20, 24, 40, 4). Этим временем, а возможно лишь VI в., учитывая наличие красноангобированного и каннелюрованных кувшинов, характерных для IV–VI вв., следует датировать Ашага-Стал-казмалярскую катакомбу.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что время бытования красноангобированной керамики на Северо-Восточном Кавказе приходится на I–VI вв. н.э. Эпизодически встречаясь в памятниках первых веков н.э., она получает наибольшее распространение во второй четверти I тыс. н.э., когда посуда с красным ангобным покрытием становится стандартной, серийной, а к началу VII в. выходит из употребления, очевидно, вследствие распространения в южных и центральных районах Дагестана высококачественной красноглиняной керамики, новой технологии гончарства. Данные наблюдения вместе с тем дают возможность иначе определять относительную хронологию бытовых памятников Северо-Восточного Кавказа, на которых красноангобированная керамика встречается или занимает существенное место, и в первую очередь на городище Урпеки.

Однако для выяснения хронологии городища Урпеки, его строительных периодов и связанных с ними культурных напластований большое значение имеет и анализ индивидуальных находок, обладающих более узким хронологическим диапазоном бытования.

К сожалению, небольшой по площади объем вскрытого культурного слоя, относящегося к нижнему строительному периоду, не дал достаточного числа таких находок. Но здесь необходимо учесть такие немаловажные хронологические показатели, как отмеченная ранее особенность керамического комплекса нижнего строительного периода и его стратиграфическое положение, свиде-

тельствующие о непрерывности и преемственности двух строительных периодов на протяжении существования городища.

С уровня пола первого (нижнего) строительного периода в помещении 10 раскопа 2 происходит костяной втульчатый четырехгранный наконечник стрелы (Котович В.Г. и др. 1963. С. 8). Наиболее ранние подобные наконечники на территории Дагестана известны в каменном ящике VI–V вв. до н.э. Берикейского могильника (Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В. 1978. С. 140–141. Рис. 3, 4). Однако в отличие от более поздних они имеют более призмистую форму с соотношением ширины основания к длине наконечника 1:2,5–2,7. Широкое же распространение на территории Дагестана трех- и четырехгранные костяные наконечники со скрытой втулкой, в том числе подобные описанному выше, получают в албано-сарматский период (известно около 70 экз.). Они богато представлены в погребальных памятниках этого времени (Смирнов К.Ф. 1961. С. 189, 213, 215. Рис. 19, 38, 39; Пикуль М.И. 1967. С. 139, 153. Рис. 26, 1, 29, 4; Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. Рис. 10д, 1–8; Салихов Б.М. 1991. С. 131, 144. Рис. 1, 32, 33; Давудов О.М. 1996. С. 130. Рис. 45, 39–61), в том числе на Урцекских некрополе (Котович В.Г. и др. 1962. С. 78–87. Рис. 100а, 1, 2; 1963. С. 37–41, 47. Рис. 7, 11–16, 20–22, 176, 9, 10; 1964. С. 14–15. Рис. 5, 1, 3–5; Атаев Д.М. 1963. С. 29) и могильнике (Котович В.Г. и др. 1960. С. 51. Рис. 110м), и доживают, очевидно, до V в., судя по находкам на Паласа-сыртском поселении (Гмыря Л.Б. 1988. С. 43–44. Рис. 5). Экземпляры таких наконечников происходят также из слоев албано-сарматского времени Верхнелабкомахинского городища (Давудов О.М. 1996. С. 130), Дербента и Ганзирского поселения.

Из этого же помещения 10, из слоя, относящегося к нижнему строительному периоду, происходит фрагмент верхней части серолошенной чашечки с широким отогнутым венчиком, украшенным врезным геометрическим орнаментом (рис. 44, 17). Такие ритуальные чаши-фиалы найдены в погребениях I–II вв. Таркинского, Карабудахкентского № 1, Новолакского могильников (Крупнов Е.И. 1951. С. 218, 220. Рис. 9, 3, 4, 11, 4, 5; Смирнов К.Ф. 1951. С. 268. Рис. 20, 8, 11, 22, 5–7, 23, 1–3; 1961. С. 192, 195. Рис. 22, № 345, 24, № 274; Пикуль М.И. 1967. С. 137–138. Рис. 25, 1). Фрагмент такой чашечки обнаружен и в нижнем слое Нижнечуглинского городища (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 98. Рис. 3, 32).

Описанным находкам в нижнем слое помещения 10 сопутствовала белоангобированная, серолошенная, красноангобированная керамика, а также тарная красноглиняная гладкостенная (Котович В.Г. и др. 1963. С. 7). Данные находки и в целом характер керамического комплекса из нижнего культурного слоя городища Урцеки позволяют датировать сам слой и связанный с ним первый строительный период памятника в рамках I–III вв. н.э. Предложенной датировке соответствует и датировка нижних слоев зольника городища, приведенная в начале параграфа.

Однако, учитывая возможность датировки некоторых предметов и погребений Урцекского некрополя, возникновение и функционирование которого было связано с городищем, в рамках последних веков до н.э., можно опустить нижнюю дату городища до этого времени и отнести к нему возникновение поселения на Урцекском холме. Например, III–I вв. до н.э. датируется грунтовая коллективная могила 1, в которой представлен целый комплекс инвентаря этого времени (рис. 50). Это прежде всего хронологически показательные небольшие железные втульчатые трехлопастные и трехгранные черешковые наконечники

стрел, а также костяные трех- и четырехгранные втульчатые наконечники стрел, бронзовые гвоздевидные булавки с отверстием ниже утолщенной головки, круглая ажурная бляха, чернолощенные кувшины-ойнохои и другие предметы (Котович В.Г. и др. 1963. С. 34–41. Рис. 7, 9). Особенно важно то, что в этой могиле были найдены наконечники стрел разных типов — железные и костяные втульчатые и железные черешковые. Первые встречаются на Северном Кавказе начиная со скифского времени, причем железные втульчатые, распространившиеся с VI–V вв. до н.э., доживают до I в. н.э., когда они сменяются железными черешковыми (Марченко И.И. 1984. С. 67; Абрамова М.П. 1972. С. 23; 1978. С. 68; 1993. С. 74–75). Последние начинают господствовать у сарматских племен с конца II — начала I в. до н.э. (Мошкова М.Г. 1962. С. 81–82). Сказанное позволяет датировать грунтовую могилу 1 Урцекского некрополя последними веками до н.э.<sup>32</sup> Вместе с тем эта дата, на мой взгляд, подтверждает и датировку представленной в могиле бронзовой круглой ажурной бляхи, весьма близкой таковым из Шаракунского (Пикуль М.И. 1961. Рис. 90, 6; Давудов О.М. 1974. Табл. XII, 13, 14) и Черкез-кутанского могильников (рис. 66, 15, 16, 67, 53–55), раннеалбанским временем (Гаджиев М.С. 1990. С. 56–57), а не скифским (Давудов О.М. 1974. С. 75, 96).

К этому же времени относится и грунтовая коллективная могила 2, среди погребального инвентаря (рис. 51) которой представлены такие же костяные наконечники стрел, бронзовая гвоздевидная булавка, железная булавка со свернутой головкой, бронзовые ложечковидные булавки с железными стержнями, железный двулезвийный кинжал с брусковидным навершием и прямым перекрестием, железные браслеты и ножи (Котович В.Г. и др. 1963. С. 45–48. Рис. 17). Хорошим хронологическим индикатором этой могилы выступает бронзовая булавка, подобные которой были найдены в погребениях I в. до н.э. — II в. н.э. в Карабудахкентском № 1 могильнике (Смирнов К.Ф. 1961. С. 171, 187, 206. Рис. 4, № 278, 31, № 430, 431) и в Новолакском склепе (Пикуль М.И. 1967. С. 139. Рис. 26, 23). А представленный кинжал входит в стандарт мечей и кинжалов раннесарматского времени (Мошкова М.Г. 1963. С. 33. Табл. 18, 5–7; 1974. С. 23–24. Рис. 5, 11). Эти наиболее ранние погребения Урцекского некрополя отражают первый период существования поселения в урочище Урбеки.

Находки из верхнего слоя городища относительно многочисленны и в комплексе весьма показательны. Обзор начнем с находок на раскопе 2.

В 1961 г. здесь при расчистке верхних рядов каменного завала на юго-западной башне цитадели был обнаружен набор вещей, представлявших, по мнению А.И.Абакарова, производившего работы на раскопе, клад (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 27–28), который связан с заключительным периодом существования памятника. В состав его (рис. 44, 1–7) входили несколько обломков бронзовых браслетов, фрагменты браслетов с раскованными концами и браслета с утолщением посередине, обломки бляшки с прорезьями, фрагменты зеркала, две височные привески с 14-гранниками, поясные бляхи (?), бронзовые фигурки коня, человека и другие изделия (там же, рис. 49, 10–27).

<sup>32</sup> Д.М.Атаев, в отличие от позже закрепившейся хронологии Урцекского некрополя в рамках скифского — раннесредневекового времени (VI–V вв. до н.э. — VII — начало VIII в. н.э.), выделял два периода функционирования некрополя — албано-сарматский (I–III вв.), представленный грунтовыми погребениями, и раннесредневековый (IV–VII вв.), характеризующийся каменными ящиками и склепами (Атаев Д.М. 1963. С. 27–31).

Небольшие ( $d = 2,5\text{--}3$  см) литые бронзовые височные привески с 14-гранной бусиной на конце, представленные в кладе, широко распространены в памятниках IV–V вв. Северного Кавказа, Восточной Европы (Абрамова М.П. 1980. С. 138) и ведут, очевидно, свое происхождение с территории Дагестана (Атаев Д.М. 1963. С. 231–235), хотя А.К.Амброз высказал сомнение по поводу этой точки зрения (Амброз А.К. 1989. С. 33, 34). Аналогичные привески происходят и из комплексов III–V вв. Урцекских некрополя (Котович В.Г. и др. 1962. С. 83, 87. Рис. 101а, 13) и могильника (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 82–86. Рис. 144, 30, 34, 35, 145, 18, 19, 25). Такая же бронзовая привеска была найдена в соседнем помещении 4 этого раскопа в верхнем слое (там же, с. 22–23).

Браслет с раскованным подпрямоугольным концом, имитирующим змеиную головку, на которой нанесен чеканный орнамент, типологически очень близок браслетам из некрополя (Котович В.Г. и др. 1962. С. 88. Рис. 103а, 9; Маммаев М.М. 1969. С. 195. Рис. 2, 6) и могильника (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 88. Рис. 145, 20; Маммаев М.М. 1969. С. 195. Рис. 2, 5), изготовленным также из бронзовой проволоки и имеющим раскованные подпрямоугольные концы, орнаментированные пунсонами и чеканным рисунком. М.М.Маммаев датировал эти браслеты IV–VII вв. (Маммаев М.М. 1969. С. 195–196). Однако браслет из некрополя, например, найден вместе с другим инвентарем, показательным для III–V вв.: бронзовой круглорамчатой пряжкой с железным язычком, костяными втульчатыми трех- и четырехгранными наконечниками стрел, бронзовыми височной привеской с 14-гранником и пряжкой-сюльгамой, железной булавкой с петлевидным навершием, миниатюрной привеской в полтора оборота, железным ножичком с кривой спинкой (Котович В.Г. и др. 1962. С. 86–87). Приведенная же М.М.Маммаевым аналогия с браслетом из Урадинского могильника не корректна, так как представленный там браслет не имеет раскованных концов и орнаментирован прямыми врезными линиями (Котович В.Г. 1961. С. 44. Рис. 26, 9). Добавим, что весьма близкий описанным выше браслетам фрагмент (Маммаев М.М. 1969. С. 195. Рис. 2, 7) был найден в слое над полом верхнего строительного периода в помещении 9 раскопа 2 цитадели Урцеки (Котович В.Г. и др. 1962. С. 23) вблизи от места находки клада. Судя по находкам из могильника Черкез-кутан и Шаракунского клада, браслеты с раскованными концами, имитирующими змеиные головки, появляются на территории Дагестана в III–II вв. до н.э.

Фрагмент круглопроволочного бронзового браслета с небольшим биконическим утолщением в центре находит параллели в материалах Гапшиминского могильника III–V вв. (Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. 1961. С. 275. Рис. 4, 5), Верхнечиюртовского могильника V–VII вв. (Путинцева Н.Д. 1961. С. 257, 260. Рис. 7, 7; 10, 4). Вместе с тем последние отличаются от урцекского браслета массивностью, что вообще характерно для дагестанских браслетов VI–VIII вв., и плавным утолщением средней части.

Фрагмент зеркала ( $d$  — ок. 12 см) из клада имеет по краю валик, рельефно орнаментированную обратную сторону (рис. 44, 7). Очевидно, что он представляет тип зеркал с центральной петлей, которые появляются на территории Северного Кавказа со второй половины II в. н.э. и бытуют на протяжении длительного времени.

В расположенном рядом помещении 9 раскопа 2 помимо упомянутого браслета при расчистке верхнего слоя были также найдены фрагмент закраины

кованой бронзовой тарелки или подноса (d = 22 см) (Котович В.Г. и др. 1962. С. 24; Маммаев М.М. 1969. С. 222. Рис. 6, 7), бронзовая штампованная бляшка в виде многолепестковой розетки (Маммаев М.М. 1969. С. 204, 205. Рис. 5, 26) (рис. 44, 16) и фигурная бронзовая пряжка (Котович В.Г. и др. 1962. С. 24). К сожалению, такая важная для определения хронологии находка, как пряжка, не приведена в иллюстрациях к отчету. Надежно идентифицировать же ее с опубликованными М.М.Маммаевым пряжками с городища Урпеки (Маммаев М.М. 1969. С. 207–210. Рис. 6) пока не удается. Но можно не сомневаться, что имеется в виду одна из пряжек, которая отнесена им к типу V (всего найдено 7 экз.), в который входят фигурные многолопастные (5–8 лопастей) пряжки. Эти пряжки находят аналоги в погребениях позднесарматского времени Хабдинского (Пикуль М.И. 1967. С. 125. Рис. 10, 5), Карабудахкентского № 3 (Смирнов К.Ф. 1961. С. 216. Рис. 40, № 65), Дербентского (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 107. Рис. 17, 78) и других могильников, Урпекского некрополя (Котович В.Г. и др. 1963. С. 60, 62. Рис. 39, 20–23). В связи с этим следует указать, что все обнаруженные на городище Урпеки, его некрополе и могильнике поясные пряжки (всего 82 экз.), опубликованные М.М.Маммаевым (Маммаев М.М. 1969. С. 206–210. Рис. 6), укладываются в рамки первой половины I тыс. н.э. Наиболее поздние из них, представленные единичными экземплярами (В-образные, лировидные), характерны для территории Северного Кавказа V–VII вв. (Амброз А.К. 1989).

Из соседнего помещения 8 раскопа 2 из верхнего слоя происходит гемманталия (рис. 44, 14) с изображением цветка (Гаджиев М.С. 1987. С. 147. Рис. 2, 20). Сасанидские геммы с подобным мотивом, выполненные в «штриховой» манере, обычно датируют VI–VII вв., не исключая их бытование и в V в. (Борисов А.Я., Луконин В.Г. 1963. С. 23–28; Раевская Т.А. 1971. С. 266–267). В частности, аналогичная гемма из Самтавро датируется V–VI вв. (Рамишвили К.И. 1979. С. 106. Табл. V, 57). К V — началу VI в. относится такая же гемма из могильника у сел. Чми (Абрамова М.П. 1986. С. 68–70. Рис. 6, 12, 7, 2). VI в. датируются буллы с оттисками гемм с подобным изображением, происходящие из архива (помещение Z) Тахт-и Сулеймана (Göbl R. 1976. S. 15–17. Taf. 43, 527–530; Naumann R. 1976. S. 21–23; 1977. S. 68–69). Наконец, подобная халцедоновая гемма найдена в кургане джетысарской культуры периода I (возможно, начало периода II), что приходится на IV в. н.э. (Археология СССР. 1992. С. 62, 71. Табл. 25, 44; Левина Л.М., Никитин А.Б. 1995. С. 116, 117). Очевидно, что приведенные археологические материалы позволяют корректировать датировки сасанидских гемм, основанные на художественно-стилистическом и палеографическом анализе.

Завершая обзор находок из раскопа 2 в юго-западной части цитадели Урпеки, укажем также на немаловажные находки костяного трехгранного наконечника стрелы с плоским черешком (рис. 44, 11) около башни 1 и бронзовой сьюлгамы (рис. 44, 10) около башни 2 (Котович В.Г. и др. 1962. С. 28. Рис. 42, 12; 49, 14). К сожалению, в отчете не даны стратиграфические условия их обнаружения, но так или иначе они связаны с первым или вторым строительным периодом и могут указывать в целом на их хронологию. Пряжки-сьюлгамы получили широкое распространение во II–V вв. на территории Дагестана (Смирнов К.Ф. 1961. Рис. 4, № 177, 33, № 64, 37, № 26, 40, № 107, 108; Пикуль М.И. 1962. С. 83. Рис. XXXVIII, 8; Абрамова М.П. 1980. С. 118, 131–132. Рис. I, 20–22, II, 8–

11, III, 5–15, V, 6–10; Гаджиев М.С. 1986. С. 78. Рис. 3, 5; 1991. С. 124. Рис. 3, 80, 81, 87, 89; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 107. Рис. 17, 74). Часто встречались они и в комплексах этого времени на Урцекских некрополе и могильнике (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 84. Рис. 144, 35; 1962. С. 75, 78, 82, 86, 89. Рис. 100б, 13, 14; Маммаев М.М. 1969. С. 209. Рис. 6, 15).

Особый интерес представляет костяной черешковый наконечник стрелы. По сводке М.Г.Магомедова, пять экземпляров таких наконечников было найдено на городище, два — в склепе 3 могильника (Котович В.Г. и др. 1960. С. 60. Рис. 110л, о), два — в склепе некрополя<sup>33</sup> и один — в слое некрополя (раск. 22) (Магомедов М.Г. 1966. С. 38–39). Девять из десяти — трехгранные в сечении, один — ромбический. М.Г.Магомедов датировал их IV–VII вв. и считал их «типично тюркскими типами наконечников», отмечал их привнесенный характер и ставил «вопрос о принадлежности урцекских стрел гуннским, а точнее, тюркоязычным савирским племенам» (там же, с. 44–45). В подтверждение своего мнения исследователь, помимо приведенных аналогий и свидетельства Марцеллина об использовании гуннами костяных наконечников стрел, указывал на факт обнаружения их только при раскопках в долине Урцеки и отсутствие их в Горном Дагестане. Наличие же их в склепе автор объяснял проникновением кочевников-пришельцев в местную этническую среду, восприятием ими культуры и погребального ритуала аборигенов и сопровождением «своих покойников иногда и типично тюркскими предметами вооружения» (там же, с. 44).

Думается, нет необходимости опровергать здесь мнение исследователя относительно находок наконечников стрел в погребении. Кочевническое происхождение же их, как, впрочем, и многих других предметов вооружения, не исключено. К настоящему времени количество таких находок увеличилось до 17 экземпляров. Аналогичные костяные наконечники были найдены в сел. Тумелляр, в Калкнинском могильнике III–V вв. (Салихов Б.М. 1985. С. 171. Рис. IV, 1) и при раскопках Охлинского городища (рис. 81, 9–12) в Горном Дагестане (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 114, 116. Рис. 5, 1, 3–5).

Для выяснения хронологии данных наконечников стрел, помимо датированного наконечника из Калкнинского могильника, важно выяснить дату склепов 1 и 3 Урцекских некрополя и могильника, где они были найдены. Показательный в хронологическом отношении инвентарь склепа 3 представлен небольшими ( $d = 2,5$  см) серебряной и бронзовой височными подвесками с 14–гранником на конце, бронзовыми браслетами с несходящимися концами из тонкой проволоки, железными втульчатыми наконечниками копья, маленьким ножичком, бронзовым пластинчатым наконечником ремня<sup>34</sup> с фигурным концом (рис. 52, 29), фрагментом зооморфной (собака) ручки из светло-розового, хорошо обожженного теста, аналогичного такой же посуде с городища (Котович В.Г. и др. 1960. С. 56–60. Рис. 99, 110а, г, п). Среди погребального инвентаря склепа 1 (рис. 52, 1–28) отметим ажурную биконическую подвеску с шишечками, серебряную и железную мелкие ( $d = 1,7–1,8$  см) круглорамчатые пряжки, иглу от фибулы с витой пружиной, бронзовую лучковую фибулу с пружинной иглой, подвязным

<sup>33</sup> В действительности в склепе 1 при раскопках 1961 г., судя по отчету, найден один экземпляр, другой найден вне склепа (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 86, 88. Рис. 146, 9).

<sup>34</sup> В отчете он фигурирует как обкладка рукояти ножа (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 60) и соответствует наконечнику, опубликованному М.М.Маммаевым (Маммаев М.М. 1969. С. 211. Рис. 7, 2).

приемником и слегка прокованной дужкой, фрагмент омеговидной (с расходящимися концами) подвески, фрагменты зеркала с валиком по краю и геометрическим орнаментом, пряжку-сюльгаму, гагатовые плоскоцилиндрические, топо-риковидные и янтарные дисковидные бусины, бронзовую подвеску-головку тура, срединную костяную накладку лука, кремневый ретушер-огниво (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 82–86). Не предпринимая детального анализа представленного в склепах погребального инвентаря и не привлекая широкого круга аналогий, отмечу, что он хорошо укладывается в рамки III–V вв. и представляет характерный набор изделий для памятников этого периода. Этим временем и следует датировать рассмотренные костяные черешковые наконечники стрел.

Несомненный интерес для датировки верхнего слоя городища Урцеки представляет и комплекс находок из раскопа 4 в центральной части цитадели.

В заполнении и на уровне пола помещения 2 раскопа 4 вместе с многочисленными керамическими изделиями, в том числе с десятью целыми сосудами, были найдены железные боевой топор (рис. 49, 12) и вток копья (рис. 49, 11), кремневый ретушер (рис. 44, 9), бронзовое небольшое ( $d = 6,5$  см) зеркало с центральной петлей, валиком по краю и рельефным орнаментом в виде двух концентрических окружностей (рис. 49, 9) и бронзовое колечко ( $d$  — ок. 2 см) с заходящими концами (Котович В.Г. и др. 1960. С. 33–35. Рис. 113з, р, т, у, ф). Подобные колечки из тонкой проволоки довольно часто встречаются на памятниках Дагестана албано-сарматского времени (рис. 64, 11–13). Наиболее показательная находка — зеркало с центральной петлей. Такие зеркала, появившись в середине — конце II в. н.э., получают распространение на территории Дагестана в III–VII вв. Аналогичные ему как типологически, так и по орнаментике (рис. 66, 3, 4), что важно, происходят из хорошо датированных погребений Дербента III–IV вв. (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 92, 96. рис. 5, 1, 9, 70).

Целые экземпляры керамических сосудов из верхнего слоя помещения 2, сопутствовавшие названным находкам, представляют собой: красноангобирванный кувшин со сферическим туловом, плавно переходящим в цилиндрическую горловину со слегка отогнутым венчиком, ленточной коленчатой ручкой и сосцевидным налепом на тулове (рис. 47, 13); краснолошенный кувшин со сферическим туловом, орнаментированным елочными «древом жизни» и пояском на плечиках (рис. 48, 1); красноглиняный горшок с приземистым сферическим туловом и низкой горловиной с плавно отогнутым венчиком (рис. 47, 18); миниатюрные сероглиняные и две красноглиняные мисочки с широким устьем и дном и с овальными стенками (рис. 47, 1); два однотипных красноглиняных кувшина со сферическим туловом, плавно переходящим в высокую широкую горловину со слегка отогнутым венчиком, и вертикальной ручкой (рис. 47, 14); небольшой приземистый кувшин со сферическим туловом, на одной из боковых сторон которого нанесена розетка из пунсонов (рис. 47, 8); сероглиняная миска с широким устьем и дном, ленточной ручкой и овальными стенками, на которые нанесен симметрично расположенный орнамент из трех сосцевидных налепов и двух букраниев (Котович В.Г. и др. 1962. С. 34–35. Рис. 118д, 119а–г, 120г, 122в, 124а, в, з).

В завале (верхний слой) соседнего помещения 3 наряду с десятью целыми керамическими сосудами были обнаружены: обрывок железной кольчуги, изготовленной из колец диаметром 1,4–1,6 см, фрагмент бронзовой цепочки, брон-

зовый круглопроволочный браслет (рис. 49, 10) с несомкнутыми концами (Котович В.Г. и др. 1962. С. 40. Рис. 113м) и обломки кубка из светло-зеленого стекла, впоследствии реставрированного (там же, с. 40). Браслеты, подобные обнаруженному в помещении 3, характерны для дагестанских памятников первой половины, в особенности второй четверти I тыс. н.э. Они встречаются в погребальных комплексах Буйнакского кургана (Абрамова М.П. 1980. С. 140. Рис. III, 2, 3), Таркинского (Крупнов Е.И. 1951. С. 215–217. Рис. 8, 5), Карабудахкентского (Смирнов К.Ф. 1961. С. 189, 208. Рис. 19, № 314, 400, 33, № 108), Дербентского (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 99. Рис. 11, 24) могильников (рис. 66, 8). Представлены они и в погребениях III–V вв. Урцекских некрополя и могильника (Котович В.Г. и др. 1960. С. 56, 60; 1962. С. 83. Рис. 102, 2; 1963. С. 58. Рис. 38, 2; Маммаев М.М. 1969. С. 194–198. Рис. 6).

Особый интерес представляет стеклянный сосуд-кубок (Маммаев М.М. 1969. С. 222. Сн. 186). К сожалению, авторы отчета не привели его в иллюстрациях, а в фондах найти его не удалось. Однако, по информации В.В.Кропоткина и любезному сообщению М.М.Маммаева, он представлял собой стакановидный сосуд небольших размеров с узким плоским дном, овальными стенками и рельефным орнаментом в виде сот, образованным ромбическими и овальными шлифами. Он типологически близок стеклянным сосудам из Харакса, Цебельды и других памятников. В.В.Кропоткин датировал кубок из Урцеки V–VI вв. (Кропоткин В.В. 1967. С. 86, 91. Табл. 17. № 28)<sup>35</sup>. Как показали последующие исследования Н.П.Сорокиной, такие сосуды имели довольно узкий хронологический диапазон и достаточно четко датируются IV — первой половиной V в. н.э. (Сорокина Н.П. 1973. С. 187. Рис. 2, 10–13; 1979. С. 61. Рис. 1, 6–8, 25–29, 46, 47, 49, 50).

Керамика из помещения 3, которая сопутствовала этим находкам, характерна для верхнего слоя цитадели. Упомянутые целые экземпляры посуды представлены: миской с широким плоским дном, невысокими овальными стенками и с ленточной ручкой (рис. 49, 2); двумя подобными мисками, но без ручек, одна из которых имеет на тулове сосцевидный налест; тремя однотипными кувшинами со сферическим туловом, широким плоским дном, низкой широкой горловиной с плавно отогнутым венчиком, вертикальной ленточной ручкой и сосцевидным налестом на противоположной ручке стороне тулова (рис. 49, 5, 6); кувшином с округлым туловом, плавно переходящим в высокую горловину со сливом; крупным плоскодонным сосудом со сферическим туловом и резко отогнутым прямым венчиком; красноглиняной миской с отверстиями на дне и верхней частью крупного кувшина (тип — рис. 48, 1) со сферическим туловом, украшенным елочным орнаментом «древа жизни» и елочным пояском на плечиках, с высокой горловиной со сливом, орнаментированным по обе стороны розетками из сосцевидных налестов с насечками, и ручкой на противоположной сливу стороне (Котович В.Г. и др. 1962. С. 40. Рис. 114г, 118а, г, 119б, 120а, б, в, 122, 124б).

Наконец, в раскопе 4, в помещении 6, в верхнем слое было обнаружено халцедоновое дисковидное ( $d = 5$  см) навершие рукояти меча (рис. 44, 15)<sup>36</sup>, типичное для позднесарматского времени и самого начала раннесредневекового периода (III–VI вв.) (см., напр.: Сокольский Н.И. 1954. С. 154–155, 164, 166; Хаза-

<sup>35</sup> В монографии В.В.Кропоткина этот сосуд фигурирует как «происходящий из Улуби-Аула» (правильно Улубий-аул) — по названию ближайшего к городищу Урцеки населенного пункта.

<sup>36</sup> Информация об этой находке, хранящейся в Археологических фондах ИИАЭ, в отчете отсутствует, но приведена в лабораторной описи (шифр Уг-61/IV/6-23).

нов А.М. 1971. С. 17, 21; Петренко В.А. 1986. Табл. 2, 1). В частности, аналогичное навершие вместе с длинным мечом найдено в погребении 4 III–IV вв. Дербентского могильника (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 97–99. Рис. 11, 23).

В заключение обзора индивидуальных находок рассмотрим также ряд предметов, найденных на раскопах 13 и 14, расположенных у западной оборонительной стены цитадели.

Из верхнего слоя помещения 7 раскопа 13 происходит односторонняя каменная литейная форма для отливки бляшек-пуговиц (Маммаев М.М. 1969. С. 220. Рис. 10, 4)<sup>37</sup>. Круглая бляшка-пуговица (рис. 53, 10), отлитая в такой форме, была обнаружена среди погребального инвентаря склепа 3 (1963 г.) Урцекского некрополя (Маммаев М.М. 1969. С. 206. Рис. 40, А-7; 1969. С. 205. Рис. 5, 7). Склеп 3 хорошо датируется III–V вв. по таким находкам в нем, как бронзовые пряжки (рис. 53, 17–26) различных типов (круглорамчатые, фигурные, многолопастные, с зооморфными концами), колокольчики с прорезями и без них (рис. 53, 4, 5), лабрис (рис. 53, 7), подвески в виде головок животных (рис. 53, 12–16), сдвоенных цилиндров (рис. 53, 3), небольшое зеркало (рис. 54, 11) с центральной петлей, валиком по краю и орнаментом в виде квадрата с волотообразными завитками по углам и др. (Котович В.Г. и др. 1963. С. 57–62).

В рядом расположенном помещении 9 была найдена бронзовая игла, которая в иллюстрациях к отчету не приведена (Котович В.Г. и др. 1962. С. 64). Вероятно, речь идет о головной булавке с расширяющейся кверху головкой и сквозным отверстием в утолщении ниже ее, опубликованной М.М.Маммаевым (Маммаев М.М. 1969. С. 199, 200. Рис. 3, 1). Эта булавка аналогична происходящим из грунтовых могил 1 и 2 Урцекского некрополя (рис. 50, 18, 19, 51, 3), но отличается от последних размером (15 см против 10–12 см). Других булавок, судя по отчетам, при раскопках найдено не было, хотя М.М.Маммаев в диссертации указывает, что она обнаружена в склепе 2 Урцекского могильника (Маммаев М.М. 1969. С. 185).

Обломок глиняной односторончатой формы, очевидно, для отливки таких булавок был найден в раскопе 14 (Котович В.Г. и др. 1962. С. 68–69; Маммаев М.М. 1963. С. 49; 1969. С. 219, 220. Рис. 10, 3). Отсюда же происходит «медная литая пряжка хорошей сохранности» (Котович В.Г. и др. 1962. С. 67–68), рисунок которой в отчете также отсутствует, а идентифицировать ее с опубликованными М.М.Маммаевым пока не удалось.

Обзор находок из верхнего слоя городища Урцеки и определение их хронологии показывает, что в своей массе они укладываются в рамки III–V вв., отчасти V–VI вв. Это дает основание датировать верхний слой и связанный с ним второй строительный период III–VI вв.

Таким образом, комплексное исследование стратиграфии культурных напластований и архитектурных остатков, их соотношения и взаимосвязи, определение характера керамических комплексов и времени бытования характерной для территории Дагестана красноангобирванной керамики, установление хронологии датирующих индивидуальных находок дают возможность определить время существования городища Урцеки в рамках последних веков до н.э. — V–VI вв. н.э. (Гаджиев М.С. 1994. С. 38–39). Предложенной хронологии городи-

<sup>37</sup> Информация об этой находке и условиях ее обнаружения в отчете отсутствует. О ней упоминает М.М. Маммаев; найдена же форма была, очевидно, в верхнем слое, так как в помещении 7 исследован, по отчету, только этот слой (Котович В.Г. и др. 1962. С. 57).

ша в определенной степени соответствует и хронология его некрополя. Исходя из новой хронологии городища Урзеки, я склонен связывать прекращение его существования, как и ряда других синхронных ему памятников равнинной и предгорной зон, с бурными политическими событиями середины I тыс. н.э., и в первую очередь с проникновением и утверждением политического господства гуннских племен в Приморском Дагестане. Все вышесказанное вместе с тем дает основания несколько иначе взглянуть на хронологию ряда городищ и других бытовых памятников Дагестана, которая ранее определялась в соответствии с традиционной датировкой городища Урзеки и в значительной мере с опорой на хронологию характерной для него и многих других памятников Дагестана красноангобированной керамики. Представленный анализ красноангобированной керамики, выступающей одним из показательных элементов материальной культуры Дагестана рассматриваемого времени (за исключением территории Терско-Сулакского междуречья и Северо-Дагестанской низменности, где была распространена сероглиняная керамика), показывает, что относительную хронологию памятников, на которых она присутствует или занимает существенное место, следует определять в рамках I–VI вв. (Гаджиев М.С. 19986. С. 267–276).

В завершение заметим, что недавно дата гуннского разгрома Боспора и гибель его городов была обоснованно пересмотрена с конца IV в. на вторую четверть VI в. (Сазанов А.В. 1988. С. 58–59; 1989; Сазанов А.В., Ивашенко Ю.Ф. 1989. С. 84–102). И возможно, сходное явление — разрушение городов и поселений — наблюдается в это же время и в Приморском Дагестане, где в начале VI в. активизируются вставшие во главе нового племенного объединения гунны-савиры, предпринявшие активные попытки прорваться в Закавказье и вынудившие Сасанидов построить грандиозный Дербентский оборонительный комплекс.

**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**

## Глава III

---

# ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В ПОСЛЕДНИХ ВЕКАХ до н.э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н.э.

### 1. РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ

Распространение железа, железных орудий труда у племен Северо-Восточного Кавказа стало важнейшим фактором роста производительности труда, появления регулярного прибавочного продукта и, как следствие, все большей производственной профессионализации и специализации, приведших ко второму общественному разделению труда. Одним из результатов и одновременно основой этого процесса явилось возникновение города, отделение города от деревни (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 165; Т. 23. С. 365). Становление и развитие ремесла были неразрывно связаны с формированием городов: с одной стороны, процесс градообразования был существенным катализатором развития профессионального ремесла, ориентированного на рынок, с другой — ремесло выступало важным условием становления и развития городов<sup>38</sup>.

Полученные в ходе археологических исследований древних городищ Дагестана материалы свидетельствуют о существовании и развитии различных отраслей ремесленного производства и промыслов, игравших большую роль в их хозяйственно-экономической жизни. Хотя следует отметить, что на современном этапе археологического изучения региона об определенных видах ремесла приходится говорить более на основании их продукции, готовых изделий, нежели по выявленным мастерским, орудиям ремесленного труда, иным непосредственным свидетельствам производства. Это обстоятельство в немалой степени сказывается на изучении уровня развития и организации ремесла. Тем не менее

---

<sup>38</sup> Здесь мы не касаемся дискуссии о причинно-следственной связи процессов градообразования и выделения ремесла из сельского хозяйства — о первичности ли ремесла как необходимого условия в процессе урбанизации или же, наоборот, процесса градообразования в развитии ремесленного производства. Представляется более верным подходить к решению этой дилеммы с учетом конкретно-исторической ситуации и сформулированного К.Марксом и Ф.Энгельсом положения о взаимообусловленности и взаимосвязи обоих процессов, вызванных к жизни комплексом социально-экономических факторов и протекавших в русле генезиса цивилизации.

находки готовых изделий, представляющих собой итоговый продукт производственного цикла, дают значительную информацию для суждений о состоянии, степени развития того или иного вида производства, его месте и роли в экономической жизни общества.

**Гончарное ремесло**, как отмечают исследователи, являлось одной из ведущих отраслей ремесленного производства городищ Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени (История Дагестана. 1967. Т. I. С. 111, 136; Маммаев М.М. 1970. С. 6–10; Котович В.Г. 1980. С. 87; Кудрявцев А.А. 1982. С. 56–58; Гаджиев М.С. 1984. С. 72; 1988. С. 22–24; Мокроусов С.В. 1988. С. 13–16; Давудов О.М. 1996. С. 279–283). Следы гончарного производства в виде скопления керамических шлаков зафиксированы в северо-западной части городища Урзеки (Маммаев М.М. 1969. С. 60). В Дербенте обнаружены и гончарные печи, характеризующие важнейший этап производства — обжиг посуды. Остатки такой печи, датируемой III–V вв., были обнаружены в 50 м к югу от юго-западной угловой башни раннесредневековой цитадели (раск. VI), на участке (площадью свыше 0,5 га) городища, где были сосредоточены на поверхности находки керамических и железистых шлаков, фрагментов ошлакованных изделий. Круглоплановая печь (d — ок. 1,1 м) была заполнена золой и углем. Глинобитные стенки ее и дно, толщиной четыре-пять сантиметров, сильно прокалены. Здесь же обнаружены шлаки и фрагменты печного припаса (Кудрявцев А.А. 1977. С. 51–52). Сохранность печи очень плохая и не позволяет судить о ее конструкции. Но, очевидно, судя по ее размерам и вероятному двойному назначению (см. ниже), она была одноярусная с совмещенной топочной и камерой для обжига.

Остатки еще одной печи были обнаружены на северо-восточной окраине городища (раск. XI) Дербента в слое переходного времени от албано-сарматского к раннесредневековому периоду. Сохранившиеся части позволяют реконструировать ее (рис. 55, А). Печь примитивного устройства, одноярусная, состояла из двух отделений, расположенных в горизонтальной плоскости. Первое, топочное, было прямоугольной формы (28–30 × 40–42 см, при сохранившейся высоте бортов 12 см). Второе отделение — для обжига — представляло собой полусферу, расположенную выше уровня топки на 8–10 см, ее диаметр составлял около 75 см, при сохранившейся высоте стенок 36 см. Между камерами располагалось жаропроводное отверстие шириной 36–37 см и высотой не менее 12 см. Стенки печи глинобитные, толщиной 3–5 см, с обильной примесью крупнотолченого шамота, дресвы, сильно прокалены (Кудрявцев А.А. 1984. С. 6, 7). Эта печь по своим конструктивным особенностям близка гончарным горнам первых веков н.э., исследованным у сел. Верхний Чирюрт (Канивец В.И. 1957. С. 161). Размеры и устройство печей, выявленных в Дербенте, свидетельствуют об ограниченном объеме обжига. Вероятно, они служили для изготовления керамики для собственных нужд и использовались также для выпечки хлеба. На последнее указывают их формы и размеры, близкие хлебным печам типа «тендир», которые обнаружены при исследованиях хозяйственно-бытовых комплексов (раск. XV) нач. I тыс. н.э. в Дербенте (Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. С. 7). Подобное двойное использование печей обоснованно предполагается Э.В.Сайко (Сайко Э.В. 1982. С. 140, 141). Этнографические данные Южного Дагестана и Азербайджана также указывают на применение тендиров как для выпечки хлеба, так и для обжига керамики (Ахмедова В.А. 1984. С. 75–82; Агамалиева С.М. 1987. С. 60, 66, 67).

Наряду с тендирным обжигом керамики, который может указывать на ее производство для собственных нужд, существовали и специальные усовершенствованные гончарные горны, рассчитанные на массовое, товарное производство. Комплексы таких печей, относящихся к IV–VII вв., раскопаны на Андрейаульском и Верхнечирюртовском городищах (Бредэ К.А. 1956. С. 107–119; Атаев Д.М. и др. 1968. С. 93, 94) и обстоятельно изучены (Маммаев М.М. 1970. С. 6–9; 1970а. С. 333–350). Все печи глинобитные, круглоплановые, двухъярусной конструкции из вертикально расположенных топочной и камеры для обжига, соединенных системой из пяти-восьми жаропроводных каналов (рис. 55, Б). Очевидно, что подобные печи существовали на Андрейаульском городище и в предшествующий албано-сарматский период, судя по тому, что технология керамического производства городища не претерпела существенных изменений.

Следует указать и на близкую им по конструкции, но более совершенную двухъярусную печь середины I тыс. н.э., открытую на поселении Хучбала (Кубинский район Азербайджана). В отличие от северодагестанских, вырытых на склоне в материковом лессовидном суглинке, она была сложена из сырцовых кирпичей, имела овально-четыреугольную форму, две пары устоев и 16 продухов, расположенных в три ряда и обеспечивающих равномерное распределение жара в обжигательной камере (Халилов Дж.А. 1965. С. 157–159; Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. 1991. С. 62). Здесь важно обратить внимание на то, что керамический комплекс поселения и могильника Хучбала (Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. 1991. С. 61–64) имеет прямые аналогии в Дербенте и Южном Дагестане, что предполагает и одинаковую технологическую базу гончарного производства на территории Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана, составлявших единую этнокультурную область Кавказской Албании (Гаджиев М.С. 1982. С. 2, 13, 16).

Вместе с тем высокое качество обжига, иные технологические признаки большинства образцов керамической продукции Урзеки, Дербента, Таргу, других городищ Дагестана позволяют определенно предполагать существование печей двухъярусной конструкции уже в албано-сарматское время (Маммаев М.М. 1970. С. 7). Косвенным свидетельством использования двухъярусных печей, по крайней мере с первых веков н.э., могут служить находки таких предметов печного припаса и гончарного производства, как керамические штыри (рис. 56, 8–14). Они обнаружены в Дербенте в большом количестве именно на указанном выше участке со скоплением керамических шлаков на прилегающей территории (раск. XIV, XV, XVI) и представляют собой бруски (d — ок. 2 см при длине обломков до 17–18 см), которые подвергались неоднократному воздействию огня, а отдельные экземпляры имеют у конца своеобразные наплывы обожженной глины в месте крепления их к стенкам печной конструкции (рис. 56, 14) (Гаджиев М.С. 1988. С. 24). Они близки средневековым керамическим штырям, применявшимся при обжиге изделий в двухъярусных печах, но отличаются меньшим диаметром. Здесь следует отметить и тот факт, что в центральных областях Кавказской Албании усовершенствованные двухъярусные гончарные печи известны уже с эллинистического времени (Ионе Г.И. 1949. С. 42–58; 1951. С. 31–79; Халилов Дж.А. 1985. С. 179, 180).

Очевидно, существовали и специальные горны, предназначенные для обжига крупных хозяйственных сосудов типа хумов или кюпов (высотой до 1,2 м) (рис. 57), которые распространяются на территории Дагестана в албано-сармат-

ский период и производство которых широко осваивается в первых веках н.э. и особенно во второй четверти I тыс. н.э. Например, в Дербенте такая тарная керамика в слоях I–V вв. составляет 25–28%. Стратиграфические исследования керамики Нижнечуглинского городища показывают, что если в первом (нижнем) слое она почти отсутствует, то во втором составляет свыше 4%, а в третьем возрастает до 22% от общей массы керамики слоя (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 97–101). Близкие показатели наблюдаются и в керамических комплексах Охлинского городища (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 7–11, 19–20). В значительном количестве тарная керамика представлена и на городищах Урчеки (Маммаев М.М. 1970. С. 6, 8), Таргу.

Появление и распространение ее явилось не только результатом внешнего культурного влияния южных областей и внутренней потребности в налаживании ее производства, но и было итогом дальнейшего и значительного прогресса в гончарном ремесле. Освоение производства этого нового типа керамических изделий стало возможно при условии достижения определенного, достаточно высокого уровня развития гончарства, обеспечивающего это нововведение, решение новой производственной задачи. Изготовление столь крупных хозяйственных сосудов с заданными необходимыми качествами и свойствами свидетельствует о прогрессе на всех основных этапах технологического процесса: подготовка и обработка сырья, формовка, обработка поверхности, обжиг. Наиболее ярко он проявился в освоении формовки сосуда по частям, использовании вращающейся подставки и гончарного круга, ангобировании и сплошной штриховке тулова сосуда многозубым гребнем и, очевидно, введении специализированных печей для обжига крупной тарной керамики.

Значительная часть тарной керамики подвергалась обжигу в окислительной среде (с доступом кислорода), в результате чего изделия приобретали коричневый или красный цвет различных оттенков. Столовая посуда подвергалась как восстановительному (без доступа кислорода), так и окислительному обжигу. Причем, судя по наблюдениям за распространением на памятниках Дагестана сероглиняной керамики, подвергавшейся обжигу в восстановительной среде, эта технология изготовления столовой посуды к IV в. почти выходит из употребления, исключая Северный Дагестан. Она продолжала применяться и в дальнейшем, но лишь при изготовлении части кухонных горшков и котлов. Это явление — смена одного технологического процесса другим и как следствие исчезновение сероглиняной столовой посуды и распространение красноангобированной и красноглиняной — мы склонны связывать с общим развитием гончарного ремесла как товарного производства, рассчитанного на рынок.

Восстановительный обжиг, при котором происходит сложное и многоплановое воздействие на керамическую массу, требовал особого управления, регуляции и режимов (Сайко Э.В. 1982. С. 157–159). Вероятно, необходимость увеличения объема продукции вследствие развития товарного производства и обусловила переход от восстановительного обжига, как более трудоемкого и сложного технологического процесса, к окислительному, как более рациональному и экономичному. Вместе с тем рыночный спрос на ремесленную продукцию требовал стандартизации и удешевления изделий, рассчитанных на широкого потребителя (Кудрявцев А.А. 1980. С. 109). И это, на наш взгляд, объясняет то яркое различие между серо- и чернолощенной керамикой с ее разнообразными художественно-пластическими формами и красноангобированной и красноглиняной керамикой

с большей унификацией форм (Гаджиев М.С. 1984. С. 71, 72; Маммаев М.М. 1989. С. 62).

Наряду с этим необходимо отметить, что разработка различных регламентированных условий восстановительного обжига, на что указывает появление качественной серо- и чернолошеной керамики с первой половины I тыс. до н.э. и особенно широкое ее распространение в IV в. до н.э. — II в. н.э., явилась важным достижением в технологии гончарного производства Дагестана. Примечательно, что это прогрессивное явление в гончарстве совпадает по времени с освоением производства железа и началом широкого распространения орудий труда из него. Можно видеть прямую зависимость в этих процессах: технический прогресс, обусловленный уровнем всего общественного производства и проявившийся наиболее ярко в овладении новым металлом, оказал существенное влияние и на развитие других отраслей производства, в первую очередь керамического. Взаимообусловленность и взаимовлияние этих двух важнейших видов древнего производства обеспечивались тем, что тепловая обработка материала и в металлургии, и в гончарстве является определяющим производственным этапом технологического процесса.

Важнейшим показателем дальнейшего развития гончарного ремесла и товарного производства явилось появление гончарного круга в албано-сарматский период<sup>39</sup> и его модификация и быстрое распространение в IV–V вв. (Маммаев М.М. 1970. С. 7; 1989. С. 61; Гаджиев М.С. 1984. С. 66, 71; 1988. С. 24). «Время, способ и характер освоения гончарного круга как нового средства производства определялись степенью подготовленности того или иного общества к новым условиям организации труда, развитостью всего производства, конкретно-исторической ситуацией существования общества» (Сайко Э.В. 1982. С. 92). Введение гончарного круга как специализированного средства производства предполагало потребность и возможность увеличения объема продукции и происходило в период формирования новой технической базы производства интенсивно развивающегося общества (там же).

Изучение столовой (серо- и чернолошеной, красноангобириванной) керамики, способов и технологии формовки и обработки поверхности показывает, что при ее изготовлении гончарный круг использовался в качестве орудия для проведения определенных производственных операций, соответствующих конкретным этапам развития функций круга (ниже — РФК) (Бобринский А.А. 1978. С. 27–64). Как правило, при изготовлении значительной части образцов названных двух технологических групп керамических изделий начин, полое тело и форма емкости конструировались с помощью приемов скульптурной лепки, а гончарный круг применялся в качестве поворотного столика-подставки (РФК-1) для заглаживания поверхности (РФК-2) и для заглаживания и профилирования венчика (РФК-3). По отдельным экземплярам этих групп керамики можно судить о более высоких ступенях развития функций круга, когда он использовался для профилирования служебной и основной частей емкости — плечиков и тулова (РФК-4), и редко — для заглаживания, профилирования и частичного конструирования полого тела (РФК-5). На это указывают характерные признаки, свойственные соответствующим этапам РФК (там же, с. 49–53).

<sup>39</sup> Единичные образцы гончарной круговой посуды, возможно являющиеся южным импортом, представлены и на некоторых памятниках Дагестана скифского времени (Давудов О.М. 1978. С. 130, 132. Рис. 4, 6; Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В. 1978. С. 138, 139. Рис. 22).

Стратиграфические исследования керамики Дербента показали, что в местном гончарном ремесле в албано-сарматский период и в начале раннесредневекового времени произошли значительные прогрессивные изменения. Процесс качественного сдвига в технологии производства четко наблюдается по соотношению керамики лепной и сделанной на гончарном круге. В слоях албано-сарматского времени количество круговой керамики сравнительно невелико (от 16,4 до 28% от общей массы керамики), что, однако, весьма показательно в сравнении с предшествующим периодом, в памятниках которого круговая керамика представлена единичными экземплярами. На рубеже албано-сарматского и раннесредневекового времени (IV–V вв.) наблюдается резкое возрастание круговой посуды: от 68,2% в слое IV — начала V в. до 90% в слое VI–VII вв. (Гаджиев М.С. 1984. С. 64–66. Табл. IX).

Этот процесс развития гончарного круга сопровождался распространением красноглиняной керамики, отличающейся высоким качеством изготовления: тонкоотмученным плотным тестом чистого и смешанного видов, звонким красным черепком, ровным обжигом (правда, как правило, с серой прослойкой в изломе для толстостенной посуды). Например, в Дербенте, если в слое IV — нач. V в. она составляет 28,3%, то в слое V — нач. VI в. достигает уже 53,3% (Гаджиев М.С. 1984. С. 66, 67. Табл. X). Красноглиняная керамика наряду с красноангобириванной использовалась в быту и на заключительном этапе существования Уршеского городища (Маммаев М.М. 1970. С. 6–8). Во втором слое Нижнечуглинского городища такая керамика составляет лишь 7,8%, а в следующем (третьем) слое, уже вместе с красноангобириванной, — по 24,4% от общей массы керамических фрагментов (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 100, 101). Сочетание красноангобириванной и красноглиняной<sup>40</sup> керамики показательно для второго этапа существования Охлинского городища (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 117, 118), а также других городищ и поселений Дагестана середины I тыс. н.э. Судя по стратиграфическим исследованиям керамического комплекса Дербента, красноглиняная посуда полностью вытесняет красноангобириванную к началу VII в. (Гаджиев М.С. 1984. С. 65, 66. Табл. IX). Очевидно, что этот вывод с некоторыми коррективами можно распространить и на другие памятники Южного и Центрального Дагестана, основываясь как на сходных (и единых) явлениях в процессе развития керамики и в целом гончарного производства албано-сарматского и раннесредневекового времени, так и на хронологии и датировке соответствующих культурных напластований исследованных памятников (Гаджиев М.С. 1998б. С. 267–276).

Красноглиняная керамика середины I тыс. н.э. с городищ Дагестана — в отличие от таковой и сероглиняной предшествующего периода, а также красноангобириванной — изготавливалась на гончарном круге главным образом по технологической схеме, характеризующей третий–пятый этапы развития его функций. Характерные следы вращения глиняной массы на дне и стенках изделия указывают на то, что отдельные экземпляры керамических изделий были сделаны при помощи быстро вращающегося круга, а конструирование полого тела сосуда производилось путем вытягивания глины (РФК-6). Следует заметить, что в количественном отношении такие образцы красноглиняной посуды более представлены в Дербенте, нежели на других городищах Дагестана. Но здесь

<sup>40</sup> М.Г.Гаджиев и А.И.Абакаров, исследовавшие поселения Левашинского плато, такую керамику называют розовой; М.М.Маммаев — красноватой, красной.

важно отметить наметившуюся тенденцию развития керамического производства. В позднесасанидских слоях (VI–VII вв.) Дербента эта керамика становится уже абсолютно доминирующей (Гаджиев М.С. 1984. С. 66, 67. Табл. X), что связывалось нами не только с развитием местного гончарного производства, но и с определенным влиянием сасанидского Ирана (там же, с. 71, 72).

Появление в III–IV вв. круга с большей скоростью инерционного вращательного движения, совмещение движения круга и самой глиняной массы явились принципиально новым техническим явлением, обеспечившим выигрыш рабочего времени в процессе изготовления керамики и создавшим новые производственные возможности (Сайко Э.В. 1982. С. 95–97). Вместе с тем эти обстоятельства наряду с другими признаками (утверждение окислительного обжига, появление усовершенствованных горнов) фиксируют новые производственные требования общественного производства, свидетельствуют о развитии гончарного ремесла, ориентации его на рынок, учитывая существование причинной связи между особенностями развития функций круга, всего технологического цикла и экономическими формами производства (Бобринский А.А. 1978. С. 37; Сайко Э.В. 1982. С. 95–98).

Изменение условий производства керамики повлекло преобразование традиционных и появление новых форм посуды, отразилось на орнаментации и отделке изделий, что отмечается исследователями (Маммаев М.М. 1970. С. 6–9; 1989. С. 62–64; Гаджиев М.С. 1984. С. 65–70). Так, если для керамики албаносарматского времени свойственно большое разнообразие форм, отличающихся оригинальностью и выразительностью, то посуда III–V вв. и последующего времени характеризуется большим единообразием. Например, к III–IV вв. исчезают из употребления такие пластичные по форме изделия, как чаши-фиалы, вазы (чаши на ножках), реберчатые миски, кувшины-ойнохои со смещенной горловиной, кувшины с носиком-ручкой и т.п. Другие формы сосудов, видоизменившись, продолжали существовать, подчеркивая традиционную преемственность. В частности, это генетическое сходство наиболее четко прослеживается на примере округлобоких мисок, кувшинов типа ойнохои (Маммаев М.М. 1989. С. 64). В это же время, как уже отмечалось, унифицируется красноангобированная посуда.

Здесь мы не ставим целью дать типологию керамики ранних городских центров Дагестана, которая получила достаточное освещение в работах исследователей (Маммаев М.М. 1969. С. 34–74; 1970. С. 6–9; Кудрявцев А.А. 1976. С. 33–39, 44–45, 63–68; 1983. С. 94–99; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 97–102; 1983. С. 113–116; Гаджиев М.С. 1981. С. 276–281; 1982. С. 10–13; 1984. С. 47–72; Мокроусов С.В. 1988. С. 13–16; Давудов О.М. 1990. С. 12–14; 1996. С. 95–119). Но важно указать на выделяемые стандартные изделия, составляющие целые серии не только в пределах одного памятника, но и региона в целом. Именно стандартность и серийность выступают, вместе с другими признаками, важными показателями профессионального ремесла. Эти изделия составляют основную массу керамических комплексов городищ. Но вместе с тем для каждого из центров гончарного ремесла, каковыми выступают городища Урзеки, Дербент, Таргу, выделяется свойственная им своеобразная группа керамической посуды в рамках единых, общих технологических групп.

Так, В.Г.Котович обратил внимание на то, что, «например, в Таргу совершенно неизвестен прием орнаментации наколами внутренней поверхности донцев мисок, весьма широко практиковавшийся в Урзеках, а в Таргу весьма часты

находки красноангобированных кувшинов со сливами в виде трубочек, которые в Урзеках встречаются редко» (Котович В.Г. 1980. С. 87). Эти факты дали возможность исследователю говорить о существовании на названных памятниках самостоятельных центров гончарного ремесла. Продолжая эту тему, отметим, что особенности и своеобразие выпускаемой продукции не ограничиваются приведенными примерами. В Дербенте, как и в Таргу, отсутствуют красноангобированные миски с таким утилитарным оформлением дна наколами (рис. 46, 11, 77, 1)<sup>41</sup>, хотя и для этих памятников характерны формы, свойственные этому типу посуды (Гаджиев М.С. 1982. С. 11; 1984. С. 56, 58. Табл. V, 1, 2, 4, 6, 9). С другой стороны, для Дербента, как и для Таргу, показательны красноангобированные и красноглиняные кувшины со сливным носиком на горловине, придававшим сосуду зооморфный вид (Гаджиев М.С. 1982. С. 11; 1984. С. 52, 55. Табл. II, 9–13). Столь характерные для керамики Урзекского городища кувшины с выразительными и довольно реалистичными зооморфными ручками (рис. 54, 9, 10), изображающими главным образом лошадей (Маммаев М.М. 1989. С. 62, 63. Рис. 101, 1, 2), не представлены ни на одном памятнике, хотя сосуды со стилизованными зооморфными ручками получили распространение на территории Дагестана в первой половине — середине I тыс. н.э. Другой показательной чертой керамического комплекса городища Урзеки, а также городища Таргу являются кувшины, украшенные по тулову сюжетом «древа жизни» (рис. 47, 15, 48, 1, 2, 77, 2) (Маммаев М.М. 1970. С. 9; 1989. С. 66–68. Рис. 105–108). Подобный орнаментально-изобразительный мотив не встречается на других памятниках, исключая кувшин из второго Галлинского могильника (Атаев Д.М. 1961. С. 239. Рис. 9, 6), который, очевидно, является привозным (Маммаев М.М. 1989. С. 69), и кувшины из Агачкалинского поселения (Смирнов К.Ф. 1952. С. 94. Рис. 39, № 30, 32; Гмыря Л.Б. 1984. С. 81. Рис. 3, 1, 4).

Одним из характерных же приемов орнаментации определенной группы керамики Дербента рубежа албано-сарматского и раннесредневекового времени (кувшины со сливными носиками — тип VI и кувшины-ойнохои — тип VII нашей классификации: Гаджиев М.С. 1984. С. 55–56) является декорирование поверхности сосуда вдавленно-прочерченными полосами типа каннелюр (тип I, вид 6: Гаджиев М.С. 1984. С. 63. Табл. II, 9–11, III, 1–5, 8). Экземпляры такой красноглиняной каннелюрованной керамики не встречены ни в Таргу, ни в Урзеки, ни на городищах Левашинского плато<sup>42</sup>, ни на других памятниках Центрального Дагестана указанного времени<sup>43</sup>. Но известны они на памятниках Южного Дагестана (Гаджиев М.С. 1984. С. 55), включая Кайтаг, судя по находкам их в Ирагинской гробнице (Давудов О.М. 1979. С. 184. Рис. 1) и в Калкнинском могильнике (Салихов Б.М. 1985. С. 169, 170, 181. Рис. 1, 2, 3, 6, 7), а также на памят-

<sup>41</sup> Единственный обломок такой миски с наколами представлен среди керамики из раскопок Нижнечуглинского городища (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 99. Рис. 3, 18) и несколько — из раскопок Охлинского городища (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 10. Рис. 7, 12).

<sup>42</sup> На памятниках Левашинского плато встречено несколько фрагментов керамики, орнаментированной таким способом, но принадлежавшей черно- и серолошеной посуде: один фрагмент происходит из слоя второго периода Нижнечуглинского городища (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 100. Рис. 3, 25) и более десятка фрагментов обнаружено в слоях первого и второго периодов Охлинского городища (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 8, 9, 13. Рис. 66, 12). Несколько фрагментов стенок таких серо- и чернолошенных изделий найдено и при раскопках Дербента в слоях позднеалбанского времени (Гаджиев М.С. 1984. С. 55).

<sup>43</sup> Один кувшин с каннелюрованной поверхностью найден в погребении 13 Галлинского могильника (Атаев Д.М. 1961. С. 232, 235, 236. Рис. 99).

никах середины I тыс. н.э. Северо-Восточного Азербайджана (Халилов Дж.А. 1962. С. 218; 1965. С. 165. Рис. 1, 3; Халилов Дж.А. и др. 1982. С. 27; Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. 1991. С. 39–40, 56–57, 63, 86–88. Табл. XI, XXV, XXXI, XXXII). Возможно, эта своеобразная керамика (наряду с иной) выступает одним из характерных признаков локальной археологической культуры Кавказской Албании, распространенной на территории Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана (Гаджиев М.С. 1984. С. 68). И одним из центров ее производства являлся, очевидно, Дербент.

Приведенные выше примеры достаточно наглядно показывают своеобразие керамических комплексов городищ Дагестана. Вместе с тем керамику Центрального и Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана албано-сарматского времени и первых веков средневековья объединяет много общего, родственного, на что указывали исследователи и что было обусловлено вхождением этих территорий в единый этнополитический, историко-культурный и экономический регион (Смирнов К.Ф. 1961. С. 208, 209; Маммаев М.М. 1970. С. 6; Халилов Дж.А. 1974. С. 58–59; 1985. С. 107–127; Кудрявцев А.А. 1983. С. 99; Гаджиев М.С. 1982. С. 2, 13, 16; 1984. С. 68, 72).

Показательной чертой керамических комплексов городищ Дагестана албано-сарматского времени и начала раннесредневекового периода является и значительное количество находок изделий со знаками, нанесенными главным образом на ручки (Маммаев М.М. 1972. С. 88) серо- и чернолощенных, красноглиняных кувшинов. Например, при раскопках городища Урзеки и его некрополя было выявлено свыше 300 знаков на целых сосудах и фрагментах, представляющих почти 100 разновидностей, которые можно разделить на два десятка типов (Маммаев М.М. 1972. С. 88–95. Рис. 2–4). В меньшем количестве (что объясняется, вероятно, объемами археологических работ) представлены они на городищах Дербент, Таргу (рис. 58, 1–5), Чакавуркент, Эскиюрт, Нижнечуглинском, Маяк и др. (Маммаев М.М. 1970. С. 9; 1972. С. 94; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 108, 109. Рис. 8, 24, 27; Кудрявцев А.А. 1983. С. 95. Рис. 4, 5, 14; 1985. Рис. 4, 46, 82; Гаджиев М.С. 1984. С. 62). Причем следует отметить, что в большинстве своем они идентичны знакам на керамике Урзекского городища (рис. 46, 10, 47, 4, 48, 2, 49, 8, 50, 26–27), хотя имеются и своеобразные, не находящие аналогий на других памятниках. М.М.Маммаев в статье, посвященной знакам на керамике городища Урзеки, обоснованно показал их бифункциональное назначение в качестве ремесленных меток (своеобразных клейм мастеров) и знаков-оберегов, предохранявших содержимое сосудов (Маммаев М.М. 1972. С. 98–99).

Он обратил внимание на то, что подобные знаки не встречаются на красноангобированных сосудах городища Урзеки. Это положение можно распространить и на другие памятники, где встречается эта группа керамики. Исследователь считает возможным объяснить этот факт тем, «что гончары-ремесленники ставили клейма только на определенный вид продукции, предназначенной для хранения и переноса определенного вида жидкости, и на сосуды ритуального назначения» (там же, с. 97). Однако представляется очевидным, что определенные типы красноангобированной керамики, в частности кувшины, могли иметь и имели то же функциональное назначение, что и соответствующие типы красноглиняной и сероглиняной посуды. Оправданным видится предположение, что сам прием ангобирования не только имел декоративно-эстетическое и техническое назначение (низкое водопоглощение по сравнению с основным черепком),

но и нес религиозно-магическую нагрузку. Сосуд, окрашенный в красный цвет, выступавший символом огня как охранительной и очистительной силы, мог выполнять ту же функцию, что и знак-оберег. Это вполне согласуется с той значительной ролью огня (и его символов) в религиозно-идеологических представлениях древнего населения Дагестана (и Кавказской Албании в целом) в албано-сарматский и раннесредневековый периоды (Пикуль М.И. 1967. С. 169; Алиев К. 1974. С. 343; Давудов О.М. 1974. С. 128; Геюшев Р.Б. 1984. С. 21; Гаджиев М.С. 1986. С. 84; Гаджиев Г.А. 1991. С. 81–87).

Одним из важных выводов, сделанных М.М.Маммаевым на основе изучения знаков на керамике, был вывод о наследственности гончарного дела (Маммаев М.М. 1972. С. 99), что является важным показателем ремесленного, товарного характера производства. Именно на этой стадии его развития появляется разделение труда и специализация отдельных крестьянских семей, групп семей или даже целых сел в тех или иных видах ремесла. Заметим, что тамгообразные знаки на керамической посуде появляются на территории Дагестана именно в албано-сарматский период, будучи неизвестны ранее, и отражают определенную стадию общественного развития, необходимость в знаках собственности.

Рассматривая знаки на керамике как метки мастера-ремесленника, можно предполагать, что, например, на Урцекском городище около 20 семей (соответственно количеству типов знаков) наследственно занимались гончарством, обеспечивая своей продукцией горожан, городскую округу и более отдаленные районы. В их совместном пользовании, очевидно, находились гончарные горны — такое предположение было высказано на основе изучения топографии комплекса гончарных печей Андрейаульского городища, технологического процесса, а также дагестанских этнографических материалов (Маммаев М.М. 1970б. С. 343, 344). Археологические материалы дают возможность говорить об объединении нескольких мастеров-гончаров для совместной эксплуатации печей (Маммаев М.М. 1970. С. 17; 1970б. С. 343), что подтверждается и данными этнографии. Такие объединения, например, существовали в традиционных дагестанских гончарных центрах Балхар и Сулевкент (Шиллинг Е.М. 1936. С. 20, 21; 1949. С. 204; Маммаев М.М. 1970б. С. 343, 344). В лезгинском сел. Еникенд (Кубинский район Азербайджана) два-три гончара пользовались одной печью, а в сел. Кюснет (Куткашенский район Азербайджана) на 28 самостоятельных мастеров приходилось 13 печей (Агамалиева С.М. 1987. С. 78). В табасаранском сел. Джули, которое было крупным центром гончарного производства, печи для обжига были квартальными и каждой пользовалось несколько мастеров (Булатова А.Г. 1979. С. 89). Однако говорить о формировании «ремесленных корпораций, призванных защищать интересы производства», о существовании «института мастеров, подмастерьев, учеников и подсобных рабочих» в гончарном производстве (а также в металлургии и металлообработке, строительном деле) уже в албано-сарматский период, как это предложено О.М.Давудовым, опирающимся главным образом на материалы раскопок Ганзирского поселения (Давудов О.М. 1989. С. 59, 60; 1990. С. 29, 30; 1996. С. 283), у нас нет оснований.

Вместе с тем именно Ганзирское поселение I–III вв. являет собой пример локального специализированного центра по производству керамики, в данном случае серо- и чернолошеной (Давудов О.М. 1989. С. 58; Гаджиев М.С. 1988. С. 7–8), что вполне согласуется с уровнем развития гончарного ремесла в это время. К такому заключению подводит целый комплекс археологических фак-

тов. На небольшом по площади поселении (около 3 га) на современной дневной поверхности повсеместно встречаются керамические шлаки, фрагменты бракованных изделий; значительно увеличивается их количество в культурном слое. Исследованиями 1977 г. на поселении был открыт жилищно-производственный комплекс, интерпретируемый автором как гончарная мастерская (Давудов О.М. 1989. С. 47–60); раскопками 1986 г. были выявлены мощные отвалы бракованной керамической посуды, причем главным образом толстостенной и тарной (Гаджиев М.С. 1988. С. 7, 8). О.М.Давудовым зафиксированы и остатки синхронных поселению гончарных печей в полутора километрах к северо-западу от поселения; вместе с тем он обоснованно полагает наличие таких печей и на самом поселении (Давудов О.М. 1989. С. 47, 59). Место концентрации производственных печей было обнаружено нами в 1986 г. и в непосредственной близости от поселения, у его юго-западной окраины<sup>44</sup>. Наконец, следует указать, что в культурном слое памятника очень часто встречаются керамические фрагменты со знаками-метками: при раскопках 1977 г. было зафиксировано 34 разновидности знаков (Там же, с. 59), а в 1986 г. — 10 (рис. 59, 8, 10, 12–17)<sup>45</sup>.

Наше внимание к такому неординарному памятнику, как поселение Ганзир, которое не является предметом настоящего исследования, тем не менее оправданно и обусловлено значением его материалов для понимания и изучения организации гончарного производства, определения уровня его развития как в целом на территории Дагестана (и Кавказской Албании), так и в раннегородских центрах, каковыми выступают крупные городища региона.

Раскопки поселения Ганзир показали, что при важнейшей роли гончарства в хозяйственно-экономической жизни его обитателей значительное место отводилось земледелию и скотоводству (Давудов О.М. 1989. С. 58, 59; Гаджиев М.С. 1988. С. 7, 8). Это весьма существенный момент. Историко-этнографические данные показывают, что даже в таких крупных ремесленных центрах Дагестана средневекового и нового времени, как Кубачи, Амузги, Харбук, Балхар, Гоцатль, Анди, Кумух, Джули и др., ремесленник вплоть до недавнего времени не порывал полностью связи с земледелием и скотоводством. Ремесленная работа очень часто выполнялась в промежутках между сельхозработами или в свободный от них сезон, т.е. поздней осенью — зимой (Магомедов А.Р. 1988. С. 133). Ретроспективный взгляд и археологические данные позволяют видеть именно такую организацию труда ремесленника и тем более крепкую связь его с сельским хозяйством в албано-сарматское время. Очевидно, это положение, основанное на этнографических данных и материалах археологических исследований поселения Ганзир, может быть распространено и на характеристику ремесленного производства, в частности гончарного, древних городищ Дагестана, учитывая важную роль сельского хозяйства в раннегородской экономике, о чем речь будет идти в следующем разделе.

---

<sup>44</sup> Этот производственный участок, фиксируемый скоплением шлаков, бракованных обожженных и полуобожженных изделий (главным образом кувшинов), обожженной земли, золы и угля, находится на южном склоне, близ руин мечети заброшенного сел. Ганзир.

<sup>45</sup> Среди обнаруженных в 1986 г. знаков один весьма специфический — в виде двух насечек, между которыми расположены две точки, — зафиксирован на чаше с кольцевой ножкой и на ручке кувшина. Оба сосуда абсолютно идентичны в технологическом отношении: они имеют чернолощеную поверхность и хорошо отмученное, без заметных примесей тесто коричневого цвета. Этот факт может служить доказательством того, что один мастер изготавливал гончарные изделия различных форм и назначений (Гаджиев М.С. 1991. С. 122).

**Металлургия и кузнечное ремесло**, судя по археологическим данным, также занимали ведущее положение в экономике городищ Дагестана. Развитие этих отраслей экономики, как и в целом всей металлообработки, было обусловлено не только хозяйственными нуждами населения городищ и их округи, но во многом определялось военно-стратегическим положением городищ, нуждавшихся в периодическом притоке предметов вооружения и конского снаряжения, изготовленных из металла.

М.М.Маммаев, исследовавший металлообрабатывающее ремесло Урцекского городища, на основе находок железных шлаков и изучения разнообразных изделий кузнечного дела пришел к выводу «о существовании в городе кузнечно-го производства, находящегося на достаточно высоком уровне развития» (Маммаев М.М. 1969а. С. 189–224).

Имеются и значительные данные о развитии металлургии и кузнечного ремесла на древнем городище Дербента. Выше уже отмечался прослеженный на его территории участок с находками железистых и керамических шлаков. Следует отметить относительную тяжесть железных шлаков, что характерно для сыродутного способа выплавки железа. Близ этого участка, в 15–20 м к северо-западу от выявленных остатков вышеописанной гончарной печи, были открыты остатки еще трех печей плохой сохранности (раск. VII), которые могут быть интерпретированы как железоплавильные.

Одна из них представляла собой прямоугольное углубление в материковом грунте шириной около 0,7 м, длиной около 0,8 м и глубиной около 0,8 м<sup>46</sup>. Яма имела сильно прокаленные стенки и была заполнена углем, золой, слоем извести, обожженными камнями, рядом найдены шлаки. Две другие ямы были округлой формы диаметром около 1,2–1,3 м, сильно обожжены, заполнены шлаком, углем, золой. В центральной части этих ям отмечен слой извести; в одном случае слой извести, который, очевидно, играл роль флюса при плавке, окружал яму и с внешней стороны. Рядом с этими остатками находилось огромное (прослеженная длина 2,5 м) пятно — скопление угля и золы (Кудрявцев А.А. 1977. С. 65, 66; Гаджиев М.С. 1988. С. 24, 25).

Конструкция печей не ясна из-за их плохой сохранности, вероятно, в результате их разлома после плавки. Но очевидно, что выявленные остатки производственных печных сооружений представляют собой сыродутные горны наземно-ямной конструкции, в которых получали кричное железо. Обнаруженное рядом кострище, видимо, было местом заготовки древесного угля, входившего в состав шихты, и предварительного обжига руды на открытом огне с целью удаления летучих веществ. Использование древесного угля в металлургическом процессе обеспечивало, как и предварительный обжиг руды, насыщение углеродом выплавляемой железной руды и получение таким образом сырцово-стальной крицы.

---

<sup>46</sup> Небезынтересно отметить, что подобную четырехугольную форму, но чуть большие размеры (1 × 1 м) имели раскопанные на средневековом Аркаском городище четыре разрушенных сыродутных горна (Атаев Д.М. 1966. С. 3–5; Маммаев М.М. 1969. С. 153), а также использовавшиеся до недавнего времени кустарями кузнечные горны (1,1 × 1,5 м) в Северо-Западном Дагестане (Атаев Д.М. 1963. С. 227), очевидно отражающие традиционную конструктивную преемственность этих производственных сооружений. В качестве параллели укажем и на квадратные в плане, со сферическим углублением в центре железоплавильные печи на территории Грузии эпохи раннего железа (Гзелишвили И.А. 1964. С. 32–50).

Именно из такой сырцовой стали, полученной в сыродутном горне непосредственно во время металлургического процесса, а также из железа, полученного сыродутным способом, изготовлены предметы из Аркасского поселения и Хабдинского могильника (Давудов О.М. 1968. С. 9, 11, 38, 39; 1974. С. 121). Как показал микроструктурный анализ изделий, металл, из которого они были сделаны, характеризуется однородностью и чистотой (шлаковых включений крайне мало), зерно равномерное и мелкое, содержание углерода колеблется от 0,1–0,2 до 0,6–0,7%, что свидетельствует о высоком мастерстве древних металлургов и кузнецов, умевших получать железо или сталь, хорошо регулировать температурный режим, выковывать изделие необходимой упругости и твердости (Давудов О.М. 1968. С. 9, 38, 39). Важно отметить, что железо и сырцовая сталь, как показали исследования, служили сырьем для изготовления кузнечных изделий и на памятниках Кавказской Албании, расположенных на территории Азербайджана (Терехова Н.Н., Мехтиев Т.С. 1988. С. 167–173; Мехтиев Т.С. 1990. С. 16; см. также: Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., Голубкина Т.И. 1965).

Приведенные материалы позволяют говорить о поставках в Дербент металла в виде руды, хотя, по всей видимости, преобладали более рациональные поставки в виде криц, криц-полуфабрикатов. Последние представлены для рассматриваемого времени единственной находкой в Дербенте высокой плотности крицы овально-полусферической («ладошкообразной») формы, размерами 9 × 13 см и весом 400 г (Кудрявцев А.А. 1984. С. 10–13; Гаджиев М.С. 1988. С. 25)<sup>47</sup>.

Руда, по всей видимости, поставлялась из богатых южно- и центральнодагестанских сидеритовых месторождений, доступных разработке открытым способом (Викторов А.Ф. и др. 1958. С. 33, 34; Халифа-заде Ч.М., Аббасова С.М. 1963. С. 13–15, 27, 28, 41–44, 61, 73, 74. Рис. 3; Котович В.М. 1984. С. 28, 29, 32). Содержание железа в этой руде составляет от 25–30 до 40–43%, и, что важно, руда содержит примесь кремнезема, выполнявшего при плавке роль естественного флюса, и свободна от вредных примесей серы и фосфора, ухудшающих качество металла. Эти естественные показатели руды вместе с искусственными методами обработки руды и металла позволяли изготавливать изделия достаточно высокого качества.

Необходимо заметить, что следы древнего железоплавильного производства на территории Дагестана в ряде случаев приурочены к местонахождениям крупных сидеритовых залежей (Котович В.М. 1984. С. 42). Это касается находок на Аркасском и Макинском поселениях (Пикуль М.И. 1967. С. 52, 53, 89), в районе Хабдинского могильника (Атаев Д.М. 1963. С. 225, 226; Давудов О.М. 1968. С. 6; 1974. С. 120; Криштопа А.Е. 1980. С. 231–233), вблизи селений Муги (Исаков М.И. 1966. С. 63. № 807) и Кубачи (Мацапулин В.У. 1992. С. 16, 17)<sup>48</sup>. Вместе с тем отмеченные выше следы металлургии железа в Дербенте, Урцеки, а также в зоне селений Капкайкент-Чумли-Гулли (Исаков М.И. 1966. С. 25. № 302; Давудов О.М. 1974. С. 120; Мацапулин В.У. 1992. С. 17, 18) указывают на поставки руды из мест ее добычи в металлургические центры.

---

<sup>47</sup> Примечательно, что примерно такой массы крицу, достаточной для изготовления одного молотка или трех-четырех подков, получали в недавнем прошлом в Дагестане сыродутным способом (Криштопа А.Е. 1980. С. 233, 234).

<sup>48</sup> Автор выражает признательность зав. лабораторией Института геологии ДНЦ РАН, канд. геол.-мин. наук В.У.Мацапулину за консультации и ознакомление с рукописью и материалами исследований Кубачинского и Чумлинского местонахождений древнего железоплавильного производства.

В.У.Мацапулин на основе анализа шлаков Чумлинского (Капкайкентского) местонахождения<sup>49</sup>, где высоко содержание кремнезема ( $\text{SiO}_2$ ) и глинозема ( $\text{Al}_2\text{O}_3$ ) и отсутствуют залежи сидеритовых конкреций, допускает возможность использования в качестве руды для железоплавильного производства местных песчаников с сидеритовым цементом (Мацапулин В.У. 1992. С. 18). Однако в Чумлинском металлургическом районе нет подобных песчаников. Высокое же содержание железа в шлифах, а также сходство состава шлаков с образцами из Кубачинского местонахождения (Мацапулин В.У. 1992. С. 17,18), связанного с сидеритовыми залежами, ставит под сомнение заключение ученого. К тому же сидеритовые песчаники имеют относительно низкое содержание железа (5–7%)<sup>50</sup>, и использование их в качестве руды крайне нерентабельно даже в условиях древнего производства, так как требует значительных энергетических затрат. Последний фактор объясняет и поставки сидеритовой руды в места ее выплавки, в частности в Дербент и Урцeki. Это было связано с тем, что сидеритовые залежи Дагестана приурочены к нижне- и среднеюрским отложениям, которые характеризуются глинистыми почвами и бедностью лесного покрова. Отсутствие в этих зонах леса, необходимого в значительном количестве для металлургии, и обуславливало в определенной степени нерациональные на первый взгляд поставки руды<sup>51</sup>. С другой стороны, материалы археологических исследований указывают на наличие в зонах Дербента и Урцeki в албаносарматское и раннесредневековое время обширных широколиственных лесов, что определило широкое применение дерева в архитектуре, хозяйстве, быту. Об этом свидетельствует и доминирующее положение среди остеологических остатков диких животных зубра и оленя (табл. 5) — главных объектов охоты и типичных обитателей таких лесов (Гаджиев М.С. 1988. С. 31, 32).

Вышесказанное не исключает поставок в Дербент и Урцeki кричного железа, которого привозили, видимо, в больших количествах, чем руды. На это может указывать отсутствие на городищах и в их окрестностях значительных отходов железоплавильного производства в виде скоплений больших шлаковых насыпей, занимающих обширную территорию (до нескольких квадратных километров), что свойственно для крупных металлургических очагов, в частности Ругуджинского и Чумлинского (Исаков М.И. 1966. С. 25. № 302; Криштопа А.Е. 1980. С. 231–237; Мацапулин В.У. 1992. С. 17). Вместе с тем эти факты, возможно, говорят о том, что в древних городах Дагестана кузнецы в основной массе не являлись металлургами, т.е. железоделательное и кузнечное ремесла организа-

---

<sup>49</sup> Силикатный анализ установил следующие компоненты (в %): кремнезем ( $\text{SiO}_2$ ) — 25,92, глинозем ( $\text{Al}_2\text{O}_3$ ) — 11,24, гематит ( $\text{Fe}_2\text{O}_3$ ) — 48,24, окись кальция ( $\text{CaO}$ ) — 5,98, окись магния ( $\text{MgO}$ ) — 2,46, фосфорный ангидрид ( $\text{P}_2\text{O}_5$ ) — 2,94, марганец ( $\text{Mn}$ ) — 2,84.

<sup>50</sup> Автор приносит благодарность за консультацию зав. лабораторией Института Геологии ДНЦ РАН, канд. геол.-мин. наук А.М.Магомедову.

<sup>51</sup> Здесь уместно привести примерный расход сидеритовой руды для получения вышеупомянутой крицы весом 400 г. Зная среднее содержание железа в руде и в образуемом шлаке, нетрудно подсчитать, что на получение такой крицы было необходимо примерно 2–2,5 кг руды, т.е. соотношение веса крицы и руды составляло 1:5,0–6,2. Как этнографическую параллель отметим, что грузинские кустари-металлурги в XIX в. (занимавшиеся выплавкой железа и кузнечным ремеслом обычно поздней осенью или зимой, в свободное от полевых работ время) для производства крицы весом в один пуд использовали четыре пуда руды и крицы весом 8,75 фунта — один пуд руды, т.е. соотношение составляло 1:4,0–4,5. Но необходимо сказать, что они пользовались более железообогатенной рудой (магнетит, гематит) и более усовершенствованными горнами (Гзелишвили И.А. 1964. С. 23).

ционно были разделены или находились на стадии разделения. Высокая специализация кузнечного ремесла также косвенно может свидетельствовать об этом. С другой стороны, приведенные материалы могут предполагать и обратные торгово-производственные связи, а именно поставки леса (скорее древесного угля) в пункты добычи и плавки руды, где, по всей видимости, возникли кузнечные производственные центры. Это предположение находит подтверждение в дагестанских этнографических материалах, например: в Кази-Кумух древесный уголь доставляли из сел. Какашура (Габиев Д. 1958. С. 229), а в сел. Харбук его привозили из сел. Дибгалик и Кала-Корейш (Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. 1967. С. 44). На это указывает и существование по крайней мере с VI в. кузнечного центра Кубачи (*перс.* Зерехгеран), расположенного в зоне отсутствия лесных массивов.

Наличие кузнечного производства подтверждается и раскопками в Дербенте хозяйственно-бытового комплекса (раск. XIV; рис. 39, 40, 60), одно из вскрытых помещений которого интерпретируется как кузнечная мастерская. Выявленный комплекс, датируемый рубежом — первыми веками н.э.<sup>52</sup> и состоящий из шести прямоугольных помещений (Гаджиев М.С. 1988. С. 7), расположен в северо-западной части городища у склона отрога (рис. 16) и примерно в 40 м к северу от вышеописанных остатков сыродутных горнов, что особенно важно. По крайней мере три из шести вскрытых помещений были взаимосвязаны и, очевидно, представляли собой расположенные в ряд жилище (пом. 1), подсобно-хозяйственное помещение (пом. 6) и кузницу (пом. 4).

Центральное помещение 1 имело почти квадратный план с внутренними размерами 3,4 × 3,5 м (рис. 48). Дверной проем, от которого сохранился порог шириной 0,9 м, выложенный четырьмя плоскими плитами, располагался в центральной части западной стены. В интерьере помещения, в юго-западном углу, справа от дверного проема и впритык к южной стене, была устроена овально-прямоугольная в плане двухкамерная печь (размерами 1,2 × 1,1 м) типа «кор», «кари», «корюк»<sup>53</sup>, служившая для выпечки хлеба и обжаривания зерна. В противоположном углу помещения прямо в полу находился небольшой (0,42 × 0,62 м), овальной формы очаг открытого типа, обмазанный глиной. Вплотную у северной стены, в ее центральной части была расположена хозяйственная яма (№ 16). Первоначально в этом месте находился вкопанный крупный хозяйственный сосуд типа хума, а затем образовавшееся в полу жилища углубление было превращено в хозяйственную яму, которая после заполнения и засыпки была закрыта глинобитным полом. На это указывает ее форма, повторяющая контуры нижней половины хума, и соответствующие находки в ней. В заполнении ямы были найдены: фрагмент верхней части сероглиняного хума (очевидно, ранее стоявшего здесь) с раструбовидной горловиной и утолщенным венчиком, по краю которого нанесены пальцевые зашпы, фрагменты тарной и кухонной керамики, две каменные крышки из дисковидных галечников, полированный отросток оленьего рога. Особо следует указать на находки в яме, которые связаны с металлообра-

<sup>52</sup> Датировка комплекса обосновывается как соответствующими находками, так и устройством на данном участке после завершения обживания комплекса некрополя III–IV вв. (Кудрявцев А.А. 1988. С. 4, 5; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 87–115).

<sup>53</sup> Подобные печи на территории Дагестана известны с раннебронзовой эпохи (Канивец В.И. 1957. С. 158; Канивец В.И., Буров Г.М. 1956. С. 74–75, 83, 86–88, 91–92; Гаджиев М.Г. 1989. С. 32) и сохраняются до настоящего времени (Османов М.-З.О. 1986. С. 15; Исламмагомедов А.И. 1988. С. 84).

батывающим производством, а именно: оселок, обломок оселка, восемь фрагментов железного шлака и два песта из галечника. С уровня пола происходит бронзовое кольцо, несколько обломков ручной мельницы и зернотерок, фрагменты керамических изделий. Наиболее выразительные из последних представлены фрагментами ленточной и овальной в сечении ручек сероглиняных сосудов, венчиками кухонной керамики коричневого теста с примесями шамота, кварца, в том числе венчиком сосуда с глиняной обмазкой внешней поверхности, а также обломком горловины чернолощеного кувшина с коричневым в изломе черепком.

Помещение 6 хозяйственного назначения примыкало к описанному выше помещению 1 с северной стороны и представляло собой замкнутое с трех сторон и открытое с западной стороны сооружение с внутренними размерами 3,3 × 4,5 м (рис. 40, 60). У юго-западного края помещения, в полуметре от южной стены *in situ* находился обработанный барабановидный опорный камень столба ( $d = 21$  см,  $h = 6$  см), а у торца северной стены — придонная часть некогда установленного здесь тарного сероглиняного сосуда. Внутреннее пространство помещения на площади около десяти квадратных метров было вымощено каменными плитами. На уровне пола и вымостки были найдены фрагмент каменной чаши (рис. 80, 8), костяные пряслица и игла, бронзовое кольцо (рис. 64, 8) и обломки керамической посуды. Последние представлены главным образом стенками тарных сероглиняных и коричневоглиняных сосудов, кухонной посудой, среди которой выделяется венчик горшка с глиняной обмазкой тулова, столовой белоангобированной, красноангобированной и коричневолощеной керамикой из красноватого теста.

Укажем также, что недалеко от помещения 6 была расчищена хозяйственная яма (№ 17), территориально и хронологически связанная с данным комплексом, в которой, наряду с фрагментами керамики, были обнаружены 12 каменных брусков почти одного формата (2,7–4 × 4–6 × 8–10 см), правильной прямоугольной формы с ровными плоскостями, одной рабочей гранью (судя по ее стертости), которые, вероятно, являлись абразивами и использовались в металлообработке (Кудрявцев А.А. 1987б. С. 27, 28; Гаджиев М.С. 1988. С. 29).

Помещение 4, интерпретируемое как кузница, примыкало к жилищу (пом. 1) с южной стороны (рис. 40, 60). С восточной оно было ограждено стеной помещения 3, а с западной и южной — открыто, так как каких-либо остатков кладок на этих участках не зафиксировано. Таким образом, помещение 4 представляло собой полуоткрытое прямоугольное сооружение с перекрытием-навесом, на что указывают находки двух опорных камней под столбы перекрытия: один — в виде барабана ( $d$  — ок. 20 см,  $h = 7$ –8 см), другой — подпрямоугольной формы (13 × 15 см). Занимаемая этим помещением площадь, судя по протяженности окаямляющих его с двух сторон стен, расположению опорных камней, а также по находящимся в нем архитектурно-производственным остаткам, составляла около 15–16 кв. м. Восточную половину помещения занимала трапециевидная платформа, сооруженная частично за счет эскарпации материка, частично за счет насыпного материкового грунта и культурного слоя. Платформа тянулась вдоль восточной стены на длину около 4,8 м. Ширина ее у северной стены помещения составляла 2,0 м, а у южной оконечности — около 1,1 м. Общая занимаемая платформой площадь составляла около 7,6 кв. м. Она возвышалась над уровнем древней дневной поверхности на 0,4 м, слегка понижаясь к южному

краю. Вдоль западного края платформы прослежена каменная вымостка-бордюр из одного ряда кладки шириной 0,55–0,6 м и длиной 5,15 м. Бордюро-ограждение из одного ряда небольших камней позднее был сделан и в центре платформы, вдоль нее, на длину около 4 м, на расстоянии 0,5 м от восточной стены помещения.

В пространстве между двумя оградками-бордюрами, вплотную к северной стене помещения располагался открытый очаг овальной формы (0,3 × 0,3 м), окаймленный небольшими плитками. Справа от него были уложены две подпрямоугольные плиты (28–30 × 12–14 × 6–8 см), образующие небольшую площадку-вымостку, примыкающую к вертикально поставленным камням оградки. В 0,9 м к югу от описанных очага и площадки, также в пространстве между бордюрами, находилась печная конструкция овальной в плане формы (размерами 88 × 84 см), от которой сохранилось сильно обожженное глинобитное основание-под толщиной 5–6 см. С поверхности пода было собрано несколько невыразительных фрагментов керамики, печины и восемь небольших (1–8 куб. см) кусочков железного шлака. Очевидно, что данное сооружение являлось остатками кузнечного горна. Пространство между очагом и горном было заполнено слоем угольков, золы толщиной 3–5 см. Из этого слоя происходит несколько фрагментов керамики, в том числе два обломка венчиков горшков с грубым тестом, фрагмент слива чернолощеного кувшина и стенка сероглиняного тарного сосуда, орнаментированного валиком с вдавлениями.

На расстоянии 1,3 м к югу от горна располагалась хозяйственная яма (№ 27), служившая для сброса золы из горна и очагов. Она имела усеченно-коническую форму с верхним диаметром 0,5–0,52 м и нижним диаметром 0,9–0,94 м при сохранившейся глубине 0,43 м (верхняя часть ямы оказалась разрушенной). Заполнение ямы представляло собой рыхлый темно-серый грунт, насыщенный многочисленными угольками, золой, а также невыразительными мелкими фрагментами керамики темно-коричневого и бурого цвета с примесью шамота, со следами копоти, несколькими обломками посуды с глиняной обмазкой и 18 небольшими кусками железного шлака. Рядом, к югу от ямы, находился еще один очаг овальной формы (74 × 54 см). В площади помещения 4 были обнаружены также четыре песта из продолговатых галек (возможно выполнявших функцию легких кузнечных молотков), обломок каменного корыта (рис. 80, 6) подпрямоугольной формы (h — ок. 18 см), возможно использовавшегося для закаливания изготавливаемых изделий, и небольшая каменная (ракушечник) ступа (рис. 80, 5) неясного назначения кубовидной формы с полусферическим небольшим углублением и сливом (Кудрявцев А.А. 1987б. С. 4–16, 36. Рис. 57, 1–4, 6, 7).

Хотя при раскопках данного комплекса не обнаружен кузнечный инструментарий (не считая названных выше пестов и других находок), заготовки или полуфабрикаты изделий, тем не менее приведенные факты в своей совокупности позволяют считать, что здесь располагалась металлообрабатывающая мастерская. Обращает на себя внимание наличие в кузнице помимо горна дополнительного очага: исследователи на основе археологических и этнографических данных считают, что в таких мастерских с двумя очагами занимались не только ковкой, но и пайкой изделий (Распопова В.И. 1980. С. 52). Другой архитектурной особенностью кузницы является «приподнятое» расположение (на платформе) производственного очага и печи-горна, рассчитанное на стоящего человека, тогда как бытовые очаги и печи, судя по дагестанским археологическим и этно-

графическим данным, располагались исключительно на полу, будучи рассчитанными, как и весь интерьер, архитектура, объемно-планировочное решение традиционного старинного жилища, на человека, сидящего на полу (Хан-Магомедов С.О. 1956. С. 8).

Исследования данного комплекса не только рисуют архитектурный облик кузнечной мастерской и жилища кузнеца, но и приводят к одному важному заключению. Рядом со вскрытыми помещениями были расположены многочисленные (более 30) зерновые и хозяйственные ямы, врытые в материк крупные хумхранилища, найдены целые и фрагментированные зернотерки, обломки жерновов, песты и терочки (Кудрявцев А.А. 1987б. С. 17–33,36; Гаджиев М.С. 1988. С. 7). В самом помещении 1, как отмечалось, находились хум, печь для обжаривания зерна и выпечки хлеба, на полу были обнаружены фрагменты зернотерок и ручной мельницы. Весь комплекс находок указывает на значительную роль сельского хозяйства в жизни обитателей городища. Можно считать, что живший и работавший здесь кузнец и его семья активно занимались земледелием. И эти факты могут подтверждать сделанное выше, при рассмотрении гончарного производства, заключение о тесной связи ремесленника с сельским хозяйством. Археологические материалы, таким образом, не дают оснований сделать вывод об оторванности ремесленников от сельского хозяйства, об объединении их в производственные корпорации в Дагестане уже в албано-сарматское время (ср.: Давудов О.М. 1990. С. 30; 1996. С. 293–294). В связи с этим небезынтересно привести достаточно убедительный историко-этнографический факт. Даже в таком специализированном центре металлообработки, как Кубачи, существующем и развивающемся по крайней мере 1500 лет, население которого почти не занималось сельским хозяйством, как об этом свидетельствуют Я.Райнеггс (Reineggs J. 1796. S. 108) и Р.Эркерт (Erckert R. 1887. S. 195), первая производственная корпорация (артель) появилась лишь в советское время. Е.М.Шиллинг, посвятивший обстоятельную монографию кубачинцам и их культуре и специально обративший внимание на этот вопрос, не нашел здесь даже следов цехового устройства (Шиллинг Е.М. 1949. С. 18).

Рассматриваемый период характеризуется широким распространением железных предметов среди населения Дагестана. Если для предскифско-скифского времени изделия из железа все еще представлены единичными экземплярами (и главным образом оружием), то в памятниках албано-сарматского времени они приобретают характер массовых находок, значительно увеличивается их ассортимент, изделия составляют стандартные серии, что может свидетельствовать о развитии железодельного производства и специализации кузнечного ремесла.

Орудия кузнечного дела почти неизвестны, не считая вышеприведенных находок. Для более позднего времени зафиксированы находки кузнечных клешей, зубила, молотка (Маммаев М.М. 1970. С. 11), которые имеют современные этнографические реплики. Консервативный, мало подверженный изменениям характер кузнечного инструментария свидетельствует, что в албано-сарматский период кузнецы, очевидно, пользовались тем же набором орудий труда. Судя по распространению изделий, их широкому ассортименту и высокому качеству, кузнецы обладали всеми необходимыми орудиями кузнечного дела, позволявшими выполнять очень сложные работы по железу. Изучение кузнечного ремесла Урцекского городища показало, что мастера применяли весьма разнообраз-

ные технические приемы и операции по изготовлению железных изделий, такие, как горячая и холодная ковка, сварка, пайка, заклепка, рубка, обрезка, скручивание, изгиб, пробивка отверстий (Маммаев М.М. 1970. С. 10, 11). Исследованиями по технологии изготовления кузнечных изделий установлено, что мастера Кавказской Албании использовали и такие приемы химико-термической обработки, как пакетирование, цементация, термообработка, обеспечивавшие повышение механических свойств изделий, их твердости, износостойкости, упругости (Терехова Н.Н., Мехтиев Т.С. 1988. С. 167–173; Мехтиев Т.С. 1990. С. 16). Об этом свидетельствует и анализ предметов Хабдинского могильника и Аркасского поселения. Кузнецы в своей практике пользовались различными сортами черного металла, хорошо знали их свойства и с помощью различных технологических приемов улучшали качество исходного сырья (Терехова Н.Н., Мехтиев Т.С. 1988. С. 172).

Мастера-кузнецы, по всей видимости, являлись в большинстве своем универсалами, изготавливавшими различные изделия. У нас нет данных о специализации кузнецов по определенным видам выпускаемой продукции для рассматриваемого времени. Хотя очевидно, что навыками изготовления особо сложных в техническом отношении изделий, таких, например, как кольчуги, шлемы, обладали не все мастера, а наиболее искусные, достигшие совершенства в своем деле, которые и выполняли соответствующие заказы. Это стимулировало внутриотраслевую специализацию (ср.: Маммаев М.М. 1970. С. 11, 19; Давудов О.М. 1990. С. 29), которая появляется в Дагестане в раннесредневековый период, например в Зерехгеране (Кубачи).

Обращает на себя внимание тот факт, что на памятниках Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени по сравнению с сопредельными территориями было найдено относительно большое количество кольчуг (точнее, их фрагментов). В настоящее время зафиксировано свыше 20 таких пунктов, в том числе Урсеки, Дербент и др. (Смирнов К.Ф. 1961. С. 210, 217; Атаев Д.М. 1963. С. 174, 178; Исаков М.И. 1966. С. 11. № 106; Маммаев М.М. 1969а. С. 193; Давудов О.М. 1970. С. 100; Котович В.Г. и др. 1976. С. 130; Абрамова М.П., Магомедов М.Г. 1980. С. 133, 134; Магомедов М.Г. 1983. С. 73; Салихов Б.М. 1985. С. 172; 1991. С. 139, 140; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 107). Факт высокой концентрации находок в совокупности с использованием хронологически близких данных письменных источников позволяет говорить о сложении на территории Дагестана в албано-сарматский период центра (или центров) по изготовлению кольчуг (Магомедов М.Г. 1966. С. 140; Маммаев М.М. 1969. С. 163). В VI в. письменные источники уже удостоверяют дагестанскую этнополитическую область «Кольчугоделатели» (перс. *Зерехгеран*), получившую свое название по производственному признаку.

Судя по находкам на поселениях и могильниках, кузнецы изготавливали довольно разнообразный ассортимент изделий из железа и стали, представляющих оружие, доспехи, конское снаряжение, орудия труда, украшения и принадлежности одежды (рис. 61). Вопросы типологии и хронологии изделий кузнечного производства, найденных на памятниках Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени, получили освещение в обобщающих трудах (Маммаев М.М. 1969. С. 154–161; 1969а. С. 190–193; Магомедов М.Г. 1966; Давудов О.М. 1990. С. 14–16; 1996. С. 122–129, 133–134), а также в работах, посвященных конкретным памятникам. В большинстве своем эти изделия находят ши-

рокие аналогии среди предметов, обнаруженных на памятниках Северного Кавказа и всей юго-восточной части Европы.

Из железа и стали изготавливались такие предметы вооружения и конского снаряжения, как мечи, кинжалы, топоры, наконечники стрел, дротиков, копий, колчаные крючки, втоки, панцири, кольчуги, бармицы, шлемы, удила, псалии, бляшки и кольца уздечного набора (рис. 49, 11, 12, 51, 12, 61, 1–4, 10–12, 22–25, 62, 1–10, 12–14, 63). Орудия труда представлены ножами, серпами, топорами, теслами, резцом-ложкарем, шипцами, шильями (рис. 49, 12, 50, 22, 24, 25, 51, 9, 54, 1, 2, 61, 5–8, 13–21). Железо использовали также и как материал для изготовления украшений и принадлежностей одежды, главным образом поясных пряжек. Например, из 82 пряжек, обнаруженных на Урцекских городище и могильниках, 23 (28%) изготовлены из железа, в том числе 5 круглорамчатых (из 20 экз.), 12 овальнорамчатых (из 14 экз.), 3 скульгамы (из 18 экз.) и 2 В-образных (из 6 экз.) (Маммаев М.М. 1969а. С. 206–209). Из железа выковывались и часто встречающиеся головные (и одежные, судя по месту их находок у плечевых костей) булавки со свернутым в узкое кольцо навершием (рис. 51, 4, 61, 6, 7)<sup>54</sup>. Из железа изготавливались и браслеты (что, очевидно, являлось пережитком), судя по находкам двух экземпляров (рис. 51, 6, 7) в грунтовой могиле 2 Урцекского некрополя (Котович В.Г. и др. 1963. С. 45–48. Рис. 176, 4, 5), датированной последними веками до н.э., и в дальнейшем не встречающихся<sup>55</sup>.

Уже приведенный выше перечень предметов, обнаруженных при раскопках, который, конечно же, не отражает весь набор употреблявшихся изделий из железа и стали, свидетельствует о мастерстве кузнецов. А изготовление уникального шлема из Калкнинского могильника III–V вв. (Салихов Б.М. 1985. С. 172, 173. Рис. V) требовало владения подлинным кузнечным мастерством (рис. 63).

Многие из перечисленных предметов представлены различными типами и образуют целые серии, отличающиеся стандартностью форм и размеров, что позволяет рассматривать их, наряду с иными признаками, как продукцию специалистов-ремесленников. В большей мере это относится к предметам вооружения, что, по всей видимости, объясняется не только тем, что данная категория инвентаря значительно чаще встречается при раскопках и в количественном отношении абсолютно преобладает, но и тем, что она занимала ведущее положение в кузнечном производстве. Это не означает, однако, что производству железных орудий труда отводилась второстепенная роль и они не находили широкого применения в быту и хозяйстве. В силу своей специфики железные орудия труда редко встречаются в археологической практике. Исключение составляют ножи, которые представляют собой один из наиболее массовых видов находок железных предметов и также подразделяются на серии стандартных изделий. Особо следует отметить значительное увеличение количества находок и ассортимента орудий труда из железа и стали по сравнению с предшествующими

<sup>54</sup> Массовое изготовление железных булавок (помимо бронзовых), судя по их частым находкам, возможно, находит объяснение в видной роли железной иглы как оберега у кавказских и других народов, в культе железа и железных предметов, которые, по поверьям, обеспечивали благополучие и защищали от действия злых чар и духов (Чурсин Г.Ф. 1927. С. 90, 91; см. также: Гаджиев М.С. 1997в. С. 185–188).

<sup>55</sup> Среди материалов памятников I–VII вв. железные браслеты не представлены, но их находки отмечены в погребальных комплексах VIII–XII вв.; по дагестанским этнографическим данным железные браслеты также играли роль оберега.

шим скифским периодом, в памятниках которого (Шахсенгерский, Хабединский, Берикейский, Мугерганский, Дагбашский могильники) в небольшом количестве представлены только ножи (Пикуль М.И. 1961. С. 142, 143. Табл. VIII, 6, 7; 1967. С. 24, 25, 35, 38. Рис. 4, 4, 10, 9, 10; 1973. С. 39, 49. Рис. 10, 7; Давудов О.М. 1968. С. 16–18, 27. Рис. 2, 1, 9, 3, 5; 1978. С. 129–131. Рис. 3, 16, 17; Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В. 1978. С. 140. Рис. 3, 1). Именно широкое распространение орудий труда из железа было одним из основных факторов, обеспечивших прогрессивное поступательное развитие дагестанского общества в албано-сарматский период. Показателем (и одновременно движущей силой) этого процесса явилось формирование городов, в которых начинало концентрироваться ремесленное производство, и в том числе кузнечное.

**Обработке цветных металлов** также отводилось видное место среди ремесленных производств городищ, что обуславливалось как хозяйственными нуждами, так и растущими эстетическими потребностями и накопительными тенденциями обогащающегося общества. Развитие этой отрасли ремесла основывалось на многовековых традициях местной металлообработки и обеспечивалось использованием многочисленных (ок. 600) рудопроявлений и месторождений медных и полиметаллических руд, на базе которых уже в эпоху ранней бронзы на территории Дагестана сложился мощный очаг древнего металлопроизводства (Котович В.М. 1965. С. 48, 49, 222–229; Котович В.Г., Котович В.М. 1973. С. 77–83; Котович В.Г. 1977. С. 70–74; Магомедов С.М. 1975. С. 26–28; 1976. С. 35, 36; Кореневский С.Н. 1978. С. 39–45; Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н. 1984. С. 7–27; Гаджиев М.Г. 1986. С. 32–49; 1987. С. 6–18; 1991. С. 190–201).

Наличие обработки цветных металлов и ювелирного дела в ранних городских центрах Дагестана документируется находками кусочков шлака, литейных форм, тиглей для плавки цветных металлов.

Две литейные формы происходят с Урцекского городища (Маммаев М.М. 1969. С. 207; 1969а. С. 219–221. Рис. 10, 3, 4; 1970. С. 12). Одна из них (обломок) изготовлена из огнеупорной глины сероватого цвета, односторонняя, на выемках сохранился зеленоватый налет металла. Судя по контурам выемок, данная литейная форма служила для изготовления узких (шириной в один сантиметр) удлиненных пластин, возможно служивших заготовками, и гвоздевидных булавок (Маммаев М.М. 1963. С. 49), подобных обнаруженным на Урцекском некрополе (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1963. С. 35, 39, 48. Рис. 17, 17, 18, 17б, 6), в Карабудахкентском № 1 могильнике (Смирнов К.Ф. 1961. С. 171, 206. Рис. 4, № 272, 31, № 430), Новолакском склепе (Пикуль М.И. 1967. С. 139. Рис. 26, 23) и других памятниках албано-сарматского времени (рис. 50, 18, 19, 51, 3). Другая литейная форма — каменная, односторонняя, предназначалась для отливки плоских бляшек-пуговиц или круглых поясных накладок, аналогичных найденным в Урцеки (Маммаев М.М. 1969а. С. 204, 205. Рис. 5, 7), Буйнакском кургане (Абрамова М.П. 1980. С. 136. Рис. II, 12, V, 36), Дербентском могильнике (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 99. Рис. 11, 12–14).

Один из тиглей, обнаруженных на городище Урцеки, имел форму невысокого (около 9 см) керамического (с примесью шмота) стаканчика с суживающимися к плоскому дну стенками (рис. 64, 2). Сосудик имеет слив и у закраины два отверстия, возможно служивших для захвата или подвешивания (Маммаев М.М. 1969а. С. 220. Рис. 10, 2). Другой тигель (рис. 64, 1), меньшего размера (h = 5 см,

диаметр устья 7,5 см), имел форму круглодонной чашечки с суживающимися стенками (Маммаев М.М. 1969а. С. 220. Рис. 10, 1)<sup>56</sup>.

Последнему близки по форме и размерам два тигля (рис. 64, 3, 4), найденных при раскопках Дербента (Кудрявцев А.А. 1984. С. 13; Гаджиев М.С. 1988. С. 25). Изготовлены они из огнеупорной глины с обильной примесью шамота, размеры их невелики: высота — 4–5 см, ширина — 5–6 см, по форме напоминают чашечки с округлым дном, но с подтреугольным устьем-сливом. Стенки их сильно прокалены и ошлакованы, местами оплавлены, на них остались зеленоватые натеки и налет металла, мелкие крупички бронзы.

Толщина стенок тиглей 0,3–0,7 см постепенно увеличивается ко дну. Объем представленных малых тиглей в форме чашечки составляет 30–40 куб. см, что соответствует вместимости (с учетом запасного пространства) примерно 260–350 г меди (бронзы). Такого количества жидкого металла было достаточно, например, для отливки шести-восьми поясных литых зооморфных пряжек (рис. 54, 25, 26, 65, 22, 23). Объем более крупного тигля составляет 70 куб. см, и он вмещал около 600 г жидкой меди (бронзы). Возможно, он предназначался для отливки более массивных предметов или же большего количества меньших по весу изделий. Эти данные, учитывая время и количество плавок, а также время на последующую обработку изделий или заготовок, могут косвенно указывать на относительную производительность труда мастеров-бронзолитейщиков.

Помимо названных орудий труда известна находка в Урсеки небольших шипчиков (длиной 8 см), которые, как полагает М.М.Маммаев, применялись в ювелирном деле (Маммаев М.М. 1969а. С. 192. Рис. 1, 10). Они представляют собой согнутый вдвое железный стержень с обрубленными концами и петлевидным основанием. В Дербенте, в слоях албано-сарматского времени, найдены заостренные с одного конца железные стержни-пробойники (рис. 61, 5, 8).

На наличие бронзолитейного производства в Дербенте указывает и находка небольшого (объемом 30 куб. см), неправильной формы куска медно-бронзовой крицы высокой плотности (Гаджиев М.С. 1988. С. 25). Она была обнаружена в крупной зерновой яме (№ 6)<sup>57</sup> в восьми метрах к северу от описанного выше «дома кузнеца». Из заполнения ямы происходит многочисленный и выразительный материал. Это бронзовые скульгама (рис. 65, 2), крупный колокольчик пирамидальной формы с железным язычком (рис. 65, 30), железный наконечник копья (рис. 61, 22), кусочек бронзовой пластины, небольшой, плохо обожженный баночный сосуд ручной лепки с грубым тестом, отбитой ручкой и четырехсливным венчиком, обломок керамического штыря, а также многочисленные фрагменты керамической посуды, в том числе сероглиняной, серо- и чернолошеной (Кудрявцев А.А. 1987б. С. 23. Рис. 64, 1–15).

Касаюсь условий находок орудий труда бронзолитейщика на городище Урсеки, следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Затрагивая этот вопрос, М.М.Маммаев, в частности, отмечал, что помещение 7 раскопа 13 (рис. 10), где была обнаружена формочка для отливки бляшек-пуговиц, «не являлось мастерской, так как других находок, связанных с литейным делом, в этом помещении

<sup>56</sup> Тигли подобных форм и размеров в недавнем прошлом использовали дагестанские ювелиры (Материальная культура аварцев. 1967 С. 78).

<sup>57</sup> Параметры ямы (цилиндрическая форма, диаметр 2,3 м, глубина 1,6 м), а также зольно-угольная подстилка дна и скопление крупных и средних камней от перекрытия указывают на ее назначение.

не встречено» (Маммаев М.М. 1969а. С. 220). Также и условия находок других орудий труда исследователь не считал возможным связывать с наличием мастерской бронзолитейщика-ювелира. Однако рассмотрение мест и обстоятельств обнаружения этих и некоторых иных предметов и объектов позволяет иначе взглянуть на этот вопрос.

Действительно, помещение 7, где была найдена литейная форма, не являлось мастерской, а имело складское, хозяйственное назначение. Оно имело трапециевидную форму размерами 7,2 × 1,4 (2,4) м<sup>58</sup> и располагалось на территории цитадели, вдоль крепостной стены, так что последняя являлась его западной стеной. В помещении было обнаружено три хума, девять крышек от хумов, скопления костей осетровых, которые и свидетельствуют о функции данного помещения. Помимо указанных находок в нем были найдены фрагменты тарной и столовой красноангобированной посуды, в том числе обломок крупной миски (рис. 46, 11) с мелкими треугольными вдавлениями на внутренней поверхности дна (Котович В.Г. и др. 1962. С. 57, 58). Архитектурно-конструктивные особенности данного помещения (в частности, отсутствие дверного проема) свидетельствуют о том, что помещение 7 являлось полуподвальным, нижним и вход в него осуществлялся через люк в полу верхнего этажа (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1962. С. 58). Использование нижнего этажа в качестве складского, хозяйственного помещения обычное явление в архитектуре городища Урцбеки и является характерной чертой традиционного старого дагестанского дома.

Судя по конструктивно-планировочным решениям данного участка строей цитадели Урцбеки, помещение 7 составляло с примыкающими к нему с восточной стороны помещениями 8 и 9 один самостоятельный архитектурный комплекс (рис. 10), и связь между ними со всей очевидностью осуществлялась на уровне второго этажа. Целесообразно более подробно остановиться на характеристике данного сооружения, которое мы интерпретируем как «дом мастера-бронзолитейщика». Вместе с тем рассматриваемое здание представляет собой яркий образец двухэтажной жилой архитектуры Дагестана албано-сарматского времени, о которой будет сказано ниже. На архитектурное единство указанных помещений указывает прежде всего то, что помещения 7, 8 и 9 имели общие, одного направления северную и южную стены, отделявшие их от соседних строей.

Помещение 8 (рис. 10) имело трапециевидную, почти прямоугольную форму размерами 5,1 (4,9) × 4,0 (3,5) м. Вход в помещение располагался в восточной стене, в северо-восточном углу, и представлял собой дверной проем шириной в один метр, порог которого был оформлен продолжением кладки нижних рядов стены и возвышался над уровнем пола на 0,65 м. В помещение вела ступенька — массивная плита (0,95 × 0,3 × 0,1 м), под которую было подложено несколько камней для увеличения высоты ступени. В центре помещения *in situ* находилась каменная база столба, поддерживавшего прогон перекрытия. Она представляла собой хорошо отесанный квадратный (со стороной 25 см) в сечении параллелепипед, вкопанный в плотно утрамбованный пол и возвышающийся над ним на 20 см. Рядом с ней лежали фрагменты прогона в направлении запад-восток (вдоль помещения). Здесь же были обнаружены фрагменты жернова и целый нижний диск ручной мельницы (d — ок. 0,6 м).

<sup>58</sup> Здесь за основу взяты чертежные замеры. В тексте отчета приводятся несколько иные данные: 7,5 × 1,85 м.

Прямо напротив дверного прохода в северо-западном углу помещения располагалась печь. Она имела прямоугольную форму (1,2 × 0,6 м) и была выложена из камней на высоту около одного метра. Поверх кладки лежали куски печины, фрагменты керамики, в том числе археологически целых горшка, «гусятники», небольшого кубинна, шаровидного ангобированного сосуда, а также вышеупомянутый стакановидный тигель (рис. 64, 2). Рядом с печью были найдены обломки миниатюрного сероглиняного сосуда-«солонки» и керамических крышек. Вдоль западной стены помещения 8 впритык к печи располагались две емкости, служившие для сброса и сбора золы из печи, образованные названными стенками и тремя вертикально поставленными плитами (Котович В.Г. и др. 1962. С. 58–60; Котович В.Г. и др. 1963. С. 20–22). В помещении 8 были обнаружены также обломок чаши из песчаника со сквозным отверстием на дне<sup>59</sup>, просверленный астрагал, фрагменты керамических ручек, сливных носиков (сопел?), грузило из песчаника, обломок ножа.

Нахождение в помещении 8 печи, обнаружение на ней тигля, находка каменной чаши (вероятно, использовавшейся в производстве), а также расположение помещения первым в структуре дома (у входа в него) и на нижнем этаже позволяют считать его производственным помещением, мастерской.

Помещение 9 (рис. 10) примыкало с юга к помещению 8, и сообщение между ними осуществлялось, очевидно, через дверной проем у западного края смежной стены. Помещение 9 имело почти прямоугольную форму с внутренними размерами 5,15 × 4,65 м. В центральной части находился *in situ* опорный камень-база цилиндрической формы ( $d = 0,23$  м), вкопанный в пол и возвышающийся над ним на 0,12 м. Еще одна база располагалась также *in situ* на одной оси с первой, но ближе к южной стене помещения (в 1,3 м от нее). Она также имела цилиндрическую форму ( $d = 0,35$  м) и возвышалась над полом на 0,4 м (Котович В.Г. и др. 1962. С. 60–64; Котович В.Г. и др. 1963. С. 22–24).

В юго-западной части помещения 9 были расчищены две вертикально установленные, хорошо отесанные плиты (0,5 × 0,45 × 0,15 м, 0,5 × 0,4 × 0,2 м) и вплотную к западной стене небольшая, сложенная из камней тумба (0,35 × 0,6 м,  $h = 0,35$  м). Напротив и соответственно их верхнему уровню в южной стене помещения 9 имелись две небольшие подпрямоугольные ниши, служившие, очевидно, для упора деревянных балок. Указанные архитектурные остатки окаймляли в юго-западном углу прямоугольную площадку размерами около 1,5 × 2,0 м и, возможно, служили основанием для устроенной здесь лежанки-тахты. Но не исключено, что это конструктивные (опорные) остатки деревянной лестницы, ведшей на второй этаж.

Наличие верхнего этажа подтверждается рядом наблюдений и находок в помещении 9. В центральной части и южной половине помещения были расчищены обгоревшие остатки прогонов, лежавших в направлении поперечной оси помещения, и балок, лежавших продольно. Средний диаметр их 0,2 м. В центре помещения поверх балок перекрытия было зафиксировано скопление обожженной глиняной обмазки (печины) и камней, по всей видимости от рухнувшей с верхнего этажа, вместе с перекрытием, печи (Котович В.Г. и др. 1962. С. 62). Здесь следует привести этнографическую параллель и указать, что центральный

<sup>59</sup> Чаша из песчаника с отверстием на дне была обнаружена и в открытой на цитадели Дербента средневековой металлообрабатывающей мастерской (раск. XIII). Назначение таких чаш в технологическом процессе не ясно.

каменно-глиняный очаг (размещенный на верхнем, жилом, этаже, если жилище было двухэтажным, в котором первый этаж отводился под хозяйственные нужды, хлев) был весьма характерен для традиционной жилой архитектуры аварцев и как остаточное явление встречался у других народов Дагестана (Мовчан Г.Я. 1974. С. 13. Рис. 1; Гольдштейн А.Ф. 1974а. С. 127. Рис. 6; Исламмагомедов А.И. 1988. С. 74–77). Другим подтверждением наличия верхнего этажа является находка в юго-восточной части помещения, в завале над полом, еще одной цилиндрической базы ( $d$  — ок. 30 см,  $h$  — ок. 30 см) из ракушечника от опорного столба второго этажа, судя по ее стратиграфическому залеганию (Котович В.Г. и др. 1962. С. 63).

Несколько отступая от темы, отметим, что в завале помещения 9 было отмечено огромное количество кусков глиняной обмазки с примесью соломы, слой серого комковатого суглинки, которые, по мнению авторов раскопок, являются остатками глиняной обмазки внутренних стен помещения (Котович В.Г. и др. 1963. С. 22, 23). Однако повсеместное распределение этих остатков по всей площади помещения и концентрация их в центральной части (там же, с. 24) однозначно указывают на то, что это остатки плоской глиняно-земляной крыши домостроения, столь характерной для традиционной дагестанской архитектуры (Хан-Магомедов С.О. 1956. С. 35; 1961. С. 88). Об устройстве именно таких крыш на городище Урцеки (и других поселениях Дагестана) свидетельствуют и находки каменных катков для уплотнения глиняно-земляного покрытия крыш (Маммаев М.М. 1969. С. 223), аналогичные которым еще недавно использовались в Дагестане.

В северо-западной части помещения 9 на уровне пола были найдены лежащие один на другом диски ручной мельницы, а рядом — донце красноангобирванной чаши со стертыми углублениями на внутренней поверхности (подобной обнаруженной в пом. 7) и небольшой красноглиняный кувшин со сливом (рис. 46, 7) (Котович В.Г. и др. 1962. С. 61, 64). Помимо обломков керамической посуды в помещении 9 также были обнаружены каменные пряслища, фрагмент оселка, две сердоликовые бусины, кусок шлака<sup>60</sup> и бронзовая булавка. Последняя находка примечательна тем, что вблизи от описываемого комплекса помещений 7–9, за стеной цитадели, был найден обломок литейной формы для отливки подобных булавок (о которых сказано выше), возможно выкинутой после того, как она пришла в негодность<sup>61</sup>.

Завершая характеристику комплекса помещений 7–9 раскопа 13, еще раз обратим внимание на те факты, которые позволяют интерпретировать его как «дом бронзолитейщика». Это находки литейной формы в помещении 7, тигля на поде печи в помещении 8 и обнаружение рядом с этими строениями обломка формы для отливки булавок, подобных найденной в помещении 9.

Как мы ранее видели на примере гончарного и кузнечного производств, приведенные выше факты также указывают на существенную роль земледелия в хозяйстве семьи бронзолитейщика-ювелира. Об этом свидетельствуют находки в доме двух ручных мельниц и специально отведенное помещение с крупными тарными сосудами-хранилищами.

<sup>60</sup> Находка шлака в помещении 9 приведена в Лабораторной описи под № 297

<sup>61</sup> Обломок этой литейной формы обнаружен на территории раскопа 14, примыкавшего к раскопу 13, вне вскрытого на нем здания (Котович В.Г. и др. 1962. С. 68–69; Маммаев М.М. 1969а. С. 219) и на расстоянии около 15 м от «дома бронзолитейщика». К сожалению, точное место индивидуальных находок ни на планах, ни в тексте отчетов не приводится.

Интерес вызывает топографическая ситуация «дома бронзолитейщика», а именно расположение его на территории цитадели. Я далек от мысли видеть в мастере-бронзолитейщике ремесленника, работавшего при дворе местного правителя, или рассматривать данный историко-топографический факт как указание на организацию ремесленного производства, подобную средневековым *кархане* (Кикнадзе Р.К. 1962; ср.: Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., Гамзатов Г.Г. 1982. С. 8, 9). Данное явление, как представляется, находит объяснение в особенностях сложения раннего дагестанского города, его исторической топографии. Цитадель представляла собой то структурное историческое ядро города, вокруг которого на базе существовавшего здесь первичного поселения с ростом его территории и экономического потенциала шел процесс градостроения. Подобная закономерность архитектурно-композиционного формирования, сложения внутренней структуры присуща и историческим поселениям Дагестана (Керимов К.Д. 1988. С. 146–153). По всей видимости, обитатели такого первоначального поселения-ядра, превратившегося с территориальным ростом поселения в его архитектурно выделенную цитадель, состояли не только и не столько из представителей высшей знати, сколько из свободных горожан-первопоселенцев (членов городской общины), занимавшихся теми или иными видами производства. По крайней мере историческая топография цитадели Урцеки и интерпретация ее составляющих архитектурных элементов (комплексов) позволяют так полагать<sup>62</sup>.

Возвращаясь непосредственно к теме раздела, отметим, что для характеристики обработки цветных металлов и неразрывно связанного с этим производством ювелирного дела большое значение имеют сами изделия.

Судя по многочисленным находкам, основным металлом, который использовали мастера, являлась бронза. Например, из 27 браслетов, обнаруженных в Урцеки, лишь один серебряный — из круглой в сечении проволоки, с чуть утолщенными концами (Маммаев М.М. 1969а. С. 194–198. Рис. 2, 12), а из 82 пряжек также только одна серебряная — миниатюрная круглорамчатая с двойным полукруглым шитком (там же, с. 206–208. Рис. 6, 22). Многие местные, характерные для территории Дагестана типы изделий, такие, например, как зооморфные пряжки (рис. 53, 25, 26, 65, 20–23), подвески в виде голов животных (рис. 52, 15, 53, 12–16, 72), колокольчики (рис. 52, 3, 53, 4, 5, 64, 21–24), лабрисы (рис. 53, 7), ажурные бляхи (рис. 50, 21, 66, 14–16, 67, 51–55), особые фибулы арбалетного типа (рис. 64, 36) и др., изготовлены исключительно из бронзы. Серебряные и золотые аналогии им отсутствуют (см., например: Маммаев М.М. 1970а. С. 219–222)<sup>63</sup>.

Изделия из драгоценных металлов найдены на памятниках Дагестана рассматриваемого времени в относительно небольшом количестве. К рубежу н.э. относятся серебряные (погр. 58 Карабудахкентского могильника № 1) и золотая (погр. 29 Тарки) спиральные (полтора оборота) височные колечки, серебряные омеговидные и подковообразные подвески из разрушенных погребений могильника Черкез-кутан (рис. 67, 47–49), бронзовые аналоги (рис. 50, 15) которых ха-

<sup>62</sup> Очевидно, что на базе таких первичных поселений вместе с процессом урбанизации, их территориальным ростом и, как следствие, превращением этого исторического ядра в структурную, архитектурно выделенную часть города шел процесс разложения архаической кровнородственной общины (составлявшей население первоначального ядра-поселения) и формирования новой, городской (resp. территориальной) общины.

<sup>63</sup> Исключение — золотая фибула III–IV вв. из Хунзаха (Атаев Д.М. 1963. С. 38. Рис. 6, 10).

рактены для территории Дагестана рубежа н.э. В памятниках второй четверти I тыс. н.э. изделия из драгоценных металлов представлены шире, в основной массе они повторяют формы бронзовых и находят многочисленные аналоги среди памятников Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы в целом. Сюда относятся: золотые и серебряные круглорамчатые шитковые и бесшитковые пряжки, серебряная лучковая фибула, серебряные гладкие и золотые на бронзовой основе с инкрустацией камнями двупластинчатые фибулы, зеркала с центральной петлей из «белого сплава», ременные позолоченная с тиснением и вставкой и серебряные обоймы и наконечники, золотые ухвертка и ногтечистка, серебряные ногтечистка и туалетная ложечка, височные привески-серьги с четырнадцатигранником, золотые круглые, овальные, прямоугольные нашивные бляшки с инкрустацией и часто с окантовкой зернью или псевдозернью, М-образные нашивные украшения и др. (Маммаев М.М. 1969а. С. 199, 215–217. Рис. 4, 14, 7, 2, 9, 10, 11, 13; Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1980. С. 57. Рис. 10, 1, 2, 4–9; Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 78. Рис. 12, 3; Салихов Б.М. 1988. С. 58; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 88–90. Рис. 3, 25; Гаджиев М.С. 1991. С. 119, 124. Рис. 3, 83; Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. С. 102. Рис. 49, 6–9, 11, 16, 18; Гмыря Л.Б. 1993. С. 241–247. Рис. 35, 1–4, 16, 17, 20, 21, 24). Эти предметы, изготовленные из драгоценных металлов, хронологически охватывают диапазон III–V вв., в большей мере IV–V вв. Однозначно определить, какие из них имеют местное происхождение, а какие привозные, трудно. Импортными являются, очевидно, двупластинчатые фибулы (Гаджиев М.С. 1997г. С. 37–42), бронзовые экземпляры которых конца IV — V в. на территории Дагестана представлены только в Буйнакском кургане (Абрамова М.П. 1980. С. 136, 137. Рис. II, 28, III, 35, V, 31, 32) и Паласа-сыртском могильнике (Гмыря Л.Б. 1985. С. 153, 165. Рис. 6, 35), и золотые инкрустированные изделия, имеющие, как полагает И.П.Засецкая и др., боспорские истоки (Мацулевич Л.А. 1926. С. 51, 52; Гайдукевич В.Ф. 1949. С. 425, 426; Засецкая И.П. 1975. С. 26–28). Но не исключено, что некоторые драгоценные полихромные изделия гуннской эпохи (I и II стилистических групп, по И.П.Засецкой) имеют закавказское (иберийское), иранское происхождение (Гаджиев М.С. 1997г. С. 41–42). Наряду с этим отметим, что обнаруженные на территории Дагестана бронзовые двупластинчатые фибулы обладают специфическими чертами (своеобразная форма шитков, головки и ножки), отличающими их от синхронных фибул других регионов, где они получили распространение в гуннскую эпоху. И эти признаки позволяют считать их изделиями местного производства, следовавшего за общеевропейской модой.

Большая часть золотых инкрустированных и других драгоценных изделий с территории Дагестана происходит из Ирагинского склепа и может указывать на их концентрацию в руках местной знати, а не только кочевнической, как об этом можно судить по находкам в Утамышском кургане 2 (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1980. С. 55–59). Если ирагинские и утамышские инкрустированные изделия, судя по технике исполнения и аналогиям, можно считать импортными, то урцекская и таргунская находки, возможно, являются местными подражаниями. Позолоченная обоймица из склепа 3 некрополя Урцеки (Маммаев М.М. 1969а. С. 211, 212. Рис. 7, 2) имеет фигурный конец и окантована точечным чеканным узором, имитирующим зернь (рис. 52, 29). По краям фигурного конца расположены S-образные фигуры, выполненные в той же технике,

а в центре — четырехугольное гнездо с красным камнем, также обрамленное выпуклыми чеканными точками. Подобной формы обоймы, но гладкие бронзовые происходят из Урцекского могильника (Маммаев М.М. 1969а. С. 211, 212. Рис. 7, 3, 4) и Паласа-сыртского кургана № 20 (Гмыря Л.Б. 1985. С. 153, 165. Рис. 6, 20; 1993. С. 243–245. Рис. 35, 22, 23). Эти аналогии позволяют датировать урцекскую обоймицу IV–V вв., а учитывая ее связь с «гуннским» стилем, возможно, уже, концом IV — V в. Эту дату подтверждают и другие показательные находки из склепа 3: серебряная и бронзовая подвески ( $d = 2,5$  см) с четырехгранником, фрагмент бронзового зеркала с рельефным валиком по краю, костяные трехгранные черешковые наконечники стрел (Котович В.Г. и др. 1960. С. 56–60. Рис. 110).

Золотая инкрустированная бляшка, точнее ее обтяжка, из раскопа 6 городища Таргу (Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 78. Рис. 12, 3) имеет полукруглую форму с загнутыми краями для крепления к бронзовой основе. По бордюру она имеет тонкие тисненные рубчатые полосы, а центральное поле украшено четырьмя мелкими камнями (гранат?) подтреугольной формы в напаянных гнездах из согнутой ленточки. Такие художественный стиль и техника характерны для гуннской эпохи (Минаева Т.М. 1951. С. 294–296; Засецкая И.П. 1975; Амброз А.К. 1989. С. 23, 24), что и позволяет датировать таргунскую бляшку V в.

Об освоении техники инкрустации местными мастерами свидетельствуют и хронологически более ранние находки из Дербента. Из погребения 10, датированного I–II вв.<sup>64</sup>, происходит серебряное кольцо (рис. 64, 5) с укрепленной в держателе голубой пастовой бусиной-скарабеидом (Кудрявцев А.А. 1985. С. 133. Рис. 4, 37), возможно имитирующее «сарматский» стиль, для которого характерно использование для инкрустаций бирюзы и цветной пасты. К рубежу н.э. относится кольцо (рис. 64, 6), найденное в погребении 24 (там же, с. 135. Рис. 4, 65). Оно отличается довольно тонкой работой: кольцо из серебряной проволоки имеет несомкнутые концы и напоминает стилизованное изображение змеи — один конец его утоншен и заострен, другой — раскован, образует плоскую круглую площадку. К площадке бронзовым штифтом прикреплена золотая бляшка ( $d = 0,7–0,8$  см), представляющая округлую тончайшую пластинку с напаянным гнездом-держателем с вставкой-гранатом (альмандин), окантованной мелкой (0,7–0,8 мм) зернью. Правда, нельзя исключать, что это кольцо, а также вышеупомянутые позолоченная обоймица из Урбеки и золотая обтяжка бляшки со вставками из Таргу являются импортными изделиями — при нынешней разработке вопроса судить о месте производства этих предметов весьма трудно.

Оригинальна и брошь (рис. 64, 31) из погребения 6, относящегося к III–IV вв. (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 106, 107. Рис. 17, 75). Она имеет бронзовую пластину-основу с закрепленными скобочками на оборотной стороне бронзовыми пружинной иглой и держателем. С лицевой стороны брошь обтянута тисненым серебряным листком, края которого загнуты под пластину.

<sup>64</sup> В погребении 10 было обнаружено только приводимое кольцо. Но вместе с погребением 9 оно представляет один погребальный комплекс. В погребении 9 помимо прочего инвентаря находилось небольшое зеркало-подвеска с шпичкой в центре оборотной стороны диска и ручкой-петелькой. Эта находка ни в отчете о раскопках, ни в публикации не фигурировала, так как была сильно фрагментирована и корродирована и, как следствие, не определена как предмет. Лишь позднее удалось эту находку отреставрировать и определить.

Форма броши прямоугольная (25 × 33 мм), по краю идет бордюр из мелких рубчатых насечек. В центре броши круглая зеленоватая стеклянная вставка, которая закреплена не напаянным ленточным гнездом, а удерживается бронзовой пластинкой-основой и чуть меньшим по диаметру приподнятым вырезом-гнездом в серебряном листе. Вставка также окантована прямоугольным бордюром из коротких частых насечек. Пространство между бордюрами по периметру заполнено рельефными пунсонными кружками с точками.

По своим художественным элементам, декору дербентская брошь находит параллели среди «гуннских» изделий (рубчатая окантовка, тисненные точки, колечки). Но, как представляется, к ней ближе в художественном и техническом исполнении инкрустированные древности типа Кишпека, для которых А.К.Амброз предложил дату не конец IV — V в., как полагал Р.Ж.Бетрозов (Бетрозов Р.Ж. 1980. С. 113–122), а вторая половина III в. н.э. (Амброз А.К. 1989. С. 23–27. Рис. 1). Их объединяют не только названные детали декора, но и оригинальное использование всего пространства, а также способ крепления вставок вырезом гнезда в обкладочном листе.

В подражание «сарматскому» полихромному стилю, очевидно, сделаны бронзовые накладка из Калкнинского могильника III–V вв., в которой для инкрустации использованы темно-голубые, белые, коричневые стекла и белая паста (Салихов Б.М. 1985. С. 174, 182. Рис. II, 11), а также пряжка из Сумбатлинского могильника, инкрустированная разноцветной пастой (Давудов О.М. 1977. С. 117, 129. Рис. IV, 20). Вместе с тем оба эти предмета с перегородчатой инкрустацией, возможно, являются местными имитациями золотых изделий в технике клуазонне, хотя не исключено и их иноземное происхождение.

Использование драгоценных металлов местными ювелирами подтверждается и рядом других данных. Так, происходящие из Ирагинского склепа золотые зубчистка и ухвертка, как считает О.М.Давудов, имеют дагестанское происхождение (Давудов О.М. 1979. С. 185, 186). Доводом для такого заключения, по мнению исследователя, может служить оформление их наверший в виде 14-гранника — куба со срезанными углами. Такая декоративно-художественная форма получила широкое распространение в Дагестане в IV–V вв.: подобными 14-гранниками оформлялись особенно многочисленные височные подвески, серьги (рис. 52, 2, 3, 60, 9, 10), а также арбалетного типа фибулы (рис. 64, 36), туалетные ложечки, головные булавки (Zakharov A.A. 1930. P. 128. III. 27; Атаев Д.М. 1961. С. 245. Рис. 25, 7, 10; 1963. С. 69, 70. Рис. 6, 4, 7; 1963а. С. 231–235; Маммаев М.М. 1969а. С. 213, 214. Рис. 8, 9; Абрамова М.П. 1980. С. 137. Рис. II, 27; Абакаров А.И. 1986. С. 140. Рис. 1, 56, 59; Пикуль М.И. 1991. С. 171, 177. Рис. 4, 6; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 106. Рис. 17, 63). Такую же форму имели бронзовые бусины III–V вв., которые, как и бронзовые кубические, округло-ребристые, цилиндрические, бородавчатые и иные (Маммаев М.М. 1969а. С. 200, 204. Рис. 5, 12, 13, 16; Салихов Б.М. 1985. С. 174. Рис. II, 3; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 96, 97. Рис. 9, 42, 46, 57; Абрамова М.П. 1980. С. 138. Рис. II, 34–37, V, 28; Абакаров А.И. 1986. С. 140. Рис. 1, 43, 44), являлись местными металлическими подражаниями (рис. 53, 27–29) импортным стеклянным.

Особо следует остановиться на таком типе изделий, как височные привески (серьги) с многогранником, которые в дагестанских комплексах IV–V вв. составляют обычную находку. В основном они бронзовые, но встречаются и серебря-

ные. Например, из 18 таких привесок, выявленных в Урцекских могильнике, некрополе и городище, пять сделаны из серебра (Маммаев М.М. 1969. С. 175; 1969а. С. 199, 201. Рис. 4, 14), а в Гапшиминском могильнике из 20 экземпляров — две также серебряные (Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. 1961. С. 274, 278. Рис. 3, 3, 4). Еще в 1963 г. Д.М.Атаев, посвятивший им специальную статью, высказал мысль о дагестанском их происхождении, основываясь на многочисленности, долговременном бытовании и вариативности их в Дагестане (Атаев Д.М. 1963. С. 50–57; 1963а. С. 231–235). Это мнение было принято исследователями. Но позднее А.К.Амброз высказал сомнение относительно этой точки зрения. Основанием послужило общепринятое мнение о широком распространении этого типа украшений в гуннскую эпоху и неверное представление о том, что дагестанские находки «гораздо моложе (с VII в. и позже)», за исключением, возможно, подобной серьги из Паласа-сырта. «Поэтому, — заключил автор, — северокавказское происхождение серег с многогранником пока ничем не доказывается» (Амброз А.К. 1989. С. 33, 34). В подтверждение своего взгляда А.К.Амброз привел и точку зрения В.Бирбрауэра, согласно которой серьги с 14-гранником возникли в среде местного населения римских провинций (Bierbrauer V. 1975. S. 162–165, 244–248. Abb. 14; цит. по: Амброз А.К. 1989. С. 34).

По этому поводу следует сказать, что вне поля зрения исследователя остались хорошо датированные комплексы IV–V вв. Буйнакского могильника (Абрамова М.П. 1980. С. 137–139. Рис. II, 4, 5, III, 26–28, V, 5) и неопубликованные материалы из комплексов III–V вв. Цыйшинского и Урцекских могильников, где были найдены эти предметы (Котович В.Г. и др. 1960. С. 56–60. Рис. 110а; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 82–86. Рис. 144, 34, 145, 18, 19; Котович В.Г. и др. 1962. С. 82. Рис. 101а, 13; Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 24–41. Рис. 20, 21). Важно отметить, что Дагестан не только входит в зону их первоначального распространения, но и остается местом высокой концентрации находок их. Другим важным моментом, на который уже указывалось выше, является использование этого декоративного элемента (многогранника) в иных типах изделий, характерных для территории Дагестана и встреченных в памятниках III–V вв. Причем особого внимания заслуживают многочисленные находки разнообразных бронзовых бус — местных подражаний стеклянным, среди которых основную массу составляют 14-гранники в комплексах позднесарматского времени (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 96, 97. Рис. 9, 57) и IV–V вв. (Абрамова М.П. 1980. С. 138. Рис. II, 34–37, V, 28). По обоснованному мнению М.П.Абрамовой, именно широкое распространение во II–IV вв. 14-гранных стеклянных и каменных бус послужило причиной появления и распространения в IV–V вв. металлических литых привесок с 14-гранной бусиной (Абрамова М.П. 1980. С. 138, 139). Сказанное позволяет оставить в силе мнение Д.М.Атаева о дагестанском очаге их происхождения. Распространение же этих привесок с V в. на обширной территории находит объяснение в чрезвычайно возросших политических, торгово-экономических, культурных контактах в эпоху Великого переселения народов, обусловивших сложение и быстрое распространение общеевропейской моды, о чем не раз писали исследователи.

Использование местными ювелирами серебра находит подтверждение и в находках уже упоминавшихся серебряных экземпляров сугубо местных подковообразных, омеговидных подвесок (Котович В.Г. и др. 1962. С. 75. Рис. 103а, б;

Гмыря Л.Б. 1985. С. 155, 166. Рис. 7, 5), а также характерных для Дагестана височных колец в полтора оборота (Смирнов К.Ф. 1961. С. 187, 206. Рис. 31, № 427; Давудов О.М. 1977. С. 117. Рис. IV, 2), витых гривен (Маммаев М.М. 1969а. С. 197, 198. Рис. 3, 4). Золотое височное кольцо в полтора оборота найдено в погребении 29 рубежа н.э. Таркинского могильника (Смирнов К.Ф. 1953. С. 237, 262. Рис. 18, 6), а из Хунзаха происходит золотая арбалетовидная фибула местного типа III–IV вв. (Атаев Д.М. 1963. С. 38. Рис. 6, 10). К этому списку следует добавить биметаллические зеркала, одним из основных компонентов сплава которых являлось серебро ( $Cu \geq 50\% \geq Ag$ ). Находки литейных форм для изготовления зеркал с центральной петлей, сделанные в Ялхой-Мокхе (Маммаев Х.М. 1980) и на Паласа-сыртском поселении (Гмыря Л.Б. 1990; 1990а), позволяет назвать Северо-Восточный Кавказ одним из центров их производства. Исследователи (П.Рау, Е.П.Алексеева, М.П.Абрамова, Т.Б.Барцева и др.; см. последнюю работу: Косяненко В.М. 1988. С. 57, 58) не раз указывали и на кавказское происхождение более раннего типа зеркал-подвесок с шишечкой в центре оборотной стороны диска и ручкой-петелькой (рис. 66, 1). Среди таких зеркал, обнаруженных в Дагестане, также имеются экземпляры, отлитые из биллона (Давудов О.М. 1977. С. 117. Рис. IV, 1, 11).

Следует отметить, что такие названные типы изделий (не только серебряные, но и бронзовые), как гривны (рис. 66, 11–13), зеркала (рис. 66, 1–4), а также литые зооморфные пряжки (рис. 65, 20–23), перстни (рис. 64, 5–10), были найдены далеко не в каждом погребении, а, как правило, только в относительно богатых комплексах первой половины I тыс. н.э. Выступая социальными символами, эти предметы, помимо суммарного количественного состава погребального инвентаря, отмечающего имущественное положение, определяли высокий прижизненный социальный статус их хозяев (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 112). В предшествующий период (IV–II вв. до н.э.) такая роль социального индикатора возлагалась и на массивные бронзовые литые ажурные бляхи (рис. 66, 15, 16, 67, 53–55), судя по находкам в богатых погребениях Шаракунского могильника (Пикуль М.И. 1961. Рис. 90, 6; Давудов О.М. 1974. С. 155, 164, 182. Табл. XII, 13, 14; Маммаев М.М. 1989. С. 192. Рис. 30, 2), а также в Урцекском некрополе (Котович В.Г. и др. 1963. С. 38, 41. Рис. 7, 19; Маммаев М.М. 1989. С. 192. Рис. 30, 1) и могильнике Черкез-кутан.

Эти данные вместе с тем указывают на сохранение роли бронзы (и изделий из нее) как имеющего материальную ценность металла. О том же свидетельствует и Шаракунский клад бронзовых изделий (Гаджиев М.С. 1990а. С. 53–58; 1999. С. 152–160). Небольшой, но весьма представительный по составу клад включал в себя восемь браслетов, витую гривну, гладкостенные фиал и бокал, зооморфный сосуд и монеты (рис. 68, 69). Последние представлены пятнадцатью однотипными медными монетами Птолемея III Эвергета (246–222 гг. до н.э.). Однородная по составу нумизматическая часть клада служит довольно надежным критерием для установления времени зарытия клада и определения *terminus ante quem* входящих в его состав изделий. Это вторая половина III в. до н.э., возможно самое начало II в. до н.э. Изделия из клада наглядно характеризуют уровень бронзолитейного дела и обработки цветных металлов.

Среди предметов Шаракунского клада особого внимания заслуживает бронзовый зооморфный сосуд в форме коня, на спине которого расположена высокая раструбовидная горловина. (рис. 69). Он представляет собой уникальный

образец древнего бронзолитейного производства, изделие большой художественной ценности (Гаджиев М.С. 1990а. С. 53–58). Его размеры таковы: высота 15 см, длина 11,5 см, диаметры овального устья 8–8,4 см, нижней части горловины 4,3–5 см, толщина стенок 0,5–1,3 мм. Сосуд был отлит по восковой модели, после чего обработан, но не тщательно: не очищен полностью от заусениц, край горловины имеет неровности, по бокам нижней части туловища коня не полностью удалены выступы, очевидно от литников. После отливки он был украшен: отдельно изготовленные детали орнамента в виде двойных спиралей, петелек, елочного и шнурового кантов были припаяны.

Сосуд имеет законченную конструктивную форму, выглядит выразительно и художественно. Отдельные элементы фигуры коня (тело, голова, ноги), в отличие от известных керамических реплик, вполне соразмерны. Несмотря на некоторое непропорциональное соотношение двух основных частей сосуда — фигуры коня и бокаловидной горловины, изделие представляет цельный художественный образ.

Фигура коня дана в статичной позе, ноги слегка сведены и направлены друг к другу, подобно статуэткам коней, датируемым серединой I тыс. до н.э., из культовых мест Дагестана (Круглов А.П. 1946. С. 38–40. Рис. 15, 16). Туловище коня объемное, полое, голова и шея же плоские, причем голова сильно стилизована. Голова коня напоминает стилизованные изображения голов животных на пряжках бежтинского типа — такие же расширенные лобная и передняя части морды (Атаев Д.М. 1962. С. 150–156; Давудов О.М. 1974. С. 106–120). Тонкой проволокой, протянутой от груди и раздвоенной у морды коня, изображена уздечка. Уши переданы двумя петлями; грива обозначена орнаментальным шнуровым кантом, огибающим поверху шею коня; хвост плавно опущен; фалл и копыта выделены. Грудь коня украшает нагрудник, представляющий рельефную двойную ленту с насечками, образующими елочный орнамент. С ленты свисают десять петель. На шее животного с обеих сторон расположено по две туго скрученных рельефных двойных спирали. Такими же спиралями окантована и горловина сосуда: в верхней части, у устья, — десятью спиралями, в нижней — шестью. Спирали усиливают декоративную выразительность изделия.

Сосуды в форме животного, на спине которого расположена горловина, но исполненные в глине, известны на Кавказе, главным образом в Закавказье, где они бытуют от конца II тыс. до н.э. до середины — последней четверти I тыс. до н.э. (Уварова П.С. 1890. С. 244. Рис. 199, 200; Погребова М.Н. 1977. С. 95–99. Табл. XX; Abramischwili R. 1995. S. 28–29. Abb. 11, 1–3, 8, 12, 19). К парфяно-сасанидскому времени относятся подобные сосуды с территории Гиляна и Иранского Азербайджана (Iranian Pottery. 1978. № 43–45). В Луристане они известны как в глине (Древности страны луров. 1992. С. 57. № 130), так и в бронзе (Погребова М.Н. 1977. С. 98): в частности, рассматриваемому изделию типологически близок сосуд VI в. до н.э. из коллекции Сторов, изображающий двух козлов à la «тяни-толкай», с такой же горловиной на спине (Catalogue of the International Exhibition... 1931; An Illustrated Souvenir... 1931. P. 7).

На территории Кавказа это первая находка подобного бронзового сосуда. В отличие от своих керамических реплик он имеет крупную, высокую горловину, что, очевидно, объясняется назначением сосуда: если керамические изделия в большинстве своем — водолеи, то данное изделие предназначено для питья и близко к типу ритонов или бокалов. В этом плане ему близки реалистически

выполненный афинским керамистом Сотадесом ритон V в. до н.э. из гробницы в Мероз, имеющий форму коня, на спине которого расположена раструбовидная горловина, слитая с фигурой восседающей амазонки (Smith W.S. 1946. P. 159. Fig. 107), бронзовый ритон в форме кентавра III–II вв. до н.э.(?) из Северного Пакистана (Ashmolean Museum... 1954. Pl. 1; Jettmar K. 1979. P. 921–925. Fig. 6), керамические ритоны в форме коня из зоны Ардебиля (Tresors de l'ancien Iran. 1966. P. 109. № 563, 564. Pl. 41; Bunker E.C., Chanwin C.B., Farkas A.R. 1970. P. 35, 52. № 12). Из ближайших же территориально, этнокультурно и хронологически аналогов — это керамический сосуд в форме коня из Мингечаура (Голубкина Т.И. 1951. С. 110–111. Рис. 8) и зооморфный сосуд из Хыныслы (Северо-Восточный Азербайджан) последней четверти I тыс. до н.э. (Халилов Дж.А. 1962. С. 212. Рис. 2, 4), имеющие близкие размеры и высокую горловину. Весьма близок шаракунскому сосуду как по форме, так и по технике исполнения, художественному оформлению бронзовый ритон в виде коня с высокой горловиной на спине IV в. до н.э., выставленный в экспозиции «Ахеменидский Иран» Женевского музея искусства и истории. Можно не сомневаться в том, что древний мастер-бронзолитейщик, создавший рассматриваемый нами сосуд, был хорошо знаком с похожими керамическими и металлическими образцами.

Высокий уровень художественной обработки бронзы позволял древним мастерам Кавказа изготавливать уникальные изделия, подобные сосуду из Шаракунского клада. В качестве примеров, близких в техническом исполнении к рассматриваемому сосуду, можно привести известные кобанские бронзовые ритоны (Крупнов Е.И. 1960. Табл. LIII; Козенкова В.И. 1982. Табл. XLI; Доманский Я.Б. 1984. Ил. 1, 2) и бронзовую полую статуэтку коня из культового места у сел. Гагатль (Круглов А.П. 1946. С. 38, 39. Рис. 15; Давудов О.М. 1974. Табл. XIV, 7). О местном, дагестанском происхождении сосуда из клада свидетельствуют и художественные особенности изделия. Такие элементы орнамента, как рельефные туго скрученные двойные спирали, канты в виде «елочки», «шнура», получили повсеместное распространение на Кавказе в I тыс. до н.э., но особенно часто они встречаются наряду с орнаментальными петлевыми элементами декора на предметах восточного варианта кобанской культуры второго этапа ее развития (Козенкова В.И. 1982. Табл. XXX, 8, 12, 13, XXXI, 2-8, 10, 11, XXXIII, 3, 4, 79). Известны эти орнаментальные мотивы и на Северо-Восточном Кавказе в скифское время (Виноградов В.Б. 1972. Рис. 52, 10, 60, 1, 66, 5, 6). Однако, как ныне представляется, широкое распространение в Дагестане в бронзолитейном производстве данные детали орнамента получили во второй половине I тыс. до н.э. На это указывают прежде всего находки бронзовых ажурных блях (о которых говорилось выше), происходящих из погребальных комплексов IV–II вв. до н.э. Шаракунского, Урцекского, Черкезкутанского могильников (рис. 50, 21, 64, 15, 16, 67, 53–55). В частности, все элементы орнамента — двойные спирали, «елочка», «шнур», «петли», присутствующие на зооморфном сосуде из Шаракунского клада, представлены вместе на умбовидной бляхе (рис. 64, 16) из погребения 15 (IV–II вв. до н.э.) Шаракунского могильника (Пикуль М.И. 1961. Рис. 90, 6; Давудов О.М. 1974. Табл. XII, 13; Маммаев М.М. 1989. Рис. 30, 1).

Сказанное позволяет довольно надежно отнести ко второй половине I тыс. до н.э., возможно уже, к IV–II вв. до н.э., найденные вне комплексов двучастные

ажурные прямоугольные пряжки из Хабады и Согратля (Давудов О.М. 1974. С. 74. Табл. XVIII, 17, XIX, 57, 63; Маммаев М.М. 1989. Рис. 29), имеющие аналогичные орнаментальные детали<sup>65</sup>.

Хабадинская и согратлинская пряжки схожи с поясной пряжкой из погребения 2 (I в. до н.э.) могильника Сакобо (Лагодехский район Грузии) ялойлутепинской (алазанской) культуры (Чилашвили Л.А. 1974. С. 131, 132, 137. Рис. 15). Весьма близки им (по форме, конструкции, деталям декора, композиции) и пряжки из памятников Юго-Восточной Чечни, предварительно датированные V–I вв. до н.э. (Петренко С.А. 1984. С. 35–43). К сказанному следует добавить, что в январе 1998 г. мне довелось увидеть набор вещей, происходящих из недавно разрушенных погребений близ сел. Ялхой-Мокх (Ичкерия), среди которых имелись три ажурные прямоугольные пряжки, орнаментированные «псевдошнуром», «стрелками», «спиралями», «петельками», аналогичные ранее известной пряжке из Ялхой-Мокха и пряжкам из района Ведено (там же, рис. 1, 11, 2, 11, 12). В этот же набор входили два железных меча без перекрестия, с серповидным навершием, IV–II вв. до н.э., четыре длинновтульчатых железных наконечника копий, пять бронзовых головных булавок с витым стержнем и раскованным подтреугольным навершием со свернутым в трубочку концом, бронзовая фигурка оленя с петлей для цепочки, алебастровые дисковидные пряслица, 15 бронзовых браслетов, гривна (в два оборота), оселки, бусины и другой инвентарь. Хронологически показательные мечи указывают на правильность датировки этих пряжек второй половиной I тыс. до н.э. и уже — раннесарматским временем.

Приведенный выше обзор показывает, сколь широк и разнообразен был ассортимент изделий, изготовленных из цветных металлов и представлявших украшения, предметы одежды, туалетные принадлежности и др.<sup>66</sup>. Судя по находкам из Шаракунского клада, изготовлялась и бронзовая посуда. Помимо нее с городища Урцеки (из заключительного слоя середины I тыс. н.э.) происходит фрагмент закраины бронзового кованого блюда ( $d = 22$  см) (Маммаев М.М. 1969а. С. 211, 222. Рис. VII, 7), а из Дербента из комплекса первых веков н.э. — небольшая бронзовая круглодонная чашечка ( $d$  — ок. 5 см), изготовленная из цельного листа (толщиной 1,5 мм) техникой давления и украшенная глубокими каннелюрами (рис. 65, 28).

Как можно судить по находкам фрагментов бронзового шлема в Калкнинском могильнике III–V вв. (Салихов Б.М. 1985. С. 172), этот металл отчасти находил применение и при изготовлении доспехов. В другом шлеме, железном (рис. 63), из этого же могильника бронза употреблена в качестве вспомогательного и декоративного материала: бронзовые заклепки зигзагообразно соединяли железные пластины, а небольшой наносник и надбровные дуги шлема были окаймлены тонкой листовой бронзой (там же, с. 172, 173, 185. Рис. V). Здесь следует отметить, что кузнецы для декоративной отделки изделий использовали и другие материалы: в Буйнакском кургане обнаружено железное перекрестие меча, инкрустированное в технике клуазонне цветными стеклянными вставками,

<sup>65</sup> Подобная поясная пряжка изображена на бронзовой женской статуэтке из Тинди (Давудов О.М. 1974. С. 84, 85. Табл. XVII, 5), что позволяет синхронизировать эти находки.

<sup>66</sup> Вопросы типологии бронзовых изделий Дагестана рассматриваемого времени нашли отражение в литературе (Атаев Д.М. 1963. С. 50–70; Маммаев М.М. 1969а. С. 194–217; Давудов О.М. 1990. С. 16–18; 1996. С. 134–154).

отделенными друг от друга бронзовыми листовыми перегородками, и представляющее подражание подобным инкрустированным изделиям IV–V вв. (Абрамова М.П. 1980. С. 127, 128. Рис. VII, 26); из Дербента (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 97–99. Рис. 11, 23) и Урзеки (рис. 44, 15) происходят халцедоновые диски-навершия престижных мечей позднесарматского и гуннского времени.

Как в кузнечном производстве находила некоторое применение бронза, так и при изготовлении ряда бронзовых предметов мастера использовали железо. Например, некоторые бронзовые поясные пряжки и головные (одежные) булавки имеют железные язычки и иглы (рис. 51, 5, 65, 12, 13, 19), бронзовые колокольчики — железные язычки (рис. 65, 30); бронзовый круглый орнаментированный фалар IV–II вв. до н.э. из могильника Черкезкутан (рис. 62, 11) имеет припаянное железное кольцо для крепления уздечного ремня. Очевидно, эти факты служат свидетельством сохранения производственной традиции изготовления биметаллических (из черного и цветного металла) предметов, освоенного в начале I тыс. до н.э. на Северном Кавказе, и в Дагестане в частности (Котович В.Г. 1978. С. 110–123; там же см. библиографию), а также существования мастеров, в равной степени владевших кузнечным делом и обработкой цветных металлов, хотя археологические материалы указывают на выделение самостоятельных кузнечного и бронзолитейного (ювелирного) ремесел, требовавших специальных навыков, опыта. В этом аспекте интересна упомянутая выше находка в Дербенте бронзовой крицы в хозяйственной яме, территориально связанной с жилищно-производственным кузнечным комплексом рубежа — первых веков н.э.

Можно полагать, что подобное совмещение мастерами трудовой деятельности по обработке цветных и черных металлов было традиционным. В качестве примеров предшествующего периода приведем кинжал с железным клинком, бронзовой рукоятью «кабардино-пятигорского» типа и бронзовыми листовыми ножами из Хосрехского святилища VIII — первой половины VII в. до н.э. (Давудов О.М. 1983. С. 49, 50. Рис. 6, 1), железный кинжал с ножами из листовой бронзы из погребения VII в. до н.э. Мугерганского могильника (Давудов О.М. 1980а. С. 64. Рис. 1, 24), фрагмент литых орнаментированных бронзовых ножен с обломком вставленного в них железного кинжала из Макинского могильника V–IV вв. до н.э. (Котович В.Г. 1959. С. 139, 141. Табл. VII, 24).

Нередки находки кинжалов и мечей вместе с остатками деревянных ножен, иногда со следами кожаной или матерчатой обтяжки. Конечно, мы не располагаем археологическими данными об изготовлении одним мастером и клинка, и ножен кинжала или меча. Тем не менее дагестанские этнографические параллели дают повод для размышлений. Например, в отличие от кубачинцев, практиковавшихся на художественной ювелирной обработке деталей холодного оружия (рукояти, ножен), и амугинцев, специализировавшихся на изготовлении клинков (Шиллинг Е.М. 1949), казикумухские мастера помимо клинков сами изготавливали и деревянные ножны, и кожаную обтяжку их, и серебряную оправу (Габиев Д. 1958. С. 220).

Анализ многочисленных и разнообразных предметов с городищ и могильников Дагестана албано-сарматского и гуннского времени показывает, что при обработке изделий древние мастера пользовались самыми различными и довольно сложными техническими приемами, такими, как литье по восковой модели и в жесткой форме,ковка и чеканка, резьба и давление, зернь и скань, инкрустация, полировка и др. (Маммаев М.М. 1969а. С. 219–224; 1970. С. 12, 13;

Гаджиев М.С. 1988. С. 26; Давудов О.М. 1996. С. 288–289). В числе технологических приемов, которыми владели мастера, важное место занимали переплавка и легирование необходимыми примесями. Ведущее положение среди рецептов сплавов цветных металлов занимали оловянистые бронзы, медно-оловянисто-свинцовые и медно-оловянисто-свинцово-мышьяковистые сплавы (Барцева Т.Б. 1974. С. 27–30)<sup>67</sup>. Спектрально-аналитическое исследование состава металла изделий Шаракунского клада выявило содержание в них искусственных добавок олова, свинца, сурьмы ( $\text{Sn} > \text{Pb}$ ,  $\text{Sb} > 1\%$ ). Все предметы клада составляют относительно однородную группу сложных медно-оловянисто-свинцово-сурьмянистых сплавов (табл. 1). Обращает внимание отсутствие в сплавах лигатуры цинка и мышьяка, что весьма отличает их от бронзовых изделий более западных областей Северного Кавказа и сближает с закавказскими типами сплавов (там же, с. 27–32).

Мастера по обработке цветных металлов работали, очевидно, как на рынок, так и на заказ. К «рыночным» изделиям могут быть отнесены многие категории предметов из бронзы, которые представлены относительно большим числом экземпляров: проволочные и пластинчатые браслеты, кругло- и овальнорамчатые пряжки, зооморфные пряжки, сьюлгамы, лучковые и арбалетовидные фибулы, височные привески, зооморфные подвески, лунницы, колокольчики, головные и одежные булавки, зеркала. Некоторые типы изделий, как, например, сьюлгамы, плоские круглые пластинчатые пряжки, кругло- и овальнорамчатые пряжки с простыми шитками и без таковых, лучковые подвязные фибулы, ажурные подвески, зеркала с центральной петлей и др., имеют недагестанское, некавказское происхождение, но можно не сомневаться, что на месте было освоено их широкое производство (см., например: Абрамова М.П. 1980. С. 143). Обращает на себя внимание стандартность форм и размеров названных категорий инвентаря, что позволяет говорить об их серийности и ремесленном производстве.

На заказ, очевидно, производились многие виды изделий из благородных металлов, предназначенные для определенной социальной категории населения. Несомненно, что по индивидуальным заказам выполнялись и такие отличающиеся своей индивидуальностью бронзовые изделия, как литые ажурные бляхи или же зооморфный сосуд из Шаракунского клада и др.

Достаточно высокий уровень металлообработки, довольно сложная техника производства изделий, требовавшая продолжительного и квалифицированного труда, широкое распространение в быту изделий из металла и в особенности из железа, отразившие возросший на них спрос и увеличение производства, свидетельствуют об определенной специализации в металлообработке — выделении самостоятельных кузнечного дела и ремесла по обработке цветных металлов (бронзолитейного и ювелирного). Вместе с тем приведенные категории бронзового инвентаря, отличающиеся стандартностью и серийностью, в большей мере хронологически относятся к позднесарматскому времени. Это, как и значительно увеличившийся ассортимент бронзовых изделий, может указывать на усиление ремесленной специализации и рыночной направленности цветной металлообработки с первых веков н.э.

<sup>67</sup> Указанные сплавы отмечены Т.Б.Барцевой как характерные для Дагестана VI–IV вв. до н.э. (51 экз.). Однако значительная часть изделий, подвергшихся спектральному анализу (не менее 33 экз. из 51), из Макинского, Урцекского, Шаракунского, Хабдинского могильников происходит из комплексов албано-сарматского времени.

Таблица 1

Результаты спектрального анализа состава металла предметов из Шаракунского клада  
(анализ произведен в лаборатории физических методов исследования Института геологии ДНЦ РАН)

Лаб. №	Предмет	Cu	Sn	Sb	Pb	Fe	Ag	Co	Mg	Mo	Cr	Si	Nb	Ti
1	браслет	осн.	1%	1%	1%	0,25	0,008	0,065	0,15	0,004	0,0015	0,009	0,0065	0,035
2	браслет	"	"	"	"	1	0,0085	0,085	0,45	0,003	0,0045	1	0,008	0,06
3	браслет	"	"	"	"	0,15	0,009	0,045	0,55	0,002	0,0025	0,075	0,0025	0,015
4	браслет	"	"	"	"	0,25	0,0085	0,035	0,17	0,005	0,005	0,25	0,004	0,05
5	браслет	"	"	"	"	1	0,0075	0,09	0,15	0,0025	0,035	1	0,008	0,065
6	браслет	"	"	"	"	0,15	0,009	0,045	0,25	0,003	0,08	0,35	0,0075	0,0095
7	браслет	"	"	"	"	0,009	0,0095	0,02	–	0,0015	–	0,0075	0,009	0,009
8	браслет	"	"	"	"	0,015	0,02	0,015	0,09	0,003	0,05	0,008	0,008	0,015
9	гривна	"	"	"	"	0,025	0,003	0,025	0,35	0,0025	0,0075	1	0,003	0,025
10	бокал	"	"	"	"	0,25	0,015	0,085	0,45	0,0025	0,055	0,15	0,007	0,15
11	фиал	"	"	"	"	0,15	0,002	0,015	0,15	0,0015	–	0,009	0,0015	0,0015
12	ритон	"	"	"	"	0,3	0,0035	0,085	0,4	0,003	0,0095	1	0,0035	0,015

**Прядение и ткачество** являлись одним из важных занятий населения городищ, на что указывают многочисленные находки пряслиц от веретен, обработанных рогов для уплотнения нитей ткани. Целые пряслища, их заготовки, обломки встречаются повсеместно, почти в каждом раскопанном помещении, что указывает на весьма распространенное занятие прядением, очевидно, среди женского населения (Маммаев М.М. 1970. С. 15; Гаджиев М.С. 1988. С. 26).

Большие коллекции пряслиц и их заготовок происходят из раскопок Урцекского городища (110 экз.) и Дербента (104 экз.). Представлены они каменными, керамическими и костяными экземплярами (рис. 56, 15–20, 70, 1–23, 76, 1–3, 81, 39). Причем первые и вторые были наиболее распространены. Например, среди урцекской коллекции они распределены следующим образом: 70 экз. (63,6%) составляют каменные, 30 (27,3%) — керамические, 10 экз. (9,1%) — костяные (Маммаев М.М. 1969. С. 241)<sup>68</sup>. В отличие от Урцеки, в Дербенте керамические пряслища составляют абсолютное большинство — 94 экз. (90,3%), каменные и костяные представлены соответственно 8 (7,8%) и 2 экземплярами (1,9%). Подобное соотношение имеют и пряслища, найденные на Паласа-сыртском поселении (Гмыря Л.Б. 1991. С. 185), а также пряслища, происходящие с памятников Азербайджана античного времени (Мехтиев Т.С. 1990. С. 15).

Каменные пряслища имеют дисковидную, уплощенно-цилиндрическую, сфероидальную и сферическую форму (рис. 70, 14, 17, 76, 2). Изготавливались они из известняка, мергеля, песчаника, редко ракушечника (Маммаев М.М. 1969. С. 241). Керамические пряслища наиболее разнообразны по форме благодаря пластичности материала, из которого они сделаны, а некоторые из них орнаментированы врезными линиями, пунсонами. Они имеют коническую, усеченно-коническую, биконическую, сферическую, полусферическую, сфероидальную и дисковидную форму (рис. 56, 15–20, 70, 1–13, 15, 16, 18–23, 76, 1, 3). Среди последних значительную часть составляют не лепные пряслища, а изготовленные из обломков стенок керамической посуды, главным образом столовой и тарной. Среди этой группы пряслищ имеются сделанные из фрагментов красноглиняной посуды, в том числе каннелюрованной, тарной керамики со сплошной штриховкой, красноангобириванной, отчасти серолощенной, белоангобириванной и кухонной сероглиняной посуды. Находки многочисленных заготовок дисковидных пряслищ, изготовленных из стенок разбитых сосудов, восстанавливают ход их изготовления: сначала фрагмент керамики отбивался до придания ему округлой формы, затем делалось отверстие путем двустороннего сверления, придававшего часто ему биконическую форму.

Наблюдения над стратиграфическим распределением пряслищ показывают, что дисковидные керамические экземпляры получают широкое распространение на рубеже албано-сарматского и раннесредневекового времени (Гаджиев М.С. 1988. С. 27). Такая же картина наблюдается и на Паласа-сыртском поселении IV–VI вв., где дисковидные пряслища составляют абсолютное большинство (Гмыря Л.Б. 1991. С. 185). Следует отметить и то, что, по наблюдениям М.М.Маммаева, большинство керамических и костяных пряслищ из Урцеки хронологически предшествует каменным и относится к нижнему слою горо-

<sup>68</sup> М.М.Маммаев отмечает и находку железного пряслища (Маммаев М.М. 1969. С. 240). Но такая интерпретация находки, как и использование металла для изготовления пряслищ, маловероятна.

диша, а около 95% каменных пряслиц происходит из верхнего слоя памятника (Маммаев М.М. 1969. С. 240).

Выбор размера веретена и пряслица определялся прочностью прядильного материала, толщиной и крепостью нити, которую нужно было выпрясть, а, следовательно, разнообразие формата и веса пряслиц может служить свидетельством выработки разных сортов пряжи и из разного материала (Литвинский Б.А. 1978. С. 41, 42). Для прядения хлопкового волокна употреблялись маленькие и легкие пряслица, а для упругого шерстяного волокна и льна — более тяжелые. Именно этим видам пряжи соответствуют, по мнению Б.А.Литвинского, две основные «весовые категории» пряслиц: до 30 г и 30–60 г (там же, с. 41, 42).

Пряслица, обнаруженные в культурных напластованиях Дербента албано-сарматского времени и первых веков средневековья (рис. 56, 15–20, 70, 1–23, 81, 39), также укладываются в две хорошо обозначенные «весовые категории», в целом соответствующие и их размерам. Это пряслица весом 8–25 г и 35–60 г. Причем очень редко встречаются пряслица промежуточной группы весом 25–35 г, как и пряслица весом более 60 г. Сохранившиеся экземпляры пряслиц с Урцекского городища также соответствуют указанным группам, но грань различия групп у них не столь четко обозначена и преобладают более тяжелые.

По всей видимости, представленные пряслица отражают те две основные «весовые категории» пряслиц, определенные Б.А.Литвинским, и соответствуют определенным видам пряжи, а именно хлопковой и шерстяной или льняной. Стратиграфический анализ двух «весовых категорий» пряслиц Дербента показал, что если для слоев I в. до н.э. — II–III вв. н.э. характерно незначительное преобладание более тяжелых пряслиц (весом 35–60 г), то в слоях рубежа албано-сарматского и раннесредневекового времени (III–V вв.) наблюдается обратная пропорция — легкие пряслица преобладают над тяжелыми (Гаджиев М.С. 1988. С. 27). В этих фактах было бы заманчиво видеть отражение изменений, происшедших в направлениях прядильного и ткацкого дела Дербента: в частности, говорить о развитии хлопководства во второй четверти — середине I тыс. н.э. и об увеличении удельного веса производимой хлопковой пряжи и тканей. Но этот вопрос требует дальнейшей специальной разработки, основанной на привлечении более широкого круга источников.

Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что для памятников Кавказской Албании, расположенных южнее, на территории Азербайджана, в отличие от находящихся на территории Дагестана, характерно абсолютное преобладание пряслиц «весовой категории» до 30 г (Мехтиев Т.С. 1990. С. 16). В этом факте довольно четко можно наблюдать специализацию отдельных областей Албании в прядении и ткачестве, обусловленную как природно-климатическими условиями, так и направлением развития отраслей сельского хозяйства (выращивание технических культур, разведение мелкого рогатого скота). Если для памятников южных и центральных областей Кавказской Албании (по крайней мере равнинной и предгорной зон) основным сырьем для ткацкого производства служила хлопковая пряжа, как это можно заключить по распространенности легких пряслиц, то для более северных (и, очевидно, в равной мере горных) областей значительно увеличивается роль шерстяной и льняной пряжи.

На изготовление названных трех видов пряжи (хлопковой, шерстяной и льняной) косвенно могут указывать и другие материалы. Например, о широком возделывании культуры хлопка в Кавказской Албании VII в. сообщают «Ашхарауиш» (Армянская география... 1877. С. 50) и Каланкатуаши (I, 5).

Большой удельный вес костей мелкого рогатого скота, который вместе с крупным рогатым скотом составлял основу стада, среди остеологических остатков Дербента, Урзеки может свидетельствовать об изготовлении шерстяной пряжи и ткани. В свете приведенных археологических материалов становятся ясными и истоки становления Дербента как одного из значительных на Кавказе и Переднем Востоке VIII–XII вв. центров ткацкого производства, специализировавшегося на выпуске льняного полотна, полотняной и хлопчатобумажной одежды, паласов «зилу», тканей «масхури», а по меньшей мере с XI в. и шелка (ал-Истахри, Ибн Хаукаль, Идриси, Балами, Абу Бакр ад-Дарбанди). О древности и высокой культуре возделывания льна, шедшего как на изготовление полотна, так и на приготовление традиционных дагестанских кушаний, свидетельствуют также лингвистические и этнографические данные народов Дагестана (Шихсаидов А.Р. 1975. С. 23).

В отличие от рассмотренных выше пряслиц, находки грузил для вертикального ткацкого станка на памятниках Дагестана относительно малочисленны, что дало повод для заключения о преимущественном использовании горизонтального станка (Маммаев М.М. 1969. С. 242). Грузила изготовлены из глины и имеют обычную форму конуса или пирамидки высотой 10–12 см при диаметре (ширине) основания 4–6 см (Маммаев М.М. 1970. С. 15). Подобные грузила — довольно частая находка на памятниках Северного Причерноморья и некоторых областей Кавказа, поддерживавших активные связи с античным миром, например в Колхиде, Прикубанье, где они известны с раннеэллинистического времени (Лордкипанидзе О.Д. 1985. С. 51; Каменецкий И.С. 1989. С. 235, 245).

Можно считать, что появление таких ткацких грузил, а следовательно, и вертикального станка на территории Дагестана в позднесарматское время явилось новшеством, привнесенным сюда кочевыми племенами Северного Кавказа, выступавшими активными передатчиками многих культурных традиций (Гаджиев М.С. 1997. С. 89–90). Этот вывод подтверждается и топографией находок ткацких грузил. На территории Дагестана они найдены пока только в слоях позднесарматского и гунно-хазарского времени и исключительно на памятниках, находившихся и существовавших в зонах активного, доминирующего влияния и жизнедеятельности кочевых и оседло-кочевых племен. Это Сигитминское, Бавтугайское, Паласа-сыртское поселения, Андрейаульское городище, Герменчик-тюбе (Бредэ К.А. 1956. Рис. 12; Пикуль М.И. 1958. Табл. 24, 14, 16; Атаев Д.М. и др. 1967; Федоров Г.С. 1967. С. 11, 15. Табл. 1, 8, 3, 4; Маммаев М.М. 1969. С. 242; Гмыря Л.Б. 1991. С. 185–187. Рис. 4, 24). Симптоматично обнаружение свыше десятка таких пряслиц в центральном женском погребении в позднесарматском кургане 51 Львовской группы Разрушаемый-2 (Пярых Г.Г. 1987. С. 162–164, 168–169).

Такие грузила не были обнаружены ни на средневековом Аркасском городище, ни в средневековых слоях Дербента, который был в VIII–XIII вв. крупным производителем и экспортером тканей, одежд, паласов (Кудрявцев А.А. 1982. С. 162–172). Эти факты позволяют полагать, что конструкция вертикального ткацкого станка, в котором для оттягивания нитей основы употреблялись подобные грузила, хотя и стала известна на территории Дагестана в определенных районах, но не получила здесь повсеместного распространения в рассматриваемый и последующий периоды и ведущим являлся горизонтальный ткацкий станок, хорошо известный по дагестанским этнографическим материалам (Мар-

граф О.В. 1882. С. 80; Шиллинг Е.М. 1949. С. 31, 32; Гаджиева С.Ш. 1960. С. 98–100; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. 1967. С. 191–194. Рис. 2; Материальная культура аварцев. 1967. С. 75, 76; Булатова А.Г. 1971. С. 62, 63; Агаширинова С.С. 1978. С. 166). По всей видимости, этот вывод можно распространить на всю территорию Кавказской Албании: по крайней мере Т.С.Мехтиев (Мехтиев Т.С. 1990. С. 13–16) и А.Б.Нуриев (Нуриев А.Б. 1990. С. 24–26), исследовавшие орудия труда и ремесло Албании античного и раннесредневекового времени, не отмечают находок грузил от вертикального ткацкого станка<sup>69</sup>.

О занятиях ткачеством, производстве паласов и, возможно, ковроделии в рассматриваемое время свидетельствуют довольно частые находки уплотнителей нитей — одного из инструментов ткацкого и коврового производства. Они изготовлялись из концевых частей рога оленя, реже косули и служили для прибавки уточной пряжи после каждого ряда узлов (рис. 81, 43–47). Рабочая часть их у острия рога отполирована в результате использования, а иногда имеет продольные срезы. Подобный инструмент часто встречается и на памятниках Кавказской Албании, расположенных на территории Азербайджана (Нуриев А.Б. 1990. С. 26). Эта принадлежность ковроткачества («киркит»), применявшаяся для работы на ковровом станке, известна и по этнографическим материалам Дагестана и Азербайджана (Агаширинова С.С. 1978. С. 76, 77; Нуриев А.Б. 1990. С. 26).

Законсервированные остатки тканей обнаружены в некоторых погребениях некрополей на корродированных металлических изделиях, главным образом пряжках и зеркалах. Девять определяемых обрывков тканей зафиксированы на предметах из погребений III–IV вв. Дербентского могильника: по одному обрывку на четырех пряжках, трех зеркалах и два — на куске кольчуги. Данные образцы имеют простое переплетение и представляют четыре сорта полотна, различающиеся по плотности ткани. Два из них сохранились на обрывке кольчуги из погребения 6. Ближняя к кольчуге плотная ткань сделана из толстой (1,0–1,1 мм) крученой нити, плотность ткани определяется в 9–10 нитей утка и 7–8 нитей основы на 1 кв. см. Верхний лоскут ткани изготовлен из более тонких нитей толщиной 0,6–0,7 мм и имеет более высокую плотность переплетения нитей (12–13 × 8–9 на 1 кв. см). Третью группу тканей представляют обрывки, сохранившиеся на поясных пряжках (из погр. 2, 5, 6). Они в целом однотипны, плотность их на 1 кв. см составляет 10–11 нитей утка и 7–8 нитей основы, сотканы из крученых нитей толщиной 0,7–0,8 мм. Только фрагмент ткани из погребения 5 имеет более толстую нить в 0,9–1,0 мм, а обрывок из погребения 2 — почти равное соотношение нитей утка и основы (10 × 9–10). Описанные группы тканей, очевидно, представляют фрагменты одежды. Последняя, четвертая, группа тканей зафиксирована на зеркалах и отмечается повышенным качеством. Она характеризуется тонкостью нитей (ок. 0,4 мм) и высокой плотностью переплетения (14–15 нитей утка и 11–13 нитей основы на 1 кв. см). Судя по условиям находок, по всей видимости, из этих тканей были сшиты мешочки-чехлы для зеркал (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 93). Подобный чехол из тонкой хлопчатобумажной или, возможно, шелковой ткани с зеркалом отмечен в кургане 43 Паласа-сыртского могильника IV–V вв. (Гмыря Л.Б. 1990. С. 70).

<sup>69</sup> Одно исключение отмечено в диссертации В.Т.Личели (Личели В.Т. 1991. С. 21) — это находка пирамидального грузила рубежа н.э. в Кара-кепек-тепе.

Ныне определить, какие из описанных тканей имели местное или импортное происхождение, не представляется возможным. Но приведенные выше материалы свидетельствуют о повсеместном распространении прядения и ткачества. Это может служить указанием и на их ведущее положение среди отраслей домашнего производства. Хотя не исключено, что были мастерицы, отличавшиеся особым умением, искусностью и выполнявшие работы на заказ. Дагестанские этнографические материалы также фиксируют домашний, сезонный характер прядения и ткачества (сукноделия), которыми занимались исключительно женщины в каждом хозяйстве, как правило осенью, зимой и ранней весной до наступления полевых работ (Агаширинова С.С. 1978. С. 65).

С описанными промыслами были тесно связаны и такие виды производства, как вязание и изготовление одежды, на наличие которых указывают находки железных, бронзовых и костяных игл и булавок (рис. 56, 27, 29, 30, 70, 25, 81, 20–28), костяных трубочек-игольниц. Судя по находкам пряслиц и игл исключительно в женских погребениях, названные домашние производства — прядение, ткачество, вязание, швейное дело — являлись индивидуальными чисто женскими занятиями.

**Строительное дело и архитектура** выступают одним из ярких и показательных производств древних городищ Дагестана. Албано-сарматский период ознаменован значительным развитием строительной техники и, как следствие, архитектуры в целом. Наряду с традиционными приемами и способами строительства в обиход вошли в это время новые, более передовые и совершенные, обеспечившие прочность и долговременность сооружений, появление новых конструктивных архитектурных решений, улучшение планировки зданий, увеличение их размеров, высотности и этажности.

Основным строительным материалом традиционно являлись камень и дерево — относительно дешевые и широко распространенные. В строительстве употреблялся мергель, известняк, ракушечник и песчаник, реже булыжник. Использование в большей степени той или иной породы камня определялось местными ресурсами. Так, на городищах Урзеки, Таргу, Охлинском, Нижнечуглинском, Верхнелабкомахинском на строительство шел главным образом местный известняк и мергель. Употреблением именно этой породы камня, который при добыче относительно легко раскалывается на подпрямоугольной формы плиты и блоки, обеспечивающие большую прочность сооружения, а также устойчивой строительной традицией может объясняться характерная для Урзекского и Охлинского городищ «сухая» кладка, без связующего раствора.

Камень на строительство добывался и на самих городищах, и в непосредственной близости от них. По данным А.И.Абакарова, в окрестностях городища Урзеки обнаружено несколько хорошо разработанных каменоломен, а крупные блоки для башен добывались буквально рядом со строительной площадкой (Абакаров А.И. 1963. С. 5). Выборка камня на строительство производилась и на скальных выходах у восточного края цитадели Урзеки, искусственно увеличивая тем самым крутизну склона холма. Добыча камня была организована и на территории городища Таргу — в качестве каменоломен использовались карнизы известняковых складок, расчленившие на три части возвышенность, на которой располагалось городище. «Благодаря этому не только экономились затраты труда на перевозку и транспортировку строительного камня, но и формировался на высоту 2–3 м отвесный, а потому труднопреодолимый край карниза складки,

служаший мощным фундаментом возведенной на нем крепостной стены» (Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 67). Основным же карьером для добычи камня, по всей видимости, являлись отвесные скальные выходы возвышающегося с севера над городищем плато.

Камень использовался не только в качестве стенового строительного материала, но и при сооружении лестниц, хозяйственных ям, стационарных печей, очагов, водоводов, для вымостки улиц, дворов, помещений, оформления ворот, дверных проемов, порогов, ниш в помещениях. Широко употреблялся камень для изготовления различных архитектурно-строительных деталей: баз колонн, оснований опорных столбов, пьесталов для ворот и дверей, катков для утрамбовки крыш, водостоков.

В процессе строительства стеновой камень часто вчерне оказывался, редко применялся хорошо обработанный камень. Тесаный камень же нашел широкое употребление при изготовлении архитектурных деталей. Использование обработанного камня, как и глиняного раствора в качестве связующего материала, явилось новшеством в строительном деле Дагестана албано-сарматского времени. В частности, для этого периода раствор известен в Дербенте, Таргу, на городище Маяк, но повсеместного распространения не получил.

Нововведением явилось и применение перевязки швов на стыках стен, обеспечивавшей большую устойчивость конструкции здания. Хотя, очевидно, на различных памятниках этот передовой прием получил разную степень употребления. Весьма широко он применялся в Дербенте, Таргу, в меньшей степени на Охлинском городище. Крайне ограниченно его использовали на городище Урцеки — здесь этот прием использовался при возведении оборонительных башен и лишь однажды встречен в жилой архитектуре — замковым способом сложен западный угол здания (пом. 11 раск. 2) у привратной площадки цитадели (Котович В.Г. и др. 1962. С. 27). Основным же способом соединения стен или изменения их направления на городище Урцеки оставалась традиционная кладка впритык (приставные стены). Возможно, что использование различных приемов в соединении стен и оформлении углов зданий и сооружений на городище является и хронологическим показателем: оборонительные башни в фортификации Урцеки, имеющие угловую перевязку, появились уже после застройки и архитектурно-композиционного оформления цитадели, во время второго строительного периода.

Из памятников более раннего времени угловую перевязку, очевидно, имели стены монументального Хосрехского святилища VIII–VII вв. до н.э. (Давудов О.М. 1983. С. 43–56. Рис. 2), и не исключено, что на появление и распространение этого приема в жилищно-бытовой архитектуре оказало влияние монументальное культовое зодчество, требовавшее большей площади помещения (внутренние размеры Хосрехского святилища — ок. 6,5 × 6,5 м) и соответственно большей прочности. Подобные взаимовлияния — нередкое явление в древней архитектуре.

Для всех исследованных городищ характерна регулярная кладка, которая велась, как правило, с перевязкой вертикальных швов. При этом, однако, горизонтальные швы часто перебиваются. Обычным являлись укладка в основании, у углов, более крупных и правильных форм камней, применение мелких камней в швах, обеспечивающее выравнивание горизонтальных рядов и повышение устойчивости кладки. В Дербенте встречается в основании стен домостроений

кладка, близкая к полигональной, но с использованием неотесанных и частично обработанных камней (пом. 1 раск. XV).

Толщина стен зданий варьировалась в пределах 0,4–0,9 м. Причем для жилой архитектуры она составляла от 0,4 до 0,7 м и в рамках одного городища довольно хорошо выдержана. Так, на Урцекском, Охлинском городищах толщина несущих (основных) стен составляла, как правило, 0,6–0,7 м, а в Дербенте, Таргу несколько меньше — 0,4–0,6 м. Эта вариабельность находит объяснение в использовании в Дербенте и Таргу связующего раствора, что отразилось на толщине и конструктивных особенностях стен. Если в Дербенте, Таргу толщина стены определялась главным образом двумя рядами камней по ширине, то в Урцехи, Охли при несколько большей толщине стен наблюдалась засыпка незначительного свободного пространства между двумя рядами камней (образующими внутреннюю и внешнюю грани стены) щебнем, мелким бутом, землей. Последняя конструкция представляла собой своеобразную панцирную кладку в условиях нетщательной обработки стенового камня. Впоследствии этот принцип сооружения стен жилой архитектуры будет перенесен на оборонительную архитектуру, где он получит дальнейшее развитие. Пристроенные крепостные стены и башни цитадели Урцехи второго строительного периода являют собой уже хороший образец панцирной кладки. Эти факты могут указывать на возникновение данного приема строительной техники на местной почве. Конечно, это не касается раннесредневековых оборонительных стен Дербента, представляющих классический образец панцирной кладки, получившей распространение в позднеантичный и раннесредневековый период (Кудрявцев А.А. 1987. С. 59, 60).

На фоне жилой архитектуры несколько выделяются параметрами фасадных стен здания, которые в силу своего местоположения выполняли и оборонительные функции. Это относится к жилищно-бытовым строениям, расположенным по периметру цитадели, наружные глухие фасады которых являлись и оборонительными стенами. На цитадели Урцехи толщина этих стен — в отличие от других стен тех же домостроений первого строительного периода, до усиления их пристроенными позднее стенами — достигала 1,1–1,2 м. На Охлинском городище также толщина наружных фасадных стен домостроений, расположенных по периметру на вершине холма, в отличие от других несущих стен (толщиной 0,6–0,65 м), была увеличена до 0,8 м (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 16, 17).

В отличие от обычных домостроений монументальные городские сооружения имели более мощные стены, толщиной 0,7–1,0 м. Несущие стены «дворцового» комплекса (рис. 4), расположенного в центре цитадели Урцехи (раск. 5 и северный сектор раск. 4), имели толщину 0,7–0,8 м (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 50–56). При этом данный комплекс, имеющий сложно-плановый многокамерный характер, не отличался по архитектурно-планировочным и конструктивным решениям, по использованию строительных материалов от иных строений цитадели и городища, за исключением большей общей площади за счет большого количества помещений, входящих в него. Очевидно, что выделялся он и разнообразием назначений отдельных помещений. Например, смежные помещения 14 и 16 (рис. 36), вероятно, были взаимосвязаны и представляли собой банные комнаты, в которых соответственно располагались крупная стационарная печь-камин со сводом и бассейн (2,8 × 1,5 м) (там же, с. 50–54).

Рассматриваемый комплекс, интерпретируемый участниками раскопок как дворцовый, выделяется на фоне иных сооружений цитадели и своей топографи-

ческой ситуацией: он расположен в центре цитадели на наиболее возвышенной части холма; от въездных ворот цитадели непосредственно к нему ведет центральная прямая, широкая улица-дорога (рис. 4).

Увеличена была и толщина стен наблюдательных башен Урцекской цитадели. Наиболее показательна башня (рис. 7), расположенная у юго-западного угла цитадели (пом. 6 раск. 2). Как и другие, она включена в систему жилищно-хозяйственного комплекса, выступая одним из составных элементов его, и не входит в линию оборонительных стен. Внутренние размеры башни 2,4 × 2,5 м, наружные 3,9 × 4,4 м. Судя по параметрам и параллелям в средневековой башенной архитектуре Дагестана, башня имела, очевидно, три этажа. Вход в нее шел через внешнюю лестницу, ведущую на второй этаж, от которой сохранилось пять ступенек с шириной марша 20–30 см (там же, с. 23–25). Показательно использование башни и в хозяйственных целях: в помещении нижнего этажа располагалась кладовая, вдоль стен которой было установлено семь больших и средних хумов (там же, с. 25). Аналогичное использование нижнего этажа отмечено и на сигнально-сторожевой башне X–XIV вв., раскопанной на Охлинском городище (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 111–112). Подобная дифференциация в назначении этажей — характерный признак традиционных жилищно-оборонительных башен Дагестана (и вообще Кавказа), в которых первый этаж используется под хозяйственные нужды, хлев, второй является жилой камерой, а третий имеет военно-оборонительное значение (см., например: Гольдштейн А.Ф. 1974а. С. 131).

Урцекские башни — наиболее ранние в башенной архитектуре Северо-Восточного Кавказа. Очевидно, что их появление является одним из достижений и показательным примером развития архитектуры Дагестана албано-сарматского времени.

Особо следует остановиться на монументальном здании, раскопанном на городище Таргу (рис. 71–75). Оно было открыто и исследовалось в 1975, 1976 и 1978 гг. (Котович В.Г. и др. 1976. С. 130; Котович В.Г., Абдуллаев М.М. и др. 1978. С. 10, 11; Котович В.Г., Котович В.М., Расулова М.М. 1979. С. 132; Котович В.Г., Котович В.М. 1980. С. 5, 6; Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 77–80).

Расположение этого сооружения, датированного албано-сарматским периодом, точнее началом I тыс. н.э., на цитадели в наиболее возвышенной части городища, его монументальный характер позволили интерпретировать остатки здания как часть дворцовой или храмовой постройки, напоминающей открытый портик с колоннадой. Безвременная кончина руководителя работ В.Г.Котовича не позволила довести до конца начатые исследования<sup>70</sup>. Изучение отчетных данных, археологических находок, чертежно-графической документации и новые раскопки подтвердили датировку объекта, позволили установить два периода его функционирования в рамках I–V вв. и иную его архитектурно-планировочную характеристику (Кудрявцев А.А. 1990. С. 33–41; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. С. 9).

Сооружение представляло собой замкнутое прямоугольное помещение зального типа с двумя рядами колонн, по три в каждом (рис. 71). Внутренние размеры его 9,0 × 11,5 м; толщина стен, сложенных из бутового и слабоотесан-

<sup>70</sup> Как было установлено раскопками 1990 г., рассматриваемый объект не был полностью исследован и доведен до материка.

ного камня на особом плотном и вязком желто-коричневом глиняном растворе, составляла 0,9–1,0 м. Вход (шириной ок. 2 м) в здание располагался в центральной части северо-восточной стены и в интерьере фланкирован двумя выступами, или пилястрами. В дальнейшем, вероятно во второй строительный период, этот вход был заложен.

У северо-западной стены, ближе к северному углу помещения, была расчищена каменная кладка прямоугольной формы (1,9 × 1,0 м; h — ок. 1 м), возведенная из бутового камня без связующего раствора (рис. 71, 74). Судя по сильной прокаленности камней кладки, скоплениям золы, мелких угольков на ее поверхности, характеру и размерам кладки, она представляет собой стационарный, долго функционировавший очаг, а возможно, учитывая ее нахождение в монументальном, культового облика здании, алтарь-хранилище священного огня. В связи с этим обращает на себя внимание находка в этой части сооружения обломков трех полусферических чаш на трех ножках (со следами воздействия огня), вероятно использовавшихся в качестве курильниц (Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 75. Рис. 10, 15, 17). Эти материалы не исключают предположения о культовом назначении данного сооружения и его интерпретации (с большой осторожностью) как храма огня; не противоречит этому и то, что очаг не занимает центральное место в интерьере и как бы скрыт в северо-западной боковой части здания, возможно игравшей роль своеобразного местохранилища огня.

Раскопками 1970-х годов в исследуемом здании выявлены *in situ* пять каменных баз колонн (рис. 71, 72, 75), охарактеризованных В.Г.Котовичем как барабанообразные, из которых четыре — круглые с каннелюрами и одна — подквадратная со стесанными углами (там же, с. 79, 80. Рис. 9, 13, 14). Они располагались двумя рядами, немного отклоняясь от продольной оси здания (величина отклонения ок. 5°). Расстояние между рядами составляло 2,3 м, между базами одного ряда — 4,0–4,1 м. Базы отстояли от поперечных стен здания на 1,6–1,7 м и от продольных стен — на 2,5–3,2 м.

К моменту раскопок 1990 г. сохранились только две базы колонн, находившиеся *in situ* в северной и восточной частях здания (рис. 73, 74). Они представляли собой отесанные цилиндры ( $d = 30\text{--}33$  см,  $h = 80$  см). Одна из баз была ограничена вертикальными каннелюрами, на другой сохранились следы обтески. Последняя в верхней части имела подквадратную форму. Очевидно, что северный ряд колонн имел более высокие цилиндрические базы, а южный — более низкие барабановидные. Это было обусловлено, с одной стороны, очевидной одинаковой высотой деревянных колонн, поддерживавших плоское горизонтальное перекрытие, с другой — перепадом материкового и культурного слоя вдоль центральной продольной оси здания, в результате чего уровень пола в южной половине помещения первоначально возвышался над уровнем пола в северной части почти на 0,4 м (рис. 74). Явилось ли это результатом эскарпации, сейчас однозначно судить трудно. Судя по совпадению направления линии перепада с планировкой здания (с его продольной осью), можно думать, что это было результатом сознательной эскарпации материка при строительстве здания. Можно предположить, что эта возвышенная южная половина здания, расположенная в противоположной входу части сооружения, представляла собой своеобразную суфу — немного приподнятую, широкую часть помещения вдоль южной стены.

В западной части здания была зафиксирована плитчатая вымостка пола (рис. 74). Во второй период функционирования сооружение в интерьере было нивелировано и покрыто новым полом (толщиной ок. 15 см) из плотной чистой желтой глины (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. С. 9). Очевидно, в это же время был заложен центральный вход и прорублен новый — в северо-западной стене у западного угла. На заключительном этапе существования здания (в доарабский период) оно было разделено двумя стенками, сооруженными по линии расположения колонн, на три помещения (рис. 72, 75). К сожалению, слабая полевая документация по раскопкам 1970-х годов и последовавшая за ними хищническая выборка камня из раскопов на строительство не дают возможности в более полном объеме восстановить архитектурный облик этого уникального памятника.

Можно полагать, что поздняя перепланировка, а затем прекращение функционирования и разрушение данного храмового сооружения были связаны с проникновением в долину р. Гамри-озень воинственных гуннских племен. Опосредованно на это может указывать прекращение обживания средней части городища и размещение на ней с V в. катакомбного могильника (Котович В.Г., Котович В.М., Расулова М.М. 1979. С. 132; Котович В.Г., Котович В.М. 1980. С. 6; Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 73; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. С. 9), а также возникновение на месте разрушенного храма жилищно-хозяйственной постройки, относящейся к преарабскому времени (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1972. С. 44–46; Кудрявцев А.А. 1990. С. 33, 34).

Архитектурно-планировочные решения храма в Таргу своеобразны, и к каким традициям они восходят, определить нелегко. Он типологически близок по своей планировке к «колонному залу» II–I вв. до н.э. в Армазихе (Багинети), по продольной оси которого в один ряд расположено шесть торовидных баз колонн, а вход устроен в центральной части продольной стены (Апакидзе А.М. 1968. С. 37–41; Лордкипанидзе О.Д. 1985а. С. 83. Табл. XL, 3; 1989. С. 330–331. Рис. 167). Различия касаются не только планировки, размеров, строительного материала, техники, но и конструкции перекрытия. Если храм в Багинети имел, видимо, двускатную черепичную кровлю, то храм в Таргу, очевидно, — традиционную плоскую. По всей видимости, можно полагать связь «колонного зала» Таргу с ордерной архитектурой Закавказья и Переднего Востока. Например, ясно видна параллель в планировке храма в Таргу с восьмиколонными (по четыре в два ряда) крытыми айванами храма Окса и храма огня в Персеполе (см., например: Пичиян И.Р. 1991. С. 145, 154. Рис. 2, 5).

Не без влияния архитектуры Закавказья и Переднего Востока, очевидно, появился и получил распространение на территории Дагестана ордер — конструктивно-декоративная композиция, сочетавшая вертикальные несущие элементы и опирающиеся на них горизонтальные несомые. Широкое использование стоечно-балочной конструкции не только в дворцовых и храмовых зданиях, но и в жилищно-бытовых постройках явилось ярким показателем развития архитектуры, общего прогресса местного общества в албано-сарматский период. Применение ордера дало возможность увеличить площадь, высотность, этажность зданий, их устойчивость и долговременность.

Использование в храме Таргу граненых каннелюрованных баз, лишь отдаленно напоминающих барабаны с каннелюрами античных колонн, вряд ли дает

основание видеть в них факт контактов Кавказской Албании и Северного Причерноморья в области архитектуры (ср.: Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 79–80).

Касаясь культового зодчества Дагестана, необходимо сказать и о христианской архитектуре, которая начала распространяться в Кавказской Албании после принятия христианства при царе Урнайре в начале IV в. Достоверных памятников христианского зодчества IV–V вв. на территории Дагестана не выявлено, но письменные источники говорят о существовании таковых уже с начала IV в. Так, Мовсес Каланкатуаци при описании просветительской миссии епископа Григориса (нач. IV в.) сообщает о его пребывании и строительстве церкви в Цри — «городе-крепости в стране чигбов», «большом городе Албании» (Dasxuganc'i. 1961. P. 22, 23, 33, 51; Каланкатуаци Мовсес. 1984. С. 37, 38, 45, 58), который идентифицируется с Цахуром (Гаджиев М.С. 1992. С. 127; 1998а.). По данным албанского историка, город Цри во второй половине V в. — место пребывания наместника албанского царя и хорепископа, что также предполагает наличие дворцовой и культовой архитектуры.

После визита в Цри епископ Григорис появляется в стране маскутов, локализуемой исследователями к югу от Дербента, где мученически погибает. Здесь, близ грандиозного городища Торлах-кала, идентифицируемого с городом Шахристан-и Йездигерд (Гаджиев М.С. 1980. С. 144–152), и рядом с сел. Нюнди (Мушкюр) находится величественная часовня (возведена в начале XX в. на месте ранее существовавшей), построенная, по преданию, на месте гибели св. Григориса (Комаров А.В. 1882. С. 438–439), которая до настоящего времени также остается археологически необследованной.

Наконец, есть основания полагать, что уже в IV в. первые христианские сооружения были построены в Дербенте. Это следует из сведений Каланкатуаци и Мхитара Гоша о том, что престол патриархов Албании до 552 г. находился в Чора-Дербенте. Причем автор «Албанской хроники» отмечает, что здесь пребывали католикосы Захария, Давид, Иованнес («епископ гуннов») и Еремия (Мхитар Гош. 1960. С. 9), возглавлявшие Албанскую церковь в IV — начале V в.<sup>71</sup>.

Возвращаясь к рассмотрению ордерной архитектуры, отметим, что использование этой архитектурной композиции наблюдается практически на всех древних городищах Дагестана. Находки каменных баз или оснований опорных столбов зафиксированы почти в каждом раскопанном помещении Урцеки (Маммаев М.М. 1970. С. 14), в Дербенте (Гаджиев М.С. 1988. С. 7), на Охлинском (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 112), Верхнелабкомахинском (Давудов О.М. 1973. С. 9) городищах. Такие основания опорных столбов имеют, как правило, круглую или четырехгранную форму. Высота их колеблется от 0,15 до 0,8 м при диаметре или ширине основания 0,2–0,3 м. В одном помещении обычно фиксируются одно-два таких основания или базы, что зависит от его площади. Редко встречается три основания. При исследованиях на городище Урцеки отмечено два таких случая: в комнате с бассейном «дворцового» комплекса и в здании близ цитадели (раск. 14). В первом сооружении они располагались с двух сторон бассейна, сложенного в углу помещения, и, очевидно, подпирали

---

<sup>71</sup> Этот вывод следует из того факта, что Еремия был католикосом при албанском царе Есвагене (Асвагене), правившем в начале V в., с их разрешения Месроп Маштоц создал албанский алфавит.

два параллельно расположенных прогона (рис. 44). Базы имели четырехугольное сечение со стороной 20–26 см, при высоте 0,6–0,65 м.

Второе здание — одно из самых крупных на городище — представляет собой однокамерный зальный жилой дом (рис. 76). Внутренние размеры его 7,4 × 5,45 м, при толщине стен 0,6–0,65 м. Почти по продольной оси сооружения на равноудаленном расстоянии располагались три четырехугольные в сечении базы, нижние основания которых несколько больше верхних. Высота двух баз 0,7–0,72 м при стороне оснований 0,2–0,3 м. Третья база имела высоту 0,95 м со стороны основания 0,21–0,25 м. Вход в здание, у которого сохранилась ступень лестницы, располагался у северного угла, а напротив него, в восточном углу, находились остатки глинобитно-каменного очага. Пол сооружения был аккуратно вымошен плитчатым камнем (Котович В.Г. и др. 1963. С. 29–33).

По своему планировочному решению это здание имеет сходство с упомянутыми храмами в Таргу и особенно в Багинети. Это может указывать на тесную связь культовой и жилой архитектуры, в которых ордер выполнял и основную декоративно-эстетическую функцию. Рассмотренное сооружение по его архитектурному облику можно было бы принять за культовое или иное общественное здание, но этому препятствует характер находок в нем: обломки жерновов, пряслица, каменная ступа, оселок и др. Поэтому настоящее здание можно рассматривать как прототип традиционного дагестанского жилища зального типа (Гольдштейн А.Ф. 1974а. С. 131).

Выше, в соответствующих разделах, были рассмотрены «дом кузнеца» в Дербенте и «дом бронзолитейщика» в Урцеки, которые представляют собой два типа жилищно-хозяйственных сооружений, различающихся объемно-планировочными решениями. Первый является одноэтажным строением с горизонтальным расположением жилого, производственного, подсобно-хозяйственного помещений (рис. 39, 40, 60). Второй — двухэтажным сооружением с вертикальным, дифференцированным по назначению расположением камер (рис. 10): на первом этаже размещались кладовая, мастерская, подсобное помещение, на втором — очевидно, жилое помещение, судя по рухнувшему вместе с межэтажным перекрытием центральному очагу. Такая пространственная организация жилища, его камер — характерный признак традиционного старинного дагестанского дома, на что неоднократно обращали внимание этнографы и архитекторы (см., например: Панек Л.Б. 1948. С. 32; Хан-Магомедов С.О. 1951. С. 166; 1951а. С. 202; 1956. С. 7; 1961. С. 33–60; 1974. С. 36, 37; Мовчан Г.Я. 1972. С. 133; Гольдштейн А.Ф. 1974а. С. 130–152; Агаширинова С.С. 1978. С. 161–170).

Как показали раскопки городища Урцеки, двухэтажные дома или дома с низким полуподвальным этажом типичны для жилой архитектуры. Причем зачастую наблюдается использование нижнего этажа под хозяйственные цели, главным образом в качестве кладовых, где размещались крупные сосуды-хранилища (обычно от 4 до 10), реже устраивались ямы-погребки или хранилища. Подобные жилищно-хозяйственные двухэтажные комплексы открыты также на Охлинском и Верхнелабкомахинском городищах (Давудов О.М. 1973. С. 9; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 111, 112).

Интерес представляют исследованные на цитадели Урцеки домостроения (пом. 4, 8–11 раск. 2), примыкающие к оборонительной стене (рис. 5, 7) на участке от ворот цитадели до ее юго-восточного угла (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 17–26; 1962. С. 19–29). Расположенная в крайнем помещении 4

лестница ясно указывает на наличие второго этажа и, возможно, выхода на оборонительную стену и угловую оборонительную башню.

Другая, привратная, лестница располагалась впритык к помещению 11 (рис. 12). Сохранившиеся ступени лестницы, образующие угол марша, дали возможность определить высоту оборонительной стены (ок. 4,8 м с внешней, эскарпированной стороны и ок. 3,3 м с внутренней) и прилегающих к ней зданий (рис. 13). При этом учитывался характерный для старинного дагестанского аула архитектурный принцип, согласно которому внешние, фасадные стены жилищ, расположенных по периметру, выполняли оборонительную функцию и не возвышались над кровлей домостроения, а сама крыша становилась при необходимости и боевой площадкой. Таким образом, высота прилегающих домостроений соответствовала высоте оборонительной стены и составляла относительно уровня древней дневной поверхности с наружной (вне цитадели) стороны около 4,8 м, а с внутренней — около 3,3 м. При этом общая высота двух этажей рассматриваемых зданий, учитывая заглубленный, полуподвальный характер нижнего этажа (Котович В.Г. и др. 1962. С. 22, 24–26) в результате эскарпации склона, составляла, очевидно, около 4,5–4,7 м.

Во второй строительный период дверные проемы в помещениях 8 и 10, через которые осуществлялся выход на улочку и улицу, были тщательно заложены, в результате чего помещения 8–10 оказались замкнутыми и доступ в них мог быть только с верхнего этажа. Не исключено, что эти факты свидетельствуют и о том, что первоначально данные сооружения являлись одноэтажными, а позднее, во второй период, с возведением оборонительной стены подверглись перепланировке со строительством второго этажа.

Помещения 9–11 раскопа 2 (рис. 5) характеризуют по своим архитектурно-композиционным и объемно-планировочным чертам так называемый длинно-планный дом с анфиладным расположением комнат. Он располагался у привратной площадки в начале центральной улицы цитадели, куда и выходил дверной проем первой камеры — помещения 11 (там же, с. 23–29). В центре этого помещения (с внутренними размерами 3,2 × 5,0 м) возвышалась подквадратная в сечении база главного опорного столба. Еще три подпорных цилиндрических камня столбов меньших размеров, возможно установленных дополнительно позднее, располагались у северо-восточной стены рядом с входом, почти вплотную к базе центрального столба и ближе к противоположной, юго-западной стене. Пол помещения, за исключением полосы (шириной ок. 1 м) у юго-восточной стены, был вымощен плитами. На его уровне обнаружено 17 обломков обугленных деревянных стволов ( $d = 20\text{--}30$  см), фиксирующих перекрестное перекрытие прогонами и балками (там же, с. 27). В центральной части помещения поверх них была расчищена каменная плита, обмазанная сверху прокаленной желто-красной глиной со слоем золы, угольков, которая представляла собой основание-под открытого очага, располагавшегося на втором этаже и упавшего вместе с межэтажным перекрытием (там же, с. 28), как это наблюдалось и в доме «бронзолитейщика».

В помещении 11 было обнаружено довольно много обломков керамической посуды, в том числе археологически целые красноангобированные чаша на поддоне с вдавлениями на дне (рис. 77, 1), двуручный кувшин (рис. 77, 4), два красноглиняных лошенных кувшина со сливами (рис. 77, 2), тулова которых украшены соответственно мотивами «древа жизни» и «древа жизни со стоящими по

бокам оленями» (там же, с. 28. Рис. 33, 34). В южном углу помещения располагался дверной проем (позднее заложенный) в следующую камеру (пом. 10).

Помещение 10 имело трапециевидную, почти прямоугольную форму, размерами 4,6 × 2,7(3,2) м, и центральный столб, от которого сохранилось *in situ* высокое каменное, квадратное в сечении основание. В нем также были зафиксированы остатки балочного перекрытия. В южном углу имелся проход с каменным порогом в последнее помещение 9, которое также имело подпрямоугольную форму с внутренними размерами 4,7 × 2,2(2,6) м. В северо-западной поперечной стене камеры была устроена ниша, очевидно для утвари, а в юго-восточную стену на уровне глинобитного пола был частично вставлен и замазан желтой глиной крупный хозяйственный сосуд-хум, в котором лежали три сердоликовые бусины и маленький черноглиняный горшочек (там же, с. 24. Рис. 26). В этом помещении было найдено большое скопление оленьих черепных костей и рогов, а в завале у северного угла обнаружены бронзовые изделия: фигурная поясная пряжка, штампованная нашивная бляшка-розетка (рис. 44, 16), закраина блюда с позолотой, обломок проволочного браслета с раскованным концом, украшенным чеканными кружками (там же, с. 24). Названные предметы из бронзы вряд ли составляли клад и, скорее всего, были забыты хозяевами, в спешке, но заблаговременно (а об этом свидетельствует характер находок на цитадели) покинувшими город. В связи с этими находками необходимо сказать, что недалеко от этого помещения, на развале угловой башни близ помещения 4, также было обнаружено скопление, но более представительное, бронзовых предметов и бусин, принятое исследователями за клад (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 28).

Определенно говорить о назначении помещений этого дома, судя по находкам, трудно. Крайнее помещение 9, возможно, являлось кладовой. Но обращает на себя внимание отсутствие во всех камерах остатков печных конструкций или очагов. Это наводит на мысль об их подсобной, хозяйственной, а не жилой функции.

Рассмотренный «длиннопланый» дом не единственный в своем роде, а является наиболее распространенным типом жилища на городище. Таковыми являются, в частности, двухэтажные дома, вскрытые на раскопах 3 (пом. 3а, 3б, 3в) (рис. 43), 4 (соответственно пом. 1, 2, 3 и 6, 7) (рис. 38), и серия жилищ на раскопе 1 с радиальной и прямоугольной застройкой. Генетические корни такого «длиннопланного» дома восходят по крайней мере ко времени Верхнегунбско-го поселения эпохи бронзы, где открыты длинные дома с торцевым входом и сквозным проходом через анфиладно расположенные помещения (Котович В.М. 1965. С. 22, 73; Гольдштейн А.Ф. 1974. С. 155). Этот тип жилища еще недавно являлся одним из наиболее характерных традиционных дагестанских домов (Гольдштейн А.Ф. 1974. С. 153–162. Рис. 1, 2; 1974а. С. 131).

По своей архитектурно-пространственной организации выделяются и жилища с примыкающим небольшим двориком. На городище Урзеки такой жилищно-хозяйственный комплекс вскрыт рядом с цитаделью, у ее юго-западного угла (Котович В.Г. и др. 1962. С. 30–38). Он состоял из трехкамерного (возможно, двухэтажного) дома и прилегающего, очевидно некрытого (судя по отсутствию находок опорных камней столбов), двора (рис. 42). Вдоль стены коридорообразного помещения были установлены четыре хозяйственных сосуда-хранилища ( $h = 0,7–0,83$  м), а вдоль продольной стены крайней камеры шла невысокая (30–40 см), узкая (ширина 0,4–0,7 м) каменная кладка (пристенная суфа-

лежанка?). В другой камере отмечен равномерный слой, толщиной 15–20 см, мелких морских раковин, возможно представляющий своеобразный пол (там же, с. 36). Общая площадь составляла около 50 кв. м. Такую же примерно площадь (ок. 7 × 7 м) занимал и подквадратный в плане двор, огражденный стенами с трех сторон.

Двухэтажный дом с жилыми и хозяйственными помещениями и примыкающим к ним двориком открыт и на цитадели Охлинского городища (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов Д.К. 1974. С. 448). Три замкнутые камеры нижнего этажа (по 12 кв. м каждая), судя по находкам в них хозяйственных ям, крупных, врытых в землю сосудов, использовались как кладовые. Полуоткрытый дворик (8 × 4 м), судя по базе опорного столба, находившейся в центре, был крытым (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 111, 112).

Очевидно, более обширные прилегающие дворы имели исследованные в Дербенте «дом кузнеца» (раск. XIV) и выявленный на раскопе XV хозяйственно-бытовой комплекс первых веков н.э. (рис. 40, 41, 60, 78), расположенные на относительно спокойном рельефе. Об этом можно судить по находящимся вне остатков строений, но связанным с ними стационарным печам-тендирам, установленным в грунте крупным сосудам-хранилищам, многочисленным хозяйственным, зерновым ямам (Гаджиев М.С. 1988а. С. 7; Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. С. 7). Такие жилищно-хозяйственные комплексы представляют собой своеобразные небольшие усадьбы, расположенные в черте городища.

Очевидно, в этот период появляются и самостоятельные изолированные усадьбы. Такая усадьба была открыта нами в четырех километрах к северу от пос. Талги, в долине между горой Кукурт-баш и хребтом Кара-тебе. Небольшие всхолмления некогда существовавших стен отмечают контуры огражденного ими крупного незастроенного пространства, имеющего подквадратную форму и занимающего около 600 кв. м. Только в северном углу этой территории расположены остатки удлиненного прямоугольного строения, возможно фиксирующего «длиннопланый» дом площадью около 60 кв. м. Вне усадьбы, рядом с ней, отмечены контуры и развалы каких-то построек. По подъемному материалу, представленному фрагментами красноангобированной, бежевоглиняной керамики, усадьба предварительно датируется первой половиной I тыс. н.э. В ближайшей округе каких-либо иных археологических объектов не отмечено.

Характер этой усадьбы, ее изолированность могут свидетельствовать об экономической свободе, значительной самостоятельности в ведении хозяйства ее обитателей. Вместе с тем сам факт появления такого типа поселения, как отдельно расположенная усадьба, выступает важным социально-экономическим показателем развития общества.

Среди архитектурных сооружений особый интерес вызывает здание, вскрытое на цитадели Охлинского городища, у северной оборонительной стены, и интерпретируемое авторами раскопок как баня (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 15–20; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 112, 113). Оно (рис. 32) представляло собой подквадратное в плане помещение, площадью 36 кв. м, при сохранившейся высоте стен до 1,5–2,0 м. Вход в здание располагался, очевидно, со стороны примыкающего коридора-улучки. Пол помещения был устлан тонкими плитами, в центре стояли две каменные базы опорных столбов. В углу помещения у входа располагалась сегментовидная в плане печь (ок. 2 кв. м), образованная соответствующими стенами здания и вертикально поставленными по ду-

ге плитами. Рядом лежал раздавленный крупный шаровидный сосуд, изготовленный из огнеупорной глины (как и кухонная посуда) и служивший, вероятно, для разогрева воды (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 112). Вдоль южной стены, где находилась печь, была устроена невысокая пристройка-лавка, сложенная из камней на глиняном растворе. В противоположной, северной половине помещения располагались остатки трех небольших смежных ванн прямоугольной формы. Стенки их были сложены из продолговатых плит, поставленных в основании на ребро, а выше плашмя. В качестве скрепляющего раствора и замазки использовалась плотная вязкая глина. Дно ванн, выложенное тонкими плитами, находилось ниже уровня пола на 20–25 см.

Представленное здание, как и помещение с бассейном-ванной в «дворцовом» комплексе Урсеки, является наиболее ранним баннным сооружением на территории Северо-Восточного Кавказа и относится ко второй четверти — середине I тыс. н.э. Хотя устроены они довольно примитивно, тем не менее важен сам факт их появления и выделения в жилищно-хозяйственном комплексе отдельного, специального помещения — банной комнаты. Симптоматично и их расположение на территории цитадели, в структуре «дворцовых» комплексов, указывающее на очевидную социальную приуроченность. Вместе с тем данные сооружения характеризуют определенный уровень санитарно-гигиенической и в целом раннегородской культуры Дагестана.

Наряду с рассмотренными в данном разделе жилищно-хозяйственными комплексами, на территории древних городищ (Урсеки, Дербент, Таргу, Шыйша) открыты и небольшие, площадью 5-13 кв. м, однокамерные жилища (рис. 25, 78), иногда с небольшой хозяйственной пристройкой (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 73, 74; Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 18–21; Кудрявцев А.А. 1989. С. 5–7; Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. С. 7; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. С. 9), очевидно принадлежавшие рядовым, наименее состоятельным горожанам.

Для всех типов сооружений было характерно плоскостроительное перекрытие. На это указывают прежде всего находки каменных катков для утрамбовки покрытия крыши (Маммаев М.М. 1969. С. 223; Абакаров А.И. Гаджиев М.Г. 1983. С. 116). Изготовлены они из ракушечника и песчаника, длина их 43–45 см при диаметре 15–25 см. С торцевых сторон катков расположены пазы ( $d = 8-10$  см). Это строительное орудие, находившее применение при сооружении кровли домостроения и последующем ее ремонте и неоднократном обновлении, весьма характерно для Дагестана и имело почти в каждом традиционном доме. Правда, в недавнем прошлом употреблялись более крупные, утяжеленные катки длиной 80–100 см при диаметре 20–30 см (Хан-Магомедов С.О. 1956. С. 8).

Выше, при описании «дома бронзолитейщика» в Урсеки, приводился археологически зафиксированный характер покрытия кровли: слой комковатого суглинки и куски толстой глиняной обмазки с примесью соломы. Более четко определить структуру покрытия стало возможно при раскопках ворот Урсекской цитадели, которые имели перекрытие. Здесь отмечен слой рухнувших балок ( $d$  — ок. 20 см) и деревянного настила, поверх которого шел слой глины и затем настил из плитчатых камней (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 65). Подобное устройство покрытия крыши (с некоторыми вариациями) типично для традиционного дагестанского домостроения (Хан-Магомедов С.О. 1956. С. 8; 1961. С. 35; Агаширинова С.С. 1978. С. 185).

В условиях пересеченного рельефа, плотной застройки и ступенчато-террасной планировки поселения плоские кровли домов использовались не только как дополнительные площади для ведения хозяйства, выполнения различных домашних работ, но и играли важную коммуникационную и оборонительную функцию.

Среди архитектурных деталей, найденных при раскопках Урцекского и Верхнелабкомахинского городищ, были каменные полуцилиндры-желоба, которые, как полагают, использовались для стока воды (Маммаев М.М. 1969. С. 223; 1970. С. 14; Давудов О.М. 1973а. С. 123). Эта архитектурная деталь также характерна для традиционного дагестанского дома.

На Верхнелабкомахинском городище выявлен и водоотводный канал, проложенный вдоль узкой мошени улицы (Давудов О.М. 1973. С. 9; 1973а. С. 123). Участок канализационной системы для отвода сточных вод за пределы цитадели был раскопан на городище Урцеки (Котович В.Г. и др. 1963. С. 18, 19). Водосток прослежен на длину свыше 9 м, он вел от центральной, возвышенной части цитадели в западную сторону через помещение 6 раскопа 13 и сквозь толщу оборонительной стены (рис. 10). Для этого в восточной стене помещения было выложено прямоугольное отверстие (35 × 46 см) из вертикально и горизонтально поставленных плит. Такое же отверстие (40 × 40 см) было сделано и в оборонительной стене (толщиной 1,4 м), роль которой на данном участке выполняла западная стена помещения 6. В самом помещении водоотводный канал, располагаясь на уровне пола, примыкал к южной стене. Он также был сложен из плотно установленных на ребро плит (длиной ок. 0,5 м каждая) и сверху прикрывался горизонтально уложенными плитами. При этом плиты перекрытия опирались и на нижние ряды кладки южной стены помещения 6, выступавшие от грани на 15 см. Обращает на себя внимание конструктивная связь стен, кладок помещения и канала, свидетельствующая о целенаправленном, заранее продуманном и спроектированном строительстве водоотводной системы.

Необходимо сказать и о системе сбора воды, которая была открыта на городище Чакавуркент. Она представляла собой своеобразную каптажную систему сообщающихся резервуаров. Рядом с цитаделью в скальном обнажении было тщательно высечено около 70 ям-цистерн усеченно-конической формы. Глубина их 1,4–1,5 м, диаметр дна 1,5–2,0 м, диаметр округлого или овального устья 0,8–1,2 м. У некоторых резервуаров устье имеет подпрямоугольные очертания со сторонами 0,55–0,85 м. Нередко по краям имеются специальные выступы для крышек. Большая часть резервуаров соединена между собой посредством вырубленных каналов (округлого и овального сечения), расположенных на уровне дна или выше (Исаков М.И. 1948. С. 48; Котович В.Г. и др. 1964. С. 87; Маммаев М.М. 1969. С. 222). Эти цистерны по своей форме и размерам аналогичны хозяйственным, зерновым ямам, в большом количестве выявленным при раскопках городищ. Но именно система каптажа указывает на их водосборное назначение. Хотя не исключено, что они могли использоваться и для приготовления вина, являясь своеобразными винодельнями: одни из ям являлись давильнями, другие — сборными цистернами, куда по каналам стекал выжатый виноградный сок-сусло. Тщательное изучение этого интересного объекта с точной фиксацией системы сообщения, уровня ям и проводных каналов, очевидно, даст точный ответ. При этом можно предполагать их бифункциональное назначение.

Приблизительный общий объем резервуаров составляет 110–120 куб. м, что соответствует 110–120 тыс. литров. Такой внушительный объем запасов жидко-

сти, даже с учетом погрешностей различного рода (не все цистерны и не полностью заполнены, в одних — вода, в других — вино и т.п.), с одной стороны, давал возможность выдерживать многодневные осады, с другой — свидетельствует о важной роли виноградарства и виноделия.

Выполнение таких энергоемких, требующих больших материальных затрат работ, как сооружение системы высеченных в скальной породе резервуаров, очевидно, находило оправдание как в военно-стратегическом аспекте (возможность выдерживать осаду), так и в экономическом (получение прибавочного продукта, прибыли от продажи-обмена вина). Вместе с тем этот объект служит указанием на существование опытных специалистов-каменотесов, обладавших определенными проектировочными знаниями.

Хотя в архитектуре Дагестана рассматриваемого времени тесаный камень как стеновой материал практически не использовался, тем не менее обработка камня находила применение при изготовлении архитектурных деталей. Тщательностью изготовления отличаются цилиндрические базы-основания на городище Урцеки, составляющие большинство таких на памятнике (Маммаев М.М. 1969. С. 223), и базы «колонного зала» в Таргу (рис. 73). На них видны следы обтески широколезвийным (5–6 см) орудием: теслом или топором, причем, судя по зарубкам, с прямым и дуговидным лезвием. Оба эти универсальных орудия есть среди археологических находок. Железный топор (рис. 49, 12) найден в Урцеки — в заключительном слое помещения 2 раскопа 4, вместе с другими орудиями труда — пряслицами, жерновами (Котович В.Г. и др. 1960. С. 33). Тесловидный железный предмет происходит из погребения III–IV вв. н.э. Дербентского некрополя (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 99. Рис. 11, 27). Другое тесло (рис. 61, 21) из Дербента более позднего времени — датируется VI в. — обнаружено в строительной траншее, вырытой при возведении раннесредневековой каменной цитадели (Гаджиев М.С. 1989. С. 69–72, рис. 6, 11). Ранний тип теслатопора с двумя выступами в верхней части, датируемый по аналогиям последними веками до н.э., представлен среди урцекских материалов (Маммаев М.М. 1969. Рис. 49, 9). Эти же орудия наряду с другими применялись и при изготовлении архитектурных деталей из дерева. Выше уже отмечались находки балок перекрытия, как правило диаметром 20–30 см. В помещении 8 раскопа 13 на территории цитадели Урцеки вместе с подобными обнаружена и четырехугольная в сечении балка, а в близрасположенном помещении 10 — остатки основания обугленного подпорного столба ( $d$  — ок. 20 см), покоившегося на каменной цилиндрической ( $d$  — ок. 30 см,  $h$  — ок. 25 см) базе (Маммаев М.М. 1969. С. 250; Котович В.Г. и др. 1963. С. 20, 26). В дверном проеме помещения 3 раскопа 3, рядом с цитаделью, в плите порога по бокам были сделаны глубокие пазы четырехугольной формы (шириной 20–24 см, глубиной 18–20 см), в которых сохранились остатки обгоревших досок дверного косяка (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 36). Интересен и пяточный камень, найденный на городище Таргу, на склоне у цитадели (рис. 79): он представлял собой крупную подтесанную овальную плиту (53 × 32 см), в которой был тщательно сделан круглый паз ( $d = 8$  см, глубиной 4 см) для установки вращающегося столба ворот, а рядом прямоугольная выемка (20 × 10 см, глубиной 5 см) для крепления доски рамы.

Анализ строительного дела и архитектуры (в том числе и фортификационной), характер изготовления отдельных архитектурных деталей и элементов, а также сам факт развернувшегося градостроительства свидетельствуют о выде-

лении специалистов-строителей. Можно полагать, что древние мастера-строители были универсалами, как это отмечается и этнографическими данными: кладчиками, каменотесами, плотниками. Очевидно, среди них выделялись и наиболее опытные мастера, руководившие строительными и проектными работами.

Выше, при описании застройки и планировки городищ, отмечалось, что, хотя они не носили строго регулярный характер, будучи зависимыми от рельефа, тем не менее подчинялись определенной регламентации. На основе изучения дагестанских этнографических параллелей можно предположить, что общиной устанавливались правила, касающиеся архитектурно-строительных работ, она же регулировала эти работы, наблюдала за их ходом, оказывала помощь в индивидуальном строительстве. Такая регламентация строительных работ требовала от их руководителей заранее продуманного плана, проекта. В меньшей степени это касалось индивидуального (жилищного) строительства, подчинявшегося общим (общины в целом) интересам<sup>72</sup>, прежде всего в земельно-правовом и военно-оборонительном аспектах, и в большей — общественного строительства, выражавшегося в строительстве фортификационных сооружений, культовых зданий, центральных улиц, дорог и т.п., к которому привлекались широкие массы населения.

Сказанное вместе с тем не дает оснований говорить о глубокой корпоративной специализации ремесленного труда в строительном деле (Давудов О.М. 1990. С. 30). Как и представители других ремесел, мастера-строители, очевидно, были тесно связаны с сельским хозяйством. Косвенно об этом свидетельствуют данные этнографов о сезонной организации труда строителей, которые проживали в каждом ауле и активно занимались и сельским хозяйством (Агаширинова С.С. 1978. С. 183).

Изучение строительного дела и архитектуры раннегородских центров Дагестана показывает, что именно в албано-сарматский период начинают складываться в основных чертах традиционные типы дагестанского дома. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические параллели, наблюдающиеся в архитектурно-композиционных и объемно-планировочных решениях, в строительных приемах и конструкциях, в интерьере зданий. Наряду с этим среди многообразия домостроений в рамках определенных типов каждое несет в себе индивидуальные черты, отразившиеся прежде всего в асимметрии объемной композиции, планировки, фасада. Но наблюдается и стремление к симметричным композициям, выразившееся в расположении ордера по центральным осям здания или параллельно стенам и наиболее ярко воплотившееся в «колонном зале» Таргу, архитектурная композиция которого в дальнейшем выразительно представлена в культовой (исламской) архитектуре Дагестана. В процессе творческого создания архитектурного облика здания в рассматриваемый период мастера-строители не выработали еще общепринятого типа дома с каноническими планами, фасадами и т.д., что также характеризует данную эпоху как начальный этап архитектурно-композиционного формирования традиционной дагестан-

---

<sup>72</sup> В качестве примера можно привести факт возведения оборонительной стены цитадели Урцеки на участке помещений 1–5 раскопа 13 с внутренней стороны их фасадной стены (рис. 53) за счет внутреннего пространства, тогда как на соседних участках (пом. 6, 7 раск. 13 и пом. 26–29 раск. 1) стена цитадели сооружалась за счет пристройки (утолщения) с внешней стороны фасадных стен помещений. Тем самым ущемлялись интересы обитателей помещений 1–5 (уменьшалась их площадь), но учитывались интересы общины в целом (увеличивалась эффективность обороны).

ской архитектуры. При этом, конечно, не исключается многовековой предшествующий опыт в области строительного дела и архитектуры, который гармонично вошел в архитектуру албано-сарматского времени и значительно обогатился кардинальными новшествами, позволяющими определять этот период в истории дагестанской архитектуры как важнейшую веху в развитии народного зодчества.

**Обработка камня** находила широкое применение при изготовлении не только архитектурных деталей, но и многочисленных предметов хозяйственно-бытового назначения, орудий труда. Этому способствовало наличие обширной сырьевой базы, большое количество выходов песчаника, ракушечника, известняков — относительно легкообрабатываемых и прочных пород камня. Камень шел на изготовление изделий, с одной стороны, не требовавших особой трудоемкой работы, мастерства, с другой — характеризующихся тщательностью выделки, немалыми затратами труда, необходимыми опытом и навыками в камнеобработке.

Каменные орудия труда и хозяйственно-бытовые предметы представлены зернотерками, пестами, жерновами, крышками, ступами, корытами, чашами, пряслицами, огнивами, абразивами, оселками, литейными формами (рис. 80).

Зернотерки имеют продолговато-четыреугольную с закругленными торцами или эллипсовидную форму. Рабочая поверхность их плоская или вогнутая. Для изготовления зернотерок помимо песчаника и ракушечника использовались речные булыжники. В Дербенте найдена заготовка из такого булыжника, продольно расколотога с выровненной рабочей стороной, но без следов сработанности. Размеры зернотерок различны: самая маленькая — 26 см в длину, самая крупная — 52 см, при ширине 10–23 см и толщине 4–9 см.

Песты, как и зернотерки, найдены в большом количестве. Они представляют собой продолговатые, овальные, реже подпрямоугольные в сечении речные голыши, как правило с расширяющимся обитым рабочим концом. Размеры их небольшие, и они удобно лежат в руке. Некоторые экземпляры имеют два рабочих конца.

Жернова, наряду с зернотерками, стали применяться для помола зерна с первых веков н.э. (рис. 80, 1–4). В Дербенте в слоях албано-сарматского времени они весьма малочисленны, но к середине I тыс. н.э. ручная мельница становится основным средством для помола зерна (Гаджиев М.С. 1988. С. 28). Этот вывод подтверждается и материалами Урцекского городища, в заключительном слое (V–VI вв.) которого не отмечено ни одной находки зернотерки, тогда как мельничные круги весьма многочисленны.

Найдены как верхние, так и нижние камни жерновов. Нижние круги имеют дисковидную форму с плоской нижней и плоской или слабовыпуклой рабочей поверхностями. У верхних камней нижняя, рабочая поверхность плоская или слабовогнутая, верхняя — слабовыпуклая или плоская. В центре верхнего жернова, в отличие от нижнего, отверстие часто имеет конусовидную форму для засыпки зерна. На верхних камнях, чаще около края, делались углубления или отверстия для деревянной рукояти, с помощью которой жернов вращался. Интересен верхний жернов ( $d = 33$  см) из слоя I — середины III в., найденный в Дербенте, имеющий два паза для насадки рукояти (рис. 80, 3). Оба паза расположены в одном секторе круга, что исключает одновременное использование двух рукоятей. Очевидно, первоначально было одно углубление, ближе к центру (в 8,4 см от центра), но вследствие слабой рычажной силы и низкого коэффици-

ента полезного действия было сделано второе углубление для ручки, расположенное ближе к краю (в 12,6 см от центра). Это дало возможность уменьшить прикладываемую при вращении жернова физическую силу и увеличить продуктивность ручной мельницы.

Мельничные жернова Дербента имеют диаметр 30–48 см при толщине 3–7 см (там же, с. 28), причем с течением времени размеры жерновов увеличивались. Очевидно, этот факт нашел отражение и в материалах Урбеки, где в поселениях найдены жернова диаметром 45–60 см при толщине 8–12 см (Маммаев М.М. 1969. С. 217). Подобное увеличение формата жерновов в IV–V вв. отмечалось исследователями по материалам Средней Азии и, вероятно, предшествовало появлению водяной и тяговой мельниц (Литвинский Б.А. 1978. С. 33–35). Можно полагать, что в этот процесс развития средств производства был вовлечен и кавказский регион. Эволюция ручной мельницы отразилась и в усовершенствовании ее конструкции: в появлении возвышающейся втулки в центральной части верхнего жернова, окаймляющей отверстие для насадки на неподвижную ось. Три фрагмента таких жерновов происходят из Дербента: два из них найдены в раскопе XI, в слое переходного времени от албано-сарматского к раннесредневековому периоду (III — нач. V в.), один — на полу в «доме кузнеца» I — сер. III в. (рис. 80, 4). Примечательно, что этот тип жерновов имеет крупные размеры ( $d = 44\text{--}48$  см).

Крышки для сосудов, главным образом крупных хозяйственных, судя по их частым совместным находкам, составляют весьма многочисленную категорию. В особенно большом количестве они обнаружены на Урбекском городище. Крышки имеют форму диска ( $d = 18\text{--}30$  см), толщиной 4–6 см. Изготовлены они из ракушечника. Урбекские экземпляры представлены двумя типами: 1) имеющие с внутренней стороны по краю небольшой кольцевой бортик и 2) имеющие на внутренней поверхности по краю кольцевой паз-желоб и в центре — дисковидный выступ. Эти крышки отличаются тщательностью изготовления. М.М.Маммаев, исследовавший камнеобработку Урбекского городища, считает, что в городе было налажено массовое производство их с применением несложных механических приспособлений (Маммаев М.М. 1969. С. 221, 222; 1970. С. 13, 14). В Дербенте в употреблении были крышки ( $d = 15\text{--}28$  см) из дисковидных речных гольшей с ретушированными краями (Гаджиев М.С. 1988. С. 29). Найдена лишь одна целая крышка из хорошо обработанного ракушечника ( $d = 34$  см, толщиной 3 см), обнаруженная внутри раздавленного хума.

Ступы, изготовленные из ракушечника и реже из песчаника, немногочисленны и имеют цилиндрическую или полусферическую форму ( $h = 25\text{--}30$  см,  $d = 35\text{--}40$  см, глубина 20–25 см). Обнаружены они пока только на городище Урбеки (Маммаев М.М. 1969. С. 220; 1970. С. 13).

Каменные корытца, вытесанные из ракушечника, также представляют немногочисленную категорию хозяйственного инвентаря. Только два целых экземпляра найдено в Урбеки и один — в Дербенте, помимо обломков. Они имеют прямоугольную, немного продолговатую форму (Маммаев М.М. 1969. С. 221). Размеры корытцев из Урбеки составляют приблизительно  $55 \times 40$  см и  $50 \times 30$  см при толщине стенок 6–7 см. Первое было обнаружено в углу помещения 10 раскопа 2 у заложеного дверного проема в перевернутом состоянии; под ним в беспорядке лежали кости грудного ребенка (Котович В.Г. и др. 1962. С. 26). Корытце из Дербента (раск. VI) имеет размеры  $40 \times 30$  см при толщине стенок 5–7 см.

Каменные чаши (рис. 80, 9–14) представляют особый интерес для характеристики камнеобработки. Они являются относительно частой и характерной находкой на памятниках Дагестана III–VI вв. и происходят, в частности, из раскопок Урцекского, Охлинского городищ, Таргу, Дербента, Вихлинского, Паласа-сыртского поселений, Шыйшинского, Гапшминского могильников (Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. 1961. С. 280. Рис. 7, 1; Маммаев М.М. 1969. С. 221; 1970. С. 13; Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 75. Рис. 10, 5; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 116; Гаджиев М.С. 1988. С. 29; Мокроусов С.В. 1988. С. 16; Гмыря Л.Б. 1991. С. 183. Рис. 3). Чаши полусферической формы или с плавно расходящимися от дна стенками. Венчик, как правило, не выделен, слегка утончен или утолщен, с верхней горизонтальной площадкой. Редко венчик немного загнут внутрь, профилирован врезными линиями. По форме дна различаются плоскодонные чаши, на дисковидном и кольцевом поддонах, на усеченно-коническом поддоне-ножке. Диаметр устья чаш 16–30 см, высота 8–12 см, высота поддона 1,0–1,5 см. Высота поддона-ножки 3–5 см, диаметр поддона 12–20 см, толщина стенок 0,9–3,0 см. Эти чаши по форме и размерам близки к подобным керамическим образцам. Изготовлены они из мелкозернистого песчаника и отличаются тщательностью обработки, строгой симметричностью, правильными, законченными формами, гладкой отшлифованной поверхностью, что указывает на развитый характер камнеобрабатывающего дела, сложность использовавшихся в нем технических приемов. На поддоне одной из таких чаш (Дербент) хорошо видны следы подтески узколезвийным орудием (длина следа прямого лезвия 3 см), очевидно долотом. Изготовление таких чаш требовало сложной, продолжительной работы, высокого мастерства, профессиональных навыков и предполагает использование каких-то механических приспособлений, вероятно токарного станка, на котором производилась выточка изделий. В связи с этим следует упомянуть находку железного резца на городище Урцеки (Маммаев М.М. 1969а. С. 191, 192. Рис. 1, 11; 1970. С. 16).

Каменные пряслица, как и абразивы, литейная форма, рассматривались выше в соответствующих разделах. Здесь же важно отметить, что при изготовлении пряслиц из камня использовались такие технические приемы, как обточка, шлифовка, сверление. В Дербенте обнаружены заготовки пряслиц из кварцитового окатыша и гальки с двумя отшлифованными гранями (Гаджиев М.С. 1988. С. 29), а в Урцеки, Таргу — незаконченные пряслица с начатым двусторонним сверлением. Пряслица имеют биконические отверстия, указывающие на двустороннее сверление. Среди урцекских пряслиц встречены и просверленные трубчатым металлическим сверлом (Маммаев М.М. 1969. С. 246).

Очевидно, следует признать частью ручной дрели найденные в Урцеки и Дербенте каменные и керамические колесици ( $d = 8–15$  см) с центральным отверстием ( $d = 1,5–4$  см) (рис. 70, 28). Они весьма напоминают дисковидные пряслица, но отличаются от последних большими размерами и весом (до 0,5 кг). Конструкция такой торсионной дрели с ременным приводом, горизонтальной планкой и подвесным колесиком-грузом, усиливавшим инерционное вращательное движение и увеличивавшим давление на обрабатываемый материал, известна по дагестанским этнографическим материалам (Шиллинг Е.М. 1949. С. 83). Судя по находкам предметов, при изготовлении которых применялось сверление (каменные и керамические пряслица, колесици, оселки, втульчатые костяные наколенники стрел и др.), размерам и формам отверстий в них, в арсенале мастеров

были различные сверла диаметром 0,3–3,0 см, с узкими и широкими лопастями. Можно полагать, опираясь на этнографические параллели, что некоторые сверла весьма напоминали железные наконечники стрел, хотя не исключено, что последние при необходимости использовались и в качестве орудий труда, будучи насаженными на вертикальную ось дрели. Более тонкие игловидные сверла ( $d = 0,2-0,3$  см) употреблялись при изготовлении каменных бус.

Оселки — нередкая находка в памятниках Дагестана албано-сарматского и гуннского времени (рис. 50, 23, 56, 25, 76, 8). В частности, они найдены в Урцехи, Дербенте, Таргу, на Охлинском, Нижнечуглинском городищах (Маммаев М.М. 1969. С. 224; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. С. 105, 106. Рис. 6, 10; 1983. С. 115, рис. 6, 2; Гаджиев М.С. 1988. С. 25, 29). Они изготовлены из пластинчатых удлиненных галек, имеют подпрямоугольную форму с закругленными, утонченными торцами и подпрямоугольное или овальное сечение. Ширина рабочей части оселков 1,5–2,2 см. Целыми найдены небольшие оселки, длиной 5,5–7 см. Более крупные, очевидно, имели длину до 12 см. Такой длины целый оселок происходит из Урцехского некрополя (Котович В.Г. и др. 1963. С. 37. Рис. 7, 31). Оселки имеют у торца отверстие для шнура биконической формы, с двусторонним сверлением, диаметром 0,3–0,5 см и диаметром воронки 0,5–0,8 см. Один из представленных экземпляров имеет два отверстия у противоположных торцов, одно из которых обломано. Такого типа целый оселок с двумя отверстиями найден в Хабдинском могильнике (Пикуль М.И. 1967. С. 44. Рис. 11, 7). Помимо просверленных оселков встречались и узкие пластинчатые гальки без отверстий, длиной 8–15 см, с выработанной одной-двумя гранями, также использовавшиеся для заточки режущих металлических предметов (Гаджиев М.С. 1988. С. 25). А из Охли происходит оселок из речной гальки с несверленным отверстием (Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 14).

Следующая категория изделий из камня обычно именуется исследователями «отжимниками», «отбойниками», «ретушерами» (рис. 44, 9, 52, 27, 56, 21, 22, 76, 9). Изготавливались они исключительно из кремнистой породы и представляли собой подтреугольные в сечении бруски длиной 4–10 см. На территории Дагестана они известны с энеолитической эпохи — три экземпляра имеются среди сборов подъемного материала на Тарнаирской стоянке (Марковин В.И. 1959. С. 24, 26. Рис. 2, 16, 17), что позволяет говорить об их вторичном использовании в албано-сарматское время. Интересно, что их относительно часто находили на памятниках этого периода (и вплоть до сер. I тыс. н.э.) как в Дагестане<sup>73</sup>, так и на сопредельных территориях, и совсем они не встречались при раскопках памятников периода неолита — ранней бронзы, характеризующегося развитой каменной индустрией (см., например: Гаджиев М.Г. 1991. С. 44–61, 181–189). Эти данные не исключают возможное сохранение техники ретуши и изготовление данных предметов в указанное время. В связи с этим следует обратить внимание на отмеченное Л.Б.Гмырей налаженное производство орудий труда из кремня на Паласа-сыртском поселении IV–VI вв. (Гмыря Л.Б. 1988. С. 45). Вместе с тем более оправданным будет видеть функциональное использование рассмотренных предметов в качестве огнив-кресал.

<sup>73</sup> Известно по крайней мере около 30 находок «ретушеров» в памятниках Дагестана этого времени (Дербент — 5 экз., Таргу — 1, Паласа-сырт — несколько экз., Карабудахкент — 2, Башлыкент — 1, Ленинкент — 1, Урцехи — около 10, Шейша — 1, Цархи-гоцо — 2 экз.).

Помимо названных изделий, представляющих производственный инвентарь, камень находил применение для изготовления предметов вооружения. Это ядра ( $d = 10\text{--}20$  см), выявленные при раскопках Урзеки, Дербента, Охлинского, Верхнелабкомахинского городищ (Котович В.Г. и др. 1964. С. 23; Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. С. 14; Давудов О.М. 1973. С. 9; 1973а. С. 123; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 116; Кудрявцев А.А. 1987б. С. 37. Рис. 57, 5). Сделаны они из кремня (Дербент, Охли, В.Лабкомахи), песчаника и известняка (Урзеки). Находки их свидетельствуют о важных новшествах в военном деле Дагестана в конце албано-сарматского периода и в гуннское время: размеры и вес ядер позволяют говорить об использовании каких-то метательных машин типа баллист.

Следует упомянуть также о находке на городище Урзеки (пом. 10 раск. 2) отполированной до блеска сферической булавы с отверстием из пористого камня (Котович В.Г. и др. 1962. С. 26). К сожалению, иллюстрация булавы не приведена в отчетных данных, а сама находка утеряна. Это единственный экземпляр такого рода оружия на территории Дагестана рассматриваемого времени, что предполагает его вторичное использование, как и каменных топоров, обнаруженных на городище (Марковин В.И. 1973. С. 9–12. Рис. 1, 2, 4, 8, 5, 14) и относящихся к эпохе ранней бронзы.

Камень находил применение и при изготовлении культовых предметов, амулетов. Три таких предмета обнаружены на Урзекском городище. Два из них, сделанные из меловой породы, схематически передают фаллос (рис. 80, 15, 16) (Котович В.Г. и др. 1964. С. 5, 17; Маммаев М.М. 1969. С. 225; Давудов О.М. 1974. С. 95. Табл. XIX, 80). Третий представляет собой стержень, длиной 6 см, с перехватом посередине (рис. 80, 17). Одна половина его имеет круглое сечение, другая — треугольное, на двух гранях которой процарапаны прямоугольники с линейными знаками внутри (Котович В.Г. и др. 1962. С. 69, 70. Рис. 101а, 17; Маммаев М.М. 1969. С. 225; 1972. С. 94. Рис. 6).

К этому следует добавить информацию авторов раскопок городища Урзеки о двух каменных бабах, оформлявших вход на городской некрополь (Котович В.Г. и др. 1964. С. 16). К сожалению, иные данные об этих объектах отсутствуют. Тем не менее сам факт существования их весьма примечателен и не выглядит необычным. Достаточно напомнить свидетельство Мовсеса Каланкатуаши, относящееся к событиям V в., о «служении идолам», «почитании скверных кумиров» населением Кавказской Албании и указать на находки каменных изваяний этого времени на территории Азербайджана, причем в ряде случаев связанных с некрополями или отдельными погребениями (Геюшев Р.Б. 1984. С. 60; Геюшев Р.Б., Халилов М.Дж. 1986. С. 3–24; Халилов М.Дж. 1987. С. 8–15).

Очевидно, к культовым предметам следует отнести и найденный на Урзекском городище небольшой орнаментированный прямоугольный параллелепипед ( $9 \times 8 \times 6$  см) (рис. 80, 7). Он тщательно выточен из тонкозернистого ракушечника, а грани его украшены плоскорельефным растительным орнаментом в виде трилистников в несколько геометризованном виде (Маммаев М.М. 1989. С. 85). Это пока единственный для рассматриваемого времени и наиболее ранний (сер. I тыс. н.э.) предмет, характеризующий художественную обработку камня. Вместе с тем он — пока наиболее раннее на Восточном Кавказе изделие, которое представляет орнамент из трехлепестковых пальметок<sup>74</sup>. Полагали, что этот

<sup>74</sup> Трилистник, венчающий ствол дерева, изображен и на известном постаменте с албанской надписью из христианского храма VI–VII вв. в Судагылане (Тревер К.В. 1959. С. 318. Табл. 28; Геюшев Р.Б. 1984. Табл. XII, 9).

предмет являлся архитектурной деталью, может быть, частью наличника окна или двери (там же). Но небольшие размеры его, орнаментация всех граней (кроме основания) позволяют скорее видеть в нем предмет культового обихода, возможно подставку.

Наконец, камень находил применение в украшениях — в производстве бус. Среди минералов, залежи которых имеются на территории Дагестана, в качестве поделочных камней могли использоваться сердолик, горный хрусталь и гагат (или другая разновидность бурого угля — лигнит). В процентном отношении бусы из этих минералов в памятниках Дагестана рассматриваемого времени значительно уступают стеклянным<sup>75</sup>. Это может быть свидетельством немассового характера их производства, с одной стороны, и эстетических вкусов, ориентации местного потребителя этого вида украшений на импортные изделия из стекла (и пасты) — с другой. Особенно редко встречаются хрустальные бусины. Например, среди 1228 бусин, найденных в погребениях Дербентского некрополя II–IV вв., лишь одна хрустальная кубовидная (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 107). Еще две (сферические) бусины происходят из слоя этого же времени. Немногочисленны и сердоликовые бусины, причем среди них значительное место занимают темно-красные, темно-розовые, бурые с прожилками или одноцветные, монотонные, прозрачные, прекрасного качества шлифовки, имеющие индоиранское происхождение. К дагестанским могут быть отнесены бусины из красного, розового, светло-розового сердолика, худшего качества и обработки, часто рубленные, иногда с вкраплениями известняка в трещинах. Они имеют нечеткую плоскоцилиндрическую, сфероидную форму, с одно- и двусторонним сверлением.

Среди каменных бусин ведущее место занимает гагат, месторождения которого на территории Дагестана многочисленны, а сам камень, в отличие от сердолика, хрусталя, более пластичен. Основная масса гагатовых бусин, а именно нарезные короткоцилиндрические, дисковидные, имеет, по всей видимости, местное происхождение. На это может указывать не только наличие большого числа легкодоступных месторождений гагата в Дагестане, но и высокий процент изделий из гагата. Так, из 1618 бусин, обнаруженных в Урзеки, 460 (28,43%) составляют гагатовые. Столь высокий процент, а также находки бракованных экземпляров дали возможность М.М.Маммаеву сделать заключение, что Урзекское городище являлось одним из центров производства гагатовых бус (Маммаев М.М. 1969. С. 227; 1970. С. 14). Похожая картина наблюдается и в Дербенте: из 1228 экземпляров гагатовые бусины составляют 321, или 26,14% (Гаджиев М.С. 1997 г. С. 18). Эти высокие показатели резко выделяют Дагестан по сравнению с северокавказскими памятниками первой половины I тыс. н.э., где гагатовые бусы, как правило, относительно немногочисленны. Это отличие также может подтверждать местное, дагестанское происхождение бусин из гагата и предполагать их экспорт в соседние области — на Северный Кавказ, в Нижнее Поволжье, Предкавказье, где названные типы (короткоцилиндрические, дисковидные) являются наиболее распространенными (см., например: Скрипкин А.С. 1984. С. 37; 1990. С. 85; Кереев Б.М. 1985. С. 219; Абрамова М.П. 1986. С. 165).

<sup>75</sup> Например, в Большом Буйнакском кургане, Гапшминском могильнике стеклянные бусины составляют 80–90% (Ковалевская В.Б. 1973. С. 67), в Дербентском могильнике — 69,38%. Столь многочисленны они и в других могильниках албано-сарматского и раннесредневекового периодов.

Среди гагатовых бусин импортными, вероятно, являются каплевидные (топориковидные), уплощенно-прямоугольные, которые найдены в Дербенте, Урзеки, на других памятниках Дагестана и распространены в позднеантичных памятниках Боспора, Херсонеса, где известны и бронзовые экземпляры (Алексеева Е.М. 1978. С. 19, 26. Табл. 42, 6, 7; Зубарь В.М. 1982. С. 102, 103. Рис. 68, 8–11). При этом необходимо учитывать, что исследователи полагают поступление изделий из гагата в Северное Причерноморье, где они составляют обширную группу украшений, из северокавказских центров их изготовления (Археология СССР. 1984. С. 239). Однако значительное разнообразие типов гагатовых изделий в северопричерноморских памятниках, специфические формы гагатовых бусин, не встречаемые на Северном Кавказе, высокая техника обработки их позволяют говорить о поставках не столько готовых изделий, сколько собственно минерала, заготовок, которые обрабатывались в ювелирных мастерских Боспора, Херсонеса, Ольвии. Вместе с тем сказанное позволяет считать Дагестан, точнее, его торгово-ремесленные центры одним из главных поставщиков гагата в Северное Причерноморье (Гаджиев М.С. 1997г. С. 18).

Куски гагата, в том числе отшлифованного, были найдены в Паласыртском могильнике (Гмыря Л.Б. 1985. С. 156), а в погребениях Дербентского и Карабудахкентского № 3 могильников обнаружили куски горного хрусталя (Смирнов К.Ф. 1961. С. 214; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 97). Помимо названных минералов для изготовления бус использовались отчасти и другие породы камня: единичными экземплярами представлены бусины из мела, известняка, мергеля, мраморизованного известняка, тонкозернистого песчаника, кремневой породы. В качестве подвесок часто использовались и просверленные каспийские раковины, в отличие от поделочных камней они не требовали специализированного труда.

Как отмечал М.М.Маммаев, изучавший каменные изделия Урзекского городища, процесс обработки минералов — гагата, сердолика, хрусталя — являлся сложным и трудоемким, для него необходимо было знание качеств и свойств поделочных камней, применение тонких, относительно сложных операций — пиления, обточки, гранения, сверления, шлифовки, полировки, использование определенного комплекса совершенного инструментария — пилок, резцов, сверл, шлифовальных и полировальных приспособлений, зажимов (Маммаев М.М. 1969. С. 227; 1989. С. 85). Все это позволяет говорить о наличии выделившихся специалистов-камнерезов, профессионально занимавшихся добычей и первичной обработкой минералов, изготовлением из них украшений (Маммаев М.М. 1970. С. 14). Традиция обработки поделочных камней (гагата, лигнита, сердолика), изготовления из них бус сложилась в Дагестане еще в эпоху бронзы и, развиваясь и обогащаясь, сохранилась до этнографической действительности, например: еще в XIX в. сел. Вачи славилось мастерами по обработке гагата (Булатова А.Г. 1971. С. 72).

Приведенные материалы позволяют характеризовать камнеобрабатывающее производство раннегородских центров Дагестана как развитое. Такие же категории каменного инвентаря, как чаши, жернова, отчасти крышки к сосудам, представленные достаточно многочисленными экземплярами, предполагают специализированное производство. Количество и качество этих изделий позволяют говорить о ремесленном характере камнеобработки, о существовании ремесленников-мастеров по изготовлению хозяйственно-бытовых предметов. На-

званные изделия датируются первой половиной I тыс. н.э., причем основная масса — второй четвертью, что и дает основание отнести процесс выделения камнеобработки в самостоятельную отрасль ремесла к этому же времени. Однако не исключено, что строители-каменотесы занимались и изготовлением хозяйственно-бытового инвентаря, впрочем, параллельно с этим они могли заниматься камнеобработкой на уровне домашнего производства. Такое совмещение профессий, наблюдаемое и по этнографическим материалам, вполне допустимо, тем более для рассматриваемого времени, когда отсутствовала глубокая специализация труда ремесленника. Можно полагать, что, как и в других ведущих отраслях ремесла, мастер-каменотес, камнерез не только изготавливал каменные строительные и хозяйственно-бытовые изделия, украшения, но занимался и сельским хозяйством.

**Обработка дерева**, как и камнеобработка, не ограничивалась областью строительства, хотя эта сфера плотницких работ наиболее полно представлена археологически. Дерево применялось для изготовления таких архитектурных деталей, как колонны, столбы, подбалки и капители, балки и прогоны межэтажных перекрытий и кровли, консоли, дверные косяки, полотна дверей, ворот и др. Судя по находкам каменных ядер, можно полагать, что труд плотников использовался при создании метательных торсионных машин, которые делались в основном из дерева (Болдырев А.В., Боровский Я.Н. 1948. С. 286–291). Появление этого вида боевой техники у местного населения можно связывать с влиянием античного военного искусства в результате участия албано-дагестанских племен в военно-политических кампаниях в Закавказье и Передней Азии. Важнейшим видом плотницких работ, очевидно, было изготовление транспортных средств (повозок типа арбы, волокуши), основные детали которых были из дерева (см.: Османов М.-З.О. 1979. С. 110–133).

Дерево находило широкое применение при изготовлении предметов быта, вооружения (Маммаев М.М. 1970. С. 16). Это, в частности, ткацкие станки, веретена, гончарные круги, детали пахотных орудий и упряжи, рукояти к разным орудиям и инструментам, рукояти и ножны мечей и кинжалов, древки стрел, дротиков, копий, луки, шты и многое другое. Этнографические данные позволяют полагать, что дереву отводилось немалое место во внутреннем убранстве жилищ: деревянная домашняя утварь, посуда, что говорит о существовании такого вида деревообработки, как столярное дело. Об этом свидетельствуют и некоторые археолого-этнографические параллели, фиксирующие преемственность традиционно-бытовой культуры Дагестана на протяжении длительного исторического периода. Например, традиционные деревянные кружки-мерки и ступки, еще недавно широко использовавшиеся в обиходе горцев Дагестана, часто имеют зооморфные ручки (Дебиров П.М. 1982. Рис. 206–213), прототипы которых представлены в керамике Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового периодов. Впервые на это обратил внимание А.А.Миллер, отметивший генетическое родство и сохранение некоторых древних керамических форм и орнаментальных мотивов в традиционной деревянной утвари Дагестана (Миллер А.А. 1927. С. 69–75). К этому следует добавить близкое сходство декора названных типов деревянной посуды, представляющего треугольные штрихованные фестоны (Дебиров П.М. 1982. С. 206, 209, 227), с таковым на керамике Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. В частности, он почти аналогичен орнаменту на кружке с зооморфной ручкой из Ашага-Стал-Казмаляр-

ской катакомбы (Гаджиев М.С. 1986. С. 76. Рис. 2), а прототипом, очевидно, имеет подобный декор на ритуальных керамических чашах и небольших двуручных кувшинах, происходящих из Таркинского, Карабудахкентского № 1 могильников и других памятников Дагестана рубежа н.э. В качестве параллели можно назвать и чаши с кольцевой ручкой, которые представлены в традиционной деревянной дагестанской утвари и имеют близкие керамические аналоги III–VI вв. (рис. 47, 4, 6, 49, 2, 3) (см., например: Маммаев М.М. 1969. С. 68, 69; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. Рис. 12, 3, 16, 2). Отметим и сходство в оформлении кубовидными утолщениями ручек миниатюрных бронзовых ритуальных ложечек середины I тыс. н.э. (Гаджиев М.С. 1997б. С. 223–225. Рис. 3, 4, 8) и традиционных дагестанских деревянных черпаков, дуршлагов. Воспроизведение форм и орнаментов сосудов на изделиях, выполненных из различных материалов (металл, керамика, дерево), естественно, с теми видоизменениями, которые диктуют свойства этих материалов, — явление довольно распространенное, и на него не раз обращали внимание исследователи. Вместе с тем когда-то найденная форма, выработанный орнамент или деталь декора изделия в исходном материале могли со временем исчезнуть, но продолжить существование и развитие уже в ином материале.

Приведенные данные позволяют говорить не только об использовании в быту в рассматриваемое время деревянной утвари, но и о существовании художественной резьбы по дереву. Традиции деревообработки в Дагестане восходят к эпохе бронзы, с памятников которой происходят древнейшие изделия из дерева, в том числе художественные, привлекавшие внимание археологов и искусствоведов (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. 1956. С. 182. Рис. 9, 1, 2; Гаджиев М.Г. и др. 1965. С. 96. Рис. 68, 3; История Дагестана. 1967. Т. I. С. 80–81; Маммаев М.М. 1970. С. 15, 16; 1989. С. 110–112; Дебириев П.М. 1982. С. 34–36).

К деревообработке относится и изготовление плетеных хозяйственных предметов — коробов, корзин, сапеток, вершей. Остатки двух таких предметов, сплетенных из тонких прутьев, обнаружены в погребении I–II вв. Сиртичского могильника в Табасаране (Давудов О.М. 1986. С. 54). Один из них имел глиняную обмазку — любопытно, что именно в этой исторической области, а также в соседнем Кайтаге до сих пор сохраняется подобная турлучная техника изготовления тарных сосудов (Дебириев П.М. 1982. С. 15).

В процессе деревообработки мастера использовали такие упоминавшиеся выше инструменты, как топор, тесло, долото, дрель-бурав, токарный лучковый станок. Важно отметить, что последний применялся при изготовлении деревянного шаровидного сосуда из Чиркейского могильника середины II тыс. до н.э. (там же, с. 34) и деревянных чаш из Таргунского могильника и из могильника близ сел. Анчих раннесредневекового времени<sup>76</sup>. Железный резец от такого токарного станка, который, впрочем, мог употребляться и как ручной инструмент — ложкар, был найден на городище Урпеки (Маммаев М.М. 1969а. С. 191, 192. Рис. 1, 11; 1970. С. 16). Он имеет прямой длинный черенок для насадки и раскованную, сильно изогнутую, широкую, но короткую режущую часть. Рабочий конец резца обоюдоострый, и при необходимости мастер мог пользоваться

---

<sup>76</sup> М.А.Агларов на основании керамических кувшинов из погребения датирует чаши V–VII вв. (Агларов М.А. 1973. С. 60–61. Рис. 1), а М.М.Маммаев склонен относить их к XI–XII вв. (Маммаев М.М. 1989. С. 113. Рис. 188).

той или иной стороной лезвия, придававшей изделию соответствующую форму. Для резьбы по дереву использовались и ножи, найденные в большом количестве.

Обращает на себя внимание отсутствие на памятниках Дагестана находок металлических гвоздей, скоб или подобных предметов, использовавшихся для соединения элементов деревянных конструкций. Этот факт позволяет считать, что соединения в них выполнялись на одних врубках, шипах, клиньях и т.п. Интересно, что этот принцип скрепления частей деревянного изделия (плотницкого и столярного) без применения металла или клея традиционно сохранялся и господствовал в народной деревообработке Дагестана до недавнего времени (Мовчан Г.Я. 1969. С. 53; Дебилов П.М. 1982. С. 22, 25). Хотя нужно заметить и то, что некоторые племена Кавказской Албании (каспии) специально занимались изготовлением осетрового клея, который, по сообщению Клавдия Элиана (*De nat. anim.* XVII, 17), «очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится на всем, к чему прилипнет, и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им склеят, что если даже мочить его десять дней, он не распустится и не отстанет. Даже мастера по слоновой кости употребляют его и выделяют прекраснейшие вещи»<sup>77</sup>.

Можно полагать, что древние мастера по дереву хорошо знали свойства материала и для различных видов изделий использовали определенные породы древесины. Широкое применение дерева в архитектуре, хозяйстве, быту было обусловлено наличием обширной сырьевой базы — лесных массивов с богатым разнообразием. Очевидно, что деревообработка, занимавшая важное место в хозяйственной жизни населения Дагестана, как и многие ведущие виды производственной деятельности, носила двойственный характер. С одной стороны, ей присущи признаки домашнего промысла, когда не требовался квалифицированный труд для изготовления предметов из дерева, с другой — выделялись мастера, обладавшие необходимыми навыками, опытом и работавшие на заказ. Вероятно, не было и специализации внутри деревообрабатывающего ремесла: многие плотники могли заниматься и изготовлением деревянной утвари, и художественной резьбой. Можно считать, что определенными навыками деревообработки обладали и представители других ремесленных профессий, например кузнецы, изготавливавшие не только железные предметы, но и деревянные части к ним (ножны, рукоятки и т.п.). Такое совмещение профессиональных навыков и характер деревообрабатывающего производства отмечаются и по дагестанским этнографическим материалам.

**Косторезное дело**, судя по археологическим материалам, играло второстепенную роль в производственной деятельности населения Дагестана. При раскопках постоянно встречаются костяные изделия, изготовленные из трубчатых костей и ребер домашних и диких животных, из рога оленей, режущие косули (рис. 81). Представлены они по своему функциональному назначению орудиями труда, деталями вооружения, принадлежностями одежды и украшениями.

Орудия труда составляют упоминавшиеся пряслица, уплотнители нитей, а также иглы и проколки (рис. 81, 20–31, 39, 43–47). К этой категории изделий относятся и небольшие (длиной 4,5–7 см) концевые части рогов, очевидно применявшиеся в качестве лошил, костяные рукоятки ножей и шил, сделанные из

<sup>77</sup> Традиция изготовления рыбьего клея, причем как товарного производства, сохранялась позднее в Хазарии, а в приморской части Дагестана и Ширвана отмечалась еще в начале XIX в. (Броневский С. 1823. С. 458).

трубчатых костей (рис. 81, 33–37, 41, 42). Орудиями кожевников и скорняков, вероятно, являются изготовленные из ребер животных пластины с зарубками-зубцами по краю, использовавшиеся для очистки и размягчения кожи. Два таких предмета происходят из раскопок городища Урцеки (рис. 81, 18, 19).

Детали вооружения представлены накладками для лука и наконечниками стрел. Концевые накладки имеют обычную слегка изогнутую форму и вырез-паз для крепления тетивы (рис. 81, 16, 17). Срединная накладка (рис. 52, 20), найденная в склепе Урцекского некрополя (Маммаев М.М. 1979. Рис. 2, 8; 1989. С. 135. Рис. 233, 8), имеет по лицевой стороне циркульный орнамент. Такие накладки появляются в Дагестане, как и на всей территории Восточной Европы, в позднесарматское время, получают распространение в V в. и, как полагал еще А.Альфелди, являются деталями так называемого гуннского сложного лука (Alföldi A. 1932. S. 20–24). Наиболее ранние экземпляры их представлены в Дагестане среди материалов Урцекского городища, Джемикентской и Манасской подкурганых катакомб IV–V вв. (Круглов А.П. 1940. С. 67; Смирнов К.Ф. 1951а. Рис. 43,3), Паласа-сыртского поселения IV–VI вв. (Гмыря Л.Б. 1988. С. 42, 43. Рис. 4, 4–6).

Наконечники стрел (рис. 44, 11, 12, 50, 1–9, 51, 1, 2, 52, 21, 53, 1, 2, 56, 28, 81, 1–15) составляют наиболее массовую категорию изделий из кости. Они найдены при раскопках почти всех памятников рассматриваемого времени (Урцеки, Дербент, Охли, В.Лабкомахи, Цыйша, Чакавуркент и др.). Наиболее крупная и представительная коллекция их происходит из Урцеки (св. 50 экз.).

Представлены наконечники стрел втульчатыми и черешковыми. Первые особенно многочисленны и разнообразны: как правило, они имеют четырехгранную и трехгранную форму с опущенными шипами, редко без таковых. Четырехгранные имеют в сечении квадрат и редко прямоугольник; в Урцеки найден один экземпляр с ромбическим сечением (рис. 50, 9). Другой тип втульчатых наконечников — пулевидные; они немногочисленны и встречены пока только в Урцеки — пять экземпляров (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 70. Рис. 126; 1963. Рис. 16б, 1; 1964. Рис. 5, 1; Маммаев М.М. 1969. Рис. 55, 22–26) и в Цыйше — два экземпляра (Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 30. Рис. 10, 1, 5). Одним экземпляром из Урцеки представлен квадратный в сечении наконечник с выступающей, нескрытой круглой втулкой (рис. 81, 13) (Маммаев М.М. 1969. Рис. 55, 21).

Судя по материалам Берикейского могильника, втульчатые четырехгранные наконечники стрел из кости появляются в Дагестане в VI–V вв. до н.э. (Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В. 1978. С. 140. Рис. 3, 4). Но получают широкое распространение и становятся характерной категорией инвентаря они, как и другие типы костяных наконечников, в памятниках албано-сарматского времени. Наиболее же поздние находки их происходят из Паласа-сыртского поселения IV–VI вв. (Гмыря Л.Б. 1988. С. 43, 44. Рис. 5).

Костяные черешковые наконечники (рис. 44, 11, 52, 21, 81, 9–12) составляют немногочисленную группу (всего 17 экз., в том числе из Урцеки — 10 экз., из Охли — 4, из Калкни — 1, из Чакавуркента — 1, из Тумеляра — 1 экз.). Они имеют трехгранную в сечении головку и плоский черешок. Среди урцекских наконечников по одному экземпляру представлены с ромбической и трапециевидной в сечении головкой (рис. 81, 14, 15). Датируются они III–V вв.

Принадлежности одежды и украшения составляют малую часть изделий из кости. При раскопках найдено несколько бусин и подвесок, в том числе

из просверленного волчьего клыка. В Дербенте, Урзеки, Карабудахкентском № 3 могильнике (Смирнов К.Ф. 1961. С. 212. Рис. 37, № 7; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 70. Рис. 126; Кудрявцев А.А. 1987. С. 24. Рис. 66, 24) обнаружены костяные трубочки длиной около 10 см с отверстием у конца или в средней части (рис. 44, 13, 81, 33), возможно служившие подвесками, — подобная трубочка была найдена в захоронении Зеленоморского кургана-кладбища рубежа н.э. у шейных позвонков погребенного.

Из комплекса первых веков н.э. в Дербенте происходят цилиндрическая застежка или подвеска с перехватом в середине (рис. 81, 40), сделанная из рога (Кудрявцев А.А. 1987. Рис. 53, 38), и костяная нашивная орнаментированная бляшка (рис. 81, 38). Последняя имеет пластинчатую квадратную форму (3,5 × 3,5 см), два отверстия посередине и украшена на лицевой стороне циркульным орнаментом из двойных concentрических кружков. В Урзеки найдена своеобразная подвеска, сделанная из бугристого основания оленьего рога (Маммаев М.М. 1969. Рис. 54): она имеет круглую форму за счет вырезанной внутренней губчатой структуры и два отверстия у края для тесьмы.

Наконец, отметим находку в погребении 28 Зеленоморского кургана-кладбища рубежа н.э. музыкального инструмента типа флейты, изготовленного из трубчатой кости тура или сайгака (Салихов Б.М., Якубов М.А. 1990. С. 106–114).

Косторезы употребляли в целом тот же набор инструментов, что и столяры, — пилу, топор, нож, сверло, циркуль и др., характеризующие соответствующие приемы обработки материала (Маммаев М.М. 1970. С. 16). При раскопках в Урзеки и Дербенте найдены и заготовки, полуфабрикаты, отходы — отпиленные куски оленьих рогов, незавершенные изделия (незаточенные и без паза для нити или тесьмы иглы, рукояти без отверстий или с намеченным углублением для насадки черенка).

Представленные предметы из кости и рога в большинстве своем индивидуальны, просты в изготовлении. Эти признаки не позволяют квалифицировать данный вид производства как ремесло, указывают на его домашний промысловый характер. В перечне продукции косторезного дела исключение составляют трех- и четырехгранные втульчатые наконечники стрел, найденные в большом количестве и свидетельствующие о налаженном производстве их по крайней мере на Урзекском городище. К этому следует добавить раскопанное на цитадели Урзеки полуподвальное помещение (пом. 9 раск. 2), в котором было обнаружено большое количество целых рогов оленей и отпиленных кусков (Котович В.Г. и др. 1962. С. 24)<sup>78</sup>. Может быть, здесь находилась мастерская костореза и складское помещение, где хранилось сырье, хотя ни в этом, ни в соседнем помещении не обнаружены иные следы косторезного производства (инструментарий, полуфабрикаты, готовые изделия, отходы). Тем не менее эти данные, возможно, свидетельствуют о выделении специалистов-косторезов, производивших изделия на заказ. Уверенно же говорить о косторезном производстве как о ремесле, о высокопрофессиональных мастерах можно лишь применительно к последующему периоду, на что указывают, в частности, известные костяные высокохудожественные накладки из Верхнечирюртовского могильника (Магомедов М.Г. 1975. С. 275–281; 1979. С. 106–109. Рис. 2, 19, 23, 24, 3; Мамма-

<sup>78</sup> Небезынтересно упомянуть раскопанное близ Герменчика (Северный Дагестан) погребение позднесарматского времени в грунтовой яме, перекрытой деревянным настилом, поверх которого были аккуратно уложены рога 20 оленей (Пикуль М.И. 1952. С. 47, 48).

ев М.М. 1979. С. 79–88. Рис. 3–6), хотя не исключено, что эти предметы, изображения на которых несут печать сасанидского искусства, представляют собой импортные изделия.

Рассмотренные ремесла и промыслы не дают полного перечня производств, существовавших и развивавшихся в раннегородских центрах Дагестана. Но они представляют наиболее значимые виды производственной деятельности населения, определяющие экономическое развитие. С большой уверенностью можно говорить, например, и о существовании и развитии кожевенного и скорняжного дела, занимавшего существенное место в хозяйственной жизни (хотя кожаные, меховые изделия не представлены среди археологических материалов, за исключением мелких остатков на деталях поясного, портупейного набора, оружия и пр., — рис. 64, 38). О высокой роли скотоводства и охоты в экономике городищ свидетельствуют находки инструментария — специальных костяных скребков для сбивания мездры и размягчения шкуры, кожи, специальных игл для пошива кожаных и меховых изделий (Гмыря Л.Б. 1988. С. 39) и других предметов. С обработкой кожи были связаны такие производства, как изготовление одежды, обуви, головных уборов, шорничество и др. Очевидно, что мастера-кожевники, скорняки владели всеми этими видами производственной деятельности, о чем свидетельствуют этнографические материалы. Такое совмещение ремесленных профессий, обладание мастером навыками различных, но взаимосвязанных производств, наблюдаемое и по иным вышерассмотренным производствам, выступает характерной чертой ремесла в условиях отсутствия глубокого разделения труда и специализации (см., например: Рыбаков Б.А. 1948. С. 507).

Приведенные данные по ряду ведущих ремесел (гончарство, кузнечное и бронзолитейное производства), которые с полным правом могут быть применены и к другим видам производственной деятельности, как представляется, свидетельствуют о еще прочной связи ремесленника, его семьи с сельским хозяйством, земледелием; с большей долей вероятности можно говорить о сезонном характере этих занятий ремесленника-земледельца. Участием ремесленника в сельскохозяйственных работах не ограничивалась связь этих жизненно важных отраслей экономики. Развитие земледелия в немалой степени способствовало развитию ремесел, а последние в не меньшей мере влияли на прогресс в земледелии. Наиболее ярко этот взаимосвязанный, взаимообусловленный процесс виден в кузнечном производстве, гончарстве, камнеобработке. Производство железных орудий труда (в первую очередь сельскохозяйственных) предопределило бурное развитие земледелия. В свою очередь, развитие земледелия, увеличение объема сельскохозяйственной продукции существенно воздействовали на эволюцию гончарного производства, основная часть продукции которого была связана с сельским хозяйством, с продуктами земледелия и скотоводства. Широкое типологическое разнообразие керамики албано-сарматского периода — одно из принципиальных отличий ее от керамики предшествующего периода. Достаточно привести в качестве выразительного примера и широкое распространение в эту эпоху крупных хозяйственных сосудов-хранилищ, отражающих, с одной стороны, рост сельхозпродукции как следствие развития земледелия, с другой — новые приемы в технике и технологии гончарного ремесла.

Появление и распространение ручной мельницы отразило также как возросшую потребность в новых сельскохозяйственных орудиях труда, так и увели-

чение объема сельскохозяйственной продукции. Массовое производство каменных мельничных жерновов, крышек к хумам свидетельствует о развитии камнеобрабатывающего дела. Тесная связь ремесла и земледелия, таким образом, являлась важным фактором развития экономики и в целом прогресса общества, обеспечивая получение прибавочного продукта. Как представляется, для рассмотрения времени мы не можем констатировать полное отделение ремесла от земледелия, полное разделение труда ремесленника и земледельца, но позволительно говорить о развитии этого процесса, который значительно углубился, а в ряде ремесленных производств завершился уже в средние века в городах Дагестана (см., например: Кудрявцев А.А. 1982. С. 119–177).

Исследование различных производств крупных городищ Дагестана, выступавших раннегородскими центрами, и прежде всего гончарного и металлообрабатывающего ремесел, свидетельствует об изготовлении изделий не только на заказ, но и на рынок, т.е. указывает на существование и развитие мелкотоварного производства. Археологические материалы позволяют говорить об определенной специализации в керамическом и металлообрабатывающем ремесле. В гончарстве, очевидно, выделились такие обособленные производства по типам выпускаемой продукции, как изготовление столовой и тарной керамики, требующие особой техники и технологии производства. В металлообработке специализация произошла, вероятно, как по типам выпускаемых изделий, так и прежде всего по самому исходному сырью — самостоятельными производствами были кузнечное дело и обработка цветных металлов.

Изготовление высококачественной керамики, обработка железа, цветных металлов, камня, изготовление из них оружия, орудий труда, украшений, хозяйственно-бытовых предметов и т.д. требовали специальной подготовки, знаний, навыков и опыта. Профессиональное мастерство как технологическая основа обособления ремесла и связь ремесла с обменом явились двумя важнейшими моментами в выделении ремесла в самостоятельную отрасль экономики (Энгельс Ф. Т. 21. С. 165). Это заключение не противоречит выводу о тесной связи ремесла с сельским хозяйством: первые стадийные формы его (работа на заказ, мелкотоварное производство на рынок) выступают в тесном соединении с земледелием (Ленин В.И. Т. 3. С. 378). Вместе с тем, как отмечалось, в процессе разделения труда между земледелием и ремеслом шло и становление города — продукта и основы дальнейшего развития этого процесса (Энгельс Ф. Т. 21. С. 165; Т. 23. С. 365).

Многие производства носили и характер домашних промыслов. Например, наряду с изготовлением керамики для потребителя, на рынок практиковалось производство ее для личных нужд. В значительной степени характер домашнего производства был свойствен прядению и ткачеству, деревообработке, камнеобработке, косторезному делу.

Производственные центры Дагестана обеспечивали ремесленной продукцией в необходимом количестве не только ближнюю округу, но и удаленные районы. Например, керамика южно- и центральнодагестанских центров обнаруживается в памятниках Северного Дагестана и за его пределами (о торговых связях Дагестана см.: Гаджиев М.С. 1997 г). Вместе с тем малочисленность раннегородских центров, все еще относительно стадийно невысокий уровень развития ремесла определяли существование ремесленных производств и на сельских поселениях. В частности, гончарное производство характерно для поселения Ган-

зир, железоделательное отмечено на Макинском поселении, бронзолитейное — на Паласа-сыртском. Это было и следствием низкого уровня концентрации ремесла в ранних городских центрах. Но важно то, что видна перспектива развития, начало процесса концентрации функций ремесленного производства на крупных городищах и дифференциации труда между ранними городами и небольшими сельскими поселениями.

В представленных археологических материалах в топографии городищ не наблюдается территориального выделения ремесленников и тем более разделения их поквартально по виду ремесла. Жилища ремесленников, судя по «дому кузнеца» в Дербенте, «дому бронзолитейщика» в Урзеки, совмещены с мастерскими, для которых отведено одно из помещений; они не отличались по своему архитектурному облику от домостроений других членов общины. Наряду с этим в некоторых отраслях ремесла, для производственных процессов которых требовалась более обширная площадь, нежели небольшое помещение, а также, вероятно, соблюдение пожарной безопасности, производственные сооружения компактно сосредоточивались, выносились за пределы домостроений, на окраину городища. Так, в Дербенте отмечен целый производственный участок, связанный с железоплавильным делом, на Верхнечирюртовском, Андреяульском городищах, поселении Ганзир гончарные печи группами расположены на окраинных склонах памятников. Этому способствовала и плотная застройка городищ и поселений. На основе этих данных можно предположить, что труд ремесленника, организация его труда в какой-то мере регламентировались общиной (см.: Маммаев М.М. 1974. С. 169–180).

Данные, полученные в результате изучения различных ремесленных производств, свидетельствуют об их интенсивном развитии, о достижении ими нового стадийного уровня развития, качественно новой технической и технологической ступени, для которых характерны новые способы и средства производственного процесса. Это является важнейшим показателем подъема экономики на территории Дагестана в албано-сарматский период и в большей мере в первых веках н.э. Развитие различных видов ремесла шло параллельно и вместе с процессом становления и развития городской жизни и оказывало глубокое влияние на социальные перемены в дагестанском обществе. Ремесленник становился важной, общественно значимой фигурой.



**instituteofhistory.ru**

## 2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В предыдущем разделе уже говорилось о значительной роли сельского хозяйства в экономике раннегородских центров Дагестана. Особо подчеркивались тесная взаимосвязь и взаимодействие ремесла и земледелия, обеспечивавших экономическое и социальное развитие общества. Поэтому без исследования сельского хозяйства и его отраслей, без определения места и роли аграрного сектора наши представления об экономической системе и экономическом базисе раннего города Дагестана и в целом региона будут не только далеко не полными, но и односторонними.

**Земледелие**, судя по археологическим данным, занимало важнейшее место в экономике городищ, и значительная часть их населения была задействована в аграрном секторе. На это прежде всего указывают историко-топографические материалы, расположение городищ в окружении выгодных для хозяйственного использования земельных угодий. Так, замкнутая геоморфологическая зона, в которой расположено городище Урбеки, занимает территорию свыше 2000 га и представляет собой долину, окаймленную с трех сторон горными грядами и открытую со стороны р. Количи. На всем этом земельном пространстве можно найти следы его интенсивного использования в виде террасированных склонов хребтов, ограждающих долину, повсеместных находок в пределах долины фрагментов керамики (идентичных керамическому комплексу городища), остатков одиночных, нередко крупных, каменных строений (Котович В.Г. и др. 1960. С. 9), возможно хозяйственных загородных построек. Эти данные характеризуют территорию Урбекской долины как довольно обширную и активно использовавшуюся сельскохозяйственную округу, непосредственно связанную с городищем.

Значительную сельскохозяйственную периферию имело и городище Таргу. Она, по определению В.Г.Котовича, занимала площадь не менее 1000 га (Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. С. 74) и располагалась вдоль широкой аллювиальной поймы р. Гамри-озень и на прилегающем с севера ровном плато. Большие земельные массивы террасированных горных склонов окружают и городища Левашинского плато.

Можно полагать, что в качестве сельскохозяйственных угодий активно использовалась равнинная территория Приморского Дагестана, особенно в прилегающей к городищам округе, обеспечивавшей их существование и функционирование. Например, примыкающая к Махачкалинскому (Таркинскому) городищу территория между морем и горой Тарки-тау уже в раннем средневековье была ограждена «длинными» стенами (Котович В.Г. 1974а. С. 238–241). И очевидно, эта межстенная зона, занимавшая площадь в 700–800 га, использовалась по сельскохозяйственному назначению (там же, с. 241). По крайней мере позднее арабские авторы (Истахри, Ибн Хаукаль, Мукаддаси, Идриси, Йакут) отмечают как примечательную особенность Семендера, веско отождествляемого с Махачкалинским городищем (там же, с. 232–255), огромное количество в его округе виноградников (Заходер Б.Н. 1962. С. 179–181). Причем, по Истахри, эта сельскохозяйственная культура преобладала над остальными и многочисленные сады и виноградники тянулись до самого Баб ал-абваба (Дербента).

Можно не сомневаться в том, что земледельческое освоение Прикаспийской равнины, фиксируемое арабскими авторами, произошло здесь задолго до арабо-хазарского времени и было результатом многовекового труда местного оседлого населения, в том числе жителей городищ, расположенных у равнины (Дербент, Чакавуркент, Эскиюрт и др.). Такая связь равнины и близлежащих городищ нашла отражение, в частности, в выявленной на городище Чакавуркент системе каптажных сообщающихся резервуаров (см. главу III.1), высеченных в скальной породе и, вероятно, служивших для приготовления и хранения вина. Большой общий объем резервуаров (ок. 110–120 тыс. л), огромный труд, вложенный в их сооружение, — свидетельство не только значительной роли виноградарства и виноделия, но и их товарной направленности. На это указывают и получившие широкое распространение с албано-сарматского времени на тер-

ритории Дагестана крупные тарные сосуды, служившие для хранения виноматериалов и зерна.

Значительную сельскохозяйственную округу уже в албано-сарматский период имело и Андрейаульское городище, окруженное многочисленными древними ирригационными каналами, протянувшимися на десятки километров (Атаев Д.М., Магомедов М.Г. 1974. С. 135; Магомедов М.Г. 1983. С. 97; История народов Северного Кавказа... 1988. С. 128). Исследователи эту оросительную систему априори относят к хазарской эпохе и считают памятником интенсивного орошаемого земледелия Хазарского каганата. Датировка таких объектов всегда вызывает трудности (ср., например: Алиев К. 1974. С. 203–205). Не подвергая сомнению функционирование этих древних гидротехнических сооружений в хазарский период, тем не менее выскажем мысль об их возникновении в албано-сарматский период, точнее в первые века н.э., к которым относится первый период бытования Андрейаульского городища. Косвенным аргументом в пользу этого мнения является большое количество крупных зерновых ям (глубиной 1,5–3,4 м при диаметре дна 1,4–2,4 м), выявленных на городище. Стратиграфически и хронологически они связаны не с верхним слоем, относимым к хазарской эпохе, а с нижним и средним слоями, датируемыми соответственно албано-сарматским и гуннским временем (Атаев Д.М., Магомедов М.Г. 1974. С. 129–131). Этот факт довольно ярко отражает значительный подъем и интенсивный характер земледелия, рост производства зерновых культур именно в первой половине I тыс. н.э., что, возможно, было обеспечено за счет создания и использования ирригационных сооружений вокруг Андрейаульского городища.

К такому выводу приводят и почвенные исследования в Северном Дагестане, и в частности в районе Андрейаульского городища. В заложенных здесь разрезах были отмечены явные следы повышенной активности почвенной биоты начиная с первых веков н.э., с полным основанием фиксирующие древний агрикультурный горизонт и предполагающие наличие здесь в рассматриваемое время орошаемого земледелия (Лисицына Г.Н., Костюченко В.П. 1976. С. 36–37).

Аграрная направленность экономики городищ нашла отражение и в характере их застройки. Выше отмечалась различная плотность застройки определенных структурно-территориальных частей городищ. Так, в отличие от цитадели и непосредственно прилегающих к ней участков, расположенных в наиболее возвышенной, господствующей части городища и представлявших историческое ядро, территории более удаленные, с относительно ровным рельефом, у оснований холмов, склонов, не имели высокой плотности застройки. Иная структурная организация пространства окраин городищ, характеризующая разреженной застройкой, была обусловлена не только определенным (начальным) этапом процесса обживания этой территории, ростом поселения в целом, слабой защищенностью этой зоны, но и удобством ее сельскохозяйственного использования.

Включение аграрного элемента в структуру городищ, как и роль земледелия в их экономике, отразилось в размещении на их обживаемой территории значительного количества зерновых ям, занимавших, очевидно, немалое пространство. Уже приводился пример Дербента, где на двух участках площадью около 160 и 250 кв. м, рядом с жилищно-хозяйственными комплексами рубежа — первых веков н.э. были расположены соответственно 33 и 22 хозяйственных ямы,

большая часть которых первоначально служила для хранения зерна и пищевых продуктов (Гаджиев М.С. 1988а. С. 7; Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. С. 7).

Высокая концентрация зерновых ям, большое их количество (даже с учетом их относительной хронологии, возможной некоторой разновременности) свидетельствуют о занятии сельским хозяйством, и в частности земледелием, обитателей рядом располагавшихся архитектурных комплексов (домовладений). На это указывают и обнаруженные в помещениях зернотерки, жернова, остатки хлебных печей типа «тендир» и специальной печи типа «кор», служившей для обжаривания зерна и выпечки хлеба. Последняя имела двухкамерную конструкцию, овально-подпрямоугольную форму, размер 1,2 × 1,1 м. Камеры располагались рядом горизонтально, но узкое топочное отделение (0,9 × 0,15 м) находилось на 10–13 см ниже уровня обжигательного, и их разделяла глинобитная перегородка. Основание печи было выложено бутовым камнем на глиняном растворе и сверху обмазано толстым (5–8 см) слоем глины, в который были уложены фрагменты разбитого горшка<sup>79</sup>.

Описанное устройство пода печи зафиксировано и на городище Урбеки. Здесь в одном из помещений жилищно-бытового комплекса первой половины — середины I тыс. н.э. (пом. 2 раск. 3) в углу располагалась прямоугольная печь (1,4 × 1,15 м), выложенная на высоту около 0,4 м из плоских плит на глиняном растворе, поверх которых были поочередно уложены четыре слоя глины и три слоя выкладки из фрагментов стенок тарной керамики, достигавших общей толщины 18–20 см. Эта площадка со слоевой субструкцией имела размер 80 × 75 см (Котович В.Г. и др. 1960. С. 25–26). Верхняя часть конструкции печи не сохранилась, но, судя по размеру площадки пода и равномерному слою золы и пепла, печь была однокамерная и, вероятно, многофункциональная.

Пока только в Дербенте выявлены относящиеся к албано-сарматскому времени специальные печи-тендиры, представлявшие собой усеченно-конической ( $d = 1$  м) формы хлебопекарные устройства с глинобитными стенками. Судя по этнографическим данным, эти печи также использовались и для обжаривания зерна. При этом в разогретую печь помешали зерно на специальных жаровнях-«садж». Отметим, что подобные дисковидные керамические жаровни без бортика также обнаружены в культурных слоях Дербента албано-сарматского и ранне-средневекового времени и появляются на территории Дагестана еще в эпоху энеолита — ранней бронзы — в период становления и развития раннеземледельческой культуры региона (Гаджиев М.Г. 1991. С. 74, 206. Рис. 15, 1, 31, 6, 34, 27).

Зерновые ямы рубежа — середины I тыс. н.э., обнаруженные в Дербенте, Урбеки, Андрейауле, Таргу, имели цилиндрическую и усеченно-коническую форму. Судя по данным Дербента, где выявлено свыше 60 ям, усеченно-конические (колоколовидные) были более распространены. Основными они являются и на Андрейаульском городище. Как правило, ямы сооружались за пределами жилищ, но отмечены и случаи их устройства внутри помещений. Например, на территории цитадели Урбекского городища, характеризующейся высокой плотностью застройки, выявлено лишь несколько ям-хранилищ, расположенных внутри помещений (рис. 38), и ни одной вне пределов домостроений. Однако здесь же в каждом жилищно-хозяйственном комплексе встречено от трех до одиннадцати крупных тарных сосудов, расположенных, как правило, компактно

<sup>79</sup> Как параллель укажем, что подобное устройство пода печи отмечено и в античном Торике (Онайко Н.А. 1980. С. 37).

в одном из помещений (рис. 5–7, 38). В противоположность этому, в Дербенте на участках концентрации ям-хранилищ в прилегающих домостроениях обнаружено 1–3 таких крупных сосуда, обычно заглубленных в грунт. Как видно, характер застройки в определенной мере влиял на выбор средства хранения злаковых: при наличии свободного пространства сооружались ямы, при высокой плотности застройки зерно хранили в крупных сосудах. Исследователи Урцекского городища в отчетах о раскопках не отмечают находок зерен злаковых в этих сосудах, хотя в обобщающей работе (История Дагестана. 1967. Т. I. С. 109) говорится об обнаружении большого количества зерен пшеницы, ячменя, льна. Тем не менее найденные в каждом домовладении мельничные жернова, большое количество тарной керамики позволяют говорить о хранении зерна в крупных тарных сосудах. Археологические и этнографические параллели (Блаватский В.Б. 1953. С. 129–130; Бабаев И.А. 1990. С. 121) также подтверждают их использование для хранения жидких и сыпучих пищевых продуктов, главным образом вина и зерна.

Способ хранения зерна в ямах был широко распространен в древности и средневековье; в большом количестве зерновые ямы представлены на памятниках античного времени (см., например: Анфимов Н.В. 1951. С. 149–151; Лавров Л.И. 1952. С. 200; Блаватский В.Б. 1953. С. 130–134; Археология СССР. 1984. С. 154–155), в том числе и на территории Кавказской Албании (Бабаев И.А. 1990. С. 121). Подобные ямы-зернохранилища имеют и прямые аналогии в этнографии Дагестана и Азербайджана (Мустафаев И.Д. 1955. С. 13; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. 1967. С. 33; Агларов М.А. 1974а. С. 225). Они упоминаются и армянским автором V в. Мовсесом Хоренаци (Хоренаци. 1990. III, 32).

Некоторые из выявленных ям перед использованием обжигались, что было необходимо для их дезинсекции и сохранности зерна. Этим целям служила и зольная присыпка на дне ям, зафиксированная в ряде случаев. Нередко ямы имели внутреннюю глиняную обмазку. У устья нескольких ям, обнаруженных в Дербенте, располагались крупные терочные плиты с обработанной верхней площадкой, а в одной — на дне был сложен из нескольких плит прямоугольный «каменный ящик». Часто в заполнении ям и у их устьев наблюдалось скопление крупных необработанных плит, очевидно служивших для обкладки верхней части ямы и ее перекрытия. На городище Урцеки была обнаружена крупная яма, верхняя часть которой (на высоту  $\frac{1}{3}$  ямы) была выложена каменной кладкой; при этом устье ямы находилось на уровне древней поверхности. Подобные приемы устройства зерновых ям фиксируются и по дагестанским историко-этнографическим данным: в частности, автор видел такие ямы в покинутом селении Векеляр (Сулейман-Стальский район) и на средневековом городище Гияр-шехер (Курхский район).

Находки в отдельных ямах зерен злаковых, тщательность их устройства, конструктивные особенности, этнографические параллели позволяют считать, что первоначально они предназначались для хранения пищевых продуктов, главным образом обмолоченного и провевянного зерна, и лишь позднее многие из ям, судя по их заполнению, вторично использовались в санитарно-гигиенических целях.

По данным, полученным в Дербенте, объем ям в основном колеблется в пределах 0,9–2,6 куб. м, но встречаются и более крупные ямы объемом в 3,0–6,6 куб. м. Параметры зерновых ям Андреяульского городища (Атаев Д.М., Ма-

гомедов М.Г. 1974. С. 129–131) близки дербентским и составляют примерно 1,0–2,5 куб. м, а отдельные, наиболее крупные, достигают 5–7 куб. м. Крупная яма-зернохранилище, исследованная на городище Урзеки, имела объем 5,1 куб. м (диаметр дна ок. 2,2 м, диаметр устья ок. 0,7 м, глубина 2,6 м). Верхняя часть этой ямы на глубину около одного метра была выложена камнем, а внутренняя поверхность ее обмазана глиной (Котович В.Г., Абакаров А.И. и др. 1961. С. 72).

Средний объем зерновых ям, по материалам Дербента, составлял 1,4–1,5 куб. м. Учитывая, что в литре помещается 790 г пшеницы или 648 г ячменя (Шмалько В.С. 1952. С. 43), полезный объем такой ямы составлял около 1000 кг пшеницы или 900 кг ячменя. Если исходить из рациона потребления зерна в 250 кг в год на человека<sup>80</sup>, то запасов зерна одной такой ямы хватало, чтобы прокормить четырех человек в течение года. При том факте, что зерновые ямы представлены в большом количестве и одной семье (домовладению), судя по их концентрации в жилищно-хозяйственных комплексах Дербента, принадлежало по крайней мере несколько ям-зернохранилищ, приведенные расчеты, несмотря на их некоторую условность, могут свидетельствовать о том, что семья не только обеспечивала себя зерном в течение года, но и имела немалые его излишки, использовавшиеся, очевидно, в качестве семенного фонда, стратегических запасов (на случай неурожая, войны и т.п.) и обменного продукта. Вместе с тем эти данные позволяют говорить о получении немалого прибавочного продукта в производстве зерна и о важнейшем месте в хозяйственной жизни местного населения возделывания зерновых культур.

Вопрос о принадлежности этих ям — чьей собственностью они являлись, общинной или семейной, — представляется важным и принципиальным. Отсутствие централизованных крупных зернохранилищ, специальных помещений-мукомолен, приуроченность зерновых ям, крупных тарных сосудов к определенным домостроениям (домовладениям), небольшие объемы зернохранилищ, повсеместные находки мукомольных средств (зернотерок, жерновов) позволяют говорить о частной (семейной) собственности на средства хранения и обработки зерна, о частном накоплении продуктов земледелия, особенно зерновых культур (а вероятно, и продуктов виноградарства), и ставит вопрос о посемейном возделывании этих культур, о парцеллярном характере хозяйства, о частном землепользовании и частной собственности на землю в рамках сельской (раннегородской) общины.

Приведенные материалы, свидетельствующие о широком распространении в Дагестане в албано-сарматский период (в особенности с рубежа н.э.) и в первые века средневековья средств для хранения земледельческой продукции, указывают не только на значительный рост объема производства и спроса на эту продукцию, но и на продуктивность земледелия, на его интенсивный характер, товарную направленность.

Этот вывод подтверждается появлением в первых веках н.э. и последующим распространением ручных мельниц, явившихся важным показателем подъема экономики в целом и сельского хозяйства (земледелия) в частности (Гаджиев М.С. 1988. С. 28–29, 33–34; 1996. С. 12).

---

<sup>80</sup> Эта несколько завышенная норма потребления учитывает преобладание мучной пищи как характерной черты традиционной системы питания народов Дагестана.

С различных объектов Дербента рубежа — первых веков н.э. происходят свыше 30 зернотерок (в обломках и целых) и несколько фрагментов мельничных жерновов, три из которых принадлежали усовершенствованной мельнице (рис. 80, 4). В последующий период ручная мельница уже господствует: из слоя III — начала V в. раскопа XI были извлечены шесть зернотерок и десять жерновов (в обломках), в том числе два — усовершенствованной конструкции. В дальнейшем в культурных напластованиях Дербента зернотерки уже не встречаются, и ручная мельница становится основным средством для помола зерна. Подобное явление наблюдается и на городище Урбеки, в верхнем, заключительном слое которого не было обнаружено ни одной зернотерки при относительно большом количестве мельничных кругов.

Весьма показательны и обнаружение в кургане 4 Львовского могильника Разрушаемый-2 (левобережье низовья Сулака) двух разбитых мельничных жерновов и зернотерок, сложенных во входной яме женского подбойного погребения (Пятых Г.Г. 1986. С. 37–39. Рис. 383–386). Погребение по зеркальцу-подвеске и браслету с перевязанными концами датируется концом I–II в. Находка мельничных кругов в хорошо датированном погребальном комплексе подтверждает данные, полученные при исследовании бытовых памятников, и согласуется с выводом о развитии земледелия в Северном Дагестане в первых веках н.э., сделанным выше по материалам Андреяульского городища.

Таким образом, стратиграфические и хронологические наблюдения указывают на появление в I–II вв. на территории Дагестана ручной мельницы, начальном сосуществовании их с зернотерками в дальнейшем и полном вытеснении последних к середине I тыс. н.э. Самые ранние жернова с территории Кавказской Албании (в пределах Азербайджана) также датируются рубежом — первыми веками н.э. (Исмизаде О.Ш. 1956. С. 44; Халилов Дж.А. 1962. С. 215; 1985. С. 133; Бабаев И.А. 1990. С. 121; Мехтиев Т.С. 1990. С. 13–14). Появление на территории Восточного Кавказа мельницы находилось в русле общего процесса распространения этого прогрессивного средства производства в различных регионах Евразии — на Кавказе, в Средней Азии, Северном Причерноморье, Западной Европе и т.д. (Чайлд Г. 1949. С. 41–42; Блаватский В.Д. 1953. С. 136–141; Исмизаде О.Ш. 1956. С. 153–154; Рикман Э.А. 1975. С. 137–139; Литвинский Б.А. 1978. С. 31–33).

Ручные мельницы обеспечивали значительно большую производительность труда, нежели зернотерки. Прослеживается, как отмечалось, и тенденция к увеличению размеров жерновов и их совершенствованию, что повышало их эффективность. Естественно, размеры мельничных кругов имели рациональный предел, ограниченный физическими возможностями человека. Иначе говоря, производительность жернова зависела также от его веса. Увеличение же диаметра при относительно малой толщине мельничного круга приводило к его поломке. В особенности это касается жерновов, изготовленных из ракушечника. Совершенствование же ручных мельниц — появление на верхнем круге вокруг центрального отверстия втульчатого утолщения (рис. 80, 4) — по всей видимости, имело целью предохранить верхний жернов от раскола и, следовательно, увеличить срок пользования им. В дальнейшем, судя по находкам из средневековых слоев Дербента, на верхних кругах, сделанных из ракушечника, появляется перегородка-утолщение, соединяющая втулку и паз для рукояти — места наиболее частого раскола жерновов.

Введение и распространение ручной мельницы, пришедшей на смену мало-производительным зернотеркам, как и распространение средств хранения зерна, отразило, с одной стороны, возросшую потребность в зерне, с другой — увеличение объема зерновой продукции. Возможности увеличения производства зерновых и удовлетворения растущей потребности в них были обеспечены, как представляется, за счет совершенствования культуры и техники земледелия, освоения новых земель.

Наличие пашенного земледелия на территории Дагестана уже в эпоху бронзы было обоснованно доказано В.Г.Котовичем (Котович В.Г. 1961а. С. 284–289; 1965а. С. 7–10). Этот вывод убедительно подтверждается и данными глоттохронологии: в культурной лексике дагестанских языков названия рала, борозды, пашни, ярма, быка, как и многие другие термины, связанные с земледелием (гумно, мякина, вилы, пшеница, ячмень, просо, солод, мука, лепешка, яблоко, груша, виноград и др.), восходят к общедагестанскому языковому уровню, существовавшему до II тыс. до н.э. (Сравнительно-историческая лексика... 1971. С. 279–280, 282; см. также: История Дагестана. 1967. Т. I. С. 46).

Новый импульс развитию пашенного земледелия в албано-сарматский период дало всеобщее употребление железа как важнейшего материала для изготовления не только оружия, но и орудий труда. В этом аспекте резонно будет предположить связь между появлением ручной мельницы, многочисленных зернохранилищ, отразивших значительный рост производства зерновых, и рала с железным наральником, хорошо известного по дагестанским этнографическим материалам. Хотя железный наральник не известен среди археологических материалов Дагестана и Азербайджана, тем не менее факт его появления и существования в тот период в свете приведенных косвенных данных выглядит вполне реальным. С этой точки зрения весьма интересны и важны наблюдения исследователей, указавших, что слово «наральник» в ряде дагестанских языков (например, авар. *махх*, дарг. *магь*, лак. *мах*) является омонимом слова «железо» (Асиятилов С.Х. 1967. С. 84; Давудов О.М. 1974. С. 112; Агларов М.А. 1979а. С. 23; см. также: Генко А.Н. 1930. С. 128–135; Никольская З.А., Шиллинг Е.М. 1952. С. 91–100; Рамазанова З.Б. 1979). Этот лингвистический факт с позиций глоттохронологии может указывать на время появления наральника в период широкого освоения нового металла. То же, очевидно, можно сказать и о времени происхождения такого реликтового пахотного орудия, как двуручная лопата, авар. *маххул глуч* — букв. «железная остроконечная палка», *бухьарулеб махх* — букв. «копающий наральник» (Никольская З.А., Шиллинг Е.М. 1952. С. 99–100; Агларов М.А. 1979а. С. 28–29).

Предположение о появлении на территории Кавказской Албании, и в частности Дагестана, в античный период железного наральника на первый взгляд противоречит сообщению Страбона о том, что албаны вспахивают землю «не железным лемехом, но созданной самой природой деревянной сохой» (*Strabo. Geogr. XI, 4, 3*). Однако у греческого географа в данном пассаже речь идет об аллювиальных и орошаемых «мягких» землях, для обработки которых не было необходимости в использовании железного пахотного орудия.

Для обработки (разрыхления) земли использовались и железные мотыги. Две такие мотыги албано-сарматского времени были найдены в Урцеки (Маммаев М.М. 1969. Рис. 49, 9) и на Зеленоморском кургане (Салихов Б.М. 1991. С. 138–139. Рис. 5). Они имеют плоскую, клиновидную форму с расширенной (4,5–5 см)

нижней рабочей частью и двумя выступами в верхней половине. Очевидно, эти орудия, хорошо известные среди материалов Северного Кавказа сарматского времени и именуемые также теслами, топорами, долотами, являлись многофункциональными и находили различное применение в быту. Более поздний тип мотыги-тесла (рис. 61, 21), с втульчатой насадкой и более широким лезвием (7,5 см), найден в Дербенте в слое VI в. н.э. (Гаджиев М.С. 1989. С. 71–72. Рис. 6, 11).

Развитие земледелия в албано-сарматскую эпоху обеспечивалось совершенствованием не только пахотных, но и жатвенных орудий. На смену составным серпам с кремневыми вкладышами, бытовавшим в скифский период (Пикуль М.И. 1967. С. 66, 99. Рис. 17, 2–8; Давудов О.М. 1978. С. 131. Рис. 3, 22), приходят железные серпы и серповидные ножи с большим изгибом лезвия (высота изгиба составляет  $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$  длины основания), найденные в ряде памятников (рис. 61, 16, 20) — в Таркинском, Шаракуринском, Хабардинском, Андрейаульском № 2 могильниках, в Аркасе, Дербенте (Пикуль М.И. 1967. С. 44, 66. Рис. 11, 14, 17, 11; Давудов О.М. 1974. С. 113, 182. Табл. XII, 1, 2, 4; 1996. С. 270; Магомедов М.Г. 1984. С. 13. Рис. 22, 23; 1987. С. 143). Факт обнаружения их и в погребениях говорит об обряде, существовавшем на территории Азербайджана эпохи Кавказской Албании (Алиев К. 1974. С. 206) и в Дагестане рубежа I–II тыс. н.э. (могильник Эреси). Можно полагать, что в этой черте погребального обряда, как и в эпизодически наблюдаемом факте класть в могилу зерна пшеницы, кисть винограда (Пикуль М.И. 1961. С. 20, 81; 1962. С. 34; История Дагестана. 1967. Т. I. С. 109), отразились какие-то религиозные представления, связанные с сельскохозяйственным культом.

Появление и распространение железных орудий труда создало условия не только для улучшения возделывания почвы, но для расширения сельскохозяйственной территории — посевных и посадочных площадей. Именно с албано-сарматским периодом, ознаменовавшимся широким использованием в быту и хозяйстве изделий из железа, следует связывать активизацию процесса сооружения сельскохозяйственных террас. Развитие террасной системы земледелия способствовало значительной интенсификации всех отраслей сельского хозяйства. Это заключение находится в полном соответствии с вышеприведенными данными о внушительном росте сельскохозяйственного производства в данный период.

Система террасного земледелия наряду с другими факторами оказала кардинальное влияние на аграрные отношения, способствовала ускорению процесса парцелляризации хозяйства и становления частной собственности на землю (Агларов М.А. 1964. С. 185–192; 1974. С. 64; 1979. С. 17–19; 1986. С. 56–61). Выше на основе археологических материалов было высказано предположение о наличии парцеллярной формы хозяйства. И это суждение в свете существования и активного развития в Дагестане в албано-сарматский период террасной системы земледелия, предполагающей не коллективный, а парцеллярный труд в рамках общинного коллектива, становится более весомым, как и заключение, допускающее в рассматриваемое время процесс перехода сельскохозяйственных участков в частную собственность семей, их обрабатывающих (сначала в форме частного землепользования и землевладения).

Террасное земледелие со свойственным ему ярусным орошением за счет родниковых и ручьевых вод (Гегешидзе М.К. 1961. С. 239–240) обеспечивало не только расширение возделываемых площадей, но и стабильное плодородие почв (Агларов М.А. 1986. С. 59).

Единственным конкретным свидетельством о плодородии земли и урожайности зерновых культур в Кавказской Албании в античный период является информация Страбона (Geogr. XI, 4, 2–3). Исследователи неоднократно обращались к этому сообщению, констатируя высокое плодородие и наличие ирригационных систем (Тревер К.В. 1959. С. 67–72; Алиев К. 1969. С. 29–30; 1974. С. 198–206)<sup>81</sup>. В нем речь идет об аллювиальных и орошаемых землях зоны р. Куры и ее притоков, отличающихся значительным плодородием: «Во многих местах, говорят они (Феофан Митиленский и др. — М.Г.), однажды засеянная земля дает два или даже три урожая, и первый урожай [получается] даже сам-пятьдесят»<sup>82</sup>. То есть у Страбона со ссылкой на надежных информаторов (каковым, в частности, являлся Феофан Митиленский) приводится указание на баснословный урожай, превышающий в 50 раз количество засеянного. Подобное высказывание у Страбона имеется, например, и относительно плодородия земель хорошо известного грекам Херсонеса: «[земля], вспаханная любым плугом, дает [урожай] сам-тридцать» (Geogr., VII, 4, 6). Однако, как считают ряд исследователей (Guirard P. 1893. P. 554; Блаватский В.Д. 1953. С. 158), данный текст нуждается в корректировке, и здесь следует понимать не урожай в сам-30, а указание, сколько мер (хоев) зерна собирается с одного плеффа: «[поле], вспаханное любым плугом, приносит урожай 30 мер (хоев)» (пер. Г.А.Стратановского)<sup>83</sup>. Соответственно, вероятно, следует понимать (и переводить) текст греческого географа о плодородии земель Кавказской Албании так: «...первый урожай [получается] даже 50 мер (хоев)».

Таким образом, можно полагать, что, по Страбону, с одного плеффа (ок. 950 кв. м) орошаемых земель в Кавказской Албании собирали с первого урожая до 50 хоев зерна (1 хой = 3,53 л, т.е. 2,78 кг пшеницы или 2,28 кг ячменя), что равнялось 139 кг пшеницы или 114 кг ячменя. В переводе на современные меры урожайность пшеницы составляла около 1463 кг/га, ячменя — 1200 кг/га. Если соотнести эти данные с древнеримскими нормами потребности зерна для сева, которые приводит Плиний (Nat. Hist., XVIII, 198–199)<sup>84</sup>, — а такое сопоставление в определенной степени правомочно — то плодородные земли в Кавказской Албании приносили урожай пшеницы примерно в сам-13 или урожай ячменя — около сам-9. Это, конечно же, более правдоподобные показатели, нежели сам-50 (Гаджиев М.С. 1999а. С. 32–34).

Учитывая замечание Страбона, что албаны «землей не пользуются по ее достоинству» (Geogr., XI, 4, 3), можно полагать, что на сев шло больше зерна, чем по римским (Плиниевым) предписаниям и реальная урожайность была несколько ниже приведенной в расчете. Для сравнения отметим, что, по свидетельству древнеримского агронома Колумеллы, урожай хлеба в Италии составлял не

<sup>81</sup> К числу ирригационных систем Албании (точнее, областей Эрети и Камбечан) следует причислить и Алазанский оросительный канал в междуречье Алазани и Иори — крупное ирригационное сооружение античного времени (Киквидзе Я.А. 1988. С. 146–147).

<sup>82</sup> См. переводы этого пассажа у Ф.Г.Мищенко (Мищенко Ф.Г. 1879), В.В.Латышева (Латышев В.В. 1947), Г.Л.Джонса (The Geography of Strabo. 1944. Vol. V P 224–225), Г.А.Стратановского (Страбон. 1964).

<sup>83</sup> Ср. с переводами этого пассажа у Ф.Г.Мищенко (Мищенко Ф.Г. 1879), В.В.Латышева (Латышев В.В. 1947), Г.Л.Джонса (The Geography of Strabo. 1954. Vol. III. P. 242–243).

<sup>84</sup> По Плинию, на 1 югер (ок. 2500 кв. м) плодородной «мягкой» земли полагается 4 модия пшеницы или 6 модиев ячменя (1 модий = 8,733 л), т.е. на 1 га требовалось ок. 110,3 кг пшеницы или ок. 135,8 кг ячменя.

более сам-4 (*Colum. De re rust.*, III, 3, 4), а в Сицилии — одной из самых плодородных стран древнего мира — достигал сам-12 и даже сам-15 (Блаватский В.Д. 1953. С. 159). Если принять во внимание, что, по Страбону, на этих землях в Албании снимали не один урожай, то плодородие почвы было весьма высокое и, конечно, вызывало удивление очевидцев.

Разумеется, точность подсчетов такого рода относительна, но тем не менее они дают некоторое представление о плодородии возделываемых земель и урожайности и в целом об агрикультуре населения Кавказской Албании. Вместе с тем эти данные, как и свидетельство Страбона о существовании орошаемого земледелия в Албании, противоречат его же замечанию о том, что албаны «к вопросам земледелия относятся беззаботно» (*Geogr.*, XI, 4, 4). Впрочем, это не единственное противоречие у Страбона касательно Албании.

Высокая урожайность земель Албании обеспечивалась, очевидно, не только плодородием почвы и орошением — одним из основных агротехнических мероприятий. Она была бы невозможна при бессменной культуре земледелия и предполагает наличие плодосменного цикла. Чередование и комбинирование сельскохозяйственных культур, учитывая, что в Дагестане произрастают особые эндемичные сорта пшеницы, ячменя, бобов, льна (Вавилов Н.И. 1936. С. 74), вполне возможно. Очевидно, существовали и такие мероприятия народной агротехники, как унавоживание, удобрение золой. Большое количество костей домашних животных в культурных слоях не только свидетельствует о значительном числе домашнего скота, но и предполагает накопление навоза, очевидно использовавшегося в качестве топлива (кизяка) и для удобрения полей. Интересно отметить и то, что специальные молотильные доски, использовавшиеся на Кавказе с эпохи бронзы и до этнографической действительности (см., например: Бунятов Т.А. 1957. С. 44–48; Котович В.Г. 1961а. С. 288; Давудов О.М. 1974. С. 113), не только обеспечивали важный этап в цикле земледельческих работ, но и превосходно утилизировали при молотье грубую солому в кормовой материал (мякину), улучшали качество естественного удобрения — навоза (Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. 1967. С. 32). На применение золы как удобрения могут указывать отмеченные факты ее сбора, накопления: в частности, крупные зольники располагались на окраинах городищ Урцекки и Дербент, где очажную золу собирали в ямы и иные емкости.

В комплексе названные мероприятия народной агротехники обеспечивали восстановление почвенного плодородия и создавали условия для расширенного воспроизводства земледельческой продукции, что нашло отражение в археологических и нарративных источниках.

Хотя сведения Страбона относятся к южным и, очевидно, западным областям Кавказской Албании, они тем не менее в определенной мере могут быть отнесены и к другим, сходным в географическом и почвенно-климатическом отношении районам страны.

Вышеприведенный расчет урожайности «мягких» земель Албании (ок. 1460 кг/га пшеницы или 1200 кг/га ячменя) небезынтересно сопоставить с имеющимися показателями урожайности орошаемых равнинных зон Южного Дагестана XIX в., в частности Кайтага. Такое сравнение правомерно, учитывая относительно близкие уровни агротехники и в целом агрикультуры, как об этом можно судить по этнографическим источникам.

Орошаемые равнинные земли в Кайтаге (магал Терекеме) приносили средний урожай сам-5, сам-6, в лучшем случае сам-10 (Феодалные отношения... 1969. С. 196). При среднем урожае ежегодный сбор пшеницы и ячменя составлял здесь 6 сабов веса с 1 саба площади<sup>85</sup> (Феодалные отношения... 1969. С. 202. Табл. 4). В переводе на современные меры урожайность пшеницы составляла примерно 1680 кг/га и ячменя — 1150 кг/га или, при иной величине саба, — примерно 1320 кг/га и 1120 кг/га соответственно. Как видно, данные показатели довольно близки рассчитанным показателям Страбона, что может косвенно свидетельствовать о правдивости информации греческого географа. Несомненно, в различных областях Кавказской Албании урожайность злаковых и вообще сельскохозяйственных культур была различна и зависела от почвенно-климатической среды, проводимых агротехнических работ и иных факторов (Гаджиев М.С. 1999а. С. 32–34).

Принимая данные Страбона по урожайности как вполне реальные, любопытно сопоставить их с объемом собранного и хранимого зерна. Как показано выше, полезный объем средней зерновой ямы (1,4–1,5 куб. м) составлял примерно 1000 кг пшеницы или 900 кг ячменя. При корреляции этих показателей устанавливается, что в одной такой «усредненной» яме мог храниться урожай пшеницы, собранный примерно с 0,68 га, или урожай ячменя, собранный с 0,75 га. Вместе с тем, учитывая реальную возможность существования парцеллярного хозяйства и то, что одной семье могли принадлежать несколько зерновых ям (а также наличие иной тары для хранения зерна — хумов, ларей и т.п.), можно с полным основанием полагать, на основе приведенных расчетов, что семья, занимавшаяся возделыванием злаковых культур (а вероятно, и вообще земледелием), обладала земельным участком в несколько гектаров. Конечно, здесь не учитываются социально-имущественная дифференциация населения и возможность владения большим или меньшим земельным наделом тех или иных семей, ландшафтно-почвенная характеристика. Приведенные расчеты, наряду с этим, согласуются с данными об обширности обрабатываемых угодий (сельхозокруги) вокруг городов.

Несмотря на условность данных подсчетов и их известную гипотетичность, они тем не менее дают представление о характере такой важнейшей отрасли экономики раннегородских центров Дагестана и в целом Кавказской Албании, как земледелие. Предпринятая попытка осветить некоторые сложные и малоисследованные вопросы истории земледелия Восточного Кавказа в контексте изучения экономики древнего города не претендует на завершенность и бесспорность и предполагает дальнейшую разработку этих вопросов исследователями.

Представленные материалы указывают на ведущее положение в аграрном секторе производства хлебных зерновых культур. Большое значение имели виноградарство и садоводство. Немаловажная роль отводилась возделыванию технических культур, главным образом льна.

В албано-сарматский период (в особенности с рубежа н.э.) наблюдается значительный прогресс в области земледелия. Данные археологии и письменных

---

<sup>85</sup> Саб — мера веса, объема и площади; 1 четверть пшеницы = 6,5 саба и 1 четверть ячменя — ок. 7,75 саба (Феодалные отношения... 1969. С. 200) или, в переводе на современные меры, 1 саб пшеницы = ок. 25,5 кг и 1 саб ячменя = ок. 17,5 кг. По другим данным, 1 саб зерна = 49 фунтам (ок. 20 кг) пшеницы или 41 фунту (ок. 17 кг) ячменя (там же, с. 373). Саб площади соответствовал примерно  $\frac{1}{12}$  десятины (там же, с. 191), или ок. 0,091 га.

источников свидетельствуют об интенсивности и высокой продуктивности земледелия, его рентабельности и товарной направленности. Это было обусловлено не только внутренними факторами — развитием средств производства (орудий труда, освоением новых земель), ростом спроса (обусловленным демографическими изменениями) и др., но и внешними, важнейшим из которых, как представляется, являлась потребность в продуктах земледелия кочевого общества Северо-Западного Прикаспия, с которым в этот период установились тесные и разносторонние контакты. Интенсификация земледелия (и сельского хозяйства в целом), получение прибавочного продукта, в свою очередь, влияли на развитие средств производства, на демографическую ситуацию в регионе.

Огромное значение земледелия в жизни общества в рассматриваемый период нашло отражение в духовной культуре. Среди идеологических воззрений местного населения первенствующая роль отводилась развитому культу плодородия. Об этом свидетельствует огромный фактический материал, как археологический, так и параллельный этнографический. Рассмотрение и анализ его не входят в предмет исследования данной работы, но отметим, к примеру, распространенный в керамике Урцекского городища сюжет «древа жизни» — символа божества плодородия. Можно полагать, учитывая развитие в исследуемый период ордерной архитектуры, что к этому времени относится формирование широко бытующего среди народов Дагестана представления об опорном столбе дома как почитаемом, сакральном предмете (воплощении древа жизни), призванном обеспечить процветание и благополучие семьи.

Археологические материалы констатируют, что важнейшую роль в экономике Дагестана того времени играло земледелие, устанавливают факт преимущественно аграрного характера раннегородских центров. Производство растительных продуктов питания являлось приоритетным направлением среди различных отраслей хозяйства, и получение прибавочного продукта в этой сфере обеспечивало общественное благосостояние, поступательное социально-экономическое и культурное движение дагестанского общества.

**Скотоводство** также занимало прочное место в хозяйстве населения раннегородских центров. Об этом прежде всего свидетельствует насыщенность культурных слоев костными остатками домашних животных, указывающая также на важное место мясной пищи в рационе населения и на немалое количество домашнего скота.

Некоторые помещения, входящие в жилищно-хозяйственные комплексы, которые вскрыты на городищах, могут интерпретироваться как помещения для содержания скота. Например, помещение 5 раскопа 3 в Урцекки представляло собой небольшой (7 × 7 м), подквадратный в плане, огражденный дворик (рис. 42), примыкающий к жилым камерам (Котович В.Г. и др. 1962. С. 37). А помещение 6 раскопа XIV в Дербенте, размером 3,3 × 4,5 м, также примыкающее к жилой камере, имело каменную вымостку пола (рис. 40), что характерно для оформления хлева и преследовало санитарно-гигиенические цели (ср.: *Varr. De re rust.*, II, 2, 7, II, 3, 6, II, 9, 19).

Выше отмечались находки многочисленных тяжелых пряслиц для изготовления шерстяной пряжи, специальных игл для сшивания кожно-меховых изделий, костяных скребков для удаления мездры и смягчения шкуры, свидетельствующие о немаловажной роли скотоводства и связанных с ним ремесел и промыслов в хозяйственной деятельности населения. Со скотоводством, точнее с его про-

дукцией, связано и значительное количество керамики. Этнографические параллели Дагестана и Азербайджана позволяют интерпретировать гончарные изделия типа широкогорлых одноручных и двуручных сосудов, кувшинов и др. как маслостойки, подойники, молочники и т.п. (ср., например: Булатова А.Г. 1979. С. 85–86; Агамалиева С.М. 1987. С. 25–28).

Важная роль скотоводства нашла отражение в изготовлении литых бронзовых подвесок в виде бычьей, реже бараньей головки (рис. 52, 15, 53, 12–16), найденных на памятниках Дагестана рубежа албано-сарматского и раннесредневекового периодов, в том числе в Урцеки и Дербенте (Маммаев М.М. 1969а. Рис. 4, 1–3; 1989. С. 31. Рис. 32; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 96–97. Рис. 9, 41, 53). Очевидно, что эти изделия отражают определенные религиозные воззрения, связанные с почитанием домашних животных, и, возможно, судя по дагестанским этнографическим параллелям, служили оберегами против сглаза (Гаджиев Г.А. 1991. С. 99–100). Почитание быка как олицетворения сил плодородия, мужского производительного начала нашло яркое отражение в этнографии и фольклоре многих земледельческих народов, в том числе дагестанских, и определялось его особой ролью в условиях плужного земледелия (Гаджиев Г.А. 1991. С. 99–100; Булатова А.Г. 1988. С. 43, там же см. библиографию и параллели). Незаменим был и мелкий рогатый скот, который служил в основном источником сырья для ткачества, производства одежды, а также употреблялся в пищу.

Роль коня в жизни общества, его почитание воплотились в бронзовых фигурках, обнаруженных в Урцеки<sup>86</sup> (рис. 44, 6), Таргу, Аркасе (Давудов О.М. 1978в. С. 151. Рис. 2), Хадаге, в ритоне в форме коня (рис. 69) из Шаракунского клада, в серии керамических сосудов с ручками в виде лошади (рис. 54, 9, 10), найденных на городище Урцеки и его некрополе (Абрамова М.П. 1969. С. 78. Рис. 3, 43, 44; Маммаев М.М. 1989. С. 62–63. Рис. 101, 1, 2), и др. Культ коня, формирование которого на территории Дагестана приходится на скифское время (Давудов О.М. 1974. С. 132), в албано-сарматский период получил дальнейшее развитие (Пикуль М.И. 1967. С. 169; Маммаев М.М. 1989. С. 63). Археологические и этнографические материалы, данные мифологии и фольклора народов Дагестана указывают на тесную связь с культом солнца образа коня, выступавшего его олицетворением и символом плодородия (Маммаев М.М. 1984. С. 29–34; Гаджиев М.С. 1990а. С. 57).

Важное место и роль мелкого и крупного рогатого скота, коня, собаки в хозяйственной деятельности и духовной культуре населения Дагестана, в том числе обитателей раннегородских центров, отразились в похоронно-погребальной практике, когда их использовали в качестве жертвенных животных, сопровождающих захоронения (Пикуль М.И. 1967. С. 169; Давудов О.М. 1974. С. 58; Гаджиев М.С. 1986. С. 83–84; 1991. С. 122; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 108).

Об огромном значении и древности скотоводческого хозяйства свидетельствуют и данные дагестанского сравнительного языкознания и отраслевой лексики: представительный цикл скотоводческих терминов — названия хутора, шерсти, веретена, бурдюка, бурки, тулупа, папахи, мяса, мясного бульона, молока, сыворотки, сливок, жира, масла, сыра и др. — хронологически восходит к об-

<sup>86</sup> Аналогичная урцекской фигурка коня происходит и из разрушенного погребения (IV–VI вв.) Уллу-гатагского могильника в Южном Дагестане (частная коллекция).

шедагестанскому уровню (Сравнительно-историческая лексика... 1971. С. 201, 211–216, 282). Вместе с тем, в отличие от наименований крупного и мелкого рогатого скота, названия лошади в дагестанских языках не доходят до межгрупповой общности (там же, с. 278), что свидетельствует, как и данные археологии, о более поздней (относительно времени общедагестанского языкового единства) доместикации лошади.

Судя по представительным остеологическим материалам городища Урбеки и Дербента (соответственно 4348 и 1909 костей определенных домашних животных), состав стада на этих памятниках был достаточно однороден. Здесь разводили обычные виды домашних животных: крупный рогатый скот (КРС), а также свиней, лошадей, ослов. Среди мелкого рогатого скота (МРС) основное место занимали овцы, но высок был и процент коз.

По суммарным данным, общий состав стада обитателей городища Урбеки (табл. 2) почти наполовину (49,3%) состоял из МРС (756 особей), около четверти стада (24,6%) составлял КРС (378), 13,3% — свиньи (204), 11,8% — лошади (181) (Золотов К.Н. 1968. С. 167–168. Табл. 9; 1968а. С. 240). Почти то же соотношение наблюдается и при послойном подсчете на различных объектах городища (Золотов К.Н. 1966. С. 76; 1968. С. 173–174. Табл. 14, 15). Как видно, на одну голову КРС в стаде приходилось две головы МРС, однако эта пропорция отнюдь не указывает на преимущество овцеводства над разведением КРС (Золотов К.Н. 1968. С. 167). При определении выхода мясной продукции в зависимости от веса туши обнаруживается, что КРС являлся основой мясного питания населения Урбеки (табл. 3), составляя в нижних слоях 43,6–45,3% и в верхнем — 31,5% от общего веса туш домашних животных (Золотов К.Н. 1966. С. 76. Табл. 1; 1968. С. 174. Табл. 15). Причем на забой шло и значительное количество молодняка: по данным раскопок 1962–1964 гг., телята составляли от 16,6 до 32,3% от числа всех особей этого вида (Золотов К.Н. 1968. С. 173. Табл. 14).

**Таблица 2**

**Видовой состав домашних животных из Урбеки  
(по К.Н.Золотову)**

Вид	Количество особей	% от общего количества	% от веса туши
КРС	378	24,6	43,4
МРС	756	49,3	16,7
Лошади	181	11,8	26,8
Свиньи	204	13,3	13,1
Собаки	16	1,0	—
Всего:	1535	100	100

**Таблица 3**

**Основа мясного питания населения Урбеки  
по раскопкам 1963–1964 гг. (по К.Н.Золотову)**

Вид	Единица измерения	Слои			% от веса туши		
		1	2	3	1	2	3
КРС	особи	25	35	6	31,5	45,3	43,6
МРС	особи	125	94	9	30,5	24,0	12,6
Лошади	особи	15	9	2	25,4	20,0	19,6
Свиньи	особи	18	15	6	12,6	10,7	24,2

Роль овцеводства возрастает в заключительный период существования городища Урцеки (V–VI вв.), когда МРС, как и КРС, составлял около трети мясного довольствия населения без учета потребления мяса диких животных (там же, с. 173–174). Вместе с тем приведенные данные показывают, что разведение МРС преследовало и иные цели, нежели забой их на мясо (там же, с. 174), а именно получение шерсти. Вероятно, это положение косвенно подкрепляется распространением в Урцеки тяжелых пряслиц для упругого шерстяного волокна.

К.Н.Золотов, исследовавший костные остатки городища Урцеки, склонен был объяснять усиление роли овцеводства не столько недостатком корма для КРС, сколько сокращением посева полевых культур (там же, с. 173–174). Однако оба эти фактора были взаимосвязаны: земледелие в немалой степени обеспечивало КРС кормовой базой, в особенности в зимний период, и сокращение посевных площадей приводило к сокращению обеспеченности дополнительными кормами (половой, соломой). Объясняя рост овцеводства, нельзя не учитывать установившуюся к середине I тыс. н.э. политическую нестабильность на равнине, обусловленную появлением гуннских племен и, несомненно, влиявшую на формы традиционного хозяйствования. Однако каково было это влияние, в чем оно заключалось и проявлялось — эти вопросы требуют дальнейшей разработки. Не исключено также, что в этом явлении отразились усиление товарной направленности скотоводства и большая рентабельность овцеводства.

В Дербенте на различных объектах I в. до н.э. — начала III в. н.э. соотношение костей КРС и МРС колеблется в пределах 1:1,2–1,5 (табл. 4)<sup>87</sup>. Особенно показательны данные по раскопу XIV, где был вскрыт хозяйственно-жилищный комплекс. Полученные на этом объекте остеологические материалы происходят как из слоя, так и из закрытых комплексов (хозяйственных ям). При этом они однородны, что указывает на надежность и достоверность данных: содержание костей КРС среди домашних животных составляет в слое и ямах соответственно 36,35 и 29,6%, а костей МРС — 44,1 и 42% (табл. 4), т.е. соотношение костей КРС и МРС наблюдается в пределах 1:1,2–1,4. Можно считать, что, как и в Урцеки, население Дербента в этот период обеспечивалось мясом за счет КРС. Данные по слою этого времени (слой 9) раскопа XI менее репрезентативны, и здесь кости КРС явно преобладают над костями МРС (соотношение 1,8:1).

В отличие от Урцекского городища, на котором к середине I тыс. н.э. наблюдалось существенное увеличение поголовья овец, в Дербенте таких изменений не происходит. Здесь в слоях III — начала V в. соотношение костей КРС и МРС составляет 1:1,5–1,6 (табл. 4). Но, как и в Урцеки, КРС здесь имел большое значение, давая мясо-молочную продукцию, основное удобрение для почвы, служа тягловой силой.

Разведение КРС способствовало созданию надежной кормовой базы, развитию земледелия. Большое воздействие на состояние сельского хозяйства в Дербенте, надо полагать, оказало изменение политической ситуации в Приморском Дагестане, участвовавшие с IV в. вторжения кочевых племен. В IV–V вв. Дербент выступает важным форпостом сасанидского Ирана в борьбе с кочевниками. Здесь сосредоточиваются значительные военные контингенты — например,

<sup>87</sup> Соотношение по особям, вероятно, будет близким. Для сравнения отметим, что на городище Урцеки при соотношении костей КРС и МРС 1:2,1 (Золотов К.Н. 1968а. С. 243) соотношение по особям составило 1:2.

Таблица 4

Видовой состав костных остатков домашних животных из Дербента  
(определение К.Н.Золотова)

Вид	Раскоп XI, слой 8 (III — нач. V в.), количество костей	Раскоп XI, слой 9 (I в. до н.э. — нач. III в.), количество костей	Раскоп XIV, слой I в. до н.э. — нач. III в. н.э., количество костей	Раскоп XIV, хоз. ямы I в. до н.э. — нач. III в. н.э., количество костей	Раскоп XV, слой I-V вв. н.э., количество костей	Раскоп XV, хоз. ямы I-V вв. н.э., количество костей
КРС	160 (30,9%)	91 (45,74%)	242 (36,35%)	98 (29,6%)	6 (16,7%)	20 (12,5%)
МРС	252 (48,7%)	50 (25, 14%)	294 (44,1%)	139 (42,0%)	14 (38,9%)	30 (18,75%)
В том числе						
овца	208	33 (16,6%)	193	79	9	13
коза	32	—	73	50	2	5
овца-коза	12	17	28	10	3	12
Лошадь	62 (12%)	48 (24,12%)	40 (6,0%)	17 (5,2%)	7 (19,4%)	42 (26,25%)
Свинья	24 (4,6%)	7 (3,5%)	54 (8,1%)	50 (15,1%)	4 (11,1%)	22 (13,75%)
Осел	15 (3,0%)	3 (1,5%)	31 (4,7%)	15 (4,5%)	5 (13,9%)	42 (26,25%)
Осел-лошадь	—	—	1 (0,15%)	—	—	—
Собака	—	—	2 (0,3%)	12 (3,6%)	—	1 (0,63%)
Кошка	1 (0,2%)	—	2 (0,3%)	—	—	—
Верблюд	3 (0,6%)	—	—	—	—	3 (1,87%)
Всего	517 (100%)	199 (100%)	666 (100%)	331 (100%)	36 (100%)	160 (100%)

Гишэ (V в.) сообщает о размещении в районе Чора (Дербента) десятитысячной иранской конницы. Эта ситуация диктовала необходимость широких поставок провианта, что могло быть обеспечено, в частности, за счет местной земледельческой и скотоводческой базы. Такие условия содействовали развитию важнейших отраслей сельского хозяйства, их товарной ориентации.

Большое значение имели коневодство и свиноводство. Разведение коней — основного вьючно-верхового средства — было продиктовано хозяйственными и военными причинами. Исследователи уже не раз обращали внимание на сообщение Страбона о многочисленности конницы в составе албанского войска (Geogr., XI, 4, 5).

На городище Урцеки наблюдается увеличение удельного веса лошадей в общем поголовье скота к середине I тыс. н.э. Если в нижних слоях соотношение числа лошадей и КРС составляет 1:3,0–3,8, то в верхнем слое — 1:1,6 (Золотов К.Н. 1968. Табл. 15). Такое же явление отмечается и в Дербенте: в албано-сарматский период, по материалам раскопа XIV, количество костных остатков лошадей и КРС из слоя и хозяйственных ям соотносится как 1:5,7–6,0 (табл. 4). В последующий период (III — нач. V в.), по данным раскопа XI (слой 8), эти показатели изменяются в сторону значительного увеличения костей лошади (1:2,6). Отмечаемый факт роста поголовья лошадей и в целом роли коневодства можно объяснить вышеназванной причиной усиления военного фактора к середине I тыс. н.э. По данным из Урцеки, лошадь здесь была среднерослая, достигая в холке 140–145 см (Золотов К.Н. 1966а. С. 39).

Вероятно, лошадь имела немаловажное значение и как мясное животное. Если принимать костные остатки лошадей в культурных слоях Урцецкого городища за отходы мясного питания, то конина в мясном рационе местного населения (без учета мяса диких животных) занимала от 19,6 до 27,25% (Золотов К.Н. 1966. С. 76. Табл. 1; 1968. С. 174. Табл. 15).

Поголовье свиней среди общего количества домашних животных также было весьма многочисленным. В Урцеки в среднем оно составляло около 13%, таков же был процент свинины в мясном довольствии (без учета мяса диких животных), причем поросята составляли от 20 до 55,5% (Золотов К.Н. 1966. С. 76. Табл. 1; 1968. С. 173–174. Табл. 15). В Дербенте кости свиньи среди костных остатков домашних животных составляют от 4,6 до 15% (табл. 4).

Характеризуя в целом скотоводство раннегородских центров Дагестана на примере городищ Урцеки и Дербента, можно констатировать, что разведение КРС и МРС являлось приоритетным направлением в скотоводстве. Важными и неотъемлемыми дополнениями его были коневодство и свиноводство. Домашний скот поставлял мясо-молочные продукты, шерсть, овчину, кожу, служил тягловым и транспортным средством. Скотоводство являлось наряду с земледелием важной, первостепенной отраслью раннегородской экономики. Взаимосвязь и взаимодействие этих двух важнейших отраслей в немалой степени способствовали интенсификации сельского хозяйства в целом. Органичное сочетание земледелия и скотоводства обеспечивало нормальное функционирование, жизнеобеспечение и развитие раннегородских центров.

Важен и вопрос о формах ведения скотоводческого хозяйства в рассматриваемую эпоху. Учитывая предшествующий многовековой опыт населения Дагестана в области скотоводства, данные историко-этнографического исследования форм и типов традиционного скотоводства Дагестана (Османов М.-З.О. 1990.

С. 97–208), а также, как было показано, взаимодополняющий характер и важное значение разведения как КРС, так и МРС, можно с высокой степенью достоверности говорить о двух формах скотоводства в данный период: стационарной (стойлово-выгонной), с выпасом КРС на прилегающей к городищу территории, и подвижной (отгонной), с сезонным перегоном МРС на зимние и летние пастбища.

Существование в рассматриваемый период стойловой формы содержания скота, свойственной более для КРС, определяется большим удельным весом КРС, ростом масштабов и интенсивности земледелия. Важными предпосылками сложения этой формы скотоводства являлись: 1) традиции земледельческо-скотоводческого хозяйства, когда скотоводство служило дополнением к земледелию, составляя с ним единый комплекс, и скот должен был содержаться в месте проведения основных земледельческих работ; 2) специфика продукции КРС (молочная), которая являлась предметом повседневного домашнего потребления, что влекло необходимость содержания скота вблизи дома, поселения; 3) относительно высокая продуктивность земледелия, обеспечивавшая скот дополнительными кормами, наличие достаточного количества сенокосов, пастбищ и др. (там же, с. 98). Представленные выше археологические материалы подтверждают наличие этих предпосылок. Следует указать и на интересную и показательную, на наш взгляд, историко-географическую параллель. По историко-этнографическим данным, стойловая форма скотоводства в Дагестане в недавнем прошлом была в наибольшей степени характерна для равнины и нижнего предгорья, где было развито земледельческое хозяйство, было больше кормов, сенокосов и пастбищ, используемых круглый год, была выше необходимость в рабочем скоте (там же). И именно в этих зонах расположена основная масса городищ, и в частности Дербент и Урзеки, материалы которых свидетельствуют о достаточно развитом земледельческо-скотоводческом характере раннегородской экономики.

Наличие отгонной формы скотоводства в Закавказье в раннесредневековую эпоху документируется свидетельством Каланкатуаши (Каланкатуаши. 1984. II, 36). Рассказывая о нашествии кочевников в начале 680-х годов, албанский историк сообщает, что «гунны перешли на эту сторону реки Куры, добрались до берега Ерасха и угнали в полон не только жителей Алуанка, но и гаваров Айрарата и страны Сюник, угнали отары овец и стада скота, спустившиеся на зиму в долины на пастбища...» (Каланкатуаши. 1984. С. 102). Это письменное свидетельство, на которое не обратили внимания исследователи, наиболее раннее, подтверждающее факт существования отгонного скотоводства на Кавказе. Хотя оно относится к раннесредневековому времени, тем не менее, учитывая, что формы содержания скота вырабатывались веками, это сообщение можно привлечь и для характеристики скотоводства в предшествующую эпоху. С этой точки зрения замечание Страбона о том, что «албаны более привержены скотоводству и стоят ближе к кочевникам» (Geogr., XI, 4, 1), можно расценивать как доказательство не только важной роли этой отрасли сельского хозяйства, но и существования отгонной формы скотоводства. Сравнение Страбоном албанов, занимавшихся скотоводством, с кочевниками не должно вызывать удивления по той причине, что «наиболее характерная и существенная черта отгонного скотоводства — необходимость дальних переходов» (Османов М.-З.О. 1990. С. 161). И даже некоторые современные исследователи, допуская ошибку, называют от-

гонное скотоводство кочевым, а горцев, практиковавших эту форму содержания скота, полукочевниками (там же, с. 160–161).

Хотя приведенная информация греческого географа и албанского историка относится к центральным и южным областям Кавказской Албании и к Армении, она может быть применима и к зоне Северо-Восточного Кавказа, природно-географические условия которого способствовали формированию и развитию отгонного скотоводства. Очевидно, этому содействовал и общий подъем экономики на рубеже н.э., усиленное развитие земледелия, ремесленных производств, нашедшие отражение в археологических фактах. И отмечаемое наличие отгонной формы, являвшейся выражением интенсификации скотоводства (там же, с. 158), находилось в русле процесса экономического подъема местного общества.

На возможное существование отгонного скотоводства в рассматриваемую эпоху на территории Дагестана указывают и данные почвенных исследований. Так, если почвенные разрезы, заложенные близ памятников, расположенных на границе предгорий и равнины (Андрейаульское, Верхнечирюртовское, Шелковское городища), показали наличие здесь древнего агрикультурного горизонта, предполагающего существование орошаемого земледелия с первых веков н.э., то разрезы близ поселений, расположенных на равнине (Бораул, Тенг-кала), не продемонстрировали каких-либо признаков наличия горизонта со следами использования его в древнем земледелии. Эти данные дали возможность исследователям сделать предположение, что «эти районы служили преимущественно для интенсивного выпаса скота» (Лисицына Г.Н., Костюченко В.П. 1976. С. 36, 37, 40). Их же можно рассматривать и как указание на возможное наличие отгонной формы скотоводства и существование ландшафтно-территориальной (горно-равнинной) хозяйственной специализации.

**Птицеводство и рыболовство** играли второстепенную, подсобную роль в хозяйстве городского населения. В Урцеки и Дербенте в очень незначительном количестве найдены кости куриц, уток, гусей. Несущественное место птицеводства в хозяйстве древнего населения Дагестана подтверждается и лингвистическими данными: названия домашних птиц в дагестанских языках или не доходят до общедагестанского хронологического уровня, или заимствованы из восточных языков (Сравнительно-историческая лексика... 1971. С. 279).

Археологические данные о рыболовстве также весьма малочисленны. Среди производственного инвентаря отсутствуют какие-либо предметы, определенно представляющие орудия рыбной ловли. Хотя некоторые находки — небольшие камни с отверстиями или пазами — можно интерпретировать как грузила от рыболовных сетей. Именно так объясняет М.М.Маммаев хорошо обработанные дисковидные ( $d = 5-15$  см) и грубоотесанные плоские камни из ракушечника с отверстием (3–4 см) в центре и весом 50–500 г, представляющие относительно частые находки на городище Урцеки (Маммаев М.М. 1969. С. 223). И в Урцеки, и в Дербенте отмечены находки костей рыб, чешуи осетровых. Например, в Дербенте, расположенном вблизи моря, из слоев первой половине I тыс. н.э. происходит всего лишь 28 костей белуги, 13 — осетра и несколько неопределенных, что наглядно показывает место и значение рыбного промысла в экономике города как вспомогательной отрасли. В Урцеки помимо отдельных находок в одном из хозяйственных помещений (пом. 7 раск. 13) найдено скопление костей и позвонков осетровых (Котович В.Г. и др. 1962. С. 58).

Эти, хотя и немногочисленные, данные о рыболовстве, причем, очевидно, ориентированном на ловлю осетровых, интересно сопоставить с известием Клавдия Элиана о лове каспиями осетровых, изготовлении из них балыка, солений, мазей, клея в качестве товарной продукции (*Ael. De nat. anim.* XVII, 17). Несколько веков спустя Истахри и Ибн Хаукаль подчеркивают производство рыбьего клея в Хазарии как важной экспортной статьи (Заходер Б.Н. 1962. С. 141). Эти сообщения римского и арабских авторов значительно позднее находят продолжение в известии С.Броневского о добыче на побережье Дагестана и Ширвана осетровых и изготовлении из них рыбьего клея на продажу (Броневский С. 1823. С. 458). Как видно из этих свидетельств, промысел осетровых и производство рыбьего клея, имеющие товарную направленность, выступают устойчивым, традиционным занятием населения Западного Прикаспия на протяжении почти двух тысячелетий.

**Охота** не является отраслью сельского хозяйства, тем не менее мы сочли возможным включить ее характеристику в данный раздел, так как это направление трудовой деятельности непосредственно связано с получением пищевого продукта. Охота занимала существенное место в промысловой деятельности городского населения. На это указывают прежде всего остеологические материалы. На городище Урбеки дикие животные составили 20–35% от числа особей всех животных (Золотов К.Н. 1968. С. 173. Табл. 14; 1968а. С. 240, 242–243). В Дербенте кости диких животных в слоях албано-сарматского времени составляют 42,2–49,3%, т.е. около половины всех костных остатков (Гаджиев М.С. 1988. С. 32). В вышележащем слое III — начала V в. соотношение это меняется в сторону сокращения количества костей диких животных (ок. 35%). Подобное явление отмечается и по материалам Урбекского городища (Золотов К.Н. 1968. С. 173. Табл. 14). На фоне развивающейся земледельческо-скотоводческой экономики ранних городов такое значение охотничьего промысла выглядит на первый взгляд весьма необычно. Однако в свете замечания Страбона, что «албаны чрезвычайно склонны к охоте, не столько благодаря уменью, сколько по страсти к этому занятию» (*Geogr.*, XI, 4, 5), это явление находит свое объяснение. И позднее, в средневековую эпоху, охота занимала прочное и весомое место среди занятий городского населения, обеспечивая его значительным количеством мясной продукции: на средневековом Аркаском городище костные остатки диких животных составляют 22,7% от общего числа особей (Золотов К.Н. 1968а. С. 239). К этому следует добавить, что охота, судя по фольклорным, этнографическим данным, являлась традиционным и важным мужским промыслом у народов Дагестана, да и всего Кавказа.

По остеологическим материалам Дербента (табл. 5), главными объектами охоты были зубр и олень — крупные животные, дававшие большой выход мясной продукции. Важное место занимала охота на мелких жвачных — коосулю, тура и др., а также на кабана. В III — начале V в. число объектов охоты увеличивается: охотиться стали также на быстро бегающих лань, джейрана, серну. Это явление можно напрямую связать с развитием оружия, а именно с усовершенствованием лука — появлением сложного лука «гуннского» типа, распространением массивных железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, что обеспечило увеличение дальности полета и убойной силы стрелы.

Вероятно, население занималось и такими промыслами, как бортничество, соляной. Археологическими данными по ним мы не располагаем, но лингвисти-

Таблица 5

Видовой состав костных остатков диких животных из Дербента  
(определение К.Н.Золотова)

Вид	Раскоп XI, слой 8 (III — нач. V в.), количество костей	Раскоп XI, слой 9 (I в. до н.э. — нач. III в.) количество костей	Раскоп XIV, слой I в. до н.э. — нач. III в. н.э., количество костей	Раскоп XIV, хоз. ямы I в. до н.э. — нач. III в. н.э., количество костей	Раскоп XV, слой I–V вв., количество костей	Раскоп XV, хоз. ямы I–V вв., количество костей
Зубр	87 (31,6%)	80 (55,3%)	99 (20,3%)	75 (23,4%)	3	38 (22,0%)
Олень	29 (10,5%)	29 (20,0%)	170 (34,8%)	88 (27,4%)	9	56 (32,4%)
Марал	20 (7,3%)	—	—	—	—	—
Крупное жвачное	—	—	17 (3,6%)	—	—	11 (6,3%)
Лань	46 (16,7%)	—	1 (0,2%)	4 (1,3%)	—	—
Косуля	11 (4,0%)	12 (8,9%)	9 (1,8%)	—	—	3 (1,7%)
Джейран	25 (9,1%)	—	—	—	—	—
Серна	24 (8,73%)	—	—	—	—	—
Тур	13 (4,72%)	—	22 (4,6%)	41 (12,8%)	—	10 (5,8%)
Архар	—	—	3 (0,6%)	—	—	—
Муфлон	4 (1,43%)	—	4 (0,8%)	12 (3,7%)	—	—
Козел винторогий	—	4 (2,7%)	—	—	—	—
Коза дикая	13 (4,72%)	4 (2,7%)	7 (1,4%)	—	—	4 (2,4%)
Сайгак	1 (0,4%)	—	1 (0,2%)	—	—	—
Мелкое жвачное	—	—	148 (30,3%)	90 (28,0%)	3	36 (20,8%)
Однокопытное	—	—	—	2 (0,6%)	4	15 (8,7%)
Мелкий хищник	—	—	—	1 (0,3%)	—	—
Волк	—	—	—	1 (0,3%)	—	—
Рысь	—	—	—	1 (0,3%)	—	—
Кабан	2 (0,8%)	16 (11,0%)	3 (0,6%)	—	—	—
Заяц	—	—	1 (0,2%)	2 (0,6%)	—	—
Шакал	—	—	2 (0,4%)	—	—	—
Барсук	—	—	—	4 (1,3%)	—	—
Еж	—	—	1 (0,2%)	—	—	—
Всего	275 (100%)	145 (100%)	488 (100%)	321 (100%)	19	173 (100%)

ческие материалы, указывающие на глубокую древность терминов «мед», «соль» в дагестанских языках (Сравнительно-историческая лексика... 1971. С. 282), позволяют говорить о существовании этих занятий.



### 3. ТОРГОВЛЯ

**[instituteofhistory.ru](http://instituteofhistory.ru)**

Вопросы торговли Дагестана в албано-сарматский период были рассмотрены мной в специальной работе, в которой на основе анализа данных археологии и сведений античных авторов были исследованы торговые связи региона с окружающим миром в III в. до н.э. — IV в. н.э., показаны место и роль торговли в экономике, в социально-экономическом и культурном развитии Дагестана, значение этого евроазиатского «моста» в торгово-культурных контактах центров и периферии античного мира (Гаджиев М.С. 1997 г). Здесь же целесообразно остановиться на некоторых основных полученных выводах.

Имеющиеся материалы показывают важную роль внутренней и внешней торговли в экономике Дагестана, в его социально-экономическом преобразовании в рассматриваемое время. В большой мере развитию торговли содействовали развивавшиеся и приобретшие товарный характер основные ремесла и отрасли сельского хозяйства. В то же время установившиеся регулярные торговые связи, складывавшиеся рынки сбыта продукции благоприятно воздействовали на дальнейшее развитие основных производящих отраслей экономики.

С эллинистического времени Дагестан входит в орбиту систематических международных торгово-экономических и культурных контактов, что явилось одним из определяющих факторов в его социально-экономическом развитии. С этого времени устанавливаются достаточно тесные, прямые и транзитные, связи с переднеазиатскими и северопричерноморскими центрами античного мира, с кочевыми обитателями Юго-Восточной Европы. Огромную роль в установлении и развитии этих контактов сыграли как сарматские племена Северного Дагестана и Предкавказья, так и народы Закавказья и Переднего Востока. Наблюдаемый сложный, многосторонний процесс взаимного влияния оседло-земледельческой и кочевническо-скотоводческой культур Юго-Восточной Европы, включая Северо-Восточный Кавказ, в огромной степени был обусловлен необходимостью и взаимозаинтересованностью в торгово-экономических связях оседлых земледельцев и ремесленников, с одной стороны, и кочевников-скотоводов — с другой. Для ремесленников и земледельцев кочевая среда являлась не только хорошим и выгодным рынком сбыта продукции, но и поставщиком продуктов, связанных со скотоводческим способом ведения хозяйства. Обоюдные интерес и выгода в экономических контактах вели к увеличению товарообмена между оседлыми и кочевыми племенами, к возрастанию роли международных трасс, к определенной ориентации оседло-земледельческой, городской экономики на кочевническую среду. Освоение с последних веков до н.э. сарматскими племенами равнинной зоны Северного Дагестана, постоянная и растущая по-

требность в продуктах земледелия и ремесла, активизация международной транзитной торговли по Прикаспийскому пути способствовали расширению и росту рынков сбыта, стимулированию и специализации раннегородского ремесленного производства, отдельных отраслей земледелия. Отмечаемые факты подъема экономической жизни, развития ремесел, земледелия, приобретших рыночную, товарную направленность, на территории Дагестана в албано-сарматский период и в особенности в первые века н.э. должны быть поставлены в прямую связь с развитием международной торговли на Восточном Кавказе в этот период, со становлением с последних веков до н.э. и укреплением в последующие столетия дагестано-сарматских торгово-экономических контактов.

Вместе с тем бурное развитие на рубеже и в первые века н.э. международных торговых связей Дагестана, местного ремесленного и сельскохозяйственного производства происходило в контексте общего значительного экономического подъема на всем Востоке, роста эллинистическо-варварской торговли в этот период. Одними из проявлений и факторов этого развития явились интенсификация функций и усиление значимости Прикаспийского пути, связывавшего Юго-Восточную Европу и Переднюю Азию и ставшего важной международной трассой. Дагестан и в целом Восточный Кавказ становятся «перекрестком цивилизаций», перекрестком активных разносторонних и разнохарактерных связей Востока и Запада, Севера и Юга. Активизация международной транзитной торговли вдоль западного побережья Каспия стимулировала вовлечение местного, как равнинного, так и горного, населения в международный товарообмен, появление и расширение местных рынков сбыта, новых поселений, способствовала формированию и развитию ранних городов, становившихся торговыми и ремесленными центрами. В свою очередь, возникавшие вдоль трассы торговые транзитные пункты благоприятно воздействовали на последующее развитие и упрочение международной прикаспийской торговли, на укрепление горно-равнинных экономических связей.

Международная прикаспийская торговля играла и важную роль средства распространения культурных достижений. И появление на территории Дагестана в албано-сарматский период не только многих видов украшений, предметов быта, одежды, вооружения и т.п., но и важнейших и прогрессивных для своего времени орудий труда, средств производства, таких, как ручная мельница, гончарный круг, двухъярусная гончарная печь, новых технологий было результатом установившихся тесных торгово-культурных контактов. Плодом этих связей явилась и определенная интеграция в сфере материальной и духовной культуры населения Дагестана с соседними народами и племенами.

В условиях интенсификации и территориального размаха торговли в рассматриваемый период можно говорить о все возрастающей в местном обществе специализации торговли как особого вида деятельности и, как следствие, о появлении новой социальной прослойки торговцев-посредников. Вместе с тем, опираясь на находки импортных изделий, выступающих наряду с другими предметами социально маркирующими индикаторами, в погребениях представителей местных социальных верхов, а также на сравнительно-исторические данные, можно полагать, что международная торговля осуществлялась и контролировалась местными аристократами.

На основании имеющихся нумизматических данных можно констатировать, правда с определенными оговорками, наличие зачатков денежного обращения

в рассматриваемое время на равнинно-предгорной территории Южного Дагестана. Товарно-денежные отношения в их монетной форме были развиты очень слабо, и экономические связи осуществлялись посредством меновой торговли. На уровне умозрительных, логических заключений можно говорить, что в тот период выделился, определился ряд товаров, выступавших мерой стоимости, т.е. выполнявших функцию денег. Некоторые дагестанские исторические и этнографические данные позволяют полагать, что роль всеобщего эквивалента могли выполнять прежде всего зерно и скот — основные продукты двух ведущих товарных отраслей экономики. Не исключено, что этой функцией обладали и распространенные виды украшений, прежде всего бусы.

Усиленно развивавшиеся в албано-сарматский период, особенно в первые века н.э., ремесленное и сельскохозяйственное производство, внутренняя и внешняя торговля находились в тесном взаимодействии и определяли экономическую структуру и поступательное движение местного общества. Многоотраслевая развивающаяся экономика вела к существенным демографическим сдвигам, небывалому ранее количественному росту поселений, являлась важнейшим фактором глубоких социальных изменений и возникновения качественно нового общественного явления, нового общественного организма — города. Опосредованное товарообменом, все большее разделение земледельческого и ремесленного труда вело к возникновению противоположности между городом и деревней (Энгельс Ф. Т. 21. С. 165; Т. 23. С. 365). Последнее имело своим естественным результатом развитие обмена между ними и становление города как центра обмена (Кошеленко Г.А. 1983. С. 222–223).

## Глава IV

---

# СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В ПОСЛЕДНИХ ВЕКАХ до н.э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н.э.

### 1. ПРЕДПОСЫЛКИ, ФАКТОРЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Важнейшим внутренним фактором и движущей силой процесса социального развития местного общества явилось освоение производства (не без закавказского влияния) в начале I тыс. до н.э. железа — «последнего и важнейшего из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории», давшее возможность изготавливать «орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов» (Энгельс Ф. Т. 21. С. 163). Становление и развитие металлургии железа шло постепенно. Подлинно широкое освоение железа и массовое распространение железных, более совершенных орудий труда в Дагестане приходится на вторую половину I тыс. до н.э. Их распространение создало необходимые предпосылки для развития производительных сил и роста производительности труда, для индивидуализации производственной деятельности как в сельском хозяйстве, так и в развивающемся ремесле. Это привело ко второму крупному общественному разделению труда (отделению ремесла от земледелия), обеспечило появление регулярного и значительного по масштабам прибавочного продукта, стало одним из решающих условий развития и завершения процесса классового образования.

Важным внешним фактором, способствовавшим социальному развитию дагестанского общества, были близость и контакты с закавказскими и переднеазиатскими обществами со сложившейся государственностью, классовой, сословно-правовой структурой и административной системой, в сферу политических и экономических интересов которых был включен Северо-Восточный Кавказ. Особо следует отметить и связь с процессом общего социально-экономического развития Востока в эллинистический период, в который был вовлечен Восточный

Кавказ, выразившимся в подъеме экономики, расширении и углублении торгово-культурных связей, возникновении городов и государств.

Наконец, существенным внешним фактором, содействовавшим не только росту торгово-культурных контактов, развитию экономики, но и консолидации племенных союзов, развитию военной, политической организации дагестанского общества, явились вторжения и миграции в Прикаспийский Дагестан ирано-язычных кочевников, особенно усилившиеся с последних веков до н.э.

Рассмотренные в предыдущей главе вопросы развития сельского хозяйства, ремесла, торговли среди населения древнего Дагестана указывают на важнейшие прогрессивные изменения в экономической сфере — основе социального развития общества.

В области сельского хозяйства это нашло яркое отражение в появлении и распространении в I–II вв. н.э. ручной мельницы, пришедшей на смену малоэффективным зернотеркам, что отразило глубокие социально-экономические перемены в местном обществе. «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 4. С. 133). Дагестан входил в тот обширный евразийский ареал, где в первые века н.э. распространялось это прогрессивное средство производства и происходил активный процесс классовообразования и развития государственных форм социальной организации.

В албано-сарматский период начинается массовое использование крупных тарных сосудов, специальных ям-хранилищ, предназначенных для хранения сельхозпродуктов и запасов продовольствия. Эти факты, как и появление ручной мельницы, говорят не только о возросшей потребности в сельхозпродукции (прежде всего зерновой), но и о увеличении ее объема, о росте производительности сельскохозяйственного труда за счет совершенствования техники и культуры земледелия, пахотных и жатвенных орудий, освоения новых земель. Распространение железных орудий труда позволило выполнять огромные по объему агротехнические работы, определило переход к интенсивной форме земледелия, развитие террасного и поливного земледелия, получение сельскохозяйственного прибавочного продукта. «Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 21. С. 163).

Использование железных орудий труда в земледелии повышало производительность труда, что, в свою очередь, стимулировало развитие ремесел, высвобождая время и часть людей от занятий земледелием. В то же время развитие ремесел оказывало положительное обратное воздействие на развитие земледелия, его интенсификацию (Бунятян Е.П. 1984. С. 118). Подъем производства и рост производительности труда значительно расширили возможности индивидуального сельскохозяйственного труда, явившись важным фактором становления парцеллярного (мелкокрестьянского) хозяйства и частной земельной собственности. Следствием индивидуализации сельскохозяйственного труда стало развитие террасного земледелия (Агларов М.А. 1964. С. 185–192; 1974. С. 51) в Дагестане в албано-сарматский период. Само развитие террасной и ирригационной систем земледелия было обеспечено накопленным прибавочным продук-

том, направленным в производственную сферу — на повышение производительной силы, увеличение возделываемой площади, рентабельное и устойчивое воспроизводство самого прибавочного продукта.

Анализ данных археологии позволил говорить (см. главу III.2) о частной (семейной) собственности на средства обработки зерна, на места его хранения и на получаемый урожай. Это, в свою очередь, ставит вопрос о посемейном возделывании сельхозкультур, о парцеллярном характере хозяйства, о частном землепользовании и частной собственности на обрабатываемую землю в рамках общинного коллектива. В свете роста производительности и индивидуализации сельскохозяйственного труда, развития террасного земледелия в Дагестане в рассматриваемое время вопрос о существовании частной собственности в этот период не выглядит необычным и имеет существенное, принципиальное значение для социально-экономической характеристики местного общества, для решения вопроса о возникновении города, так как «противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 3. С. 50).

Система террасного земледелия, подразумевавшая индивидуальный, а не коллективный труд, оказывала кардинальное влияние на аграрные производственные отношения, способствовала процессу парцелляризации хозяйства, переходу земельных участков в частную собственность семей, их обрабатывавших, становлению и утверждению общины нового типа — основанной на частной собственности (Агларов М.А. 1964. С. 185–192), «общины вторичной формации», по определению К.Маркса. «Частная земля общинников являлась основным и непреходящим условием формирования вторичной общины, которая оказалась способной генерировать классовую социальную структуру и развиваться до уровня политических образований и государств» (Агларов М.А. 1988. С. 28). Развитие принципов частнособственнических отношений нашло выразительное отражение в погребальных памятниках Дагестана, в обнаруженных кладах ювелирных изделий, монет (Шаракунские клады), в накоплении богатств, в чем воплотилось наличие прибавочного продукта, реализованного в непродуцительной сфере.

Социальному развитию местного общества, формированию классовых отношений содействовало и развитие второй основной отрасли сельского хозяйства — скотоводства, в котором наряду со стационарной (стойлово-выгонной) формой важное место занимало подвижное, отгонное скотоводство. Наличие и развитие отгонной формы являлось не только выражением интенсификации скотоводства, большой рентабельности овцеводства в условиях общего экономического подъема региона, но и важным фактором ускорения социально-имущественного разложения.

Скот, в противоположность земле, представлял собой мобильное, легко отчуждаемое имущество (Першиц А.И. 1956. С. 39; Бунятян Е.П. 1984. С. 120). «Все исторические и этнографические данные бесспорно свидетельствуют о том, что с глубокой древности скот был частной семейной собственностью» (Марков Г.Е. 1976. С. 289). Вывода Ф.Энгельса о раннем (на средней ступени варварства, по периодизации Л.Г.Моргана) развитии частной собственности на стада (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 21. С. 58) придерживается большинство исследователей, специально занимавшихся этой проблемой (А.И.Першиц, Г.Е.Марков, С.И.Руденко, В.А.Шнирельман и др.). И в обстановке развития форм частной

собственности (в том числе на землю) есть все основания полагать наличие в Дагестане в исследуемое время частной собственности на скот — важнейшее в условиях комплексной оседлой земледельческо-скотоводческой экономики средство производства после земли.

По сравнению со стационарной, стойловой формой отгонное скотоводство, как и кочевое, требовало гораздо меньшей рабочей силы, т.е. характеризовалось большей индивидуализацией труда, ростом его производительности, в прямой зависимости от которого находился прибавочный продукт (Першиц А.И. 1956. С. 39; Бунятян Е.П. 1984. С. 120, 121). Таким образом, существование и развитие отгонной формы скотоводства способствовало появлению и увеличению прибавочного продукта, следовательно, развитию частной собственности, имущественной и социальной дифференциации (Бунятян Е.П. 1984. С. 120, 121). К.Маркс замечал, что «в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах (т.е. при подвижных формах. — М.Г.), масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде скота...» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 25. С. 327).

Вместе с тем рост производительности труда при подвижной форме скотоводства обеспечивался не совершенствованием орудий труда, а новой системой его организации (Бунятян Е.П. 1984. С. 121, 122), вызванной необходимостью дальних перегонов. Последнее в условиях значительного роста народонаселения и числа поселений, хозяйственного освоения новых районов в Дагестане в рассматриваемый период означало переход стад и сопровождавших их людей на чужие территории, контакт с иными общинами, что непременно поднимало значение органов власти и управления и в производственном цикле, и в межобщинных, межэтнических отношениях, способствовало выработке соответствующих обычно-правовых норм. Как отмечает М.-З.О.Османов, развитие отгонной формы скотоводства, с одной стороны, было обусловлено усилением экономических, политических, этнокультурных связей между населением разных районов и, с другой — было одним из мощных факторов укрепления этих контактов, процессов этнической, политической консолидации, экономической интеграции, формирования и развития хозяйственно-культурных типов (Османов М.-З.О. 1990. С. 159). Таким образом, скотоводство (особенно его отгонная форма), с рано заложенной в нем частнособственнической тенденцией, выступало важной движущей силой процесса социально-экономического развития общества, становления раннеклассовых отношений.

Как отмечалось выше (см. главу III.2), сельское хозяйство, приобретшее в албано-сарматский период (особенно в первые века н.э.) товарную направленность, являлось важнейшей отраслью экономики и обеспечивало получение в сфере пищевого производства регулярного прибавочного продукта. Последнее определяло укрепление и рост экономической базы, развитие иных отраслей производства, усложнение производственной и социальной структуры общества, а в итоге гарантировало благосостояние и поступательное социально-экономическое движение общества и являлось одним из основных факторов, определивших становление раннеклассовых отношений и государства в регионе.

Существенные сдвиги, выразившиеся в появлении прогрессивных орудий труда, средств производства, технологий, в усовершенствовании технических приемов и операций, происходят в ремесленном производстве (см. главу III.1). Археологические материалы свидетельствуют о протекавшем процессе общест-

венного разделения труда между сельским хозяйством и ремеслом, одним из результатов развития которого было становление города, возникновение противоположности между городом и деревней (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 21. С. 165; Т. 23. С. 365). Такие важнейшие виды ремесла, как гончарное, кузнечное, бронзолитейное, достигли качественно нового стадийного уровня развития — уровня товарного производства и определенной профессиональной специализации, отразив тем самым формирование и развитие нового типа организации общественного труда, новых социально-производственных отношений. Ремесленник работал уже не только на заказ, на создание потребительной стоимости, но и на рынок, когда вещь приобретала меновую стоимость, а продукт труда становился товаром.

Возникновение стоимостных отношений «характеризует наличие совершенно определенных производственных отношений — отношений к средствам производства, при помощи которых производится продукт труда, к самому продукту и отношений между производителями. И наличие их предполагает частную собственность. Товар, стоимостные отношения, частная собственность — все это не свойственно первобытному обществу, и все это выступает в своей взаимозависимости как экономическое выражение определенного исторически нового состояния социальности» (Сайко Э.В. 1996. С. 37).

Сельское хозяйство и ремесленное производство находились в тесной взаимообусловленной связи, и это было важным фактором общего социально-экономического развития местного общества. Находящиеся на достаточно высоком уровне и интенсивно развивавшиеся ведущие отрасли сельского хозяйства и ремесла в большой мере способствовали росту значимости и расширению торговли, вышедшей за пределы простого межплеменного обмена и отразившей новый уровень производственной деятельности, производственно-обменных отношений и состояния общества. Также и торговые связи, приобретшие регулярный характер, стимулировали развитие и специализацию основных производящих отраслей экономики. «Возникновение обмена, превращение его в „жизненную необходимость для общества“ становятся мощным стимулом развития, разлагающим натуральное хозяйство, углубляющим специализацию, вводящим во все большей степени элементы товарности в традиционные хозяйственные отношения» (Кошеленко Г.А. 1983. С. 223).

С эллинистического времени Дагестан оказывается включенным в орбиту систематических международных торгово-экономических и культурных контактов, с одной стороны, с высокоразвитыми странами античного мира и, с другой стороны, с кочевыми сарматскими племенами Юго-Восточной Европы. Развитие международной торговли стало важной движущей силой процесса исторического, социально-экономического развития региона и находилось в русле общего роста взаимозаинтересованных связей центров античной цивилизации и варварской ойкумены в последних веках до н.э. — первых веках н.э.

Активизация международной торговли по Прикаспийскому пути, как уже отмечалось, стимулировала вовлечение местного населения в международный товарообмен, содействовала появлению и расширению местных рынков сбыта, возникновению и развитию ранних городских центров. Торговля явилась «мощно действующим, преобразующим фактором в развитии цивилизационных, в том числе урбанизационных, процессов, в формировании поэтому соответствующих образующих структур последних, в возникновении — как результата их — города» (Сайко Э.В. 1996. С. 38).

Таким образом, находившиеся в тесном взаимодействии и интенсивно развивавшиеся в албано-сарматский период, особенно в первые века н.э., сельское хозяйство, ремесло и торговля, состояние и уровень которых отражали существенное развитие общественного разделения труда, явились факторами и показателями глубоких социальных преобразований, обусловили прогрессивное движение местного общества «от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству». В этом процессе решающим и необходимым фактором, его генератором были археологически фиксируемый рост производительности труда и получение прибавочного продукта в сельском хозяйстве, выступающие надежным показателем утверждения раннеклассовых отношений.

Экономическое развитие, прежде всего в сфере пищевого, сельскохозяйственного производства, определило бурный рост народонаселения, его плотности. О значительных демографических изменениях, произошедших в албано-сарматский период, ярко свидетельствуют археологические данные, указывающие на освоение новых земель, небывалый ранее рост количества населенных пунктов, появление иерархии поселений, в том числе крупных укрепленных поселений, интерпретируемых как раннегородские центры. В настоящее время на территории Дагестана повсеместно зафиксировано около 70 бытовых памятников (поселений и городищ) албано-сарматского времени, что во много раз превышает количество известных, открытых памятников предшествующих (предскифского и скифского) периодов. Особенно интенсивно процесс изменения демографической ситуации в регионе, судя по количественным показателям археологических (бытовых и погребальных) памятников, происходил с начала I тыс. н.э. и хронологически совпадал с усиленным развитием экономики в это время.

В этом явлении, несомненно, нашло отражение диалектическое взаимодействие демографического и социально-экономического факторов общественного развития. Исследователи уже неоднократно обращали внимание на существенное повышение темпов прироста населения в эпохи кардинальных прогрессивных социально-экономических преобразований — после неолитической революции, ознаменовавшейся становлением и развитием производящего хозяйства, и особенно с переходом к раннеклассовому и классовому обществам (Вишневский А.Г. 1982. С. 47, 55; Козлов В.И. 1982. С. 18 и сл.). Рост населения являлся важным катализатором, показателем и продуктом этих преобразований. Достигнутый демографический оптимум, основными элементами которого являются рост численности и плотности населения, выступал необходимым условием процесса политогенеза (Васильев Л.С. 1981. С. 160).

К.Маркс, подчеркивая тесную связь демографических и производственных отношений и их роль в разрушении первобытнообщинного строя, писал: «Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее данных объективных условиях. Само производство, рост населения (а население тоже относится к производству) неизбежно расшатывают мало-помалу условия, разрушают их, вместо того чтобы воспроизводить и т.д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 46. Ч. I. С. 474, 483). Важным компонентом этих «заранее данных объективных условий» является демографическое равновесие, и оно нарушается в узловые моменты истории, когда общество всем своим развитием подготовлено к крупным социально-экономическим переменам, которые

обуславливают переход к новому демографическому равновесию (Вишневский А.Г. 1982. С. 16).

Рост населения, обеспеченный увеличением сельскохозяйственной продукции, в свою очередь, стимулировал интенсификацию сельскохозяйственного труда, рост его производительности, введение новых принципов его организации. Это обеспечивалось не только совершенствованием средств производства, развитием производительных сил, но и формировавшимися новыми отношениями между производителями. В этих условиях значительно повышалась роль органов общественной власти и управления в производственном цикле, в контроле над естественными ресурсами.

Вместе с тем значительные демографические изменения, оказывавшие давление на жизнеобеспечивающие ресурсы, занятие новых территорий, увеличение числа населенных пунктов, рост общественного богатства в результате экономического развития, проникновение сармато-аланских кочевых племен приводили к участвовавшим вооруженным столкновениям и конфликтам, что нашло отражение, в частности, в появлении хорошо укрепленных поселений. Это же, в свою очередь, в большой мере способствовало централизации контроля над ресурсами (прежде всего земельными и людскими), тесному военно-политическому сплочению и объединению населения, развитию военной и политической организации общества, институтов власти и управления, военного лидера и его дружины (нашедшее воплощение в воинских погребениях), стимулировало социально-имущественную дифференциацию. «В данной ситуации органы племенной и межплеменной власти и управления выполняют не столько организационно-хозяйственные, сколько военно-политические функции, осуществляя охрану и, в случае необходимости, расширение общей территории, а также регулируя межобщинные отношения» (Павленко Ю.В. 1989. С. 97).

В условиях бурного экономического развития, возрастания роли военного фактора неминуемо усложнялись и централизовывались организационная, производственная, военно-политическая функции органов общественной власти и управления, которые трансформировались в государственные институты. В такой обстановке происходило разделение труда производительного и управленческого, что обусловило появление элементов администрации, административно-политических институтов, т.е. элементов государственности, возникавших на базе племенных, потестарных организаций. И в этом процессе политико- и классогенеза власть как таковая служила важнейшим катализатором и активным элементом, реализуя (прежде всего в материальной сфере) существующее между субъектом и объектом власти неравенство в пользу руководителей, порождая отношения господства и подчинения (Куббель Л.Е. 1988. С. 37). Власть авторитета и общественного мнения заменялась авторитетом и силой власти.

Археологически прослеживаемые факты роста численности населения, формирования иерархии поселений, развития экономики, обоснованные предположения о становлении и развитии парцеллярного хозяйства и частной собственности позволяют говорить о происходившем в это время активном процессе разложения архаичной родовой общины и формирования и развития новой общины — сельской и раннегородской, основанной на территориальном признаке и на частном землевладении. Именно к албано-сарматскому времени по совокупности историко-археологических фактов, на основе единства общетеоретического и эмпирического подходов к познанию социальной действительности

следует относить возникновение в Дагестане этой самоуправляемой гражданской общины, представляющей уже политическую, государственную структуру и систему (о дагестанской общине см.: Агларов М.А. 1988). Как отмечал А.П.Новосельцев, наличие и более или менее прочная устойчивость таких самодовлеющих общин, возникших непосредственно из разложения доклассовых структур, обладающих своим «гражданским» правом, противостоящих как единое целое другим общинам такого же типа и объединенных вокруг какого-либо центра (чаще города), является главной, определяющей чертой в области социальной структуры раннеклассовых обществ как древности, так и средневековья (Новосельцев А.П. 1980. С. 82).

О месте таких общин в становлении политической надстройки общества и этноконсолидирующей роли последней Ф.Энгельс писал: «Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковые, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19. С. 496). Параллельно и взаимозависимо с процессом становления государственной власти, т.е. с формированием политического, классового общества, шел процесс возникновения города: «Вместе с городом появляется и необходимость... политики вообще. Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 3. С. 50).

## **2. СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ**

Как известно, переход к раннеклассовому обществу и государственным формам социальной организации связан с качественным изменением всей системы социального организма, с социально-имущественной дифференциацией населения, сложением социальной структуры этого общества, для которого характерно наличие двух основных слоев: родовой аристократии во главе с родом правителя и примыкающей к ней служилой знатью и массы рядовых общинников, среди которых уже происходит социально-имущественное расслоение. Незначительную прослойку, очевидно, составляли рабы, как результат участвовавших военных столкновений.

В археологической практике установление раннеклассового характера того или иного общества в огромной мере связано с анализом и социальной интерпретацией групп погребений, в которых нашли отражение социальная, сословно-правовая структура, прижизненный общественный статус погребенных. Исследователями разработана, апробирована и совершенствуется методика таких социальных реконструкций на основе археологических материалов (см., например: Бунятыян Е.П. 1985; Афанасьев Г.Е. 1993. С. 5–34, там же см. библиографию; Ольховский В.С. 1995. С. 85–96), выделены объективные археологические критерии определения социального статуса погребенного, принадлежности его к той или иной общественной группе, основными из которых являются количе-

ство труда, затраченного на совершение погребального обряда, и количество и качество сопроводительного погребального инвентаря. Известно также, что в строго стратифицированных обществах представители определенных слоев-сословий имеют внешние отличительные, социально маркирующие признаки (знаки различий, символы власти и общественного положения) в украшениях, одежде, вооружении и т.п. Таким образом, социальная стратификация общества находила отражение в духовной и материальной культуре, фиксируемой в погребальных памятниках.

На основе отмеченных критериев и признаков анализ погребальных памятников Дагестана албано-сарматского времени позволил выделить несколько групп захоронений, принадлежавших представителям различных социальных слоев и занимавших при жизни, очевидно, соответствующее сословно-правовое положение. Группы расположены в порядке возрастающей общественной иерархии: 1) погребения социально зависимых членов общества; 2) погребения рядовых членов общества; 3) погребения знати, в том числе военно-служилой аристократии; 4) погребения высшей знати, или «княжеские».

**Погребения первой группы** представлены прежде всего появившимися на рубеже н.э. безынвентарными захоронениями отдельных человеческих черепов, большинство из которых сопровождают центральные погребения (Шаракунский, Карабудахкентский № 1, Дербентский, Новолакский, Буйнакский могильники). Археологи, исследовавшие эти захоронения, считали возможным видеть в них отражение обряда человеческих жертвоприношений социально зависимых людей, рабов, пленных, врагов (Смирнов К.Ф. 1961. С. 201, 203; Пикуль М.И. 1967. С. 155, 171; Абрамова М.П. 1977. С. 69–71; Кудрявцев А.А. 1985. С. 131, 133, 139; Давудов О.М. 1974. С. 124, 125; 1996. С. 313, 314). Автор настоящей работы посвятил анализу и социальной интерпретации этих захоронений специальную статью (Гаджиев М.С. 1985. С. 44–58). В ней было показано, что появившиеся в Дагестане в рассматриваемое время захоронения отдельных черепов, сопровождающие центральные погребения, следует рассматривать как составную часть погребальной обрядности, как обычай человеческих жертвоприношений, когда на похоронах знатного лица умершвлялись социально зависимые от него лица.

Возникновение этого обряда было продиктовано причинами социальными и экономическими: изменения в идеологических представлениях, вызванные значительными переменами в материальном производстве и в общественных отношениях, находили отражение в обрядности. Как известно, каждый обряд имеет определенный социальный смысл, служит обозначением-символом определенного существующего социального отношения и порядка. И в погребальном обряде с человеческими жертвоприношениями «ярко отразилось социальное расслоение общества, с намечающимся противостоянием входящих в его состав социальных групп» (Массон В.М. 1976. С. 78, 79). Обряд этот имел четкую социальную функцию: он подчеркивал исключительность особы погребенного, утверждал безраздельную собственность погребенного на умершвленных, новые отношения господства и подчинения. Как утверждал Н.А.Бердяев, при убийстве человека человеком всегда присутствует ярко выраженная идея: «я — Господин, у меня есть воля и сила, чтобы разделаться с жизнью другого человека, я — Бог».

На форму рассматриваемого обряда, выразившуюся в захоронении только черепов (голов) бесправных, зависимых людей (пленных, рабов), а не их целых тел, возможно, повлияли существовавшее представление о голове как вмести-

лише души и распространенный у многих индоариев, в частности у скифов, алан, парфян, персов, обычай отсечения головы у врагов (Грантовский Э.А. 1981. С. 72–75; Гаджиев М.С. 1985. С. 52–54). Но не исключена и возможность конвергентного возникновения этого обычая в кавказской среде, в частности у кобанцев — я имею в виду материалы погребения 15 могильника Уллубаганалы (Ковалевская В.Б. 1984. С. 48), известные изображения на бронзовых поясах из Кобанского и Тлийского могильников и бронзовое навершие из Казбекского клада в виде головы барана, на рогах которого воспроизведена скульптурная сцена отсечения головы серповидным ножом-кинжалом одной мужской фигурой у другой (МАК. 1900. С. 143. Табл. LXXI, 6). Напомню и изображения воинов, державших в руках отрубленные головы, на золотом колпачке из Курджипского кургана IV в. до н.э. (Галанина Л.К. 1980. С. 45–47. Табл. VII. Рис. 51; Булава Л.А. 1987. С. 254–257. Рис. 1, 1).

Наряду с этой группой захоронений к разряду погребений зависимого населения (рабов, военнопленных) исследователи склонны относить и безынвентарные целые погребения, сопровождающие центральные захоронения, также известные в Дагестане в албано-сарматский период (Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. 1969. С. 121; Давудов О.М. 1996. С. 314).

В условиях значительно участвовавших военных конфликтов захват пленных, превращение их в зависимое население и возникновение на этой основе рабства — явление обычное, распространенное. И интерпретация рассматриваемых погребений как принадлежащих умершвеленным пленным или рабам вполне возможна. Вместе с тем, судя по имеющимся примерам, погребения, характеризующиеся наличием человеческих жертвоприношений, не были широко распространены, встречаются спорадически. Этот факт вкупе с некоторыми ретроспективными и сравнительно-историческими данными с сопредельных территорий (Новосельцев А.П. 1980. С. 171, 181), вероятно, можно оценивать как показатель незначительного числа представителей этой бесправной категории населения и слабого развития института рабства.

Единственным письменным свидетельством на этот счет, которое можно в определенной степени использовать применительно к Дагестану, является сообщение Бузанда о войне как источнике рабства и о некоторых сферах применения рабского труда в Кавказской Албании. По его словам, албанский царь Урнаир перед Дзиравской битвой (371 г.), в которой приняла участие и дружина царя леков Шергира, обращался к воинам: «Ныне же я вас предупреждаю, чтобы вы помнили, что, когда мы заберем в плен греческие войска, многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим работать как гончаров, каменотесов и кладчиков стен для наших городов, дворцов и других нужд» (Бузанд Фавстос. 1953. С. 148).

**Погребения рядовых членов общества** составляют основную, наиболее многочисленную группу. Для характеристики этой группы захоронений большое значение, как наиболее репрезентативные, имеют материалы Шаракунского могильника, основная масса погребений которого относится к III в. до н.э. — I в. н.э. (Пикуль М.И. 1959; 1961; 1962), Карабудахкентского № 1 (Смирнов К.Ф. 1961. С. 167–219) и Таркинского могильников первых веков н.э. (Крупнов Е.И. 1951. С. 208–225; Смирнов К.Ф. 1951. С. 226–272). На первом памятнике выявлено 83 погребения (из них по сохранности информативны 70), на втором — тоже 83 (информативны 64) и на третьем — 38 погребений (информативны 23).

Все представленные на этих могильниках захоронения по трудозатратам, направленным на организацию погребальных сооружений, весьма однородны. Исключение составляет, пожалуй, только могила 38 Карабудахкентского № 1 могильника, представляющая относительно большой склеп (4,4 × 4,4 м, при сохранившейся высоте стен до 1 м), в котором одновременно было захоронено не менее 39 человек. Основная же масса погребений этого и других могильников представлена одиночными, реже парными (женщина и ребенок, мужчина и ребенок, мужчина и женщина) и коллективными (часто вторичными) захоронениями в грунтовых ямах (как, например, могилы 33, 59, 60, 62, 64 Карабудахкента), иногда обложенных камнями, редко в каменных ящиках и склепах.

При учете же состава, количества и качества погребального инвентаря как овеществленного труда наблюдается дифференциация погребений рассматриваемых могильников. По этому признаку погребения данной группы делятся на четыре категории: 1) безынвентарные, 2) бедные, 3) умеренные, 4) достаточные.

*Безынвентарные погребения* относительно немногочисленны. На Шаракунском могильнике их десять (14,3% от общего количества информативных захоронений) — погребения 3, 9 (детское), 11, 14, 32, 46, 51, 52, 70, 71 (парное). Все они вторичные, кроме погребения 70, в котором взрослый был захоронен ничком. В Таркинском могильнике из 23 информативных погребений два безынвентарных (8,7%) — погребения 2 и 5, вскрытые при раскопах 1947 г., они представляют собой одинаковые захоронения взрослых вытянуто на спине или на боку.

В Карабудахкентском № 1 могильнике насчитывается 17 безынвентарных погребений (26,5%) — погребения 2, 13, 14, 19, 24, 28, 37, 44, 51, 54, 59, 60, 64, 66, 67, 71, 72. Представлены они взрослыми и детскими захоронениями, вторичными одиночными (погр. 19, 28, 44, 66), парными (погр. 2, 13–14, 67) и коллективными (погр. 59, 60, 64) захоронениями, ингумациями в скорченной (погр. 37, 51, 54, 72) и вытянутой на спине (погр. 24 — детское, погр. 71 — женское) позах. Погребения 19 и 28, располагавшиеся рядом со склепом (мог.38), возможно, представляют человеческие жертвоприношения, как и находившиеся здесь захоронения жертвенных коней. В погребениях 59 и 60 были вторично захоронены мужчина, женщина и ребенок, а в погребении 64 — трое мужчин и ребенок.

Следует отметить, что безынвентарность вторичных погребений не является следствием ритуала (обряд выставления?), религиозных представлений, погребальных практики и традиций, так как вторичные погребения представлены и в категориях захоронений, для которых характерно наличие инвентаря. Эта черта (безынвентарность) данных погребений, как представляется, отражает имущественное положение той части населения, которой принадлежат эти погребения.

*Бедные погребения* наиболее многочисленны; в Шаракунском и Карабудахкентском № 1 могильниках они составляют соответственно 33 погребения (47,1%) и 27 (42,2%). В Таркинском могильнике, в котором выборка не столь репрезентативна, таких погребений пять (21,7%).

Эти погребения характеризуются наличием крайне ограниченного и простого инвентаря, представленного одной-двумя, редко тремя категориями в единичных экземплярах. Например, в качестве сопроводительного инвентаря в таких захоронениях Карабудахкентского № 1 могильника встречены только фрагменты керамики (погр. 9, 27), кувшин или горшок (погр. 52, 53, 75), одна-

две бусины (погр. 42, 48), нож (погр. 79), железная пряжка (погр. 76), бронзовое височное колечко (погр. 7). Эти вещи могут сочетаться, например пряжка и оселок (погр. 12), фрагменты керамики и булавка (погр. 17), булавка и горшок (погр. 69), обломки керамики и бусина (погр. 49), фрагменты керамики и сьюльгама (погр. 70), нож и миска (погр. 55, 83).

Иногда набор погребального инвентаря чуть шире, но также прост: обломки керамики, две-три бусины (стекло, паста), пряжка (погр. 22–23, детское погр. 3), фрагменты керамики, миска, бусина (погр. 20).

Среди инвентаря этой категории захоронений отсутствуют оружие, фибулы, зеркала, браслеты, иные представительные вещи. Исключение составляют погребения 8 и 30 Карабудахкента, в которых обнаружены соответственно два фрагмента бронзового зеркала, около десяти сердоликовых и стеклянных бусин (погр. 8), обломок бронзового браслета и несколько бусин (погр. 30). В отличие от безынвентарных захоронений в этой категории погребений начинают встречаться, но крайне редко остатки тризны, заупокойной пищи в виде отдельных костей животных, главным образом овцы или барана (погр. 80 Карабудахкента; погр. 1, 2, 10, 21, 48, 55, 60 Шаракуну; погр. 2, 4 раск. 1947 г. Тарки).

В данной категории представлены вторичные, сидячие захоронения, погребения в скорченной на боку или вытянутой на спине позах в грунтовых ямах, что характерно для Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени. Сюда относятся и два редчайших одиночных погребения взрослых в вытянутом положении ничком, обнаруженные на Шаракунском могильнике (муж. погр. 44 и жен. погр. 50) и сопровождавшиеся в одном случае обломками керамики, в другом — пастовыми бусинами. Еще одно такое захоронение этого могильника, как отмечалось, было безынвентарным.

Лишь одно погребение данной серии было совершено в каменном ящике — погребение 83 Карабудахкентского № 1 могильника, в котором были захоронены двое мужчин в скорченной позе, рядом найдены нож и миска. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие коллективных захоронений в этой категории. Исключение составляет вторичное погребение 33 Карабудахкента, в котором обнаружены четыре черепа взрослых и инвентарь в составе ножа, сердоликовой бусины, бронзовых ложечковидной булавки и височного колечка. Парные погребения представлены вышеупомянутым погребением 83 Карабудахкента и погребением 58 (взрослый и ребенок) Шаракуну, сопровождавшимся горшком, колечком (рядом со взрослым) и фрагментами керамики, бусиной и раковиной каури (рядом с ребенком). Что касается половозрастной характеристики, то здесь представлены захоронения как взрослых мужчин и женщин, так и детей (погр. 3, 29, 50 Карабудахкента, погр. 18,35 Шаракуну, погр. 11, 14 раск. 1948 г. Тарки).

*Умеренные погребения* не столь многочисленны, как бедные, но весьма представительны. На Шаракунском могильнике их 17 (24,3%), на Карабудахкентском № 1 — 9 (14,0%), на Таркинском — 4 (17,4%). Для этих захоронений характерно большее количество погребального инвентаря, представленного, как правило, тремя-четырьмя категориями, редко одной-двумя, но в нескольких экземплярах. Например, вторичное взрослое погребение 20 Шаракуну сопровождалось пятью керамическими сосудами (два кувшина, горшок, миска, чашечка), а женское, в вытянутой на спине позе (погребение 28 Тарки), — также пятью сосудами (два кувшина, две миски, сосудик) и пряслицем.

Обычно же в могилах этой серии представлены, например, следующие наборы: нож, оселок, фибула типа «Алезия» (погр. 1 Карабудахкента), нож, пряслице, кувшин (погр. 17 Шаракуна), нож, кувшин, бусины (погр. 29 Шаракуна), кувшин, чаша, стеклянная бусина, два бронзовых височных колечка (погр. 26 Карабудахкента), железная булавка, два височных колечка, несколько десятков стеклянных бусин (погр. 77 Карабудахкента), кружка, бронзовый браслет, пастовая бусина, подвески из оленьих зубов (погр. 10 раск. 1947 г. Тарки), горшок, фрагменты керамики, шесть сердоликовых и одна стеклянная бусины, обломки зеркала (погр. 4 Карабудахкента) и т.п.

В этой категории захоронений чаще встречаются различные украшения (височные кольца, булавки, трубочки-накосники, фибулы, зеркала), еще чаще бусины (до нескольких десятков) из разнообразных материалов (стекло, паста, редко сердолик, халцедон). Начинает встречаться оружие: например, в погребении 13 Тарки (раск. 1948 г.), в котором был захоронен взрослый мужчина (?) на боку, вместе с железными пряжкой и фибулой, тремя бусинами (халцедон, стекло, камень) были найдены пять железных наконечников стрел, а в погребении 31 Шаракуна в скорченной позе похоронен мужчина вместе с кувшином, горшком, бусинами и преднамеренно поломанным железным наконечником копья.

Хотя следует отметить, что в рассмотренных могильниках встречается оружие весьма редко: в Тарки погребений, содержащих оружие, — четыре (погр. 13; погр. 23 — несколько железных и костяной наконечники стрел; погр. 24 — наконечник копья; погр. 27 — несколько десятков наконечников стрел и фрагмент меча), в Карабудахкентском № 1 могильнике — только одно (коллективная мог. 38 — 14 костяных наконечников стрел), в Шаракунском — шесть (погр. 24 — железный наконечник стрелы; погр. 31, 38, 65 — по одному наконечнику копья; погр. 62, 75 — по два). Этот факт может свидетельствовать об отражении в погребальном обряде причастности рядового населения к созидательному оседло-земледельческому труду, а не к военному делу. Вместе с тем наличие оружия в могилах фиксирует принадлежность погребенного к определенной общественной группе населения, выступая, таким образом, индикатором социального положения. Из упомянутых погребений с оружием в названных могильниках подавляющая часть относится к вышестоящим категориям захоронений.

В погребениях рядового населения почти не отражена производственная деятельность. Не как характерная черта, а как тенденция выступают находки в женских погребениях пряслиц, браслетов, зеркал, проколов, некоторых иных предметов, в мужских — ножей, оселков, оружия. Вместе с тем наличие тех или иных видов украшений (браслетов, фибул, зеркал и др.) дифференцирует женские погребения, а присутствие тех или иных видов оружия — мужские.

К разряду умеренных погребений относится и коллективная могила 38 Карабудахкента, представлявшая собой долго функционировавший склеп. Погребальный инвентарь, обнаруженный в нем, многочислен и разнообразен: около 30 керамических сосудов, не менее 7 ножей, 8 пряжек (в том числе 2 из бронзы), 13 булавок (в том числе 8 бронзовых), 14 костяных наконечников стрел, 2 оселка, 4 пряслица, 3 бронзовых браслета, 2 височных кольца, бронзовые подвеска и колокольчик, кремневый ретушер, многочисленные бусины из стекла, пасты, сердолика. Но учитывая долговременность этого погребального сооружения и предположительное примерно равное распределение инвентаря между погребенными (не менее 39 чел. — мужчин, женщин, детей), эти захоро-

нения не могут быть отнесены к разряду богатых, принадлежавших представителям аристократии и тем более военной знати (ср.: Давудов О.М. 1996. С. 315, 316). Знаменательно, что в склепе отсутствуют такие престижные предметы, как мечи, кинжалы, зеркала, фибулы и т.п. Но вместе с тем следует отметить, что к склепу примыкали жертвенные захоронения трех целых коней и частей еще шести. Здесь же, у его стенки, зафиксированы два захоронения отдельных человеческих костей и черепов (погр. 27, 28), которые К.Ф.Смирнов посчитал «жертвоприношениями врагов или социально зависимых людей» (Смирнов К.Ф. 1961. С. 201, 203).

Человеческое жертвоприношение установлено и в погребении 59 Шаракуна, относимого по инвентарю к категории умеренных. Здесь в грунтовой яме был погребен подросток в скорченной позе на боку, вместе с двумя кувшинами, стеклянными и бронзовыми бусинами и тремя черепами взрослых людей, положенными у ног. М.И.Пикуль также видела в этих захоронениях отражение обычая человеческих жертвоприношений и «процесса развивающегося патриархального рабства» (Пикуль М.И. 1967. С. 155, 171).

Таким образом, в категории умеренных погребений начинает встречаться обряд совершения ритуальных человеческих умершвлений во время похорон. Возможно, наличие этого обряда указывает на более высокий общественный статус погребенного, чьи похороны сопровождались убийствами каких-то зависимых людей, но сопутствующий погребальный инвентарь данных погребений не представителен. Наряду с этим человеческие жертвоприношения сопутствуют и некоторым захоронениям следующих, более высоких категорий погребений, отличающихся также и количеством погребального инвентаря.

Для категории умеренных погребений характерны одиночные вторичные захоронения, ингумации в вытянутой (на спине, на боку) и скорченной (на боку) позах в грунтовых ямах. Встречены два парных погребения (погр. 65–66 — мужчины и ребенка, погр. 77 — женщины и ребенка в Шаракуне) и одно коллективное (4 мужчин и 2 женщины) вторичное захоронение (погр. 62 Карабудахкента), в котором были найдены также горшок, миска, чашечка, бусины из стекла и сердолика, бронзовое зеркало, оселок, железные ножи, пряжка, булавка.

Категорию умеренных погребений составляют в основном захоронения взрослых, но имеются и два детских (кроме отмеченных парных и подросткового). Это погребение 26 Карабудахкента, в составе погребального инвентаря которого представлены кувшин, чашка, два бронзовых височных колечка и стеклянная бусина, и погребение 26 Шаракуна с фрагментами керамики, несколькими бусинами, железной булавкой, бронзовым колечком и клыком кабана.

Необходимо отметить, что погребения данной категории занимают промежуточное место по составу, количеству и качеству инвентаря между описанными бедными захоронениями и следующей категорией достаточных погребений. Вместе с тем одни из умеренных погребений более близки к категории бедных, другие — к категории достаточных.

*Достаточных погребений* в Шаракунском могильнике — восемь (11,4%), в Карабудахкентском № 1 — одиннадцать (17,2%), в Таркинском — десять (43,5%); в них представлено, как правило, пять-шесть категорий погребального инвентаря.

В женских погребениях чаще встречаются (по сравнению с умеренными погребениями) зеркала, фибулы, пряжки, подвески, иные принадлежности костюма; бусины в целом также представлены в большем количестве (от нескольких

штук до нескольких десятков и даже до сотни) и разнообразии (стекло, паста, гагат, сердолик, редко янтарь, халцедон, гранат). Например, в погребении 78 Карабудахкента найдено свыше ста бусин из стекла, пасты, халцедона, кувшин, бронзовые разбитое пополам зеркало-привеска, подковообразная подвеска и две железные булавки, а в погребении 18 того же могильника — свыше десяти бусин (стекло, гагат, сердолик), бронзовые зеркало-привеска, височное кольцо, две железные и бронзовая булавки, керамическая ваза и фрагменты посуды. В погребении 1 Шаракуна (раск. 1959 г.) вместе с горшком, железным ножом, бронзовыми наперстным кольцом, булавкой, колечками-бусинками, мелом была положена низка из более 50 стеклянных (с золотой прокладкой) бусин. В погребении 36 Тарки находились фрагменты керамики, бронзовые браслет, пряжка, перевитая проволочка и двенадцать бусин из стекла, сердолика, граната. Набор инвентаря в погребении 6 Карабудахкента состоял из миски, нескольких бусин, оселка, пряслица, фрагмента зеркала и двух железных булавок. К категории достаточных погребений относится и погребение женщины (в вытянутой на спине позе) в грунтовой яме с каменной обкладкой Таркинского могильника (погр. 32), в котором инвентарь представлен лишь двумя железными пряжками и миской, но не наличествует жертвенное захоронение целого коня.

Мужские погребения этой серии имеют тенденцию к увеличению числа могил с оружием. Это погребения 38, 62, 75 Шаракуна, в которых помимо различного инвентаря (керамика, бусины и др.) имелись один-два железных наконечника копий. В погребении 24 Таркинского могильника (каменный ящик, захоронение в вытянутой на спине позе) вместе с железным наконечником копья были обнаружены две железные пряжки, нож, кувшин и миска с костями жертвенного животного, а в погребении 27 того же могильника (грунтовая яма, вытянутое на спине захоронение) умершего сопровождали несколько десятков стрел (прослежены их древки) с железными наконечниками, обломок меча и две железные пряжки. Хотя в последнем погребении представлены только три категории инвентаря, что позволяет формально отнести его к разряду умеренных, тем не менее наличие большого количества стрел, меча дает возможность выделить это захоронение. В мужском погребении 13 Таркинского могильника представлены тоже только три категории инвентаря (нож, кремневый ретушер, посуда), но набор керамики из пяти сосудов весьма представительен: орнаментированный фиал с омфалом, двуручный канфаровидный сосуд, ваза, кувшин, чаша.

Среди инвентаря погребений данной серии крайне редко, но встречаются изделия из золота, серебра. Так, в парном захоронении взрослых в каменном ящике Карабудахкентского № 1 могильника (погр. 58) представлены два серебряных височных кольца, а также бронзовые ажурная пуговица, четыре булавки (из них три — ложечковидные), железная пряжка, гальки, двенадцать керамических сосудов, множество бусин (стекло, паста, гагат, сердолик), а в женском погребении 29 (грунтовая яма, вытянутая на спине поза) Таркинского могильника — золотое височное спиральное колечко, бронзовая боспорская фибула, два пряслица, несколько бусин (стекло, гагат).

В рассматриваемой категории достаточных погребений представлены и погребения, характеризующиеся наличием сопровождающих захоронений отдельных человеческих черепов, которые фиксируют обряд жертвоприношения социально зависимых людей. В погребении 45 Карабудахкента погребенную (в вытянутой на спине позе) сопровождали кувшин, две миски, фрагменты керамики,

несколько бусин, обломок бронзового зеркала, несколько железных булавок, пряслице и бронзовое височное кольцо; на миске, поставленной у головы погребенной, лежал череп взрослого человека, а в другой миске, положенной в ногах, — кости жертвенного животного. Женское погребение 4 (в скорченной на боку позе) Шаракуна также сопровождалось кувшином, миской с бараньими костями, стеклянными (с позолотой), сердоликовыми, бронзовыми бусинами, бронзовыми булавкой, наперстным кольцом, двумя трубочками-пронизками, обрывком цепочки, а в ногах погребенной рядом с кувшином и миской были положены два мужских черепа.

В категории достаточных погребений представлено и несколько одиночных детских захоронений: погребение 18 Тарки в грунтовой яме, в сидячем положении, сопровождавшееся кувшином, горшком, бронзовыми цепочкой и колечком, обломком железного предмета (фибулы?), бусинами из стекла и сердолика; вторичное погребение 16 Карабудахкента, в инвентарь которого входили бронзовые височное колечко, трубочки-пронизки, железная пластинка, большое количество стеклянных и пастовых бусин; погребение 39 того же могильника с бронзовыми браслетом с перевязанными концами, двумя петлевидными привесками, железной булавкой, обломком ритуальной чашечки, несколькими бусинами. Еще одно детское захоронение в сидячей позе имелось в составе коллективного погребения 25 Таркинского могильника, в котором также были погребены женщина и подросток в вытянутых на спине позах. Это единственное коллективное погребение данной серии, которое, впрочем, по набору инвентаря (горшок, бронзовая фибула, алебастровое пряслице, 6 галек, более 30 бусин из стекла, пасты, сердолика, янтаря) и с учетом количества захороненных можно отнести к разряду умеренных погребений.

В рассматриваемой категории представлено и одно парное погребение — упоминавшееся выше погребение 58 Карабудахкента. Основную же массу составляют одиночные захоронения в грунтовых ямах. Причем в Таркинском могильнике одиночные захоронения достаточного типа в грунтовых ямах совершены в вытянутой позе (исключение — два вышеназванных детских погребения в сидячем положении), в Карабудахкентском № 1 — преимущественно вторичные (погр. 40, 78 — вытянуто на спине), в Шаракунском — в скорченной и вытянутой позах (исключение — вторичное погр. 12, сопровождавшееся бронзовыми медальоном, трубочкой, железными ножом, булавкой, фрагментами керамики, раковины каури, стеклянными и сердоликовыми бусинами).

Рассмотренная группа погребений, включающая четыре категории (безынвентарные, бедные, умеренные, достаточные), составляет основную массу захоронений, которые по своим показателям могут характеризоваться как принадлежащие рядовому населению. В Шаракунском могильнике эта группа составляет 95,7% всех погребений (включая 14,3% безынвентарных), в Карабудахкентском № 1 — 98,5% (из них 26,5% безынвентарных), в Таркинском — 91,3% (8,7% безынвентарных).

Как показывает проведенный анализ погребений названных могильников, в среде рядовых обшинников наблюдается существенная имущественная неоднородность, выделяются четыре прослойки, различающиеся своим материальным положением. Вместе с тем грани между ближайшими из них проявляются неотчетливо: ряд погребений занимает промежуточную позицию и может быть включен в ту или иную категорию захоронений. Так, некоторые из бедных по-

гребений (в которых, например, встречены только фрагмент керамики или бусина и т.п.) весьма близки к безынвентарным; среди категории умеренных захоронений есть приближающиеся к бедным и к достаточным, а среди последних имеются примыкающие к умеренным и приближающиеся к группе богатых погребений. Возможно, эти данные отражают существовавшую имущественную мобильность, подвижность данных прослоек населения, отсутствие строгой дифференциации внутри сословия рядовых общинников. Но следует отметить и значительное имущественное различие, проявляющееся в инвентаре полярных категорий рассматриваемой группы погребений — между безынвентарными и умеренными, достаточными, между бедными и достаточными.

Данные погребения могут свидетельствовать и о реально существовавшей имущественной градации основной массы свободных общинников на три категории: неимущие (или малоимущие), середняки и зажиточные. Первых представляют безынвентарные и большая часть бедных погребений, вторых — часть бедных, умеренные и некоторые из достаточных погребений, третью — основная масса достаточных захоронений. Именно середняцкие и зажиточные общинники были главной производительной силой местного общества и составляли, по имеющимся данным, около 70–80% населения. Вероятно, из этой социальной среды, судя по встречаемости оружия в категориях умеренных и достаточных погребений, набирались воины, ополчение.

Имущественное состояние индивида, как известно, находилось в прямой связи с его социальным положением. И можно полагать, что беднейшая часть населения (ок. 15–25%), с которой мы склонны связывать категорию безынвентарных и часть бедных погребений, формально считавшаяся свободной, потенциально приближалась к зависимой части населения, тогда как зажиточная группа общинников — к слою аристократии. Приведенные данные отражают происходивший процесс имущественного (и социального) разложения, стратификации в среде свободных общинников — процесс, свойственный обществам, вступившим на путь классовобразования.

Можно предположить, что наличие большого количества безынвентарных и бедных погребений, составляющих в Карабудахкентском № 1 и Шаракунском могильниках суммарно соответственно 67,7 и 61,4% всех погребений, отражает в целом еще бедственное положение основной массы представителей местного общества на рубеже н.э., которые только начали обогащаться вследствие экономического развития региона. И тенденция обогащения получила воплощение в погребальном обряде лишь части рядового населения, а именно в категориях умеренных и достаточных погребений, составляющих суммарно в названных могильниках соответственно 31,2 и 35,7% от общего количества погребений. В последующий период, судя по материалам могильников Дагестана III–V вв. (Буйнакский, Урцекские, Карабудахкентский № 3, Цыйшинский, Сумбатлинский и другие могильники, отдельные погребения), наблюдается тенденция количественного сокращения безынвентарных и бедных погребений и увеличения умеренных и достаточных. В этом факте, очевидно, нашел отражение процесс дальнейшего роста богатства общества в целом и различных социальных групп в частности.

Не исключено, что выделенные три основные группы рядовых общинников, различающихся своим имущественным положением, соответствуют позднее существовавшим в Кавказской Албании и зафиксированным в канонах Агуэнского

собора 488 г. трем группам крестьян-общинников (*шинаканов*): состоятельным (*туаник*), бедным (*тарапеал*) и неимущим («у кого нет пашни и виноградника»). Последние освобождались от уплаты церкви натурального налога-оброка и, как полагают исследователи, очевидно, становились арендаторами-издольщиками, нанимались к феодалам и состоятельным крестьянам, пополняя феодально-зависимое население (Мамедова Ф.Д. 1977. С. 74). Предложенное ретроспективное сопоставление исторически оправданно как близкое хронологически, территориально, этнокультурно.

В основе имущественной и социальной дифференциации оседло-земледельческого общества, его неравенства лежит, как известно, отношение к средствам производства (прежде всего к земле как основному средству), владение ими, собственность на них. Исходя из данного положения и рассматривая собственность как исторически определенный социальный институт, мы вправе оценивать археологически фиксируемый на основе анализа погребальных памятников процесс имущественного (и социального) расслоения массы рядовых общинников и в целом дагестанского общества в албано-сарматский период (и особенно в первые века н.э.) как следствие и фактор изменения форм собственности, как отражение факта становления и развития частнособственнических отношений, частного землевладения на основе разложения коллективных форм собственности, в том числе на землю.

Обладание землей делало человека экономически независимым, свободным, и можно предполагать, что социальной основой местного общества выступал слой рядовых общинников-земледельцев. Разложение коллективных форм собственности, землевладения<sup>88</sup>, развитие частнособственнических отношений, имущественной и социальной дифференциации, несовместимых с патриархальной общиной, означали переход к общине нового порядка, основанной уже не на кровнородственном принципе, а на соседском, территориальном.

В связи с этим интересно обратить внимание на то, что рассмотренные могильники характеризуются сосуществованием погребальных обрядов, различающихся в некоторых своих основополагающих чертах — вторичных захоронениях, ингумациях в скорченной и вытянутой позах. Строгой половозрастной, социально-имущественной дифференциации между ними нет, хотя имеются отдельные (отмеченные выше) тенденции в пределах того или иного могильника. Не отрицая факта постепенной смены в погребальном обряде местного населения в албано-сарматский период захоронений в скорченной позе погребениями в вытянутом на спине положении, постепенного исчезновения обряда вторичных захоронений, следует признать, что в общине, оставившей тот или другой могильник, имелись группы населения, придерживавшиеся различных погребальных обычаев.

Если подходить к оценке этого явления с учетом того, что для кровнородственной группы, общины должно было быть характерно и религиозно-идеологическое единство, в том числе в весьма консервативных погребальных идеологии

---

<sup>88</sup> За исключением, очевидно (как об этом можно ретроспективно судить на основе дагестанских историко-этнографических данных), общинных пастбищных, сенокосных, лесных угодий, что в немалой степени было обусловлено необходимостью и возможностью контроля за этими, как правило, удаленными от поселения территориями усилиями всей общины, а не отдельных ее частнособственнических хозяйств, чьи пахотные, возделываемые участки располагались в непосредственной близости от поселения, составляя его активную сельхозокругу.

и практике, то отмеченный факт наличия в пределах одного могильника нескольких отличных в некоторых основных деталях погребальных обрядов можно расценивать как свидетельство существования в данной общине, оставившей могильник, нескольких кровнородственных групп (родов), придерживавшихся различных погребальных норм. Иными словами, данные факты, возможно, указывают на гетерогенный характер этих общин. В качестве усыпальницы отдельного рода, расположенной на общинном кладбище, можно характеризовать выделяющееся крупное склеповое сооружение (мог. 38) на Карабудахкентском № 1 могильнике (см. выше). Вместе с тем, как отмечалось, указанные погребальные обряды характерны для погребений различных имущественных категорий рядового населения, что, вероятно, свидетельствует о происходившей в это время имущественной дифференциации и внутри кровнородственных групп.

**Группа богатых погребений** в привлеченных для социального анализа могильниках представлена весьма малым числом и, очевидно, оставлена аристократическими слоями общества. В Таркинском могильнике это погребение 11 (раск. 1947 г.) и погребение 23 (раск. 1948 г.), составляющие 8,7% от всех информативных погребений, в Шаракунском — погребения 15, 24, 74 (4,3%), в Карабудахкентском № 1 — погребение 73 (1,5%). Они характеризуются большим количеством и разнообразием инвентаря, наличием импортных и оригинальных изделий, предметов—социальных символов.

Погребение женщины в вытянутом на спине положении Таркинского могильника (погр. 11) сопровождалось двумя кувшинами, горшком, миской, бронзовыми зеркалом-привеской, серьгой, двумя фибулами боспорского типа, серебряной пластинчатой подвеской, кусками мела, охры, бараньим астрагалом, более чем 50 бусинами (стекло, паста, гагат, сердолик, янтарь, коралл) и египетской фаянсовой подвеской—«кукишем».

В погребении женщины в вытянутой на спине позе Карабудахкентского могильника (погр. 73) набор инвентаря схож с предыдущим: кувшин, горшок, миска, бронзовые зеркало-привеска, пряжка, колпачок, две петлевидные подвески, два височных кольца, две фибулы (в том числе типа «Алезия»), три колечка, пряслице, железные пружинные ножницы, терочник-галька, два куска мела, более 130 бусин (стекло, паста, сердолик, янтарь) и фаянсовая подвеска—«амфорка».

Здесь следует обратить внимание на то, что находки различных амулетов-подвесок из египетского фаянса, представленного в погребениях как одиночными экземплярами (Тарки, Карабудахкент № 1, Гапшима, Ганзир, Баршамай), так и наборами (Шархи-Гоцо, Дербент, Сумбатль, Ираги) в комплекте с разнообразными бусинами, приурочены к группе богатых погребений. Подобное явление отмечается и в других регионах, например в могильниках первых веков н.э. Юго-Западного Крыма, где погребения с египетскими фаянсовыми подвесками также отличались богатством погребального инвентаря (Богданова Н.А. 1986. С. 86). Это позволяет рассматривать их как изделия, обладавшие определенной ценностью в местной среде, доступные не всем слоям общества и выступавшие, таким образом, индикатором имущественного положения и социального статуса погребенного.

Наборы бусин, не являющиеся в целом неотъемлемой принадлежностью инвентаря могильников Дагестана албано-сарматского времени, также имеют отмеченную тенденцию. В Шаракунском могильнике бусины встречены в 33 погребениях, в Карабудахкентском № 1 — в 32, в Таркинском — в 15 погребениях,

что составляет 39–43% от их общего числа. Бусины обнаружены в женских, мужских, детских погребениях, но для первых показатель встречаемости (как количественный, так и качественный) выше. Количественно они представлены в погребениях от одного экземпляра до нескольких десятков, а в отдельных случаях и свыше 100, будучи использованными и в ожерельях, и, судя по обстоятельствам находок, для обшивки платья (как, например, в погр. 71, 73 Карабудахента, где часть бусин служила, очевидно, для обшивки подола). При этом проявляется тенденция зависимости количественного и качественного представительства бусин от категории погребения, в котором они обнаружены: чем выше ранг погребения по представленному в нем инвентарю, тем многочисленнее и разнообразнее (по материалу) набор бусин в нем.

Особый интерес представляют три погребения последних веков до н.э. рассматриваемой группы Шаракунского могильника, два из которых являются парными. В погребении 15 были захоронены женщина (вторичное погребение) и ребенок (в скорченной позе), сопровождавшиеся инвентарем в составе трех кувшинов, миски, обломков керамики, костяных пряслица и двух проколов, железной иглы, двух железных с бронзовыми навершиями булавок, двух обломков антропоморфных фигурок<sup>89</sup>, бронзовых ажурной бляхи, цепочки, браслета, колечек, амулета-клыка, нескольких раковин каури и стеклянных и сердоликовых бусин. Погребение 24 представляло собой вторичное парное захоронение мужчины и женщины в сопровождении двух кувшинов, горшка, бусин (стекло, паста, сердолик), железных ножа, наконечника стрелы, бронзовой бляхи с цепочкой и бронзового навершия. Наконец, в погребении 74, в котором была захоронена женщина в скорченной позе, при погребенной имелись бронзовые ажурная бляха, колокольчик, лунница-подвеска, два наперстных кольца, несколько десятков бусин (сердолик, стекло, паста), костяная пронизка, каури.

Заметим, что в этих трех погребениях, отличающихся от других захоронений могильника количеством и разнообразием погребального инвентаря, были обнаружены круглые бронзовые бляхи, которые, по всей видимости, выступали социально маркирующими символами, отмечающими высокий прижизненный общественный статус погребенных. В одном случае бляха была найдена при ребенке, в другом — при мужчине (вместе с бронзовым навершием), в третьем — при женщине, и эти факты, очевидно, могут указывать на то, что данные предметы отражают не половозрастные признаки, а социальный статус умерших, выступают вещественным, опознавательным знаком определенной, занимавшей высокое положение общественной группы населения. Отметим, что подобные ажурные бляхи найдены в разрушенном погребении могильника Черкез-кутан и в грунтовой могиле 1 Урцекского некрополя вместе с другим многочисленным и разнообразным погребальным инвентарем.

В рассматриваемой группе богатых погребений также встречаются погребения с сопровождающими их захоронениями социально зависимых людей. Показателен комплекс погребений 9–11 (I–II вв.) Дербентского могильника (Кудрявцев А.А. 1985. С. 130–134; Гаджиев М.С. 1985. С. 46, 50). Здесь центральное погребение мужчины (погр. 9) в вытянутом на спине положении сопровождалось

<sup>89</sup> В работах О.М.Давудова говорится о шести фигурках, что неверно (Давудов О.М. 1974. С. 155. Табл. XII, 15–20; 1996. С. 154. Рис. 53, 1–6). В альбоме к отчету о раскопках каждая из двух статуэток воспроизведена в трех позициях (вид спереди, сзади, сбоку); в тексте отчета речь идет о двух фигурках, которые обозначены и на плане погребения (Пикуль М.И. 1961 С. 73, 74. Рис. 31).

не только богатым инвентарем (девять керамических сосудов, бусины из стекла, пасты, сердолика, гагата, фаянсовые подвески-амулеты, бронзовое зеркало-привеска, железные нож, два наконечника стрел, две прямоугольные и одна круглорамчатая пряжки, кремневый ретушер). Рядом с погребением находились череп и отдельные кости скелета коня, а под скелетом мужчины в овальной углублении — пять человеческих черепов, шейные позвонки, отдельные кости конечностей (погр. 11), а также череп собаки. Слева от погребенного располагалось погребение женщины (погр. 10), также в вытянутом на спине положении и с той же ориентацией (головой на юго-запад); единственным предметом, сопровождавшим ее, было серебряное кольцо со вставкой — фаянсовым скарабеоидом.

Это одно из немногих парных погребений мужчины и женщины албано-сарматского времени, известных на территории Дагестана. К первым векам н.э. относится и парное захоронение мужчины и женщины (мог. 9), выявленное на Сумбатлинском могильнике (Давудов О.М. 1977. С. 127, 128), которое также можно отнести к группе богатых погребений и принадлежавшее, очевидно, знатному воину-всаднику. Его сопровождали обломки трех мечей, кинжал, два ножа, бронзовые пряжка и бусина. Рядом с ним, слева, в той же позе (вытянута на спине), головой на юго-запад была похоронена женщина с бронзовой пряжкой, железным ножом и красноангобированным кувшином. У ног мужского погребения в овальной яме находились отдельные кости и целые скелеты более десяти коней, кости крупного и мелкого рогатого скота, скелет собаки, рядом с которым лежали 60 стеклянных бусин; изголовье погребения женщины было перекрыто захоронением целого коня с железными удилами.

Следует заметить, что на этом же могильнике вскрыты и погребения рядовых воинов, которые по составу инвентаря схожи с вышерассмотренными воинскими захоронениями Шаракунского и Таркинского могильников, относящимися к категориям умеренных и достаточных погребений. Таково, в частности, погребение 11, сопровождавшееся железным наконечником копья, обломком железного меча, костяной трубочкой, стеклянной бусиной, и погребение 14 — с фрагментом железного меча, бронзовыми накладками от ножен и бусиной из стекла (там же, с. 128, 129).

Отмеченные парные погребения Дербента и Сумбатля, а также парные погребения 5, 6 Карабудахкентского № 3 могильника интересны и в аспекте изучения форм семейной организации. Подобные разнополюе погребения взрослых многими исследователями рассматриваются как проявление существования малой (простой, нуклеарной) семьи (см., напр.: Массон В.М. 1976. С. 156–158; Афанасьев Г.Е. 1993. С. 51–64). Судя по имеющимся данным, такие совместные захоронения мужчины и женщины появляются в Дагестане в албано-сарматский период и, очевидно, свидетельствуют о происходившем в это время процессе выделения и обособления малой семьи, стремившейся утвердить свою самостоятельность не только в экономической, но и в идеологической сфере. Вывод о становлении в Дагестане в рассматриваемый период малой семьи, зиждившейся на частнособственническом начале, согласуется с приведенным выше положением о формировании и развитии в регионе в это время частнособственнических отношений, парцеллярного хозяйства, раннеклассового общества, продуктом и фактором дальнейшей эволюции которых и была простая семья.

Данное положение о существовании в первых веках н.э. малой (моногамной) семьи, которая, по Ф.Энгельсу, соответствует стадии цивилизации (Эн-

гельс Ф. Т. 21. С. 61), может ретроспективно подкрепляться сведениями нарративных источников о Кавказской Албании IV–V вв. Так, например, известно, что албанский царь Урнайр был мужем сестры шаханшаха Шапура II (309–379), а царь Ваче II, бывший племянником (сыном сестры) шаханшаха Пероза (459–484), был женат на его племяннице, т.е. на двоюродной или родной сестре. Подобные браки (брата с сестрой, отца с дочерью), являвшиеся крайней формой выражения принципа эндогамии, были обычны в среде знати Ирана, Закавказья и расценивались, согласно зороастрийским нормам, как акт высшего благочестия, искупающий смертный грех и ведущий в рай (Периханян А.Г. 1983. С. 65). Древнеармянский историк Мовсес Хоренаци объяснял приверженность закавказской знати этим бракам «алчностью в отношении наследственных долей в отцовском наследстве» (Хоренаци. 1990. III, 20).

Укрепление позиций христианства в Кавказской Албании с начала IV в. н.э. сопровождалось насаждением христианских правовых, в том числе семейно-брачных, норм и моральных принципов, борьбой с традиционными местными формами семьи и брака. Эта борьба нашла яркое отражение в десятом каноне Агуэнского собора, созванного в 488 г. царем Вачаганом III: «Мужчина не может взять в жены родственницу в третьей степени родства и не может взять в жены жену брата» (Каланкатуаци. 1984. I, 26). Этот канон полностью восходит к Ветхому Завету и узаконивает брак только с четвертой степени родства, запрещая кровнородственные браки (Мамедова Ф.Д. 1977. С. 169). Вместе с тем он косвенно доказывает, что в Албании существовала не только малая семья, но и названные (очевидно, обычные, традиционные, коль им уделено особое внимание в постановлениях собора) формы брака, а именно инцест и левират. Отметим, что эти формы брака имели широкое распространение в парфянскую и сасанидскую эпохи в Иране (Периханян А.Г. 1983. С. 65, 94), который оказывал существенное всестороннее влияние на Албанию (в том числе в семейно-брачной сфере), а в недавнем прошлом, как свидетельствуют данные этнографии, они практиковались и в Дагестане (ортокузенный брак, левират).

Парные погребения первых веков н.э. Дербентского, Сумбатлинского, Карабудахкентского № 3 могильников относятся к разрядам богатых и достаточных захоронений, и, возможно, этот факт указывает на первоначальное выделение малой семьи в местном обществе в среде знати и состоятельных общинников — наиболее восприимчивой к новациям части населения. Этому способствовали в большой мере их значительная экономическая сила и самостоятельность, обуславливавшие хозяйственное обособление.

Судя по археологическим данным, названные парные погребения являлись синхронными, и на этом основании данные этнографии и письменных источников позволяют сопоставить и идентифицировать эти археологические материалы с известным обычаем умершвления жены (или наложницы) на похоронах мужа (или господина), распространенным у многих индоиранских народов<sup>90</sup>. Подобные парные одновременные погребения, очевидно фиксирующие практиковавшийся обычай *сати*, известны в скифских, сармато-аланских погребальных памятниках (см., например: Хазанов А.М. 1975. С. 78, 79; Гмыря Л.Б. 1993. С. 50, 64, 98, 118, 167), и не исключено, что в дагестанской среде этот обряд (как и некоторые другие) возник под влиянием погребального культа сар-

<sup>90</sup> Можно указать на известия Геродота о фракийцах (Hist. V, 5) и скифах (Hist. IV, 71), Ибн Фадлана о русах (Ковалевский А.П. 1956. С. 143), на обычай *сати* у индийцев.

мато-аланских племен, проникших на территорию Приморского Дагестана и вступивших в разнообразные и тесные контакты с местным населением (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1988. С. 49, 50). Естественно считать, что здесь была подготовлена почва, существовали социально-экономические условия для восприятия данного обряда. Вероятно, реминисценцией его являлся этнографически зафиксированный у лезгин, аварцев, осетин обычай, когда жена на похоронах мужа отрезала свои косы и клала их на грудь покойника (Миллер В.Ф. 1992. С. 294; Гаджиев Г.А. 1980. С. 40; Гаджиев М.С. 1986. С. 83), выступавший выражением рационально-магической формулы «pars pro toto» («часть вместо целого»). Вместе с тем приведенные примеры показывают, что в Дагестане данный обряд имел ограниченное применение, являлся своего рода привилегией знатных и зажиточных слоев общества, но и в их среде он не носил всеобщего характера (ср.: Массон В.М. 1976. С. 157).

В противоположность парным разнополым погребениям взрослых как проявлению малой семьи на территории Дагестана в рассматриваемую эпоху широко практиковались коллективные захоронения взрослых (от трех человек до нескольких десятков) в каменных склепах, ящиках, грунтовых ямах, в которых погребения совершались многократно и одновременно. Исследователи резонно допускают идентификацию таких коллективных захоронений с усыпальницами сложных (больших) семей (см., напр.: Массон В.М. 1976. С. 154–156; Афанасьев Г.Е. 1984. С. 78–80; 1993. С. 51–74), что дает возможность предполагать существование у местного населения и традиционных большесемейных общин, которые, по мнению Ю.И.Семенова, характерны для периода становления классового общества (Семенов Ю.И. 1976. С. 45; см. также: Алексеев В.П., Першиц А.И. 1990. С. 299–301).

В отличие от парных захоронений, коллективные усыпальницы представлены в разных социально-имущественных группах захоронений — и среди различных категорий группы погребений рядовых членов общества, и среди богатых погребений местной аристократии. К последним, в частности, относится Ганзирский склеп II–III вв. (Гаджиев М.С. 1991. С. 116–129). Первоначально в нем были погребены две или три женщины и ребенок, а последним был захоронен мужчина, который по составу сопровождающих его вещей (прежде всего вооружения) может быть отнесен к представителям воинской знати, всадничества. Помимо разнообразного инвентаря при погребенном находились длинный (104 см) обоюдоострый меч, два больших наконечника копий (длиной ок. 30 см) и два крупных криволезвийных ножа-кинжала; рядом со склепом были погребены части двух коней.

Описанные сумбатлинское и ганзирское погребения военной знати далеко не единственные, характеризующие эту категорию богатых погребений и отразившие появление сформировавшейся военно-служилой аристократии. К ним же относится, например, и ряд погребений с предметами вооружения и сопровождавшиеся захоронениями коней Цыйшинского могильника первой половины I тыс. н.э. (Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. С. 30–37). Так, в погребении 6 этого могильника рядом с умершим в могиле лежали обломки трех мечей, двенадцать костяных наконечников стрел, два обрывка железной кольчуги. Как и на Сумбатлинском могильнике, здесь представлены и погребения рядовых воинов (погр. 7, 9, 10).

Очевидно, что к высшей воинской элите относился погребенный в ящике № 3, сложенном из крупных каменных плит, Калкнинского могильника III–V вв.

(Салихов Б.М. 1985. С. 168). Это погребение выделяется не только массивностью конструкции. Погребенный был экипирован в железную кольчугу и уникальный железный шлем с бармицей, с ним были положены железные мечи, кинжалы, наконечники копий, уздечный набор (там же, с. 172, 173. Рис. IV–VI). По представленному набору вооружения это захоронение можно рассматривать как погребение воина-катафрактария. Его высокое социальное и воинское положение подчеркнуто его снаряжением; причем если в большинстве известных на сегодняшний день на территории Дагестана погребений с доспехами албано-сарматского и раннесредневекового времени (сводку данных см.: Салихов Б.М. 1985. С. 168; см. также: Пятых Г.Г. 1986. С. 42, 63, 64. Рис. 411; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 107. Рис. 17, 8; Салихов Б.М. 1991. С. 139, 140. Рис. 6) в могилу клались только обрывки кольчуг или панциря, то здесь мы видим целый доспех.

Зачастую находки фрагментов кольчуг или панцирного доспеха в погребениях сопровождаются и другими престижными предметами, указывающими на общественный статус их владельцев. Так, в ограбленном Андрейаульском подкурганном захоронении первых веков н.э. в прямоугольной яме с деревянными конструкциями, которое весьма близко к подобным погребениям кочевнической знати Нижнего Дона второй половины I — первой половины II в. н.э., среди оставшегося инвентаря кроме обрывков кольчуги и комбинированного доспеха имелись золотая бляшка и фрагмент стеклянного сосуда (Абрамова М.П., Магомедов М.Г. 1980. С. 130–134. Рис. 6). В Цархи-Гошинской гробнице I–II вв. вместе с панцирными пластинами были найдены бронзовые импортные фибулы типа «Алезия», браслеты с перевязанными концами, египетские фаянсовые подвески (Котович В.Г. 1967. С. 56. Рис. 36). Наконец, в детском погребении 6 Дербентского могильника III–IV вв. наряду с куском кольчуги и другими многочисленными и разнообразными предметами (см. ниже) обнаружена бронзовая витая гривна — украшение, несомненно выступавшее социальным символом.

Приведенные данные однозначно показывают появление в первых веках н.э. на территории Дагестана тяжеловооруженных конных воинов — катафрактариев. Вместе с тем ясно, что панцирные, кольчужные доспехи, характерные для катафрактария, выступают социально маркирующими знаками, престижным снаряжением военной аристократии, которая в существовавших условиях, когда власть имела преимущественно военный характер, занимала главенствующие позиции в общественной организации и в руководстве жизнью общества.

Надо отметить, что на территории Дагестана защитная амуниция встречается в погребальных комплексах первых веков н.э. как местного, аборигенного, населения, так и пришлого, сармато-аланского. Кроме упомянутого богатого подкурганного ямного захоронения близ Андрейаульского городища, она обнаружена в сарматских погребениях Львовского могильника Разрушаемый-2: в наиболее крупном и ограбленном кургане 6 были найдены железные прямоугольные панцирные пластины с бронзовыми штифтами в отверстиях (Пятых Г.Г. 1986. С. 42. Рис. 411), а в катакомбе кургана 23 с погребенным были положены панцирные пластины прямоугольной формы с закругленным нижним концом, пояс (пряжка и наконечник ремня), длинный (св. 1 м) всаднический меч с прямым перекрестием и два керамических сосуда — горшок и миска (Пятых Г.Г. 1986. С. 63, 64. Рис. 692–700).

Здесь уместно вспомнить известие Тацита о сарматах, у которых «водители и знать» носят панцири, сделанные «из пригнанных друг к другу пластин» (Hist., I,

79). Это сообщение римского историка, как следует из приведенных материалов, можно определенно использовать и для характеристики социальной структуры дагестанского общества, которое имело тесные контакты (в том числе военно-политические) с сармато-аланским миром. Известие Тацита, а также информация Аммиана Марцеллина о парфянской знати, несшей службу в кавалерии (Hist., XXIII, 6, 83), ядром которой являлись катафрактари, вкуче с археологическими данными подтверждают тезис о соотносимости военного понятия «катафрактарий» и социального термина «нобиль» (Кошеленко Г.А. 1985. С. 345).

С этой позиции следует подходить и к социальной характеристике албанского войска, насчитывавшего, по данным Страбона (Geogr., XI, 4, 5), 60 тыс. пехоты и 22 тыс. конницы (по Плутарху — 12 тыс. конницы, см.: Romp., 35). Как сообщает Страбон (там же, XI, 4, 4–5, XI, 14, 9), албаны, подобно армянам, «сражаются пешими и на конях, в легком (*псилеты*) и тяжелом (*катафракты*) вооружении», «защищены панцирями (*тораксы*)» и, как мидийцы и армяне, «пользуются на войне покрытыми броней лошадьми». Эта информация в значительной мере подтверждается археологическими материалами Дагестана и Азербайджана (Рустов, Мингечаур), где были найдены погребения не только легковооруженных воинов, но и всадников, катафрактариев (Халилов Дж.А., Оруджев А.Ш., Алиев А.А. 1975. С. 476; Бабаев И.А. 1990. С. 134, 135; Алиев К.Г. 1992. С. 171, 172).

Несомненно, в структуре войска нашла отражение существовавшая в обществе социально-имущественная, сословно-правовая иерархия, и, очевидно, социальная структура в немалой степени соответствовала военной организации общества. С большой долей вероятности можно полагать, что легковооруженная пехота набиралась из числа рядовых общинников, конницу составляли состоятельные свободные и знать, катафрактариями выступала исключительно аристократия, причем, вероятно, высшая, руководившая воинскими подразделениями.

Опираясь на сообщение Оросия о «войске вождей (*префектов*) албанского царя Орода» (Oros. VI, 4, 8), можно допускать, что оно собиралось из вооруженных отрядов-дружин совмещавших гражданскую и военную власть предводителей отдельных племен, владетелей и правителей различных областей, этнополитических, раннегосударственных образований, составивших Албанскую конфедерацию. Письменные источники называют этих глав *префектами* и *гегемонами* (Oros., VI, 4, 8; App., 117) — терминами, в которых отражено сочетание функций общественной и военной власти и подчеркивающим военный характер высшей знати. А Плутарх, касаясь одного исторического события (кавказской кампании Помпея), в одном случае говорит о «царе албан» (Romp., 34–35), в другом сообщает об «албанских царях» (Mor. 324A, De fort. rom., 11), под которыми, несомненно, скрываются те же «гегемоны» и «префекты», что, по всей видимости, подчеркивает значительное автономное положение этих владетелей-«царей» по отношению к центральной власти.

Подобная ситуация наблюдается в Кавказской Албании и позднее, в III–V вв., когда в источниках кроме собственно царей Албании фигурируют цари и владетели различных этнополитических областей, входивших в состав Албанского государства. Причем эти области, некоторые из которых именуются «странами» (лат. *patria*, перс. *шахр*, арм. *ашхарх*), располагались на территории Южного Дагестана, имели определенные границы, в том числе с собственно Албанией, были в значительной степени автономны, а иногда выходили из состава Албанского государства, и их правители проводили порой противоположную

центральной власти политику. Эти исторические данные позволяют говорить о конфедеративном характере государственно-политического, административно-территориального устройства Кавказской Албании в античный и раннесредневековый периоды (Гаджиев М.С. 1998. С. 7–14). Конечно, такое положение не оставалось стабильным и в различные исторические моменты в силу определенных причин и факторов изменялось или в сторону укрепления царской власти, ее централизации (как, например, в правление Вачагана III), или же, наоборот, в сторону ослабления вплоть до выделения отдельных областей в полностью самостоятельные государственные образования.

Возвращаясь к анализу богатых погребальных памятников, необходимо остановиться на рассмотрении группы погребений (погр. 1–6) Дербентского могильника III–IV вв. н.э. (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 87–115). Эти захоронения представляют немалый интерес для историко-социологической интерпретации, реконструкции социальной системы местного общества.

Выявленные погребения расположены вблизи друг от друга, одиночные, принадлежат женщинам (погр. 1–3), мужчине (погр. 4), детям 6–8 лет (погр. 5, 6), имеют между собой много общего как в обряде, так и в богатом сопровождающем инвентаре. Все они совершены в узких длинных ямах прямоугольно-овальной формы, два из них имели частичную обкладку стенок крупными плитами (погр. 2, 4), а три — перекрытия из подобных массивных плит (погр. 2, 5, 6). Погребения взрослых осуществлены вытянуто на спине (в женских кисти рук покоились на тазовых костях). Детские же погребения представляют захоронения только головы ребенка. В этой детали обряда, с одной стороны, очевидно, отражен возрастной признак, с другой — как представляется, широко распространенное у древних понятие о голове какместилище души, олицетворении личности человека. Вместе с тем эти богатые детские захоронения (как и известные на территории Дагестана подобные взрослые — например, на Бежтинском могильнике) выступают антиподами безынвентарных захоронений черепов (в том числе при центральных погребениях) и подтверждают вывод о принадлежности последних низшим, социально-зависимым группам общества.

Эти захоронения Дербентского могильника сопровождал достаточно богатый и выразительный инвентарь, количество и качество которого может свидетельствовать о высоком имущественном и социальном положении погребенных.

Характерным признаком женских погребений здесь предстают бронзовые зеркала, встреченные в различных сочетаниях с другими предметами и выступающие показателем материального достатка и социального ранга. В погребении 1 при погребенной были обнаружены три керамических сосуда, бронзовое зеркало, две пряжки, две серьги (в том числе одна серебряная), фрагмент браслета, брошь из перламутровой раковины, три пряслица, низка из 23 бусин (стекло, паста, сердолик), часть жертвенного животного (баран) и железный нож. В погребении 2 сопутствующий инвентарь чуть представительней (хотя здесь и отсутствуют серьги, брошь): два сосуда, бронзовое зеркало, пять пряжек (в том числе две массивные зооморфные), наконечник ремня, лунница, семь пряслиц, низка с многочисленным (163 экз.) гагатовым бисером и 13 бусинами (гагат, стекло), часть жертвенного животного (олень) и железный нож. Особым богатством выделяется погребение 3, в котором кроме оригинального, художественно сделанного кувшина, бронзовых зеркала, шести пряжек, низки из пастового бисера (51 экз.) и 60 бусин (стекло, паста, гагат, янтарь, сердолик) находились брон-

зовые витая гривна, два витых браслета, перстень и положенное на грудь умершей ожерелье из 19 крупных бусин (стекло, паста, бронза) и десяти бронзовых (пирамидальных и в виде бычьих головок) подвесок. Представленные в этом погребении гривна и перстень, лишь изредка встречающиеся в захоронениях Дагестана, бесспорно, выступают социальными символами. Помимо суммарного, количественного состава погребального инвентаря, отмечающего имущественное состояние, эти предметы подчеркивали высокий прижизненный общественный статус погребенной.

Значение гривны как знака социально привилегированной группы населения подтверждается не только сравнительно-историческими данными, но и дагестанскими бронзовыми статуэтками местной богини плодородия, атрибутом которой является шейная гривна (см., например: Давудов О.М. 1991. С. 79. Рис. 3). Ряд этих женских фигурок может датироваться албано-сарматским временем. Так, статуэтка из сел. Тинди (коллекция ГИМ) украшена витыми гривнами, браслетами и поясом с крупной прямоугольной пряжкой (Давудов О.М. 1974. С. 187. Табл. XVII, 5). Последняя находит аналогии среди подобных прямоугольных двустворчатых барельефно-ажурных пряжек Западного Дагестана и Юго-Восточной Чечни, предварительно датированных V–I вв. до н.э. (Петренко В.А. 1984. С. 35–43). Все они являются случайными находками, за исключением одной, обнаруженной в поясном наборе в погребении I в. до н.э. Ялойлутепинского могильника близ сел. Сакобо в Грузии (Чилашвили Л.А. 1974. С. 136, 137. Рис. 15).

Количество и состав инвентаря в мужском погребении 4 также могут указывать на место и роль погребенного в обществе, в военной организации, на его принадлежность, очевидно, к всаднической прослойке. Это захоронение сопровождалось престижным длинным (90 см) всадническим мечом с халцедоновым навершием-диском, двумя массивными кинжалами, поясной портупеей (бронзовые пряжка, ременные наконечник и три накладки), бронзовыми браслетом, фибулой, а также положенными в изголовье в нишу пряжкой, железными ножами и теслом (топором?), костяной рукоятью ножа, четырьмя керамическими сосудами, низкой из гагатového бисера (120 экз.) и 22 бусинами (гагат, стекло, янтарь), частью жертвенного барана с ножом.

Особо следует остановиться на характере детских погребений Дербента. Их могильные ямы сходны по параметрам с погребениями взрослых, уступая последним немного в длине; ямы имеют перекрытия из массивных плит, т.е. сооружение детских погребений потребовало стольких же трудозатрат, сколько и сооружение погребений взрослых. Состав и количество погребального инвентаря также весьма представительны и не уступают погребениям взрослых. В одном детском погребении (погр. 5) находились два керамических сосуда, бронзовые витые гривна и браслет, четыре пряжки, два колпачка, многочисленный (175 экз.) бисер из стекла и пасты, около 100 бусин (стекло, бронза, сердолик, янтарь), каури, низка из каспийских раковин, часть жертвенного животного (коза) с ножом. В другое (погр. 6) были положены три сосуда, бронзовые витая гривна, браслет, пять пряжек (в том числе сюльгама, шестилопастная и стеклянная с железным язычком), две фибулы, две лунницы, крупный колокольчик, ложечка, наконечник стрелы, обломок зеркала, ажурная подвеска, бронзовая с серебряной листовой орнаментированной обкладкой и хрустальной вставкой брошь, обрывок кольчуги, пряслице, каури, многочисленный стеклянный бисер

(св. 400 шт.), около 100 бусин (стекло, паста, бронза, янтарь, гагат, сердолик, хрусталь), часть жертвенного животного (коза).

Особо отметим наличие в обоих детских захоронениях шейных гривен. Инвентарь, сопровождающий погребения детей, подчеркивает, как представляется, не их возраст, а их социальный статус. В этих погребениях наглядно видно, что общественное положение ребенка было обусловлено его принадлежностью к конкретному социальному слою, а не возрастом и определялось сословно-правовым рангом его родителей, который, видимо, передавался по наследству.

Рассмотренные погребения Дербента в аспекте их социальной интерпретации, по всей видимости, принадлежали представителям одного общественного слоя. Вместе с тем концентрация на одном участке различных по полу и возрасту, но близких по богатству погребального инвентаря захоронений может служить указанием на территориальное выделение групп погребений, принадлежащих членам общества, которые занимали при жизни высокое социальное положение, представляли одну сословно-правовую категорию и, возможно, были связаны родственными узами.

Подобное явление наблюдается и на некрополе первых веков н.э. Андрей-аульского городища, где крупные курганы (h — ок. 5 м, d — св. 50 м), в которых, судя по раскопкам, были захоронены представители высшей знати (см. ниже), занимали обособленное место за пределами грунтового и курганного могильника (Абрамова М.П., Магомедов М.Г. 1980. С. 126; Магомедов М.Г. 1990. С. 52; 1994. С. 34–36; Гмыря Л.Б. 1993. С. 18).

Рассматривая погребальные памятники Дербента как отражающие существовавшую объективную социальную реальность, можно констатировать, что они свидетельствуют о глубоком социальном расслоении местного общества, характеризуют его как общество раннеклассовое с уже существующим сословно-правовым делением и принципом наследования общественного статуса (и, вероятно, общественных функций).

Об этом свидетельствует и упоминание в лапидарной надписи в Пайкули (конец III в. н.э.) правителя (*xwaday*) Зура (Чор-Дербент и его округа), прибывшего вместе с владельцами (*xwaday*) и царями (*šah*) маскутов, Иберии, Сикана, Сахура (Шахур?), Мугана, Лака (Лакз?) и другими правителями-*шахрдарами* (букв. «владелец *шахра*-страны, области») ко двору шаханшаха Нарсе (Humbach H., Skjærvø P.O. 1980. В. НЗ; Касумова С.Ю. 1983. С. 53, 54) по случаю его коронации в 293 г.

К более позднему времени относятся упоминания в письменных источниках (Египтэ, VII, 198; Хоренаци, III, 37; Каланкатуаци, I, 13) царя леков Шергира (371 г.) и «одиннадцати горских царей» (сер. V в.), под которыми подразумеваются правители автономных этнополитических образований, областей Албанской конфедерации, расположенных в Южном Дагестане и Северном Азербайджане, — «страны лпинов и чигбов», областей Ват, Гав, Глуар, Хрсан, Хечматак, Пасх, Посх, Пюкван, Таваспоран, Хибиован. Можно полагать, что предшественниками этих «горских царей» и являлись «цари», «префекты» и «гегемоны» Албании, фигурирующие у греко-римских авторов (ср.: Новосельцев А.П. 1980. С. 167, 168).

Подходя к оценке этих письменных свидетельств с учетом всего комплекса археологических данных, в которых нашли отражение социально-экономическое состояние местного общества, его раннеклассовый характер, объективно будет

видеть в упоминаемых «царях» не столько вождей, предводителей отдельных племен, сколько владельцев, правителей раннегосударственных, этнополитических образований, возникших на почве племенных институтов и территорий, на базе этнопотестарной организации.

**Погребения высшей знати, или «княжеские»,** известны на территории Дагестана, но изучены недостаточно. К таковым можно отнести два крупных раскопанных кургана первых веков н.э. — Андреяульского некрополя и Ирагинскую гробницу конца IV — начала V в. н.э.

Как отмечалось выше, данные курганы расположены обособленно, а размеры их весьма внушительны — объем насыпи каждого из них составляет около 3300 куб. м. Погребальные камеры их, представляющие прямоугольные в плане, со стрельчатым сводом, побеленные катакомбы, были вырыты соответственно на глубине около 8 и около 10 м от уровня древней поверхности (ок. 13 и 15 м от вершин курганов) (Магомедов М.Г. 1990. С. 52; 1994. С. 34–36). К сожалению, оба кургана были разграблены еще в древности, и в камерах их обнаружена лишь керамика. Несмотря на это, видно, что масштабы общественного труда, затраченного на сооружение этих погребальных памятников, были велики. Исходя из среднестатистических показателей земляных работ, количество труда, вложенного на возведение каждой из этих усыпальниц, составляет более 500 человеко-дней. Для сравнения отмечу, что на сооружение упоминавшегося богатого подкурганного (h кургана = 1,5 м, d = 22 м) захоронения в грунтовой яме (4,1–4,3 × 3,5–3,6 м, h = 2,4–2,5 м) с деревянными конструкциями того же времени и того же могильника было затрачено около 35 человеко-дней, т.е. в 15 раз меньше. Эти огромные показатели общественного труда, отвлеченного на процедуру похоронного обряда, без сомнения, указывают на бывшее неординарное, выдающееся положение их и среди местной аристократии, и в обществе в целом. Можно с уверенностью предполагать, что в этих курганах покоились особы царского происхождения, возможно *скептухи* местного сармато-алано-дагестанского политического (раннегосударственного) объединения с центром в Андреяульском городище.

Здесь следует заметить, что глубокое социально-имущественное расслоение кочевого сарматского общества Дагестана нашло отражение не только в колоссальных, разительных отличиях погребальных памятников верховной знати и рядовых обшинников (например, средне- и позднесарматских захоронений Львовских курганных могильников), но и в ясно наблюдаемом процессе седентаризации, фиксируемом и письменными источниками (*Strabo. Geogr.*, XI, 2, 1; *Plin. Nat. Hist.*, V, 36), и данными археологии (Гаджиев М.С. 1997. С. 88, 89).

В отличие от рассмотренных курганов, высший социальный статус погребенного в Ираги в традиционном небольшом склепе (1,5 × 0,8 × 0,7 м) нашел воплощение не в погребальной конструкции и трудозатратах на ее сооружение, а в богатстве сопутствующего погребального инвентаря, также отразившего отчуждение от общества в пользу умершего значительного количества труда, вложенного в многочисленные изделия. Погребенного сопровождали несколько керамических кувшинов, железные удила с псалями, биллонное зеркало, серебряные и бронзовые браслеты и пряжки, серебряные флакон для благовоний, чеканное орнаментированное блюдо с чернью и позолотой, две двупластинчатые фибулы, золотые филигранные серьги, копоушка, зубочистка, множество золотых нашивных украшений и бляшек, в том числе с зернью, гранатовыми

и сердоликовыми вставками, две золотые на бронзовой основе двупластинчатые фибулы с инкрустацией, многочисленные фаянсовые плакетки и подвески, бусы из сердолика, агата, фаянса, гагата (Давудов О.М., Котович В.Г. 1979. С. 36; Давудов О.М. 1979. С. 184–187; Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. С. 215. Рис. 48, 49).

Это захоронение, несомненно, принадлежало представительнице местной высшей аристократии и может быть отнесено к разряду «княжеских». Ирагинское погребение свидетельствует о накоплении в руках высшей знати значительных материальных ценностей. Вместе с тем это захоронение, как и рассмотренная выше группа богатых погребений, демонстрирует существование двух социально детерминированных культур — знати и рядового населения, формирование которых связано с развитием социальной стратификации в рамках раннеклассового общества, с трансформацией культурной подсистемы в условиях качественных изменений социально-экономического характера (Куббель Л.Е. 1988. С. 72 и сл.; Павленко Ю.В. 1989. С. 70, 71). Обособление культуры знати получило выражение в насыщении ее быта как престижными импортными вещами (от бус до ценных серебряных и золотых изделий), так и дорогостоящими предметами местного ремесленного производства, подчеркивающими высокий социальный статус их владельцев (Павленко Ю.В. 1989. С. 71).

Не исключено, что обособление знати находило выражение в изменении какой-то ее частью своего внешнего физического облика — я имею в виду деформацию черепов посредством лобно-затылочных повязок, наблюдаемую в ряде захоронений местного населения Дагестана II–IV вв., и в том числе в упоминавшихся богатых погребениях 1 и 4 Дербента (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С. 110). Искусственное изменение формы головы, естественно, предпринималось в детском возрасте, и, возможно, этот факт, как и рассмотренные выше детские погребения Дербента, отразил демонстрацию с детства общественного статуса ребенка — представителя сословия знати. Вместе с тем появление в среде коренного населения обычая деформации (Хабада, Буйнакск, Дербент) — несомненное свидетельство культурных импульсов сармато-аланских племен, отразившее и предрасположенность социальных верхов к внешним инновациям.

Влияние сармато-аланских племен нашло отражение и в появлении в это время в погребальной практике местного населения многих обрядовых черт, фиксирующих важные изменения в религиозно-идеологической сфере. К такому можно отнести положение кистей рук погребенного на тазовых костях, сведенные коленные суставы погребенных, использование в качестве жертвенного животного мелкого рогатого скота и положение в могилу части жертвы и рядом жертвенного ножа, а также зеркал, кусков кремня, мела, охры, обычай порчи инвентаря (керамики, оружия, зеркал и др.), положение низки бус в стороне от погребенного. Многие из перечисленных деталей погребального обряда, наблюдаемых в могильниках Северного Кавказа, нельзя безоговорочно называть признаками сарматского влияния (Ковалевская В.Б. 1984. С. 79, 80), но те же детали, найденные на территории Дагестана, можно считать привнесенными сарматскими племенами, так как появляются они здесь позднее, нежели у сармат или меотских племен.

С усилившимся сарматским влиянием исследователи связывают происшедшее на рубеже н.э. изменение трупоположения в погребальных памятниках

Дагестана — смену скорченного на боку положения на вытянутое на спине (Смирнов К.Ф. 1951. С. 259; 1961. С. 204, 205). Изменение основных деталей такого консервативного и стойкого обряда, каковым является погребальный, и в частности позы погребенного, обуславливается как состоянием и уровнем социально-экономического развития общества, так и оказываемым на это общество внешним влиянием (если оно существует). И представляется, что смену рассматриваемой важной черты погребального ритуала Дагестана следует объяснять прежде всего изменениями в идеологических представлениях местного населения, обусловленными значительными сдвигами в социальном и экономическом развитии общества в последних веках до н.э. — первых веках н.э., которые и подготовили почву для восприятия (если учитывать сарматское влияние) и трансформации (развитие обряда на местной почве) данной ведущей детали обряда (Гаджиев М.С. 1986. С. 82).

Проявлением существенных преобразований в идеологической сфере было археологически фиксируемое развитие культов плодородия, огня, железа и др., значительное усложнение погребальной идеологии, похоронного ритуала местного населения, появление в обряде погребения новых ведущих черт (широкое распространение погребений в ямах; изменение позы и др.), многочисленных, ранее не наблюдавшихся деталей обряда, еще ждущих своего толкования (Давудов О.М. 1996. С. 82–95; Гаджиев М.С. 1986. С. 79–86; 1997в. С. 185–188). Здесь мы не ставим целью исследование духовной культуры, религиозно-идеологических воззрений населения Дагестана в рассматриваемый период, но, характеризуя в целом эту сферу жизнедеятельности общества, необходимо отметить, что в это время происходило кардинальное развитие духовного творчества, в том числе религиозных представлений, мифологии, нашедшее воплощение в археологических фактах и отразившее эпохальные изменения в социально-экономической жизни общества (Гаджиев М.С. 1997в. С. 185–188).

Как отмечают исследователи, качественный сдвиг в общественном развитии связан с коренной трансформацией идеологии, проявлявшейся либо в реформе старого культа, либо в восприятии идеологической доктрины соседней цивилизации (Павленко Ю.В. 1989. С. 71). В связи с этим особого внимания заслуживает информация Страбона (Geogr., XI, 4, 7) о наиболее почитаемых в Кавказской Албании божествах, называемых им греческими именами Гелиос, Зевс, Селена и соответствующих древнеиранским Митре, Ахура Мазде, Анахите, почитавшихся и в соседних Армении и Иберии. Вероятно, к этому далекому времени восходило существовавшее до недавнего времени и фиксируемое данными археологии, этнографии, фольклора особое почитание огня, солнца, луны у дагестанских народов. И сообщение Страбона следует расценивать как свидетельство глубокого проникновения вследствие тесных политических, культурных, торгово-экономических контактов древнеиранских религиозно-идеологических представлений и утверждения их в Кавказской Албании в качестве ведущей идеологической концепции.



### 3. СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОРОДИШ И ИХ АРХИТЕКТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Глубокие преобразования в экономической и социальной сфере обусловили изменения в поселенческой организации общества, появление новых форм архитектурно-пространственного устройства жизни общества, формирование иерархии поселений. Наряду с существовавшими неукрепленными поселениями возникают малые и крупные укрепленные поселения, иногда с несколькими линиями обороны, с усложненной планировочной структурой. В организации внутреннего пространства ряда городищ (Урзеки, Таргу, Чакавуркент, Охлинское, Верхнелабкомахинское и др.) выделяются небольшие, расположенные на господствующей возвышенности укрепленные части, которые по своему стратегическому положению, размерам, характеру фортификации, архитектуре интерпретируются исследователями как цитадели. Они выступали доминантой, историческим ядром в структурной организации городища и отражали появление новых принципов и форм архитектурно-пространственной, поселенческой системы общества, соответствующих сложившимся новым социально-экономическим условиям.

Характерными основными формально-типологическими признаками, выделяющими городища как новую форму общежития, выступают их крупные размеры, наличие фортификации (одной-трех линий укреплений), усложненная структура, планировка, архитектурно и топографически выделенная цитадель. По своим размерам, структуре, характеру фортификации городища весьма разнятся между собой, выявляя социальную дифференциацию укрепленных поселений. Наиболее ярко морфологически эти различия проявляются в величине, в оборонительных сооружениях памятника, отражающих, с одной стороны, правило «размер — ранг», с другой — вложенные затраты общественного труда и социальный статус городища в общественной системе. «...Количество прибавочного продукта, отчуждаемого в обществе для строительства фортификационных сооружений, находится в прямой зависимости от того, для какого социального института ведется строительство конкретного долговременного оборонительного сооружения. Количество труда, затраченного на создание защитных сооружений того или иного городища, отражает величину отчуждаемого в обществе прибавочного продукта и определяет социально-экономический облик памятника» (Афанасьев Г.Е. 1993. С. 142).

Используя нормативы ручного строительного труда, отражающие те виды работ, которые производились на интересующих нас памятниках, можно определить количество труда, затраченного на возведение оборонительных сооружений. Этот метод был успешно применен Г.Е.Афанасьевым для социально-исторической интерпретации городищ салтово-маяцкой культуры (там же, с. 143–146).

Так, если известны параметры фортификационных сооружений и исходные строительные нормативы, то ориентировочное количество труда, вложенного в возведение оборонительных стен цитадели городища Урзеки в первый строительный период, составляет около 3300 человеко-дней. Во второй строительный период, когда дополнительно были укреплены южная и западная стены, сооружены башни, потребовалось еще около 1700 человеко-дней. На строительство же километровой оборонительной стены, зашивавшей по периметру горо-

дише, было затрачено более 14 000 человеко-дней. К этому следует добавить и огромный объем работ по сооружению стен, преграждавших проход в Урбекскую долину. Столь же внушительны по количеству вложенного труда, отвлеченного прибавочного продукта были, очевидно, и укрепления городищ Таргу, Эскиюрт, Верхнеабкомахинское и др.

В сравнительно-историческом аспекте эти памятники по объему труда сопоставимы с салтово-маяцкими городищами четвертого типа, на возведение оборонительных сооружений каждого из которых было затрачено более 20 000 человеко-дней и которые, по аргументированному мнению Г.Е.Афанасьева, «могли строить либо крупные феодалы, либо государственная власть» (там же, с. 145, 146). Крупные, хорошо укрепленные городища, формировавшиеся на территории Дагестана в албано-сарматский период, на создание фортификационных систем которых отчуждался значительный по масштабам общественный прибавочный продукт, несопоставимый с таковым социально-организационных структур первобытного общества, также должны рассматриваться как продукты и компоненты социально-экономической системы, характеризующейся государственными формами общественного устройства и управления, сильной общественной властью.

Как отмечали М.Г.Гаджиев и А.И.Абакаров на примере исследованных ими городищ Левашинского плато, достаточно развитая структура их, наличие сильно укрепленной крепости и примыкавшей к ней неукрепленной части, довольно сложная автономная система оборонительных сооружений и другие признаки, подчеркивающие их типологическую близость к памятникам городского облика, свидетельствуют о том, что это уже не родовые поселки первобытнообщинного строя, а продукт раннеклассового общества (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 129). Наличие автономных систем обороны подчеркивало их значительную политическую самостоятельность. Авторы пришли к обоснованной мысли о принадлежности этих хорошо укрепленных поселений к «достаточно независимым социально-политическим организациям», независимость которых «реализовывалась через более крупное единство, в которое объединялась группа поселений, сосредоточенных компактно в той или иной естественно ограниченной области» (там же). Такими общественно-политическими объединениями исследователи видят независимую сельскую общину и союз сельских общин (там же, с. 129–132). Этому наблюдению созвучен и наш вывод, основанный на совокупности опосредованных, но немалочисленных историко-археологических фактов и на общетеоретическом подходе, о формировании в албано-сарматское время общины нового типа — соседской или сельской (раннегородской, гражданской), порождающей и представляющей социальную структуру раннеклассового общества, государственную форму общественной организации.

Такой взгляд на социальную природу городищ Горного Дагестана, «характеризующихся довольно сложной структурой, системой крепостных сооружений и другими признаками, отличающими их от родовых поселков», привел авторов к выводу о вероятном существовании раннеклассового общества в Дагестане «в раннем средневековье до начала арабских завоеваний» (там же, с. 131). Об этом свидетельствуют и письменные источники, фиксирующие и называющие ряд раннегосударственных образований на территории Дагестана, правителей (араб. мулук, ед.ч. малик; куввад, ед.ч. каид) которых шаханшах Хосров I Ануширван (531–579) наделил знаками отличия (халатами-каба) и титулами (с при-

ставкой *шах*, подчеркивающей их значительную самостоятельность. См.: Колесников А.И. 1970. С. 55; Гаджиев М.С. 1998. С. 13), «утвердил в их владениях и заключил с ними мир» (Баладзори, Исфхани).

Вместе с тем авторы отмечали, что, судя по данным археологии, раннеклассовое общество «складывалось здесь в албанское время в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э., одновременно с процессом урбанизации» (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 131, 132), что подтверждается и настоящим исследованием социально-экономического состояния дагестанского общества указанного периода.

Параллельно с формированием классового общества и появлением новой формы поселенческой системы — городиш, по наблюдениям В.Г.Котовича, в Дагестане складывается новый тип расселения, характеризующийся группировкой вокруг одного крупного городиша (крупного города, по формулировке В.Г.Котовича) ряда малых городиш (малых городов), укрепленных поселений и приуроченностью групп таких памятников к геоморфологически выделенным районам (Котович В.Г. 1980. С. 91, 92). Хотя это наблюдение исследователя еще нуждается в дополнительной аргументации и в дальнейшем, с накоплением новых материалов, будет корректироваться, но, как представляется по имеющимся на сегодня данным, оно в определенной мере отражает реальную историческую ситуацию первой половины — середины I тыс. н.э. По состоянию изученности выявленных памятников, на большинстве которых производились лишь визуальные археологические наблюдения, мы еще не можем однозначно говорить об их абсолютной хронологии, стратиграфии, размерах, динамике развития, характере и времени возникновения укреплений, и решение этих и других вопросов истории и исторической топографии городиш Дагестана рубежа — первой половины I тыс. н.э., несомненно, внесет немало нового в имеющиеся рассуждения и наблюдения. Отмеченное обстоятельство обуславливает и существующие трудности в выяснении социально-экономического характера, сущности и природы городиш, в их социальной интерпретации в качестве городов, малых городов, укрепленных поселений городского или сельского типа.

Отмеченная кустовая система расселения, как на то обратил внимание В.Г.Котович, согласуется со сведениями Клавдия Птолемея о взаиморасположении 29 населенных пунктов — городов и сел Кавказской Албании и приуроченности их к определенным геоморфологическим районам (там же, с. 93). В своем географическом описании Албании Птолемей делит ее территорию на пять зон, естественногеографическими рубежами которых выступают называемые им реки Восточного Кавказа. Причем в четырех таких районах он особо выделяет по одному городу и называет иные населенные пункты. В междуречье пограничной с Азиатской Сарматией р. Соана и р. Герр — это город Телайба и населенный пункт Тилбис, в междуречье Герра и Кайсия — город Гелда и пункты Тиавна и Табилака, в междуречье Кайсия и Албана — город Албана и пункты Хабала, Хобота, Бозиата, Мисия, Хадаха, Алам, в междуречье Албана и Кюра — город Гайтара и 11 населенных пунктов и, наконец, между анонимной рекой, впадающей в Кюр, и границей с Иберией — еще пять населенных пунктов (*Ptol. Geogr.*, V, 11, 1–6).

Очевидно, что выделенные греческим географом в геоморфологически обозначенных районах города выступали важными административными центрами, хотя в отношении междуречья Кайсия и Албана следует сделать оговорку.

Здесь Птолемей кроме города Албаны в числе прочих населенных пунктов первым называет Хабалу, обычно отождествляемую с древнеалбанской столицей Кабалой — Кабалакой (Cabalaca) Плиния, которая являлась *praevalens oppidum* «первенствующим городом» (*Plin. Nat. Hist.*, VI, 10, 29). Интересно, что в отмеченных четырех зонах Албании, примыкающих к Каспию, выделенные города — Телайба, Гелда, Албана, Гайтара — оказываются на примерно равноудаленном друг от друга расстоянии и наиболее близкорасположенными к морскому побережью, что, по всей видимости, отражает историческую реальность и подчеркивает их торгово-экономическую значимость, привязанность к международному Прикаспийскому пути. В связи с этим заметим, что и ряд крупных городищ Северо-Восточного Кавказа — Джанахар, Дербент, Урзеки, Махачкалинское также расположены на приблизительно равном расстоянии друг от друга на Прикаспийской равнине или тяготеют к ней. Причем три городища из названных находятся в (или вблизи) географически выгодных, стратегически важных местах Западного Прикаспия — Махачкалинском, Избербашском и Дербентском дефиле. В контексте значительной активизации и роста значимости международной транзитной торговли вдоль западного побережья Каспия с эллинистического времени эти и другие приморские городища можно рассматривать как важные торговые центры, что говорит о значительной роли торговли в их формировании и развитии. Вместе с тем отмеченные факты, как и то, что в Горном Дагестане не зафиксированы крупные городища рассматриваемого времени, возможно, указывают на некоторую неравномерность общественного развития горных и предгорно-равнинных территорий Северо-Восточного Кавказа.

Представленные нами ранее дополнительные и, как представляется, обоснованные доводы (Гаджиев М.С. 1997 г. С. 117–119) в пользу предложенной исследователями идентификации Соаны и Керавнских гор — рубежей Кавказской Албании и Азиатской Сарматии (*Ptol. Geogr.*, V, 8, 5–6, V, 8, 9, V, 11, 1; *Strabo. Geogr.*, XI, 4, 1) — соответственно с р. Сулак и северо-восточными отрогами Кавказа позволяют локализовать ряд городов и населенных пунктов Албании, упомянутых Птолемеем, в Прикаспийском Дагестане и Северо-Восточном Азербайджане. Отождествление же их с конкретными археологическими объектами, по моему мнению, на сегодняшний день не представляется возможным, с одной стороны, из-за относительно слабой археологической изученности региона и конкретных памятников и, с другой — из-за существенных отклонений и неадекватности между картой Албании Птолемея и реальной орографической системой Восточного Кавказа. Но вместе с тем, во-первых, отмеченное определенное соответствие данных Птолемея о наличии и взаиморасположении названных крупных приморских населенных пунктов Албании, именуемых им «городами», археологическим реалиям (картографии крупных городищ) Западного Прикаспия албано-сарматского времени и, во-вторых, археологические данные (размеры городищ, фортификация, внутренняя структура и планировка, экономическая и социальная основа и др.), позволяющие рассматривать упомянутые крупные городища как памятники, имеющие в определенной степени городские функции и облик, дают основание видеть в них именно ранние города, раннегородские центры Кавказской Албании.

Здесь следует затронуть вопрос о понятии «Албания». Как думается, уже в трудах античных авторов (и позднее более явственно в древнеармянских и других нарративных источниках) оно имело два значения: первое, узкое, адми-

нистративно-политическое, — как название конкретной исторической территории собственно албан и государственного образования на территории Азербайджана, Южного и отчасти Приморского Дагестана с автономными этнополитическими структурами (в частности, областями собственно албан-агван, утиевудин, лупениев-лбинов, сильвов-чигбов, каспиев и др.) и второе, расширительное, собирательное, — как обозначение обширного этнокультурного и географического региона, обнимающего значительную территорию Восточного Кавказа.

Как отмечалось, по данным Страбона и Птолемея, северная граница Албании — граница между Албанией и Сарматией — проходила по Керавнским горам и р. Соане, которые большинство исследователей отождествляют с северо-восточными отрогами Большого Кавказа (хребты Снеговой, Андийский, Салатау) и р. Сулак. Такое толкование сведений античных географов дает возможность номинально включать в состав Албанского государства почти весь Дагестан, в том числе его горные районы. Однако при этом необходимо учитывать уровень и состояние государственного развития Албании, ее конфедеративный характер, этнокультурные и географические особенности восточнокавказского региона.

Кавказская Албания не являлась достаточно сильным, централизованным государственно-политическим образованием, не обладала мощным государственно-административным аппаратом, способным контролировать обширную, географически сложную и этнически пеструю территорию Восточного Кавказа. Очевидно, что этнополитические территории Южного и частично Приморского Дагестана (Чор, Маскат, Табасаран, «страна чилбов», Лакз, Хибиован и др.) на правах федератов входили в состав Албанского государства, а на остальной территории Северо-Восточного Кавказа в албано-сарматский период складывались самостоятельные политические образования, приуроченные к определенным этногеографическим зонам и объединенные собирательным культурно-историческим и географическим понятием «Албания». Наименования этих раннегосударственных объединений нам не известны, но, очевидно, они связаны с теми государственными образованиями Северо-Восточного Кавказа, названия которых начинают фигурировать с VI в. в раннесредневековых письменных источниках (Хайдак, Филан, Зерехгеран, Гумик, Серир и др.).

Вместе с процессом политогенеза шел процесс урбанизации, являвшийся составным, необходимым и существенным компонентом генезиса цивилизации, начинавшийся «вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 3. С. 49). «Город и цивилизация — неразделимы» (Sjoberg G. 1965. P. 1), «генезис цивилизации и формирование городского общества — две стороны или даже два названия одного и того же процесса» (Павленко Ю.В. 1984. С. 181). По этому поводу В.М.Массон, опираясь на фактические данные, писал, что «формирование цивилизации и раннеклассового общества, как правило, сопровождается появлением и интенсивным развитием поселений городского типа» (Массон В.М. 1981. С. 123; см. также: Массон В.М. 1980. С. 178–185). Хотя эти выводы исследователей опираются на данные по генезису древнейшего города, основанного на экономическом базисе раннеземледельческого общества, тем не менее они, если следовать марксистской концепции происхождения цивилизации, государства и города, носят универсальный, закономерный характер и приложимы к историческим процессам, протекавшим в условиях освоения металлургии железа, массового производства

железных орудий труда, новой стадийной и технологической ступени развития производительных сил.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что на территории Дагестана в эпоху ранней бронзы и в албано-сарматский период с точки зрения формирования цивилизации наблюдаются типологически сходные исторические процессы и события, отразившие социально-экономическое и культурно-историческое развитие местного общества: развитие комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, становление и развитие террасного и орошаемого земледелия, получение прибавочного продукта в сфере пищевого производства; превращение гончарного ремесла и металлообработки в специализированные ремесла, появление гончарного круга, прогрессивных обжиговых печей, мелко-товарного производства; усиление культурных и торгово-обменных связей с сопредельными странами и в особенности с территориями, достигшими стадии цивилизации; интенсивные демографические процессы, рост численности и плотности населения, появление крупных населенных пунктов; развитие религиозно-идеологических представлений и особенно культа плодородия; имущественное и социальное расслоение, формирование и развитие стратифицированного общества и др. Симптоматично, что ряд городищ Дагестана албано-сарматского времени возникает и развивается на месте поселений раннебронзовой эпохи.

Как отмечает М.Г.Гаджиев, на заре бронзового века процесс становления раннеклассового общества и цивилизации на Северо-Восточном Кавказе не получил своего закономерного завершения — поступательное развитие культуры Дагестана было прервано в середине III тыс. до н.э. в силу ряда природно-климатических и социально-экономических факторов; местное общество было отброшено назад, и становление классовых отношений затянулось здесь еще на два тысячелетия (Гаджиев М.Г. 1996. С. 37–39; 1997. С. 61–62; 1998. С. 97–104). В албано-сарматский период же дагестанское общество не остановилось на пороге цивилизации — новая производственная база обеспечила дальнейшее социально-экономическое развитие региона, цивилизационного и урбанизационного процессов, приведших к появлению раннеклассового общества, политических форм социальной организации и раннегородских центров.

В отличие от конца эпохи ранней бронзы, когда прослеживаемый прессинг подвижно-скотоводческих племен Юго-Восточной Европы явился, как считают, одним из главных факторов, прервавших прогрессивное движение местного общества (Гаджиев М.Г. 1998. С. 102–103), в рассматриваемый период, наоборот, многовекторное (в том числе военное) давление сарматского мира, как представляется, выступило немаловажной причиной социально-экономического развития дагестанского общества, становления его военно-политической организации. Такая различная, двоякая реакция того или иного общества на внешнее военное воздействие уже отмечалась специалистами (см.: Павленко Ю.В. 1989. С. 204–205): при одних условиях общество реагирует на него рассредоточением, распадом социокультурного единства, изменением системы хозяйствования, социально-экономическим регрессом (как это наблюдается со времени переходного периода от ранней к средней бронзе Северо-Восточного Кавказа), в других случаях отвечает консолидацией, сплочением ранее обособленных этносоциальных групп, укреплением системы общественной власти, усилением этнокультурной интеграции, развитием социально-экономических процессов (что отмечает-ся в албано-сарматский период).

В.Г.Котович, опираясь на археологические данные и сведения раннесредневековых нарративных источников о государственно-политических образованиях Северо-Восточного Кавказа, считал, что отмеченные выше кусты памятников с центральным (наиболее крупным) городищем и серией поселений-сателлитов отражают определенные «территориально-политические единицы», которые он сопоставил с закавказскими «хеви», «гаварами», иранскими «шахрами» и некоторые из которых становятся поименно известными с V–VI вв. (Котович В.Г. 1980. С. 92, 93). Так, в городище Таргу, расположенном на р. Гамри-озень и окруженном серией городищ и поселений (Чакавуркент, Эскиюрт, Алхаджикентское Гяур-кала, Усемикентское Гяур-кала, Таргунское поселение и др.), исследователь небезосновательно видел центр небольшого политического образования — страны Хамрин (Котович В.Г. и др. 1972. С. 153, 154; 1973. С. 5; Котович В.Г. 1974. С. 220–226; Котович В.Г. и др. 1983. С. 63, 81).

А.И.Абакаров и М.Г.Гаджиев первоначально считали, что группа городищ Левашинского плато соответствует раннесредневековому княжеству Филан (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1973. С. 8), но позднее пересмотрели свою точку зрения (вероятно, под влиянием предложенной локализации Филана на территории позднего Акуша-Дарго, см.: Шихсаидов А.Р. 1976) и высказались более осторожно, расценив эту группу городищ как свидетельство существования в этой зоне территориального, этнополитического образования, «социально-политического объединения, через которое отчасти могла реализовываться независимость отдельно взятой общины» (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. С. 129–132). Наконец, по мнению О.М.Давудова, исследовавшееся им Верхнелабкоманское городище, возможно, являлось столицей раннесредневекового государственного образования Шандан (Давудов О.М. 1973. С. 10).

Хотя отмеченные идентификации конкретных памятников как административно-политических центров, фигурирующих в раннесредневековых письменных источниках государственных формирований, пока являются лишь более или менее обоснованными предположениями, опирающимися на вероятную локализацию этих политических образований, важно подчеркнуть, что данные городища существовали уже в предшествующий период — в первой половине I тыс. н.э.

В свете археологических данных (Кудрявцев А.А. 1979. С. 36–39), особенно материалов последних раскопок (Гаджиев М.С. 1997. С. 66–67), и древнее городище Дербента следует отождествлять с городом *Чор* // *Чол* (арм.) (груз. *Чора*, сир. *Торайе*, греч. *Тзур*, *Зуар*, араб. *Сул*, лак. *Чурул*, авар. *Чор*, дарг., кайтаг. *Чули*, кубач. *Чуле*) — центром одноименного владения, который письменно засвидетельствован с III в. н.э. (надпись шаханшаха Нарсе в Пайкули) и выступал важным административно-политическим и религиозным центром Восточного Кавказа.

Таким образом, приведенные данные позволяют говорить о сложении на территории Дагестана в албано-сарматское время (и в большей мере в первых веках н.э.) этнополитических, раннегосударственных образований, названия многих из которых начинают употребляться в письменных источниках позднее, в раннесредневековую эпоху, в связи с теми или иными событиями политической истории Кавказа IV–VIII вв. Данный вывод о времени формирования государственных образований Дагестана находится в согласии с археологическими материалами, свидетельствующими о глубоких экономических и социальных преобразованиях, о сложении раннеклассового общества в регионе в этот пери-

од (об археологических признаках раннеклассового общества см., напр.: Павленко Ю.В. 1989. С. 52–73). Возникшие и развивавшиеся в это время на территории Дагестана крупные городища, такие, как Дербентское, Таргунское, Урцекское, Верхнелабкомахинское, Охлинское, Махачкалинское, Андрейаульское, выступавшие центральными (как наиболее крупные и расположенные на важных коммуникационных линиях) памятниками определенного микрорегиона, можно рассматривать в качестве приобретших статус ранних городов экономических и административно-политических центров этих раннеполитических структур. Как уже отмечалось, эти городища, обладавшие функциями и чертами города, выступают одним из показателей, археологическим выражением процесса классового образования и политогенеза. И в свою очередь, совокупность рассмотренных выше археологических свидетельств этого процесса и немногочисленные, но ценные сведения письменных источников дают возможность интерпретировать данные городища как раннегородские центры.

В заключение следует остановиться на еще не затронутой социальной интерпретации выявленных архитектурных комплексов городищ, в которых получил отражение сложный социально дифференцированный облик дагестанского общества рассматриваемого времени, фиксируемый, как было показано, на основе анализа погребальных памятников.

Цитадели городищ, как можно полагать по имеющимся данным, выступали местом проживания привилегированной части населения и расположения общественных сооружений. Так, на вершине цитадели городища Таргу располагалось крупное монументальное дворцовое или храмовое шестиколонное здание зального типа площадью свыше 100 кв. м. На территории цитадели Андрейаульского городища находилось здание, перекрытое импортной иберийской черепицей, которое или принадлежало представителю местной высшей аристократии, или имело общественный характер (Гаджиев М.С. 1997 г. С. 112–114). Заметим, что в античных Иберии и Албании черепица использовалась для покрытия кровли государственных, общественных сооружений, домов высшей знати (Апакидзе А.М. 1968. С. 95–99; Дзnelадзе М.С. 1988. С. 11; Бабаев И.А. 1990. С. 73–84, 180), а сама черепица античной Грузии обоснованно рассматривается как продукция царских мастерских или эргастерий крупных собственников и была доступна группе населения соответствующего социально-имущественного состояния. Вместе с тем не лишен основания тезис об определенном подражании в домостроении, быте местной верховной знати, высшей аристократии Закавказья.

Крупный единый архитектурный комплекс занимал, очевидно, всю территорию относительно небольшой (0,15 га) цитадели Охлинского городища. Здесь были вскрыты остатки нескольких помещений (по 12 кв. м каждое) двухэтажного жилищно-хозяйственного комплекса, внутренний дворик (32 кв. м), крупное помещение бани (36 кв. м). Достаточно хорошая фортификационная защищенность цитадели, изолированность располагавшегося здесь обширного многокомнатного архитектурного комплекса, господствующее положение в структуре и топографии городища позволяют рассматривать эту архитектурно выделенную территорию как организационный центр городища, резиденцию, место пребывания той группы населения, которая занимала главенствующее положение в общественной системе данного социума.

На территории цитадели городища Урцеки, в ее центральной, возвышенной части тоже располагался крупный сложнопланный, многокомнатный двух-

этажный архитектурный комплекс, занимавший площадь свыше 550 кв. м и интерпретируемый его исследователями как дворцовый. Такое толкование в определенной степени условно, так как по строительной технике, использованным конструктивным приемам и композиционным решениям он не отличается (как и архитектурный комплекс цитадели Охлинского городища) от иных зданий, но выделяется своими размерами, сложноплановым характером, занимаемым им центральным местом в топографии и структуре цитадели. От ворот цитадели к нему вела прямая главная улица (шириной 2,8–3,0 м), рядом с ним располагалась небольшая (20 × 30 м) площадь. Эти данные и позволяют рассматривать этот комплекс как «дворцовый», но не столько по его архитектурно-художественным достоинствам, сколько по масштабности, местоположению и, очевидно, по принадлежности представителям верховной администрации городища.

Нелишним будет напомнить, что именно в структуре архитектурного комплекса цитадели Охлинского городища и центрального (дворцового) комплекса Урцекской цитадели выявлены отдельные помещения — банные комнаты. Несмотря на их примитивное устройство, важно само появление этих санитарно-гигиенических помещений в системе жилищно-хозяйственных комплексов и, что особенно показательно, именно в структуре архитектурных комплексов цитаделей, что, несомненно, указывает на их социальную приуроченность.

Вместе с тем на территории цитадели городища Урцеки по периметру оборонительных стен располагались и другие жилищно-хозяйственные помещения, представлявшие отдельные смежные комплексы и домостроения, связанные между собой архитектурно и системой улочек. Например, рядом с воротами цитадели был расположен двухэтажный «длиннопланый» дом с анфиладным расположением на уровне первого этажа трех помещений, занимавших площадь более 40 кв. м. У центральной части западной оборонительной стены цитадели находился двухэтажный трехкамерный (на уровне первого этажа) комплекс, интерпретируемый как «дом бронзолитейщика» и занимавший площадь более 60 кв. м (с учетом второго этажа общая полезная площадь могла превышать 120 кв. м).

Какова была связь этих и других жилищно-хозяйственных комплексов, располагавшихся на территории цитадели Урцеки, между собой, с центральным комплексом, не ясно, но видно, что они составляли единый архитектурно-пространственный организм выделенной в структуре городища цитадели. Входили ли эти комплексы в состав общего «дворцового» хозяйства цитадели; являлись ли они частью единого «дворцового» комплекса или были самостоятельны; наконец, в каком экономическом и социальном отношении находились друг к другу обитатели архитектурных комплексов цитадели и выступает ли цитадель единым социально-экономическим целым или представляет собой простую совокупность самостоятельных составляющих? На эти вопросы ныне ответить трудно.

Пока, опираясь на некоторые археологические материалы, сравнительно-исторические данные по становлению и архитектурно-композиционному формированию старинного дагестанского аула, средневековых исторических поселений Дагестана, можно предполагать, что цитадель Урцеки, выступая историческим ядром городища, первоначально являлась родовым (*тухумным*) поселением, вокруг которого впоследствии сложилось крупное городище, а само первичное поселение стало его цитаделью и основополагающим, структурным организационным компонентом.

Такой путь формирования и развития типичен для средневековых и позднесредневековых дагестанских поселений, с которыми городища Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени имеют тесную архитектурно-композиционную, структурную, планировочную близость, однородность. Первоначальная структурообразующая основа старого дагестанского поселения — родовой (*тухумный*) поселок, занимавший, как правило, топографически доминирующее, стратегически наиболее выгодное положение (обычно в верхней, наиболее возвышенной и труднодоступной части поселения), часто выделялся архитектурно, структурно как определенный территориальный комплекс единого поселенческого организма, имел свое название и нередко именовался термином *кала* — «крепость, цитадель». Параллельно с преобразованием родового (моногенного) поселка в более крупный населенный пункт шел процесс формирования соседской, территориальной (гетерогенной) общины, в которой ведущее положение зачастую принадлежало родственной группе (*тухуму*) — основателям данного поселения, занимавшим территорию своего традиционного места проживания. В структуре нового поселения они были наиболее сильным звеном (численно, экономически) и вследствие этого занимали элитарное положение.

Возможно, именно такой социально привилегированной моногенной, родственной группе первопоселенцев, в руках членов которой была сконцентрирована общественная власть, принадлежала цитадель Урцекского городища. Конечно, это только предположение, но, как представляется, не лишённое доводов и основанное в большой мере на допустимой экстраполяции на более отдаленную эпоху историко-этнографических материалов с учетом имеющихся археологических данных о формировании на территории Дагестана крупных (по всей видимости, территориальных) укрепленных поселений уже в албано-сарматское время и происходившем в этот период процессе становления и развития раннеклассового общества, раннегосударственных форм социальной организации.

Не исключено, что такое первичное поселение, вокруг которого впоследствии сложилось крупное городище, являлось первоначально ставкой главы племени и его рода, т.е. племенным центром. Такой путь формирования раннегородских центров — довольно распространенное явление. Здесь следует заметить, что К.Маркс, исследуя формы, предшествующие капиталистическому производству (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 46. Ч. I. С. 461–508), выделил два пути градообразования, основанные на специфике общественных отношений и форм земельной собственности.

При первом в обществе, базирующемся на «азиатской форме собственности» и деспотической власти, городские центры формируются прежде всего вокруг ставки правителя, главным образом «там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд» (там же, с. 464). В этом случае «крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы станы, как нарост на экономическом строе» (там же, с. 470), т.е. в качестве резиденций правителей и их окружения — центров концентрации и перераспределения прибавочного продукта и внешнеторгового товарообмена (Павленко Ю.В. 1984. С. 174). Возможно, такими «государевыми станами», вокруг которых формировались города, являлись занимавшие стратегические позиции на международном торговом Прикаспийском пути древние городища Дербента, выступавшего центром административно-политической об-

ласти Чор, и Андрейаула, представляющего узловым памятником Северного Дагестана и, вероятно (судя по археологическим материалам, в частности «царским» курганам), центром сармато-алано-дагестанского политического (раннегосударственного) объединения.

Второй путь представлен в обществах, основанных на «античной форме собственности», где возникает гражданская форма правления, гражданская община (полис) и которая «предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников)» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 46. Ч. I. С. 465), где каждый (свободный) член общины является частным собственником, ее гражданином и воином, «а городская община в целом является автономным жизнеспособным социальным организмом — городом-государством» (Павленко Ю.В. 1984. С. 175). Но не каждый полис выступал городом, а «внутри полиса рождался город», что приводило, как противоположная тенденция, к деформации полисной системы (Кошеленко Г.А. 1979. С. 17; 1980; 1983. С. 237–238; там же см. библиографию по проблеме полиса). Возможно, к подобным социально-политическим структурам, как уже отмечалось, принадлежали укрепленные поселения Левашинского плато.

Вместе с тем как общую характерную черту древних (ранних) городов К.Маркс отмечал их преимущественно аграрный характер (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 46. Ч. I. С. 470). В связи с этим вновь укажем, что и экономическим базисом крупных городищ Дагестана исследуемого времени, интерпретируемых как раннегородские центры, в значительной, определяющей мере выступало, судя по имеющимся материалам, сельское хозяйство, земледелие.

С другой стороны, можно полагать, что для территории Дагестана были характерны оба выделенных К.Марксом пути процесса урбанизации («восточный» и «античный»). В большой степени это предположение опирается на допустимую ретроспекцию исторических и этнографических данных: на протяжении всего средневековья история Дагестана являет примеры сосуществования, противостояния и переплетения двух основных, диаметрально противоположных форм политической организации общества — союзов сельских общин («вольных обществ», «республик», как их нередко именовали), типологически близких полису как гражданской общине (Дзагурова В.П. 1974. С. 82–89; Агларов М.А. 1988. С. 23–24, 206) и опиравшихся на демократические и федеративные принципы, и монархических (раннефеодальных, феодальных) государственных образований. И эти две параллельно существовавшие формы, по всей видимости, были результатом процесса политогенеза, отразившего зародившуюся в потестарной системе борьбу двух тенденций в становлении и развитии государственности — борьбу коллективной (демократической) и единоличной (деспотической) структур власти, в результате которой под влиянием тех или иных факторов (внутренних и внешних) побеждала та или иная тенденция.

Обратим внимание на то, что часто (но не всегда) административно-политические центры таких (деспотических и демократических) образований Дагестана, которыми, как правило, выступали наиболее крупные населенные пункты, в устной и старой (в том числе средневековой) письменной традициях именовались термином *шагьар* — «город» (Агларов М.А. 1988. С. 187–188). Важно, что не только местное население осознавало эти центры именно как города и отличало их терминологически от других административно-политических цент-

ров и населенных пунктов, но как города они воспринимались и многими средневековыми иностранными авторами, посетившими их. С этой точки зрения городами являлись, например, не только Дербент и Тарки, но и Эндери, Хунзах, Чиркей, Анди, Тинди, Ахты, Цахур, Кумух, Курах (Гияр-шехер), Шам-шахар и др.

Социальная неоднородность населения городищ, проявляющаяся в погребальных памятниках, нашла выражение и в градации жилищ, различающихся своими размерами, объемами, в чем, очевидно, отразилось социально-имущественное состояние их владельцев.

Кроме приведенных примеров архитектурных комплексов цитаделей раскопками выявлены и домостроения, располагавшиеся вне их. У юго-западного угла цитадели городища Урзеки находились три домостроения (раск. 3), разделенные узкими улочками. Одно из них — двухэтажное, на уровне первого этажа состояло из двух смежных помещений, занимавших площадь около 23 кв. м. С учетом помещений второго этажа общая площадь этого комплекса, очевидно, составляла около 46 кв. м. Другое домостроение, также двухэтажное, на уровне первого этажа имело три анфиладно расположенные камеры на площади около 25 кв. м при вероятной общей полезной площади домостроения около 50 кв. м. Рядом находилось третье домостроение, включавшее три смежных помещения общей площадью около 50 кв. м и прилегающий дворик такой же площади.

Немного меньше был одноэтажный дом зального типа (св. 40 кв. м), располагавшийся вблизи западной стены цитадели Урзецкого городища. «Дом кузнеца» в Дербенте также был одноэтажным, занимал близкую общую площадь (ок. 42 кв. м), но состоял из трех помещений: жилого (12 кв. м) и двух хозяйственных (примерно по 15 кв. м каждое). Кроме того, к нему примыкала свободная от застройки территория, на которой располагались зерновые и хозяйственные ямы.

Помимо упомянутых домостроений на территории городищ (Урзеки, Дербент, Таргу, Цыйша) выявлены и весьма небольшие, площадью 6–13 кв. м, однокамерные жилища, иногда с небольшой хозяйственной пристройкой, вероятно принадлежавшие наименее состоятельным членам общины, занимавшим соответствующее общественное положение.

Следует отметить, что жилищно-хозяйственные комплексы рассматриваемого времени выявлены и исследованы еще недостаточно, что затрудняет их социальную интерпретацию. В дальнейшем, с накоплением археологического материала, возможно будет провести более четкое и ясное социальное ранжирование жилищ, а также их корреляцию с представительными данными погребальных памятников. Но уже сейчас, на мой взгляд, имеющиеся материалы дают возможность сделать заключение об отражении в архитектурных комплексах городищ глубокой социальной неоднородности населения, различного социально-имущественного и, очевидно, сословно-правового положения их владельцев.

Этот вывод находит подтверждение в характере и стоимостной оценке предметов, обнаруженных при раскопках городища Урзеки и приуроченных к тем или иным домостроениям, архитектурным комплексам. Правда, необходимо заметить, что эти данные не столь репрезентативны.

Например, в упомянутом выше доме зального типа (раск. 4), расположенном вне цитадели, были обнаружены (помимо керамики) две железные пряжки, каменная бусина, пряслица, кремневый ретушер, оселок, подвеска из зуба хищника и другие предметы, не представляющие особой материальной ценности. Также не представительны в ценностном отношении предметы, найденные в домостроениях у юго-западного угла цитадели (раск. 3).

В то же время серия предметов, обнаруженных в ряде помещений цитадели Урцекского городища, может расцениваться как обладающая определенной ценностью. Так, в завале юго-западной башни цитадели был найден небольшой клад, включавший несколько бронзовых браслетов, бронзовые бляшки, фигурки человека, коня, височные привески, фрагмент зеркала, бусины. В близрасположенном помещении 8 (раск. 2) была найдена сасанидская агатовая гемма, а в соседнем помещении 9 — бронзовые браслет, фигурная пряжка, бляшка-розетка, обломок бронзовой тарелки со следами позолоты.

Весьма интересны и представительны находки из помещений раскопа 4, входивших в структуру центрального комплекса цитадели или примыкавших к нему. Здесь в помещении 2 были обнаружены бронзовое зеркало, железные боевой топор и вток копья, в помещении 3 — обрывки железной кольчуги, бронзовые цепочка и браслет, стеклянный кубок, в помещении 6 — халцедоновое дисковидное навершие рукояти меча.

Хотя отмеченные на территории цитадели Урцеки находки не столь многочисленны, тем не менее они являют набор весьма престижных, социально показательных предметов, включающий как импортные вещи (гемма, стеклянный кубок, навершие из халцедона, бронзовая чаша с позолотой), так и презентабельные местные изделия (зеркало, кольчуга, боевой топор), подчеркивающие достаточно высокий имущественный и общественный статус их владельцев.

Возможно, эти материалы вместе с отмеченными выше архитектурно-топографическими данными указывают на соответствующее социальное положение населения, проживавшего на территории цитадели Урцеки и занимавшего верхние ступени иерархической лестницы общества данного городища, его округи и административно-экономического микрорегиона, центром которого оно выступало.

Таким образом, представленные в данной главе археологические материалы, полученные в ходе исследований бытовых и погребальных памятников, и скудные, но весьма важные сведения письменных источников демонстрируют значительную социально-имущественную стратификацию населения Дагестана рубежа — первой половины I тыс. н.э. Анализ археологических данных показывает достаточно сложную иерархическую структуру общества, в котором определенно выделяются три основные категории населения — знать (верховная, гражданская, военно-служилая), рядовые свободные общинники (земледельцы-скотоводы-ремесленники), зависимое население (рабы-военнопленные-иноплеменики, беднейшая часть общинников), столь характерные для раннеклассовой социальной структуры. Выделяемые общественные группы, различающиеся своим имущественным и социальным положением (и, очевидно, отношением к средствам производства), можно рассматривать как сословия с присущим им принципом наследования общественного статуса, с различными социальными функциями и местом в системе общественного производства.

Важнейшим проявлением процесса возникновения и развития раннеклассового общества (наряду с другими вышеприведенными признаками), его продуктом и генератором явились сформировавшиеся на территории Дагестана в албано-сарматский период древние города, наиболее ранние упоминания и названия которых содержатся в «Географии» Птолемея и которые отождествляются (пока без конкретной идентификации) с крупными городищами, выступавшими центрами определенных территорий, раннегосударственных образований (Гаджиев М.С. 1999б. С. 24).



## **Заключение**

Исходной посылкой для суждения исследователей о существовании древних городских центров на территории Дагестана являлась информация Клавдия Птолемея о городах и селах Кавказской Албании, которые он именует соответственно терминами *πολις* и *κῶμη*<sup>91</sup>. Многолетние историко-археологические исследования позволили не только констатировать этот факт, но и получить определенное представление о древнем городе Дагестана, выступавшем составной частью раннегородской культуры Албании. Но вместе с тем справедливости ради надо отметить, что еще предстоит большая работа по накоплению, изучению и интерпретации археологических материалов, которая в конечном счете должна быть направлена на разработку сложной и актуальной проблемы происхождения и развития древнего дагестанского и шире — албанского города. Данное исследование представляется шагом на пути решения этой многогранной проблемы.

Возникновение древнедагестанского города явилось результатом экономического, социального, культурно-исторического развития, приведшего к созданию необходимого социально-экономического базиса и обусловившего переход дагестанского общества в новое социокультурное состояние, на новую ступень общественного развития, именуемую цивилизацией. Начавшийся процесс урбанизации, протекавший в русле формирования и развития раннеклассового общества, приходится на албано-сарматский период истории Дагестана и в большей мере, судя по имеющимся на сегодня археологическим материалам, на рубеж н.э. — первые века н.э. Этот процесс не был сугубо спонтанным, а находился под сильным влиянием внешних факторов. Важнейшим из них, как представляется, являлось включение Восточного Кавказа в орбиту систематических торгово-экономических, культурных и политических связей, с одной стороны, со странами античной цивилизации, с другой — с кочевым сармато-аланским миром. Эти контакты оказывали существенное воздействие на развитие местных производительных сил и производственных отношений, на становление новой социально-производственной структуры в регионе (Гаджиев М.С. 1999б. С. 24).

До последнего времени мы не знали, каким термином древнее население Кавказской Албании обозначало город. Однако тот факт, что Клавдий Птолемей касательно Албании проводил терминологическое различие между городом и деревней, а Плиний выделяет среди населенных пунктов Албании *praevalens oppidum*, косвенно подтверждало наличие в античной Албании слова для опре-

<sup>91</sup> В контексте Птолемея под «полисом» следует понимать не гражданскую общину как форму самоуправляющейся социально-политической организации, а обозначение городского организма, противостоящего деревне.

деления понятия «город». На это опосредованно указывало и наличие в древнеармянском и древнегрузинском языках соответствующих терминов для обозначения города (арм. *калак*, груз. *мокалак*), городка (арм. *калакик*), горожанина (арм. *калакаци*, груз. *мокалаки*), отличных от обозначения деревни и ее жителя.

Недавнее обнаружение проф. З.Алексидзе в монастыре Св. Екатерины на Синае рукописей-палимпсестов рубежа IV–V вв., написанных на албанском языке и албанским алфавитом и представляющих собой свод отрывков из Евангелий, Посланий Апостолов, Ветхого Завета, явилось важнейшим открытием в албанистике и кавказоведении в целом. В своем докладе, посвященном дешифровке и идентификации этих текстов, на Международной научной конференции «Этнокультурное наследие Кавказской Албании» (Баку, 21 мая 2001 г.) исследователь, в частности, отметил, что в этих текстах для обозначения понятия «город» используется термин *калака*, идентичный таковым в грузинском и армянском языках. Восходят они к семитскому обозначению города, что доказывает существование города как особого социального организма в древнем Закавказье (Новосельцев А.П. 1980. С. 150). Вместе с тем использование инородного термина может объясняться «не дошедшим до конца процессом отделения города от деревни на местной почве» (там же, с. 151) на начальном этапе генезиса города. И это подтверждается археологическими данными. Они свидетельствуют о тесной связи раннего города Дагестана (и Кавказской Албании в целом) с сельским хозяйством, с земледелием, которые являлись его экономической базой наряду с ремеслом и торговлей, о происходившем, но незавершенном процессе общественного разделения труда между земледелием и ремеслом, который приводил к возникновению противоположности между городом и деревней.

В настоящее время во всех без исключения дагестанских языках, генетически родственных албанскому, для понятия «город» используется термин *шагьар* (*шахар*), восходящий к парфянскому *šahr* 'город'. Особо следует указать, что даже в современном удинском языке, наиболее близком, как считают специалисты, к албанскому и испытывавшем значительное влияние армянского языка, город обозначается тем же термином *šāhār* (Дирр А.М. 1904. С. 84, 91–93; Гукасян В. 1974. С. 247). Обращает внимание, что арабское слово *мадина* «город», при всем том мощном и долговременном влиянии арабского языка на дагестанские, не вытеснило понятия *шагьар*. Термин *шагьар* употреблялся (и употребляется) не только в живой речи, но зачастую и в средневековых дагестанских арабоязычных сочинениях для обозначения городов Дагестана. И можно полагать, что этот термин пришел на смену древнему *калака* в позднесасанидский период (ср.-перс. *šahrestān* «город»), когда на Восточном Кавказе, в том числе в Дагестане, Сасаниды (особенно в правление Хосрова Ануширвана) развертывают широкую градостроительную деятельность, о чем сообщают письменные источники. Археологические данные фиксируют здесь в это время уже развитую городскую культуру.

Происхождение этого заимствованного термина, в данном случае парфяно-сасанидское, указывает и на тот культурно-исторический ареал, который оказывал наибольшее влияние на процесс развития городской культуры Кавказской Албании. Тесные экономические, политические, культурные связи Албании с Парфией, и в особенности с Сасанидским Ираном, нашедшие отражение, например, в активном потоке парфянского серебра, функционировании Прикаспийской торговой магистрали, выводящей на Экбатаны (*Hamadān*), в пропарфянской, а затем просасанидской политической ориентации Албании и т.д., не дают повода сомневаться и в их влиянии на развитие албанского города.

## Список сокращений

---

АО	—	Археологические открытия
ВГО	—	Всесоюзное географическое общество
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВИ	—	Вопросы истории
ГАИМК	—	Государственная Академия истории материальной культуры
ГАЭ	—	Горная археологическая экспедиция
ГИМ	—	Государственный Исторический музей
ДАЭ	—	Дагестанская археологическая экспедиция
ДГОИАМ	—	Дагестанский государственный объединенный историко-архитектурный музей
ДНЦ РАН	—	Дагестанский научный центр РАН
ДСХИ	—	Дагестанский сельскохозяйственный институт
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ЗОЛКА	—	Записки Общества любителей кавказской археологии
ИА РАН	—	Институт археологии РАН
ИВ АН СССР	—	Институт востоковедения АН СССР
ИЗ	—	Исторические записки
ИИАЭ	—	Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
ИИЯЛ	—	Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ИФЖ	—	Историко-филологический журнал
КИАИ	—	Кавказский историко-археологический институт
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии
КЭС	—	Кавказский этнографический сборник
МАД	—	Материалы по археологии Дагестана
МАК	—	Материалы по археологии Кавказа
МАО	—	Московское археологическое общество
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МКА	—	Материальная культура Азербайджана
МСПИЭИД	—	Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане
МЭР	—	Материалы по этнографии России
НАА	—	Народы Азии и Африки
НСПИЭИ	—	Научная сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований

ПАЭ	—	Приморская археологическая экспедиция
ПИМК	—	Памятники истории материальной культуры
ПС	—	Палестинский сборник
ПСС	—	Полное собрание сочинений
РА	—	Российская археология
РФ ИИАЭ	—	Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ИЦ РАН
СА	—	Советская археология
САИ	—	Свод археологических источников
СМОМПК	—	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ	—	Советская этнография
ТД	—	Тезисы докладов
УЗ	—	Ученые записки
ААН	—	Acta Antiqua Hungaricae. Budapest
АМІ	—	Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
BSOAS	—	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
СІІ	—	Corpus Inscriptionum Iranicarum. London
ЕSА	—	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
FHG	—	Fragmenta historicorum Graecorum. Paris
PWK	—	Pauli-Wissowa-Kroll. Real-Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
SAA	—	South Asian Archaeology

**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**

## Библиография

---

- Абакаров А.И. 1963. Материальная культура приморского Дагестана в эпоху раннего средневековья. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 183.
- Абакаров А.И. 1979. К характеристике керамики горного Дагестана кон. I тыс. до н.э. — нач. II тыс. н.э. — IX «Крупновские чтения». ТД. Элиста.
- Абакаров А.И. 1986. Средневековый могильник у селения Нижний Чугли. — Обряды и культуры древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Абакаров А.И., 1986а. Шахсенгерское городище. — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1984–1985 гг. Махачкала.
- Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1973. Первые итоги изучения раннесредневековых бытовых памятников горного Дагестана. — МСПИЭИД в 1971–1972 гг. ТД. Махачкала.
- Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1976. К истории поселений горного Дагестана. — МСПИЭИД в 1973–1975 гг. ТД. Махачкала.
- Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1980. Нижнечуглинское городище. — Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. 1983. Исследование раннесредневековых укрепленных поселений Горного Дагестана. — Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. Археологическая карта Дагестана. М.
- Абрамова М.П. 1969. О керамике с зооморфными ручками. — СА. № 2.
- Абрамова М.П. 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века н.э. — История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Абрамова М.П. 1972. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик.
- Абрамова М.П. 1977. Большой Буйнакский курган. — Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала.
- Абрамова М.П. 1979. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья. — Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Абрамова М.П. 1980. Буйнакский курган. — Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Абрамова М.П. 1986. Подкумский могильник. М.
- Абрамова М.П. 1986а. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии. — Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.
- Абрамова М.П. 1987. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху. — СА. № 4.
- Абрамова М.П. 1988. Сарматы и Северный Кавказ. — Проблемы сарматской археологии и истории. ТД. Азов.
- Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.
- Абрамова М.П., Магомедов М.Г. 1980. О происхождении культуры Андрейаульского городища. — Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Агамалиева С.М. 1987. Гончарство Азербайджана. Историко-этнографическое исследование. Баку.

- Агатангелос. 1977. История Армении. Ереван (на арм. яз.).
- Агаширинова С.С. 1978. Материальная культура лезгин XIX — нач. XX в. М.
- Агларов М.А. 1964. Техника сооружения террасных полей и вопрос об эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.). — УЗ ИИЯЛ. Т. 13. Махачкала.
- Агларов М.А. 1966. Поселение и жилище андийской группы народов в XIX — нач. XX в. — УЗ ИИЯЛ. Т. XVI. Махачкала.
- Агларов М.А. 1973. Две деревянные чаши из Анчиha. — МАД. Т. III. Махачкала.
- Агларов М.А. 1974. Переход к террасному земледелию и особенности общественного строя земледельцев. — Формы перехода от присваивающего к производящему хозяйству и особенности развития общественного строя. ТД. М.
- Агларов М.А. 1974а. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана. — Дагестанский этнографический сборник. Вып. I. Махачкала.
- Агларов М.А. 1979. Террасная система земледелия в зоне доместикации растений. — Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала.
- Агларов М.А. 1979а. О происхождении пахотного орудия. — Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала.
- Агларов М.А. 1986. Террасное земледелие Дагестана (Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы). — *Studia Praehistorica*. 8. Sofia.
- Агларов М.А. 1988. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII — нач. XIX в. (Исследование взаимоотношений хозяйства, социальных структур и этноса). М.
- Акташи Мухаммед Аваби. 1992. Дербенд-наме. Пер. с тюрк. и араб. списков, предисл. Г.М.-Р.Оразаева, А.Р.Шихсаидова. Комментар. Г.М.-Р.Оразаева. Махачкала.
- Алексеев В.П., Перши А.И. 1990. История первобытного общества. М.
- Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ. Вып. Г 1–12.
- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С., Шихсаидов А.Р. 1989. Микротопонимика долины реки Гамри-озень. — ТД конф., посвящ. итогам географич. исследований в Дагестане. Махачкала.
- Алиев И.Г., Асланов Г.М. 1976. Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане. — Древний Восток. Вып. 2. Ереван.
- Алиев И.Г., Гадиров Ф.В. 1985. Кабала. Баку.
- Алиев К. 1969. К вопросу о земледелии и скотоводстве в древней Кавказской Албании. — УЗ ИИЯЛ. Т. XIX. Кн. 2. Махачкала.
- Алиев К. 1974. Кавказская Албания (I в. до н.э.— I в. н.э.). Баку.
- Алиев К.Г. 1992. Античная Кавказская Албания. Баку.
- Амброс А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.
- Анфимова Н.В. 1951. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. — МИА. № 23.
- Апакидзе А.М. 1968. Города древней Грузии. Тбилиси.
- Армянская география VII в. 1877. Пер. К.П.Патканов. СПб.
- Арсланбеков Х. 1976. «Находка в высшей степени ценная...». — Советский Дагестан. № 3.
- Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
- Археология СССР. 1981. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Археология СССР. 1984. Античные государства Северного Причерноморья. М.
- Археология СССР. 1985. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Археология СССР. 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Археология СССР. 1992. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Асиятилов С.Х. 1967. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — перв. пол. XX в.). Махачкала.
- Атаев Д.М. 1961. Некоторые средневековые могильники Аварии. — МАД. Т. II. Махачкала.
- Атаев Д.М. 1962. Поясные пряжки из нагорного Дагестана. — СА. № 2.
- Атаев Д.М. 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.
- Атаев Д.М. 1963а. Височные привески с четырнадцатигранником. — СА. № 3.
- Атаев Д.М. 1963б. Погребальный обряд Урцекского некрополя как исторический источник. — РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 9.
- Атаев Д.М. 1966. Аркаское городище — памятник раннесредневекового Дагестана. — РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16.

- Атаев Д.М., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. 1967. Отчет о раскопках Андрейаульского городища в 1967 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1.
- Атаев Д.М., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. 1968. Андрейаульское городище. — АО 1967 г. М.
- Атаев Д.М., Магомедов М.Г. 1974. Андрейаульское городище. — Древности Дагестана. Махачкала.
- Афанасьев Г.Е. 1984. Большая семья у алан. — СА. № 3.
- Афанасьев Г.Е. 1993. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.
- Ахмедова В.А. 1984. Тендиры Азербайджана. — Изв. АН Аз. ССР. Сер. истории, философии и права. № 1.
- Бабаев И.А. 1985. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. — III в. н.э. Автореф. докт. дис. Баку.
- Бабаев И.А. 1990. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. — III в. н.э. Баку.
- Бабаев И.А., Ахмедов Г.М. 1981. Кабала (историко-археологический очерк). Баку.
- Бакиханов А.-К.А. 1991. Гюлистан-и Ирам. Ред., коммент., примеч. и указ. З.М.Буниятова. Баку.
- Бартольд В.В. 1965. Дербент. — Соч. Т. III. М.
- Барцева Т.Б. 1974. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке. — СА. № 4.
- Бетров Р.Ж. 1980. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии. — Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Блаватский В.Б. 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Богданова Н.А. 1986. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма. — История и культура Евразии по археологическим данным. Тр. ГИМ. Вып. 51. М.
- Болдырев А.В., Боровский Я.Н. 1948. Техника военного дела. — Эллинистическая техника. М.-Л.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г. 1963. Сасанидские геммы. Л.
- Бредэ К.А. 1956. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 35.
- Броневский С. 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.
- Бузанд Фавстос. 1953. История Армении. Пер. М.А.Геворкяна. Ереван.
- Булава Л.А. 1987. К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана. — СА. № 1.
- Булатова А.Г. 1971. Лаксы. Махачкала.
- Булатова А.Г. 1979. Гончарное производство табасаранцев во втор. пол. XIX — нач. XX в. (по материалам с. Джули). — Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала.
- Булатова А.Г. 1988. Традиционные праздники и обряды народов Дагестана в XIX — нач. XX в. Л.
- Бунятов Т.А. 1957. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку.
- Бунятян Е.П. 1984. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ. — Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев.
- Бунятян Е.П. 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). Киев.
- Вавилов Н.И. 1936. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. — Природа. № 2.
- Васильев А.С. 1981. Протогосударство-чифдом как политическая структура. — НАА. № 6.
- Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулич И.Н., Эльдаров М.М. 1958. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала.
- Виноградов В.Б. 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). Грозный.
- Вишневский А.Г. 1982. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М.
- Габиев Д. 1958. Металлообработка у лаков (по этнографическим материалам). — Уз ИИЯЛ. Т. IV. Махачкала.

- Гаджиев Г.А. 1980. Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин. — Семейный быт народов Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев Г.А. 1991. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.
- Гаджиев М.Г. 1985. Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область. — Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Гаджиев М.Г. 1986. О древней металлообработке в Дагестане. — *Studia Praehistorica*. 8. Sofia.
- Гаджиев М.Г. 1987. Древние очаги металлообработки в Дагестане. — КСИА. Вып. 192.
- Гаджиев М.Г. 1989. Поселения и жилища Дагестана эпохи ранней бронзы (к истории древней архитектуры). — Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г. 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.
- Гаджиев М.Г. 1996. Северо-Восточный Кавказ на пути к ранней цивилизации. — Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.. материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.А.Иессена. СПб.
- Гаджиев М.Г. 1997. Дагестан на стыке культур эпохи палеометалла Кавказа и Юго-Восточной Европы. — Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Кратк. содерж. докл. международной научной сессии. Тбилиси.
- Гаджиев М.Г. 1998. Северо-Восточный Кавказ на заре бронзового века (феномен прерванной цивилизации). — Вестник ДНЦ РАН. № 1.
- Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1971. Отчет о работе ГАЭ в 1971 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 335.
- Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1972. Отчет о работе ГАЭ в 1972 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 391.
- Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1973. Раскопки Охлинского городища. — АО 1972 г. М.
- Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. 1975. Отчет об охранных раскопках Нижнечуглинского городища в 1975 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 392.
- Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов Д.К. 1974. Исследования в горном Дагестане. — АО 1973 г. М.
- Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., Федоров Г.С. 1965. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 227.
- Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Маммаев М.М. 1976. Раскопки Нижнечуглинского городища. — АО 1975 г. М.
- Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н. 1984. Металл великентской катакомбы. — Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1980. К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-Иездигерд. — Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1981. Глиняные котлы IV–VI вв. из Дербента. — СА. № 2.
- Гаджиев М.С. 1982. Южный Дагестан в III–V вв. Автореф. канд. дис. М.
- Гаджиев М.С. 1984. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и ранне-средневекового времени. — Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1985. К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени. — Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1986. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I–VII вв.). — Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1987. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана. — Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1988. Ремесла и промыслы Дербента албанского времени. — Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1988а. К изучению исторической топографии памятников албанского времени Южного Дагестана. — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1986–1987 гг. Махачкала.

- Гаджиев М.С. 1989. Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени (по материалам раскопов Р-ХI и Р-ХIII). — Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1990. К локализации Варачана. — XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Ставрополь.
- Гаджиев М.С. 1990а. Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада. — Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1991. Погребальный комплекс II–III вв. на поселении Ганзир (Табасаран). — Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1992. К идентификации города Цри и страны чигбов. — ТД конф. по итогам географич. исследований в Дагестане. Вып. XX. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1994. О хронологии городища Уркеи. — XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Кисловодск.
- Гаджиев М.С. 1995. О местоположении Варачана. — РА. № 2.
- Гаджиев М.С. 1996. Некоторые итоги изучения экономики Дагестана албано-сарматского времени. — Новые исследования дагестанских историков. Материалы научной конф., посвящ. итогам научно-исследовательской деятельности ИИАЭ ДНЦ РАН за 1990–1995 гг. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1997. Исследования форта Дербентского оборонительного комплекса и идентификация «крепости Сул». — Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Кратк. содерж. докл. международной научной сессии. Тбилиси.
- Гаджиев М.С. 1997а. Раскопки форта Дербентского оборонительного комплекса. — АО 1996 г. М.
- Гаджиев М.С. 1997б. Две бронзовые статуэтки из Дагестана (к хронологии культовой пластики). — РА. № 2.
- Гаджиев М.С. 1997в. Археологические реалии мифологического образа. — Наука и молодежь. Сб. статей молодых ученых и аспирантов по гуманитарным проблемам. Вып. 1 Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1997г. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1998. Алия (исторические факты, локализация, этническая принадлежность). — Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1998а. К исторической географии Кавказской Албании (в контексте миссии епископа Израела). — Древности Северного Кавказа. Махачкала.
- Гаджиев М.С. 1998б. О хронологии красноангобированной керамики Северо-Восточного Кавказа. — Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (Вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара.
- Гаджиев М.С. 1999. Шаракунский клад (Дагестан). — Древности Северного Кавказа. М.
- Гаджиев М.С. 1999а. Из истории земледелия Кавказской Албании. — VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. ТД. М.
- Гаджиев М.С. 1999б. Становление раннегородской цивилизации в Дагестане. — Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане. ТД Международной научной конф., посвящ. 275-летию РАН и 50-летию ДНЦ РАН (Гуманитарные и общественные науки). Махачкала.
- Гаджиев М.С., Дибиров Г.Д. 1990. К исторической топографии Дербента. — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1988–1989 гг. Махачкала.
- Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. 1999. Исследования форта Горной стены (Даг-бары) в 1998 г. — Археологическая конференция Кавказа. II. Кавказ и степной мир в древности и средние века. Материалы международной конференции. Махачкала.
- Гаджиев М.С., Мокроусов С.В. 1986. Новые данные о фортификации и ремесленном производстве Дербента албанской и средневековой поры. — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1984–1985 гг. Махачкала.
- Гаджиев М.С., Мокроусов С.В. 1987. К истории Дербента в албанское время (I в. до н.э. — IV н.э.). — Материалы II научной конференции молодых ученых, посвященной 40-летию победы советского народа в ВОВ. Ч. II. Баку.
- Гаджиева С.Ш. 1960. Материальная культура кумыков XIX–XX вв. Махачкала.

- Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. 1967. Материальная культура даргинцев. Махачкала.
- Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л.
- Галанина Л.К. 1980. Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л.
- Гасанов М.Р. 1995. Дагестан в составе Кавказской Албании (некоторые вопросы социально-экономической и политической истории). Махачкала.
- Гегешидзе М.К. 1961. Орошаемое земледелие в Грузии (опыт историко-этнографического изучения). Тбилиси (на груз. яз., рец. на рус. яз.).
- Генко А.Н. 1930. О названиях плуга в северокавказских языках. — Докл. АН СССР. М.
- Геюшев Р.Б. 1984. Христианство в Кавказской Албании. Баку.
- Геюшев Р.Б., Халилов М.Дж. 1986. Каменные изваяния раннесредневековой Албании. Баку.
- Гзелишвили И.А. 1964. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси.
- Гмыря Л.Б. 1979. Глиняные котлы Андрейаульского городища I тыс. н.э. — СА. № 3.
- Гмыря Л.Б. 1980. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия). — Средневековые древности евразийских степей. М.
- Гмыря Л.Б. 1980а. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане (IV–VII вв. н.э.). Автореф. канд. дис. М.
- Гмыря Л.Б. 1980б. Некоторые сведения о гуннах в Дагестане. — Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Гмыря Л.Б. 1983. Керамика Северного Дагестана в I тыс. н.э. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 560.
- Гмыря Л.Б. 1984. Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане (по материалам раскопок Агачкалинского поселения). — Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Гмыря Л.Б. 1985. Паласа-сыртский могильник (по материалам раскопок 1981–1983 гг.). — Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Гмыря Л.Б. 1988. Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV–VI вв.). — Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гмыря Л.Б. 1990. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана. — СА. № 1.
- Гмыря Л.Б. 1990а. Металлические зеркала из катакомбных погребений Прикаспийского Дагестана. Типология и семантика орнаментальных мотивов. — Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Гмыря Л.Б. 1991. Орудия труда Паласа-сыртского поселения (по материалам раскопок 1985–1987 гг.). — Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Гмыря Л.Б. 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.
- Гмыря Л.Б. 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.
- Голубкина Т.И. 1951. О зооморфной керамике из Мингечаура. — МКА. Т. II. Баку.
- Гольдштейн А.Ф. 1969. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала.
- Гольдштейн А.Ф. 1974. Генетические связи дагестанского длиннопланного дома. — Зодчество Дагестана. Махачкала.
- Гольдштейн А.Ф. 1974а. К типологии дагестанского жилища. — Зодчество Дагестана. Махачкала.
- Гольдштейн А.Ф. 1974б. Срубные конструкции домостроительства в нагорном Дагестане в XV–XVIII вв. — Зодчество Дагестана. Махачкала.
- Гольдштейн А.Ф. 1974в. Дороги и мосты старого Дагестана. — Зодчество Дагестана. Махачкала.
- Грантовский Э.А. 1981. О некоторых материалах по общественному строю скифов. — Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. М.
- Грен А.Н. 1907. Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ Терской области. — Тр. МАО. Т. XXI. Вып. II. М.
- Гукасян В. 1974. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку.
- Гусев С.В. 1995. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. М.

- Давудов О.М. 1968. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X–IV вв. до н.э.). Махачкала.
- Давудов О.М. 1970. Археологические работы в горном Дагестане. — АО 1969 г. М.
- Давудов О.М. 1973. Итоги первого года раскопок на Верхнелабкомахинском городише. — МСПИЭИД в 1971–1972 гг. ТД. Махачкала.
- Давудов О.М. 1973а. Раскопки на Верхнелабкомахинском городише. — АО 1972 г. М.
- Давудов О.М. 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
- Давудов О.М. 1974а. Еще раз о пряжках бежтинского типа. — Древности Дагестана. Махачкала.
- Давудов О.М. 1977. Сумбатлинский могильник. — Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Давудов О.М. 1978. Раскопки бытовых, погребальных и культовых памятников на юге Дагестана. — МСПИЭИД в 1976–1977 гг. ТД. Махачкала.
- Давудов О.М. 1978а. Новые исследования Южнодагестанской экспедиции. — АО 1977 г. М.
- Давудов О.М. 1978б. Берикейский могильник скифского времени. — Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Давудов О.М. 1978в. К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана. — Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Давудов О.М. 1979. Гробница из сел. Ираги. — Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала.
- Давудов О.М. 1980. Раскопки в Табасаране. — АО 1979 г. М.
- Давудов О.М. 1980а. О генезисе некоторых форм мечей и кинжалов на Кавказе. — Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Давудов О.М. 1983. Святилище у высокогорного селения Хосрех. — Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Давудов О.М. 1984. Типология и генезис древних городов Дагестана. — XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Майкоп.
- Давудов О.М. 1985. Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции. — АО 1983 г. М.
- Давудов О.М. 1986. Погребальный обряд населения Южного Дагестана в албанское время (III в. до н.э. — III в. н.э.). — Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Давудов О.М. 1989. Ганзирское поселение. — Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
- Давудов О.М. 1990. Дагестан в III в. до н.э. — IV в. н.э. (опыт этнокультурной и социально-экономической характеристики). Автореф. докт. дис. Тбилиси.
- Давудов О.М. 1991. Некоторые культовые места горного Дагестана. — Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Давудов О.М. 1996. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. — IV в. н.э.). Махачкала.
- Давудов О.М., Абакаров А.И. 1985. Новые исследования Шахсенгерского городища. — Всесоюзная археологич. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». ТД. Баку.
- Давудов О.М., Абакаров А.И. 1986. Раскопки Шахсенгерского городища. — АО 1984 г. М.
- Давудов О.М., Котович В.Г. 1979. Богатые погребальные комплексы из селений Ираги и Калкни. — IX «Крупновские чтения». ТД. Элиста.
- Давудов О.М., Салихов Б.М. 1980. Раскопки Ганзирского городища. — МСПИЭИД в 1978–1979 гг. ТД. Махачкала.
- Давудов О.М., Хангишиев Г.Дж. 1986. Памятники предскифского времени около с. Башлыкент. — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1984–1985 гг. Махачкала.
- Дебиров П.М. 1982. Резьба по дереву в Дагестане. М.
- Дзагурова В.П. 1974. Еще раз о союзах сельских обществ. — Вопросы истории Дагестана. Вып. 1 Махачкала.
- Дзвеладзе М.С. 1988. Керамические строительные материалы античной Иберии-Картли (черепица). Автореф. канд. дис. Ереван.
- Дирр А.М. 1904. Грамматика удинского языка. — СМОМГК. Вып. XXXIII. Тифлис.

- Доманский Я.В. 1984. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.
- Дорн Б.А. 1875. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб.
- Древности страны луров. 1992. Каталог выставки. Автор вступит. статьи и составитель каталога Л.Ванден Берге. СПб.
- Еремян С.Т. 1939. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. — Зап. ИВ АН СССР. Т. VII. М.—Л.
- Еремян С.Т. 1951. Народно-освободительная война армян против персов. — ВДИ. № 4.
- Засекакая И.П. 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.
- Заходер Б.Н. 1962. Каспийский свод сведений о Востоке Европы. Горган и Поволжье в IX—X вв. М.
- Золотов К.Н. 1966. К истории животноводства древнего Дагестана. — Тр. ДСХИ. Т. 16. Вып. 2. Махачкала.
- Золотов К.Н. 1966а. К истории коневодства древнего Дагестана. — Тр. ДСХИ. Т. 16. Вып. 2. Махачкала.
- Золотов К.Н. 1968. Osteологические особенности сельскохозяйственных животных по материалам археологических раскопок. — Тр. ДСХИ. Т. 18. Махачкала.
- Золотов К.Н. 1968а. О животноводстве в древнем Дагестане. — Тр. ДСХИ. Т. 18. Махачкала.
- Зубарь В.М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. Киев.
- Иессен А.А. 1935. Работы на Сулаке. — Изв. ГАИМК. Вып. 110. М.—Л.
- Ионе Г.И. 1949. Гончарные печи древнего Мингечаура. — КСИИМК. Вып. 24.
- Ионе Г.И. 1951. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. — МКА. Т. II. Баку.
- Исаков М.И. 1941. Исчезнувший город в Дагестане. — ИЖ. № 6.
- Исаков М.И. 1948. Дневник обследований археологических памятников Южного Дагестана. — Архив ДГОИАМ. Оп. 1 Д. 25.
- Исаков М.И. 1959. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте). — МАД. Т. I. Махачкала.
- Исаков М.И. 1966. Археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Исламмагомедов А.И. 1965. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв. — УЗ ИИЯЛ. Т. XIV Махачкала.
- Исламмагомедов А.И. 1988. Отопительные и печные сооружения у народов Дагестана в XIX в. — Материальная культура народов Дагестана в XIX — нач. XX в. Махачкала.
- Исмизаде О.Ш. 1956. Ялойлутепинская культура. Баку.
- История Армении Мхитара Айриванеци. 1860. Изд. М.Эмина. М. (на древнеарм. яз.).
- История армянского народа. 1951. Под ред. Б.Н.Аракеяна и А.Р.Иоаннисяна. Ч. I. Ереван.
- История Дагестана. 1967. Т. I. — История Дагестана. Т. I—IV. М., 1967—1969.
- История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 1997. Махачкала.
- История епископа Себеоса. 1939. Пер. с 4-го испр. арм. изд. Ст. Малхасянц. Ереван.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVII в. 1988. М.
- История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. 1862. Пер. с арм. К.Патканьяна. СПб.
- Каланкатуаци Мовсес. 1984. История страны Алуанк. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В.Смбатьяна. Ереван.
- Калоев Б.А. 1955. Поселение и жилище агулов. — КСИЭ. Вып. XXIII.
- Каменецкий И.С. 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. — Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Канивец В.И. 1957. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. — УЗ ИИЯЛ. Т. III. Махачкала.
- Канивец В.И., Буров Г.М. 1956. Отчет о работах Чирюртовского отряда ДАЭ в 1956 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 68.
- Касумова С.Ю. 1979. К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента. — ВДИ. № 1.
- Касумова С.Ю. 1983. Южный Азербайджан в III—VII вв. Баку.
- Керэфов Б.М. 1985. Чегемский курган-кладбище. — Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Т. 2. Нальчик.

- Керимов К.Д. 1988. Принципы творческой интерпретации архитектурно-композиционного формообразования исторических поселений Дагестана. — Искусство Дагестана в контексте современной художественной культуры. Махачкала.
- Киквидзе Я.А. 1988. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси.
- Кикнадзе Р.К. 1962. Из истории ремесленного производства (карханэ) в Иране XIII–XIV вв. — Ближний и Средний Восток. М.
- Ковалевская В.Б. 1973. Производство и импорт средневековых бус Дагестана. — МАД. Т. III. Махачкала.
- Ковалевская В.Б. 1984. Кавказ и аланы. Века и народы. М.
- Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
- Ковалевский С.А. 1933. Лик Каспия (Палеогеография моря в четвертичное время). Баку–Москва.
- Ковалевский С.А. 1953. Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия. — Изв. ВГО. Т. 85. Вып. 1.
- Козенкова В.И. 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. — САИ. Вып. 2–5.
- Козлов В.И. 1982. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе. — Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.
- Колесников А.И. 1970. Иран в начале VII века. ПС. Вып. 22 (85). Л.
- Комаров А.В. 1882. Пещеры и древние могилы в Дагестане. — V Археологический съезд. Труды предварительных комитетов. Т. 1 М.
- Кореневский С.Н. 1978. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана. — Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Косьяненко В.М. 1988. Бронзовые зеркала из некрополя Кобякова городища (к вопросу об их кавказском происхождении). — XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Махачкала.
- Котович В.Г. 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана. — МАД. Т. I. Махачкала.
- Котович В.Г. 1959а. Отчет 2-го Чиркеевского отряда ДАЭ в 1959 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1.
- Котович В.Г. 1961. Археологические работы в горном Дагестане. — МАД. Т. II. Махачкала.
- Котович В.Г. 1961а. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. — УЗ ИИЯЛ. Т. IX. Махачкала.
- Котович В.Г. 1965. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана. — Материалы сессии, посвящ. итогам археологич. и этнографич. исследований 1964 г. в СССР. Баку.
- Котович В.Г. 1965а. О хозяйстве населения Дагестана в древности. — СА. № 3.
- Котович В.Г. 1965б. Отчет о работе 3-го разведочного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 24.
- Котович В.Г. 1967. Отчет о работе 1-го Горного отряда ДАЭ в 1967 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26.
- Котович В.Г. 1974. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. — Древности Дагестана. Махачкала.
- Котович В.Г. 1974а. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера. — Древности Дагестана. Махачкала.
- Котович В.Г. 1976. О некоторых особенностях расселения и социального устройства населения Дагестана в албанский и раннесредневековый периоды. — МСПИЭИД в 1973–1975 гг. ТД. Махачкала.
- Котович В.Г. 1977. Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе. — СА. № 3.
- Котович В.Г. 1978. О происхождении «кабардино-пятигорских» или «киммерийских» биметаллических кинжалов и мечей. — Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Котович В.Г. 1980. О процессе урбанизации в древнем Дагестане. — Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д. 1960. Отчет о работе приморского отряда ДАЭ в 1960 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16.

- Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д. 1961. Некоторые данные о средневековых памятниках Горного Дагестана. — МАД. Т. II. Махачкала.
- Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Бредэ К.А., Котович В.М., Путинцева Н.Д. 1961. Отчет о работе приморского отряда ДАЭ в 1961 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 47.
- Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Котович В.М., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. 1962. Отчет о работе ПАЭ в 1962 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 39.
- Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. 1963. Отчет о работе ПАЭ в 1963 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 49.
- Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. 1964. Отчет о работе ПАЭ в 1964 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 42.
- Котович В.Г., Давудов О.М. 1966. Отчет о работе 1-го отряда ДАЭ в 1966 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 25.
- Котович В.Г., Маммаев М.М. 1968. Отчет о работе ГАЭ в 1968 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 30.
- Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. 1969. Раскопки в Кулинском районе горного Дагестана. — АО 1968 г. М.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1972. Работы в Прикаспийском Дагестане. — АО 1971 г. М.
- Котович В.Г., Котович В.М. 1973. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане. — Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1973. Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин. — МСПИЭИД в 1971–1972 гг. ТД. Махачкала.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1974. Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции в 1971–1972 гг. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 48.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., Мирзоев Р.Н., Расулова М.М. 1976. Исследования на городище Таргу. — АО 1975 г. М.
- Котович В.Г., Абдуллаев М.М., Котович В.М., Мирзоева Р.Н., Расулова М.М. 1978. Некоторые итоги работ на городище Таргу. — МСПИЭИД в 1976–1977 гг. ТД. Махачкала.
- Котович В.Г., Котович В.М. 1978. Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции в 1974–1975 гг. — РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 50.
- Котович В.Г., Котович В.М., Расулова М.М. 1979. Раскопки городища Таргу. — АО 1978 г. М.
- Котович В.Г., Котович В.М. 1980. Археологические исследования на городище Таргу. — МСПИЭИД в 1978–1979 гг. ТД. Махачкала.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1980. Утамышские курганы. — Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. 1983. Городище Таргу. — Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Котович В.М. 1965. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала.
- Котович В.М. 1984. К вопросу о древних разработках сидеритовых руд в горном Дагестане и их первоначальном использовании. — Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Кошеленко Г.А. 1979. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
- Кошеленко Г.А. 1980. Полис и город: к постановке проблемы. — ВДИ. № 1.
- Кошеленко Г.А. 1983. Греческий полис и проблемы развития экономики. — Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М.
- Кошеленко Г.А. 1985. Заключение. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Криштопа А. 1980. Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу. — Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Кропоткин В.В. 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М.
- Круглов А.П. 1940. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции в 1939 г. — КСИИМК. Вып. V.
- Круглов А.П. 1946. Культурные места горного Дагестана. — КСИИМК. Вып. XII.
- Крупнов Е.И. 1951. Новый памятник древних культур Дагестана. — МИА. № 23.
- Крупнов Е.И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Куббель Л.Е. 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.

- Кудрявцев А.А. 1972. Отчет о работе Дербентского археологического отряда в 1972 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
- Кудрявцев А.А. 1974. К истории древнего Дербента. — Древности Дагестана. Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1974а. Древний Дербент (опыт историко-археологического изучения). Автореф. канд. дис. М.
- Кудрявцев А.А. 1976. Город, не подвластный векам. Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1976а. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1976 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
- Кудрявцев А.А. 1977. Первые исследования досасанидского Дербента. — Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1977а. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1977 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 461.
- Кудрявцев А.А. 1978. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте. — СА. № 3.
- Кудрявцев А.А. 1979. «Длинные стены» на Восточном Кавказе. — ВИ. № 11.
- Кудрявцев А.А. 1979а. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1979 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 464.
- Кудрявцев А.А. 1980. Развитие торговли в Дербенте в VI — пер. пол. XIII в. — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. Бартольдовские чтения 1978 г. М.
- Кудрявцев А.А. 1982. Древний Дербент. М.
- Кудрявцев А.А. 1982а. Великий город на Каспии. Дербент в эпоху феодализма. Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1982б. О новой хронологии Дербента. — СА. № 4.
- Кудрявцев А.А. 1983. Древние поселения на дербентском холме (досасанидский период формирования исторической топографии Дербента). — Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1984. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1984 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 594.
- Кудрявцев А.А. 1985. Дербентский могильник. — Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1986. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1986 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
- Кудрявцев А.А. 1987. О синкретизме парфяно-сасанидских, греко-римских и местных традиций в фортификационной архитектуре и градостроительстве древнего и ранне-средневекового Дербента. — Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1987а. Исследования в Дербенте. — АО 1985 г. М.
- Кудрявцев А.А. 1987б. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1987 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 670.
- Кудрявцев А.А. 1987в. Новые археологические материалы по истории древнего Дербента. — Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД Всесоюзной конф. (Суздаль, 1987 г.). М.
- Кудрявцев А.А. 1988. К вопросу о социальной стратификации и дифференциации в дербентском обществе албанского времени (по материалам могильника II). — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1986–1987 гг. Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1988а. Раскопки в цитадели древнего Дербента. — АО 1986 г. М.
- Кудрявцев А.А. 1988б. Развитие городской цивилизации и типология городов древнего и средневекового Дагестана. — ТД научной сессии «Перестройка и гуманитарные науки в Дагестане». Махачкала.
- Кудрявцев А.А. 1989. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1989 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 729.
- Кудрявцев А.А. 1990. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1990 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 728.
- Кудрявцев А.А. 1994. Мусульманский город Дагестана: Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1988. Дагестан и сармато-аланский мир (к проблеме контактов и взаимовлияний). — XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Махачкала.

- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1988а. Дербент в эпоху ранней бронзы. — XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Махачкала.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV). — Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1992. Исследования на городище Таргу — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., Гамзатов Г.Г. 1982. Ремесленное производство средневекового Дербента по материалам раскопок 1980–1981 гг. — МСПИЭИ ИИЯЛ в 1980–1981 гг ТД. Махачкала.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., Гамзатов Г.Г. 1984. Исследования двора сасанидского правителя и средневековых ремесленных комплексов Дербента. — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ. Махачкала.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., Гамзатов Г.Г., Салимов С.Б., Хазанов А.М. 1978. Новые данные об исторической топографии Дербента (по материалам раскопок 1976–1977 гг.). — МСПИЭИД в 1976–1977 гг. ТД. Махачкала.
- Кузнецов Н. 1893. Дербент. — Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. Т. 19. СПб.
- Лавров Л.И. 1952. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. — Материалы по истории СССР. Сб. I. М.
- Лавров Л.И. 1958. Тарки до XVIII в. — УЗ ИИЯЛ. Т. IV. Махачкала.
- Латышев В.В. 1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ. № 4.
- Левина Л.М., Никитин А.Б. 1995. Иранские резные камни из памятников джетыасарской культуры Восточного Приаралья. — Низовья Сырдарьи в древности. Ч. 5. М.
- Ленин В.И. Развитие капитализма в России. — ПСС. Т. 3.
- Лисицына Г.Н., Костюченко В.П. 1976. Почва как источник информации при изучении древнего земледелия (по материалам работ в аридных районах СССР в 1969–1973 гг.). — СА. № 1
- Литвинский Б.А. 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.
- Личели В.Т. 1991. Древняя Грузия в системе эллинистического мира. Автореф. докт. дис. Тбилиси.
- Лордкипанидзе О.Д. 1985. Колхида в IV–I вв. до н.э. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Лордкипанидзе О.Д. 1985а. Иберия. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Лордкипанидзе О.Д. 1989. Наследие древней Грузии. Тбилиси.
- Луконин В.Г. 1969. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.
- Луконин В.Г. 1969а. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. — ВДИ. № 2.
- Луконин В.Г. 1979. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М.
- Луконин В.Г. 1987. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М.
- Магомедов А.Р. 1988. К изучению ремесла в хозяйстве горских обществ Дагестана в средние века. — Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Магомедов А.Р., Криштопа А.Е., Федоров Г.С. 1976. Разведки в Дагестане. — АО 1975 г. М.
- Магомедов М.Г. 1966. Вооружение средневекового Дагестана. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 222.
- Магомедов М.Г. 1967. Планировка и топография средневековых городов Дагестана. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 241-а.
- Магомедов М.Г. 1970. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Канд. дис. Махачкала. — Архив ИА РАН. P-II. № 2050.
- Магомедов М.Г. 1970а. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. канд. дис. Махачкала.
- Магомедов М.Г. 1972. Работы Верхнечирюртовской экспедиции. — АО 1971 г. М.
- Магомедов М.Г. 1975. Костяные накладки седла Верхнечирюртовского могильника. — СА. № 1

- Магомедов М.Г. 1979. Украшения из Верхнечирюртовских могильников. — Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала.
- Магомедов М.Г. 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Магомедов М.Г. 1984. Отчет о работе Северо-Дагестанской археологической экспедиции в 1984 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 595.
- Магомедов М.Г. 1987. Раскопки могильника в Дагестане. — АО 1985 г. М.
- Магомедов М.Г. 1990. Живая связь эпох и культур. Махачкала.
- Магомедов М.Г. 1994. Хазары на Кавказе. Махачкала.
- Магомедов Р.Г. 1983. Историко-культурная характеристика памятников, выявленных археологической службой Дагестана. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 558.
- Магомедов Р.М. 1959. Развалины древнего города. — Дагестанская правда. 26.04.1959.
- Магомедов Р.М. 1961. История Дагестана. Махачкала.
- Магомедов Р.М. 1963. Легенды и факты. Махачкала.
- Магомедов Р.М. 1971. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала.
- Магомедов С.М. 1975. К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III–II тыс. до н.э. — V «Крупновские чтения» по археологии Кавказа. ТД. Махачкала.
- Магомедов С.М. 1976. К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане. — Археология Северного Кавказа. VI «Крупновские чтения». ТД. М. МАК. 1900. Вып. VIII. М.
- Мамедова Ф.Д. 1977. «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку.
- Маммаев М.М. 1963. К истории ремесленного производства в Дагестане до эпохи средневековья. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 175.
- Маммаев М.М. 1969. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960–1964 гг.). Канд. дис. Махачкала. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 316.
- Маммаев М.М. 1969а. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени. — УЗ ИИЯЛ. Т. XIX. Кн. 2. Махачкала.
- Маммаев М.М. 1970. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960–1964 гг.). Автореф. канд. дис. Махачкала.
- Маммаев М.М. 1970а. Зооморфные пряжки Урцекского могильника. — СА. № 4.
- Маммаев М.М. 1970б. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане (гончарные печи Андрейаульского городища). — УЗ ИИЯЛ. Т. XX. Махачкала.
- Маммаев М.М. 1972. Знаки на керамике Урцекского городища. — МАД. Т. III. Махачкала.
- Маммаев М.М. 1974. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане. — Древности Дагестана. Махачкала.
- Маммаев М.М. 1979. Художественная обработка кости в древнем и средневековом Дагестане. — Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала.
- Маммаев М.М. 1984. О семантике сюжета борьбы двух коней на зооморфных пряжках Дагестана VIII–X вв. — Мифология народов Дагестана. Махачкала.
- Маммаев М.М. 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала.
- Маммаев Х.М. 1980. Литейная форма из Ялхой-Мохка (Юго-Восточная Чечня). — СА. № 4.
- Марграф О.В. 1882. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М.
- Марков Г.Е. 1976. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.
- Марковин В.И. 1959. Неолитическая стоянка близ Махачкалы. — МАД. Т. I. Махачкала.
- Марковин В.И. 1973. Каменные орудия с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа. — МАД. Т. III. Махачкала.
- Марковин В.И. 1986. Культурная пластика Кавказа. — Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Марковин В.И. 1989. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в скифо-сарматское время. — Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Сочинения. 2-е изд. Т. 3.
- Маркс К. Нишета философии. — Т. 4.
- Маркс К. Капитал. — Т. 23.

- Маркс К. Капитал. — Т. 25. Ч. 2.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — Т. 46. Ч. 1
- Марченко И.И. 1984. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани. — Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
- Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Массон В.М. 1980. Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа. — Ранние земледельцы. Л.
- Массон В.М. 1981. Алтын-Депе. Л.
- Материальная культура аварцев. 1967. Махачкала.
- Мацапулин В.У. 1992. Характеристика тяжелой фракции шлифов отдельных водотоков Нагорного Дагестана и их золотоносность (рукопись). Махачкала.
- Мацулевич Л.А. 1926. Серебряная чаша из Керчи. Л.
- Мехтиев Т.С. 1990. Орудия труда Кавказской Албании (IV в. до н.э. — III в. н.э.). Автореф. канд. дис. М.
- Миллер А.А. 1927. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. — МЭР. Т. 4. Вып. 1. Л.
- Миллер В.Ф. 1992. Осетинские этюды. Владикавказ.
- Минаева Т.М. 1951. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. — МИА. № 23.
- Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.
- Мищенко Ф.Г. 1879. География Страбона. М.
- Мовчан Г.Я. 1969. Камень и дерево в старинном жилище Аварии. — СЭ. № 3.
- Мовчан Г.Я. 1972. Социологическая характеристика старого аварского жилища. — ЭЭС. Вып. V. М.
- Мовчан Г.Я. 1974. Местные архитектурные школы в старинном аварском домостроительстве. — Зодчество Дагестана. Махачкала.
- Мокроусов С.В. 1988. Материальная культура городов Дагестана албанского времени. Автореф. канд. дис. М.
- Мокроусов С.В. 1988а. Фортификация городов Дагестана албанского времени (Дербент, Таргу, Урзеки). — Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. ТД. Ереван.
- Мокроусов С.В. 1989. Этапы развития фортификации Дербента. — Проблемы исследований античных городов. ТД. М.
- Мокроусов С.В. 1994. К вопросу об оборонительных сооружениях городища Урзеки в первые века н.э. (албанский период). — Проблемы истории, филологии, культуры. Межвузовский сборник. Вып. I. Магнитогорск.
- Мокроусов С.В. 1995. О ранних оборонительных сооружениях городища Таргу. — Боспорский сборник. 6. В честь 60-летия проф. Г.А.Кошеленко. М.
- Мокроусов С.В. 1995а. Архитектура городов Дагестана в первые века н.э. (албанский период). — Проблемы истории, филологии, культуры. Межвузовский сборник. Вып. II. Магнитогорск.
- Мошкова М.Г. 1962. О раннесарматских втульчатых стрелах. — КСИИМК. Вып. 89.
- Мошкова М.Г. 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д 1–10. М.
- Мошкова М.Г. 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у ст. Манас). — СА. Т. XXVI.
- Муравьев С.В. 1983. Птолемеева карта Кавказской Албании и уровень Каспия. — ВДИ. № 1
- Мустафаев И.Д. 1955. К истории возделывания зерновых культур в Азербайджане. — Тр. Института земледелия АН Азерб. ССР. Т. III.
- Мхитар Гош. 1960. Албанская хроника. Пер., предисл. и коммент. З.М.Бунятова. Баку.
- Нарышкин Н.А. 1875. Сообщения. — ЗОЛКА. Т. I. Тифлис.
- Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В. 1978. Погребение скифского времени у сел. Берикей. — Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Никольская З.А., Шиллинг Е.М. 1952. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. — СЭ. № 4.
- Новосельцев А.П. 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.

- Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Нуриев А.Б. 1990. Ремесло Кавказской Албании (III–VIII вв.). Автореф. докт. дис. Баку.
- Ольховский В.С. 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции. — РА. № 2.
- Онайко Н.А. 1980. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М.
- Османов М.-З.О. 1979. К истории транспорта народов Дагестана (XIX — нач. XX в.). — Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв.: этнографические исследования. Махачкала.
- Османов М.-З.О. 1986. Хлебопекарные устройства народов Дагестана в XVIII–XIX вв. (Типология и районирование). — ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1984–1985 гг. Махачкала.
- Османов М.-З.О. 1990. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — нач. XX в. М.
- Очерки истории СССР III–IX вв. Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М., 1958.
- Павленко Ю.В. 1984. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств. — Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев.
- Павленко Ю.В. 1989. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев.
- Панек Л.Б. 1948. Жилище лезгин. — КСИЭ. Т. IV.
- Панек Л.Б. 1948а. Работа Южного отряда Дагестанской экспедиции. — КСИЭ. Т. IV
- Пахомов Е.А. 1933. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. — ПИМК. № 9–10. М.
- Периханян А.Г. 1983. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.
- Першиц А.И. 1956. О коллективной собственности на скот у кочевников-скотоводов. — СЭ. № 6.
- Петренко В.А. 1984. Бронзовые барельефно-ажурные бляхи скифского времени Юго-Восточной Чечни. — Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.
- Петренко В.А. 1986. Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н.э. — IV в. н.э.) из могильников Юго-Восточной Чечни. — Проблема хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Пикуль М.И. 1952. Отчет о работе, проведенной ДАЭ летом 1952 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2.
- Пикуль М.И. 1953. Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1953 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3.
- Пикуль М.И. 1957. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 13.
- Пикуль М.И. 1958. Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ в 1958 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 16.
- Пикуль М.И. 1958а. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. — РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 19.
- Пикуль М.И. 1959. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 100.
- Пикуль М.И. 1961. Раскопки в Южном Дагестане в 1961 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 145.
- Пикуль М.И. 1961а. Хабадинский могильник. — МАД. Т. 2. Махачкала.
- Пикуль М.И. 1961б. Письменные источники о племенах и этнических группах на территории Дагестана в эпоху раннего железа. — РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 22.
- Пикуль М.И. 1962. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 145.
- Пикуль М.И. 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Пикуль М.И. 1973. Мугерганский могильник. — МАД. Т. III. Махачкала.
- Пикуль М.И. 1991. Могильник у сел. Дуранги. — Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Пичикян И.Р. 1991. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). Очерки. М.
- Погребова М.Н. 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
- Путинцева Н.Д. 1961. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение). — МАД. Т. II. Махачкала.

- Пятых Г.Г. 1986. Отчет о раскопках в низовьях р. Сулак в 1986 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 764.
- Пятых Г.Г. 1987. Отчет о работах в 1987 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
- Пятых Г.Г., Красильников К.И. 1988. Отчет о работах в 1988 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
- Раевская Т.А. 1971. К вопросу о методе датировки некоторых памятников сасанидской глиптики. — Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конф. (1969 г.). Докл. М.
- Рамазанова З.Б. 1979. Пахотные орудия лакиев в кон. XIX — нач. XX в. — Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала.
- Рамишвили К.И. 1979. Сасанидские геммы в Грузии. Тбилиси.
- Распопова В.И. 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л. Резолюция научной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. — МАД. Махачкала, 1961 Т. 2.
- Рикман Э.А. 1975. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.
- Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Рыбаков Б.А. 1978. Историзм археологии. — КСИА. Вып. 152.
- Сазанов А.В. 1988. Боспор и гунны. — XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Махачкала.
- Сазанов А.В. 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени. — СА. № 4.
- Сазанов А.В., Ивашенко Ю.Ф. 1989. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора. — СА. № 1
- Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. 1980. «Дербенд-наме» (К вопросу об изучении). — Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала.
- Сайко Э.В. 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.
- Сайко Э.В. 1996. Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV–II тыс. до н.э.). М.
- Салихов Б.М. 1985. Калкнинский могильник. — Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Салихов Б.М. 1986. Отчет отряда Дагестанской экспедиции ИА АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1986 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 678.
- Салихов Б.М. 1988. Новые материалы о ремесленном производстве Южного Дагестана (по данным Хивского могильника IV–V вв.). — Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Салихов Б.М. 1991. Предметы вооружения из погребений албано-сарматского времени Зеленоморского и Манаскентских курганов. — Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Салихов Б.М., Якубов М.А. 1990. Музыкальный инструмент из Зеленоморского кургана. — Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Семенов Ю.И. 1976. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — Становление классов и государства. М.
- Скрипкин А.С. 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Смирнов К.Ф. 1951. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. — МИА. № 23.
- Смирнов К.Ф. 1951а. Отчет за 1951 г. — Архив ДГОИАМ. Д. 15398.
- Смирнов К.Ф. 1952. Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 гг. — КСИИМК. Вып. XLV.
- Смирнов К.Ф. 1961. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. — МАД. Т. II. Махачкала.
- Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи. — МИА. № 33.
- Сорокина Н.П. 1973. Стекланные сосуды из могильника Харакс. — Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Сорокина Н.П. 1979. Стекланные сосуды IV–V вв. и хронология Цебельдинских могильников. — КСИА. Вып. 158. М.
- Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. 1971. М.
- Страбон. 1964. География. Пер., ст. и коммент. Г.А.Стратановского. Л.

- Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., Голубкина Т.И. 1965. Металлографические исследования некоторых изделий из черного металла кувшинных погребений Азербайджана. — Докл. АН Азерб. ССР Т XII. № 4.
- Татишев В.Н. 1979. Избранные произведения. Л.
- Терехова Н.Н., Мехтиев Т.С. 1988. Технология изготовления кузнечных изделий из памятникников Кавказской Албании на территории Азербайджана. — СА. № 2.
- Тревер К.В. 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л.
- Уварова П.С. 1890. Могильники Северного Кавказа. — МАК. Т. VIII.
- Федоров Г.С. 1966. Отчет о разведывательных работах 1966 г. Прикаспийского отряда ДАЭ. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 233.
- Федоров Г.С. 1967. Отчет о результатах археологических раскопок Прикаспийского отряда ДАЭ в 1967 г. — РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 319.
- Федоров Г.С. 1973. Случайные археологические находки из Карабудахкента. — МАД. Т III. Махачкала.
- Феодалные отношения в Дагестане. XIX — нач. XX в. Архивные материалы. 1969. М.
- Фрай Р. 1972. Наследие Ирана. М.
- Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хазанов А.М. 1975. Социальная история скифов. М.
- Халилов Дж.А. 1962. Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании. — СА. № 1
- Халилов Дж.А. 1965. Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжбала в Азерб. ССР. — СА. № 3.
- Халилов Дж.А. 1974. Могильник у с. Рустов Кубинского района и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана. — V «Крупновские чтения» по археологии Кавказа. ТД. Махачкала.
- Халилов Дж.А. 1985. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. — III в. н.э.). Баку.
- Халилов Дж.А. 1985а. Кавказская Албания. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Халилов Дж.А., Аразова Р.Б., Ахундов Т.И., Кошкарлы К.О. 1982. Новые памятники Северо-Восточного Азербайджана. — Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1978 г.). Баку.
- Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. 1991. Археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана. Свод археологических памятников Азербайджана. Вып. 1 Баку.
- Халилов Дж.А., Оруджев А.Ш., Алиев А.А. 1975. Исследования в Шемахинском районе. — АО 1974 г М.
- Халилов М.Дж. 1987. Каменные изваяния Азербайджана (2-я пол. I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). Автореф. канд. дис. М.
- Халифа-заде Ч.М., Аббасова С.М. 1963. Сидеритовые залежи Дагестана. М.
- Хан-Магомедов С.О. 1951. Народное жилище Южного Дагестана. — СЭ. №1
- Хан-Магомедов С.О. 1951а. Жилище табасаран. — СЭ. № 4.
- Хан-Магомедов С.О. 1956. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. М.
- Хан-Магомедов С.О. 1961. Архитектура цахуров. — Архитектурное наследие. Вып. 13. М.
- Хан-Магомедов С.О. 1974. Жилище агулов. — Зодчество Дагестана. Махачкала.
- Хоренаци Мовсес. 1990. История Армении. Пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г.Саркисяна. Ереван.
- Хромов А. 1966. Новые материалы по лексике языка ягнобцев. — Acta Orientalia. XXX. Iranian Studies. Copenhagen.
- Церетели Г. 1969. 'I'nn TR' надписи Шапура. — Юбилейный сб., посвящен. Г.С.Ахвледиани в связи с 80-летием со дня рожд. Тбилиси (на груз. яз.).
- Чайлд Г. 1949. Прогресс и археология. М.
- Чилашвили Л.А. 1974. Ахалсопельская археологическая экспедиция. — Археологические экспедиции Гос. музея Грузии. Т 3. Тбилиси.
- Чурсин Г.Ф. 1927. Культ железа у кавказских народов. — Изв. КИАИ. Т. VI. Тифлис.
- Шиллинг Е.М. 1936. Балхар. Пятигорск.
- Шиллинг Е.М. 1949. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.—Л.

- Шихсаидов А.Р. 1970. К истории изучения «Истории Ширвана и Дербенда». — УЗ ИИЯЛ. Т. XX. Махачкала.
- Шихсаидов А.Р. 1975. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала.
- Шихсаидов А.Р. 1976. О локализации Филана. — Ономастика Кавказа. Махачкала.
- Шихсаидов А.Р. 1986. Освободительная борьба народов Дагестана против халифата в VII–VIII вв. (в трудах арабских авторов). — Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала.
- Шмалько В.С. 1952. Основы хранения семян. М.
- Энгельс Ф. Франкский период. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21
- Юшков С.В. 1937. К вопросу о границах древней Албании. — Изв. Т. I.
- Яновский А. 1846. О древней Кавказской Албании. — ЖМНП. Ч. 52. Отд. 2. СПб.
- Abramischwili R. 1995. Neue Angaben über die Existenz des Thrako-Kimmerischen ethnischen Elements und des sog. Skythischen Reiches im Osten Transkaukasiens. — Archäologischer Anzeiger. B.
- Agathange. 1870. Histoire de regne de Tiridate et de la prédication de saint Grégoire l'illuminateur, trad. par V.Langloise. — FHG. T. V. P
- Alfoldi A. 1932. Funde aus Hunnenzeit und ihre Sonderung. — Archaeologia Hungarica. Vol. IX. Budapest.
- Althem F., Stiehl R. 1958. Michael der Syrer über das erste Auftreten der Bulgaren und Chazaren. — Byzantion. 28.
- Ashmolean Museum Visitors Report. 1954. Oxf.
- Back M. 1978. Die Sasanidischen Staatsinschriften. (Acta Iranica. 18. Textes et mémoires. Vol.VIII). Téhéran-Liège.
- Bunker E.C., Chanwin C.B., Farkas A.R. 1970. "Animal Style" Art from East to West. N. Y.
- Bierbrauer V 1975. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto.
- Catalogue of the International Exhibition of Persian Art. 1931 L.
- Charlesworth M. 1987. Preliminary Report on a Newly-Discovered Extension of "Alexander Wall". — Iran. Vol. XXV.
- Chaumont M.-L. 1960. L'Inscription de Kartīr à la "Ka'bah de Zoroastre" (Texte, Traduction, Commentaire). — Journal Asiatique. T. CCXLVIII. Fasc. 3. P
- Dasxuranci Movses. 1961. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Transl. by C.J.F. Dowsett. L.
- Derbend-Nâme, or The History of Derbend. 1851. Transl. from a select Turkish version..., by Mirza A.Kazem-Beg. SPb.
- Erckert R. 1887. Der Kaukasus und seine Völker. Lpz.
- The Geography of Strabo. 1944. With an English translation by H.L.Jones. Vol. V. Cambridge-London: Loeb library.
- The Geography of Strabo. 1954. With an English translation by H.L.Jones. Vol. III. Cambridge-London: Loeb library.
- Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. 1881. Ed. et tr. A.Şoukry. Venice.
- Gignoux Ph. 1971. La liste des provinces de l'Iran les inscriptions de Šābuhr et Kirdīr. — AAH. T. XIX. Fasc. 1–2. Budapest.
- Gignoux Ph. 1972. L'Inscription de Kirdir à Naqš-i Rostam. — T. 1. P.
- Gignoux Ph. 1972a. Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes. (CII. Suppl. Ser. Vol. I). L.
- Göbl R. 1976. Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman. Ein Beitrag zur spätsasanidischen Sphragistik. B.
- Guiraud P. 1893. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. P.
- Harmatta J. 1996. The Wall of Alexander the Great and the *Limes Sasanicus*. — Bulletin of the Asia Institute. 10.
- Henning W.B. 1952. A Farewell to the Khagan of the Aq-Aqatāran. — BSOAS. Vol. XIV. Pt. 3.
- Hinz W. 1970. Die Inschriften des Hohenpriesters Kirdir am Turm von Naqsh-e Rostam. — AMI. N.F Bd. 3. B.
- Hönigmann E., Maricq A. 1953. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis. — Mémoires de la Académie Royale de Belgique. Classe des letters et des sciences morales et politiques. T. XLVII. Fasc. 4. Bruxelles.

- Huff D. 1981 Zur Datierung des Alexanderwalls. — *Iranica Antiqua*. 16.
- Humbach H., Skjærvø P.O. 1980. The Sassanian Inscription of Paikuli. Pt. 2. Synoptic Tables. Wiesbaden.
- An Illustrated Souvenir of the Exhibition of the Persian Art at Burlington House. 1931 L.
- Iranian Pottery. 1978. A General Survey based on the Prime Ministry of Iran's Collection by M.Y.Kiani. Tehran.
- Jettmar K. 1979. Rock carvings in the Mountains of North Pakistan. Archaeology before excavation, in Taddei. — SAA. 1977.
- Kettenhofen E. 1996. Darband. — *Encyclopædia Iranica*. Ed. by Ehsan Yarshater. Vol. VII. Costa Mesa, California.
- Kiani M.Y. 1982. Parthian Sites in Hyrcania: the Gurgan Plain. (AMI. Ergänzungsband 9). B.
- Kiani M.Y. 1982a. Excavations on the Defensive Wall of the Gurgan Plain. — *Iran*. Vol. XX.
- Kiessling T.H. 1894. Gelda. — *PWK*. B.XIII.
- Lafontaine G. 1973. La version grecque ancienne du livre arménien d'Agathange. Publications de l'Institut Orientaliste de Louvain. 7. Louvain-la-Neuve.
- Lavedan P. 1926. Qu'est que l'urbanisme? Introduction à l'histoire de urbanisme. P.
- Maricq A. 1958. Res Gestae divi Saporis. — *Syria*. T. XXXV. Paris.
- Marguât J. 1901. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Exkursen. B.
- Marquart J. 1903. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca 840–940). Lpz.
- Naumann R. 1976. Fundlage der Tonbullen und Gefäßverschlüsse. — *Göbl R.* Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman. Ein Beitrag zur spätsasanidischen Sphragistik. B.
- Naumann R. 1977. Die Ruinen von Tacht-e Suleiman und Zendan-e Suleiman und Umgebung. B.
- Nyberg H.S. 1974. A Manual of Pahlavi. II. Wiesbaden.
- Reineggs J. 1796. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und SPb.
- Sjoberg G. 1965. The Preindustrial City. Past and Present. N. Y.
- Smith W.S. 1946. Ancient Egypt as represented in the Museum of Fine Arts. Boston.
- Sprengling M. 1953. Third Century, Iran, Sapor and Kartir. Chicago.
- Trésors de l'ancien Iran. 1966. Genève.
- Zakharov A.A. 1930. Contributions to Caucasian Archaeology. A Large Barrow in Daghestan. — *ESA*. T. V. Helsinki.

**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**

## Иллюстрации

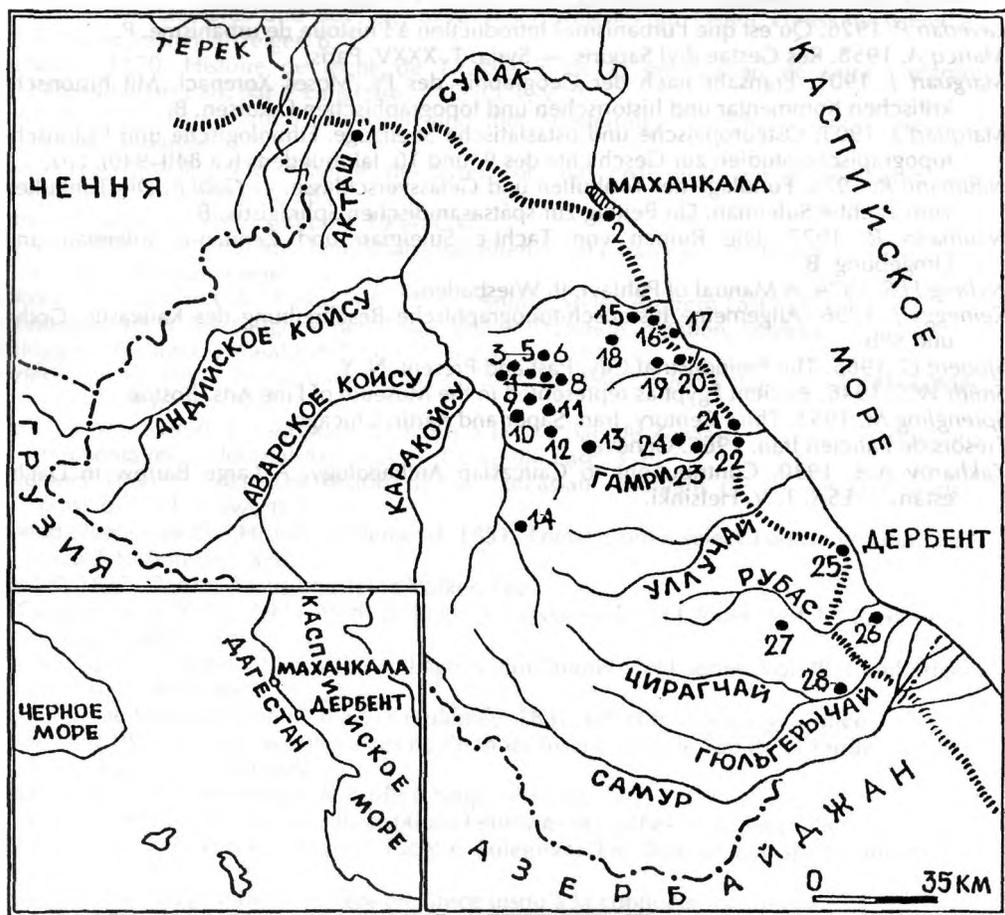


Рис. 1

Городища Дагестана албано-сарматского времени: 1 — Андреяульское, 2 — Таркинское, 3 — Аккентское, 4 — Сукара, 5 — Охлинские Иваниласул мишир и Меседил мишир, 6 — Карамахинское, 7 — Кулешминское, 8 — Урминские 1-3, 9 — Нижнечуглинское, 10 — Куппинское, 11 — Левашинское 1, 12 — Левашинское 2, 13 — Верхнелабкомахинское, 14 — Шыйшинское, 15 — Генторун, 16 — Уллуярское, 17 — Маяк, 18 — Какамахинское, 19 — Губденское, 20 — Уриеки, 21 — Эскиюрт, 22 — Чакавуркент, 23 — Таргу, 24 — Алходжакентское Гяур-кала, 25 — Дербент, 26 — Белиджинское Торпах-кала V-VI вв., 27 — Чичикар, 28 — Шаракунское поселение

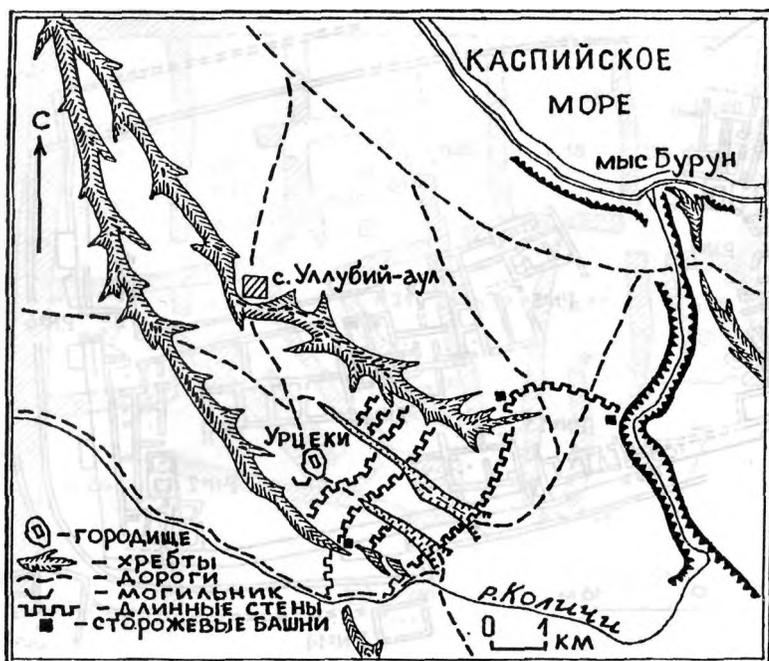


Рис. 2  
Ситуационный план-схема городища Урцеки

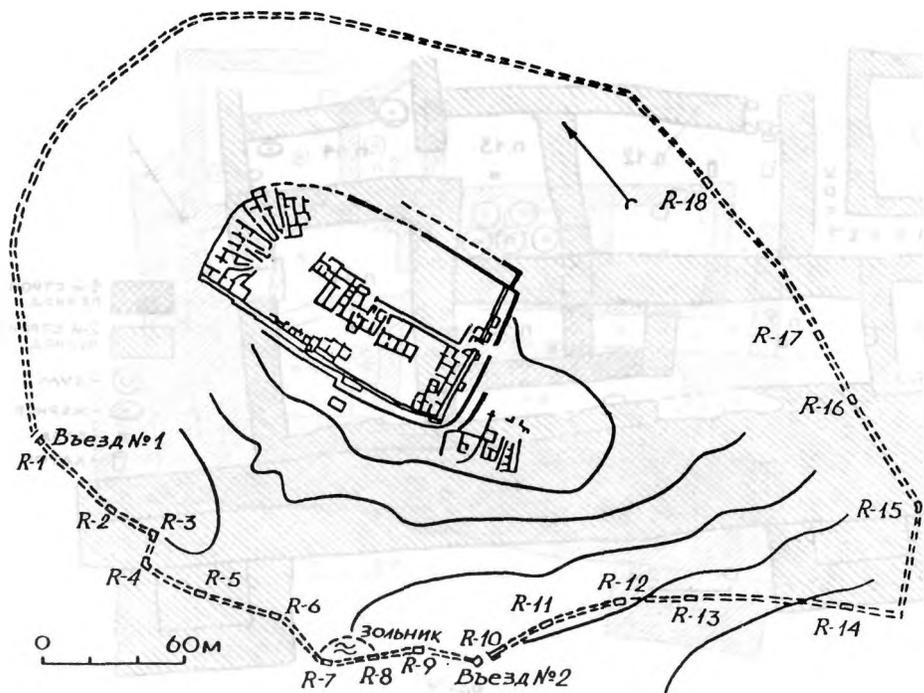


Рис. 3  
План городища Урцеки

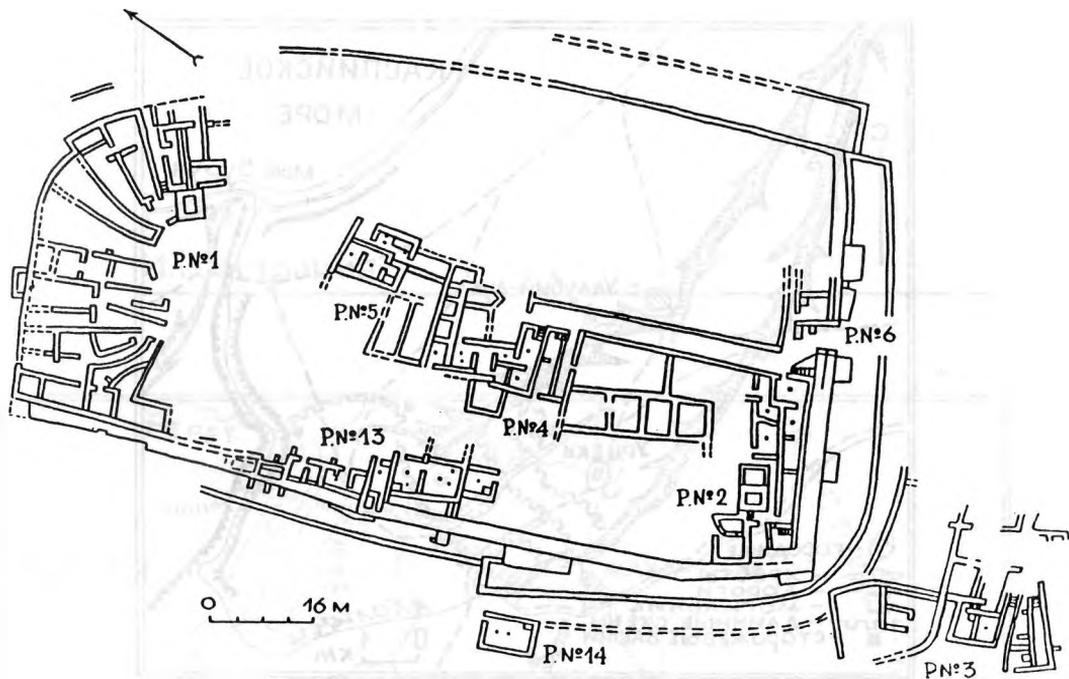


Рис. 4  
План цитадели городища Уруки

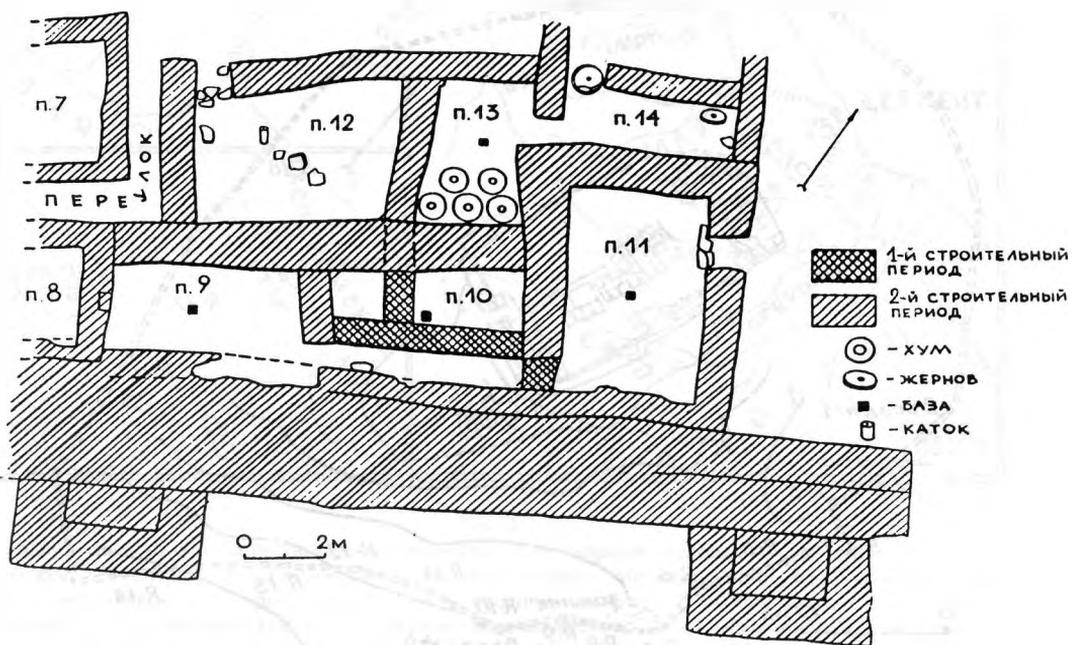


Рис. 5  
План архитектурных сооружений у южной оборонительной стены цитадели городища Уруки (пом. 9–14 раск. 2) (по В.Г.Котовичу и др.)

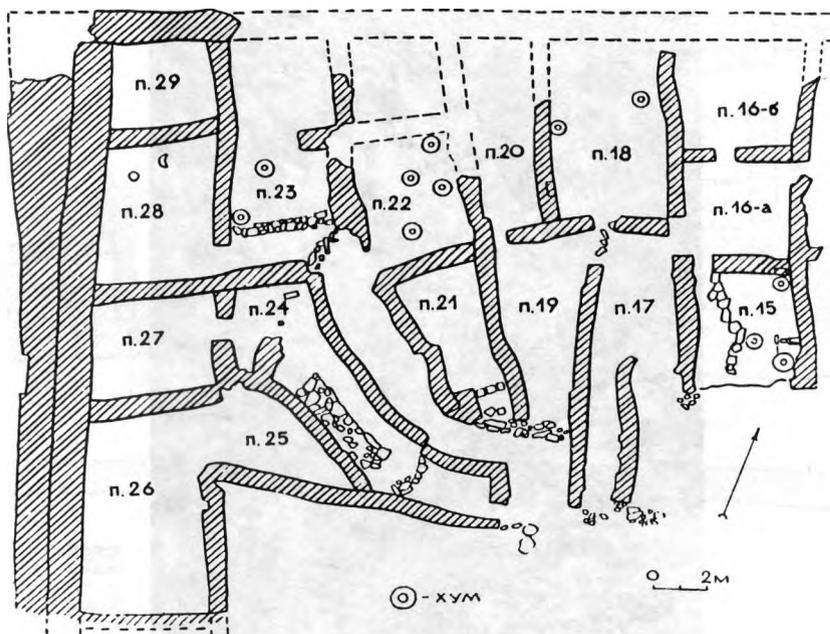


Рис. 6

План архитектурных сооружений у северо-западного угла цитадели городища Урзеки (пом. 15–29 раск. 1) (по В.Г.Котовичу и др.)

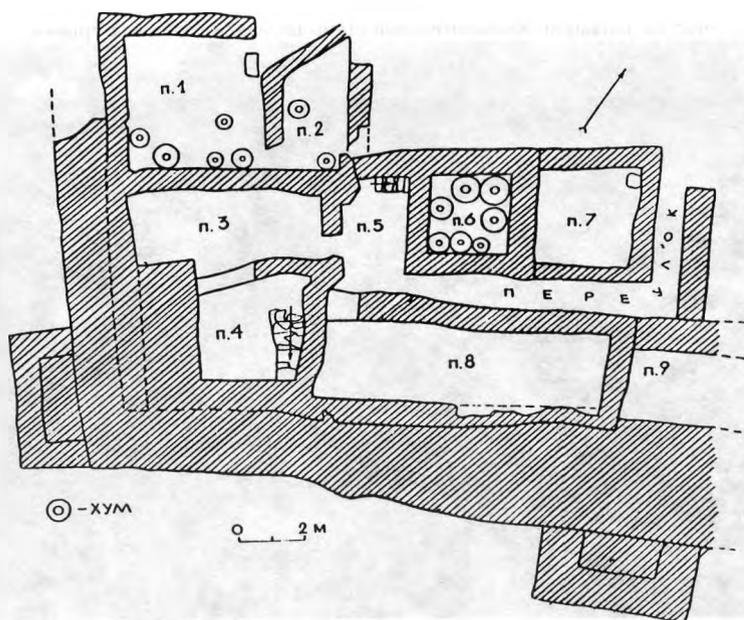


Рис. 7

План архитектурных сооружений у юго-западного угла цитадели городища Урзеки (пом. 1–8 раск. 2) (по В.Г.Котовичу и др.)



Рис. 8  
Участок западной оборонительной стены цитадели городища Урпеки



Рис. 9  
Участок южной оборонительной стены цитадели городища Урпеки

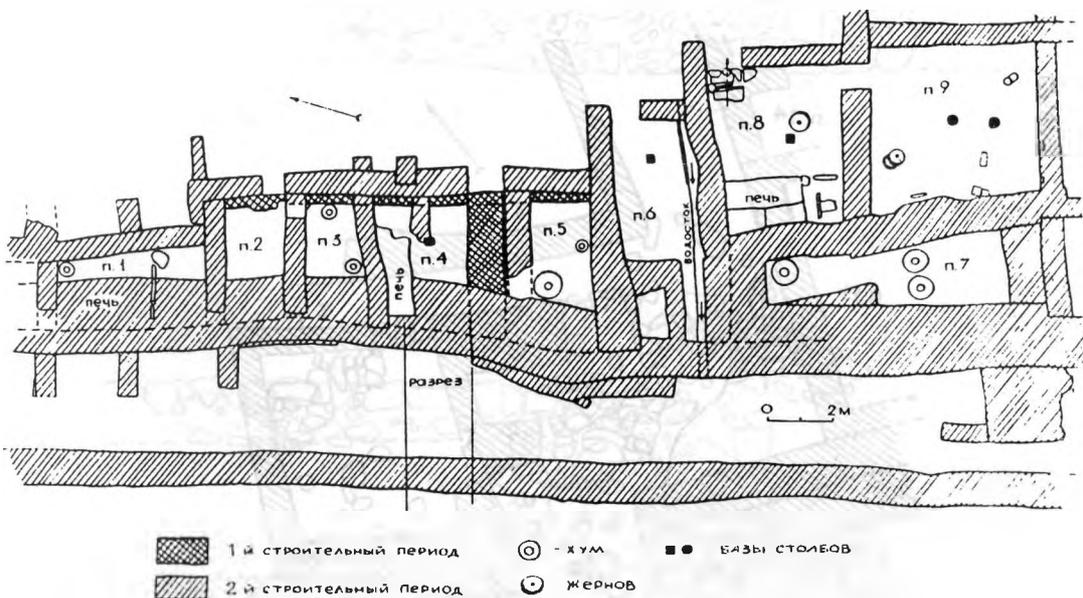


Рис. 10

План архитектурных сооружений у западной оборонительной стены цитадели городища Урзеки (пом. 1–9 раск. 13) (по В.Г.Котовичу и др.)



Рис. 11

Башня южной оборонительной стены цитадели городища Урзеки

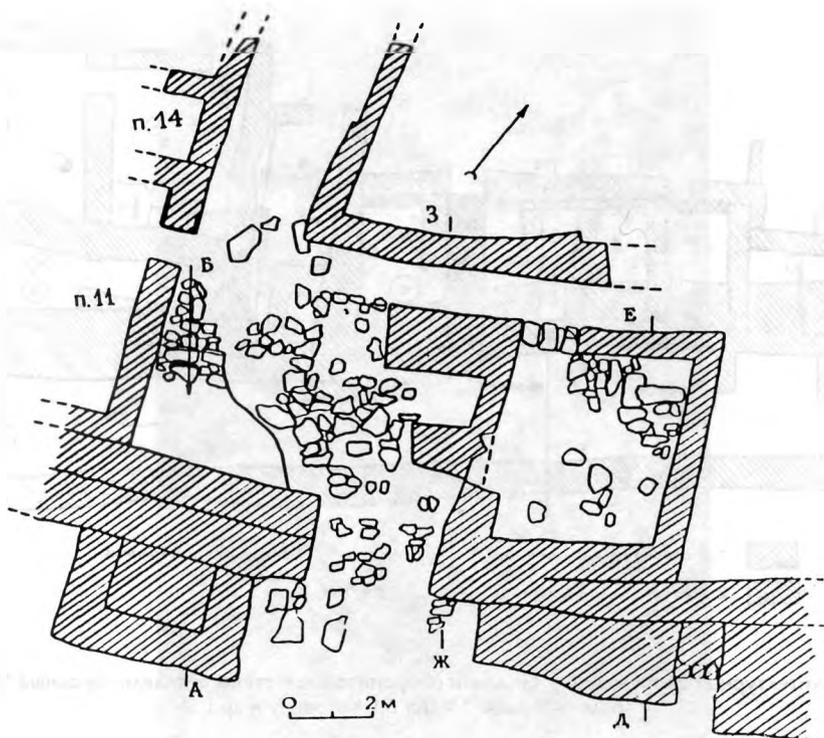


Рис. 12  
План ворот цитадели городища Урзеки (по В.Г.Котовичу и др.)

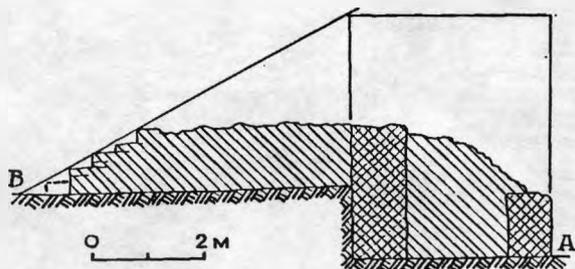


Рис. 13  
Определение высоты южной оборонительной стены  
цитадели городища Урзеки  
по архитектурным остаткам (раск. 6, разрез Б-А)

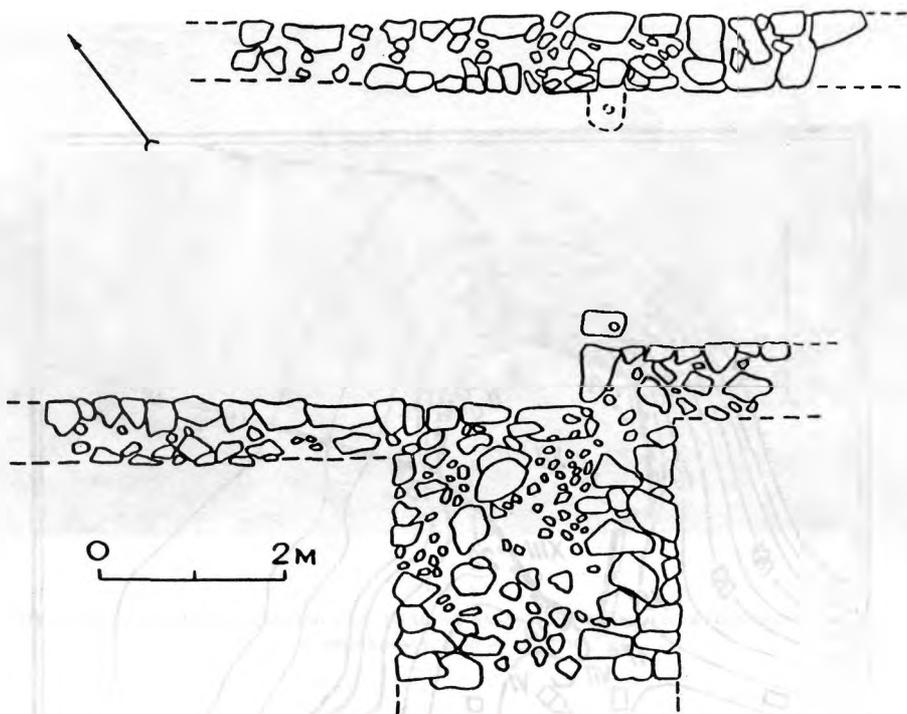


Рис. 14

План западных ворот городища Урзеки (по В.Г.Котовичу и др.)

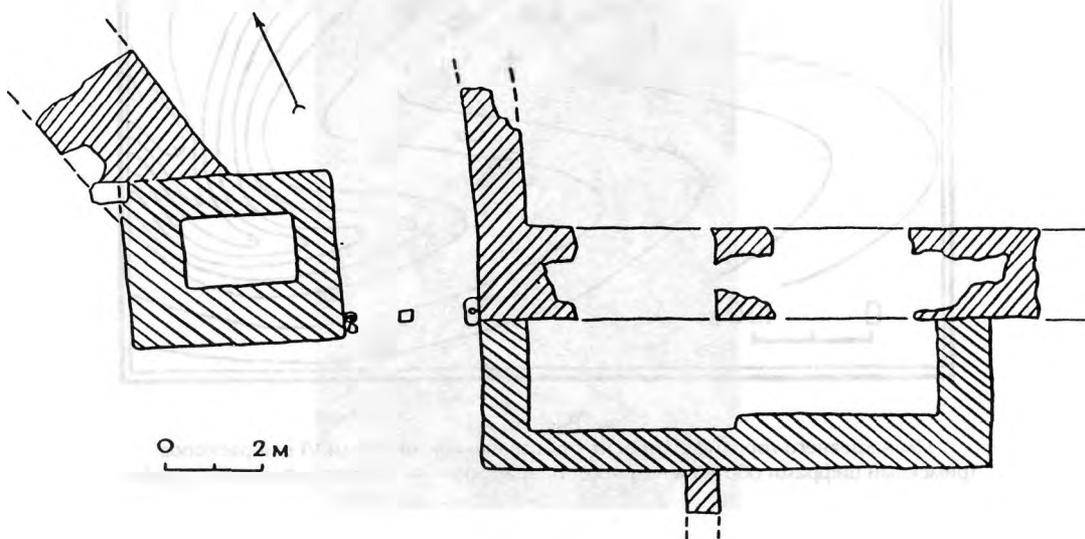


Рис. 15

План юго-западных ворот городища Урзеки (по В.Г.Котовичу и др.)

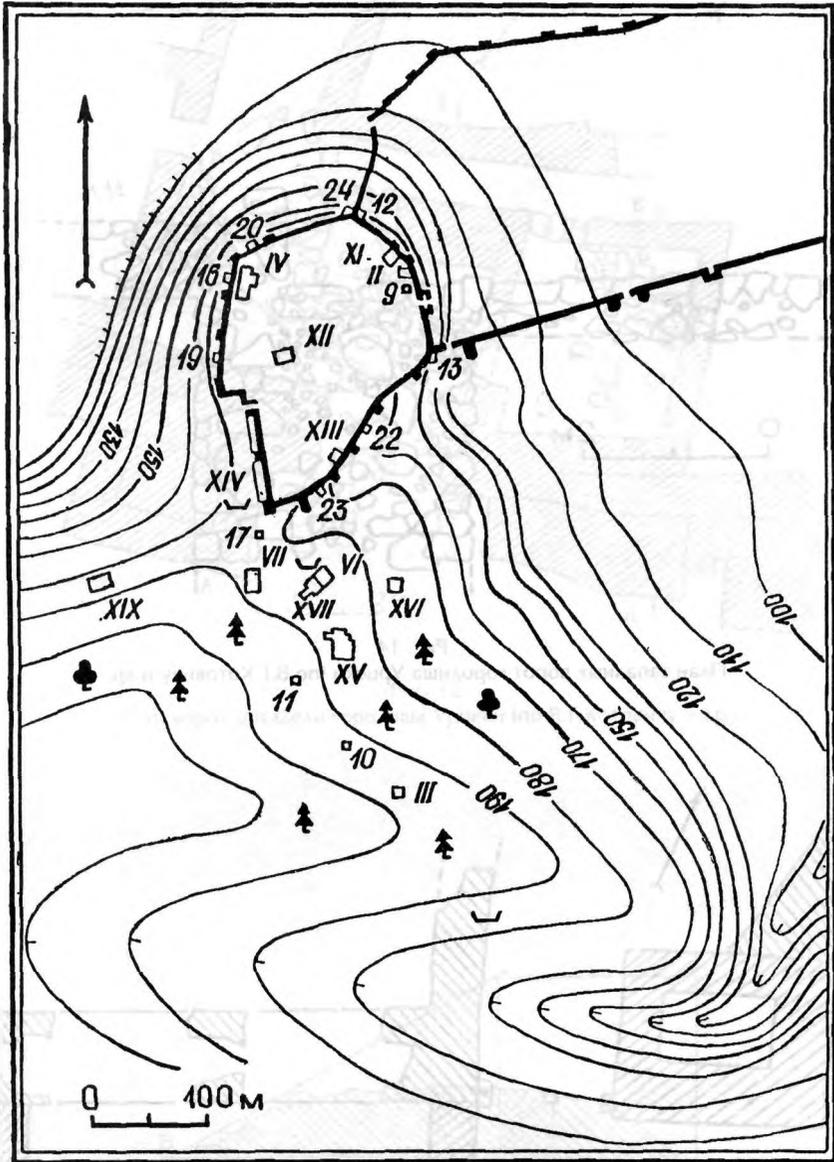


Рис. 16

План древнего городища Дербент с обозначением цитадели VI в. и раскопов (римскими цифрами обозначены раскопы, арабскими — стратиграфические шурфы)

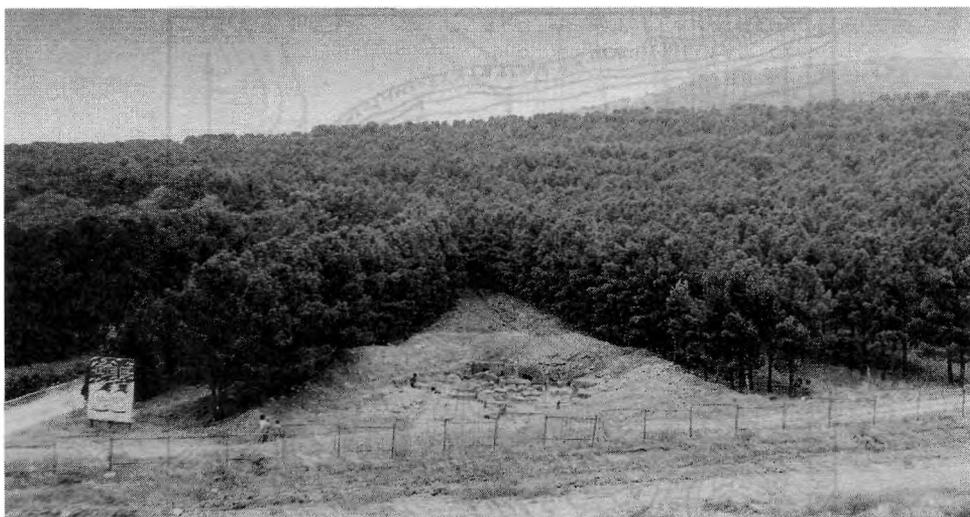


Рис. 17

Вид с севера со стены цитадели VI в. на центральную и южную часть городища Дербента  
(на переднем плане — раскоп XV)



Рис. 18

Остатки оборонительной стены городища Дербента  
албано-сарматского времени  
под стенами цитадели VI в. (раск. 13)

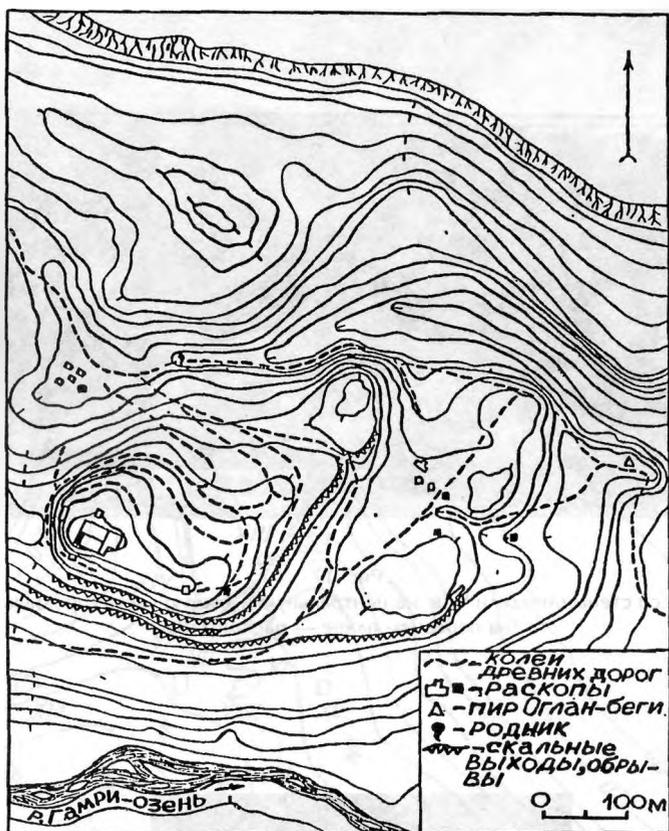


Рис. 19  
План городища Таргу

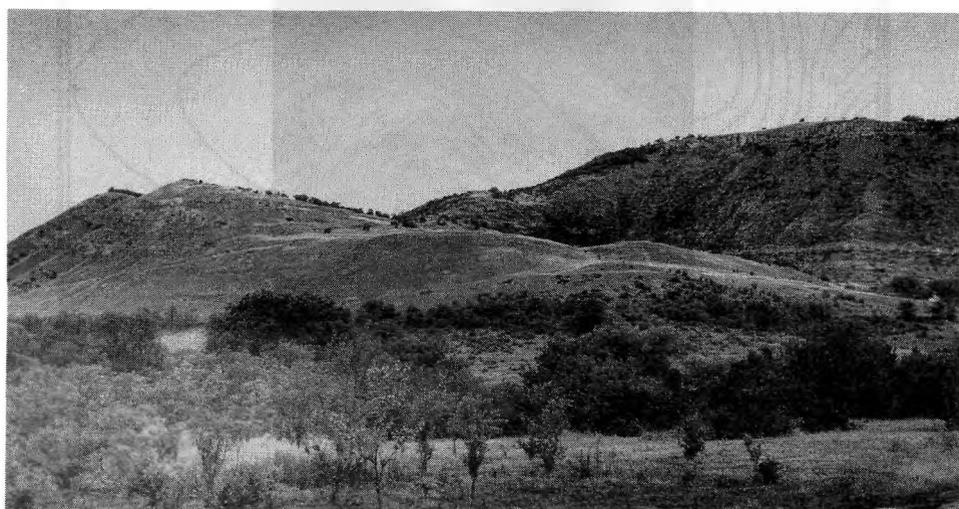


Рис. 20  
Вид с юго-востока на городище Таргу

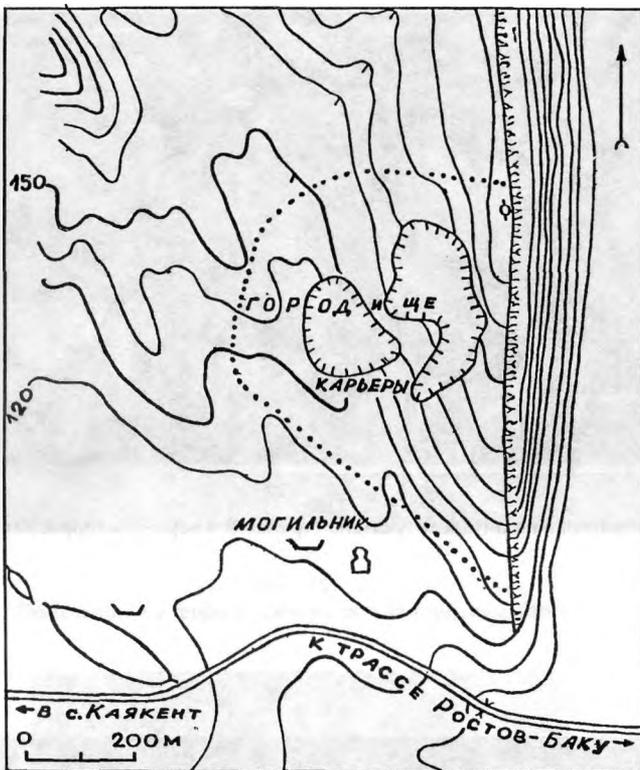


Рис. 21  
План городища Эскиюрт

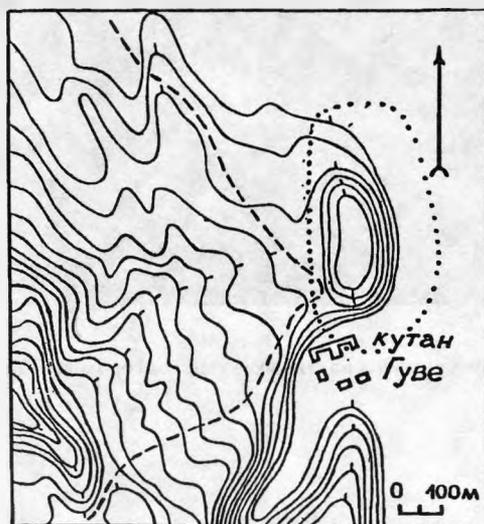


Рис. 22  
План городища Чакавуркент

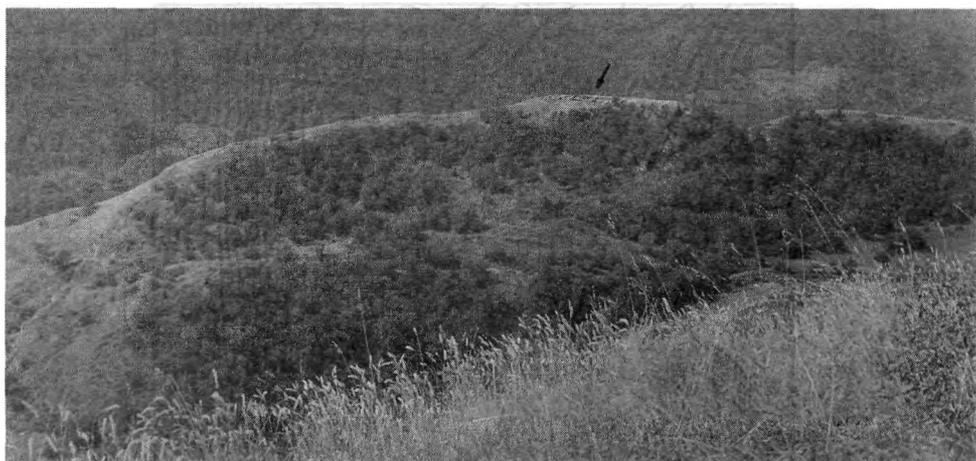


Рис. 23

Вид с северо-востока на цитадель (указана стрелкой) и верхнюю террасу городища Таргу



Рис. 24

Вид с севера на среднюю террасу городища Таргу



Рис. 25  
Помещение на террасе южного склона городища Таргу

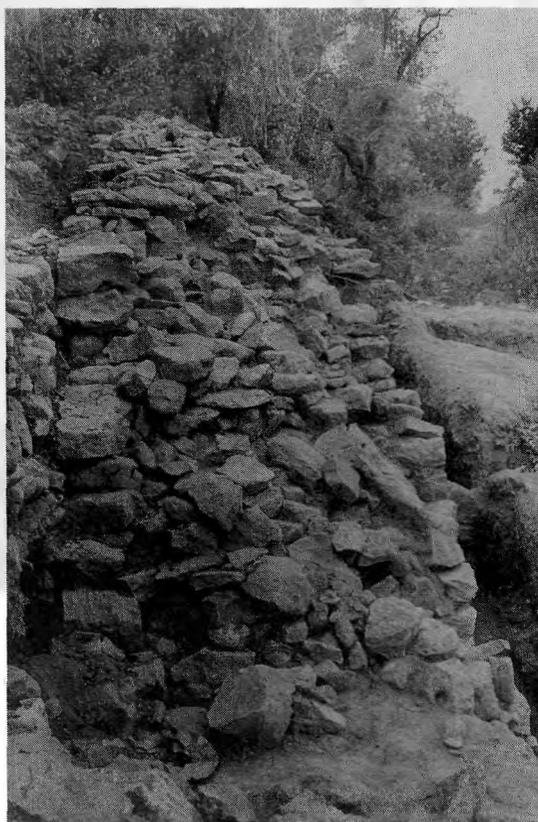


Рис. 26  
Оборонительная стена городища Таргу



Рис. 27  
Оборонительная стена городища Таргу  
(на переднем плане в основании, под стеной — остатки сосуда)

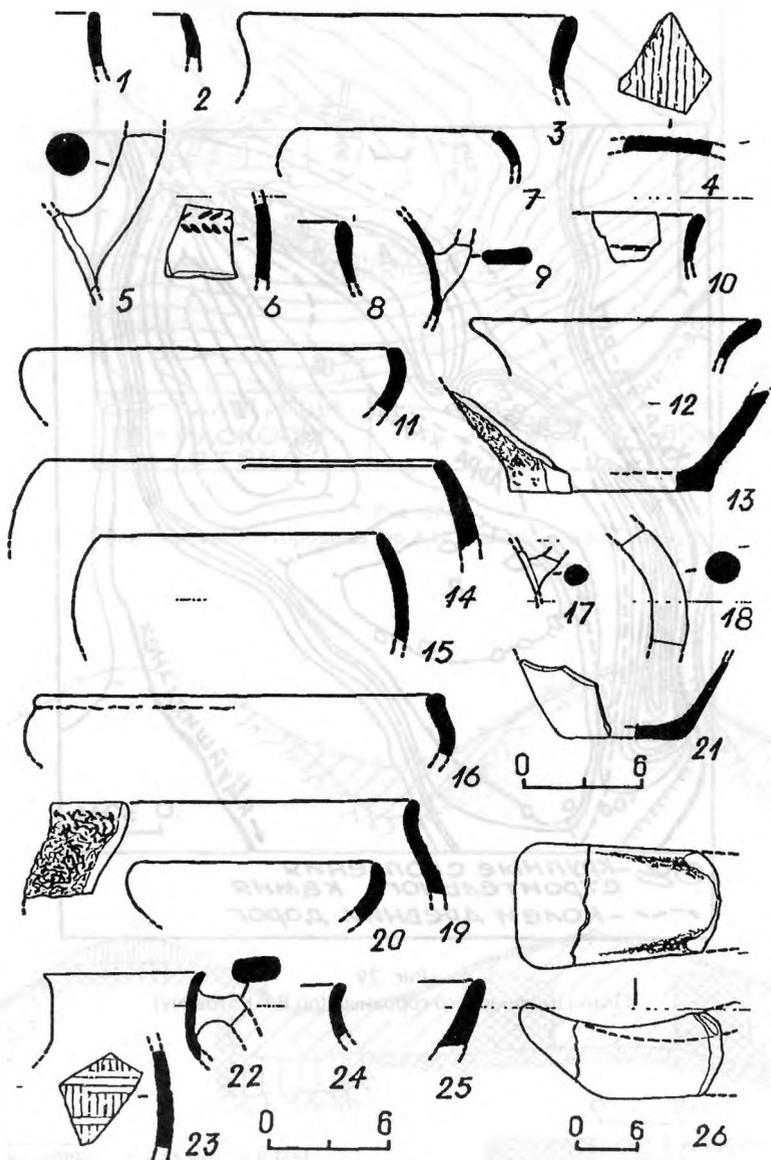


Рис. 28  
Керамика из стратиграфического раскопа 2 городища Таргу



Рис. 29  
 План Шыйшинского городища (по В.Г.Котовичу)

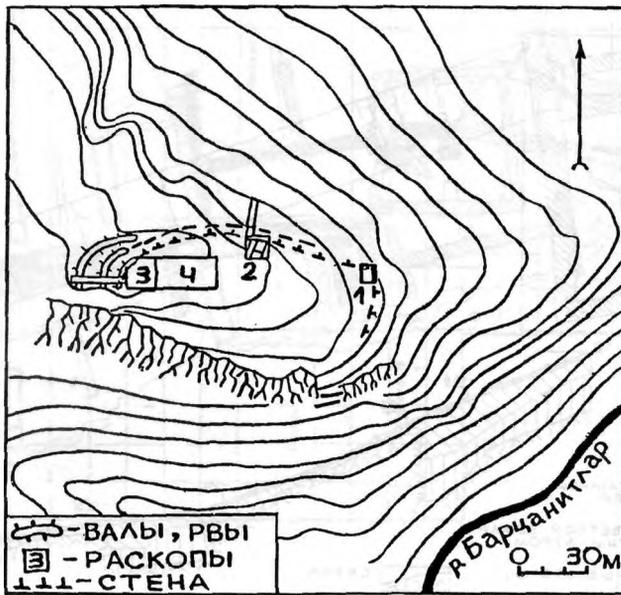


Рис. 30  
План Охлинского городища (по А.И.Абакарову и М.Г.Гаджиеву)

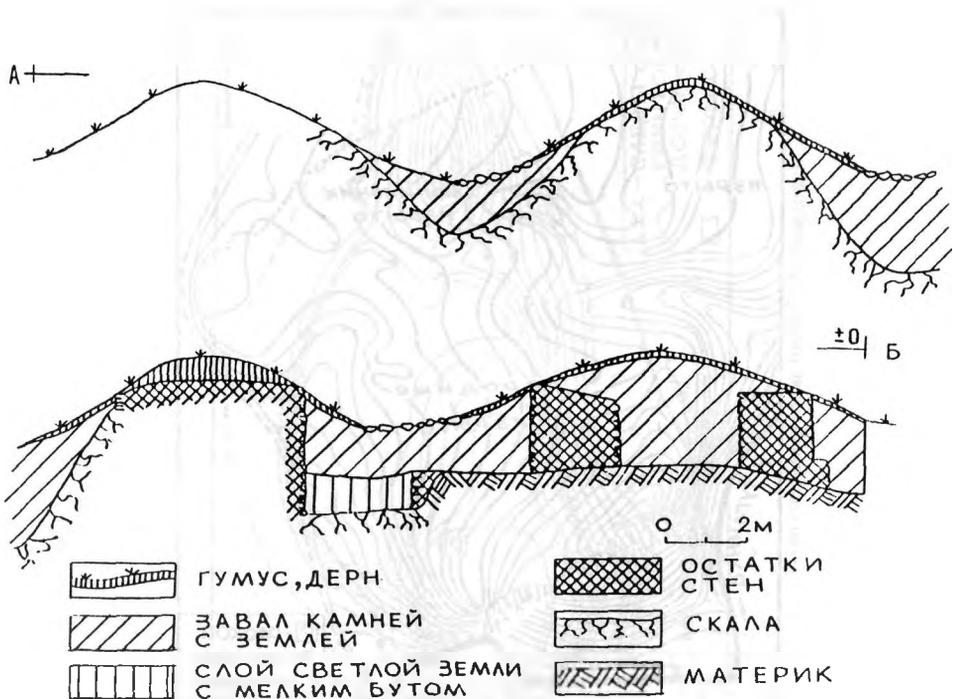


Рис. 31  
Охлинское городище. Траншея № 2. Профиль валов, рвов и разрез оборонительной стены (по А.И.Абакарову и М.Г.Гаджиеву)

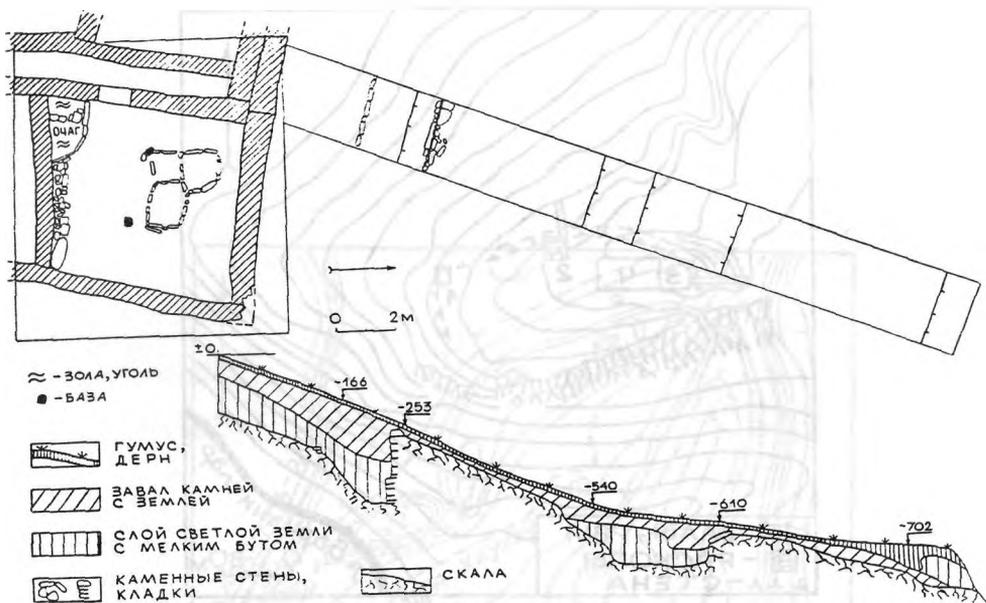


Рис. 32  
 Охлинское городище. План раскопа 2, план и профиль траншеи № 1  
 (по А.И.Абакарову и М.Г.Гаджиеву)

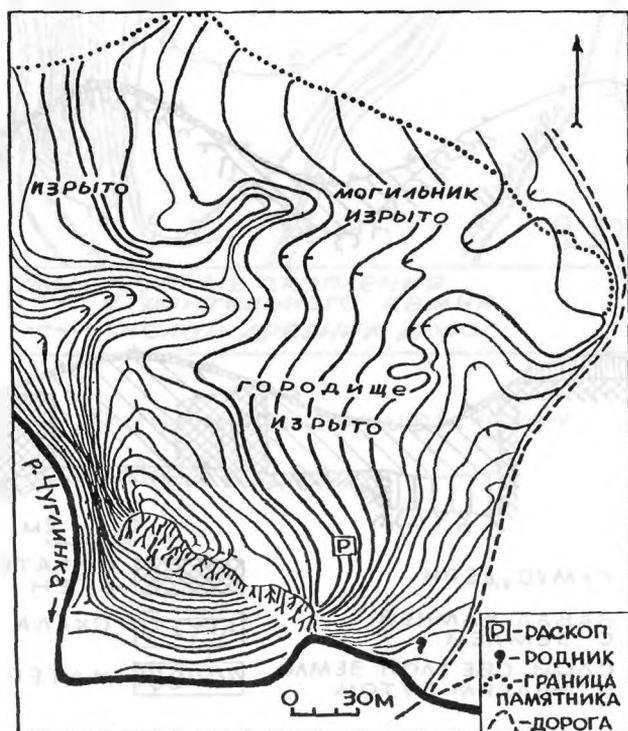


Рис. 33  
 План Нижнечуглинского городища  
 (по А.И.Абакарову и М.Г.Гаджиеву)

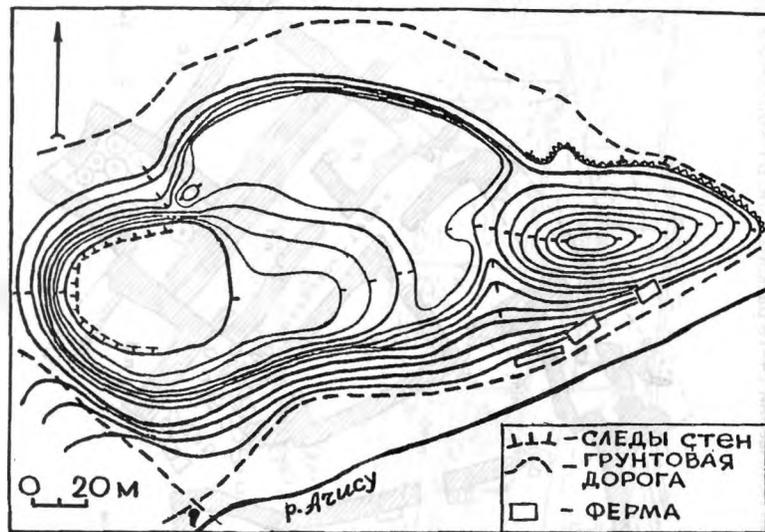


Рис. 34  
 План городища Маяк (по Р.Г.Магомедову)

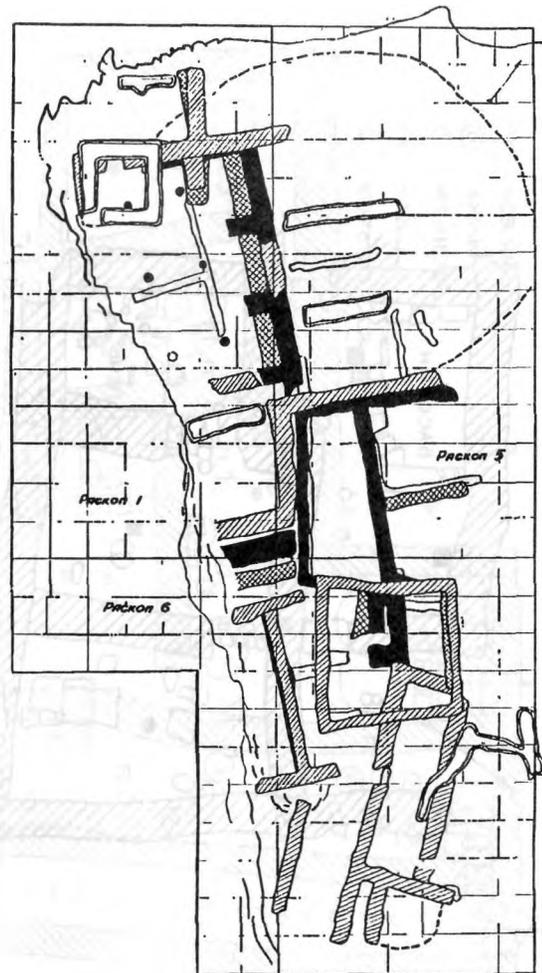
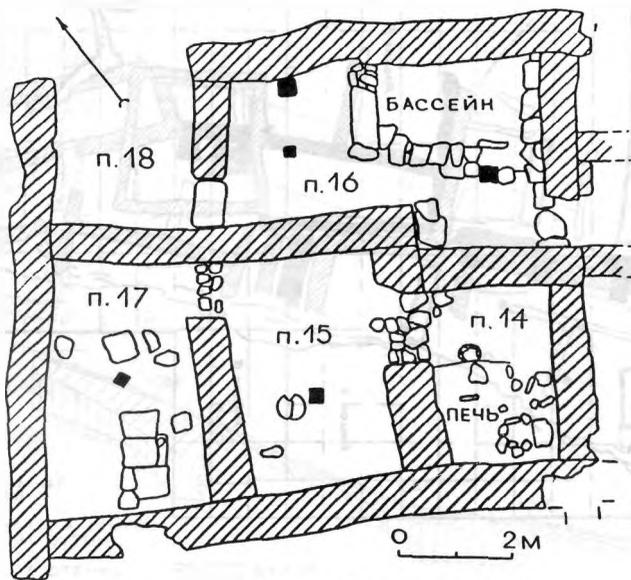


Рис. 35  
 План архитектурных остатков цитадели городища Таргу  
 (по В.Г.Котовичу и др.)



■ - БАЗЫ СТОЛБОВ

Рис. 36  
 Цитадель городища Урбеки.  
 План помещений 14-18 раскопа 5 (по В.Г.Котовичу и др.)

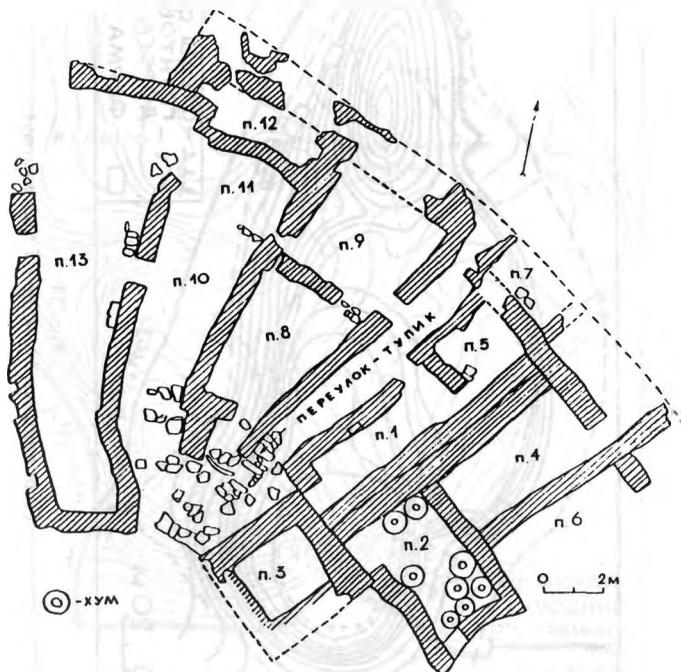


Рис. 37  
 Цитадель городища Урбеки.  
 План помещений 1-13 раскопа 1 (по В.Г.Котовичу и др.)

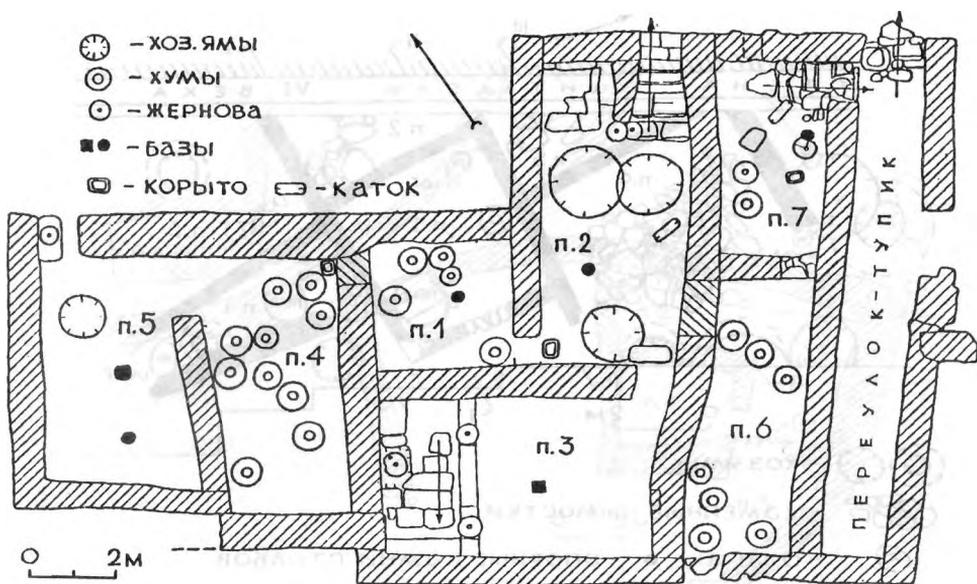


Рис. 38  
 Цитадель городища Урбеки.  
 План помещений 1-7 раскопа 4 (по В.Г.Котовичу и др.)

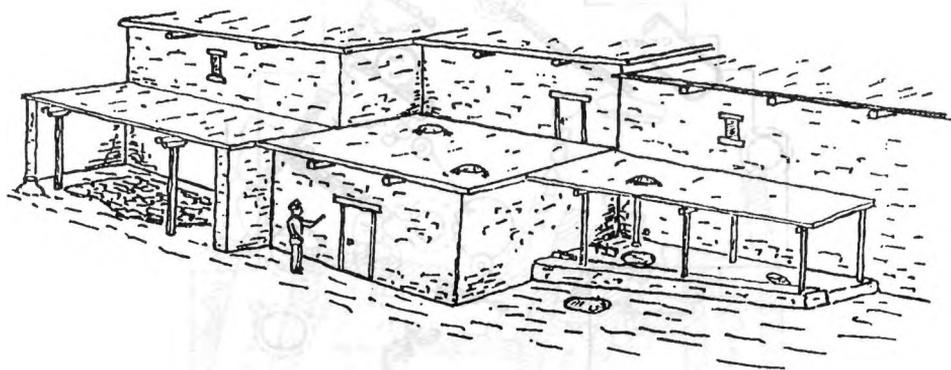


Рис. 39  
 Реконструкция остатков домостроений первых веков н.э. Дербента  
 (раск. XIV)

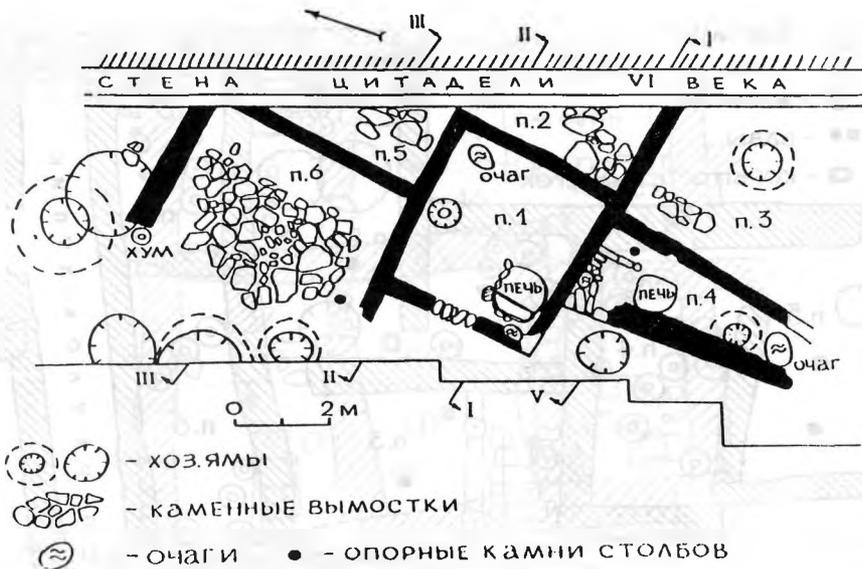


Рис. 40  
 Дербент. План архитектурных остатков раскопа XIV

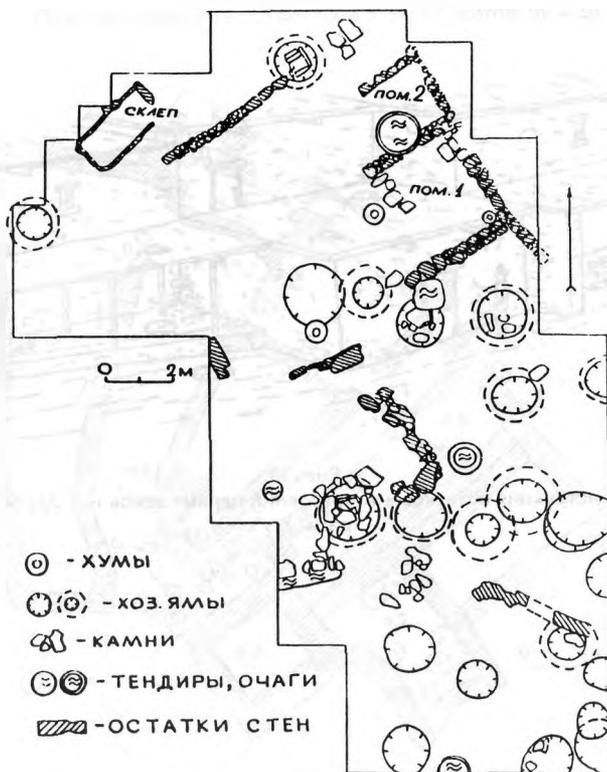


Рис. 41  
 Дербент. План раскопа XV

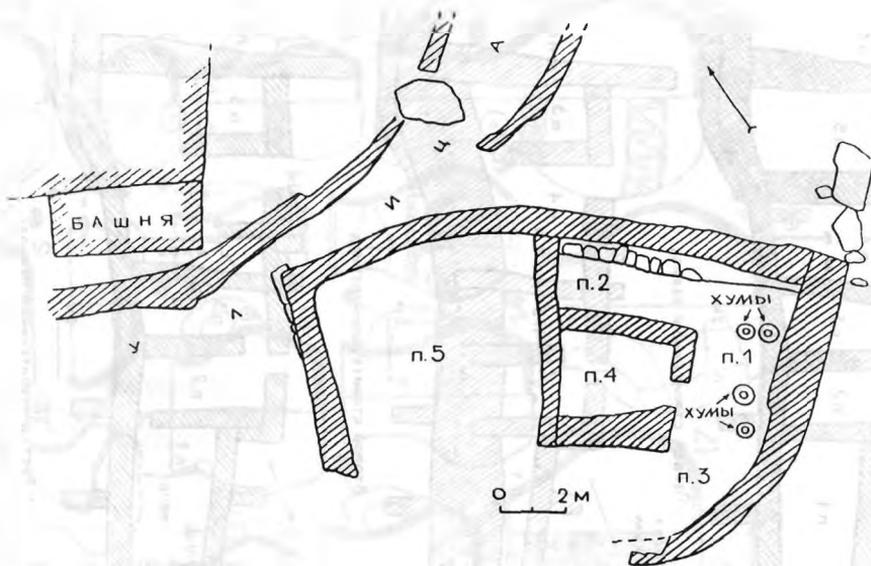


Рис. 42  
Городище Урзеки. План архитектурных остатков раскопа 3  
(по В.Г.Котовичу и др.)

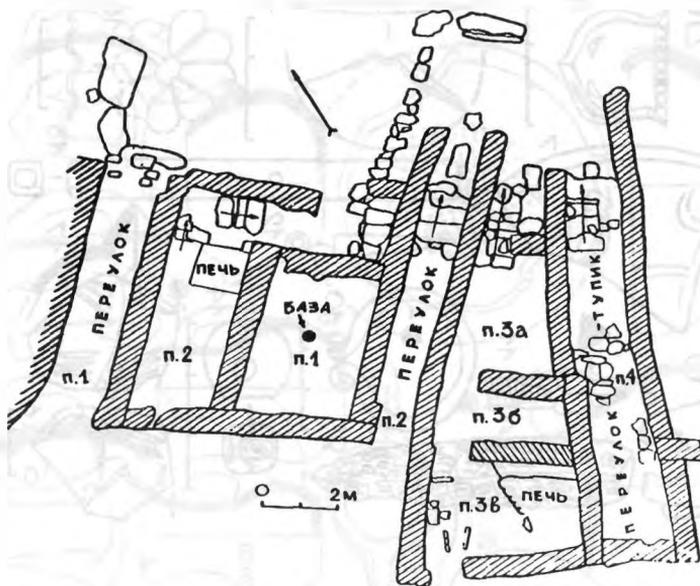


Рис. 43  
Городище Урзеки. План архитектурных остатков раскопа 3  
(по В.Г.Котовичу и др.)

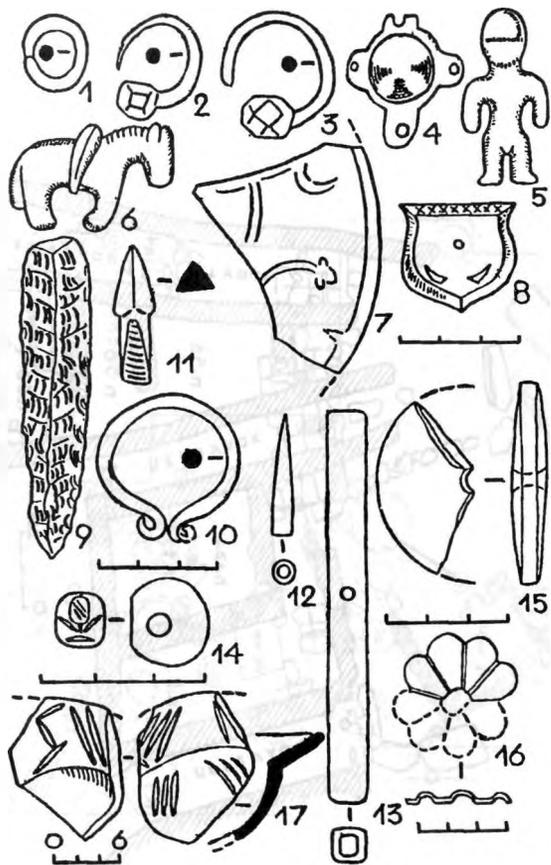


Рис. 44

Городище Урбеки. Отдельные находки  
 (1-8, 10, 16 — бронза, 9 — кремнь, 11-13 — кость,  
 14, 15 — агат, халцедон, 17 — керамика)

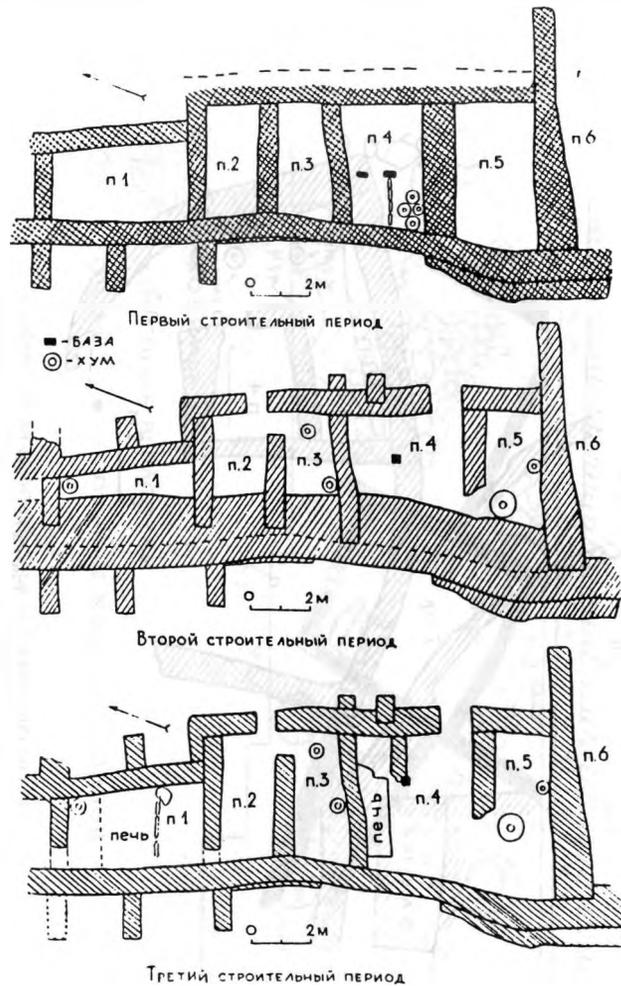


Рис. 45

Цитадель городища Урбеки. Раскоп 13. Планы архитектурных остатков трех строительных периодов

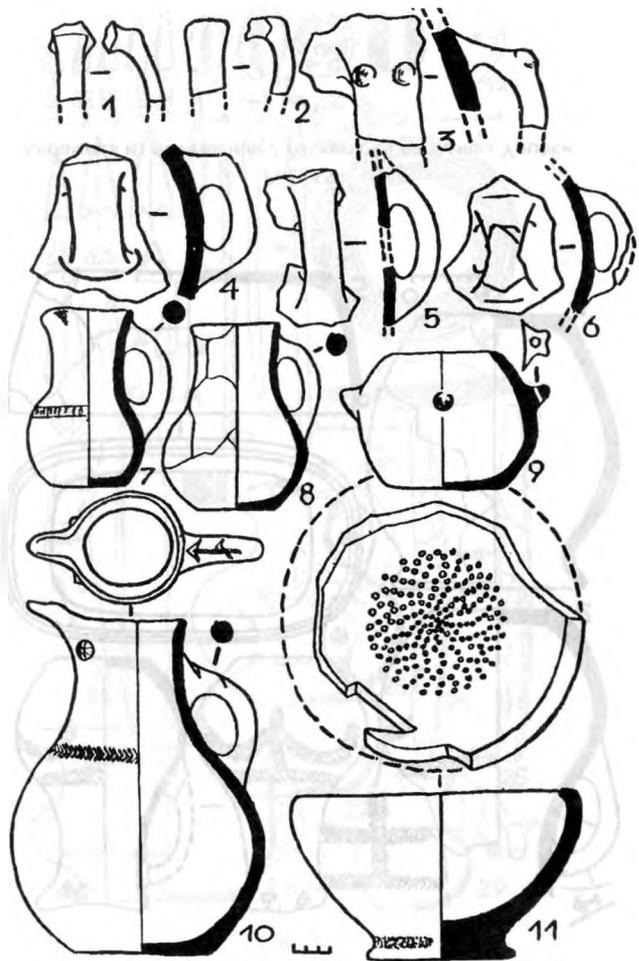


Рис. 46  
Керамика из раскопа 13 городища Урзеки

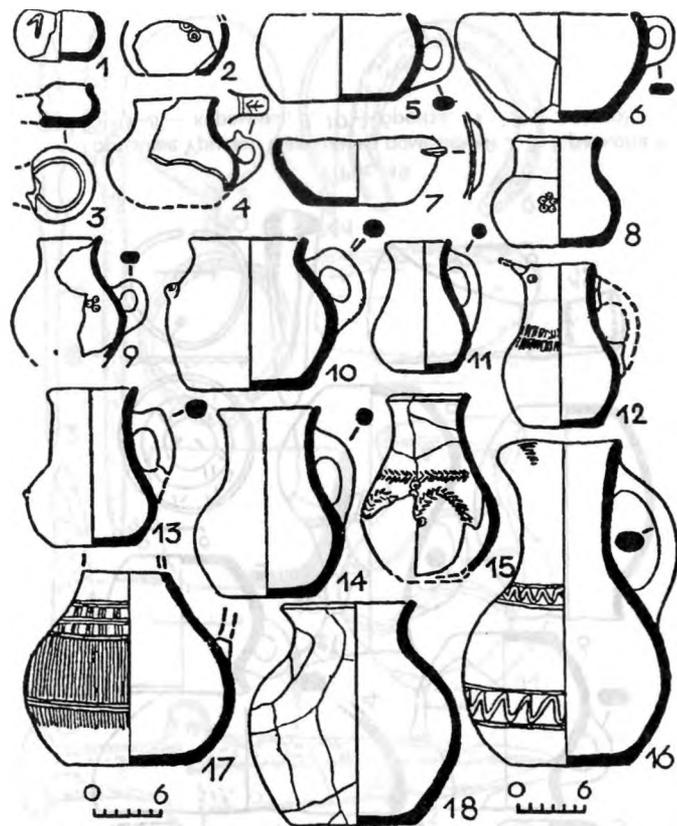


Рис. 47  
Керамика из помещения 2 раскопа 14 городища Урзеки

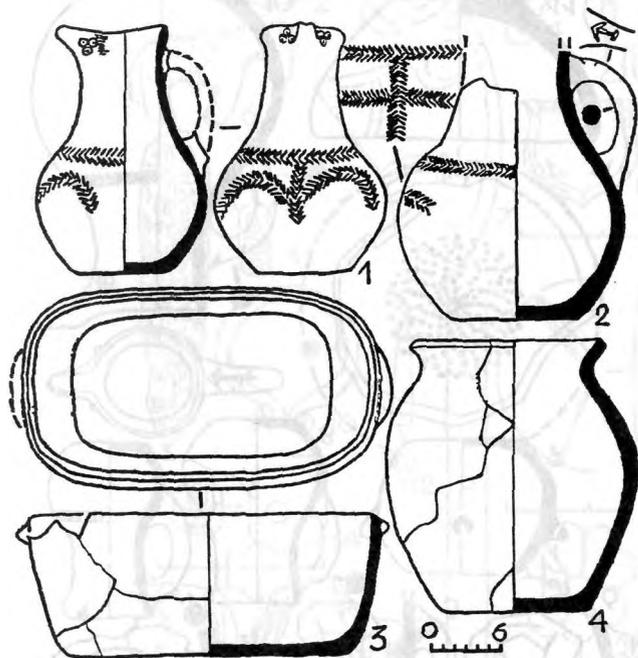


Рис. 48

Керамика из помещения 2 раскопа 14 городища Уртеки

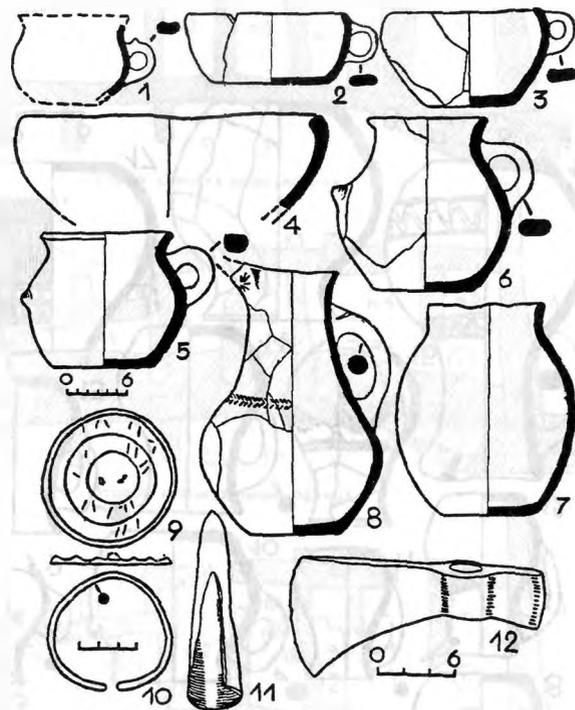


Рис. 49

Городище Уртеки. Находки из помещений 2, 3, 5 раскопа 4  
(1-8 — керамика, 9, 10 — бронза, 11, 12 — железо)

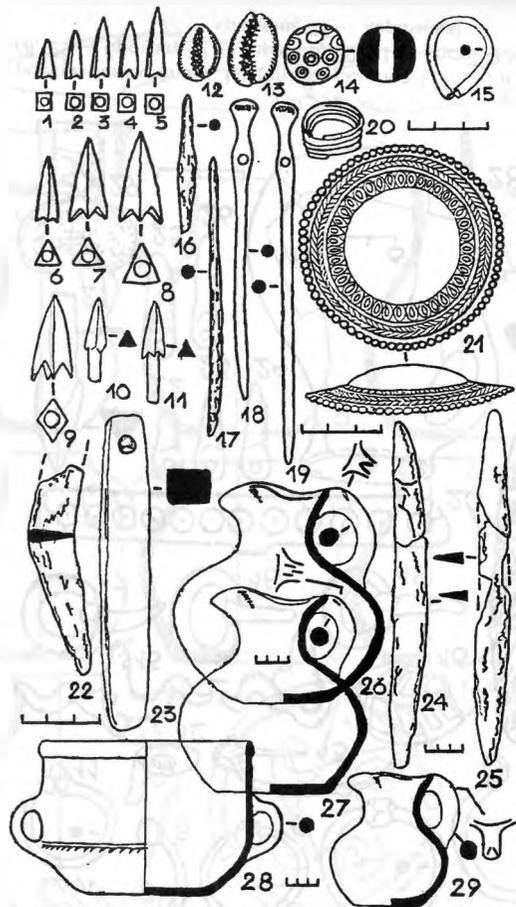


Рис. 50

Урикский некрополь. Инвентарь грунтовой могилы 1  
 (1-9 — кость, 10, 11, 16, 17, 22, 24, 25 — железо,  
 12, 13 — каури, 14 — паста, 15, 18-21 — бронза, 23 — камень,  
 26-29 — керамика)

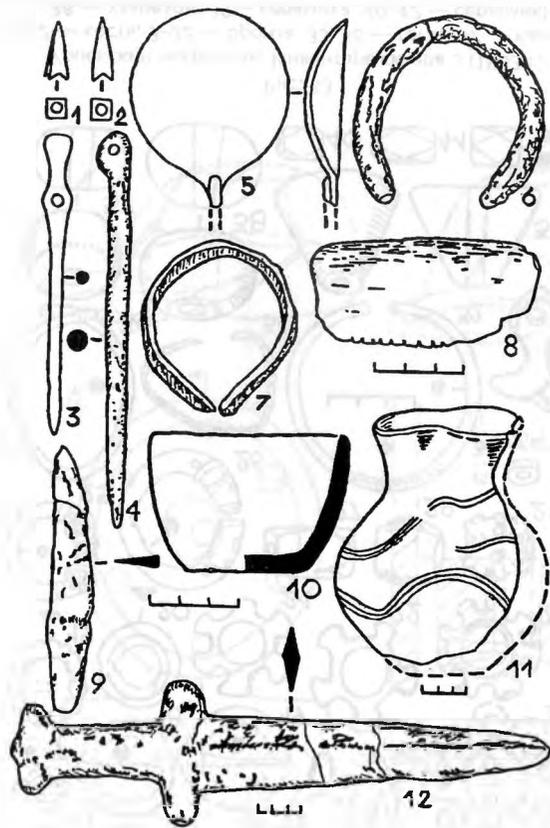


Рис. 51

Урикский некрополь. Инвентарь грунтовой могилы 2  
 (1, 2, 8 — кость, 3 — бронза, 4, 6, 7, 9, 12 — железо,  
 5 — бронза, железо, 10, 11 — керамика)

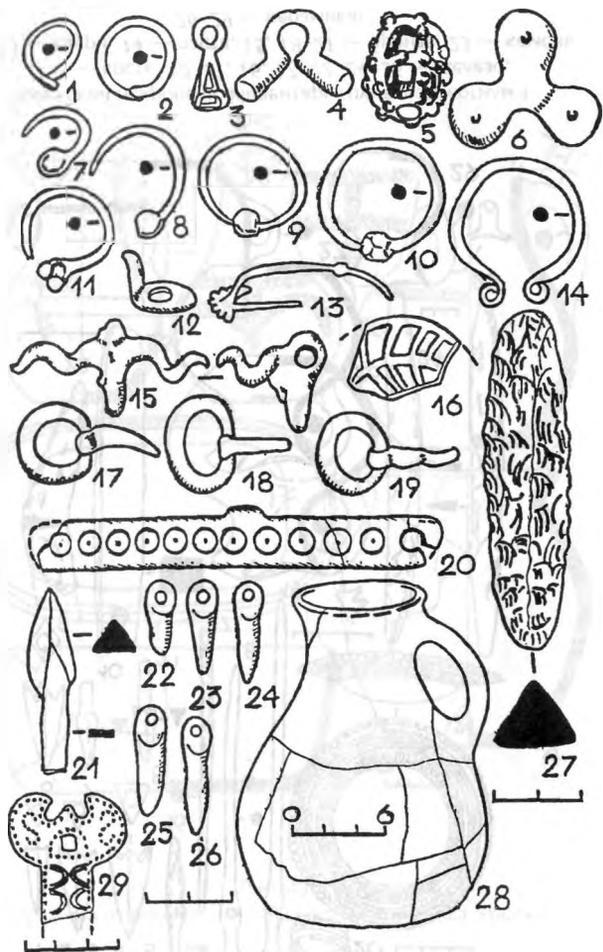


Рис. 52

Урцекский некрополь. Инвентарь склепов 1 (1-28) и 3 (1960 г.)  
 (1-18, 29 — бронза, 19 — серебро, 20, 21 — кость, 22-26 — гагат,  
 27 — кремьень, 28 — керамика)

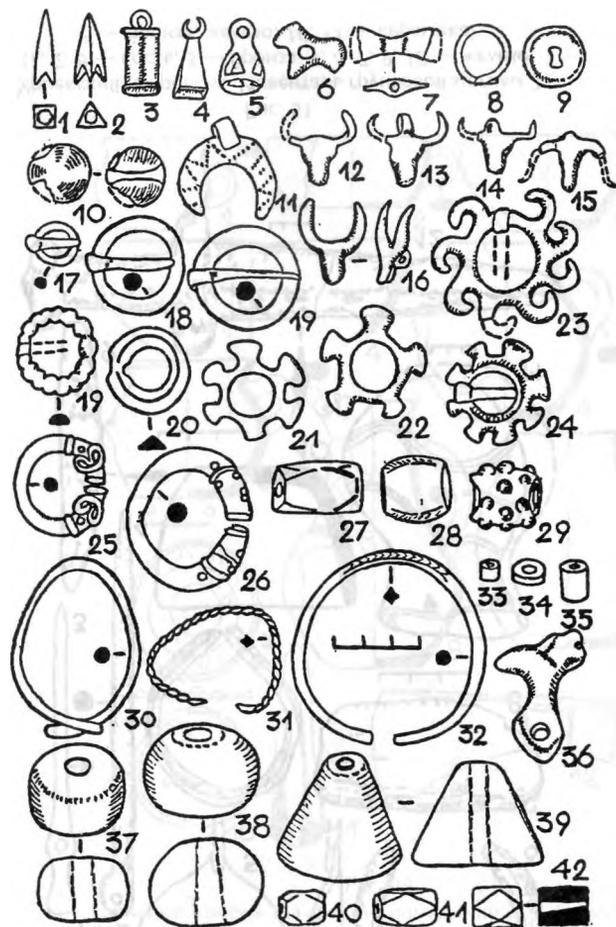


Рис. 53

Урцекский некрополь. Инвентарь склепа 3 (1963 г.)  
 (1, 2 — кость, 3-32 — бронза, 33-36 — гагат, 37 — камень,  
 38 — халцедон, 39 — керамика, 40-42 — сердолик)

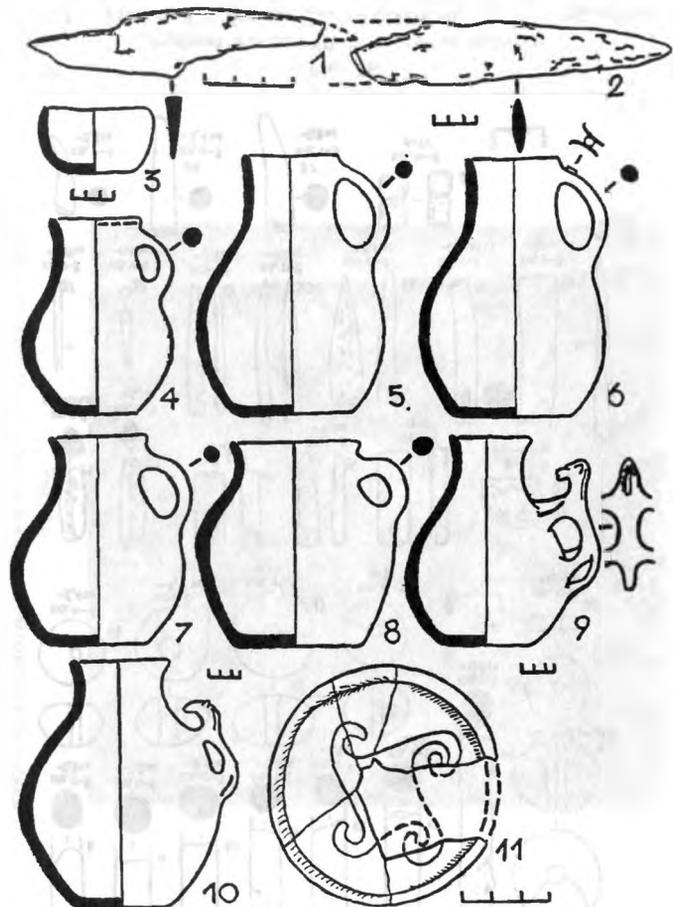


Рис. 54

Урзский некрополь. Инвентарь склепа 3 (1963 г.)  
(1, 2 — железо, 3-10 — керамика, 11 — бронза)

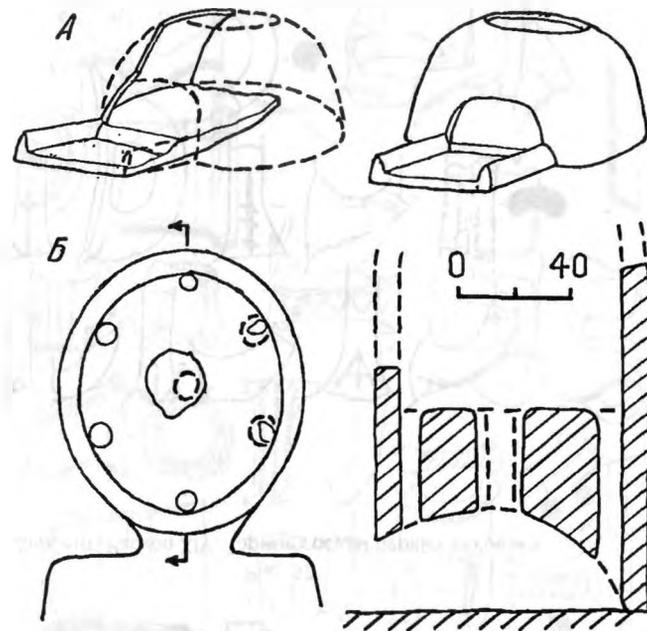


Рис. 55

Глинобитные печи Дербента (А — остатки и реконструкция)  
и Андрейаульского городища (Б — план и разрез  
гончарной печи № 7)

ДАЭ-87. Р-ХIV

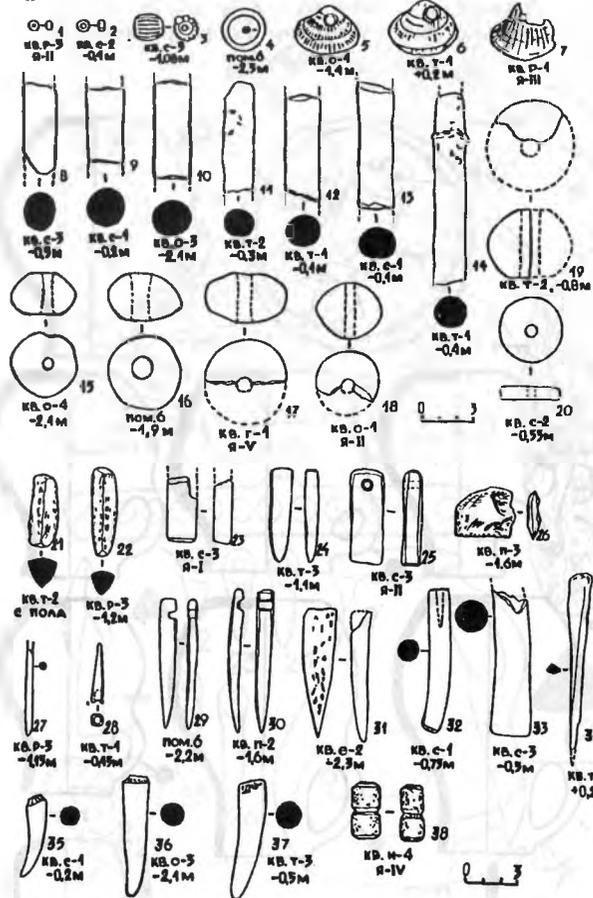


Рис. 56

Дербент. Раскоп XIV Отдельные находки

(1-3 — стекло, 4 — бронза, 5-7 — раковины, 8-20 — керамика, 21, 22, 26 — кремнь, 25 — камень, 23, 24, 27-38 — кость)

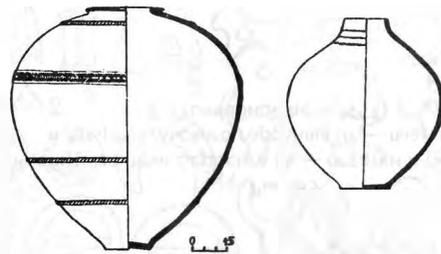


Рис. 57

Дербент. Раскоп XIV Тарные сосуды первых веков н.э.

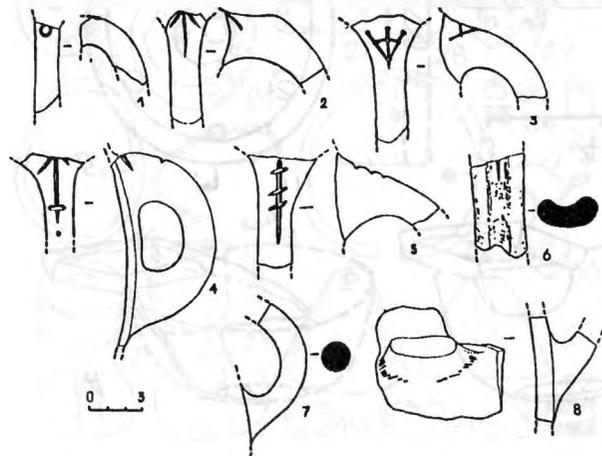


Рис. 58

Фрагменты ручек столовой керамики городища Таргу

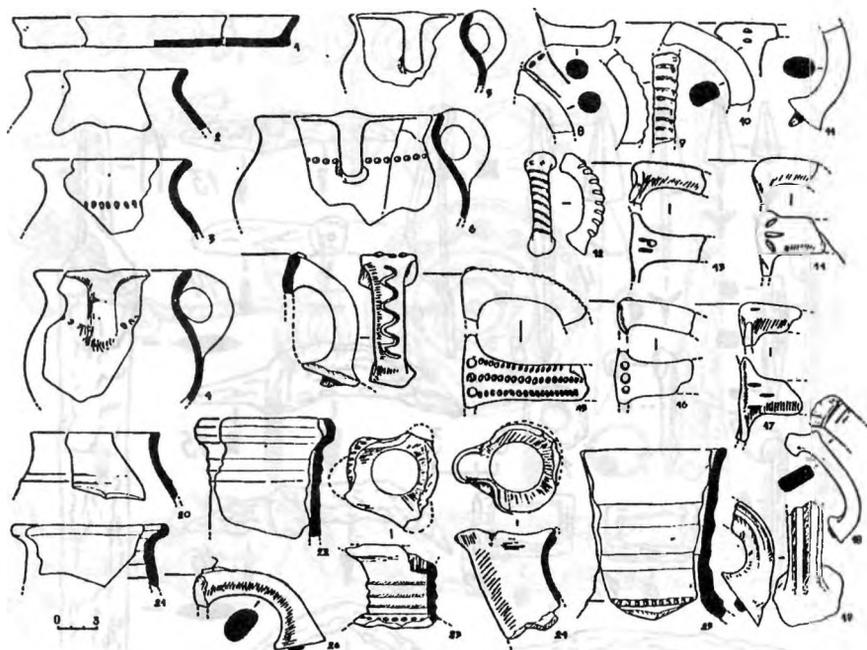


Рис. 59  
Образцы керамики поселения Ганзир

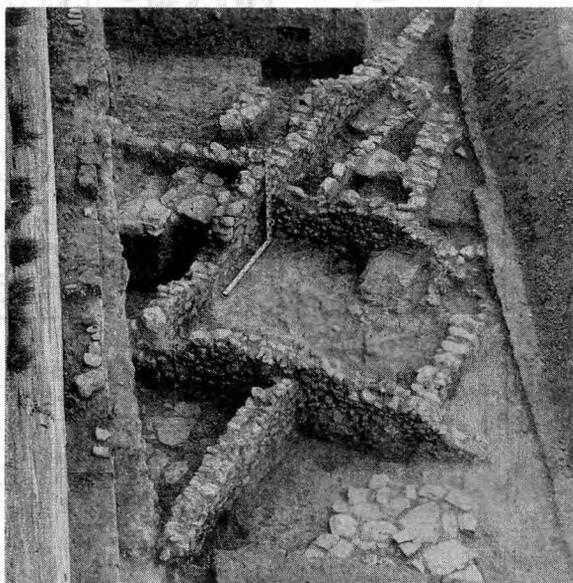


Рис. 60  
Дербент. Раскоп XIV Остатки жилищно-бытового комплекса рубежа — первых веков н.э. (слева — стена цитадели VI в.)

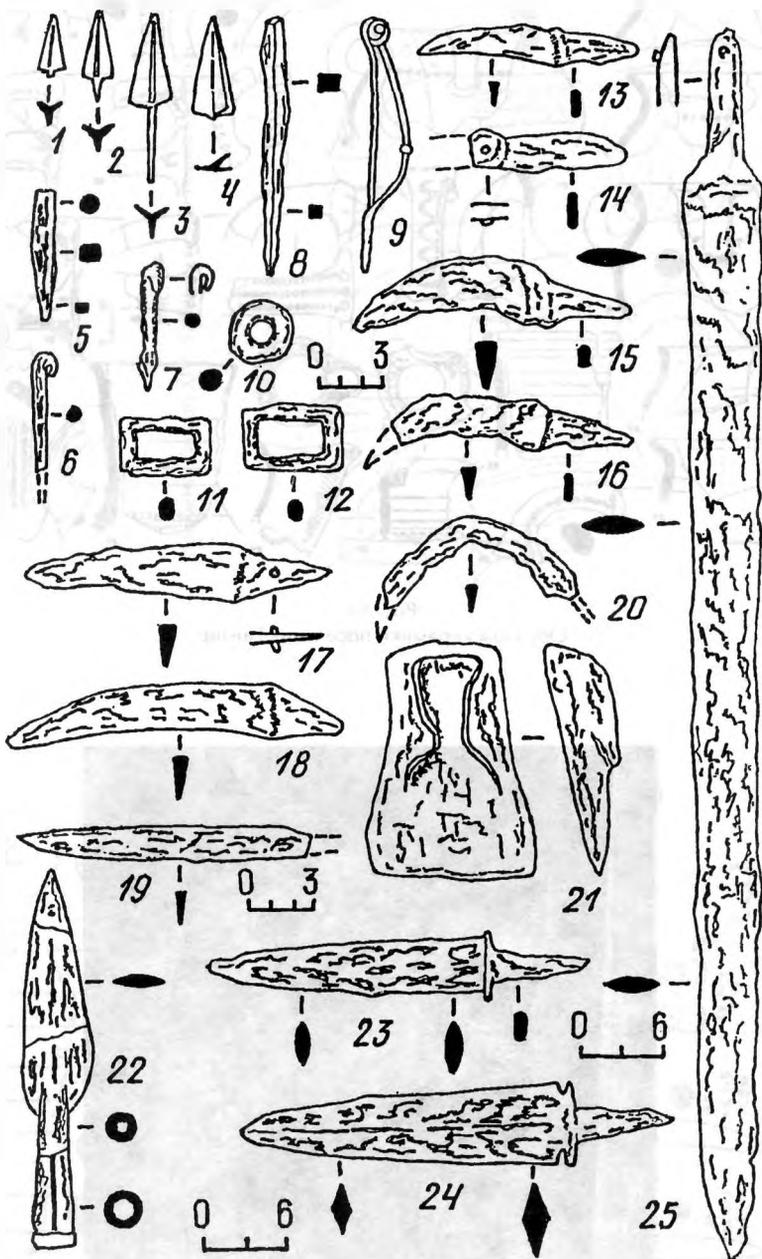


Рис. 61  
Железные предметы I-IV вв. из раскопок Дербента

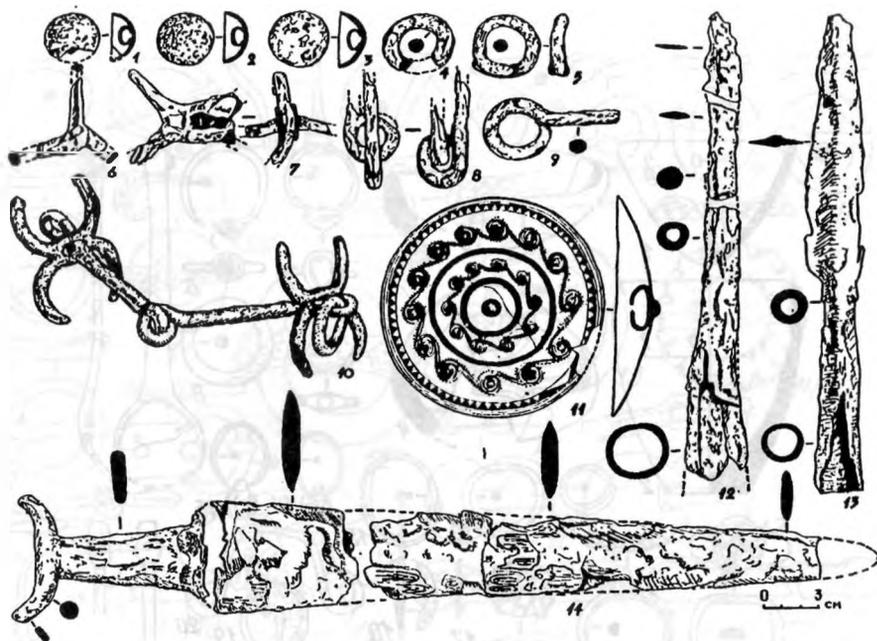


Рис. 62  
Оружие и конская упряжь из разрушенного погребения IV-II вв. до н.э.  
могильника Черкез-кутан

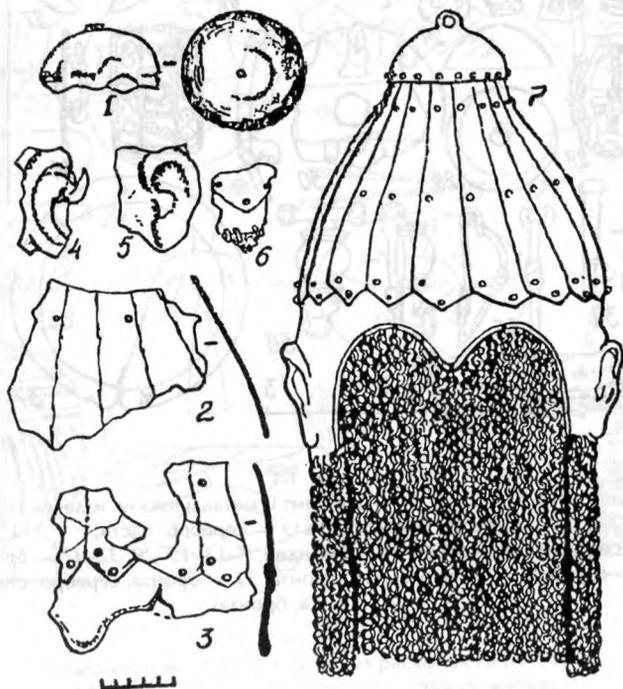


Рис. 63  
Шлем из погребения Калкнинского могильника III-V вв.  
(по Б.М.Салихову)

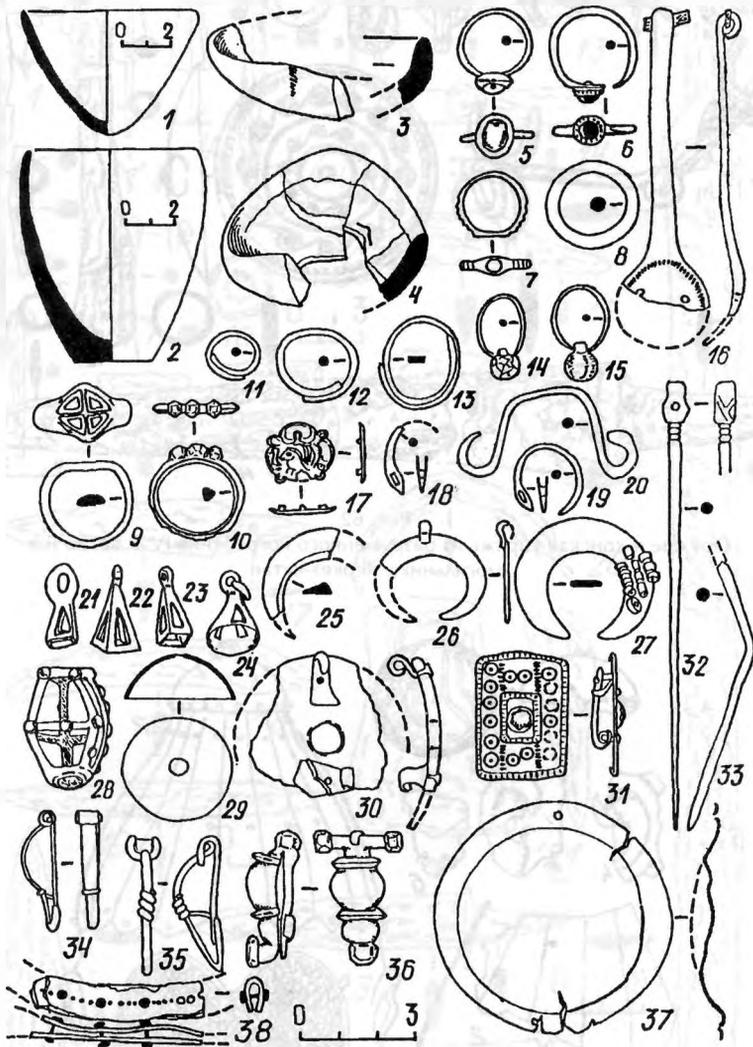


Рис. 64

Тигли (1, 2 — Урзеки, 3, 4 — Дербент) и металлические изделия I–IV вв. из раскопок Дербента (5 — серебро, паста, 6 — серебро, золото, бронза, альмандин, 7–13, 15–29, 32–37 — бронза, 14 — серебро, 30 — перламутр, бронза, 31 — бронза, серебро, стекло, 38 — кожа, бронза)

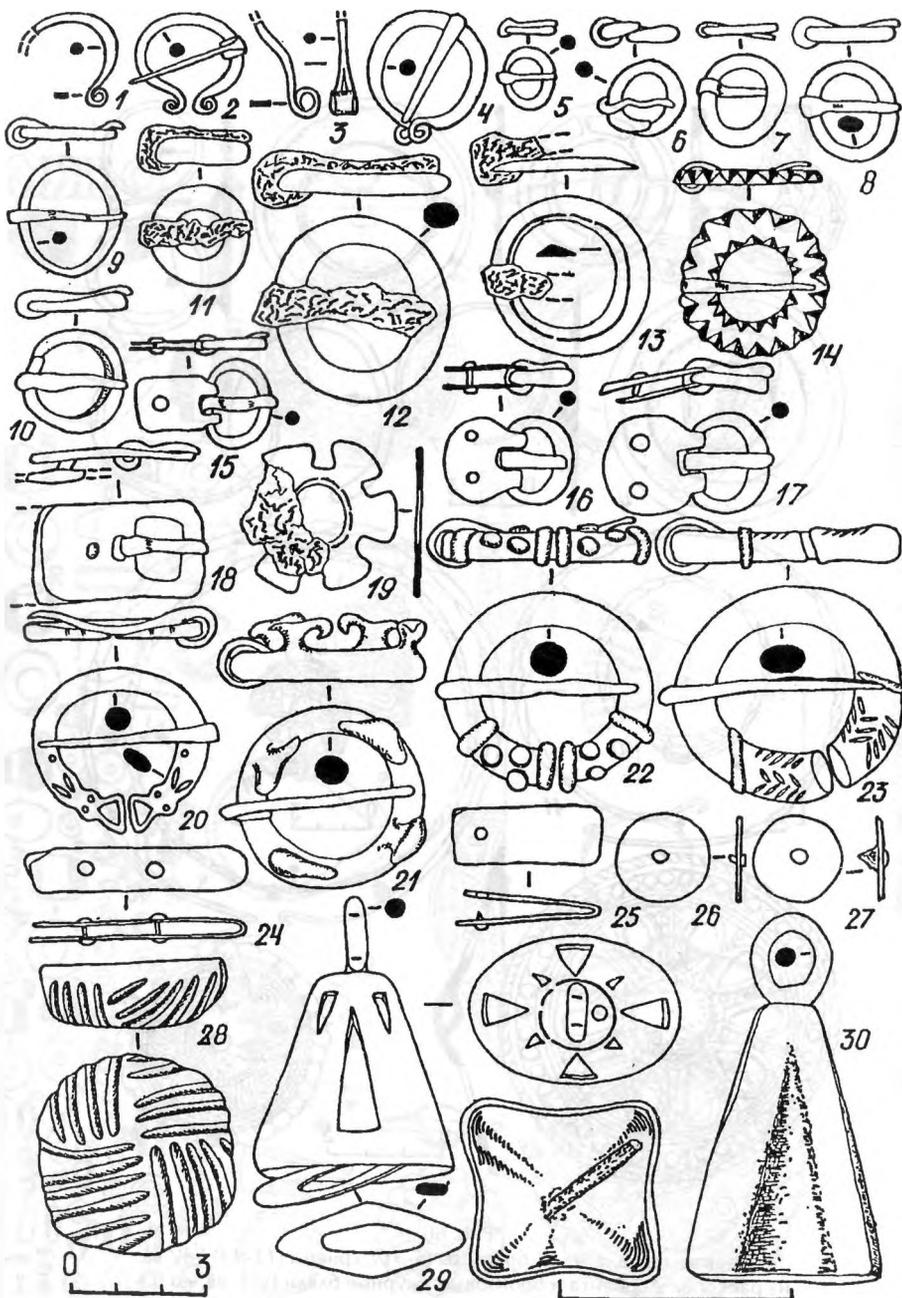


Рис. 65  
 Металлические изделия I-IV вв. из раскопок Дербента  
 (1-10, 14-18, 20-29 — бронза, 11 — стекло, железо,  
 12, 13, 19, 30 — бронза, железо)

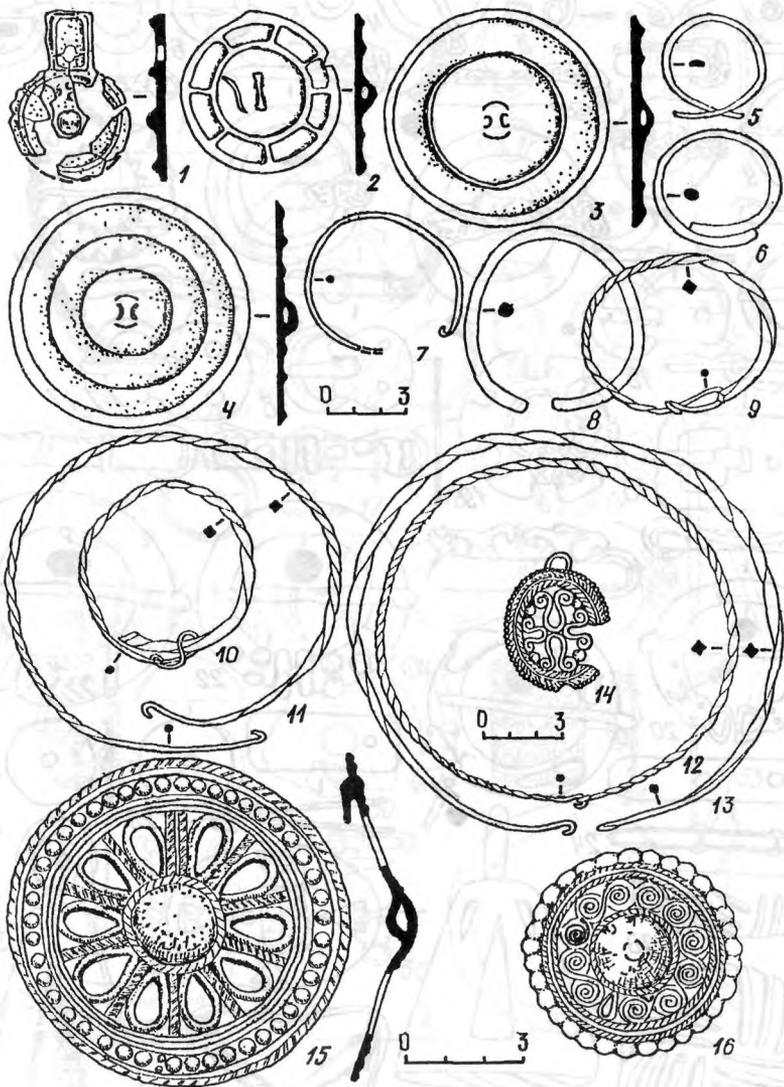


Рис. 66

Бронзовые зеркала (1–4), браслеты (5–10), гривны (11–13) I–IV вв. из раскопок Дербента и бронзовые ажурные бляхи IV–II вв. до н.э. из Урпекского (14), Черкез-кутанского (15) и Шаракунского (16) могильников

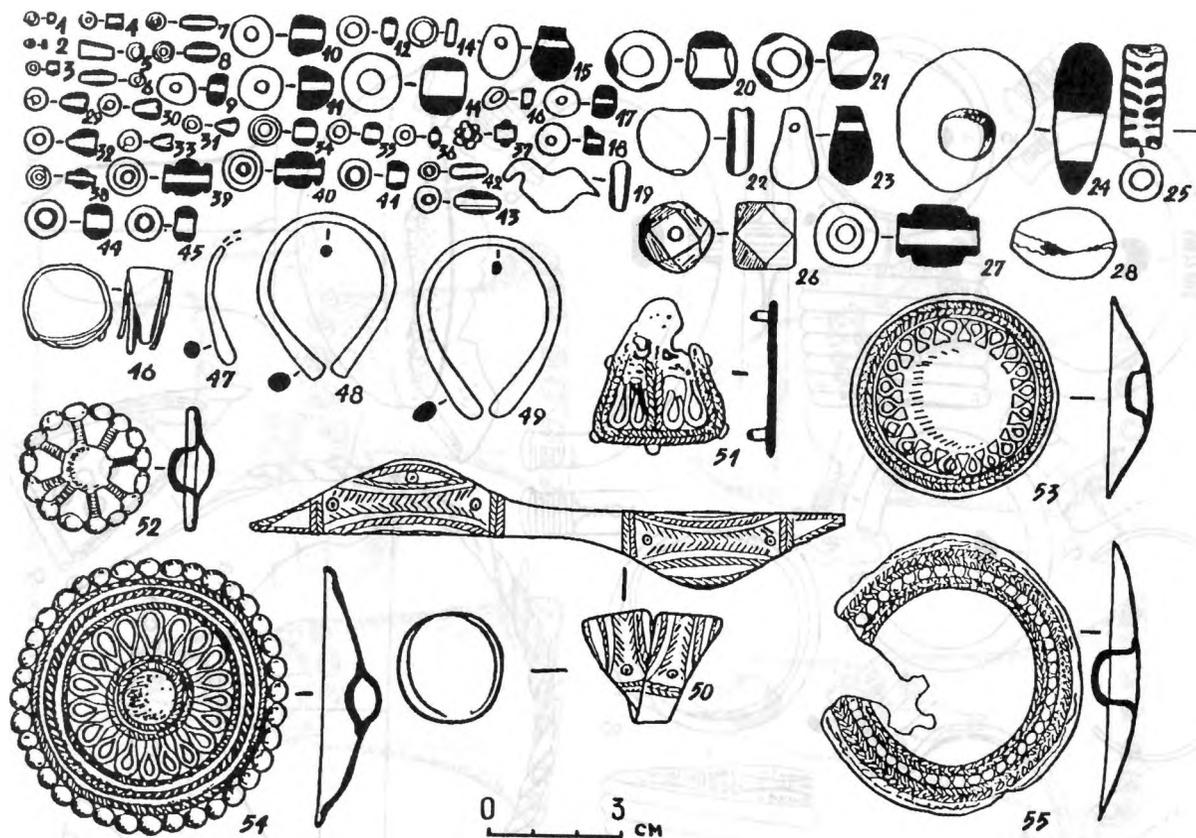


Рис. 67  
 Находки из разрушенных погребений IV-I вв. до н.э. могильника Черкез-кутан  
 (1-27, 29-45 — стекло, паста, 28 — каури, 46, 51-54 — бронза, 47-50 — серебро)

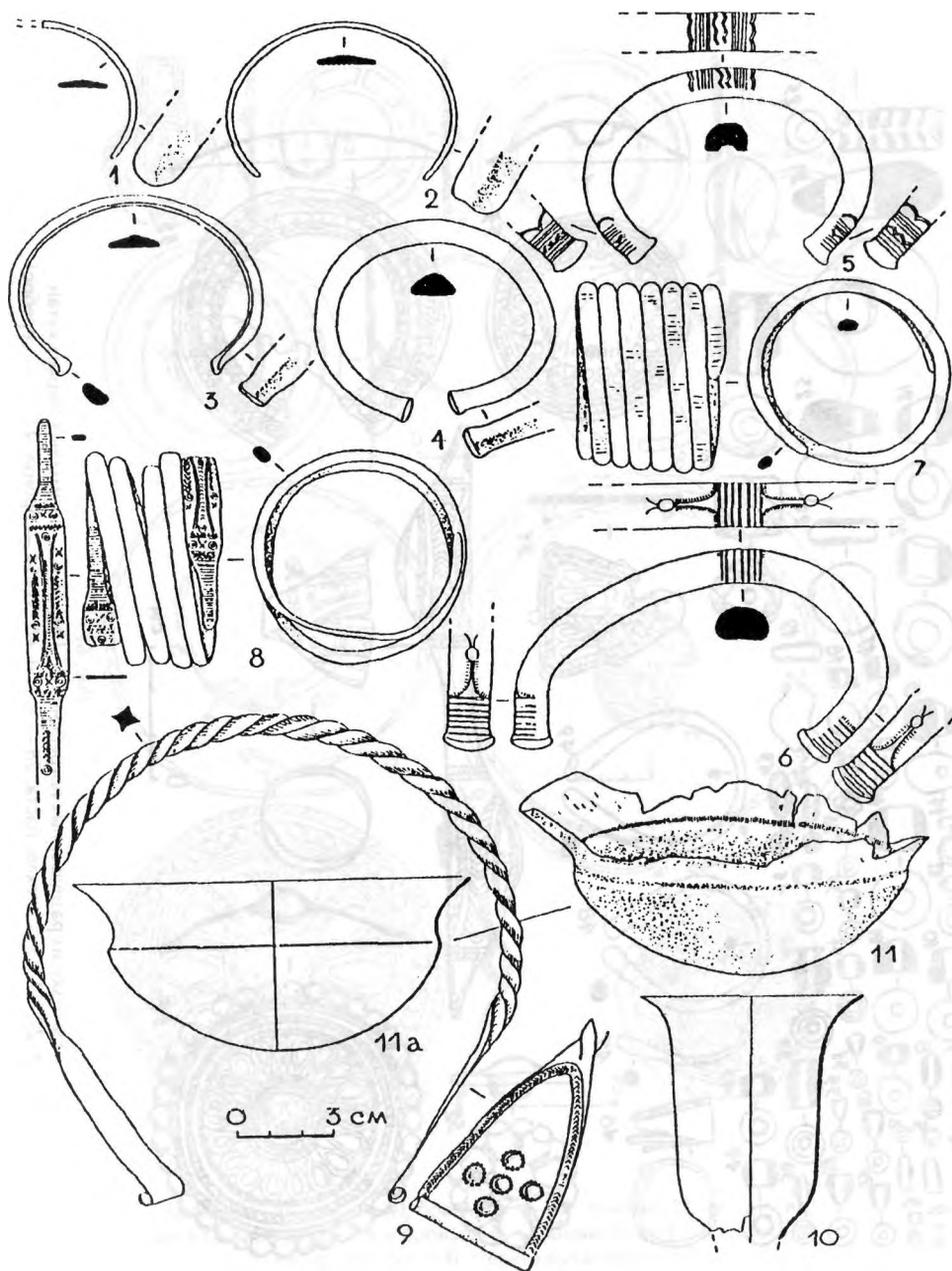


Рис. 68  
 Бронзовые предметы из Шаракунского клада

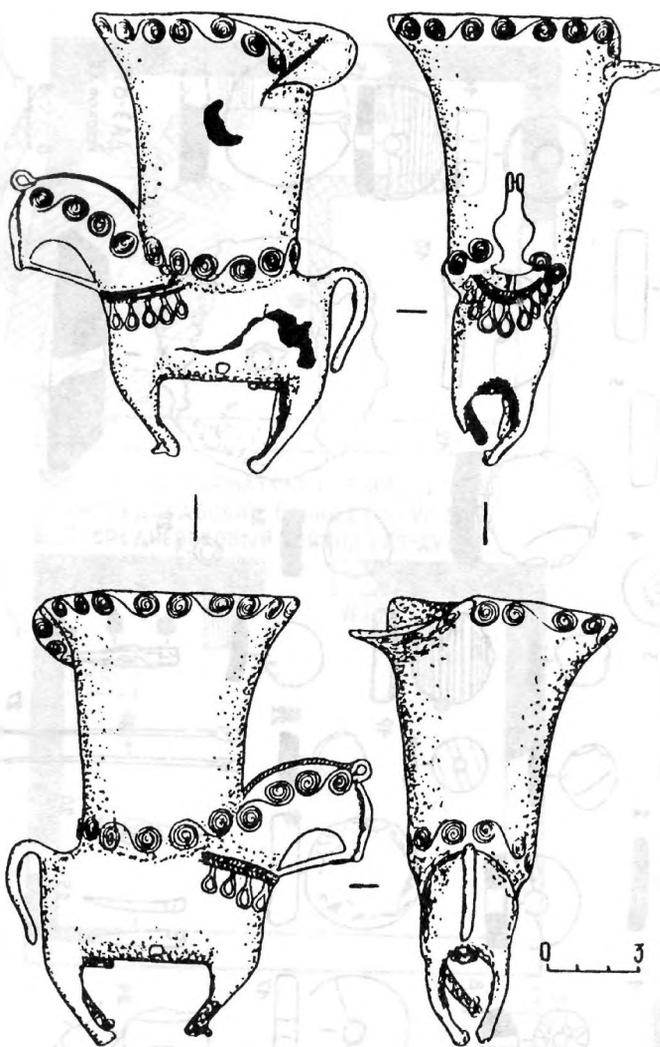


Рис. 69  
Бронзовый ритон из Шаракунского клада



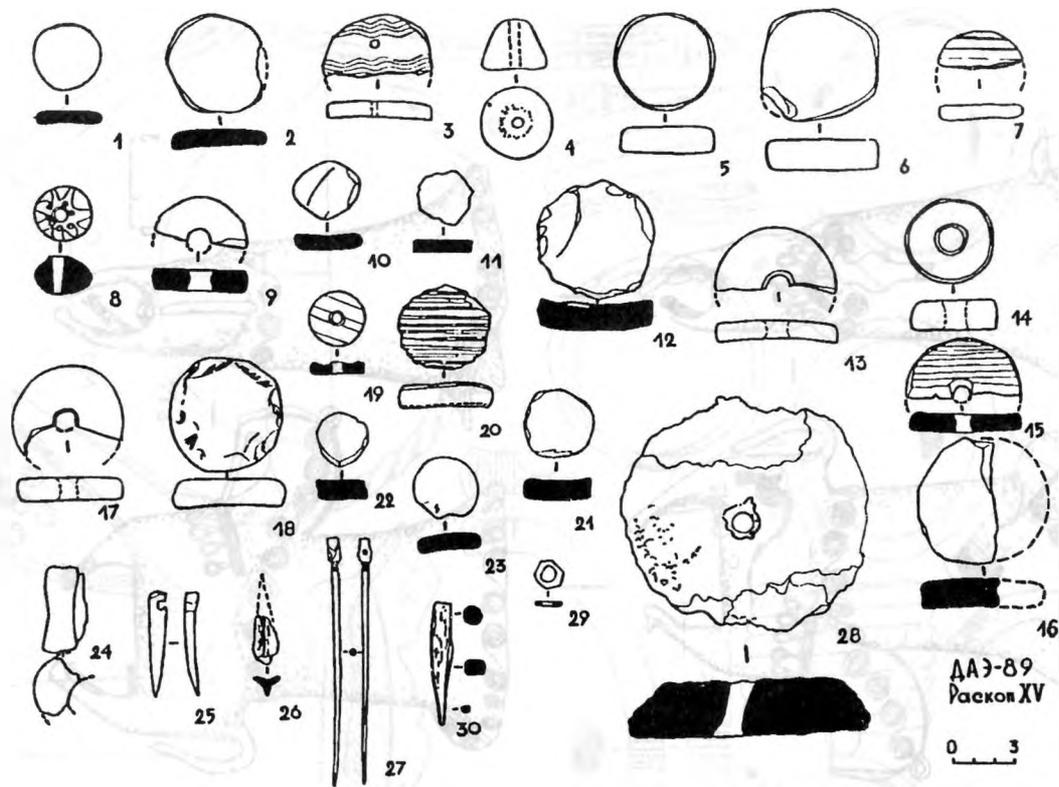


Рис. 70  
 Дербент. Раскоп XV. Пряслища, их заготовки (1-23)  
 и другие отдельные находки первых веков н.э.  
 (1-13, 15, 16, 18-24 — керамика, 14, 17, 28 — камень, 25 — кость,  
 26, 30 — железо, 27, 29 — бронза)

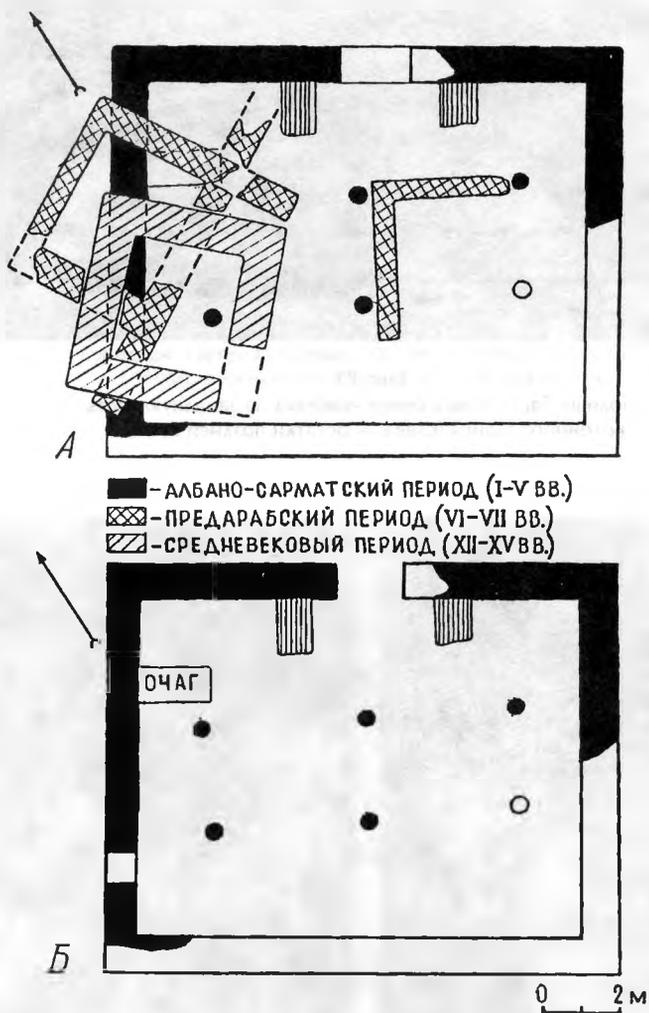


Рис. 71  
 Цитадель городища Таргу. Стратиграфическое положение (А)  
 и план (Б) монументального колонного здания

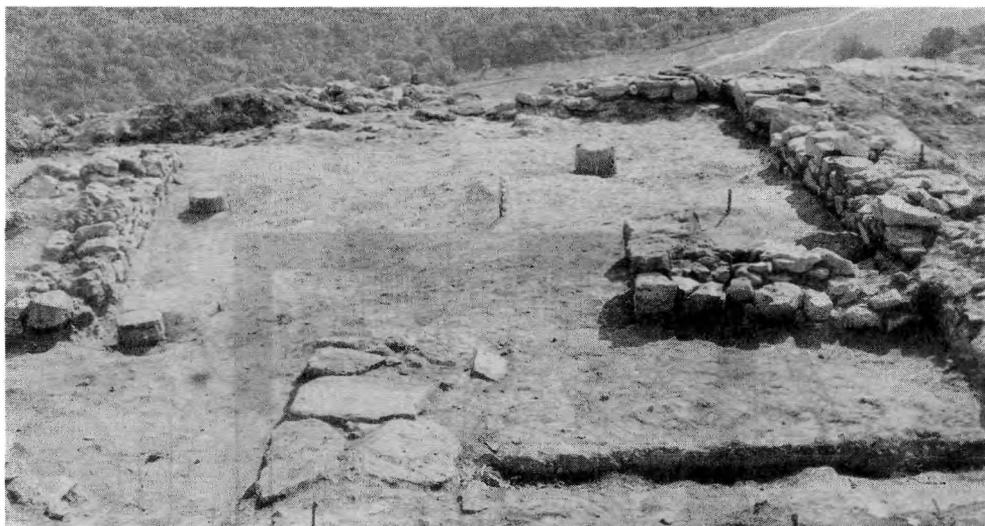


Рис. 72  
Городище Таргу. Вид с северо-востока на западную часть  
колонного здания (слева — остатки поздней стены)

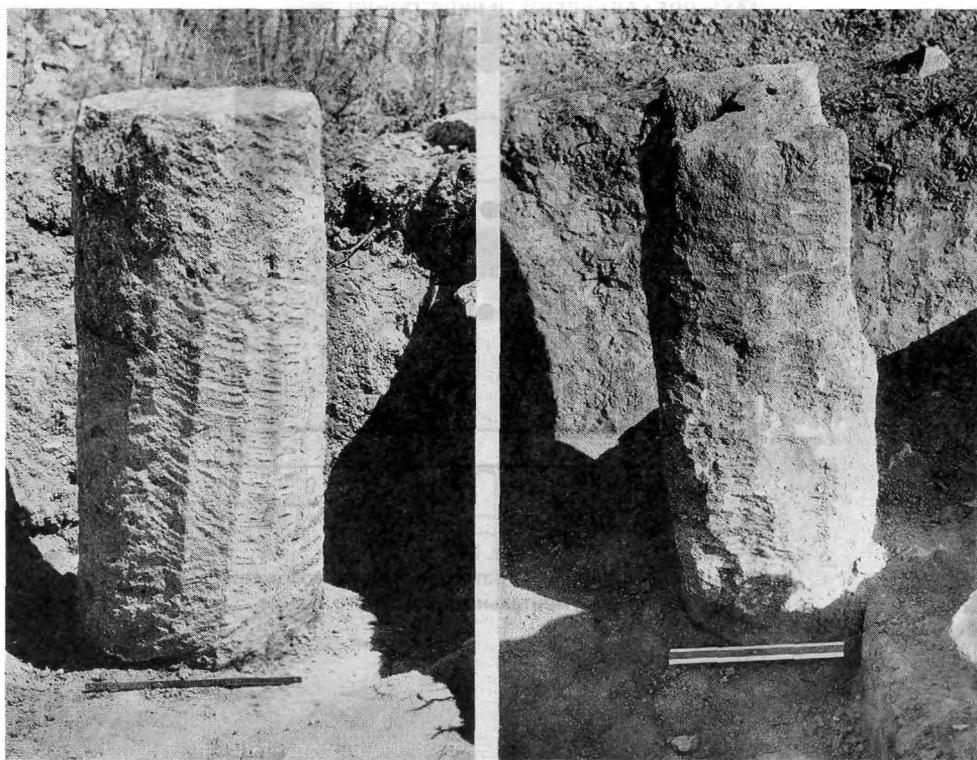


Рис. 73  
Городище Таргу. Базы колонн

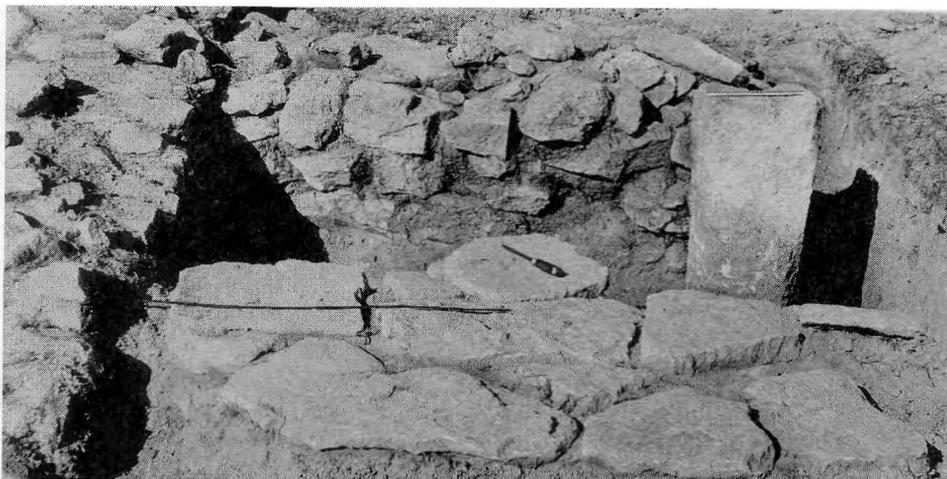


Рис. 74  
Городище Таргу. Западный участок колонного зала с базой,  
остатками плитчатого пола и каменным очагом  
(на западном плане)



Рис. 75  
Городище Таргу. Вид с юго-востока на центральную  
и западную часть колонного здания  
(на переднем плане — остатки поздних стен, разделивших здание)

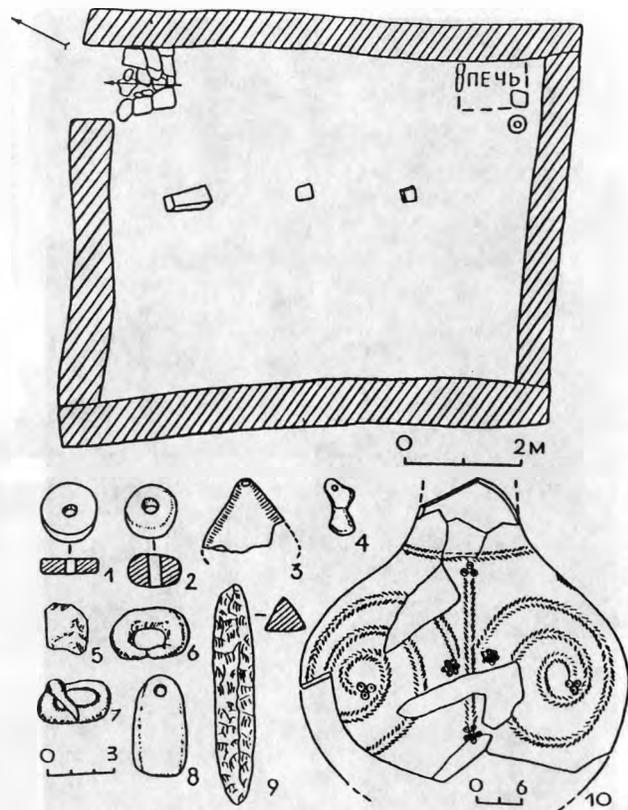


Рис. 76  
 Городище Урзеки. Здание зального типа (раск. 14)  
 и находки из него  
 (1, 3, 10 — керамика, 2, 8 — камень, 4 — паста, 5, 9 — кремль,  
 6, 7 — бронза)

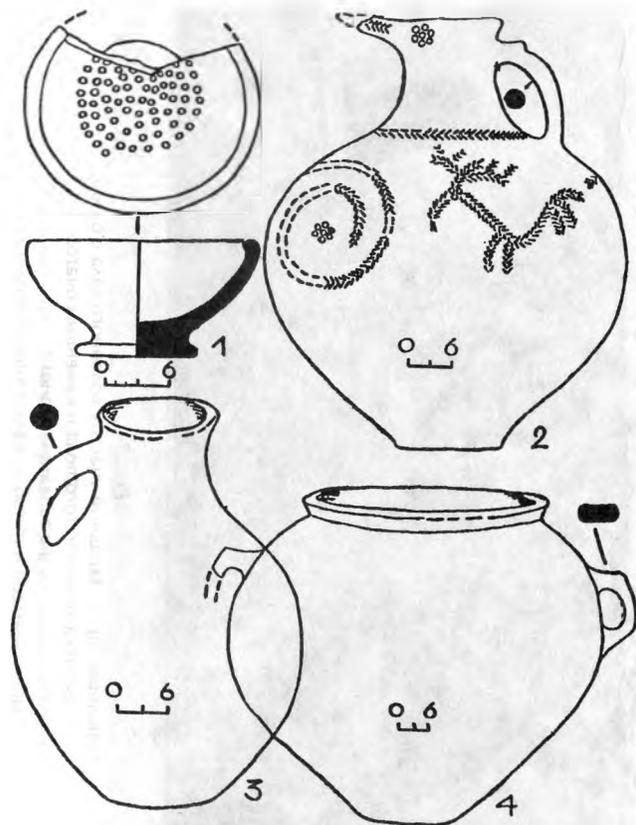


Рис. 77  
 Городище Урзеки. Керамика из помещений 10, 11 раскопа 2



Рис. 78  
Дербент. Раскоп XV Жилишно-хозяйственное помещение первых веков н.э.  
(на переднем плане — зерновая яма и хум)



Рис. 79  
Городище Таргу. Пяточный камень

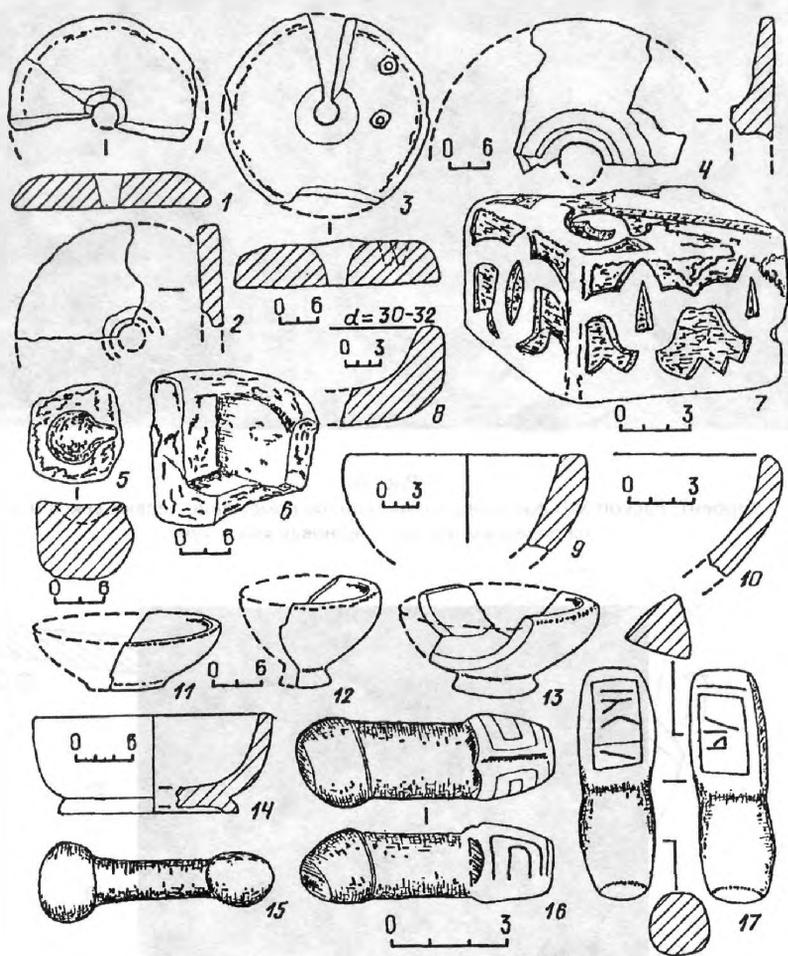


Рис. 80

Изделия из камня (1-14, 17) и меловой породы (15, 16)  
 (1-6, 8, 9 — Дербент, 7, 15-17 — Урзеки, 10 — Таргу,  
 11-13 — Цыйшинский могильник, 14 — Гапшиминский могильник)



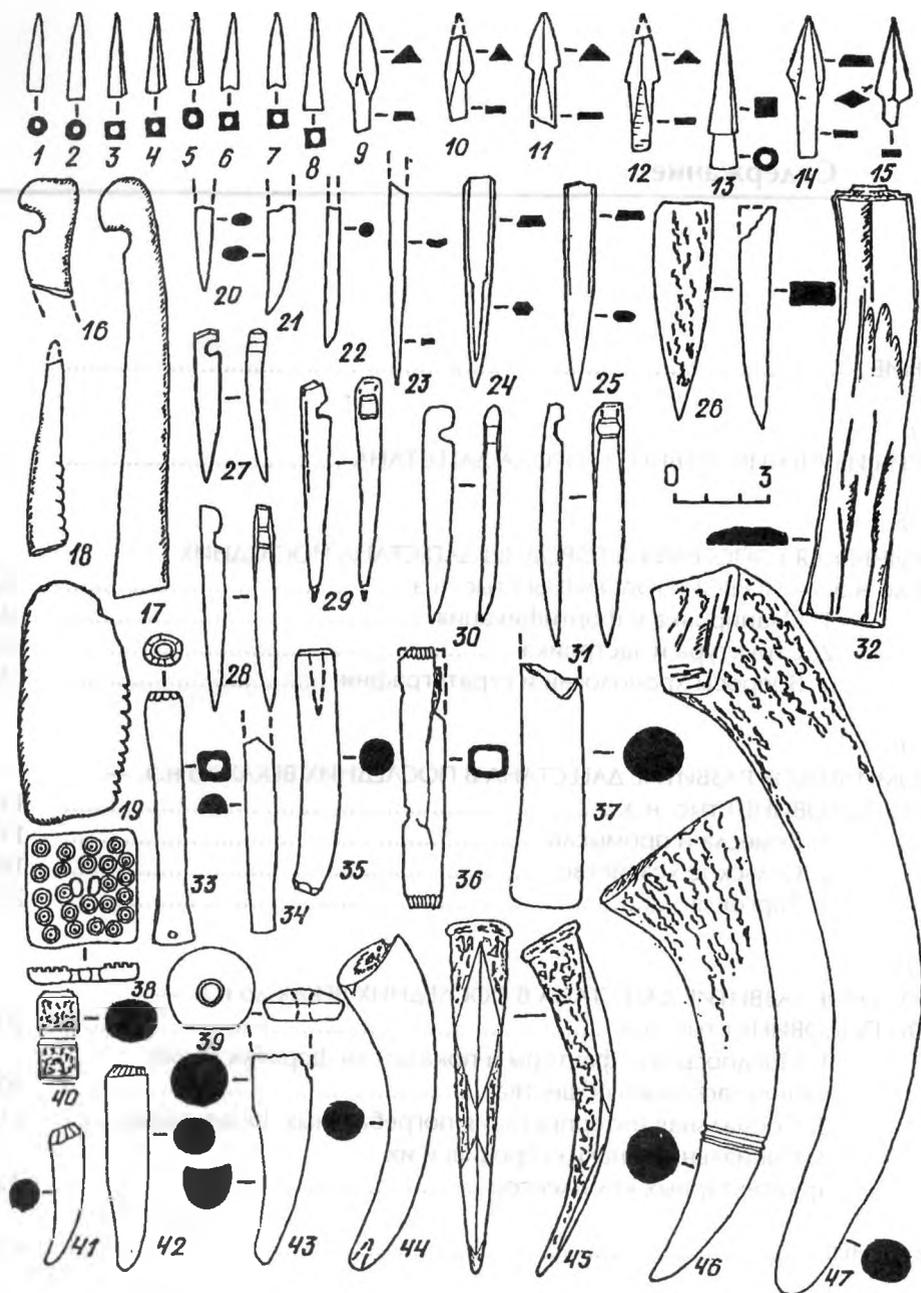


Рис. 81  
 Изделия из кости и рога (1-6 — Шыйшинский могильник,  
 7, 8, 20-47 — Дербент, 9-12 — Охли, 13-19 — Урзеки)



## **Содержание**

---

ВВЕДЕНИЕ .....	3
<i>Глава I</i>	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ГОРОДА ДАГЕСТАНА .....	7
<i>Глава II</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩ ДАГЕСТАНА ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ до н.э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н.э. ....	26
1. Планировка и фортификация .....	26
2. Структура и застройка .....	65
3. Вопросы хронологии и стратиграфии .....	78
<i>Глава III</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В ПОСЛЕДНИХ ВЕКАХ до н.э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н.э. ....	110
1. Ремесла и промыслы .....	110
2. Сельское хозяйство .....	180
3. Торговля .....	202
<i>Глава IV</i>	
СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В ПОСЛЕДНИХ ВЕКАХ до н.э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н.э. ....	205
1. Предпосылки, факторы и показатели формирования раннеклассового общества .....	205
2. Социальная интерпретация погребальных памятников .....	212
3. Социальный анализ городищ и их архитектурных комплексов .....	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	249
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ .....	251
БИБЛИОГРАФИЯ .....	253
ИЛЛЮСТРАЦИИ .....	272